

А.Ю.Алексеев, В.Ю.Мурzin, Р.Ролле

ЧЕРТОМЛЫК

*Скифский царский курган
IV века до н.э.*

А.Ю.Алексеев, В.Ю.Мурзин, Р.Ролле

ЧЕРТОМЛЫК

Скифский
царский курган
IV века до н.э.

А.Ю.Алексеев, В.Ю.Мурzin, Р.Ролле

ЧЕРТОМЛЫК

(Скифский царский курган IV в. до н. э.)

Научно-исследовательский институт
по археологии и этнографии

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1991

Этой обширной монографией специалисты Федеративной Республики Германии и Советского Союза подводят итоги первого советско-западногерманского проекта в области археологии, проекта, который связан с изучением одного из наиболее выдающихся памятников культуры украинских степей. На современном научном уровне продолжены систематические и углубленные исследования памятника, ставшего широко известным более 100 лет тому назад. Использование методов естественных и технических наук дало нам многочисленные новые данные относительно различных сторон жизни древних кочевников, сыгравших значительную роль в общечеловеческой истории.

Эти впечатляющие результаты археологи Киева, Гётtingена и Ленинграда получили благодаря постоянной и длительной помощи Академии наук УССР и Немецкого научно-исследовательского общества. Поэтому данная работа является ярким подтверждением того, что международное сотрудничество и общие усилия позволяют преодолеть все преграды и трудности.

В наших двух странах в различных отраслях знания работает немало активных, талантливых и работоспособных исследователей, которых объединяют общие научные интересы. И представленные в этой книге результаты совместной научной разработки показывают, что, вне всякого сомнения, ученые наших стран стремятся к общей научной цели — объективной истине. Трудную дорогу к этой цели легче одолевать, двигаясь вместе и поддерживая друг друга в своих изысканиях. Хочется надеяться, что вслед за этой работой, открывающей новые горизонты сотрудничества, последуют другие, не менее успешные совместные работы.

Президент Немецкого
научно-исследовательского общества
Г. МАРКЛЬ

Winfried Markl

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина IV в. до н. э.—весьма противоречивый этап в истории Причерноморской Скифии. Так, этот период характеризуется высоким уровнем экономического и социального развития, усилением политической активности скифов-кочевников. Одновременно, в последние десятилетия IV в. до н. э., Скифия, видимо, переживала ряд военных неудач, связанных с усилившимся давлением соседних племен и государств на ее восточные и западные пограничья. Фактически эти годы — канун заката величия скифских племен, внезапно утративших на рубеже IV—III вв. до н. э. значительную часть своей территории и военно-политическое могущество. Но именно к этому времени относится наибольшее число самых примечательных памятников скифской эпохи — так называемых «царских» курганов — уникальных по гробальных сооружений скифской знати.

Богатая яркими событиями и драматическими коллизиями история исследования погребальных памятников высшей скифской аристократии [подробнее см.: Черненко, Мурзин, 1982] началась в 1763 г., когда по поручению генерал-губернатора Новороссийского края А. П. Мельгунова в окрестностях современного Кировограда был раскопан курган скифского вельможи, названный позже по имени инициатора раскопок Мельгуновским. Эти работы явились первым звеном в той цепи блестящих открытий скифских древностей, которые не прерываются и в наши дни. В

их числе раскопки кургана Куль-Оба в Крыму, проведенные в 1830 г. П. Дюбрюксом при участии И. А. Стемпковского, а также начатые в 1852 г. исследования Александропольского кургана в Нижнем Поднепровье, организованные графом Л. А. Перовским, возглавлявшим в то время археологическую службу России [Лазаревский, 1894]. Сенсационные результаты этих исследований стимулировали дальнейшее изучение степных курганных некрополей. Способствовало тому и создание в 1859 г. единого координационного центра русской археологической науки — Археологической комиссии (АК), в обязанности которой входило систематическое и планомерное исследование древних памятников.

Одним из первых шагов комиссии стали раскопки Чертомлынского кургана, проведенные в 1862—1863 гг. неподалеку от г. Никополя нынешней Днепропетровской области членом Археологической комиссии И. Е. Забелиным. Благодаря его усилиям и настойчивости был открыт один из наиболее грандиозных памятников прошлого, выделяющийся на фоне одновременных ему степных курганов монументальностью своих сооружений, обилием и богатством находок, количеством сопровождающих захоронений.

Сразу после окончания раскопок началось изучение обнаруженных в кургане древностей. Работу над материалами чертомлынского погребального комплекса отличала характерная для многих современных исследований особен-

ность: основное внимание уделялось наиболее эффектным вещам, например серебряной амфоре, золотым обивкам ножен и горита и т. п. Но так и не было предпринято комплексное изучение всей совокупности материалов этого памятника, не достаточно четко определено место Чертомлыкского кургана в системе погребений скифской знати. А ведь именно в этих памятниках, и в первую очередь в чертомлыкском комплексе, с наибольшей выразительностью проявились все особенности и характерные черты скифской культуры времени ее наивысшего расцвета: развитие местных ремесел, экономические и политические связи с греческими городами Причерноморья, Грецией, Фракией, общественные отношения, отчасти военная история. Эти памятники, благодаря их многогранному и сложному составу, содержат огромную информацию и фактически являются самым полным источником для изучения культуры скифов IV в. до н. э.

Количество сводных работ, в которых предлагалась сравнительно полная характеристика степных «царских» курганов, относительно невелико [Ростовцев, 1925; Археологія Української РСР, т. 2, 1971; Кубчак, 1978; Мозолевский, 1979; Ролле, 1979]. На многие вопросы, стоящие перед исследователями погребальных памятников скифских «царей», до сих пор нет ответа, а предлагаемые решения нередко дискуссионны, хотя источниковедческая база заметно расширилась за счет раскопок больших скифских курганов, проведенных в последние десятилетия на территории юга европейской части СССР, и прежде всего в степных районах Украины. В числе наиболее ярких открытых — исследования Мелитопольского кургана [Покровская, 1955; Тереножкин, 1955], Гаймановой Могилы [Бидзилия, 1971], 8-го Пятибратного [Шилов, 1961; Брашинский, 1961], Толстой Могилы [Мозолевский, 1979], Бердянского кургана [Чередниченко и др., 1978]. Не меньшее значение имеют и новые исследования на территории Греции и Болгарии, в

частности раскопки так называемой «гробницы Филиппа II», инвентарь которой совпадает с материалами «царских» курганов Северного Причерноморья [Манцевич, 1979; Манцевич, 1980; Андроникос, 1980; Шильц, 1979].

В этой связи необходимо отметить работы Л. К. Галаниной по обобщению и публикации материалов Курджипского кургана, А. И. Мелюковой — Краснокутского кургана, А. П. Манцевич — кургана Солоха, Н. Л. Грач и Л. В. Конопейкиной — кургана Куль-Оба. К настоящему времени накопился определенный опыт современных археологических исследований уже частично раскопанных «царских» курганов. Так, прекрасные результаты дало доисследование кургана Огуз, проведенное ИА АН УССР [Болтрик, 1981].

Все это подготовило почву для возвращения к одному из самых грандиозных памятников скифской культуры — кургану Чертомлык. Возвышавшиеся неподалеку от современного с. Чкалово Никопольского р-на Днепропетровской обл. 9-метровые останцы его курганной насыпи занимали значительную площадь, перекрывая, по сути, не менее двух третей всей подкурганной поверхности. Это позволяло надеяться, что повторные раскопки Чертомлыка если не дадут каких-либо новых результатов, то уже во всяком случае помогут гораздо глубже понять характер и особенности этого эталонного для скифской культуры памятника. Не вызывала сомнений и необходимость тщательной проработки огромной коллекции материалов Чертомлыкского кургана, полученных И. Е. Забелиным во время раскопок центральной гробницы и хранящихся ныне в собрании Государственного Эрмитажа. В результате Институт археологии АН УССР в самом конце 70-х годов начал подготовительные работы к повторному исследованию Чертомлыка, а в 1981—1986 гг. они проведены в полном объеме совместной экспедицией Института археологии АН УССР и Немецкого научно-исследовательского общества в Бонне (ФРГ), созданной в рамках Со-

глашения о сотрудничестве между Академией наук СССР и Немецким научно-исследовательским обществом. Одновременно в стенах Государственного Эрмитажа началась систематизация материалов Чертомлыка, полученных в прошлом веке, и подготовка к их полной публикации. Со временем усилия различных научных учреждений удалось объединить. Их итогом является настоящая монография, авторский коллектив которой представлен археологами Киева, Ленинграда и Геттингена.

Коллекция находок из Чертомлыкского кургана насчитывает около 7000 предметов. Количество подлежащих описанию вещей настолько велико, что единственным возможным решением авторы сочли подготовку скжатого, но информативного каталога с привлечением большого числа иллюстраций. Вопросы хронологии вещей, технологические и исторические аспекты их атрибуции рассматриваются в исследовательских разделах приложения. Значительная часть работы посвящена стратиграфии, планировке и погребальным сооружениям Чертомлыка и написана на основании данных, полученных И. Е. Забелиным, и материалов, собранных в ходе исследования кургана.

Документация, отражающая результаты раскопок И. Е. Забелина и привлекаемая авторами, состоит из неопубликованных дневников, зарисовок, черновых набросков отчетов и ряда других документов из архива АК [Арх. ЛОИА, ф.1, д. 2, 1862 — далее ААК], архива И. Е. Забелина [ГИМ, ОПИ, ф. 440 — далее А3], опубликованного отчета о раскопках [ДГС, с. 74—118]*. Помимо этих материалов ряд сведений содержит неопубликованный рукописный каталог коллекции Чертомлыкского кургана, подготовленный в конце XIX в. хранителем скифских древностей Эрмитажа Г. Е. Кизерицким (находится в Отделе истории первобытной культуры

Государственного Эрмитажа), некоторые дела из архива Эрмитажа, инвентарные книги музея.

Коллекция находок, хранящихся в Эрмитаже, состоит из двух частей. Вещи с инвентарными номерами Дн 1862 2/... и Дн 1863 1/..., как правило, легко отождествляются с описанными в отчете И. Е. Забелина. Другая часть вещей — с инвентарными номерами Дн 1862—1863 1/..., которая, как значится в инвентаре ОИПК, «лежала вместе с вещами из Чертомлыкского кургана», атрибутируется далеко не всегда надежно. Но в целом принадлежность этой части коллекции к комплексу Чертомлыка сомнений не вызывает.

Отчеты о доисследовании кургана Чертомлык хранятся в Научном архиве Института археологии АН УССР, а вещи, найденные в ходе этих работ, — в фондах Института.

Авторы монографии выражают признательность коллегам, оказавшим помощь в подготовке работы. В частности, по просьбе авторов ряд специалистов подготовил отдельные статьи, затрагивающие те или иные аспекты изучения чертомлыкского комплекса, которые включены в настоящее издание в качестве приложений. Едва ли была возможна публикация этой работы без участия сотрудников Чертомлыкской экспедиции, осуществлявшей доисследование кургана. Так, антропологические материалы обрабатывались в поле С. И. Круц и М. Шульцем, палеозоологические — О. П. Журавлевым. Полевые чертежи выполнены В. Херцем и М. М. Иевлевым, фотографии — М. Ш. Петковским и В. Херцем. Фотосъемки вещей из коллекции Государственного Эрмитажа осуществлены В. С. Теребениным, а вещей из фондов Института археологии АН УССР — М. Ш. Петковским. Особую благодарность авторы выражают коллективу Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината и жителям с. Чкалово, дружеская помощь и поддержка которых значительно облегчила работу Чертомлыкской экспедиции.

* Если в ссылке на ДГС специально не оговорен том этого издания, то здесь и далее имеется в виду т. 2.

Глава I

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРТОМЛЫКСКОГО КУРГАНА

1. Исследователь Чертомлыка И. Е. Забелин

Большие, а нередко и малые научные открытия, часто приобретают хрестоматийную известность в сочетании с именами их авторов. Этим справедливо отдается должное таланту, знаниям, интуиции или удаче исследователей. В специальных, узких областях науки то или иное явление связывается с именем его первооткрывателя обычно лишь в сознании профессионала. Характерно это и для скифологии, раздела археологии, изучающего удивительный феномен — культуру скифов, ираноязычных кочевников, обитавших в Северном Причерноморье в I тыс. до н. э.

Раскопки Чертомлыкского кургана, возможно, наиболее замечательного и известного памятника Скифии IV в. до н. э., тесно связаны с именем Ивана Егоровича Забелина, русского историка и археолога, исследовавшего курган в 1862—1863 гг.* (см. фото на вклейке).

И. Е. Забелин родился в 1820 г. в Твери, но вся его жизнь, и личная и научная, была связана с Москвой. Здесь он начал свою деятельность, работая канцелярским служителем второго разряда в Оружейной палате при М. Н. Загоскине (автор одного из наиболее популярных в России исторических романов «Юрий Милославский» и других произведений по русской истории), и здесь же закончил ее в 1908 г., оставаясь фактически главой Исторического музея. Однако задолго до этого, в 1859 г., будучи неудовлетворен состоя-

нием своих служебных дел, он принял приглашение графа С. Г. Строганова работать в Императорской археологической комиссии в Санкт-Петербурге.

Археологическая комиссия была организована в 1859 г., и в этом же году почти сорокалетний коллежский асессор И. Е. Забелин в качестве младшего члена комиссии впервые посетил и осмотрел Чертомлыкский курган, приступив к археологическим изысканиям на юге Украины в бывшей Екатеринославской губернии. В это время И. Е. Забелин был уже известным историком, но еще совершенно неопытным археологом. К раскопкам грандиозного по своим размерам Чертомлыкского кургана он приступил не сразу, а лишь три года спустя. На протяжении трех полевых сезонов 1859—1861 гг. И. Е. Забелин раскопал несколько небольших курганов, и эту работу следует считать первым научным и планомерным исследованием погребальных памятников, проведенным в причерноморской степи.

Оценка деятельности Забелина-археолога русскими и советскими учеными всегда была неоднозначной и колебалась от восторженной до совершенно негативной. Эти колебания ощущаются до сих пор. Современники, признавая и отдавая должное энтузиазму, теоретическим знаниям и практическим наработкам, критиковали его методические приемы и последующие истолкования результатов раскопок и находок [Анучин, 1909, с. 22 и сл.]. Археологи следующего поколения, имея возможность сравнить качество ведения полевых ра-

* Подробнее о жизни и научной деятельности И. Е. Забелина см. прил. 1.

бот своих предшественников, отмечали высокий уровень, тщательность и точность наблюдений И. Е. Забелина [Арциховский, 1948, с. 5 и сл.]. В то же время он обвинялся в якобы не всегда добросовестном ведении раскопок и наблюдений за ними [Семенов-Зусер, 1939, с. 63–88].

В последние годы скифологи, специальными занимающиеся изучением памятников, раскопанных И. Е. Забелиным, склоняются к мысли, что он, пожалуй,— один из лучших полевых исследователей дореволюционной России [Мелюкова, 1981, с. 4–6; Алексеев, 1982, с. 6]. Оценка его как археолога «не ниже, но и не выше среднего уровня» [Формозов, 1984, с. 114] представляется не вполне правомерной. Иван Егорович Забелин — один из тех ученых, которые способствовали формированию отечественной археологии как науки. В своих теоретических работах он одним из первых определил методологические основы, предмет и цели археологии, ее соотношение с историей [Ганжа, 1982, с. 225–232]. А его теоретические представления во многом остаются актуальными и в настоящее время [Забелин, 1878, с. 1–17].

Характеризуя полевую деятельность И. Е. Забелина, следует отметить, что опубликованный отчет о раскопках Чертомлыкского кургана [ДГС] является документом, основанным на большом числе заметок, дневниковых записей, содержащих самые разные сведения о памятнике. Знакомство с этим материалом вызывает глубокое уважение к Забелину-ученому, рассматривавшему свою археологическую деятельность как исследование исторических памятников, где все, а не только конечный результат, важно и значительно.

Археологическая деятельность И. Е. Забелина была вынужденным, хотя и продолжительным эпизодом в его жизни. Вероятно, он больше радо-

вался не результатам раскопок Чертомлыкского кургана, а выходу в 1862 г. в Москве первой части одного из главных в своей жизни трудов: «Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.» Но нельзя сказать, что археологическая деятельность была для И. Е. Забелина лишней и не нужной. Знакомство с археологией нашло отражение и в его книге «История русской жизни с древнейших времен», выпущенной двумя изданиями [1876, ч. 1; 1879, ч. 2]. Правда, отзывы специалистов об этой книге были довольно критическими, особенно в отношении освещения древнейших периодов истории России и свободы при построении гипотез [Ключевский, 1983, с. 170 и сл.]. Действительно, наиболее уверенno чувствовал себя И. Е. Забелин в истории средневековой России, недаром изучение именно этого периода привело к попытке отыскания истоков русской истории в целом. И. Е. Забелин был историком по призванию и археологом по обстоятельствам, и последние все же сложились в пользу археологии.

И. Е. Забелин прожил долгую и внешне неяркую жизнь («в походах против неприятеля, штрафах, под следствием и судом, а также и отпусках не был»).

Умер И. Е. Забелин в 1908 г. В его «Духовном завещании» написано: «Наследниками своими я почитаю только свою родную дочь Марию Ивановну Забелину и Императорский Российский Исторический музей... Никаким другим наследникам, могущим когда-либо появиться, я не оставляю ни порошинки» [АЗ, ед. хр. 1, л. 132 и сл.]. В одном И. Е. Забелин не ошибся. Не упомянутые им в завещании наследники действительно появились и все же сумели получить (и здесь И. Е. Забелин, к счастью, оказался неправ) нечто большее, чем он сам, может быть, полагал своим наследством, — результаты его плодотворной научной работы.

2. Раскопки кургана И. Е. Забелиным в 1862—1863 гг. Судьба коллекции

Чертомлыкский курган (первоначальное местное название — Толстая Могила) расположен на правом берегу Нижнего Днепра, в 30—35 км к северо-западу от г. Никополя, в бывшей зоне типчаково-ковыльных степей*, на землях нынешнего колхоза им. Карла Маркса, в 3—3,5 км к северо-западу от с. Чкалово. Впервые современное название (Толстая Чертомлыкская Могила) появилось в 1862 г. в письмах председателя АК С. Г. Строганова. Курган получил свое имя по названию речки, протекавшей невдалеке, и одноименных ей хуторов.

Он замыкал с востока курганную группу, насчитывающую несколько десятков насыпей и протянувшуюся цепочкой по линии запад — восток. В 25—30 м к западу от него находилась Долгая Могила. Некоторые из этих курганов раскопаны в 1979—1986 гг.

Раскопки Чертомлыкского кургана еще в 1853 г. предполагала начать Археографическая комиссия**. С этой целью был заключен договор с владельцем имения, на земле которого находился курган — генерал-майором Зейфартом. По-видимому, какие-то незначительные работы (может быть, осмотр, обмеры) уже были предприняты, так как в 1862 г. о них упоминала новая владелица поместья Е. П. Зейфарт. Начавшаяся в 1854 г. Крымская война прервала все работы на девять лет, и исследование кургана возобновила уже Археологическая комиссия. В феврале — марте 1862 г. АК восстановила договор с помещицей Е. П. Зейфарт («владелица» кургана должна была получить третью часть находок или треть стоимости уникальных предметов), и 26 мая этого же года И. Е. Забелин приступил к работе.

Работал И. Е. Забелин совместно с титулярным советником Вольским, проектором Новороссийского университета, которому вменялись в обязанность помочь и наблюдение за первоначаль-

ными раскопками кургана и которому И. Е. Забелин должен был на месте дать необходимые указания относительно ведения работ, а сам заняться «расследованием одного из остальных замечательнейших курганов тамошнего края» по своему усмотрению [Арх. ЛОИА, ф. 1, 1862, д. 2, л. 5]. Но далее в порядок работ, судя по всему, были внесены изменения, и все исследование Чертомлыкского кургана осуществлялось самим И. Е. Забелиным. Раскопки планировалось закончить через два года. В первый полевой сезон И. Е. Забелин должен был «повести работы так, чтобы в будущем году уже можно было углубиться в материки» и лишь в 1863 г. приступить к исследованию открытых погребений [АЗ, ед. хр. 256, л. 80; Арх. ЛОИА, ф. 1, 1862, д. 2, л. 9]. Ни в средствах (всего ему было отпущено АК 14 тыс. руб.), ни в рабочей силе (максимальное количество рабочих с подводами, задействованных на второй год раскопок, составляло 116 человек) И. Е. Забелин особого недостатка не испытывал, однако и возможностями для полного исследования памятника, как выяснилось, не располагал. Подрядчиком был опытный человек, с которым И. Е. Забелин раскопал к тому времени уже не один курган, — черкасский мещанин М. М. Сухарев.

В первый сезон, с 26 мая и по 14 июля 1862 г., исследование насыпи было прекращено на глубине 7 саженей (около 15 м). Все основные земляные работы, включавшие и раскопки открытых погребальных камер, были завершены к 14 августа 1863 г. И. Е. Забелин уже в поле фиксировал результаты сво-

* Подробнее характеристику данного региона см. в прил. 3, 4.

** Некоторые сведения о предыстории исследования кургана приводятся И. Б. Брашинским [1967, с. 63—68; 1979; с. 61—66], а ход раскопок освещен в опубликованном отчете И. Е. Забелина.

их исследований. Сохранились его полевые дневниковые заметки с данными обмера кургана, сведениями о его истории, описаниями работы за многие дни и не очень многочисленные рисунки и чертежи [АЗ, ед. хр. 253], на основе которых затем составлялись отчеты, регулярно присыпавшиеся председателю АК С. Г. Строганову, а также дневник раскопок за 1862—1863 гг., описи находок и рукописи статей об исследовании кургана. Эти заметки говорят о чрезвычайно тщательном отношении И. Е. Забелина к своим обязанностям: он контролировал рабочих и их выработку (сохранились листы со схемами размещения рабочих на кургане), обращал внимание на все необычное и неизвестное, отмечал последовательность работ, местоположение отдельных находок, прослеживал многие интересные детали в структуре памятника, например многослойность насыпи [АЗ, ед. хр. 258, л. 306; ДГС, с. 115—117]. Именно такой подход привел к успешному завершению исследования Чертомлыкского кургана.

Следуя договору с Е. П. Зейфарт, ей уже в 1862 г. была передана третья часть вещей, обнаруженных в насыпи кургана (дублеты и «дефектные» экземпляры железных удил и бронзовых блях). Договор выполнялся и в дальнейшем: часть находок (удила, гвозди, скобы, ножи, наконечники стрел, пластины поясов) передавались в экономию

помещицы, а часть (без золотых вещей) была оплачена деньгами в сумме 400 руб. Из золотых находок Е. П. Зейфарт отошли некоторые детали конского снаряжения и ряд других изделий. Руководство АК и Эрмитажа, понимая значение сохранения коллекции как единого комплекса*, настаивало на приобретении за 3000 руб. части, принадлежащей Е. П. Зейфарт. Первоначально владелица отказывалась продать доставшиеся ей предметы, но в 1865 г. все же дала согласие на их продажу и поручила своему зятю А. Г. Казначееву вести дела. В известность было поставлено министерство императорского двора, ведавшее такого рода приобретениями, еще раньше было получено разрешение императора Александра II. Но из-за бюрократических проволочек и задержек вещи не были куплены, их дальнейшая судьба неизвестна [Арх. ГЭ, оп. V, 1865, д. 10, л. 48].

В 1864 г. все находки из Чертомлыкского кургана, кроме отошедших Е. П. Зейфарт, были переданы в Эрмитаж. К сожалению, ряд вещей, найденных в кургане (помимо доли Зейфарт) не поступил в Петербург, например часть предметов конского снаряжения, которые отбирались И. Е. Забелиным по принципу наилучшей сохранности, и керамические находки из насыпи (за исключением клейменых амфорных ручек) и погребальных камер**.

Методика раскопок кургана была на достаточно высоком уровне. Верхнюю часть насыпи (около 6 м) сняли полностью, затем курган с запада на восток прорезали траншеей, ширина которой у материка достигала 16 саженей (около 34 м). Несомненно, И. Е. Забелин считал, что исследование насыпи должно вестись в целом, но осуществить это так и не удалось. На уровне материка в южной половине также была пророжена траншея по линии север — юг (длина около 32 м, ширина около 17 м), а в северную половину пробиты три небольшие поисковые ниши (рис. 1). Погребальные камеры исследовались полностью со всей тщательностью и предо-

* Из рапорта Гофмаршала Шувалова министру императорского двора: «... г. Гедеонов (директор Эрмитажа.—Авторы) присовокупил, что найденные в Чертомлыкском кургане древности до той степени драгоценны и редки, что присоединение их к единственной в мире коллекции Эрмитажа могло бы почесться крайне счастливым для императорского Музеума событием» [Арх. ГЭ, оп. V, 1865, д. 10, л. 38].

** А. П. Манцевич считала, что амфоры из Чертомлыка могут храниться неопознанными в Эрмитаже [1975, с. 73]. Но вряд ли это так, поскольку все амфоры из камер найдены раздавленными [ДГС, с. 92, 96, 105]. Маловероятно и то, что они хранятся в фондах Днепропетровского музея [Брашинский, 1965, с. 100, сн. 50, 51].

сторожностями. Но нераскопанные останцы кургана, которые вплоть до недавнего времени возвышались у с. Чкалово Днепропетровской обл., все же

придавали работам И. Е. Забелина оттенок незаконченности и вызывали неизменный интерес последующих поколений археологов.

3. Доисследование кургана (1979—1986 гг.)

В последние десятилетия интерес к частично сохранившемуся кургану особенно возрос. И это вполне закономерно. Прежде всего потому, что в послевоенный период на юге Украины развернулись массовые, невиданные ранее по масштабам исследования курганных могильников, вызванные, в свою очередь, активизацией проводимых здесь мелиоративных работ.

Сооружение крупных оросительных систем, связанные с этим прокладка каналов и планировка будущих поливных полей, охватившие обширные районы северопричерноморской степи, потребовали от археологов, в соответствии с действующим в СССР Законом об охране памятников истории и культуры, значительных усилий для исследования всех археологических объектов, попадавших в зону строительства.

Основную нагрузку взяли на себя специалисты Института археологии АН УССР, в короткий срок создавшие ряд крупных экспедиций, предназначенные для работы в Запорожской, Херсонской, Николаевской, Одесской и других южных областях республики.

Результаты широких археологических изысканий не замедлили сказаться. Непрерывное поступление новых материалов значительно расширило традиционный круг источников и в целом положительно отразилось на развитии ряда отраслей историко-археологической науки, и в первую очередь скифоведения.

Курган Чертомлык, находившийся в зоне крупных археологических исследований, естественно, не мог не привлечь самого пристального внимания, тем более что в 60-е годы в непосредственной близости от него — в окрестностях г. Орджоникидзе — начала работу

археологическая экспедиция, возглавляемая одним из крупнейших советских специалистов по археологии раннего железного века, создателем киевской школы скифологии А. И. Тереножкиным.

А. И. Тереножкин неоднократно осматривал курган, вынашивая самые серьезные планы в отношении его доисследования. В целесообразности таких работ сомнений не было: обширные останцы курганной насыпи не только давали возможность провести подробные стратиграфические наблюдения, но под ними могли находиться новые, не обнаруженные И. Е. Забелиным захоронения. Не все было ясно и в конструкции сооружений, открытых им в центре кургана. Разрешить возникшие в среде археологов разногласия относительно трактовки этих сооружений (на существе этих споров мы остановимся в следующем параграфе) могли бы повторные раскопки кургана. Не было препятствий для проведения таких работ и с технической стороны — применение при раскопках мощной землеройной техники, методика использования которой была хорошо отработана при исследовании рядовых скифских курганов, делало вполне выполнимой поставленную задачу. Однако более насущные и первостепенные дела, в первую очередь охранные археологические исследования, не позволили А. И. Тереножкину осуществить свои замыслы в отношении Чертомлыка.

Новый импульс планы доисследования Чертомлыка получили после того, как стало ясно, что рано или поздно курган неизбежно попадет в полосу движения одного из карьеров Орджоникидзевского горно-обогатительного комби-

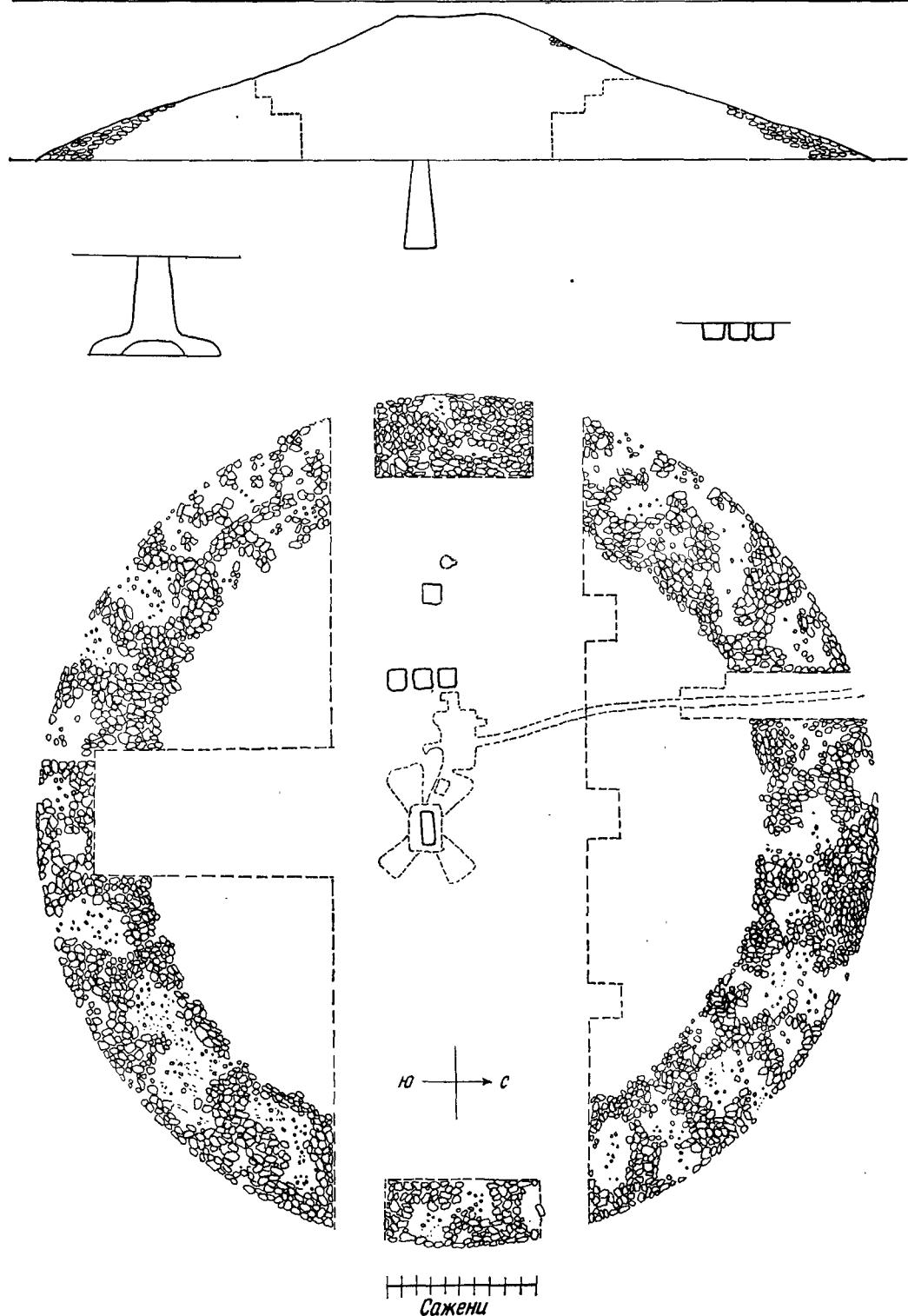

Рис. 1. План и разрез кургана Чертомлык (по И. Е. Забелину).

Рис. 2. Исследование одного из останцев курганиной насыпи.

пата. Доисследование этого выдающегося памятника скифской культуры превратилось, таким образом, в настоящую необходимость.

Организацию работ взял на себя Б. Н. Мозолевский, продолживший после А. И. Тереножкина археологические исследования в районе г. Орджоникидзе и раскопавший в его окрестностях десятки скифских курганов, в том числе ставший впоследствии знаменитым курган Толстая Могила.

В 1979 г. им было начато доисследование Чертомлыка. Прежде всего были предприняты раскопки курганов, непосредственно примыкавших к Чертомлыку и мешавших проведению работ на нем: кургана № 1, находившегося в 43 м к юго-востоку от Чертомлыка, и Долгой Могилы у западной полы по-

следнего. В кургане № 1 обнаружено скифское захоронение V в. до н. э., а в кургане Долгая Могила — 16 погребений эпохи энеолита и бронзы.

На самом Чертомлыке [Мозолевский и др., 1979] велись лишь разведочные работы — в частности проведены поиски кольцевого рва, обычно окружавшего скифские курганы. Для этого с помощью бульдозера к северу, юго-западу и западу от кургана пробили траншеи. Ров обнаружить не удалось, однако в западной траншее, в 17 м от полы Чертомлыка, открыли безынвентарное захоронение в небольшой катакомбе. Датировка этого погребения и его связь с Чертомлыком не выяснены [Мозолевский и др., 1979, с. 36].

В конце 1979 — начале 1980 г. приять участие в раскопках Чертомлыка изъявило желание Немецкое научно-исследовательское общество в Бонне (ФРГ). Предусматривалось проведение

Рис. 3. Обмеры участка № 1 каменной крепиды.

совместных работ советских археологов и специалистов ФРГ как на кургане Чертомлык, так и на территории г. Ольденбурга (ФРГ), где находится крупное славянское городище. Согласование всех вопросов, возникших в ходе переговоров между двумя сторонами, потребовало определенного времени. Поэтому работы на Чертомлыке возобновились лишь в 1981 г., когда к его исследованием приступила совместная экспедиция во главе с Б. Н. Мозолевским.

В течение полевого сезона 1981 г. была произведена вертикальная зачистка западной стенки южного останца курганной насыпи, выполнены поперечные разрезы (по линии юг — север) северного и южного останцев, в результате которых насыпь кургана была разделена на четыре части — юго-восточный, юго-западный, северо-восточный и северо-западный останцы. Значительные усилия были предприняты и в цент-

ре кургана, где попытались вновь открыть обширную центральную гробницу, исследованную И. Е. Забелиным. С этой целью в границах раскопа И. Е. Забелина с помощью мощных бульдозеров и скреперов заложили по линии запад — восток траншею шириной 24 м. Однако на глубине около 7—7,5 м от погребенного чернозема траншея всплыла в слои влажного грунта, в котором вязла землеройная техника. Пробитая ручным буром 13-метровая скважина показала, что на глубине, соответствующей уровню дна центральной гробницы, почва насыщена грунтовыми водами. Этот неутешительный факт подтвердили и гидрогеологи управления «Укргерметгеология», пробурившие с помощью механического бура еще две скважины. Отобранные при этом образцы

грунта не оставляли сомнений в том, что нижняя часть открытых И. Е. Забелиным погребальных сооружений попала в мощный слой плывуна, образовавшегося уже после его раскопок (см. прил. 5). Поэтому дальнейшие попытки исследовать центральную гробницу были прекращены [Мозолевский, 1981]*. В ходе раскопок возникли организационные трудности, во многом связанные с отсутствием опыта совместной работы у сотрудников экспедиции. Это привело к тому, что в раскопках Чертомлыка наступил еще один вынужденный перерыв.

Работа возобновилась вновь с 1983 г. Руководил экспедицией на протяжении этого и последующих лет В. Ю. Мурзин. Группу археологов ФРГ постоянно возглавляла профессор Геттингенского университета Р. Ролле. Неизменными сотрудниками экспедиции являлись антропологи С. И. Круц и М. Шульц, инженеры В. Херц и М. М. Иевлев, фотограф М. Ш. Петковский.

Летом 1983 г. были исследованы юго-западный и юго-восточный останцы курганной насыпи (рис. 2). Подлинным открытием года стала расчистка хоро-

шо сохранившегося участка (№ 1) каменной крепиды в юго-западном секторе кургана (рис. 3). В 1984 г. работа сосредоточилась на северо-западном и северо-восточных останцах курганной насыпи. Под первым из них открыто погребение № 1, содержащее сопровождающее захоронение слуги, связанное с комплексом центральной гробницы, и расчищены еще два участка каменной крепиды: № 2 и 3 (рис. 4). В течение полевого сезона 1985 г. исследовалась впускная Северная могила, изучался участок № 4 каменной крепиды. 1986 г. был завершающим. На протяжении последнего сезона исследовано внутреннее строение каменной крепиды, защищена вся подкурганная поверхность. Под отвалами, образовавшимися в ходе раскопок И. Е. Забелина, к северо-западу от Чертомлыка, открыт небольшой курган с ограбленным скифским погребением, совершенным в яме с подбоем (курган № 53). Кроме того, на протяжении 1983—1986 гг. в окрестностях Чертомлыка раскопано еще более 50 курганов, содержащих главным образом погребения скифского времени.

4. История изучения материалов Чертомлыкского кургана

Чертомлыкский курган сразу после раскопок И. Е. Забелина привлек пристальное внимание ученых. Материалы этого памятника изучались в основном в двух аспектах: анализ отдельных находок (искусствоведческий анализ, изучение технологии производства, датировка) с целью получить общее представление о комплексе (этот аспект особенно отчетливо проявился в работах дореволюционных археологов, хотя остается заметным и в наши дни); место кургана в системе нижнеднепровских погребений скифской знати IV—II вв. до н. э. Такой подход начал разрабатывать И. И. Ростовцев, а дальнейшее раз-

витие он получил в исследованиях советского периода.

Первую интерпретацию находок Чертомлыкского кургана предложил Л. Стефани [1865, с. 1—182]. Его внимание привлек ряд наиболее эффектных предметов: серебряная амфора, золотые обкладки ножен и горита, некоторые пластинки от головных уборов и перстни. Весь вещевой комплекс он отнес к IV в. до н. э. Большинство вещей признаны изделиями греческих мастеров, работавших с учетом вкуса заказчика-варвара, и мас-

* Авторы выражают благодарность Б. Н. Мозолевскому за использование материалов раскопок Чертомлыка 1979 и 1981 гг.

Рис. 4. Расчистка участка № 2 каменной крепиды с помощью компрессора.

теров постоянно или некоторое время живших в одном из греческих полисов Северного Причерноморья. Л. Стефани, помимо определения даты, отметил ряд особенностей исследуемых предметов. Для амфоры, например, предложено сравнение с приемами мастера Ксенофанта. Изображение на горите, по Л. Стефани, передает связанный с коневодством аттический миф об Аlope и Тесее, а на ножнах — бой греков с варварами без уточнения этноса последних, так как он считал невозможным «приискание имен для каждого из представленных тут лиц». Все же, специально не останавливаясь на этом вопросе, Л. Стефани, по-видимому, более склонялся к мысли о том, что изображенные варвары — это скифы [Стефани, 1865, с. 174—175 и примеч.]. Центральный фриз амфоры он трактует двояко: как эпизоды предания о случке царского жеребца или как поимку и дрессировку

копей скифами. Первый вариант Л. Стефани считал более предпочтительным, во именно второй в последующее время получил наибольшее распространение и стал почти хрестоматийным. Было отмечено также сходство многих украшений Чертомлыка с вещами из Куль-Обы, причем Л. Стефани предположил не только одновременность этих комплексов, но и изготовление многих предметов на одной «фабрике». Относительно этнической принадлежности населения, оставившего курган, и социального ранга погребенного Л. Стефани не сомневался, считая, что гробница сооружена для одного из скифских царей.

В 1876 г., дополняя краткие известия о раскопках кургана, опубликованные в ОАК за 1862 и 1863 гг., выпала статья И. Е. Забелина, в которой достаточно

подробно, но без иллюстраций описывались результаты исследования Чертомлыка [Забелин, 1865—1867, с. 74 и сл.]. Как и Л. Стефани, И. Е. Забелин полагал, что курган насыпан скифами в IV в. до н. э. и является одним из наиболее важных «хронологических пунктов... в разысканиях о скифских древностях» [Арх. ЛОИА, ф. 1, 1862, д. 2, донесение от 5 июля 1862 г.].

В 1872 г. во втором томе ДГС было опубликовано наиболее полное описание раскопок Чертомлыкского кургана, которое иллюстрировалось чертежами и большим количеством рисунков [ДГС, 1872, с. 74—118; атлас]. Это издание стало основополагающим для всех последующих интерпретаций данного комплекса.

В 1889 г. было предложено иное, отличное от выдвинутого Л. Стефани и И. Е. Забелиным истолкование материалов кургана. Н. П. Кондаков и И. И. Толстой впервые обратили внимание на возможность датировать скифские курганы, сопоставляя изображения на золотых нашивных бляшках с изображениями на греческих монетах [Толстой, Кондаков, 1889, с. 105—113]. Относительно Чертомлыка таким хронологическим указателем послужили круглые бляшки с изображением мужской бородатой головы вправо, которые, как полагали эти исследователи, являлись индикациями «варварских копий» монет Филиппа II Македонского. Исходя из такой трактовки, Н. П. Кондаков и И. И. Толстой сделали вывод о невозможности датировать курган временем ранее III—II вв. до н. э.* А так как они не считали вещевой комплекс единственным в хронологическом отношении (например, амфора и горит все же датировались ими по Л. Стефани, т. е. IV—III вв. до н. э.), то сооружение гробницы было отнесено к II—I вв. до н. э. Эта датировка потребовала по-новому решать и вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего курган. По Н. П. Кондакову и И. И. Толстому, это население — сарматы, «распространявшиеся уже к этому времени дале-

ко на запад». Таким образом, почти через 30 лет после завершения исследования кургана все еще не было единства во взглядах на основные вопросы, поставленные раскопками Чертомлыка.

Во второй половине XIX — начале XX в. многие русские и иностранные исследователи обращались к анализу некоторых чертомлыкских находок, определяя места изготовления этих предметов и их датировки. Вещи признавались то аттическими, то южнорусскими, то ионийскими, время их изготовления относили к периоду от V до II в. до н. э. [Фармаковский, 1911, с. 46—50]. Разногласия в конечном счете привели к широкой дискуссии по проблеме скифских «царских» курганов, развернувшейся в начале XX в. между двумя крупнейшими знатоками скифских и античных древностей — М. И. Ростовцевым и Б. В. Фармаковским. Наибольшие споры вызвал вопрос о датировках курганов. Б. В. Фармаковский, который первоначально придерживался наиболее распространенной точки зрения о датировке Чертомлыка IV в. до н. э., пришел к выводу (на основании анализа керамических находок из насыпи и погребальной камеры, а также стилистического анализа изображений на обкладке горита) о необходимости датировать это погребение II в. до н. э. Тем самым была поддержанна и развита высказанная ранее идея Н. П. Кондакова и И. И. Толстого [Фармаковский, 1911, с. 68]. Как и последние, Б. В. Фармаковский решал вопрос об этнической принадлежности погребенного в кургане.

Б. В. Фармаковскому возражал М. И. Ростовцев, который в ряде статей

* По этому поводу выразил удивление М. И. Ростовцев, который полагал, что если при сопоставлении имелся в виду действительно Филипп II, то это должно указывать на IV в. до н. э., как на время сооружения кургана [Ростовцев М. И., 1925, с. 444, примеч.]. Но И. И. Толстой и Н. П. Кондаков считали, что исходным материалом служили не македонские монеты, а подражания им, которые действительно в основном относятся к III — II вв. до н. э. [Зограф, 1951, табл. XIII].

и монографий убедительно доказал, что большая часть нижнеднепровских курганов принадлежит скифской знати и относится к IV—III вв. до н. э. Основанием для подобного утверждения послужил анализ керамических находок, украшений, отчасти эпиграфические данные. Основным же доводом явился блестящий анализ изображений на золотых штампованных бляшках, многим из которых М. И. Ростовцев подыскал соответствия в изображениях на античных монетах V—IV вв. до н. э. [Ростовцев, 1925, с. 439, 443—446].

Б. В. Фармаковский и М. И. Ростовцев, помимо определения времени сооружения кургана, высказали ряд интересных соображений относительно чертомлыкского погребального комплекса. Так, Б. В. Фармаковский, опираясь на работы Роберта [1889, с. 151] и В. К. Мальмберга [1894, с. 180 и сл.], предложил наиболее полную и завершенную интерпретацию изображений на обкладке горита как «иллюстраций» к мифу об Ахилле на о. Скиросе [Фармаковский, 1911, с. 82—98]. М. И. Ростовцев при обосновании своей трактовки ряда сцен на предметах из варварских погребений опирался и на изображения двух видов чертомлыкских бляшек: «богиня в фас», «богиня с зеркалом — скиф с ритоном» [1913, с. 6, 7, 10—11]. Он также высказал сомнение относительно единства погребальных комплексов кургана [1925, с. 427]. Опираясь на результаты раскопок скифских курганов, он считал камеру № 5 впускным погребением, дромос которого не обнаружил И. Е. Забелин. Эта точка зрения нашла затем сторонников среди советских скифологов.

Кроме М. И. Ростовцева, проблема соотношения подземных сооружений занимала и других исследователей. Так,

И. Е. Забелин предложил два варианта решения вопроса о характере и назначении камеры № 5 [ДГС, с. 114, 115], хотя и отмечал, что «расследование этого подземелья... могут приводить к весьма различным соображениям и предположениям» [АЗ, ед. хр. 263, л. 16, 16 об.]. Следуя первому, камера была вырыта грабителями, которые, миновав северо-западную угловую камеру, оградили основную гробницу. А второе решение, которое сам И. Е. Забелин считал менее вероятным, в итоге оказалось более правильным: гробница А — это входная камера погребения. И в том и в другом случае сам факт ограбления кургана сомнению не подвергался. Это мнение оспорено Д. Н. Анучиным, который, ссылаясь на аналогичное мнение Б. В. Фармаковского и Н. И. Веселовского, высказал предположение о том, что «грабительский ход» в действительности был вырыт самими строителями кургана для последующих подношений умершему или для выхода его души [Анучин, 1909, с. 34 и сл.]. Подтверждением тому, по Д. Н. Анучину, служили нетронутость большинства камер гробницы, а также то, что выход из лаза у основания кургана был завален камнями и закрыт двумя плитами. Но эта точка зрения не получила поддержки и распространения.

Несмотря на значительный интерес к Чертомлыкскому кургану, проявленный дореволюционными исследователями, совокупность его материалов никогда и никем не рассматривалась*. Предлагавшееся полное и всестороннее исследование Чертомлыка учеником М. И. Ростовцева Г. И. Боровкой не состоялось. Он рассмотрел лишь одну категорию находок — женские головные уборы [Боровка, 1921]. В фундаментальном исследовании самого М. И. Ростовцева, вышедшем двумя изданиями [Ростовцев, 1925; 1931], систематизированы сведения о большинстве степных «царских» погребений, среди которых Чертомлыкскому кургану придавалось немалое значение. Работы М. И. Ростовцева как бы подытоживали

* В ОИПК Эрмитажа хранятся рукописи (на русском и немецком языках) и рисунки каталога древностей Никопольского зала (включающего и коллекцию Чертомлыкского кургана), составленного в 90-х гг. XIX в. хранителем скифских древностей Г. Е. Кизерицким.

достижения русской дореволюционной скифологии и в то же время стимулировали начало дальнейшего изучения погребальных памятников скифской знати, развернувшееся уже в советское время.

Практически таким началом явились раскопки Мелитопольского кургана в 1954 г., за которыми последовали исследования известных памятников IV в. до н. э.: 8-го Пятибратного кургана, Гаймановой Могилы, Толстой Могилы, Бердянского кургана, доследование Огуза.

Формально история изучения Чертомлыкского комплекса включает в себя лишь каталог Г. Е. Кизерицкого, в котором много неточностей, и частично осуществленное исследование Г. И. Боровки. Фактически же, материалы Чертомлыка настолько широко привлекаются в работах о скифских древностях, что даже перечисление этих работ совершенно невозможно. Поэтому следует отметить лишь несколько общих направлений в скифской и античной археологии, повлиявших на решение ряда вопросов, связанных с Чертомлыкским курганом.

Датировка Чертомлыкского кургана. В советской литературе впервые после работ М. И. Ростовцева к проблеме хронологии курганов скифской знати обратился И. Б. Брашинский. Его хронологическая шкала опиралась на практически не учитывавшиеся раньше материалы — греческие амфоры, в первую очередь клейменые [Брашинский, 1965, с. 89—110]. К началу 60-х годов успехи керамической эпиграфики позволили создать дробные хронологические классификации тары многих греческих городов [Брашинский, 1961; 1961 а, с. 293—306]. Именно развитие этой отрасли науки вновь вызвало интерес к датировке скифских курганов. Даты, предложенные И. Б. Брашинским, в совокупности вполне соответствуют тому периоду, который еще М. И. Ростовцев считал временем сооружения «царских» курганов: середина IV — середина III в. до н. э. Чертомлыкский курган датировался

И. Б. Брашинским концом IV в. до н. э. Почти одновременно с работой И. Б. Брашинского вышла книга М. И. Артамонова, в которой дата Чертомлыка, строившаяся на стилистическом анализе ряда предметов из его погребения, определялась иначе — позже первой трети, ближе к середине IV в. до н. э. [Артамонов, 1966, с. 52]. Именно отрезком времени, ограниченным датами М. И. Артамонова и И. Б. Брашинского, т. е. полутора столетиями, датировали Чертомлыкский курган другие исследователи. Одна из причин такого расхождения дат кроется в отсутствии среди скифологов единства в подходе к проблеме датировки закрытых комплексов типа «царских» курганов и в стремлении предложить как можно более узкие даты погребений [ср. Алексеев, 1982: 1987]. В качестве основы для хронологии чаще всего рассматриваются единичные вещи: или наиболее интересные и эффективные, или наиболее поздние. Характерно, что исследователи, считавшие вещественные находки в «царских» курганах синхронными [напр. Шеффольд, 1939, с. 4], занижали дату Чертомлыка, определяя ее по наиболее эффектным изделиям [Шеффольд, 1938, с. 28: около 380 г. до н. э. — по серебряной амфоре; Артамонов, 1966, с. 52: около середины IV в. до н. э. — по амфоре, обкладкам ножен и горита].

Погребальный обряд скифской аристократии. После исследований М. И. Ростовцева, А. А. Бобринского, Д. Я. Самоквасова и др., в значительной мере описательных, лишь в последнее время стали появляться работы по этой теме [Кубчак, 1978; Мозолевский, 1979; Ольховский, 1979; Ролле, 1979]. Причем в них рассматриваются различные аспекты обряда. Так, если И. Кубчак основное внимание уделяет интерпретации идей погребальных сооружений (например, насыпь как имитация сакрального центра космоса) на основе сопоставления с индоиранской идеологической традицией [Кубчак, 1978, с. 126—141], то Б. Н. Мозолевский анализирует не только детали и особенности погребаль-

ных конструкций, но и погребальный инвентарь, включая материалы конских погребений [Мозолевский, 1979, с. 148—226]. Среди элементов погребального обряда наиболее разработана классификация скифских погребальных сооружений, в частности катакомб, в том числе «царских» [Граков, 1962; Граков, 1964; Ольховский, 1977]. Единодушный вывод исследователей о типологическом единстве и близости конструкций «царских» и «рядовых» могил может считаться неоспоримым. Но он не исключает необходимости специального рассмотрения и решения вопроса о соотношении и генезисе конструкций «царских» погребений, тем более что развитие этого вида погребальных сооружений во времени не прослежено. Выделенные типы катакомб скифской знати суммарно относят к IV—III вв. до н. э., не выделяя характерные для начала или конца этого отрезка времени конструкции. Чтобы определить основные черты «царского» погребального обряда, необходимо учитывать данные о конских могилах, поскольку именно их классификация и конкретный анализ позволяют уточнить некоторые детали мировоззрения строителей кургана, нашедшие отражения в архитектуре и структуре погребального комплекса.

С этой проблемой непосредственно связан вопрос о дифференциации «царских» курганов, отражающей социальную стратификацию верхушки скифского общества. Попытки археологов предложить иерархию этих памятников традиционно строились на основании различий в высоте насыпей [Тереножкин, Ильинская, 1971, с. 56; Мозолевский, 1979, с. 152, табл. 4]. Правда, Б. Н. Мозолевский отмечал, что этот признак, взятый изолированно, не указывает на ранг погребенного [с. 156], и советовал обратить внимание на другие показатели: глубину катакомбы, особенности конских погребений. Однако в своих выводах он тем не менее следовал традиции и разделил курганы прежде всего по их высоте. Б. Н. Мозолевский выделил четыре группы памятни-

ков. Четвертую группу (14—21 м), куда входит и Чертомлыкский курган, а также третью (8—11 м) он связывает с элитой скифского общества — верховными царями, членами царской семьи и царями отдельных частей Скифии.

Вполне очевидно, что разница в высоте курганов, погребальные сооружения которых весьма схожи по характеру подземных сооружений, не случайна (например, Мордвиновский II — 6,5 м, Козел — 14, Чертомлык — 21 м). Увеличение количества сопровождающих конских и человеческих погребений с высотой кургана также подтверждает реальность различий между выделенными Б. Н. Мозолевским группами. В то же время следует заметить, что учет только размеров насыпи (так же, как и ее объема) вносит некоторые искажения в реконструируемую картину социальной структуры общества. В расчет принимается высота кургана, под которым нередко находятся два и более погребений (например, Толстая Могила, Солоха, Александровский курган). В том случае, когда была зафиксирована высота первоначальной насыпи, этой величиной можно оперировать, но только относительно основной могилы. Остается неясным, что считать высотой кургана для впускного погребения: высоту насыпи в целом или только досыпки. Включение Солохи в четвертую группу не определяет того, как два погребальных комплекса этого кургана соотносятся между собой и, например, с чертомлыкским погребением. К тому же задача заключается не в классификации курганов, а в учете различий погребальных комплексов. Поэтому, несмотря на то что закономерность в высоте курганов достаточно очевидна, она свидетельствует лишь о дифференциации общества и не позволяет сделать вывод о конкретной социальной стратификации [ср. Мелюкова, 1981, с. 106].

Г. Н. Курочкин предложил четыре критерия для выделения «царских» скифских погребений: богатство погребального инвентаря; монументальность, трудоемкость погребального сооружения;

наличие человеческих жертвоприношений; наличие жертвоприношений животных и транспортные средства [Курочкин, 1979, с. 23]. Важно, что величина насыпи не рассматривается изолированно или в качестве ведущего признака. Многие признаки учтены и в работе В. Ф. Генинга, что позволило на основании археологических данных предложить многокомпонентную иерархическую структуру скифского общества [Генинг, 1984]. Правда, и в этом случае высота курганной насыпи оказывается на первом месте.

Согласно рассмотренным классификациям, основные погребенные в Чертомлыкском кургане занимали одно из самых значительных, если не самое высокое место в иерархии скифской аристократии IV в. до н. э. Собственно, такой вывод вытекает из отсутствия равнозначного по всем характеристикам чертомлыкскому погребению памятника. Вероятно, именно такое исключительное положение рассматриваемого комплекса в качестве эталонного и должно быть положено в основу работы по определению социальных градаций скифской знати.

Анализ инвентаря погребений скифской знати всегда производился в рамках изучения материальной культуры Скифии в целом, нередко в ее самых широких хронологических и территориальных пределах. Предметы античного импорта из погребения Чертомлыкского кургана вошли в свод Н. А. Онайко [Онайко, 1970], предметы вооружения — частично в свод А. М. Мелюковой [Мелюкова, 1964], некоторые категории украшений (булавка, гривны, браслеты, перстни) — в свод В. Г. Петренко [Петренко, 1978]. Вещи из Чертомлыка рассматривались ими в непосредственной связи с инвентарем большинства скифских богатых погребений, что, несомненно, отражает новый уровень исследования скифских древностей. В то же время специфика указанных работ не позволила достаточно подробно остановиться на предметах каждого из привлеченных комплексов. Поэтому они

не могут заменить исследования, посвященного одному конкретному памятнику, вещи из которого рассматриваются прежде всего с учетом присущих только им специфических особенностей.

Из новейших работ, посвященных отдельным предметам Чертомлыкского комплекса, следует отметить серию статей о семантике изображений на серебряных амфоре и блюде, золотых окладах горита и ножен. Среди них доклад Д. А. Мачинского о смысле изображений на некоторых предметах торевтики из варварских погребений Северного Причерноморья, прочитанный в 1973 г. в Эрмитаже [Мачинский, 1973, с. 25—26]. В последующих статьях [1978а, с. 232—240; 1978б, с. 131—134] Д. А. Мачинский предложил более развернутую трактовку изображений и элементов орнамента на амфоре, согласно которой центральный фриз последней передает систему сцен («жизнь и назначение скифской лошади»), где кульминацией является жертвоприношение ко-былицы. Скульптурное изображение головы крылатого коня с «воротником» и солярной розеткой Д. А. Мачинский трактует как воспроизведение образа скифского божества Фагимасада — покровителя коневодов и связывает всю систему изображений с его культом и сакрализованной картиной мира с мировым древом в центре. Собственно амфору Д. А. Мачинский относит к числу культовых предметов, использовавшихся лишь в особых случаях, как и блюдо, женское изображение на котором он соотносит с «какой-то богиней земных плодоносящих сил» — персонажем парным Фагимасаду [Мачинский, 1978б, с. 134].

С достаточно близких позиций рассматривают изображения на амфоре Е. Е. Кузьмина [1976, с. 68—75] и Д. С. Раевский [1979, с. 70—82]. Трактовки, предложенные ими, обладая многими схожими деталями с интерпретацией Д. А. Мачинского, дополняют последнюю, позволяя выявить ряд деталей, характерных для индоиранских мифологических и религиозных представле-

ний. Общей для всех трех гипотез является трактовка сцен центрального фриза как ритуального жертвоприношения лошади, трехчастности амфоры как отражения глобальной идеи о трех зонах Вселенной. Отмечается связь амфоры с культом Фагимасада [Раевский, 1971, с. 275; Мачинский, 1978а, с. 238, 239; Мачинский, 1978 б, с. 132, 133] и с ритуалом царских похорон [Кузьмина, 1976, с. 74; Раевский, 1979, с. 80].

Позже были предложены иные объяснения сцены на амфоре, отчасти возвращающиеся к традиционной утилитарной трактовке. С. С. Бессонова понимает эту сцену как ритуальное клеймение скота [Бессонова, 1983, с. 71], а А. В. Симоненко [1987] предполагает, что в сцене представлен хозяйственный в своей основе эпизод из жизни кочевников — холощение жеребца.

К изображениям на обкладках чертомлыкских ножен и горита обращались несколько исследователей [Шилов, 1961; Брашинский, 1967; Брашинский, 1979], но лишь Д. С. Раевскому [Раевский, 1980], по-видимому, удалось преодолеть рамки традиционных представлений и предложить прочтение этих изображений. Он не пересматривает мифологию.

* Другие исследователи этническую принадлежность варваров или не определяли, или рассматривали их как скифов, как персов, как фракийцев либо македонян. Что касается предположения об изображении на ножнах амазонок, то в 1948 г., правда, не обосновывая своей точки зрения, об этом писал А. В. Арциховский [Арциховский, 1948; БСЭ.— 2-е изд.— М., 1957.— Т. 47.— С. 222].

ческую основу, предложенную Б. В. Фармаковским для горита. Однако, проанализировав ряд деталей, он пришел к выводу, что на горите воспроизведены лишь те эпизоды из жизни Ахилла, которые находят соответствие в скифском мифе о Колаксае, и что эти изображения должны были восприниматься скифами сквозь призму собственной мифологии. Интерпретация Д. С. Раевским сцен, представленных на ножнах, также интересна и в целом не вызывает возражений. Согласно автору, на них изображена серия батальных эпизодов из цикла Троянской войны. Причем некоторых из воинов-варваров он считает амазонками, участвовавшими в войне на стороне троянцев *.

В работах отечественных и зарубежных авторов, в которых эти предметы рассматриваются с формальной, искусствоведческой, исторической точек зрения [Мальмберг, 1894, 1913, 1914; Фармаковский, 1911; Онайко, 1970; Артамонов, 1966; Манцевич, 1975; Миниз, 1913; Якобсталь, 1927; Фаркаш, 1977; Шильц, 1979], прослеживается отсутствие у исследователей единых представлений о происхождении и датировке данных вещей. Помимо указанных предметов из погребений Чертомлыка, в той или иной степени рассматривались и другие уникальные находки, например пояса и оселки [Манцевич, 1941; Грязнов, 1961], котлы, шейные уборы [Манцевич, 1948; 1961], керамика, наконечники стрел, напивные бляшки-аппликации [Алексеев, 1981; 1983; 1986] и др.

Глава II

СТРАТИГРАФИЯ КУРГАНА, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Высота Чертомлыкского кургана к началу исследований определена И. Е. Забелиным в 10 саж. [ОАК за 1862 г.], позднее — в 9, т. е. около 19,5 м [ДГС, с. 75]. На схематическом рисунке разреза насыпи Чертомлыка (рис. 5), обнаруженному в архиве И. Е. Забелина в Москве [АЗ, д. 258, л. 289], даны девять вертикальных слоев, причем мощность четвертого от вершины слоя равна не одной, как в остальных случаях, а двум саженям. Таким образом, высота курганной насыпи достигает здесь 21—22 м. Однако, какую бы из названных выше цифр мы не приняли, ясно, что по этому параметру Чертомлык можно включить в группу высочайших скифских курганов, в которую входят также курганы Александропольский, Солоха и Огуз [Мозолевский, 1979, табл. 4].

По данным И. Е. Забелина, длина окружности насыпи Чертомлыка также несколько отличается, составляя от 165 до 175 саженей [ДГС, с. 75; АЗ, д. 262, л. 303]. Соответственно диаметр курганной насыпи равнялся примерно 115—120 м.

Насыпь кургана, писал И. Е. Забелин, «имела обыкновенную конусообразную

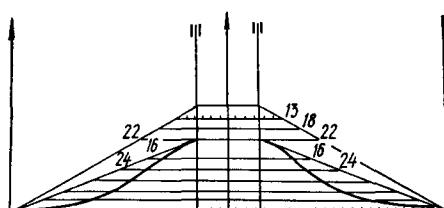

Рис. 5. Насыпь кургана (по рисунку И. Е. Забелина: АЗ, ед. хр. 258).

форму». Однако ее северный склон — от вершины до середины насыпи — был почти отвесным; затем склон «делает обрыв или ступень около сажени (2,13 м. — Авторы) шириной и сходит к подошве также довольно круто» [ДГС, с. 75].

Вершина кургана была плоской и представляла собой довольно обширную площадку диаметром около 15 м (7 саж.). Посередине этой площадки, в яме, установлено половецкое антропоморфное изваяние — «каменная баба с отшибленною и снова приставленною головою, лицом к востоку» [там же]. К сожалению, установить дальнейшую судьбу этого изваяния нам пока не удалось. Поэтому некоторое представление о нем дает лишь схематический рисунок из архива И. Е. Забелина (рис. 6).

В результате раскопок И. Е. Забелина сквозной траншеей была снята центральная часть насыпи. К 1981 г., когда начались широкие работы по доисследованию Чертомлыка, организованные Институтом археологии АН УССР и Немецким научно-исследовательским обществом в Бонне, на месте первоначальной насыпи сохранились четыре останца различных размеров, окруженных высокими отвалами грунта, образовавшимися в ходе раскопок И. Е. Забелина (рис. 7).

Наиболее значительный северный останец составлял примерно около $\frac{1}{3}$ первоначальной насыпи. Его наибольшая высота превышала 9 м. Южная часть насыпи сохранилась хуже, поскольку в ее центре И. Е. Забелиным была пробита с севера на юг глухая траншея, разрезавшая эту часть насыпи

практически пополам — на юго-западный и юго-восточный останцы. Наибольшие невыразительные остатки насыпи сохранились также в западном и восточном концах центральной траншеи И. Е. Забелина.

Поскольку в отчете И. Е. Забелина о раскопках Чертомлыка, доступном благодаря его публикации во II томе «Древностей Геродотовой Скифии» [1872], данные об устройстве насыпи довольно скучны, одна из главных задач доисследования Чертомлыка заключалась в изучении стратиграфии кургана.

1. Стратиграфия курганной насыпи

Стратиграфия курганной насыпи прослежена в 12 разрезах, проложенных через останцы курганной насыпи во всех возможных направлениях (рис. 8).

Прежде всего были зачищены сохра-

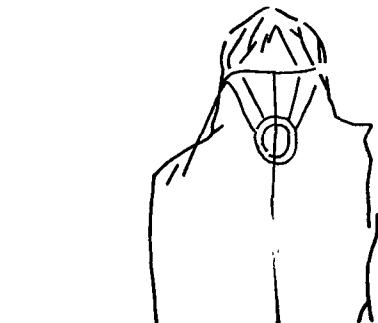
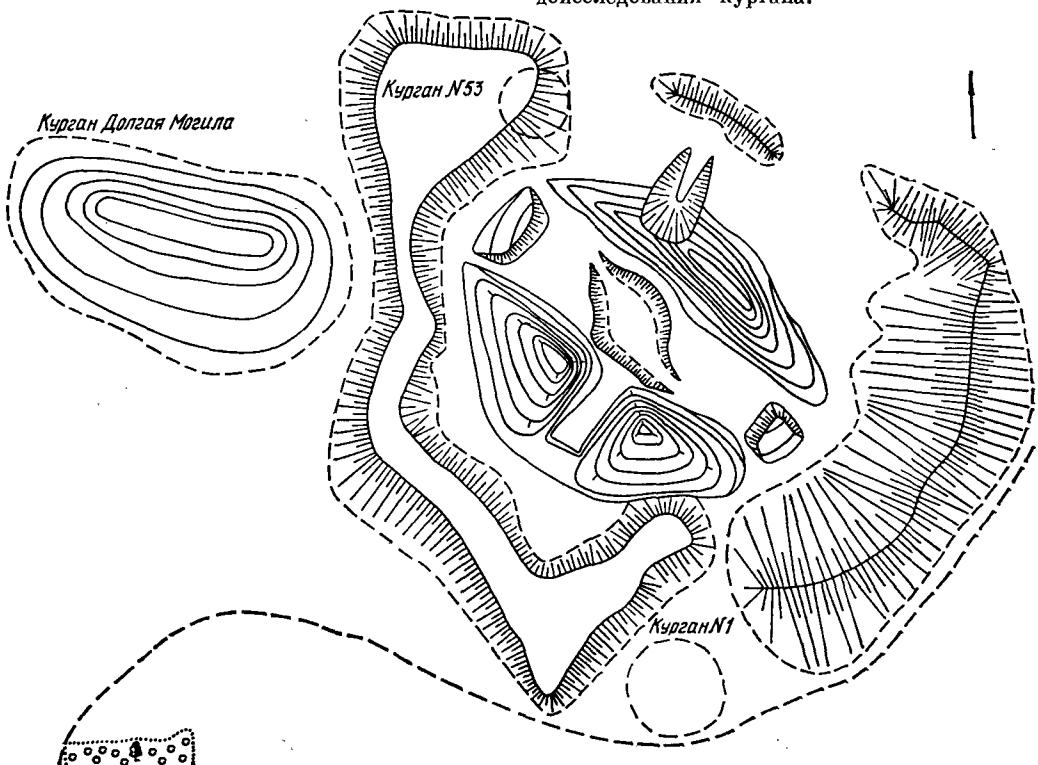

Рис. 6. Половецкое изваяние. Вид сзади (по рисунку И. Е. Забелина: А3, ед. хр. 258, л. 317).

нившиеся отвесные стены останцев курганной насыпи. Так, зачистка северных стен юго-западного и юго-восточного останцев позволила получить разрезы А—А и В—В, дающие представление

Рис. 7. План останцев Чертомлыка к началу доисследования кургана.

о строении курганной насыпи по линии запад — восток. Длина первого разреза составляла 37 м, его наибольшая высота — около 8 м от уровня погребенного чернозема. Длина второго — 35 м, высота от уровня погребенного чернозема та же.

Затем были зачищены восточная стенка юго-западного и западная стенка юго-восточного останцев. В результате получены разрезы К—К и С—С. Длина

Рис. 8. Общий план кургана Чертомлык:

1 — раскопки 1979 и 1981 гг., 2 — раскопки 1983 г.,
3 — раскопки 1984 г., 4 — скопления амфор,
5 — скопления костей животных, 6 — находки костей человека.

разреза К—К — около 21 м, высота — 8 м от уровня погребенного чернозема. Такой же высоты и разрез С—С, длина которого составляла 26 м.

Для того чтобы получить максимально полный профиль курганной насыпи по линии север — юг, примерно напротив разрезов К—К и С—С поперек северного останца была пробита траншея, разрезавшая его на две части — северо-западный и северо-восточный останцы (рис. 9). Зачистка восточной стенки северо-западного останца дала разрез D—D, а западной стенки северо-восточного останца — разрез Е—Е. Длина

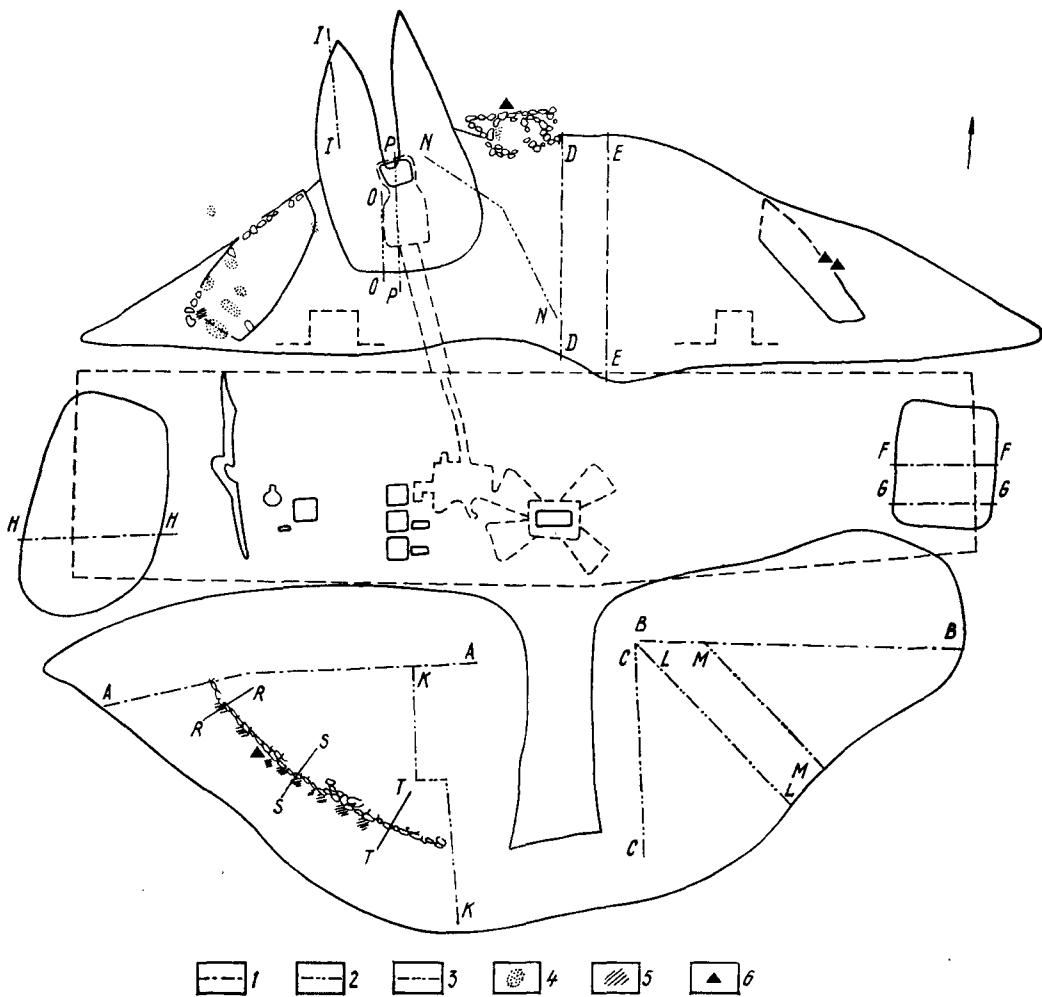

Рис. 9. Северо-восточный и северо-западный останцы Чертомлыка.

разреза D—D — 30 м, высота — 8 м от уровня погребенного чернозема. Разрез E—E несколько короче — 24 м, поскольку его северная и южная части оказались разрушенными. Высота разреза E—E равна высоте разреза D—D.

Еще одно довольно полное сечение курганной насыпи получено по линии юго-восток — северо-запад. Мы имеем в виду разрез L—L юго-восточного останца и являющийся его продолжением разрез N—N северо-западного останца. Длина разреза L—L — 28 м, высота — 8 м от уровня погребенного чернозема. Длина разреза N—N — около 18 м, высота — около 9 м от уровня погребенного чернозема. Разрез M—M, расположавшийся параллельно разрезу L—L, прошел, к сожалению, через разрушенную часть насыпи и оказался невыразительным.

Практически не пополнили наши представления о стратиграфии курган-

ной насыпи и разрезы H—H, G—G, F—F, проложенные через небольшие «островки» курганной насыпи в западной и восточной частях центральной траншеи И. Е. Забелина.

Практически во всех основных разрезах курганной насыпи наблюдалась весьма сходная картина (рис. 10—15), однако наиболее ярко и полно она прослежена в разрезе В—В, который мы опишем подробнее (рис. 11).

Основным строительным материалом, использованным при возведении насыпи Чертомлыка, служили великолепно различимые в разрезе пластины дерна, уложенные травяным покровом вниз (рис. 16). Размеры этих пластин, что неоднократно проверено на других разрезах, сравнительно невелики — примерно 25 × 15 см. По нашим наблюде-

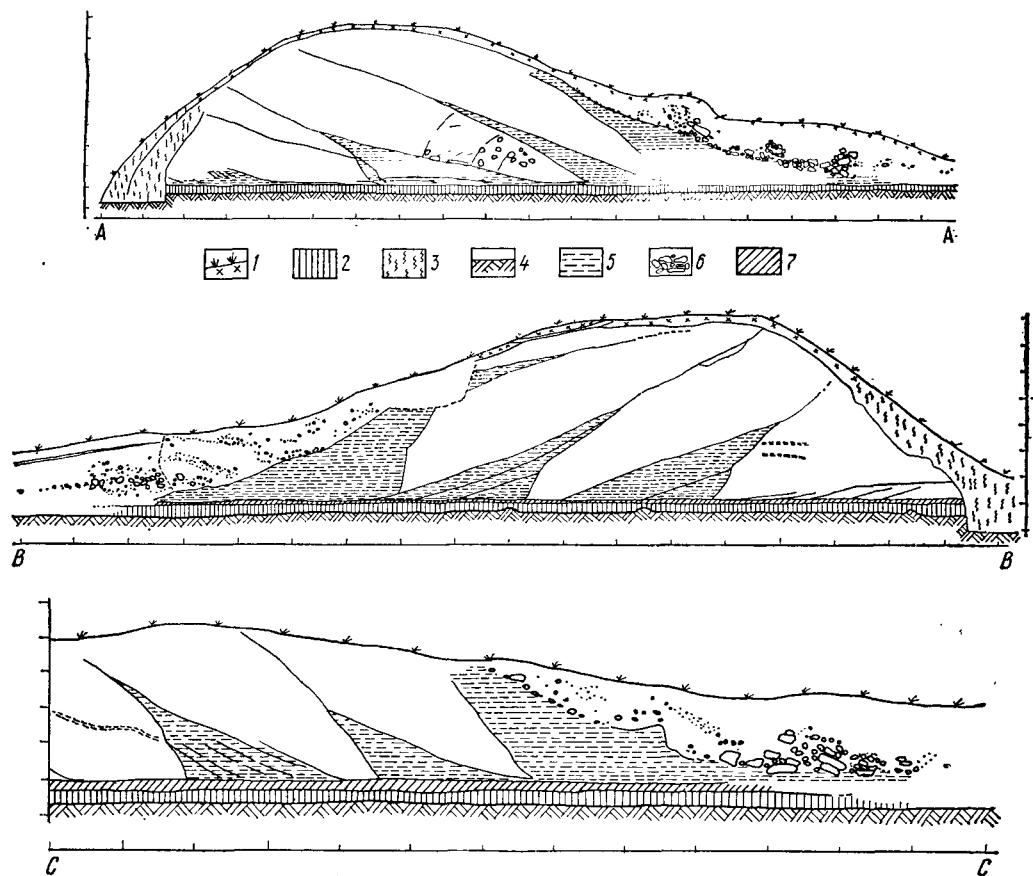

Рис. 10. Разрез курганной насыпи по линии А — А:

1 — поверхность насыпи, 2 — погребенный чернозем, 3 — рушеный, 4 — материк, 5 — илистые красные почвы, 6 — остатки каменной крепиды, 7 — «рабочий горизонт».

Рис. 11. Разрез курганной насыпи по линии В — В.

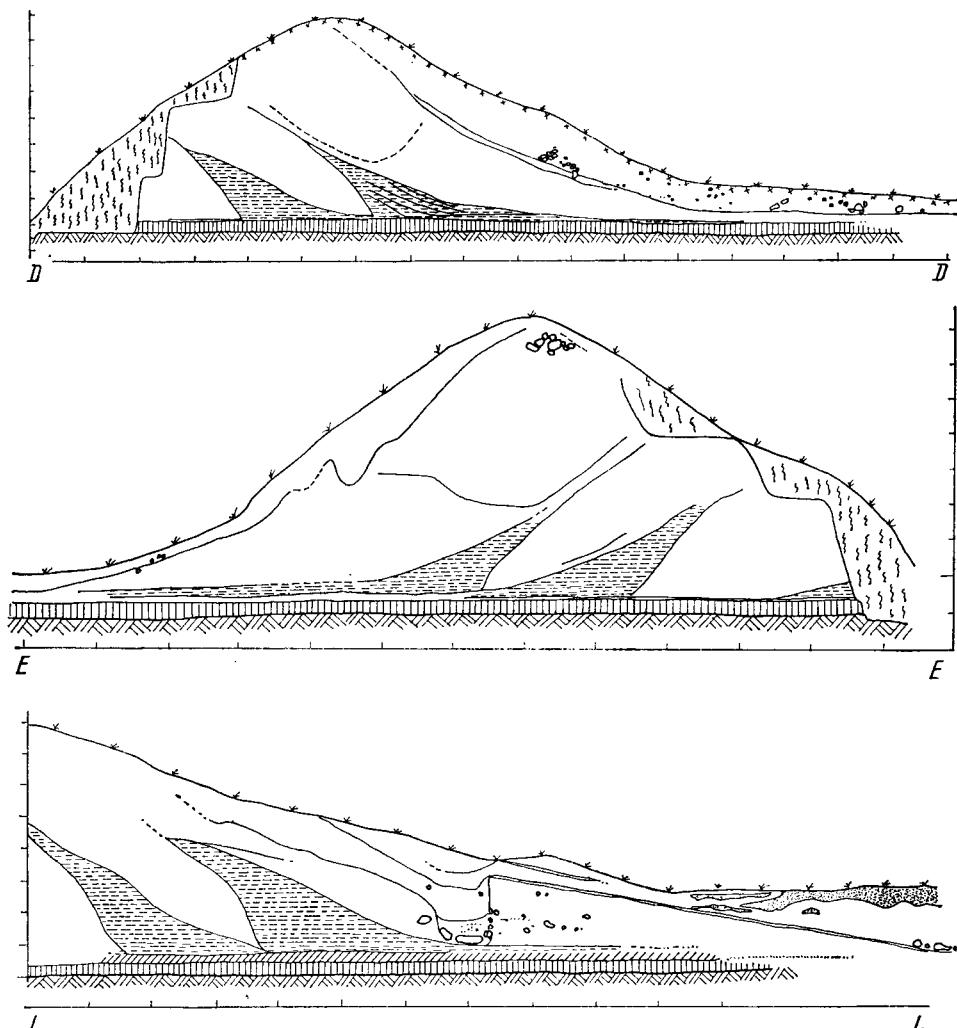
Рис. 12. Разрез курганной насыпи по линии С — С.

ниям, в один кубический метр насыпи укладывалось около 270 таких плиток (рис. 17; 18). В расположении этих плиток наблюдалась некоторая система, свидетельствующая о том, что плитки при возведении насыпи укладывались достаточно регулярными рядами.

Курганская насыпь Чертомлыка возводилась в несколько приемов. В разрезе хорошо прослеживаются три сложен-

ные из дерна конструктивные насыпи. Их четкое разделение во многом обусловлено тем, что подножие каждой насыпи окружало кольцо илестого грунта, которое в сечении представляло собой неправильный треугольник. Резко поднимаясь к верху по склону насыпи, илестые конструкции постепенно утончались, превращаясь в узкую полосу светлого грунта, очерчивающую границы каждой из трех насыпей (рис. 19). По всей вероятности, это следы глиняной обмазки, которая первоначально покрывала склоны насыпей.

В разрезе В—В основание внутреннего кольца имеет в сечении ширину 5,7 м, среднего — 6,5, внешнего — 9 м. При этом внешнее кольцо илестого грунта примерно на 1 м перекрывало восточную полу среднего. Высота колец

соответственно 3, 3,5 и 5,1 м от уровня погребенного чернозема.

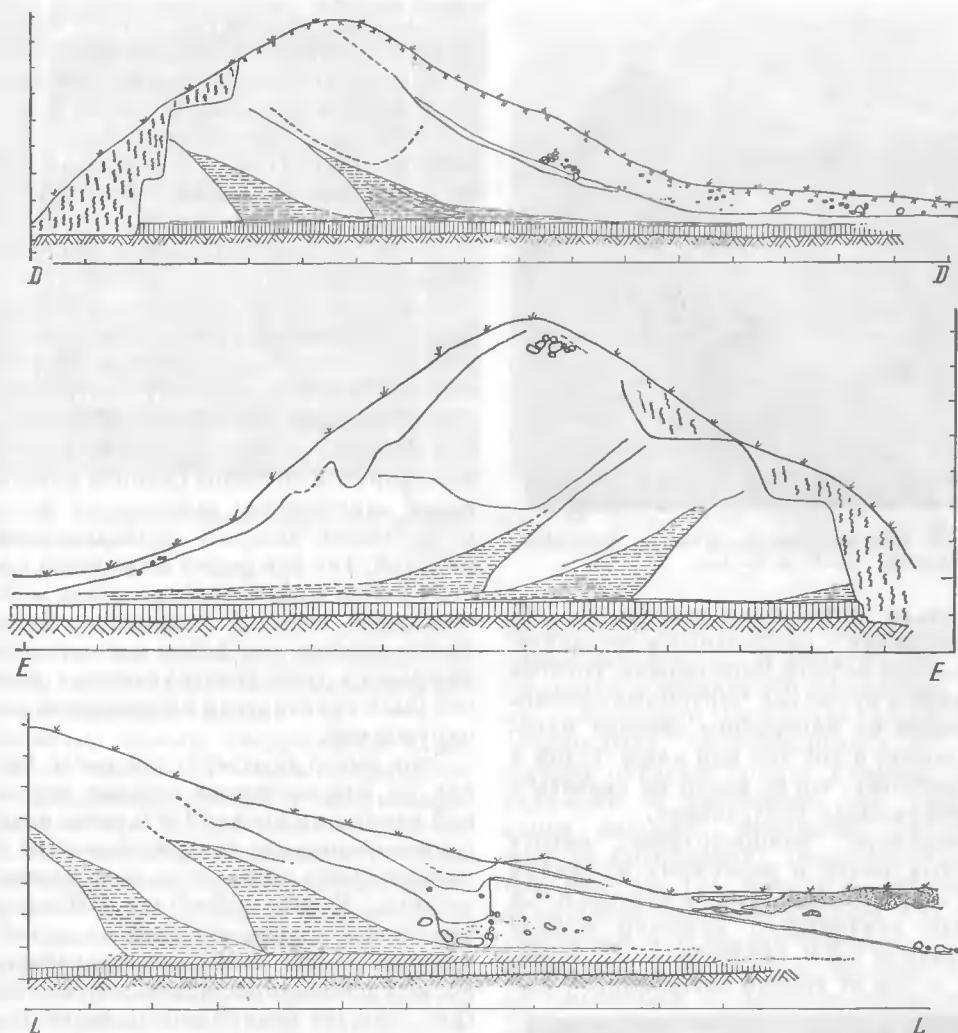
Размеры илистых колец, зафиксированные в других профилях, совпадают с указанными выше лишь частично. Причем наиболее широко варьируется ширина оснований илистых колец. Так, в разрезе А—А ширина основания внутреннего илистого кольца составляет более 9 м, среднего — 4, внешнего — почти 11 м. В разрезе С—С ширина основания внутреннего кольца 4,5 м, среднего — 4, внешнего — около 8,5 м. Ширина оснований илистых колец в

Рис. 13. Разрез круганной насыпи по линии D—D.

Рис. 14. Разрез курганной насыпи по линии Е—Е.

Рис. 15. Разрез курганной насыпи по линии L—L.

остальных разрезах также весьма отличается от перечисленных выше размеров. По-видимому, это обстоятельство во многом объясняется тем, что практически все разрезы, выбор направления которых при раскопках частично разрушенной курганной насыпи зависит

соответственно 3, 3,5 и 5,1 м от уровня погребенного чернозема.

Размеры илистых колец, зафиксированные в других профилях, совпадают с указанными выше лишь частично. Причем наиболее широко варьируется ширина оснований илистых колец. Так, в разрезе А—А ширина основания внутреннего илистого кольца составляет более 9 м, среднего — 4, внешнего — почти 11 м. В разрезе С—С ширина основания внутреннего кольца 4,5 м, среднего — 4, внешнего — около 8,5 м. Ширина оснований илистых колец в

Рис. 13. Разрез круглой насыпи по линии D—D.

Рис. 14. Разрез курганной насыпи по линии Е—Е.

Рис. 15. Разрез курганной насыпи по линии L—L.

остальных разрезах также весьма отличается от перечисленных выше размеров. По-видимому, это обстоятельство во многом объясняется тем, что практически все разрезы, выбор направления которых при раскопках частично разрушенной курганной насыпи зависит

Рис. 18. Плотность плиток дерна в 1 м² курганной насыпи.

Рис. 19. Разрез С—С. Участок насыпи, сложенный из дерна, и илистая крепида.

между пластинами дерна, из которых были сложены внешние ряды каждой из конструктивных насыпей, наблюдались затеки илистого грунта.

Илистые кольца сооружались в несколько приемов. Об этом свидетельствуют различные оттенки грунта, использованного при сооружении илистых колец. Наиболее четко слоистая структура илистых колец прослеживалась в разрезах В—В и С—С. Так, в разрезе С—С внутреннее илистое кольцо состояло минимум из пяти слоев грунта, достаточно заметно отличающихся друг от друга. На поверхности верхнего слоя прослеживались слабые остатки дерева. Для разреза В—В наиболее характерна структура средней илистой крепиды, которая состояла не менее чем из четырех слоев.

Что касается происхождения материала, который использовался при строительстве илистых конструкций, то при рассмотрении этого вопроса мы можем опираться на выводы сотрудников Института почвоведения Геттингенского университета М. Кламм, Г. Фиброка и Б. Мейера. Согласно их заключению (см. прил. 2), почва, из которой сооружены илистые кольца, бралась с глуби-

ны не более 20—30 см от поверхности и, таким образом, была практически того же происхождения, что и пластины дерна — основного материала строителей Чертомлыка. Останавливаясь на различиях окраски грунта илистых конструкций и сложенных из пластин дерна насыпей, прекрасно различимых на фотографиях разрезов кургана (см. рис. 16; 19), почвоведы отмечают: «Различное цветовое действие при рассмотрении материалов основывается на различиях в структуре, прежде всего на различиях в распределении пор». Так, в образцах грунта, взятых из тех частей надмогильного сооружения, которые были сложены из пластин дерна, структура почвы полностью сохранилась. Структура же почвы в илистых кольцах, судя по образцам, оказалась нарушенной. Это проявилось в том, что в структуре илистых конструкций произошло перераспределение объема пор и как следствие — спаивание агрегатных частиц и повышение консистенции всего материала. Вместе с тем это не привело к общему уплотнению грунта. Значительная средняя плотность грунта (1,51) прослеживалась лишь в местах стыка илистых конструкций с конструк-

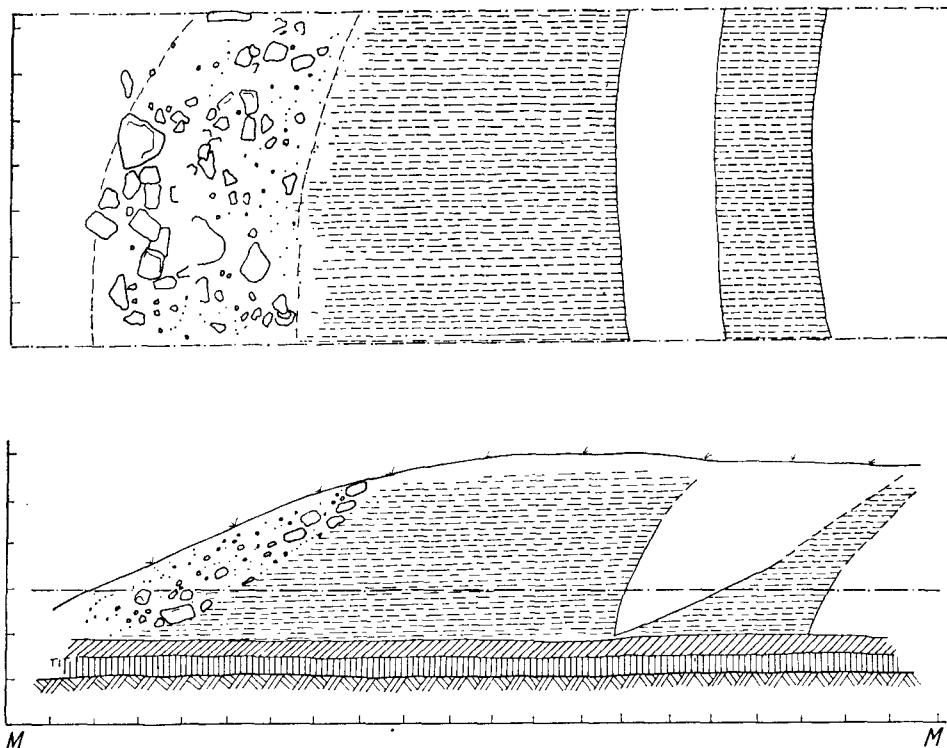

Рис. 20. Разрез круганной насыпи по линии М—М и горизонтальная зачистка участка юго-восточного останца.

циями, сложенными из дерна. По мнению почвоведов, такую плотность можно было получить путем трамбования, утаптывания или укатывания грунта в увлажненном состоянии, что могло привести к изменению структуры грунта илистых конструкций.

Необходимо отметить, что илистые конструкции, подобные описанным, зафиксированы при исследовании многих скифских надгробильных сооружений, сложенных из пластин дерна. В небольших и средних по размерам курганах, например в I и II Завадских Могилах, в Двугорбой Могиле [Мозолевский, 1980, рис. 26; 48; Привалова, Зарайская, Привалов, 1982, с. 151], илистый грунт, как правило, был уложен в виде кольца вдоль внешней границы надгробильного сооружения. В более крупных курга-

нах, как и в Чертомлыке, илистые конструкции в виде концентрических колец прослеживались не только по внешней окружности кургана, но и в его толще. Такая картина, в частности, хорошо прослеживалась в разрезе скифского «царского» кургана у с. Желтокаменка [Мозолевский, 1982, рис. 5]. Приведенные выше соображения почвоведов позволяют весьма однозначно определить назначение этих илистых частей курганных насыпей, что важно не только для понимания конструктивных особенностей Чертомлыка, но и скифских степных курганов в целом. А именно: они были ничем иным, как своеобразным «каркасом», основными «несущими конструкциями» скифских надгробильных сооружений. Данное обстоятельство позволяет нам в дальнейшем называть илистые конструкции Чертомлыка крепидами, поскольку именно этот термин наиболее полно соответствует их основной функции.

Показательно, что подобный архитектурный прием был достаточно широко распространен в эпоху раннего железного века не только на территории северо-причерноморской степи, но и в восточных районах степного пояса Евразии. В частности, практически аналогичные «илистые крециды» прослежены в раннепекчевнических курганах Казахстана. Выводы об их конструкции и назначении [Зданович, Иванов, Хабдулина, 1984, с. 40—44] во многом перекликаются с нашими, тем самым подтверждая высказанное предположение.

В западной части разреза В—В курганной насыпи Чертомлыка, наиболее приближенной к центру кургана, за первым илистым кольцом — в 4 м к центру — прослеживались остатки небольшой (высотой не более 1,2 м от уровня погребенного чернозема) насыпи из коричневатого однородного грунта. К сожалению, центральная часть разрушена глухой траншеей, пробитой И. Е. Забелиным перпендикулярно центральному раскопу. В разрезе В—В четко прослеживалась ступенчатая восточная стенка этой траншеи. Ее западная стенка была достаточно заметна уже в западной части разреза А—А. Здесь же сохранились незначительные остатки небольшой насыпи из коричневатого грунта — ее западная пола. По-видимому, насыпь являлась неким ядром огромного надмогильного холма. Именно на нее укладывались первые ряды плинток дерна, что значительно упрощало формовку сооружений из дерна.

Несомненным подтверждением того, что первоначальная насыпь — такой же конструктивный элемент надмогильного памятника, как и упоминавшиеся ранее сооружения из дерна и илистые крециды, служит то обстоятельство, что все составные части единого архитектурного комплекса были сооружены на одном уровне и отделены от погребенного чернозема довольно мощным слоем мешаного грунта линзовидной в разрезе формы (его толщина в центре кургана достигает 0,4 м, на периферии — около 0,2 м). Последний имел характерную

слоистую структуру и состоял из многих тонких прослоек грунта. Наиболее вероятно, что этот слой искусственно сформирован. С нашей точки зрения, он предназначался для отвода дождевых вод от центра кургана, где находилась входная яма. Поскольку с трамбовки такой площадки начиналось, по сути, сооружение курганной насыпи, этот слой назван нами условно «рабочим горизонтом». Такой «рабочий горизонт» хорошо прослеживался и в остальных разрезах курганной насыпи.

Кроме того, необходимо отметить, что при зачистке южной полы северо-западного останца в 1983 г. нам удалось зафиксировать небольшую часть глинистого выкида из центральной могилы. В основном выкид был уничтожен раскопом И. Е. Забелина. Согласно его описанию, он выглядел так: «Глина вокруг гробницы лежала в виде кольца, имевшего 16 саж. (около 34 м) в диаметре, пластом от 4 до 6 саж. в ширину (примерно от 8,4 до 12,7 м) и от $\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ арш. (от 0,35 до 1,8 м) толщины. Наибольшая толщина пласта находилась с южной стороны: здесь она доходила до $2\frac{1}{2}$ арш.» [ДГС, с. 86]. Зафиксированное нами северо-западное окончание выкида имело в сечении линзовидную форму. Ширина его основания 6,7 м, наибольшая толщина — 0,8 м. Выкид открывал «рабочий горизонт». Это еще раз подтверждает, что сооружение последнего предшествовало началу возведения центральной гробницы.

Таким образом, насыпь Чертомлыка представляется нам как целое, достаточно сложное и хорошо продуманное сооружение. Вполне очевидно, что руководить ее постройкой могли только лица со специальной подготовкой, обладающие достаточным опытом и навыками — своеобразные «архитекторы курганов».

Весьма интересно решена ими проблема внешнего оформления курганной насыпи: по ее окружности была построена каменная крецида, в плане имевшая форму правильного овала, вытянутого с запада на восток. Его размеры — примерно 80×90 м. К сожалению, крецида

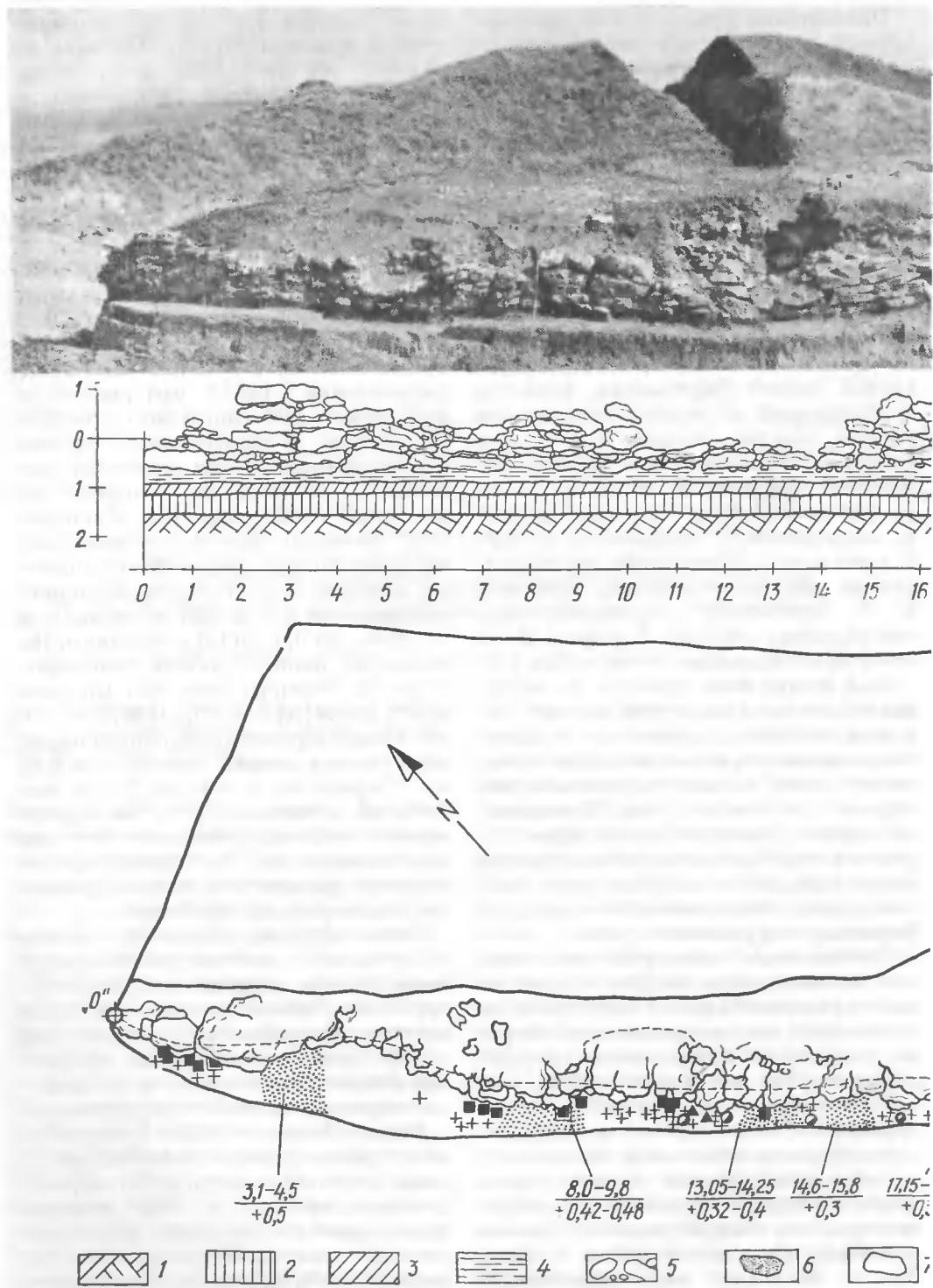

Рис. 21. Участок № 1/1983 г. каменной крепиды (на заднем плане — северо-западный и северо-восточный останцы Чертомлыка.)

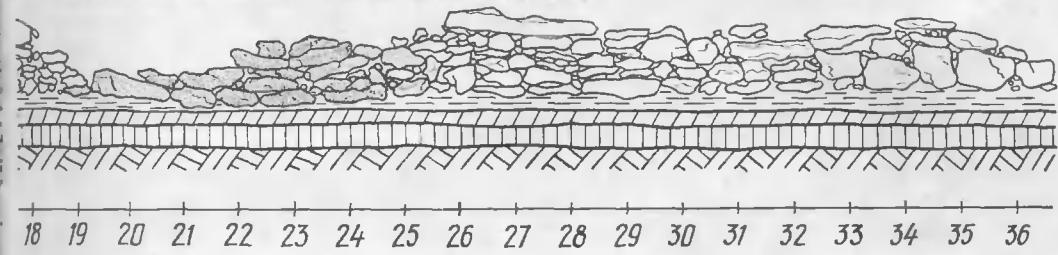
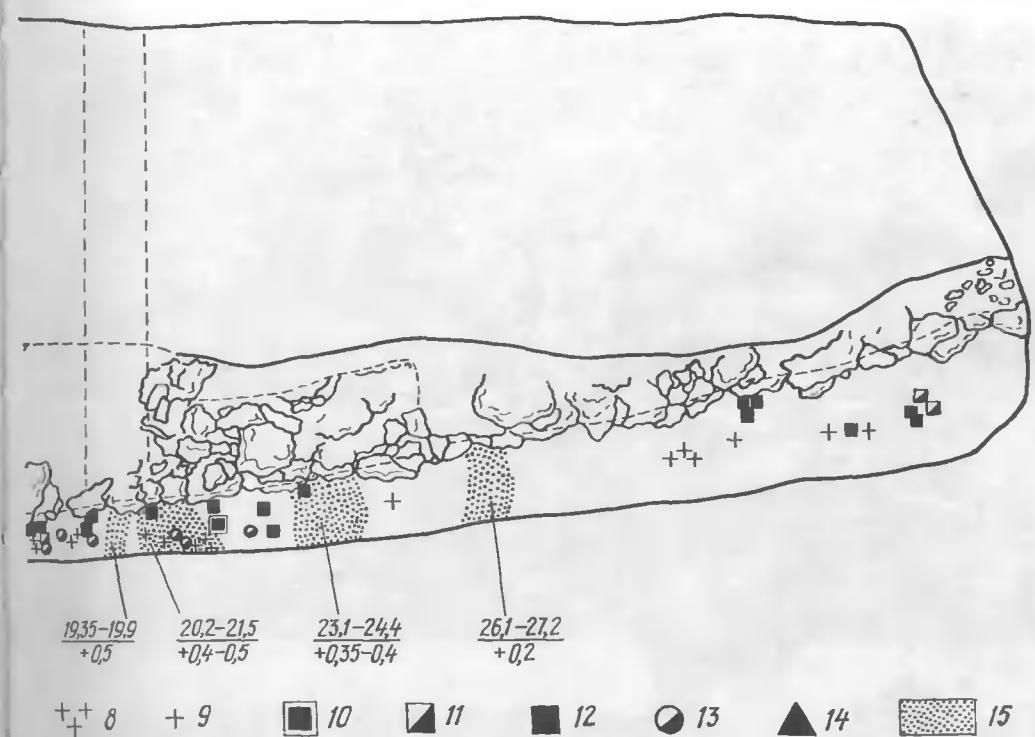
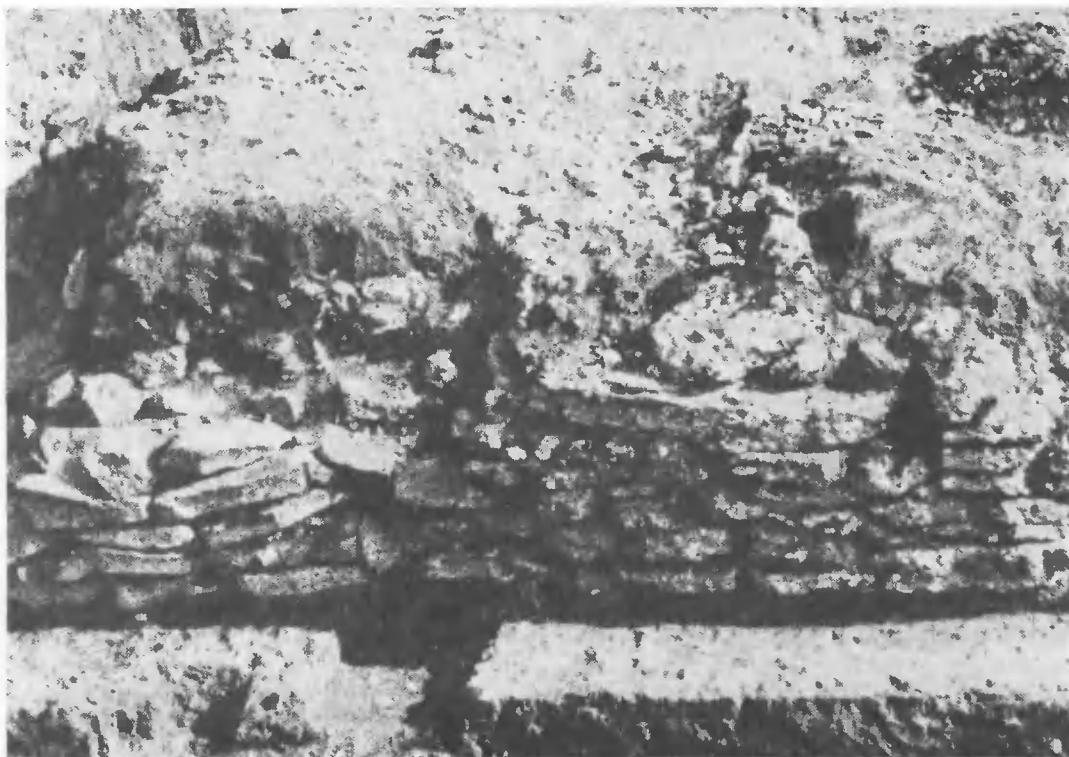
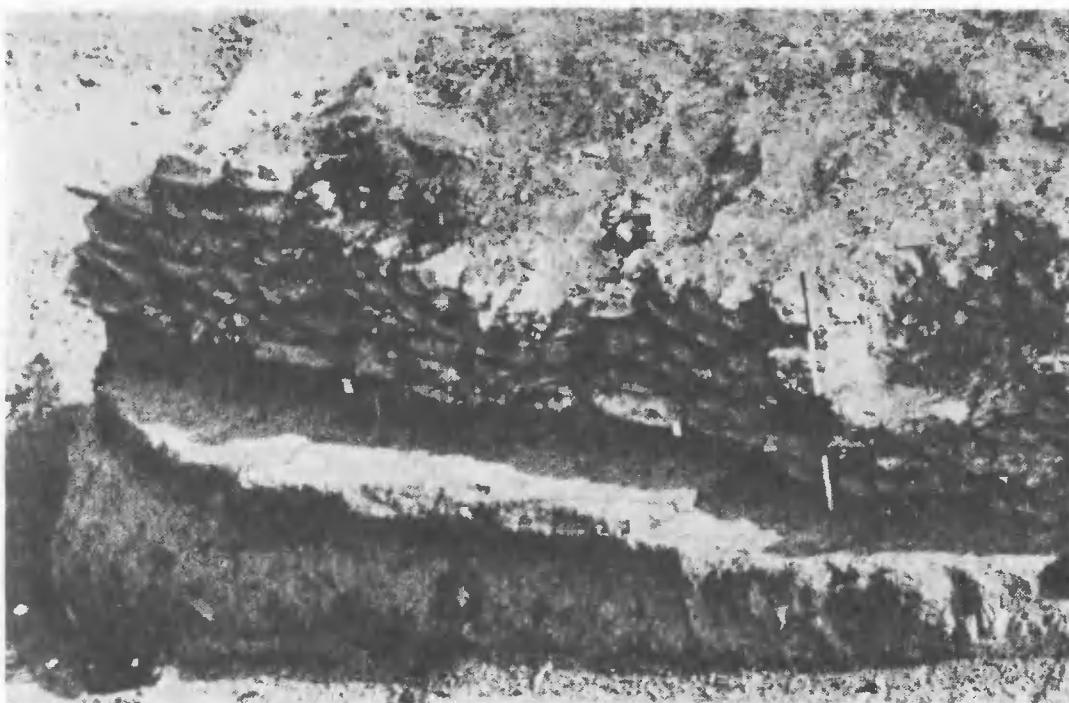

Рис. 22. План участка № 1/1983 г. каменной крепиды и фасировка венцем опорной стены:
1 — материк, 2 — погребенный черпозем, 3 — «рабочий горизонт», 4 — илистая крепида, 5 — каменная крепида, 6 — серый гранит, 7 — известняк, 8 — несколько костей животных, 9 — отдельные кости животных, 10 — амфорные ножки, 11 — фрагменты лепной керамики, 12 — фрагменты амфор, 13 — зубы животных, 14 — фрагменты человеческого черепа, 15 — скопления костей животных.

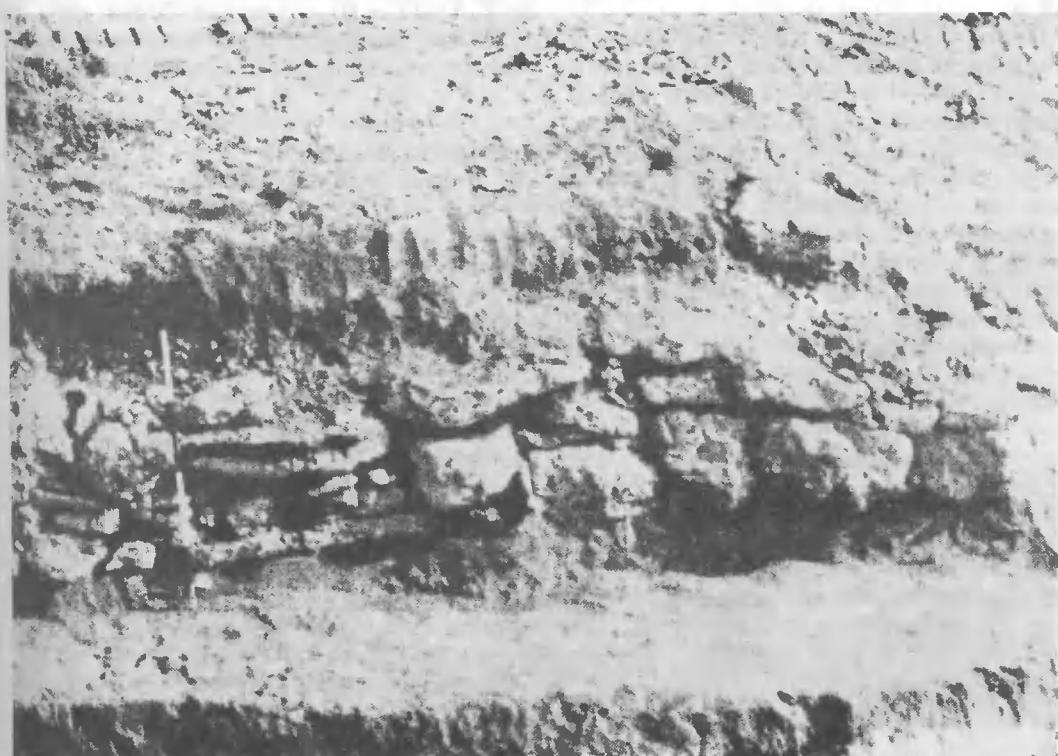
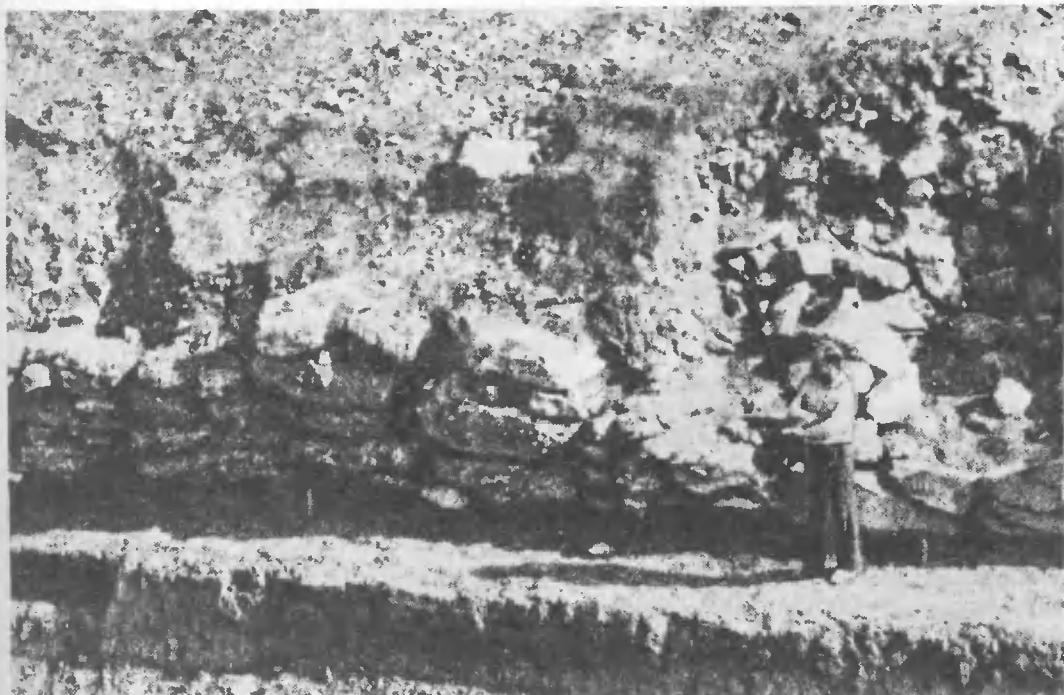

Рис. 23. Внешняя опорная стена участка № 1/1983 г. каменной крепиды.

сохранилась не полностью. О ее размерах и устройстве приходится судить по четырем участкам, выявленным и зафиксированным на протяжении 1983—1985 гг. (см. рис. 8).

Наиболее хорошо сохранился участок № 1 (1983 г.), длина которого составляла около 40 м (рис. 21). На его примере мы опишем каменную крепиду (рис. 22; 23).

Основной ее элемент — внешняя опорная стена, сложенная из крупного бута и каменных плит, достигавших в длину 2,5 м. Высота опорной стены — около 2,5 м. Максимально сохранились 7—8 рядов горизонтальной кладки. При этом нижний ряд кладки лежит на окончности внешней илистой крепиды, перекрывавшей, в свою очередь, «рабочий горизонт». Таким образом, нижний ряд кладки внешней опорной стены каменной крепиды был приподнят над погребенным черноземом примерно на 0,5 м.

Нижний ряд кладки внешней опорной стены состоял из блоков, достигавших в длину 0,8—1 м. Блоки плотно подогнаны, выше кладка состоит в основном из более крупных плит. Камни подогнаны в зависимости от формы; выступающие концы камней обиты.

В плане внешняя опорная стена участка № 1 каменной крепиды состоит из нескольких сегментов, в результате чего она приобрела своеобразные волнистые очертания. Прослеживались пять таких сегментов. Длина их колебалась в пределах: первый (сохранился частично) — 0—4,5 м, второй — 4,5—16, третий — 16—25,6, четвертый — 25,5—32, пятый (сохранился частично) — от 32 м*.

Согласно наблюдениям С. Д. Крыжицкого относительно системы кладки по главному фасаду, размера и формы материала, внешняя опорная стена состоит из ряда так называемых «захва-

ток» (участков, строительство которых велось независимо друг от друга). «Захватки» строились по направлению с запада на восток, о чем свидетельствует то обстоятельство, что западный конец каждой из них заходит на восточный конец предыдущей в своей верхней части.

Всего С. Д. Крыжицкий выявил семь таких «захваток». (Опишем их по направлению с запада на восток.)

1 «захватка» (0—4,5 м) — однорядная постелистая кладка из крупных (1—1,5 м) известняковых плит. Фундаментный ряд не выделен, перевязка швов по вертикали отсутствовала.

2 «захватка» (4,5—15 м). Выделяются три участка:

2а (4,5—7,4 м) — нижний ряд состоит из постелистых крупных известняковых плит длиной до 1,5 м. Остальная часть сложена по иррегулярной системе, приближающейся к однорядной постелистой, из известняка различной величины — плит и бута. Перевязка по вертикали удовлетворительная;

2б (7,4—11,5 м) — система более упорядочена. Материал по форме и размерам более однороден, чем на участке 2а;

2в (11,5—15 м) — однорядная постелистая кладка из известняковых плит разных размеров. В двух местах перевязка плит по вертикали отсутствовала. Материал сравнительно однороден. Средние размеры плит — 0,5—0,6 м.

3 «захватка» (15—17,4 м) — однорядная постелистая кладка. Фундаментный ряд не выделен. Размер известняковых плит — 1,4—1,5 м. Перевязка по вертикали отсутствовала.

4 «захватка» (17,4—19,1 м) — из известнякового бута средних размеров. Система иррегулярная.

5 «захватка» (19,1—24,8 м) — из плит серого гранита, рваных по слою. Перевязка швов по вертикали, однако, недостаточно последовательная. Система кладки однорядная постелистая.

6 «захватка» (24,8—29 м). Не исключено, что ее восточный край достигал отметки 31,5 м. Западный участок сло-

* Отсчет ведется от западного края участка № 1.

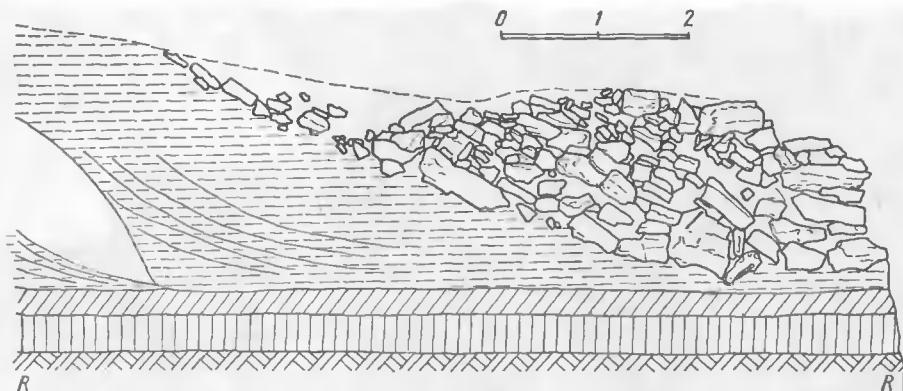

Рис. 24. Разрез каменной крепиды по линии R—R.

жен по однорядной постелистой системе из известняковых плит разной величины. Перевязка швов по вертикали плохая. Восточная часть сложена по однорядной постелистой, приближающейся к иррегулярной, системе из известняковых плит и блоков. Щели между ними заложены мелкими камнями, обломками железной руды и зеленого сланца.

7 «захватка» (от отметки 29—31,5 м). На предыдущих участках камни выходят

дили на фасад «ложками». Здесь система обратная — камни выходят «тычками». Нижний ряд кладки однорядный постелистый, выше кладка носит иррегулярный характер. Материал — известняк.

Рис. 25. Разрез каменной крепиды по линии R—R.

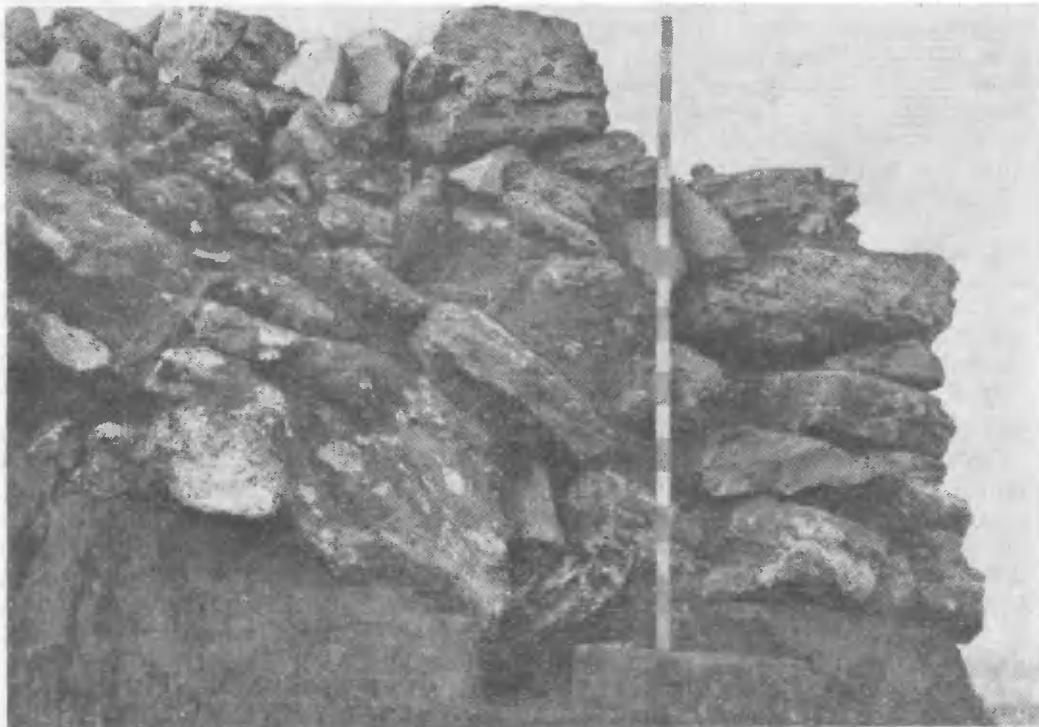

Рис. 26. Разрез каменной крепиды по линии R—R (деталь).

При осмотре каменной крепиды по главному фасаду участка С. Д. Крыжицкий отметил также переломы в местах смыкания «захваток» и проседание пятой «захватки».

О внутреннем устройстве каменной крепиды дают представление три разреза, пробитые нами поперек участка (рис. 24—30).

Разрез R—R находился у западной оконечности участка № 1 и проходил примерно по границе первой и второй «захваток». Под камнями крепиды находился конский череп без нижней челюсти, обнаруженный в 1,3 м от внешнего края каменной крепиды. Сама каменная крепида, как отмечалось ранее, покоялась на оконечности третьей илистой крепиды. В ил, из которого состояла последняя, и был буквально вдавлен конский череп. Абсолютно ясно, что произойти это могло только в том

случае, если грунт был влажным и недостаточно утрамбованным. Найденную, без сомнения, необходимо рассматривать как свидетельство совершения при возведении каменной крепиды так называемых «строительных жертв». В таком случае очевидно, что к моменту сооружения каменной крепиды илистая еще не успела высохнуть. А это, в свою очередь, прямое свидетельство одновременности строительства надмогильного сооружения из плит дерна и илистого грунта и окружавшей его каменной крепиды. Судя по зубам (илили клыкам), череп принадлежал жеребцу или мерину.

Что касается внутреннего устройства каменной крепиды, то разрез R—R дает следующую картину. Между внешней опорной стенкой каменной крепиды и склоном третьей, внешней илистой крепиды параллельно склону кургана лежала наброска бута средних размеров. Выше забутовки прослеживался выравнивающий слой из мелких камней, что дает

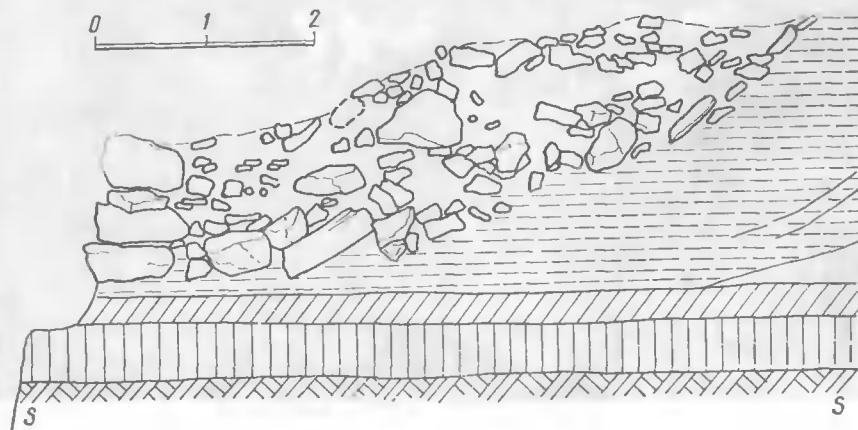
Рис. 27. Разрез каменной крепиды по линии R-R (деталь).

возможность восстановить высоту каменной крепиды — 2,6—2,8 м от уровня погребенного чернозема. Под каменной крепидой в разрезе зафиксированы оконечность внешней илистной крепиды и «рабочий горизонт», состоявший в этом месте как минимум из 14 четко различавшихся прослоек грунта. Хорошо был замечен также стык между средней и внешней илистыми крепидами. При

этом, как и в остальных случаях, основание внешней илистной крепиды перекрывало оконечность средней.

Разрезы S-S и T-T находились в центре участка № 1 каменной крепиды.

Рис. 28. Разрез каменной крепиды по линии S-S.

Их стратиграфические детали практически идентичны зафиксированным в разрезе R—R. Единственное незначительное отличие разрезов S—S и T—T от предыдущего заключалось в том, что в них зафиксированы крупные каменные блоки в основании каменной крепиды.

Участок № 2 (1984 г.) камеппой крепиды к северу от центра кургана (см. рис. 8). Длина участка — 11,5 м. Сохранилось лишь основание каменной крепиды, которое, как и на участке № 1, перекрывало оконечность внешней илистой крепиды. От внешней опорной стены (рис. 31—33) каменной крепиды максимально сохранились четыре горизонтальных ряда кладки. Их высота — около 0,8 м. Поскольку верхняя часть каменной крепиды на всем протяжении участка № 2 оказалась разрушенной, удалось проследить некоторые особенности ее сооружения и в плане. При этом выяснилось, что только внешние, фасадные ряды опорной стены сложены более или менее регулярно. За ними располага-

галась обычная каменная наброска. Наименее сохранилась центральная часть участка. По-видимому, она разрушена еще в скифское время, ибо здесь между камнями крепиды обнаружено большое количество обломков амфор. Здесь же находилась крупная ($1,6 \times 0,6 \times 0,2$ м), хорошо обработанная плита так называемого «токовского» гранита, напоминающая очертаниями поврежденную стелу энеолитического времени. Месторождение «токовского» гранита находится у современного с. Шолохово на р. Каменка (37—40 км к северу от Чертомлыка). Вес блока — около 720 кг. Возле плиты — обломки не менее трех амфорных ножек (скопление «у бабы»). У западного края участка выявлен камень, вертикально вкопанный нижней частью в грунт. Камень вплотную примыкал к нижним рядам кладки внешней опорной стены, как бы прерывая их (рис. 34). Возможно, в этом месте

Рис. 29. Разрез каменной крепиды по линии S—S.

каменной крепиды находился проход, а камень являлся частью облицовки его восточной стены.

Участок № 3 (1984 г.) каменной крепиды выявлен к западу от участка № 2 — между ним и участком № 1 (рис. 8; 35). Длина участка № 3 — 22 м. Крепида почти полностью разрушена. Сохранились лишь отдельные камни нижнего ряда внешней опорной стены (рис. 36).

Участок № 4 (1985 г.) зафиксирован под северо-восточным останцем курганной насыпи (рис. 8). Здесь каменная крепида также была построена на окончности внешней илистой. Общая длина участка № 4 — 19 м (рис. 37; 38). Однако более или менее хорошо каменная крепида сохранилась лишь на отрезке примерно 10 м от восточного края участка, где высота внешней опорной стены достигала 1,2 м. При этом сохранились до шести горизонтальных рядов кладки. Кладка, довольно регулярная и тщательная, выполнена из сравнительно небольших известняковых блоков (рис. 39). Западная половина участка

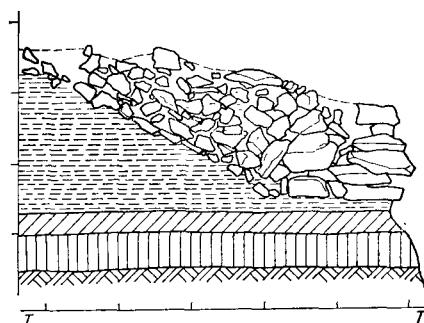
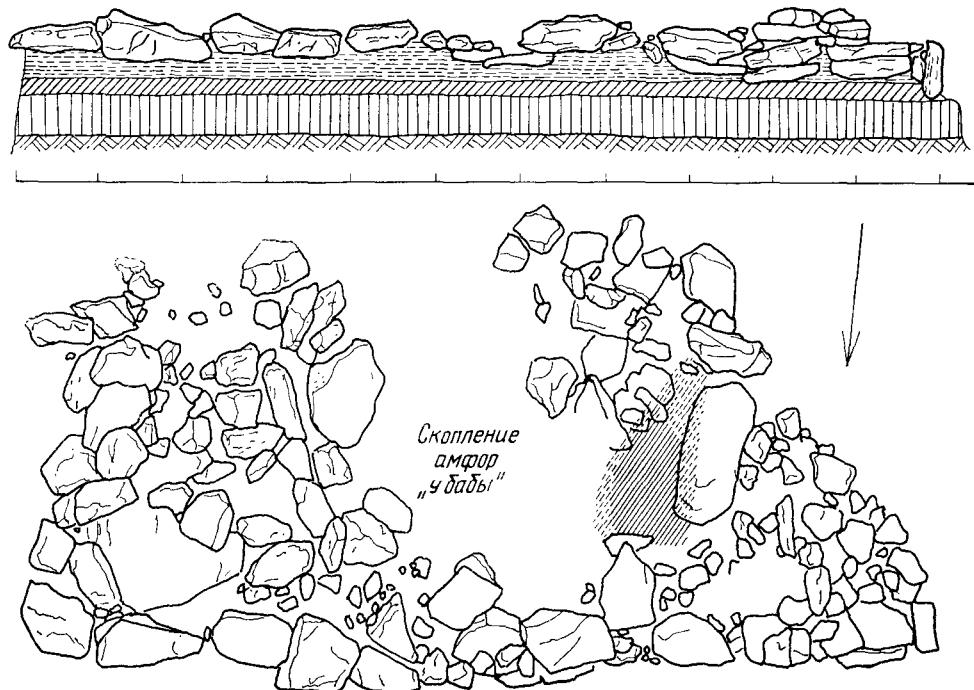

Рис. 30. Разрез каменной крепиды по линии Т—Т.

сохранилась гораздо хуже — удалось проследить лишь 1—2 ряда горизонтальной кладки внешней опорной стены.

Исследованные участки каменной крепиды дают возможность составить достаточно полное представление о первоначальном облике этого огромного по масштабам сооружения. Внешняя опорная стена удерживала от расплывания

Рис. 31. План и фасировка участка № 2/1984 г. каменной крепиды.

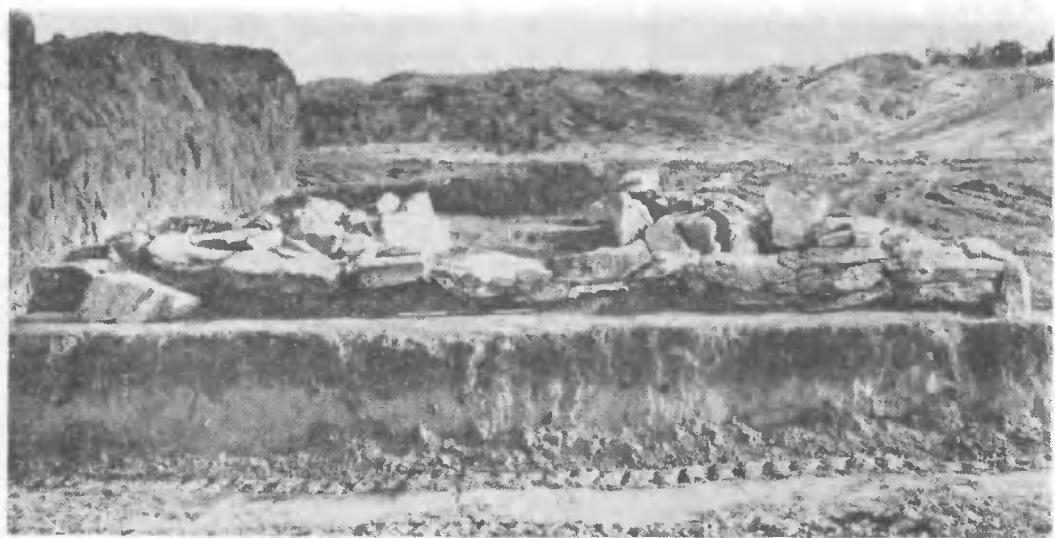

Рис. 32. Участок № 12/984 г. каменной крепиды. Вид с севера.

бутовый камень, заполнивший пространство между стеной и склоном курганной насыпи. Поверх забутовки находился выравнивающий слой из мелкого бута. В результате вдоль всей окружности кургана образовывалась ровная площадка, приподнятая на высоту верхнего ряда кладки внешней опорной стены, т. е. на высоту примерно 2,8 м от уровня погребенного чернозема. Ширина площадки достигала 7 м. Создавалось впечатление, что насыпь Чертомлыка сооружена на грандиозной каменной платформе, четко выделявшей этот рукотворный холм на фоне окружающего волнистого рельефа (рис. 40 на вкл.).

Следует подчеркнуть, что каменная крепида Чертомлыка, сохранившаяся участки которой расчищены в 1983—1985 гг. полностью и самым тщательным образом, заслуживает пристального внимания. По своей конструкции она резко отличается от большинства каменных крепид, зафиксированных в скифских курганах, и представляет собой кольцо каменной наброски, охватывающей нижнюю часть курганной насыпи (Гаймановы Могила, I и II Завадские

Могилы, др.). Каменные крепиды, похожие на Чертомлыкскую, встречаются гораздо реже. Одна из них исследована, например, в кургане № 1 у хут. Красное Знамя на Ставропольщине, где надмогильное сооружение VII в. до н. э. окаймляла вертикальная каменная стена, имевшая снаружи «кошачий глаз», поддерживаемый деревянными конструкциями [Петренко и др., 1974; Петренко, 1975]. Время создания этого кургана, в хронологическом и культурном отношении предшествующего курганным памятникам скифов IV в. до н. э., совпадает с периодом скифских походов в страны Передней Азии, что может подсказать направление поиска архитектурных прототипов интересующей нас каменной конструкции.

Если говорить об аналогиях, более близких к Чертомлыкской каменной крепиде и в территориальном, и в хронологическом плане, то нужно вспомнить каменные сооружения в курганах Бабина Могила [Мозоловский, Полин, 1987] и Каменная Близница [Андреев, Мухопад, 1987], датируемых IV в. до н. э. и расположенных в нескольких десятках километров от Чертомлыка. Каменные крепиды в этих курганах, сохранившиеся к моменту раскопок го-

Рис. 33. Участок № 2/1984 г. каменной крепиды. Вид сверху.

раздо лучше, чем крепиды Чертомлыка, к сожалению, не были расчищены полностью. По этой причине публикуемая нами крепида по-прежнему остается одним из наиболее изученных каменных сооружений такого рода. Выделяется она и своими огромными размерами.

Наглядное представление о них дают подсчеты, выполненные по нашей просьбе геологом Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината Н. А. Панченко. Согласно его данным, общая масса камней, использованных при строительстве только одного, наиболее хорошо сохранившегося участка каменной крепиды, а именно участка № 1, составляла не менее 1100 т. Если же учесть, что при диаметре крепиды около 90 м длина этого участка равня-

лась примерно $\frac{1}{7}$ длины окружности каменной крепиды, то, соответственно, общая масса камня, затраченного при строительстве всей крепиды, достигала 8 тыс. т. При этом, как сообщил нам Н. А. Панченко, многие годы работавший в окрестностях Чертомлыка, камень для строительства крепиды добывался в радиусе 2—8 км от кургана. В частности, выходы известняка находятся в 2—4 км восточнее Чертомлыка, а выходы серого гранита — в 6—8 км севернее.

У основания внешней опорной стены каменной крепиды зафиксированы многочисленные обломки амфор, отдельные человеческие кости, а также скопления костей животных. Эти находки связаны, вероятно, с различными поминальными обрядами и жертвоприношениями, проходившими у подножия кургана после завершения строительства надмогильного сооружения.

2. Поминальные тризыны и жертвоприношения

Рис. 34. Западная оконечность участка № 2/1984 г. каменной крепиды.

Первые следы этих обрядов зафиксированы еще И. Е. Забелиным при раскопках курганной насыпи [ДГС, с. 78 и далее].

Так, уже в верхней части насыпи, на глубине около 1 м от поверхности, попадались обломки амфор. Здесь же обнаружен уздечный набор, в том числе железные удила, ворварки, круглые бронзовые бляхи с петлей на обороте и др. (кат. 4). На этом же уровне, но несколько северо-западнее места находки первого набора обнаружены несколько зубов лошади, часть лошадиной челюсти, а также второй уздечный набор (кат. 5). На глубине 1,7–1,8 м от поверхности кургана выявлен третий уздечный набор (кат. 6).

Еще более интересные находки ожидали исследователя примерно на глубине 6,5 м от вершины кургана. На этом уровне, на расстоянии около 3 м от центра кургана к востоку, расчищены беспорядочно сваленные в кучу размерами $1,4 \times 1 \times 0,7$ м многочисленные бронзовые, железные, серебряные и золотые предметы (кат. 7–36).

Среди них — 10 бронзовых наверший, конские наносники нескольких типов,

пластичные нащечники, нащечники в виде стилизованных лап животных, ворварки, пронизи, колокольчики, пряжки, не менее 70 бронзовых и 3 железных псалия, а также железные удила «... около 250, как можно было приблизительно счесть по числу баранчиков» [ДГС. с. 83], бронзовые круглые петельчатые бляхи, круглые бронзовые нашивные бляхи различных размеров (кат. 22, 24), нагрудный конский убор (кат. 13), ковш (кат. 33), около 300 наконечников стрел (кат. 32).

Из общего количества находок выделяются 7—8 полных уздачных наборов с рельефными налобниками и нащечниками, покрытыми гравированным орнаментом, и от 40 до 50 наборов с налобниками и нащечниками других типов. Одному из наборов соответствуют детали нагрудного украшения: 3 большие бляхи, 11 лунниц и, по-видимому, около 10 колокольчиков. Вероятно, к этой же уздечке относились серебряные бляхи, золотые ажурные пластинки и низка раковин каури (кат. 29—31, 36).

Рис. 35. Участки каменной крепиды: № 2/1984 г. (слева); № 3/1984 г. (справа); № 1/1983 г. (на заднем плане). Вид с северо-запада.

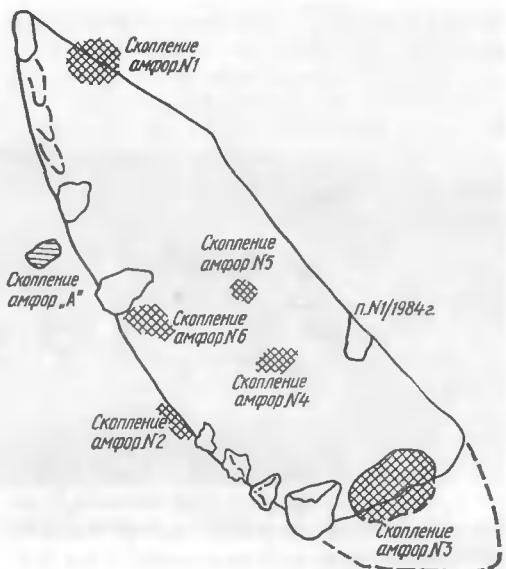

Рис. 36. План участка № 3/1984 г. каменной крепиды.

Как видим, уздачек с полным комплектом украшений было всего около 50, чему примерно соответствует и количество обнаруженных здесь псалиев. В таком случае количество железных удил, якобы обнаруженных в этой куче (согласно упоминанию в «Древностях Геродотовой Скифии», — около 250), выгля-

Рис. 37. Участок № 4/1985 г. каменной крепиды.

дит явно завышенным. Не исключено, что в данном случае произошла ошибка в подсчетах, тем более что среди железных удила выявлено очень много «сварившихся от ржавчины и совершенному перержавевших» [ДГС, с. 83].

В современной археологической литературе подобные скопления различных предметов, так или иначе связанных с убором верхового коня или конской упряжкой, открытые, кстати, уже не в одном аристократическом скифском кургане, трактуются обычно как «остатки погребального кортежа».

Наиболее близким по характеру и составу к чертомлыкскому скоплению остатков такого кортежа оказалось скопление в Краснокутском кургане, исследованном Н. Е. Забелиным накануне раскопок Чертомлыка передалку от последнего — на территории современного Томаковского р-на.

В Краснокутском кургане на уровне древнего чернозема, у прохода в восточной части кольцевого выклида, ведущего к центральной могиле, были обнаружены две кучи вещей, состоявшие из деталей двух четырехколесных повозок, 10 наверший, почти 70 бронзовых удила, бронзовых колокольчиков и лунниц,

более чем 760 бронзовых нашивных блях — круглых, подобных по форме и размерам обнаруженным на Чертомлыке, треугольных и др. [ДГС, с. 43—47; Мелюкова, 1981, с. 18—66].

В отличие от Краснокутского кургана, среди остатков погребального кортежа на Чертомлыке каких-либо явных следов погребальных повозок не обнаружено. Деталь эта, на первый взгляд достаточно малосущественная, имеет, однако, определенное значение для дальнейшего анализа центрального погребального сооружения Чертомлыка и выяснения соотношения между его отдельными частями, ибо, как показывает анализ археологического материала, «повозки в основном были принадлежностью женских скифских погребений, тогда как мужчин сопровождали взнузданные верховые кони. То есть путешествие их в загробный мир представлялось различно — мужчины-воины едут верхом, а женщины — на повозках» [Бессонова, Кирилин, 1977, с. 134]. В этой связи подробнее остановимся на вопросе о назначении больших бронзовых блях, во множестве выявленных на каждом из двух памятников.

В насыпи Чертомлыка их количество достигало почти 300. Диаметр блях колебался от 4 до 6,7 см. По их краям размещены четыре или, реже, три от-

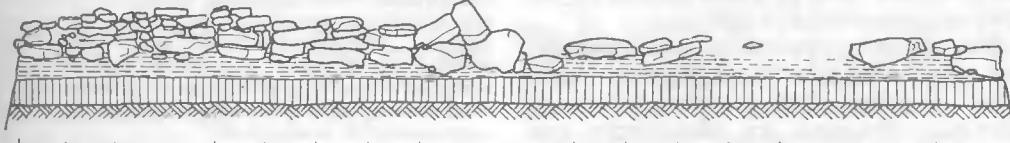
верстия; на некоторых к моменту раскопок сохранились остатки нитей [ДГС, с. 83]. Такие же остатки ниток И. Е. Забелин обнаружил и в отверстиях бронзовых блях из Краснокутского кургана. Здесь же им выявлены и остатки основы, «похожей на холст», на которую нашивались бляхи [там же, с. 47]. Это обстоятельство позволило И. Е. Забелину высказать мысль о том, что интересующие нас бляхи первоначально украшали либо покрывала погребальных повозок, либо «кочевые палатки или шатры покойника» [там же]. Со временем первое его предположение прочно закрепилось в археологической литературе. Соответственно наличие таких блях среди остатков погребального кортежа, согласно логике предположения И. Е. Забелина, могло бы расцениваться как косвенное свидетельство присутствия в его составе погребальных повозок.

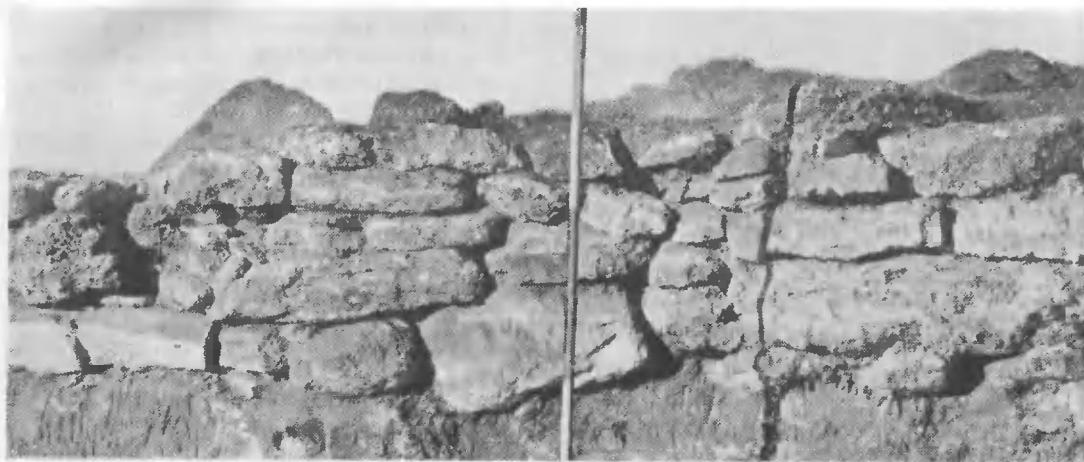
Однако связь блях с убранством погребальных повозок не может считаться достаточно доказанной. Во многих случаях бляхи типа чертомлыкских обнаружены вне какой-либо связи с погре-

бальными повозками. Так, в кургане № 2 группы Носаки опи были найдены под насыпью в виде отдельного скопления [Бидзили и др., 1977, с. 70—71]. В кургане № 14 у с. Гюновка более 70 подобных блях выявлены на дне входной ямы [Рябова, 1978, с. 63]. На дне входной ямы в кургане № 46 находилось более двухсот бронзовых круглых блях с отверстиями для пришивания. (Курган располагался в нескольких километрах от Чертомлыка и исследован в 1986 г. совместной экспедицией Института археологии АН УССР и Немецкого научно-исследовательского общества.) В последнем случае четко прослеживалось, что бляхи были нашиты на тканевую или кожаную основу, сложенную затем несколько раз, в результате чего бронзовые бляхи оказались на дне ямы в несколько слоев. В нижней части входной ямы обнаружены также свернутые в рулон ремни (поводья?), украшенные нашитыми на них более мелкими бронзовыми бляшками. В итоге появилась еще одна точка зрения относительно назначения бронзовых блях рассматриваемого типа, согласно которой такие бляхи усиливали защитные доспехи боевого коня типа нагрудника, схожего с реконструированным М. В. Гореликом [1971, рис. 2а] по изображению на золотой пластине из Гермесова кургана [Мурzin, Черненко, 1980, с. 166—167].

Учитывая сказанное выше, приходится констатировать, что в отношении Чертомлыка совершенно уверенно можно говорить лишь о находке в его насыпи около 50 конских уборов, символизирующих захоронение равного им количества верховых коней. Весьма любопытно, что число этих «заменителей»

Рис. 38. Фасировка внешней опорной стены участка № 4/1985 г. каменной крепиды.

перекликается с цифрами, упоминаемыми Геродотом [IV, 72] в рассказе об обряде, совершающем через год после похорон скифского царя, когда в жертву было принесено 50 коней и 50 воинов. Не исключено, что ряд узденчных уборов изготавливался для символического захоронения специально — на это указывают уменьшенные размеры и грубое исполнение некоторых их деталей (кат. 19).

Отдельные находки обломков амфор, в том числе амфорных ручек с клеймами (кат. 1—3), бронзовых наконечников стрел, железных удил и пр., встречались и в ходе дальнейшего исследования курганной насыпи, вплоть до уровня погребенного чернозема.

В западной части насыпи, в 16 саж. от центра кургана (около 34 м), И. Е. Забелин обнаружил скелет коня, в челюстях которого находились железные удила. По обоснованному мнению И. Е. Забелина, это могли быть останки жертвенного коня [ДГС, с. 115—116]. Судя по всему, жертвоприношение совершиено до возведения курганной насыпи * и может быть связано с ритуальными действиями, предшествующими ее строительству и освящающими его.

Как мы уже отмечали, многочисленные следы поминальных обрядов выявлены в ходе исследования каменной крепиды. Впервые их обнаружил еще

И. Е. Забелин, отметивший [ДГС, с. 84—85], что между камнями крепиды встречались кости лошадей, небольшие железные удила, бронзовый наконечник стрелы, фрагменты лепного сосуда, а также обломки амфор, среди которых находились и ручки с клеймами (кат. 1—3).

Во время доследования Чертомлыка основная масса находок, главным образом обломки амфор, отдельные кости людей, а также скопления костей животных, выявлена у основания внешней опорной стены каменной крепиды —

* Согласно И. Е. Забелину [ДГС, с. 115], скелет коня лежал чуть выше погребенного чернозема, на одном из «откосных», утаптанных слоев чернозема, которые были прослежены им в западной части кургана. По его мнению, наличие этих слоев могло свидетельствовать о поэтапном, разновременном строительстве курганной насыпи. Однако следует учесть, что в западной части кургана И. Е. Забелиным [ДГС, с. 116] были открыты три, как совершенно ясно сейчас, погребения эпохи бронзы (см. прил. 7): одно катакомбного времени и два — срубного (№ 11—13, по И. Е. Забелину). Исходя из этого, можно заключить, что западная пола Чертомлыка перекрывала более ранний курган эпохи бронзы, а зафиксированные им «откосные» слои чернозема были вичем иным, как остатками насыпи этого кургана. В таком случае, жертвоприношение коня, предшествующее возведению курганной насыпи Чертомлыка, было совершено на небольшом кургане эпохи бронзы — самой высокой точке «строительной площадки».

на 0,2—0,5 м выше уровня погребенного чернозема и в 1—1,5 м от подножия стены.

Вдоль участка № 1 каменной крепиды расчищены девять скоплений костей животных (рис. 22, 2). Они располагались на таком расстоянии от западного края участка, м: № 1 — 8,1—9,8, № 2 — 13,05—14,25, № 3 — 14,6—15,8, № 4 — 17,15—17,7, № 5 — 19,35—19,9, № 6 — 20,2—20,4, № 7 — 23,1—24,4, № 8 — 26,1—27,2, № 9 — 3,1—4,5.

Согласно определению О. П. Журавлева, скопления состояли из костей лошадей (9 особей), вепря (1 особь) и, вероятно, свиньи домашней (1 особь).

Между скоплениями костей животных, выявленных вдоль участка № 1, встречались обломки амфор, мелкие фрагменты стенок лепного горшка. На расстоянии 12,2 м восточнее западного края участка на уровне 0,6 м выше погребенного чернозема найден фрагмент человеческого черепа. Второй фрагмент этого черепа обнаружен в 0,5 м восточнее. По определению С. И. Круц, череп принадлежал молодому человеку в возрасте около 20 лет (см. прил. 9).

При расчистке участка № 2 каменной крепиды постоянно встречались обломки амфор. Кроме того, здесь найдены зубы лошади и обломок бедренной кости молодого человека (определение С. И. Круц).

Рис. 39. Внешняя опорная стена участка № 4/1985 г. каменной крепиды (деталь).

Вдоль внешней опорной стены участка № 4 каменной крепиды на уровне погребенного чернозема и выше обнаружены многочисленные обломки амфор, кости людей и животных, принадлежности конской узды. В том числе на уровне погребенного чернозема в 0,5 м от восточного края участка к западу найдены, по определению О. П. Журавлева, челюсти лошади и быка; на уровне погребенного чернозема в 5 м от восточного края участка выявлено скопление обломков амфор; на 0,2—0,4 м выше уровня погребенного чернозема в 7,7—8,3 м от восточного края обнаружены кости людей. По определению М. Шульца (см. прил. 8), они принадлежали двум индивидуумам. Скелет «А», вероятно, мужской, возраст — 20—29 лет. Сохранились кости черепа, зубы верхней и нижней челюстей, обломки длинных костей. Скелет «В», вероятно, мужской, возраст — 40—60 лет. Сохранились фрагменты черепа, нижней челюсти, обломки бедренных костей, левой голени; на уровне древнего горизонта в 10,5 м от восточного края участка найдены два железных прямых двудырчатых псалия с восьмеркообразным расширением посередине (кат. 216).

Картина, близкую описанной, наблюдал и И. Е. Забелин [ДГС, с. 117] при разборке сравнительно небольшого участка каменной крепиды, открытого им в западной части центральной траншеи: «Вся северо-западная часть материка под каменьями цоколя была сплошь покрыта слоем амфорных черепков и лошадиных костей (ноги, бабки, лопатки, челюсти), толщиною в 1/4 арш., шириной более 1½ арш., который напрягаясь в длину к сев. на 7 саж. и уходил под северную стенку раскопки». Здесь же найдены два бронзовых уздечных набора, железное, плакированное золотом кольцо, другие мелкие вещи (кат. 37—43а).

Описанные находки невольно заставляют вспомнить известный рассказ Геродота [IV, 72], согласно которому через год после сооружения царского кургана скифы расставляли вокруг него своеобразную «почетную стражу» из 50 умерщвленных скифских воинов, по-

саженных на убитых коней. Учитывая длину окружности надмогильного сооружения Чертомлыка (около 280 м), можно легко подсчитать, что на данном кургане участок, вверенный «онеке» каждого такого «стражи», составлял бы приблизительно более 5 м. Весьма любопытно, что подобную цифру мы получим, если разделим длину участка № 1 каменной крепиды (40 м) на количество особей лошадей, кости которых здесь обнаружены. С нашей точки зрения, эта деталь лишний раз доказывает, что прослеженные вдоль основания каменной крепиды Чертомлыка костные остатки людей и лошадей являются первым археологическим свидетельством, подтверждающим подлинность зафиксированного Геродотом обычая. Такими мрачными, но пышными обрядами обставлялось захоронение скифского владыки, останки которого покоились в центральной гробнице Чертомлыка.

3. Центральная гробница

В 1863 г., сняв центральную часть кургана, И. Е. Забелин обнаружил на уровне нижней части насыпи остатки материевого выкида из центральной могилы. Выкид состоял из глины белого, желтого и красного цвета. Согласно данным, опубликованным в «Древностях Геродотовой Скифии» [с. 86], выкид имел в плане форму кольца, достигавшего в диаметре 34 м, ширина колебалась от 8,5 до 12,8 м, а мощность — от 0,35 до 1,8 м. Однако в дневнике И. Е. Забелина отмечено, что кольцо выкида не сплошное, а имело разрывы на западе и востоке. При этом разрыв на западе составлял около 10 м, а на востоке валы выкида почти смыкались: «На восток эти слои постепенно понижались в расстоянии 8 саженей, от центра сходя вовсе. На запад был сделан перерыв шириной в 5 саженей у того именно места, где замечен провал (конские могилы.— Авторы)» [АЗ, ед. хр. 262, л. 21]. И далее: «Глины слои

заворачивают на восток и почти со-прикасаются. На запад же образуют пролет саженей в 5» [АЗ, ед. хр. 263, л. 139].

В центре кольцевого выкида на уровне материка И. Е. Забелиным прослежены контуры двух ям. Первая имела форму правильного прямоугольника, ориентированного по линии запад — восток. Ее размеры по верху составляли около 4,6 × 2,1 м. Вторая яма располагалась в 5,3 м от северо-западного угла первой. Ее форма — неправильный овал, ориентированный по линии запад — восток, размеры — около 8,5 × 4,3 м. Отметив неправильную форму этой ямы, а также трещины по краям, И. Е. Забелин предположил, «что это был собственно провал в подземелье...» [ДГС, с. 86]. Это предположение полностью подтвердилось после того, как из второй ямы было вынуто черноземное заполнение и выяснилось, что ее глубина достигала лишь 2,5 м.

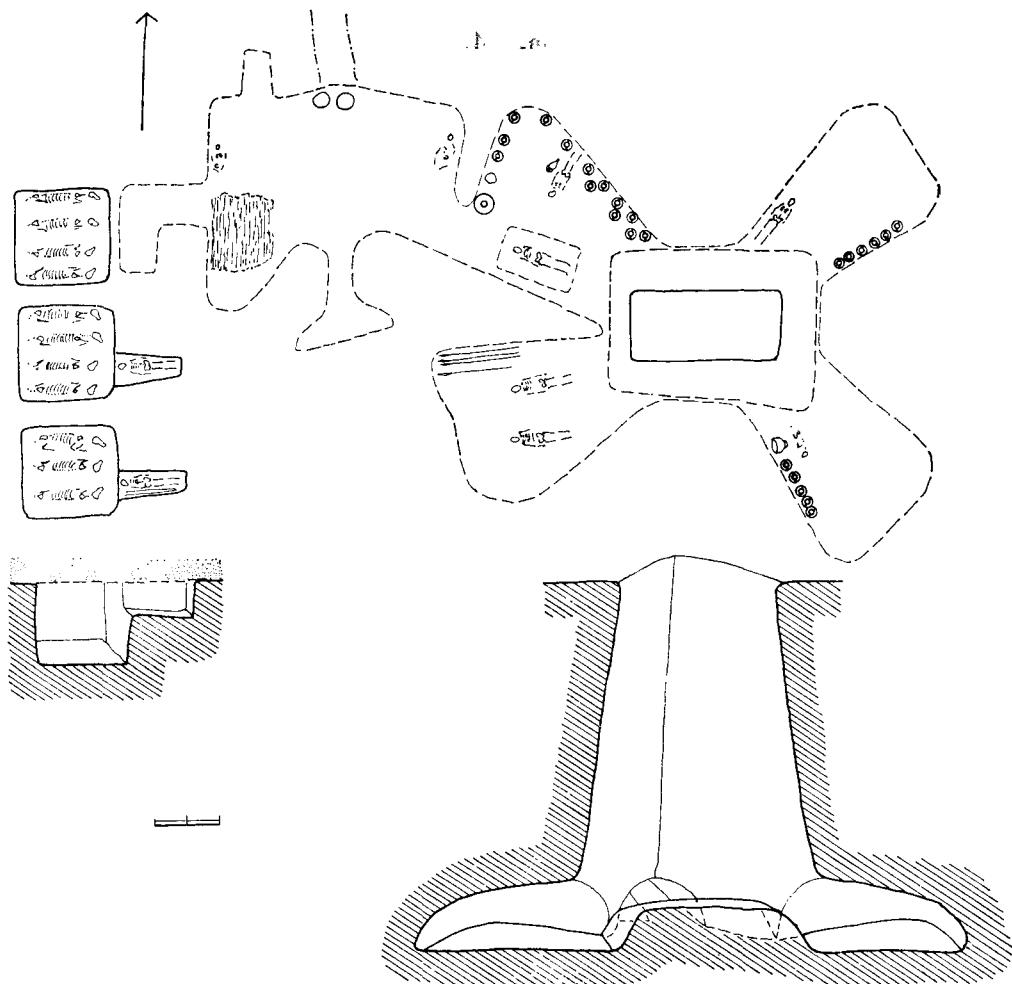

Рис. 41. План и разрезы центральной гробницы Чертомлыка и конских захоронений (по И. Е. Забелину).

Для исследования первой ямы, представлявшей по современной терминологии входную шахту центральной катакомбы, И. Е. Забелин вдоль южной, западной и северной стенок вырезал в материке уступы шириной 4,26 м, которые облегчили выемку заполнения ямы «в переброску». В качестве контрольного образца восточная стенка ямы оставлена нетронутой [там же, с. 90].

По мере выемки заполнения выяснялось, «что яма выкопана по линии трапеции и в плане, и в разрезе, и притом так, что широкую стену трапеция опускалась вглубь...» [там же]. За счет расширения книзу яма на уровне дна при-

обрела в плане форму трапеции, вытянутой с востока на запад, размерами около 6,75 (запад — восток) $\times$ 4,07 (западная стенка) $\times$ 5,49 (восточная стенка) м (рис. 41).

Дно ямы было устроено на уровне «чистой белой глины» на глубине 10,82 м от уровня погребенного чернозема [ДГС, с. 91]. До этого яма прорезала слой «верхней желтой глины», за которым следовал слой беловатой глины, а за ним шли слои глины красноватой и темно-желтой» [там же]. Нетрудно заметить,

что описание стратиграфии грунта, в котором была выкопана входная яма, практически полностью совпадает с описанием грунта, из которого состоял кольцевой выкид вокруг центральной могилы. По всей вероятности, весь грунт извлеченный при ее строительстве, был уложен в этот кольцевой выкид, ибо входная яма, по свидетельству И. Е. Забелина, была заполнена черноземом, который «во всей яме отличался необыкновенно чистотою, без малейших примесей каких-либо других частей земли» [там же, с. 90].

В черноземном заполнении входной шахты, на глубине примерно 8,5 м от погребенного чернозема, у западной стенки попадались небольшие железные скобы и гвозди, согнутые в виде скоб. Такие же скобы и гвозди обнаружены в заполнении у других стенок входной шахты. Как отмечает И. Е. Забелин, эти железные детали «скрепляли какие-то деревянные палки толщиною в $\frac{1}{2}$ вершка, совсем уже истлевшие, и которые, как можно было приметить по сохранившимся в черноземных слоях впадинам, стояли некогда у стен ямы вертикально, на расстоянии друг от друга на 4—6 вершков» [там же, с. 90].

Не вызывает сомнений, что остатки деревянных конструкций представляют собой в целом обязательные [Ольховский, 1977, с. 111] для скифских погребальных сооружений заслоны, закрывавшие устья подземных камер. Судя по описанию И. Е. Забелина, основой заслонов в данном случае служили вертикально установленные на расстоянии около 17—26 см друг от друга тонкие, около 2 см в диаметре, жерди. Вероятно, каркас из жердей дополнялся тростником и деревянными деталями (истлевший тростник и остатки дерева встречались на дне входной ямы, особенно вдоль ее стенок). Здесь же, на дне входной ямы [ДГС, с. 91], И. Е. Забелин зафиксировал остатки голубой, карминной и пурпурной красок, которыми, надо полагать, были окрашены заслоны. Отметим, что подобным образом окрашен и заслон камеры в Северной могиле

Чертомлыка, исследованной летом 1985 г.

Кроме железных скоб и гвоздей от заслонов, в черноземном заполнении входной ямы [там же, с. 90] «найдены одна бронзовая стрелка обыкновенной остроугольной формы, одна бронзовая стрелка в виде копьяца и обломки синей стеклянной бусы» (кат. 68—70).

За заслонами выявлены устья четырех камер («ниш», «наугольных помещений», по терминологии И. Е. Забелина). Камеры располагались по углам входной шахты (рис. 41). Дно камер было устроено на уровне глины красного цвета, лежащей под слоем белой глины, на уровне которой находилось дно входной шахты. Учитывая, что мощность слоя белой глины достигала 2 аршин [там же, с. 91], перепад глубин между дном входной шахты и дном камер составлял около 1,4 м (таким образом, дно камер находилось на глубине около 12,2 м от уровня погребенного чернозема).

В описании основного погребального сооружения Чертомлыка [там же, с. 96] указаны размеры лишь камеры № 1 (юго-восточной). Ее длина составляла около 5 м (7 арш.), а ширина — около 3,6 м (5 арш.). Высота свода — около 2,13 м (3 арш.). Камера № 2 (северо-восточная), как отмечается в публикации, соответствовала по своим размерам камере № 1. Размеры остальных угловых камер не указаны. Однако из опубликованного, к сожалению, в мелком масштабе чертежа центральной гробницы следует, что размеры всех четырех угловых камер не очень отличались друг от друга.

К северо-западу от камеры № 4 И. Е. Забелин открыл еще одно подземное помещение — камеру № 5. В плане она имела форму неправильного прямоугольника, ориентированного длинной осью по линии запад — восток. В соответствии с масштабом плана V. помещенного на листе F альбома, длина камеры составляла около 7,8 м, ширина у западной стенки — около 6,4, у восточной — около 4,25 м. Цифры довольно

приблизительные, так как чертеж изготовлен по описанию И. Е. Забелина уже при подготовке материалов Чертомлыка к публикации в «Древностях Геродотовой Скифии» [Арх. ЛОИА, ф. 1, 1867, д. 43, с. 12]. Вероятную высоту свода камеры № 5 И. Е. Забелин определил по степени просадки грунта над камерой. По его наблюдениям, чернозем просел над камерой на $3\frac{1}{2}$ аршина [ДГС, с. 107], что дает приблизительную высоту ее свода — около 2,5 м.

В северной, западной и южной стенах камеры № 5 были вырыты три ниши (F, H, K).

Форма северной ниши в плане прямогольная. Она располагалась у северо-западного угла камеры № 5. Ширина устья ниши — около 0,7 м, высота такая же, глубина ниши — около 2,13 м, а ширина ее — около 1 м [там же, с. 110].

Западная ниша имела Г-образную форму. Ширина и высота ее устья соответствовали ширине и высоте устья северной ниши, глубина ниши — около 2,13 м: «Пещерка продолжалась в длину на 3 аршина и в расстоянии двух аршин от входа поворачивала налево, прямо к югу, тоже на 2 аршина в длину» [там же, с. 111].

Южная ниша в плане приближалась к Т-образной форме. Она располагалась примерно в 2,13 м от западной стенки камеры № 5. Ширина и высота устья такие же, как и у предыдущих ниш. За счет расширения у торцовой стенки ширина ниши достигала в этом месте около 2,13 м [там же, с. 112].

Необходимо также отметить, что за счет расширения камеры № 5 у ее западной торцовой стенки юго-западный угол камеры также образовывал подобие ниши.

Как выяснилось в ходе работ, камера № 5 соединялась с камерой № 4. Характерстыка между ними по-прежнему не до конца выяснен. Это обстоятельство породило, как уже отмечалось в историографическом обзоре, различные точки зрения относительно соотношения подземных сооружений, выявленных раскопками И. Е. Забелина в центре Чертомлыка.

Разрешить этот весьма существенный вопрос во многом было призвано повторное исследование интересующих нас сооружений, предпринятое в 1981 г.

С этой целью в центре кургана с помощью мощных бульдозеров и скреперов заложили широкую (около 21 м) траншею, которая должна была, вскрыв «через верх» подземные сооружения, расчистить их по дну, уточнив при этом контуры, размеры и связь друг с другом. Однако на глубине около 8 м от уровня погребенного чернозема траншея вошла в слой насыщенной влагой материковой глины, что, безусловно, указывало на близость грунтовых вод. Работы были приостановлены. В присутствии специально приглашенных гидрогеологов Орджоникидзевского ГОКа в дне траншееи с помощью ручного бура пробили скважины, достигавшие примерно глубины 13 м от уровня погребенного чернозема. Оказалось, что ниже пробитой траншеи находится мощный слой пльвы. Это подтвердилось затем и в ходе более тщательного обследования с применением буровых установок (см. прил. 5). Дальнейшее продолжение работ стало неподъемным, поскольку пльвы полностью размыли стены и дно погребальных сооружений. Воочию мы убедились в этом в 1983 г., когда, возобновив после годичного перерыва работы на Чертомлыке, решили проверить, не изменилась ли гидрогеологическая ситуация. Для этого над центральной могилой с помощью экскаватора был заложен небольшой пробный шурф. Почти сразу же он наполнился водой и его стени начали обваливаться. Работа была прекращена. Позднее при разборке земли, извлеченной экскаватором и имеющей консистенцию жидкой массы, удалось извлечь покрытые зеленым окислом кости животных, а также отдельные кости человека.

Учитывая, что попытка повторного исследования открытых в 1863 г. погребальных сооружений успеха не имела, самым тщательным образом еще раз

рассмотрим все имеющиеся в нашем распоряжении данные относительно их планировки и соотношения.

В этой связи необходимо прежде всего представить себе, каким образом соединились камеры № 4 и 5. Вот как описан этот стык в ДГС [с. 114]: «Стена... юго-восточного угла (камеры № 5.—Авт.) состояла из рушенной, обвалившейся красной глины, между тем как здесь должен был лежать материковый пласт белой глины. Это обстоятельство указывало, что обследованное подземелье в этом месте сообщалось с наугольным северо-западным подземельем главной гробничной ямы (камерой № 4.—Авт.).».

Благодаря внимательному отношению И. Е. Забелина к стратиграфии грунта можно уточнить некоторые важные детали, содержащиеся в этом отрывке.

Как мы помним, дно всех пяти камер находилось ниже dna входной ямы на уровне красной глины. Выше ее, по описанию И. Е. Забелина, лежал слой белой глины. Соответственно стены камер в своей нижней части должны были быть сооружены в белой глине. Именно такую картину и ожидал увидеть И. Е. Забелин по всему периметру камеры № 5. Однако в ее юго-восточном углу он обнаружил вместо этого рушенный слой красной глины, заполнивший проход между камерами № 5 и 4. Несколько можно себе представить исходя из опыта исследования скифских катакомб, это заполнение могло образоваться лишь в результате обвала свода над проходом. Действительно, слой «красноватой» глины отмечен И. Е. Забелиным несколько выше белой: ниже погребенного чернозема залегала глина желтая, затем беловатая, красноватая, темно-желтая, белая и красная [ДГС, с. 91]. Таким образом, поскольку в обвале не прослеживалась глина белого и желтого цвета, свод прохода между камерами № 5 и 4 примерно достигал слоя красноватой глины. Если учесть, что толщина только одного слоя белой глины составляла около 1,4 м (к сожалению,

мы не знаем точно толщины слоя желтой глины), то высота свода прохода между камерами № 5 и 4 должна была составлять не менее 2 м.

Подтверждением данного вывода может служить описание одной из угловых камер Чертомлыка — № 1. Определяя ее высоту, И. Е. Забелин отмечал, что первоначально она составляла 3 арш. (2,13 м), «как можно было заключить по пласту упавшей темно-красной глины, лежавшему в материке около 3 арш. выше» (разрядка наппа.—Авт.) [ДГС, с. 96].

В отличие от юго-восточного угла, в северо-восточном углу камеры № 5 слои почвы оказались ненарушенными: «В северо-восточном углу... лежал еще пласт белой глины, направлявшийся по восточной стене к югу на 1 $\frac{1}{2}$ саж.» [там же, с. 114]. Это описание, наряду с опубликованным в альбоме планом, дает нам возможность уточнить ширину прохода между камерами № 4 и 5. На плане V, помещенном на листе F альбома, четко обозначен «язык» белой глины, отделяющий северо-восточный угол камеры № 5 от северо-западного угла камеры № 4. Длина «языка» в соответствии с масштабом плана — 1,5 саж. (3,2 м), а ширина прохода — 2 арш. (1,4 м).

Справедливость подсчетов подтверждается одним из эскизных планов центральной гробницы Чертомлыка, сохранившихся в архиве И. Е. Забелина (рис. 42). Здесь граница между камерами № 4 и 5 намечена линией пунктиром. Сплошная линия, пересекающая пунктир, и прямое указание И. Е. Забелина: «здесь раздвинуть на одну сажень», могут толковаться лишь как необходимость при окончательной доработке чертежа продлить стенку между камерами № 4 и 5 на 1 саж. далее к югу. В таком случае ширина прохода между камерами будет также составлять около 2 арш. Судя по всему, это указание И. Е. Забелина было учтено, и в опубликованном варианте чертеж подземных сооружений Чертомлыка соответствовал рекомендациям И. Е. Забелина.

Из сказанного следует, что камеры № 4 и 5 соединялись высоким (практически равным по высоте угловым камерам) и достаточно широким (около 1,4 м) проходом, а не «узкой лазейкой» типа «грабительского хода», как представлялось многим исследователям. Наличие этого прохода — еще одно доказательство в пользу того, что помещения № 4 и 5 входили в состав единого многокамерного погребального комплекса.

Более того, незначительная длина прохода (судя по опубликованному плану, менее 1 м) позволяет высказать мысль о том, что подземные помещения № 4 и 5 — не две самостоятельные камеры, а две части одной обширной погребальной камеры.

Такая планировка погребальных камер изредка встречается в степных скифских курганах [Ольховский, 1977, с. 118—119]. Отмечена она и среди памятников, составляющих ближайшее курганное окружение Чертомлыка. Так, в кургане № 46, исследованном примерно в 2 км к западу от последнего и датируемого практически тем же временем, что и Чертомлык, камера погребения 2 в плане довольно ясно выраженной восьмеркообразной формы. Перехват «восьмерки» четко делит погребальную камеру на две части (см. прил. 6).

Что касается Чертомлыка, то использование такого же архитектурного приема при строительстве помещений № 4 и 5 объясняется, с нашей точки зрения, рядом причин. Главная из них заключается в том, что наличие стены, частично отделявшей эти помещения, в значительной степени способствовало устойчивости свода обширного (не менее 12 м в длину) подземелья. Кроме того, его сужение примерно в центральной части придавало планировке всей центральной гробницы четкую симметрию и пропорциональность, которые, не будь этого сооружения, безусловно, были бы нарушены.

О том, что все подземные сооружения Чертомлыка, исследованные И. Е. Забелиным, представляли собой летали единого, хорошо продуманного архитек-

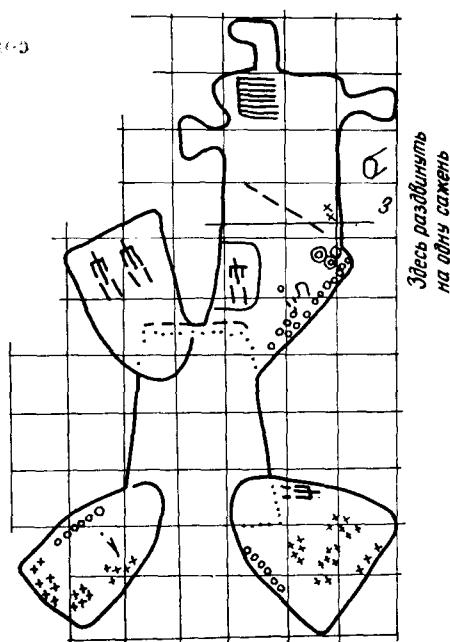

Рис. 42. Схема центральной гробницы (по рисунку И. Е. Забелина: А3, ед. хр. 263, л. 132).

турного комплекса, прямо свидетельствует и наличие лишь одной связанной с ними входной ямы. Считать, что вторая входная яма попросту не замечена И. Е. Забелиным, сейчас не приходится — несмотря на то, что в ходе доследования кургана была полностью снята его насыпь, никаких следов второй входной ямы не обнаружено. Причем таких следов не обнаружено как за пределами раскопа И. Е. Забелина, так и в его границах — непосредственно над помещением № 5.

Окончательно убедиться в единстве подземных сооружений Чертомлыка помогла фиксация части выкида из центральной гробницы, о чем мы упоминали в предварительных публикациях. Поскольку размеры небольшого фрагмента глинистого кольца полностью совпадают с цифрами, приводимыми И. Е. Забелиным, то и к остальным упоминаемым им параметрам выкида следует относиться с полным доверием. В свою очередь, это дает возможность

подсчитать объем выкида. Как выяснилось, объем последнего примерно совпадает с суммарным объемом всех подземных сооружений, исследованных И. Е. Забелиным (включая камеру № 5), и объемом входной ямы.

Сейчас мы абсолютно уверены, что многокамерную центральную гробницу Чертомлыка, сложной конструкции которой нет прямых аналогов в других погребальных памятниках степной Скифии, необходимо рассматривать как единое погребальное сооружение. К сожалению, полного представления о богатстве ироскопии этого грандиозного погребального комплекса мы не имеем, поскольку центральное погребение Чертомлыка постигла та же участь, что и подавляющее большинство скифских гробниц, — оно ограблено в древности.

Грабительский ход в центральную гробницу (помещение № 5) прорыт с северной полы кургана: «С северного бока, ближе к 3, — отмечается в публикации, — у подошвы была вырыта круглая яма в 4 саж. в диаметре, осыпанная валом около 3 саж. шириной. Здесь был рывк подземный ход в могилу давнишними искателями ее кладов, отчего образовался и сам вал из земли, которая выкидывалась при раскопке...» [ДГС, с. 75].

В дальнейшем грабительский ход прослежен И. Е. Забелиным при выемке заполнения из овальной ямы, образовавшейся над просевшим сводом камеры № 5: «Когда углубились в нее на 3 арш., у северной стенки обнаружился провал, так что туда свободно мог влезть один из рабочих. При подробном осмотре провала оказалось, что он ведет в устье подземного входа, имевшего направление на глубине 2-х сажень (около 4,3 м. — Авт.) прямо к северу, к тому именно месту с наружной стороны кургана, где находились следы давнишней раскопки. Лазейка была вырыта сводом и имела 1¹/₂ аршина (около 1 м) в диаметре...» [ДГС, с. 107].

Забегая несколько вперед, отметим, как выяснилось при исследовании впускной Северной могилы Чертомлыка,

грабительский ход, начинавшийся от северной полы кургана, прошел через камеру Северной могилы, что позволило грабителям очистить ее, а затем через торцовую южную стенку камеры выведен прямо в направлении центральной гробницы (рис. 8). Глубина пола грабительского хода, зафиксированная нами, соответствовала отмеченной И. Е. Забелиным и составляла около 4,3 м. Расчистка сохранившейся части грабительского хода, расположенной к северу от центральной траншеи И. Е. Забелина, показала, что он был почти горизонтальным и вел к камере № 5 центральной гробницы.

До уровня камеры № 5 грабительский ход понижался, вероятно, лишь на последнем, южном его участке. Об этом свидетельствуют данные раскопок И. Е. Забелина. Так, расчищая участок хода, непосредственно примыкавший к камере № 5 сверху, И. Е. Забелин обнаружил на глубине около 7,5 м от уровня погребенного чернозема беспорядочно лежавшие части неполного скелета человека, которые он интерпретировал как останки одного из грабителей, погибшего во время обвала свода грабительской лазейки. Еще ниже, на глубине около 8,1 м от уровня погребенного чернозема, юго-восточнее этих останков, найдена берцовая кость человека. А еще ниже, на глубине около 9,2 м, находились разрозненные человеческие и конские кости, «разбросанные на пространстве квадратной сажени» [ДГС, с. 107].

Опираясь на эти данные, можно приблизительно представить ситуацию, имевшую место при ограблении Чертомлыка. От Северной могилы до камеры № 5 центральной гробницы грабительский ход был прорыт почти горизонтально на глубине около 4,3 м. Дойдя до этой камеры, грабители натолкнулись на рушеные слои грунта, образовавшиеся над осевшим сводом камеры. После этого грабительский ход начинает опускаться почти вертикально, постепенно поворачивая по направлению к юго-восточной стенке камеры. Эта на-

клонная часть хода фиксируется по найденным И. Е. Забелиным разрозненным костям людей, о которых мы упоминали выше. Появление их в этой части грабительского хода вовсе не связано с гибелью одного из грабителей, а является, конечно же, результатом обычной «деятельности» последних, при которой они вытаскивали из камер вместе с вещами отдельные части скелетов погребенных.

Наиболее нижний участок грабительского хода, который удается мысленно реконструировать, проходил у юго-восточной стены камеры № 5 на глубине чуть более 9 м. В этом месте ход расширялся, о чем могут свидетельствовать разбросанные на площади около 4 м² кости человека и лошади. Здесь, судя по всему, грабители сортировали свою добычу. Следы таких «разборочных площадок» часто встречались в грабительских ходах и других скифских курганах.

Благодаря тому что своды подземных сооружений центральной гробницы Чертомлыка к моменту ограбления, по-видимому, просели, значительную часть его сокровищ грабители не обнаружили. Итак, что же сохранилось в центральной гробнице?

Начнем описание с камеры № 5, наиболее удаленной от входной ямы (кат. 142—214).

Разрозненные и лежавшие в беспорядке останки погребенного (раздавленный череп, кости рук и ног, ребра) обнаружены вместе с несколькими бронзовыми наконечниками стрел, фрагментами пояса и обломками канфара у западной стенки камеры № 5. Здесь же, на дне камеры, прослежены остатки погребального настила из уложенных по линии север — юг (т. е. перпендикулярно длинной оси камеры) досок. Размеры помоста — около 2 × 2 м.

* Описание инвентаря из ниши F дано на основании сведений, содержащихся в ДГС [с. 110]. В рукописном варианте отчета упоминается несколько иной набор вещей: пять полных колчанов, семь ножей, золотой наконечник оселка, бронзовая чаша.

В юго-западном углу камеры на площади около 4 м² обнаружены многочисленные золотые предметы, в том числе перстни, кольцо из золотой проволоки, наконечник ножен меча, ажурные золотые бляхи-накладки, нашивные бляшки, 19 золотых бус, видимо, первоначально украшавших нагайку, а также серебряные пряжки, трубочка и обломки серебряной бляхи.

У северной стенки камеры, примерно у ее середины, стояли два бронзовых котла. Здесь же найдены золотые нашивные бляшки и обломки чернолаковой чашечки. Ближе к северо-восточному углу камеры выявлен бронзовый шестирожковый светильник.

Недалеко от северо-западного угла камеры, как упоминалось ранее, в ее северной стенке была вырыта ниша (F), где находились бронзовая полусферическая чаша, наконечники стрел в кожаном истлевшем колчане, железный меч с плакированной золотом рукоятью, золотой наконечник оселка, украшенный сканим орнаментом, две части второго такого же наконечника, два звена серебряной витой цепочки и два железных ножа с костяными рукоятками. В свод ниши над бронзовой чашей был вбит железный крюк *.

Вторая ниша (H) была вырыта в западной стенке камеры. Устье ее находилось примерно за деревянным настилом. В нише возле самого устья стояла бронзовая ситула. На дне практически всей остальной части ниши прослеживались остатки кожи или какой-то толстой ткани, среди которых встречены золотые нашивные бляшки и пуговицы. Особенно много их найдено в той части ниши, которая расположена ближе к устью.

В третьей нише (K), вырытой в южной стенке камеры № 5, обнаружен прекрасный набор предметов вооружения. В восточной части ниши на ее материковом полу лежали боевые пояса, покрытые железным и бронзовым чешуйчатым набором. Под ними находились железные ножи, пять бронзовых ручек какого-то неизвестного изделия, а так-

же железные крюки и гвозди. На этих крюках и гвоздях, вбитых, по-видимому, некогда в восточную стену ниши, первоначально и висели боевые пояса с подвязанными к ним ножами. В западную стену ниши были воткнуты три железных меча с плакированными золотом рукоятьми, под ними найдено несколько золотых ажурных бляшек, «вероятно, с колчанов или от ножен мечей» [ДГС, с. 112]. В центре ниши на полу находились золотые обивки горита, в том числе лицевая накладка с изображенной в центре рельефной многофигурной композицией, в которой большинство исследователей видят сцены из жизни Ахилла [Черненко, 1981, с. 78—83]. Здесь же найдены золотые ножны мечей, украшенные рельефной сценой битвы греков с варварами, два железных меча с плакированными золотом рукоятьми, бронзовые наконечники стрел, а также золотые нашивные бляшки, золотые бусы и др.

В камере № 4 (кат. 91—106), являющейся продолжением камеры № 5 и соединявшей последнюю с входной ямой, обнаружены останки двух погребенных. Основное погребение в камере совершено в деревянном гробу, или саркофаге, установленном вдоль южной стенки. Его длина — около 2,5 м, ширина — около 1,5, высота — до 0,7 м. Деревянные детали этого сооружения были окрашены голубой, синей, зеленой и желтой красками.

Внутри саркофага на материковом полу расчищен скелет женщины, лежавшей головой на запад. На шее погребенной находилась золотая гривна, а у ее висков — золотые серьги. На кистях рук были золотые браслеты, на всех пальцах — золотые перстни. Головной убор женщины украшали золотая начельная лента и золотые розетки; на него наброшено расшитое по краям золотыми бляшками с изображением богини с зеркалом и предстоящего перед ней скифа пурпурное покрывало (следы тонкой ткани пурпурного цвета сохранились на обратной стороне бляшек). «Ряд этих бляшек,— отмечается

в ДГС [с. 104], тянулся выше черепа на 8 вершков, образуя над ним треугольник с закругленной вершиной, и потом спускался к плечам и шел до кистей рук». Это описание дает возможность восстановить примерную высоту головного убора (около 35 см) и его остроконечную форму. У правой руки лежало бронзовое зеркало с костяной рукоятью, а у костей таза — круглый, так называемый прашевой, камень.

На расстоянии около 1,4 м к северу от гробовища, напротив его середины, выявлено сопровождающее захоронение. Скелет ориентирован головой к гробовищу. На кистях рук находились бронзовый и железный браслеты. Слева от скелета лежали железный нож с костяной рукоятью и кучка бронзовых наконечников стрел, рядом с ним — амфора.

С севера вдоль стенок камеры, начиная от устья, стояли еще 13 таких же амфор, раздавленных обвалившимся сводом. За ними находилась знаменитая серебряная амфора (кат. 91), а рядом с ней стоял серебряный таз на ножках (кат. 92), в котором лежал серебряный черпак (кат. 93).

Еще два человеческих скелета обнаружены в камере № 3 (юго-западной), в центральной ее части. Оба лежали вытянуто на спине, головами на запад. Это знатные воины, о чем свидетельствуют их убранство и сопутствующий им набор вооружения (кат. 71—90).

На шее первого скелета, лежавшего ближе к северной стенке камеры, находилась золотая гривна. Золотые браслеты украшали кисти рук, а безымянные пальцы — золотые пластинчатые перстни. Головной убор воина расширен золотыми бляшками. Защитное вооружение состояло из боевого пояса, усиленного бронзовыми пластинами, и бронзовых клемид. Еще более внушительно выглядит комплект наступательного вооружения. Так, возле левого бедра погребенного находились железный меч с плакированной золотом рукоятью в ножнах с золотым наконечником, на гайка, от которой сохранились золотые

украшения, и бронзовый колчан со стрелами, а с левой стороны от него — пять копий с железными наконечниками и втулками. Судя по расстоянию между ними, длина двух копий составляла около 2,1 м (3 арш.), три других копья были более длинными, примерно 2,5 м (3,5 арш.). Поскольку копья не помещались в камере, в ее западной стенке была вырыта небольшая ниша, которая компенсировала этот просчет строителя.

Слева от головы погребенного прослежены остатки еще одного кожаного колчана и бронзовые наконечники стрел. Здесь же стояли бронзовая чаша и небольшой серебряный сосудик.

Второй погребенный лежал вдоль южной стенки камеры. На его шее была золотая гривна, на правой руке — серебряный браслет, а на ее безымянном пальце — золотой пластинчатый перстень. Набор вооружения состоял из бронзовового пластинчатого пояса, железного меча, стрел с бронзовыми наконечниками, железного ножа. У скелета отсутствовали локтевые кости и кисть левой руки.

Возле обоих скелетов встречены железные скобы и гвозди, что может указывать на какие-то деревянные конструкции (погребальные настилы, носилки и т. п.), хотя следы самого дерева И. Е. Забелиным не отмечены.

Камера № 2, вырытая под северо-восточным углом входной ямы, противостояла камере № 3 не только по своему расположению, но и по характеру обнаруженного в ней инвентаря (кат. 107—127).

В глубине камеры на площадке длиной около 1,4 м и шириной 1 м лежали золотые детали женских головных уборов — калафов, а также золотые нашивные бляшки, украшавшие одежду. Судя по найденным здесь же железным крюкам, головные уборы и одеяния первоначально были развезены на торцевой стенке камеры. Под ними помешался ларец, от которого сохранились костяные пластины и их обломки с остатками позолоты; здесь же, ближе к

южному углу камеры, прослежена истлевшая ткань в комках.

Драгоценные одежды и головные уборы были развезены и на юго-восточной стене камеры. Об этом свидетельствуют найденные у стены железные крюки, золотые нашивные бляшки, золотые детали женских головных уборов, сетчатое нагрудное украшение, состоявшее «из золотых пуговиц и трубочек, перенизанных стеклянными синими бусами» [ДГС, с. 97], а также бронзовое зеркало с железной рукоятью. Вдоль юго-восточной стены стояли в ряд шесть амфор.

Напротив — вдоль северо-западной стены камеры, возле самого входа — обнаружен человеческий скелет, лежавший «головой в глубь подземелья» [там же, с. 98]. По мнению И. Е. Забелина, здесь был погребен мужчина. Однако найденное возле черепа костяное веретено может говорить и об обратном. Слева от скелета находились остатки кожаного колчана или горита, 67 бронзовых наконечников стрел и железный нож с костяной рукоятью.

Многочисленные расшитые золотыми бляшками одежды и два головных убора типа калафа, украшенные золотыми пластинами, были развезены и в камере № 1 — юго-восточной (кат. 128—141). Для этого в северо-восточную стену камеры былибиты железные крюки. У юго-западной стены стояли в ряд бронзовый котел и пять амфор. Вдоль стены лежали пять железных ножей с костяными рукоятками и несколько колчаных наборов. В восточном углу камеры стрелы «были поставлены рядами по обеим стенам», при этом «можно было видеть эти стрелы с целыми деревцами, длиною около аршина (0,71 м), толщиною 1/8 вершка (около 0,5 см)... Стоявших в таком виде стрел насчитано более 50, но очень вероятно, что весь этот угол был точно так же уставлен стрелами, ибо на материке, подле стены, собрано их около ста» [ДГС, с. 93]. В этом же углу прослежены остатки ткани, возможно, ковра.

Возле входа в камеру, ближе к юго-западной стене, расчищен «совсем уже

истлевший остаток какого-то животного, от костей которого оставался только слой известия, длиной $1\frac{1}{4}$ арш...» [ДГС, с. 92]. Вероятно, здесь была захоронена собака. По данным В. С. Ольховского, захоронения собак в скифских степных могилах встречаются редко. Открыты такие захоронения и в позднескифских погребальных памятниках [Высотская, 1979, с. 171–172].

Таким образом, в центральной гробнице Чертомлыка, кроме основного похороненного, захоронен целый ряд сопровождающих лиц, а также, вероятно, собака. Однако представление о количестве и характере этих захоронений будет далеко не полным, если не остановиться на сопровождающих захоронениях, совершенных за пределами центральной гробницы.

4. Сопровождающие захоронения за пределами центральной гробницы

Три почти квадратные конские могилы открыл И. Е. Забелин в 14 м к западу от входной ямы центральной гробницы. Это расстояние практически соответствует общей длине камер № 4 и 5 (рис. 41), что весьма любопытно. Дело в том, что в тех скифских аристократических курганах IV в. до н. э., где обнаружены сопровождающие конские захоронения в отдельных могилах, последние располагались обычно на таком расстоянии от входной ямы, которое соответствовало длине погребальной камеры (курганы Козел, Толстая Могила, Цымбалка, др.). Наличие такой же закономерности в планировке Чертомлыка лишний раз подчеркивает единство погребальных камер № 4 и 5, которые его строителями воспринимались как одно целое [Алексеев, 1982, с. 12–13].

Конские могилы располагались в ряд — одна возле другой, по направлению с юга на север. В черноземном заполнении могил встречались остатки деревянного перекрытия. Размеры южной (№ 8, по numerации И. Е. Забелина) и средней (№ 9) конских гробниц составляли $4 \times 4 \times 3\frac{1}{2}$ арш., т. е. около $2,8 \times 2,8 \times 2,5$ м. Северная гробница (№ 10) несколько шире и длиннее — по $4\frac{1}{4}$ арш. (около 3 м). Глубина гробницы № 10 соответствовала глубине конских гробниц № 8 и 9 [ДГС, с. 88–89].

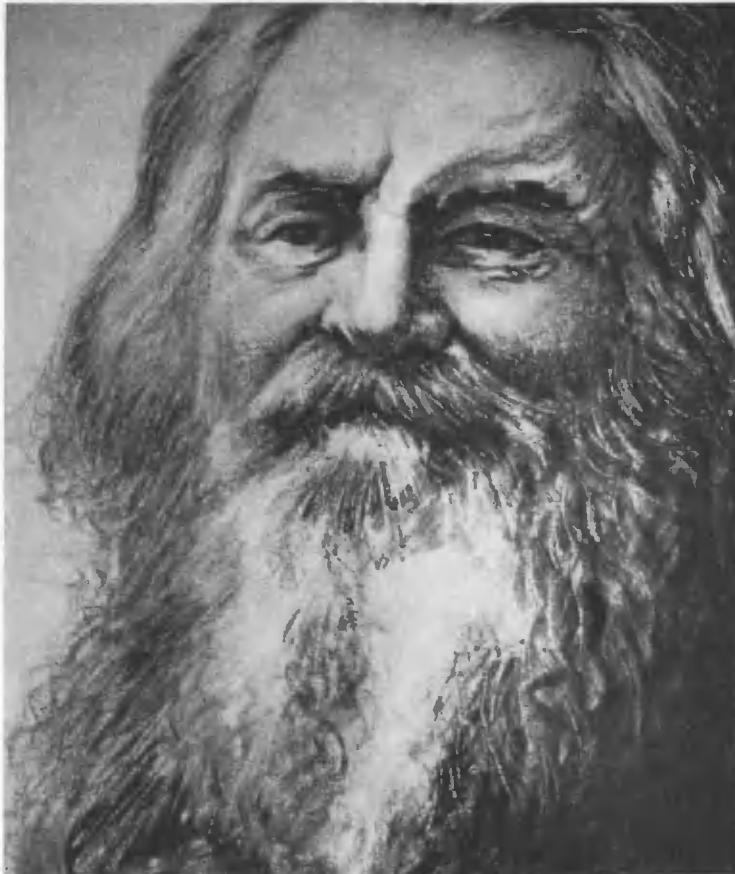
В южной гробнице обнаружены скелеты трех верховых коней, лежавших головами на восток. На черепах первого (с наиболее южной стороны) и третьего,

что лежал у северной стенки могильной ямы, находились серебряные уздечные наборы. Среднего коня украшали золотая узда и седло с золотыми пластинами. Между вторым и третьим скелетами лежал, кроме того, бронзовый уздечный набор (кат. 44–47).

В средней гробнице захоронены четыре коня. Убранство первого коня (южного) состояло из золотых уздечных принадлежностей и седла с золотыми деталями. Узда следующего была украшена серебром. За ним снова лежал «золотой» конь, а за ним — «серебряный». Кроме того, на третьем коне находился нагрудный убор из бронзовых овальных блях, лунниц и колокольчиков (кат. 48–51).

В третьей конской гробнице чередование коней с серебряными и золотыми деталями узды было несколько иным. Так, из четырех обнаруженных здесь скелетов три, считая от южного, имели украшенную золотом узду и седла, декорированные золотыми пластинами. Серебряные детали обнаружены лишь на узде четвертого скелета, лежавшего у северной стенки могильной ямы. Как и в средней гробнице, третьего коня украшал нагрудный убор из бронзовых блях различной формы и бронзовых колокольчиков (кат. 52–55).

Таким образом, в конских гробницах было захоронено 11 верховых коней. При этом наблюдается увеличение их числа в средней и северной могилах по сравнению с южной. Параллельно этому

Портрет И. Е. Забелина (Худ. М. Кричак)

Рис. 40. Курган Чертомлык (реконструкция внешнего облика)

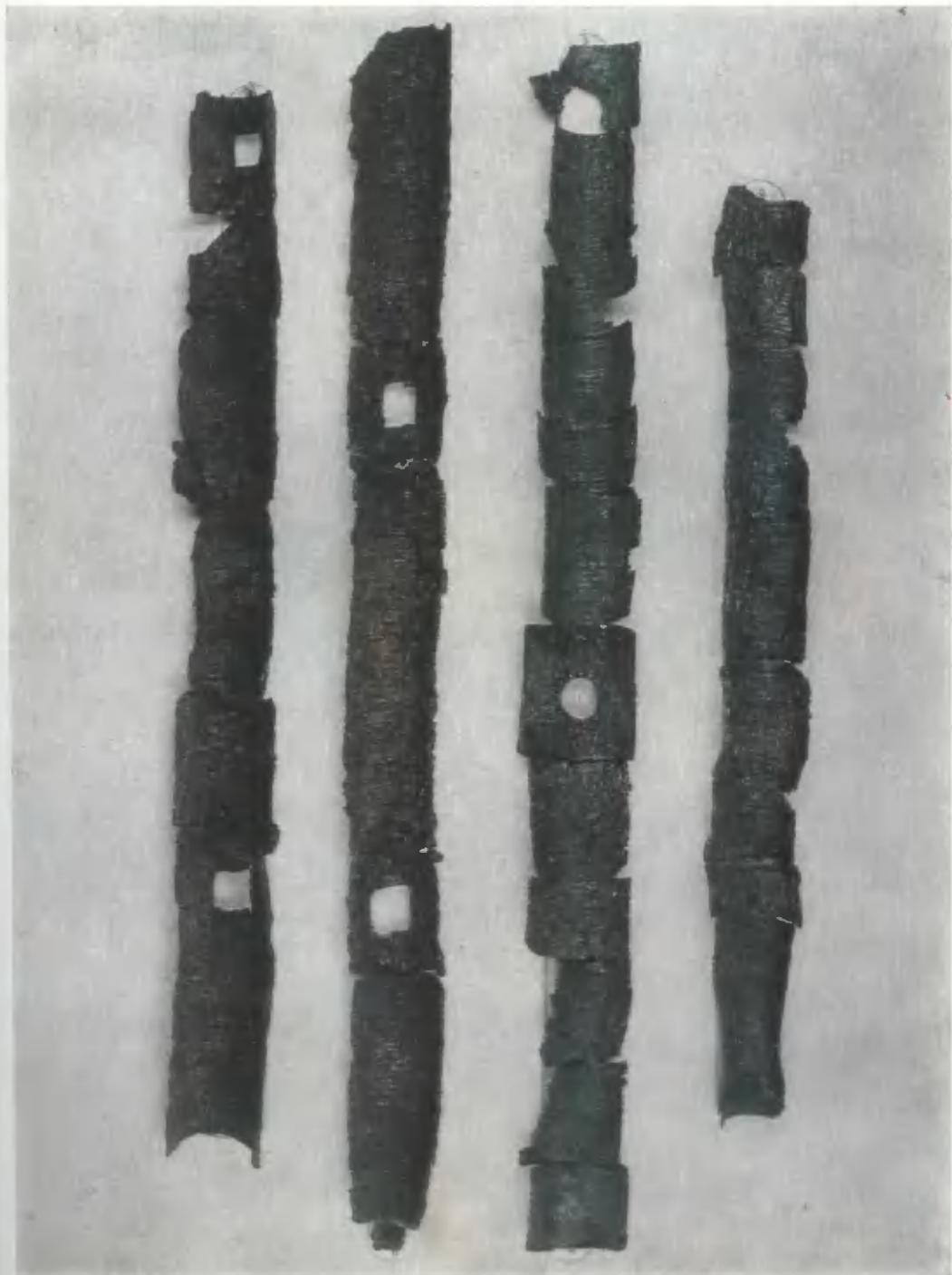

Рис. 71. Боевые пояса из кургана Чертомлык (кат. 179, 75, 178)

Рис. 75. Нашивные бляшки (кат. 101; 212, 30; 212, 29; 212, 29а).

Рис 76. Бляшки с растительными и зооморфными сюжетами (кат. 212, 28; 76; 212, 24; 212, 25; 212, 15; 212, 27; 77; 212, 31; 100; 212, 23).

Рис. 77. Бляшки с изображением Медузы Горгоны (кат. 212, 20).

Рис. 78. Нашивные бляшки (кат. 212, 13; 212, 10; 212, 4; 212, 3; 212, 8, 11; 212, 1; 212, 12; 212, 7; 212, 2; 212, 99; 212, 5—7; 212, 9; 212, 14).

Рис. 79. Нашивные бляшки (кат. 212, 20; 212, 19; 78; 212, 22; 212, 21; 212, 26; 212, 17; 212, 22; 212, 33; 212, 17; 212, 34, 212, 18; 212, 16; 212, 32).

возрастает богатство и разнообразие конских уборов: в третьей могиле, наибольшей по размерам, захоронено и наибольшее количество коней с золотыми деталями уздечных наборов и золотыми украшениями седел.

Соответственно, конские могилы Чертомлыка достаточно четко подразделяются на три уровня. Низший уровень представлен южной конской могилой, где погребено наименьшее количество коней. Убранство их сравнительно скромное, поскольку преобладают серебряные уздечные наборы. Промежуточный уровень — средняя могила, а высший — северная, отличающаяся размерами и количеством «золотых» уздечных комплектов.

В этой связи нельзя не вспомнить неоднократно высказывавшуюся М. П. Грязновым [1950, с. 70—71; 1980, с. 50] точку зрения, согласно которой количество захороненных в скифских царских курганах верховых коней и характер их уздечных наборов реально отражают структурное деление кочевых племен или кочевых объединений, поскольку «погребенных коней надо рассматривать как дары от глав подчиненных умершему общественных подразделений» [там же, с. 71].

Это предположение дает возможность сопоставить количество конских могил на Чертомлыке и их качественные характеристики с реально отмеченным делением Скифии на три части [Геродот, IV, 120]. По всей вероятности, зафиксированная «отцом истории» трехчленная военно-политическая структура скифского объединения представляла собой достаточно обычное для кочевых народов Евразии деление кочевой орды на «центр» и два «крыла». При этом функции каждого из трех подразделений существенно различались, поскольку триадная военно-политическая организация служила орудием господства правящей верхушки («центра»), опиравшейся на «природных» подданных (привилегированное «крыло»), над зависимым кочевым населением, которому отводилось особое место в рамках сложив-

шегося объединения. Надо полагать, формирование скифской военно-политической организации триадного типа произошло в результате покорения местного кочевого населения («исторических киммерийцев») кочевыми племенами («протоскифами»), продвинувшимися в степи Восточной Европы в VII в. до н. э. с востока [Мурзин, 1987].

Если исходить из этого предположения, то необходимо признать, что в центральной гробнице Чертомлыка погребен верховный владыка Скифии, власть которого распространялась на все три составные части скифского объединения, каждой из которых соответствовала определенная группа конских захоронений.

Этот вывод подтверждает анализ характера конских захоронений Чертомлыка с позиций скифской религиозно-мифологической системы, краеугольный камень которой — трехчленная модель мира, реализуемая на самых различных уровнях [Раевский, 1977; 1985]. В этой связи чрезвычайно симптоматично, что в мифологической системе древних индо-иранцев конь связан с тремя сферами мироздания, каждой из которых соответствует определенная часть коня. Эти представления, например, отразились в ритуале древнеиндийского обряда «ашвамедха», в процессе которого три жены царя делят тушу жертвенного коня на три части предметами из разных металлов: голова отделялась золотой иглой, туловище — серебряной, а задняя часть — бронзовой или железной. В гимнах «Ригведы» указывается, что жертвоприношения коней происходят у так называемого конского столба, функционально отождествлявшегося с «мировым деревом», что в переводе с древнеиндийского буквально означало «дерево коня» [Иванов, 1974; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 482, 549]. Представление о соответствии коня трем зонам мироздания существовало и среди племен скифского круга [Раевский, 1985, с. 191].

Эти данные перекликаются с планировкой конских могил Чертомлыка, составляющих единый комплекс. Каждая из трех могил адекватна в сознании

их создателей трем частям тела коня и, подобно последним, соответствовала той или иной сфере мироздания. Не случайно в северной могиле преобладают уздачные наборы с золотыми деталями, а в южной, наряду с серебряными уздачными наборами, — находились бронзововые детали узды. Поскольку в представлении скифов одна из функций царя заключалась в обеспечении единства и стабильности всех трех зон мироздания, объединявшему их подобно «мировому дереву», наличие трех конских могил на Чертомлыке также свидетельствует о царском ранге погребенного в нем лица.

В этой связи интересны данные о количестве конских могил в других аристократических скифских курганах IV в. до н. э. Так, 11 коней, погребенных в трех могилах, обнаружены, кроме Чертомлыка, только в кургане Козел. В кургане Чмырева Могила погребены 10 лошадей в одной обширной могиле. В Толстой Могиле в двух конских гробницах захоронены шесть лошадей. Седьмая лошадь — на выкиде из центральной могилы. По два коня погребены в Соловье и Мелитопольском кургане.

По-видимому, эти особенности, наряду с данными о размерах курганных насыпей и погребальных сооружений, количество сопровождающих человеческих захоронений и т. д., могут служить одним из критериев социальной стратификации скифских курганов, в соответствии с которым центральное захоронение Чертомлыка может быть отнесено к числу захоронений верховых скифских царей.

К южной и средней конским могилам Чертомлыка примыкали захоронения «конюхов» [ДГС, с. 86—87]. Южная могила (№ 6, по нумерации И. Е. Забелина) имела форму неправильного овала, вытянутого по линии запад — восток. Длина могильной ямы составляла около 2,1 м, ее ширина у западного края — примерно 1 м, а восточного — около 0,53 м. Дно было наклонным: если в западном конце ямы оно находилось на уровне примерно 0,7 м, то к восточному

концу понижалось до 1 м. На дне ямы в вытянутом положении головой на запад лежал скелет. С правой стороны под черепом найдена золотая серьга с подвеской. На шее находилась серебряная плакированная золотом гривна, на среднем пальце левой руки — золотое витое проволочное кольцо. Справа от погребенного лежали железные наконечники копья и дротика, а также втоки последних. Слева у пояса найден железный нож с костяной рукоятью, а несколько ниже — остатки кожаного колчана или горита и 100 бронзовых наконечников стрел (кат. 57—63).

Вторая могила (№ 7) находилась в 2,3 м к северу от первой. По длине и глубине она не отличалась от первой, но была несколько шире — у западного края около 1,25 м, а у восточного — 0,71 м. Скелет лежал в вытянутом положении головой на запад. На шее находилась золотая гривна. Слева от черепа найдены 55 бронзовых наконечников стрел и три костяные «пуговицы». У кисти левой руки прослежены остатки колчана или горита, среди которых — пять бронзовых наконечников стрел (кат. 64—67).

Весьма любопытно, что могилы «конюхов» сооружены лишь у южной и средней конских гробниц, тогда как рядом с северной гробницей, где погребены кони в наиболее дорогих уборах, могилы «конюха» не было. Едва ли это случайно.

В связи с этим отметим, что подобная ситуация зафиксирована также во время раскопок кургана Козел. И здесь одна из конских гробниц — наиболее заметная по убранству захороненных в ней коней — не сопровождалась захоронением «конюха», тогда как возле двух гробниц, в которых погребены кони с более скромными уздачными наборами, такие захоронения «конюхов» отмечены [Арх. ГИМ, ф. 440, № 256, л. 100]. Данная аналогия подтверждает определенную закономерность в размещении могил «конюхов» на Чертомлыке.

Как отмечалось выше, три конские могилы Чертомлыка структурно соот-

вествовали трехчленной военно-политической организации скифского объединения, верховным владыкой которого был, по-видимому, погребенный в центральной гробнице царь. При этом кони из южной и средней гробниц могли быть принесены в дар умершему менее привилегированными подразделениями этого объединения, тогда как кони из северной могилы являлись подношением аристократической верхушки скифско-

го общества, из числа которой происходил и царский род. Поистине царское и убранство этих коней.

Относительно золотого убранства именно царских коней у иранцев свидетельствуют письменные источники. Так, Ксенофонт при описании выхода Кира указывает, что за царской колес-

Рис. 43. План и разрез погребения № 1/1984 г.

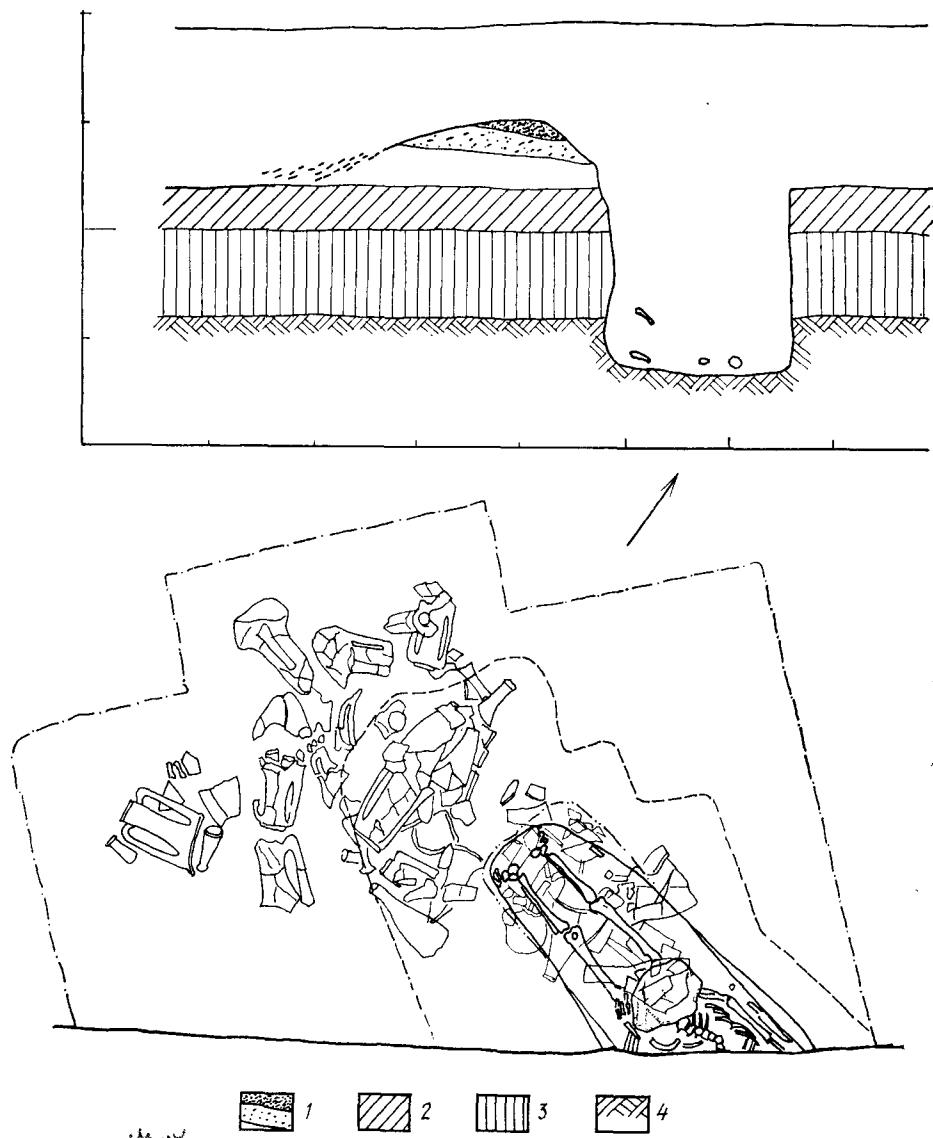

Рис. 44. Погребение № 1/1984 г.

ницей вели около 200 коней из царских конюшен, украшенных золотой сбруей [Киропедия, VIII, III, 16]. Мидийский царь Астиаг, согласно описанию того же Ксенофона [Киропедия, I, III, 3], также ездил на коне с золотой уздечкой. По индоиранским и, шире, ираноевропейским представлениям, золото и соответствующий ему красный цвет «принадлежали» общественной группе воинов, аристократии и царям [см., напр.: Граптовский, 1960, с. 6]. Для скифского мира это подтверждается свидетельством Геродота о том, что царям клали в могилы золотые чаши, а серебряными изделиями они не пользовались [IV, 71]. Хотя это замечание вызвано, вероятно, идеальными представлениями об образе жизни царя и нормах его поведения, бытовавшими в скифской среде, оно весьма важно для понимания интересующего нас момента, ибо дает основание предполагать, что в северной могиле, где преобладали «золотые» уздечные наборы, захоронены кони «соб-

ственного седла», «конюхом» которых номинально являлся сам царь.

Еще одно сопровождающее захоронение обнаружено при доисследовании Чертомлыка в 1984 г. под северо-западным останцем курганной насыпи (рис. 1). К сожалению, оно выявлено при оконтурировании внутреннего, южного края участка № 3 каменной крепиды, в процессе которого бульдозер вертикально подрезал его южную оконечность. В результате эта часть могильной ямы, вокруг которой практически отсутствовал четко выраженный глинистый выкид, была разрушена.

Погребение № 1/1984 г. находилось примерно в 45 м западнее и в 8 м южнее условного центра кургана (R_0). Могильная яма прямоугольная, с закругленными углами, ориентирована длинной осью по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Длина сохранившейся части ямы — 1,6 м, ширина ямы в северо-западной части — 0,5, в центральной — 0,8 м. Могильная яма впущена в материк на глубину около 0,3 м от уровня «рабочего горизонта», на котором находился слабый выкид. Общая глубина ямы от уровня «рабочего горизонта» составляла 0,9 м (рис. 43).

Погребенный — мужчина крепкого телосложения в возрасте около 30 лет* лежал вытянуто на спине (рис. 44) головой на восток — юго-восток. Руки согнуты в локтевых суставах, кисти сложены на тазе. Поверх кистей лежал камень неправильной, ближе к овальной, формы весом около 8 кг. По определению геолога Орджоникидзевского ГОКа Н. А. Панченко, камень представляет собой известняк с перекристаллизованной структурой. По его данным, в районе Чертомлыка такой известняк не встречается. Эта деталь погребального обряда достаточно необычна: мы не знаем ни одного скифского захоронения, где бы погребенного сопровождал тяжелый камень, положенный в области живота. В качестве отдален-

* Определение С. И. Круц, см. прил. 9.

ной аналогии мы можем привести лишь этнографические данные, согласно которым казахи Южного Алтая, чтобы сохранить тело умершего до похорон, посыпают пол в юрте, где он лежит, чистым песком, само тело обкладывают кусками дерна, а на живот кладут камень [Коновалов, 1983, с. 112—113].

Слева от погребенного возле бедра находился 41 бронзовый наконечник стрелы с сохранившимися обломками древок из древесины липы*, украшенных полосками красной краски. Наконечники лежали пятью рядами друг на друге (один ряд неполный). Практически все наконечники — трехгранные базисные и опорновтульчатые, с ложками в нижней части, но встречаются также башневидные и трехлопастные с выступающей втулкой (кат. 218).

У правого плеча погребенного найден плохо сохранившийся железный нако-

Рис. 45. Амфоры в заполнении погребения № 1/1984 г.

печник копья длиной около 25 см. Вток копья находился в 90 см от наконечника, у правой голени. Общая длина копья, таким образом, составляла около 1,3 м. Не исключено, что копье положено сломанным. У правого локтя обнаружены две ворварки: костяная и железная (кат. 219—220).

В заполнении ямы и над ней на уровне «рабочего горизонта» выявлены (рис. 43; 45) 15 раздавленных тяжестью земли амфор, стенки которых покрывал толстый слой винного камня (кат. 217). Самые нижние амфоры лежали примерно на 30 см выше дна могилы, на стерильно чистом слое заполнения. Это может свидетельствовать о том, что амфоры первоначально были положены на перекрытие, устроенное примерно на 0,3 м выше дна могилы, под которым со временем накопилась земля. Однако почти пол-

* Определение А. Семенова, см. прил. 16.

Рис. 46. Одно из скоплений амфор шеподильку от погребения № 1/1984 г.

Рис. 47. Амфора, вкопанная в «рабочий горизонт».

лое отсутствие дерева в нижней части заполнения (обнаружены лишь его мелкие остатки) не позволяет говорить об этом с уверенностью.

В непосредственной близости от погребения № 1/1984 г. мы зафиксировали шесть скоплений амфорных обломков (рис. 36). Как установлено при их расчистке, каждое из скоплений насчитывало следующее количество раздавлен-

ных землей амфор гераклейского типа:

скопление 1/1984 г.— 7
» 2/1984 г.— 7
» 3/1984 г.— 7*
» 4/1984 г.— минимум 4
» 5/1984 г.— минимум 6
» 6/1984 г.— минимум 6.

Седьмое скопление («А») располагалось несколько в стороне: севернее внешнего края участка № 3 каменной крепиды. В нем насчитывалось не менее семи амфор.

Амфоры во всех скоплениях вкопаны вертикально, ножками в «рабочий горизонт» (рис. 46; 47). Можно предположить, что первоначально каждая группа амфор включала по пять — семь сосудов. В таком случае в погребении № 1/1984 г. находился, если так можно выразиться, «двойной комплект» — 15 амфор. Такая же закономерность прослежена и в центральной гробнице. Так, в камере № 1 находилось 5 амфор, в камере № 2—6, а в камере № 4 — 14. Эти совпадения лишний раз доказывают, что огромный «винный склад», выявленный над погребением № 1/1984 г. и рядом с ним, является составной частью погребального инвентаря центральной гробницы. Всего в составе склада, «вверенного попечению» воина, захоронения № 1/1984 г. насчитывалось не менее 56 амфор **, способных вместить сотни литров вина. Даже если допустить, что центральная гробница ограблена полностью, только эта деталь дала бы полное представление о той роскоши, с которой было обставлено захоронение скифского вождя.

Помимо двух погребений «конюхов» и погребения «служителя винного склада», принадлежащих к числу «специализированных слуг» покойного, под

* В предварительных публикациях (Ролле, Мурзин, 1988, с. 12; Мурзин, Ролле, 1989, с. 98) указывалось такое же количество амфор в скоплении 3. Однако по данным С. В. Полина (см. прил. 11), тщательно разбравшего амфорные остатки, скопление состояло из фрагментов 23 амфор.

** Подробнее характеристику амфорного материала из раскопок Чертомлыка 1983—86 гг. см. прил. 11.

насыпью Чертомлыка, на его периферии, выявлено еще одно достаточно специфическое по своему характеру захоронение.

Оно обнаружено И. Е. Забелиным при разборке каменной крепиды в восточной части кургана [ДГС, с. 117]. Погребение (№ 14, по нумерации И. Е. Забелина) совершено в неглубокой (около 0,7 м) могильной яме длиной всего лишь 1,2 м. Скелет лежал вытянуто на спине головой на запад. Череп отсутствовал*. При нем найдены железный наконечник копья и точильный брускок.

Связь этого захоронения с центральной гробницей достаточно очевидна. Подобные захоронения обнаружены и на периферии других богатых скифских курганов, например Деева и Башмачки [Спицын, 1901, с. 78; 1908, с. 168—169].

По всей вероятности, захоронения

этой группы имеют ритуальный характер. Поскольку сама курганская насыпь ассоциировалась в представлении древних с образом «мирового дерева», «столба», «мировой горы» и т. д. [Алексеев, 1980, с. 41—42], где совершались человеческие жертвоприношения [Иванов, 1974], указанную группу захоронений можно рассматривать как «строительные жертвы» перед возведением курганной насыпи.

Таким образом, под насыпью Чертомлыка обнаружены четыре человеческих и 11 конских захоронений, связанных с центральной гробницей. Этот погребальный комплекс, включая центральную гробницу, не имеет себе равных среди скифских курганов IV в. до н. э. Для его интерпретации необходим общий анализ захоронений в центральной гробнице и рядом с ней.

5. Общая характеристика погребений в центральной гробнице и сопровождающих захоронений за ее пределами

Грандиозный погребальный комплекс Чертомлыка, состоявший из центральной гробницы и связанных с ней сопровождающих захоронений, создан, по нашему мнению, для захоронения скифского царя, останки которого покоились в камере № 5 центральной гробницы.

К сожалению, камера подверглась достаточно опустошительному ограблению. Впрочем, грабительский ход, прорытый именно в камеру № 5, весьма симптоматичен, так как является веским доказательством того, что именно в этой камере была сосредоточена наиболее ценная часть погребального инвентаря.

Разрушенный грабителями скелет самого царя, вероятно, обнаружен И. Е. Забелиным у западной стенки камеры № 5 — возле помоста. Поскольку в грабительском ходе, ведущем в камеры,

найден еще один полный скелет человека, можно предположить, что в камере № 5 вместе с царем погребено еще одно лицо.

Кроме того, в камерах № 1—4 центральной гробницы Чертомлыка зафиксированы еще пять человеческих захоронений с различным социальным статусом.

В юго-западной камере № 3, где два мужских воинских погребения, количество погребального инвентаря различно. Обилием и большей пышностью вещей выделяется первый воин. Но эти различия не позволяют судить о соподчиненном положении погребенных. Судя по одинаковому и близкому расположению скелетов в камере, различие в их социальном статусе незначительное. Естественно, при интерпретации погребений возникает вопрос об их отношении к женскому погребению в северо-западной (№ 4) камере и погребению

* Разрозненные кости скелета обнаружены в 1981 г. (см. прил. 8).

ТАБЛИЦА 1. ДАННЫЕ О СОПРОВОЖДАЮЩИХ ЗАХОРОНЕНИЯХ ИЗ СКИФСКИХ

Группа	Памятник	Погребение	Инвентарь										
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Чертомлык »	Воин 1 Воин 2	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	Солоха	«Оруженоносец»	+										
	Гайманова Могила	В северной нише											
	Чертомлык	«Конюх» 1											
	Чертомлык	«Конюх» 2											
	Толстая Могила	«Конюх» 3											
2	Солоха	В дромосе										+	+
	Огуз	»									?		+
	Козел	«Конюх» 1											
	»	«Конюх» 2											
	Толстая Могила	«Охранник»											
	Чертомлык	В северо-западной камере											
3	Огуз	В северной нише											
	Чертомлык	В северо-восточной камере											?
	Александроволь	В дромосе?											
	Толстая Могила	«Кухарка»											
	Огуз	В заполнении ниши											
	Толстая Могила	«Возница»											
	»	«Девочка»											

Примечание: 1 — панцирь, шлем, 2 — металлические сосуды, 3 — браслеты золотые, 4 — бляшки золотые на меч, 9 — копье, 10 — дротик, 11 — стрелы, 12 — нож, 13 — браслеты серебряные, 14 — гривна золотая, 15 — перстень, 19 — браслет железный, 20 — браслет бронзовый, 21 — бусы, 22 — зеркало.

«царя» в камере № 5. В советской археологической литературе существуют две точки зрения на общественное положение этих лиц. Согласно первой, предложенной М. И. Ростовцевым, именно камера № 3 предназначена для погребения «царя», которым признавался первый воин (М. И.: Ростовцев, А. И. Тереповский, В. А. Ильинская). Второй рассматривался как сопровождающий «царя» оруженосец. Но детали обряда погребения (сравнительно небольшое количество золотых украшений, оружия, сосудов) не подтверждают это предположение [Мозолевский, 1979, с. 155]. В то же время такой элемент погребального инвентаря, характерный для наиболее богатых скифских погребений, как нагайка с ручкой, обвитой золотой лентой [там же, с. 179], свидетельствует о высоком социальном ранге первого воина. Присутствие же двух лиц приблизительно одинакового общественного положения в одной могиле заставляет при-

нать их представителями скифской военной элиты, сопровождающими персону, занимавшую еще более высокое общественное положение. Аналогии погребениям такого класса в скифских степных «царских» курганах неизвестны. Лишь в кургане Аржан двух главных покойников сопровождали лица самых высоких рангов [Грязнов, 1980].

В северо-восточной (№ 2) камере возле входа обнаружен скелет, лежавший головой на восток или северо-восток, с бронзовой гривной на шее и фрагментом серьги с правой стороны [ДГС, с. 98]. Половая принадлежность его неясна. Б. Н. Мозолевский высказал предположение, что это захоронение «служанки» [1979, с. 188]. Найдены детали одной серьги, что встречается как в мужских, так и в женских погребениях — например, одна серьга обнаружена и в могиле «южного» конюха. Бедность инвентаря свидетельствует о низком общественном положении этого человека.

КУРГАНОВ (ГРУППЫ 1—3)

шивные, 5 — нагайка, 6 — кнемиды, 7 — пояс боевой, 8 — ни, 16 — гривна бронзовая, 17 — серьга одна, 18 — серьги

«Слуги», вероятно, того же ранга похоронены во впускной катаcombe Толстой Могилы.

В северо-западной (№ 4) камере рядом с останками знатной женщины обнаружен скелет человека, лежавшего головой к югу, т. е. по направлению к главному погребению. На кистях обеих рук были браслеты: на правой — бронзовый, а на левой — железный. Слева у тазовых костей найдены нож и «кучка» бронзовых наконечников стрел [ДГС, с. 104, 105]. Половая принадлежность погребенного неясна.

В грабительском ходе в камеру № 5 обнаружены кости двух человек [ДГС, с. 118]. Вероятно, вместе с главным похороненным, фрагменты скелета которого обнаружены возле западной стены камеры № 5 [там же, с. 110], был захоронен и сопровождавший его «слуга».

* Учтены только комплексы, в которых погребены сопровождающие лица различных социальных рангов.

При сопоставлении данных о сопровождающих погребениях из некоторых других «царских» курганов (см. табл. 1)* очевидны как их неоднородность, так и тенденция к изменению некоторых признаков, характеризующих выделенные группы.

1. Погребения с достаточно полным набором вооружения, золотыми украшениями. Особое положение занимает первый воин из юго-западной камеры Чертомлыка.

2. Присутствие в качестве погребального инвентаря почти исключительно метательного оружия (лук, стрелы и, вероятно, ножи) и украшений из бронзы и железа.

3. Вооружение отсутствует. Украшения из бронзы и железа.

Возможно, различия 2-й и 3-й групп связаны с полом погребенных, в этом случае их социальный статус одинаков.

4. Безынвентарные погребения.

5. Культовые захоронения, которые занимают особое место, совершенные на периферии подкурганной поверхности.

Следует отметить, что в некоторых случаях погребенные «слуги» являлись, вероятно, родственниками. Хотя антропометрические исследования проведены лишь для двух памятников, в одном из них — Александропольском — черепа женщины и мужчины из дромоса впускного погребения, по данным В. Б. Фирштейн, имеют одинаковое строение черепного бугорка, что указывает, вероятно, на их родство [Фирштейн, 1966].

Несомненно, особое положение занимает погребение женщины в северо-западной (№ 4) камере. Богатство одежды и разнообразие украшений, количество сопроводительного инвентаря (включая инвентарь из юго-восточной и северо-восточной камер) свидетельствуют о ее высоком социальном статусе, который подтверждает и сопровождающее захоронение (как и во впускной гробнице Толстой Могилы). Некоторые детали, возможно, указывают на выполнение ею культовых функций: наличие конусовидного убора [Мирошина, 1981, с. 50] и четырех калафов в «кладовых»

[Мирошина, 1980], которые признаются некоторыми исследователями индикаторами жреческого достоинства [Ключко, 1981, с. 64, 65]. В то же время очевидна некоторая зависимость, «второстепенность» ее положения, подчеркнутая захоронением в камере-дромосе (пекоторую аналогию представляет погребение женщины в Карагодеуашхе). В ситуации, когда женское захоронение совершено одновременно с главным мужским, чрезвычайно трудно уловить и зафиксировать грань между возможным и официальным статусом погребенной: наложница [Геродот, IV, 71], жена (единственная или одна из многих, младшая или старшая) [Хазанов, 1975, с. 76—79] *.

Примерно такой же набор вещей (личные украшения, зеркало), но не столь пышный и богатый золотом, встречается у погребенных различных рангов. Так, в одной из ниш центральной могилы Огуза на женском скелете найдена бронзовая серьга в правом ухе, на кистях рук — браслеты из ниток бус, бусы на шее, под спиной — зеркало. Более высокое, но также подчеркнуто зависимое положение, занимала женщина, похороненная в ногах воина в кургане № 4 группы Страшной Могилы [Тереножкин и др., 1973, с. 143, 144, рис. 25, 27]. На ней были украшения из золота и серебра, возле черепа слева лежало зеркало, у правой кисти — чернолаковая миска.

Таким образом, лишь в том случае, если предположение о жреческих функциях погребенной найдет подтверждение, вопрос о ее социальном статусе, вероятно, получит разрешение.

Итак, общая картина всего комплекса центральной гробницы Чертомлыкского кургана (по данным И. Е. Забелина) может быть представлена следующим образом: конские могилы, вырытые на расстоянии 14—15 м от входного колодца катакомб, симметрично располагались по оси восток — запад, проходящей через входную шахту. С востока к южной и центральной могилам примыкали погребения «конюхов». Северная большая конская могила не имела подобного сопровождения. Ближайшие аналоги та-

кому расположению конских могил зафиксированы в курганах Козел, Толстая Могила, Цимбалка.

На глубине около 11 м в углах входного колодца центральной гробницы были вырыты четыре камеры, к одной из которых примыкала дальняя, пятая камера. Известны еще три памятника с расположением камер по углам входной ямы: Козел, Мордвиновский II, Мордвиновский I. Но лишь в Чертомлыке и Козле камер было пять. В катаcombe кургана Козел в юго-восточном углу шахты сооружены две камеры, в Чертомлыке две камеры были смежными. В Мордвиновских курганах отсутствовали многокамерные конские могилы, лишь во втором в отдельной узкой яме захоронен один конь.

Две (восточные) камеры Чертомлыка имели, несомненно, хозяйственное назначение и содержали главным образом вещи женского и бытового инвентаря. Хозяйственные ниши сооружены в Солохе, Толстой Могиле, вероятно, в Цимбалке и Козле, в северном впусканом погребении Гаймановой Могилы, в Мордвиновских курганах.

В большинстве погребений скифской знати в камерах такого типа складывалась кухонная, реже парадная посуда, сопровождаемая захоронениями животных (Чертомлык, Цимбалка) и людей (Чертомлык, Гайманова Могила, Козел, Цимбалка). Парадные или культовые одеяния, развешенные по стенкам

* Пытаясь определить положение женщины из впускной гробницы Толстой Могилы, Б. Н. Мозоловский высказал предположение, что это погребение «матери младшего сына» [1979, с. 168], т. е. законной жены «царя» из первичной могилы. Как отмечает А. М. Хазанов, археологически социальный статус подобных захоронений практически неуловим [1975, с. 76—79]. Нет и оснований считать ребенка из впускной могилы мальчиком. Его не сопровождал ни один предмет сугубо мужского набора (не исключено, конечно, что данной возрастной группе они не полагались), а находки ритонов известны и в женских погребениях (Мордвиновский I, погребение 2). К тому же у погребенного были две сережки, что обычно характерно для скифянок.

этих камер, находят аналогии в обряде Бердянского кургана.

Северо-западная камера с погребением «царицы» и «служанки» может рассматриваться как своеобразный дромос в камере № 5, поскольку для самостоятельного захоронения в многокамерном комплексе необычно большое количество (14) глиняных амфор вдоль северной стены. В таком количестве эта тара чаще располагалась или в хозяйственных камерах, или в дромосе: например, Гайманова Могила, Мелитопольский (первичное), Солоха (впускное). Лишь в Краснокутском кургане в камере, предназначиной для «главного» покойника, вдоль восточной стены (в ногах) стояли восемь амфор. Однако это погребение, как считает А. И. Мелюкова, мужское [1981, с. 15] или парное (судя по находкам в насыпи). В Бердянском кургане в камере центральной катакомбы обнаружены 20 амфор. Погребение же, судя по сохранившемуся инвентарю, мужское.

Расположение парадной посуды (серебряные амфора и блюдо) возле входа в камеру № 5 аналогично размещению ее в Толстой Могиле, где в дромосе первого погребения найдены бронзовая миска, трехручная амфора, набор парадного вооружения и пектораль.

Погребения двух воинов в юго-западной камере не имеют соответствий в близких Чертомлыку комплексах и могут считаться уникальными.

Западная ориентировка трех погребенных (юго-западная и северо-западная камеры) обычна для степной зоны IV в. до н. э. В камере № 5 захоронение главного погребенного располагалось у противоположной входу стены и, судя по положению погребального помоста, имело меридиональную ориенти-

ровку. Последняя, не столь характерная для скифских памятников, как западная, тем не менее встречается [Ольховский, 1978, с. 8], причем нередко в погребениях знати [Мозолевский, 1979, с. 158, табл. 6]. Чаще фиксируется южная (Куль-Оба, Гайманова Могила, Толстая), реже — северная (Башмачка). В Чертомлыке «царь», скорее всего, ориентирован головой на юг.

Главное погребение сопровождалось еще одним человеческим захоронением, местоположение которого в камере № 5 установить невозможно. Судя по отсутствию в камере вещей чисто женского инвентаря, это был мужчина.

В трех нишах камеры № 5 размещались парадная одежда, посуда (западная ниша возле погребального помоста) и вооружение (северная и южная ниши). В самой камере стояли бронзовые котлы, светильник и посуда, представленная двумя фрагментированными чернолаковыми сосудами.

Главные погребальные «камеры» Чертомлыка — юго-западная и две северо-западные. Аналогичное распределение фиксируется в Козле; в Мордвинском I кургане основными являлись юго-восточная и северо-восточная камеры.

При сведении воедино всех деталей, характеризующих комплекс центральной гробницы Чертомлыкского кургана, уникальность его для степной зоны IV в. до н. э. очевидна. Выделяют памятник следующие особенности: 1) количество коней в отдельной могиле — 11, с золотой или серебряной уздой; 2) количество сопровождающих человеческих погребений — 10; 3) катакомба, по сложности своей планировки, количеству камер и объему вынутого грунта, не имеющая аналогов; 4) богатство и количество погребального инвентаря.

6. Северная могила Чертомлыка

Впускная Северная могила обнаружена под северной полой кургана между участками № 2 и 3 каменной крепиды. Она располагалась в 42 м на север —

запад — север от входной ямы центральной гробницы Чертомлыка (рис. 8), возле начала грабительского хода. Как замечено в разрезах Р—Р и О—О, склон

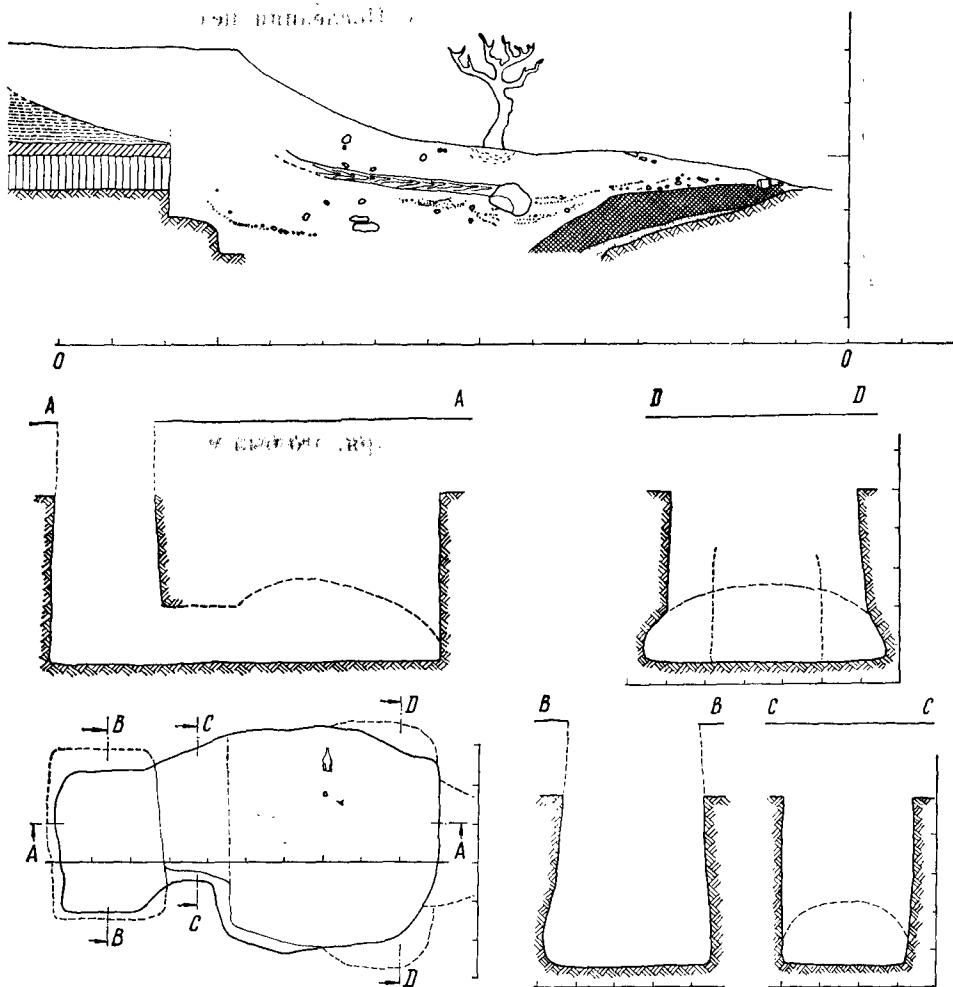

Рис. 48. Разрез 0—0 над Северной могилой Чертомлыка.

Рис. 49. План и разрез Северной могилы Чертомлыка.

курганной насыпи над Северной могилой был террасирован (рис. 48).

Входная яма могилы имела прямоугольную форму (рис. 49). Ее размеры по верху составляли 3,8 (запад — восток) $\times$ 2,6 м. Книзу она несколько расширялась. Размеры ямы по дну на глубине 6,3 м от уровня погребенного чернозема составляли 4,3 $\times$ 3 м.

В заполнении ямы, состоявшем из смеси чернозема и материка, встречены

бронзовый трехгранный наконечник стрелы, панцирные пластины, бронзовые детали узды, в том числе фигурный наносник, верхняя часть которого оформлена в виде головы лося (кат. 222—225). Рядом с деталями узды найдены шесть-семь клыков кабана, в которых просверлено по одному или по два отверстия. В одном случае в отверстии сохранилась железная заклепка. По всей вероятности, клыки являлись частью нагрудного украшения коня.

Кроме того, в заполнении входной ямы обнаружены многочисленные кости животных, в частности челюсти кабанов. Всего в заполнении найдены кости, как

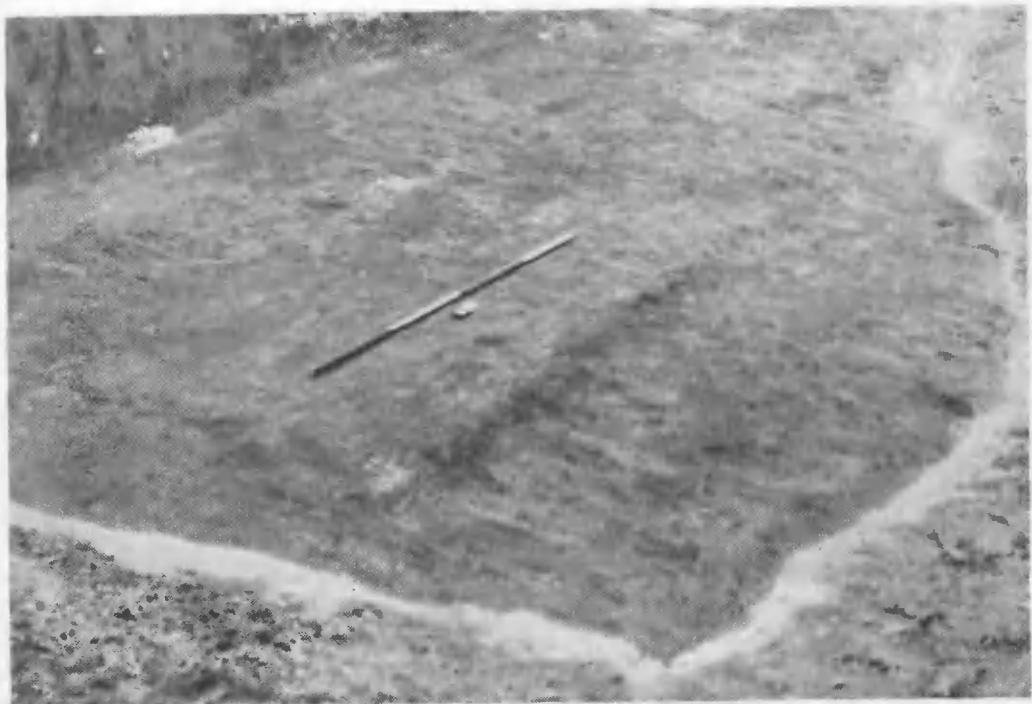

Рис. 50. Раскоп И. Е. Забелина (?) над Се-
верной могилой Чертомлыка.

Рис. 51. Расчистка Северной могилы Чертомлыка.

Рис. 52. Северная могила Чертомлыка. Бронзовый котел.

Рис. 53. Содержимое бронзового котла из Северной могилы.

минимум, 12 кабанов (без учета про- сверленных клыков), 5 быков, 2 коз или овец, домашней свиньи (?), 4 лошадей, косули и собаки. Среди костей животных — шесть фаланг пальцев человека, которые принадлежали трем или четырем индивидуумам, в частности одному мужчине старше 25 лет и подростку в возрасте 14—20 лет (прил. 8, 10).

Найденные фаланги ассоциируются с данными Геродота, согласно которым скифы в знак траура по умершему царю «отрезают себе часть уха, волосы обстригают кругом, на руках делают надрезы, лоб и нос расцарапывают, левую руку прокалывают себе стрелами». [IV, 71]. Хотя в этом отрывке прямо не указывается, что скифы наряду с перечисленными выше выражениями своей скорби практиковали и отрубание пальцев рук, существование у них такого обычая, зафиксированного этнографами у ряда других народов, вполне вероятно.

Погребальная камера примыкала к южной стене входной ямы и соединялась с ней коротким (1,7 м) дромосом шириной 2,8—3,8 м. Устье дромоса загораживал заслон из досок, скрепленных железными скобами. Удалось установить, что скобы располагались рядами. Первый ряд, прослеженный в заполнении ямы у ее южной стенки на высоте 1,7 м от дна, состоял из 10 скоб, отстоящих друг от друга на 30—40 см. Второй ряд располагался на 20 см ниже. Многочисленные обломки скоб выявлены в заполнении ямы у дна, а также в заполнении дромоса. Заслон, вероятно, был покрашен — в заполнении вместе с остатками дерева встречались чешуйки голубой и красной краски, а также отдельные вкрапления белой и розовой.

Погребальная камера в плане имела трапециевидную форму. Ее длина — около 5,5 м, ширина у дромоса — 4,8, в торце — 6 м. Дно камеры находилось на одном уровне с дном входной ямы.

Свод камеры частично разрушен древними грабителями, проникшими в нее в районе дромоса. После ограбления камеры Северной могилы они проделали

ход от ее торцевой стенки, через который была ограблена центральная гробница. Этот ход полностью расчистил И. Е. Забелин, двигаясь по нему со стороны центральной гробницы. Когда рабочие, расчищавшие его, попали в камеру Северной могилы, ее свод, вероятно, уже полностью просел и работать в рыхлом грунте было невозможно. По-видимому, это вынудило И. Е. Забелина заложить над камерой, оставшейся по странной случайности им не замеченной, небольшой прямоугольный раскоп, который не дошел до дна камеры примерно на 2 м. Контуры этого раскопа, заполненные черноземом, были хорошо видны в материке (рис. 50).

Инвентарь, оставшийся в могиле после грабителей, весьма малочислен (кат. 226—231). Он находился примерно у середины восточной стенки камеры (рис. 51). Это бронзовый котел, покрытый двумя рядами рельефного орнамента (рис. 52), в котором помещалась туша барана (без головы) и деревянный черпак (рис. 53), а также раздавленный серебряный килик, серебряный кубок, на дне которого прочерчены греческие буквы и схематические рисунки, и гераклейская амфора. На дне грабительского хода, непосредственно у южной торцевой стенки погребальной камеры, обнаружен необычный железный предмет (кат. 231). Как показали металлографические исследования (прил. 14), — это оковка деревянной лопаты. Поскольку в скифское время такие инструменты, судя по известным нам материалам, не применялись, остается предположить, что оковка относится к более позднему времени и, следовательно, могла попасть в Северную могилу лишь в результате проникновения туда грабителей. Это означает, что курган Чертомлык был ограблен или, по крайней мере, подвергся вторичному ограблению уже после того, как скифское объединение уступило место другим кочевым союзам. Грабители же разрушили скелеты погребенных, отдельные кости которых встречались в заполнении камеры Северной могилы.

Глава III

АНАЛИЗ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕЩЕВОГО КОМПЛЕКСА

1. Вещи из насыпи кургана и комплекса центральной гробницы

Керамические изделия

Амфорные клейма и чернолаковые соуды являются основополагающими при определении времени сооружения кургана, на что обратил внимание еще Б. В. Фармаковский [1911]. Правда, предложенная им датировка — III—II вв. до н. э. — оказалась неверной, и в настоящее время верхняя хронологическая граница бытования этих изделий вряд ли может быть отнесена ко времени позже рубежа IV—III вв. до н. э. [Алексеев, 1982, с. 19; 1987].

Среди многочисленных керамических, и прежде всего амфорных, находок из насыпи и крепиды кургана, которые упоминает И. Е. Забелин, в 1862—1863 гг. были обнаружены три **клейменые ручки греческих амфор**. В юго-восточном секторе в камнях крепиды вместе с другими амфорными обломками найден фрагмент ручки с херсонесским клеймом (кат. 1). Из верхней строчки сохранились части двух первых букв имени — А, нижней — четыре буквы названия магistrатуры. Имя астинома восстанавливается вполне достоверно — Ксанф. Расхождения относительно датировки клейм Ксанфа невелики. Ряд исследователей называли начало — первую половину III в. до н. э. [Ахмеров, 1949, с. 106; Даниленко, 1966, с. 159; Онайко, 1970, с. 92, № 137; Михлин, 1979, с. 153, № 33]. Другие — и эта датировка представляется более правомерной — относят клейма к концу IV — началу III в. до н. э. [Борисова, 1974, с. 118; Брашинский, 1980, № 742; Кац, 1985, с. 100] или даже к последней трети

IV в. до н. э. [Латышева, 1985, с. 101—102]. Вполне очевидно, что клейма Ксанфа следуют датировать временем не позже последних трех-двух десятилетий IV в. до н. э. Предложенная для них хронологическая позиция полностью соответствует датам двух других чертомлыкских клейм.

В камнях крепиды с восточной стороны найден фрагмент ручки синопской амфоры с клеймом астинома Бория (кат. 2) [Граков, 1927, с. 123, 124]. Учитывая, что хронология синопских клейм в целом и их отдельных групп окончательно не установлена (правда, в меньшей степени неопределенность относится к ранним группам), точная датировка клейма затруднительна. Принимая во внимание хронологические уточнения И. Б. Брашинского, клеймо Бория датируется в пределах 320—270 гг. до н. э. [1963, с. 133]. Поскольку же тенденция к удревнению хронологии синопских клейм отчасти коснулась и их ранних групп, не исключено понижение дат для II группы до 345—305 гг. до н. э. [Колесников, 1985, с. 69].

У северной стены раскопочной траншеи (т. е. в центральной части насыпи) на глубине 10—12 м найдена ручка амфоры с полустертым прямоугольным клеймом ТИМАР... (кат. 3). Имя может быть восстановлено как Тимарх, Тимарат. В своем рукописном каталоге Г. Е. Кизерицкий описал эту ручку как предположительно родосскую, отметив сходство глины с фасосской. Действительно, имена с основой на ТИМ обычны для родосской ономастики и часто встречаются на родосских клеймах [Нильсен,

1909, с. 487; Шелов, 1975, № 207—209, 464; Бадальянц, 1980]. Состав глины (розоватая, тонкая с блестками слюды и включениями белого цвета) не характерен для классических родосских амфор, но дляproto- и раннеродосского периода клеймения возможны исключения. Характерно, что круглые клейма с надписью TI/MAP (вероятно, конца IV — начала III в. до н. э.) также поставлены на амфорах, глина которых сходна с фасосской [Василенко, 1972, с. 18]. Если на чертомлыкской ручке действительно воспроизведено имя одного из родосских фабрикантов, то, судя по ее форме, форме клейма и шрифту, амфору следует отнести к 330—275 гг. до н. э. [Бадальянц, 1980], отдав все же предпочтение первой половине этой даты.

Из трех клейм лишь родосское клеймо, без сомнения, попало в курган во время сооружения первоначальной насыпи и связано с центральным погребальным комплексом. Два других, найденных в камнях крепиды, могут быть сопоставлены как с завершающим этапом строительства кургана, так и с поминальными обрядами и (что менее вероятно) с Северной впускной могилой. Очевидно, совпадение хронологических диапазонов всех клейм, по счастью принадлежащих различным центрам, производившим вино, не случайно подтверждает справедливость каждой отдельной датировки.

Коллекция амфорной тары Чертомлыка значительно пополнилась в результате работ, проводившихся экспедициями Института археологии АН УССР и Немецкого научно-исследовательского общества. В частности, несколько десятков амфор обнаружено в заполнении погребения № 1/1984 г. (кат. 217) и рядом с ним. Здесь выявлены амфоры с рюмообразными ножками, амфоры типа Солоха II, Синопы (количество амфор убывает в порядке перечисления). Клейма представлены лишь одним экземпля-

ром — энглифическое колечко на ручке амфоры с рюмообразной ножкой. Среди материалов из останцев курганной насыпи и сохранившихся участков каменной крепиды представлены также амфоры гераклейского производства (см. прил. 11). Кроме того, в 1981 г. при исследовании юго-западного останца курганной насыпи обнаружен фрагмент амфоры с гераклейским клеймом. Клеймо ретроградное, двухстрочное, сохранилось не полностью. Принадлежит, вероятно, Амфистрату (кат. 215). По определению И. Б. Брашинского *, клеймо относится к середине IV в. до н. э., что не согласуется с хронологическими диапазонами других клейм. И здесь следует обратить внимание на необходимость чрезвычайно осторожного подхода к датировке скифских погребений по гераклейским клеймам, убедительной хронологии которых не существует. Так, в «царских» скифских курганах, помимо Чертомлыкского, известны еще по крайней мере два гераклейских клейма, датировки которых не вполне соответствуют хронологическим позициям комплексов, определяемым по другим материалам. В первичной могиле Деева кургана найдены два клейма: гераклейское и синопское; первое датируется первой половиной IV в. до н. э., второе — концом столетия, что и является действительной датой погребения. Аналогичная ситуация сложилась и для комплекса Александровского кургана. Одно из гераклейских клейм отнесено И. Б. Брашинским (правда, предположительно) к первой половине IV в. до н. э. Эта дата также вступает в противоречие с датой, например, чернолаковой пиксиды из того же комплекса (конец IV в. до н. э.). Изложенное, а также общая, пока неопределенная, ситуация в гераклейской керамической эпиграфике свидетельствуют о том, что при датировке чертомлыкского комплекса следует прежде всего учитывать хронологические позиции эрмитажных клейм.

Возле западной стены камеры № 5 найдена чернолаковая чашечка (кат. 149)

* Определения гераклейских клейм, упомянутые в данной работе, сделаны И. Б. Брашинским по просьбе А. Ю. Алексеева в 1981 г. и высказаны устно.

на кольцевом поддоне с загнутым внутрь краем. Н. А. Онайко отнесла этот сосудик к кругу вещей аттического производства и датировала второй — третьей четвертями IV в. до н. э. [1970, с. 99, № 344]. По профилю, пропорциям, характеру обжига чертомлыкская чашечка наиболее близка сосудам из афинской агоры, датируемым в основном серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. [Агора, № 830, 832—835]. Подобная форма известна и в более позднее время — последняя четверть IV — рубеж IV—III вв. до н. э. [Томпсон, 1934, № A14, A18]. Утолщение стенки в месте перехода в венчик, выраженное достаточно отчетливо (значительные утолщения характерны для третьей четверти IV в.), также, вероятно, указывает на третью четверть — рубеж двух последних четвертей IV в. до н. э. [Технау, 1929, рис. 32.2; Кук, 1965; Андерсон, 1954, рис. 5, 190].

Полные аналоги орнаменту этой чашечки нам неизвестны, так как он отличается некоторым своеобразием. Такие же четырехугольные фигуры, составляющие основу композиции, известны на изделиях как первой, так и второй половины IV в. до н. э., и последние преобладают [Агора, № 603, 604, 659; Онайко, 1970, № 325, 686, 688]. Во всех известных случаях оттиснуты только четыре пальметтка возле углов, имеются круги насечек, часто внутри вписана врезная окружность. По-видимому, основой орнамента чертомлыкской чашечки является пересечение двух ромбовидных фигур, образующее восемь углов, возле которых оттиснуты пальметтка [Онайко, 1970, табл. IX, 713; Ильинская, 1968, табл. XXIII, 5; Мелюкова, 1975, рис. 43, 1; Корбетт, 1955, рис. 67, 10а, 12а]. Чашечки, похожие на чертомлыкскую и также без круга насечек (но с пальметтками иной формы — небольшими и плотными), относятся к последней трети IV в. до н. э. [Корбетт, 1955, рис. 66, 2а, 26, 4].

Для большинства штампованных пальметток на чернолаковой посуде характерны небольшие размеры, ровный край,

образующий четкий контур, плотно расположенные короткие лепестки. Чертомлыкские же «открытой» формой, плавными контурами длинных лепестков с легким изгибом у основания и резко отгибающимися вершинами отличаются от них и близки к некоторым пальметтам на расписной эллинистической посуде, а более всего к пальметтам на предметах торевтики из Северного Причерноморья, например на чертомлыкских горите и амфоре (кат. 189, 91). Таким образом, чернолаковая чашечка из Чертомлыка может быть датирована третьей четвертью — рубежом двух последних четвертей IV в. до н. э., т. е. около 350—320 гг. до н. э.

Что касается граффито «А» на внешней стороне дна, то определить с точностью, что оно обозначает, не представляется возможным. Это, может быть, начальная буква имени владельца сосуда, божества или слова «посвящение» [Соломоник, 1976, с. 131—132; Граффити..., с. 8]. На наш взгляд, эти объяснения не исключают обращения сосуда в течение некоторого времени (до того, как он попал в скифский курган) в эллинской среде.

Вместе с чашечкой найден фрагмент венчика чернолакового канфара (кат. 150), для точной датировки которого данных очень немного. Н. А. Онайко отнесла его ко второй — третьей четверти IV в. до н. э. [Онайко, 1970, № 307]. Аттические канфары с валикообразным венчиком, действительно, в основном бытовали в период с 375 по 325 гг. до н. э. Однако они встречаются и в более позднее время — в последней четверти IV в. до н. э. [Агора, с. 286, № 703, 704; Иванов, 1963, с. 194]. Учитывая совместную находку чашечки и хорошее качество лака, дату канфара следует приурочить к середине — третьей четверти IV в. до н. э.

В отчете о раскопках приведены сведения и о многочисленных разбитых амфорах, найденных в насыпи и камнях крепиды, а также в трех камерах погребения (юго- и северо-восточной, северо-западной). Кроме амфор, И. Е. Забелин

упоминает среди находок в насыпи че-
репки красноглиняного кувшина и
«простого горшка черной крупнозер-
нистой нечистой глины» [ГИМ, ОПИ,
ф. 440, ед. хр. 253, л. 316].

Конское снаряжение

Конское снаряжение из насыпи. Удила и псалии отмечены лишь в различных местах курганной насыпи Чертомлыка. В конских могилах И. Е. Забелин их не упоминает. Это обстоятельство необычно и вряд ли его следует расценивать как небрежность в описании, так как в характеристике других раскопанных И. Е. Забелиным памятников (например, Краснокутского кургана) железные удила упоминаются [ДГС, с. 47]. *In situ* железные удила обнаружены лишь в челюстях конского черепа, который лежал на кургане бронзового века (?), перекрытого общей насыпью Чертомлыка.

В коллекции Эрмитажа сохранилось всего пять экземпляров частично фрагментированных железных удила. И. Е. Забелин насчитывал их до 250, но проверить эти данные нельзя, поскольку почти все находки были переданы в экономию поместья Е. П. Зейфарт [Арх. ЛОИА, ф. 1, д. 2, 1862, л. 48]. Их конструкция обычна: двухчастные железные грызла, подквадратные или круглые в сечении, с загнутыми в кольцо концами (кат. 4, 6, 7). К одной паре пристала пряжка (кат. 23), к другой — нащечник в виде «лапы» (кат. 20), к третьей — две железные подпружинные пряжки (кат. 23). Общая длина целых экземпляров — 23—25 см. В одно отдельное звено железных удила был вставлен железный стержневидный псалий. К этому экземпляру прилипла и бронзовая бляха с тремя отверстиями (кат. 24). Среди находок, предположительно связанных с комплексом 1862 г., встречены железные удила двух типов, различающиеся размерами (кат. 7). Помимо этого, найдены семь обломков железных удила и обломок прямого стержневидного псалия. Еще два железных прямых двудырчатых псалия

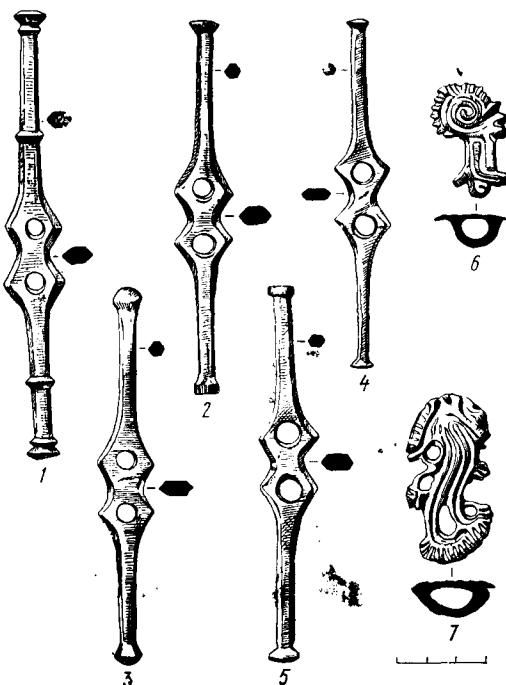

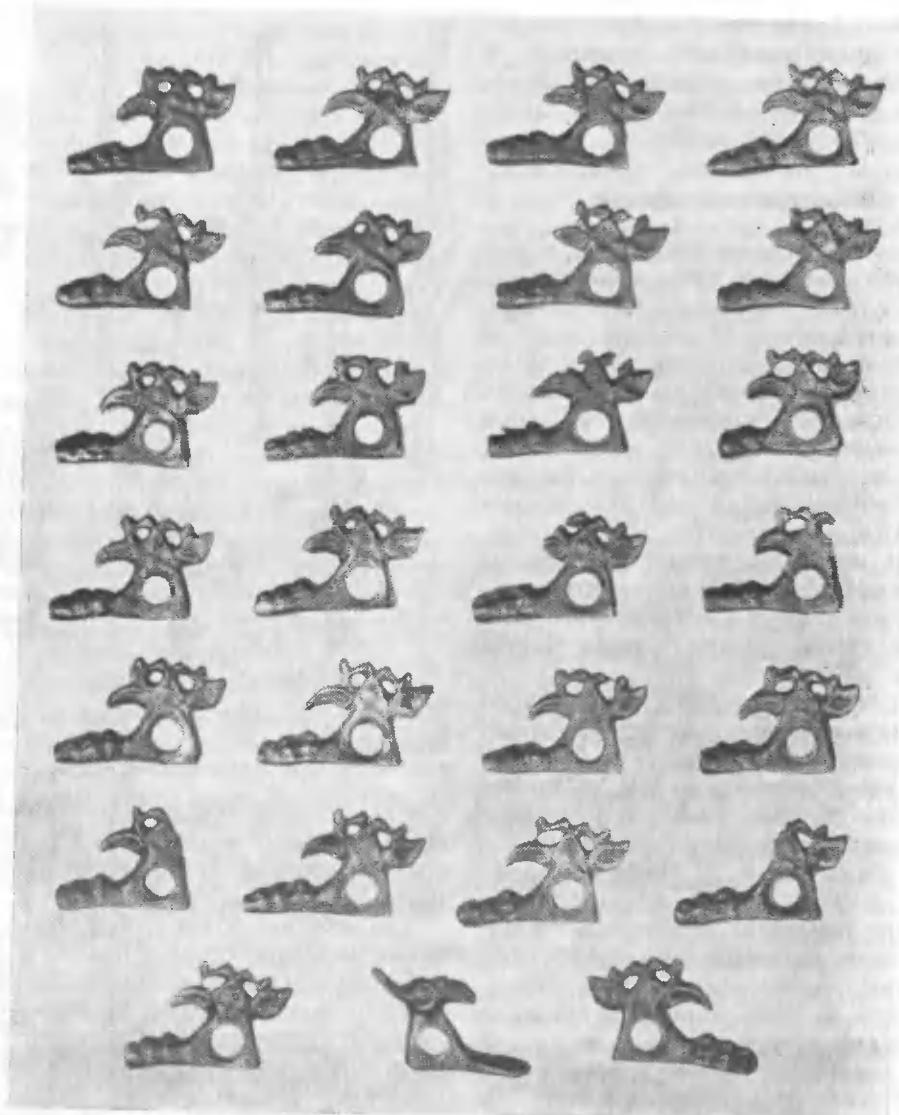
Рис. 54. Бронзовые детали узды из насыпи кургана:

1—5 — кат. 8; 6, 7 — кат. 20, а, б.

с восьмеркообразным расширением посередине обнаружены в 1985 г. у подножия участка № 4 каменной крепиды (кат. 216).

Удила данного типа, как и двудырчатые железные прямые псалии с восьмеркообразным утолщением по середине, широко распространены на территории степной и лесостепной Скифии в IV в. до н. э. Из «царских» курганов следует отметить Толстую Могилу, Краснокутский курган, Башмачку, Мелитопольский (впускное погребение). Железные длинные псалии обнаружены в кургане у дер. Башмачки, в Краснокутском кургане.

В наборе уздечных принадлежностей преобладали бронзовые прямые псалии. Их длина колеблется от 12,2 до 15 см (кат. 8). Различается форма шляпок: гвоздевидные, конические (рис. 54, 1—5). Аналогии известны, например, в Восьмом Пятибратнем кургане [Шилов, 1961, с. 162]. В одном случае

псалий орнаментирован рельефными по-
 перечными утолщениями — под шляпка-
 ми и на стержнях. Подобные, но бимета-
 ллические, псалии встречены в юго-
 западном секторе насыпи Толстой Моги-
 лы [Мозолевский, 1979, рис. 6, 4].

В состав коллекции входят 43 бронзо-
 вые пряжки (кат. 10) в виде кольца и
 треугольного выступа — рамки, распо-
 ложенных в одной плоскости. В IV в. до
 н. э. широко распространены в степном
 поясе Евразии [Ильинская, 1973]. Фор-

Рис. 55. Бронзовые наносники из насыпи Чертомлыка (кат. 17).

ма подобных изделий (кольцо с рамкой),
 используемых или в качестве поясных за-
 стежек, или в конских наборах, известна
 с II тыс. до н. э. на территории Передней
 Азии [Кроузэл, 1972], а затем распро-
 страняется более широко. В IV в. до н. э.
 пряжки с расположенным в одной пло-
 скости рамкой и кольцом использова-
 лись или в седельных устройствах,

или для закрепления ремней повода (но в данном случае петли обычно находились в разных плоскостях), или в качестве чумбурных блоков [Ильинская, 1973; Мозолевский, 1979, с. 182]. Последнее наиболее вероятно для чертомлыкских экземпляров.

Назначение ворварок (кат. 11) в контексте чертомлыкских находок уяснить невозможно. Исследователи отмечают вероятность двойного назначения этих предметов: для крепления ремней оголовья и для закрепления концов кистей, украшавших сбрую [Петренко, 1967, с. 182]. Хронологические рамки бытования данных предметов в Скифии не выходят за пределы V—IV вв. до н. э.

Назначение бронзовых колокольчиков (кат. 12) также, по-видимому, могло быть различным. Часть из них входила в нагрудный убор коня вместе с тремя большими бляхами и одиннадцатью «лунницами». И. Е. Забелин отмечал, что колокольчики в двух случаях были подвешены в отверстия «лунниц». Всего таких колокольчиков, по аналогии с конскими нагрудными украшениями из могил, могло быть около восьми. Остальные, вероятно, входили в комплект с навершиями.

Бляхи со срезанным краем, бляхи-лунницы (кат. 13, 14) и описанные колокольчики составляют набор нагрудных украшений лошади. Вероятно, ленту нагрудного убора украшали узкие бронзовые полоски (13 фрагментированных экз.), в которых сохранилось по два или одному отверстию для закрепления (кат. 16). Не исключено, правда, что их назначение было иным, так как характер и расположение отверстий могут указывать, что полосы набивались на какую-то жесткую основу. К тому же в описании конских уборов из отдельных могил И. Е. Забелин не упоминает подобных изделий. Датируются конские нагрудные украшения чертомлыкского типа второй половиной IV в. до н. э., хотя в несколько иной разновидности появляются в начале IV в. (курган Солоха).

Уплощенные наносники (кат. 17) широко распространены в рядовых скиф-

ских памятниках IV в. до н. э. Зона их распространения включает как степь, так и лесостепь и даже доходит до Юго-славии, где подобные экземпляры относятся к периоду VI—IV вв. до н. э. [Васич, 1977, табл. 48]. В меньшей степени они характерны для курганов скифской знати, хотя и встречены в таких относительно ранних памятниках, как Солоха и Цимбалка, правда, характер изображения существует на них иной, чем в Чертомлыке (рис. 55). В Толстой Могиле в одном из конских погребений обнаружен наносник, на котором изображено то же существо, что и на чертомлыкском второй разновидности (кат. 17б) [Мозолевский, 1979, рис. 19, 1]. Фрагментированный наносник такого типа (первая разновидность, кат. 17а) найден во входной яме Северного погребения Чертомлыкского кургана.

Наносники (или нахрапники) в виде скульптурной головы (кат. 18). Из семи экземпляров лишь один по размерам соответствует обычным находкам такого типа. Шесть других выделяются явно уменьшенными параметрами, хотя их контур и характер орнаментации типичны (рис. 56, 2, 5, 7). Наносники подобного типа широко распространяются в Скифии примерно с середины IV в. до н. э. Из «царских» комплексов бронзовые экземпляры, помимо Чертомлыка, известны в Мелитопольском (впускное погребение), Лемешевом курганах, в кургане Козел. Характер орнаментации, отличаясь в мелких деталях, настолько близок, что тип этих изделий поражает своей стандартизацией. Обычно подобные наносники встречаются в сочетании с определенными пластинчатыми нащечниками (см. также о подобных наносниках из конских погребений).

Нащечники бронзовые в виде тонких вырезных пластин (кат. 19) с гравированным орнаментом, с одной и двумя петлями на заклепках (рис. 57; 58). В Чертомлыкском кургане найдена уникальная пара таких нащечников, свидетельствующая о жертвенном и, отчасти, вотивном характере конских украшений из насыпи: выполнены чре-

звычайно небрежно из тонкого листа бронзы как имитация обычных изделий такого типа (кат. 19, б). Всего, таким образом, насчитывается семь полных наборов украшений, включающих наносники и нащечники (кат. 18—20).

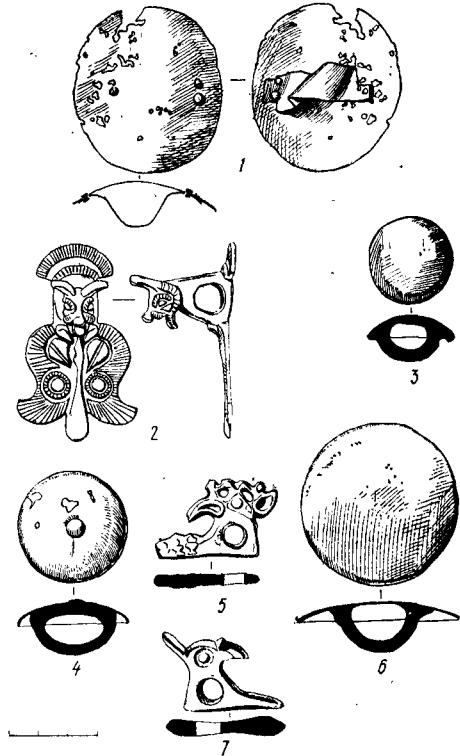

Рис. 56. Бронзовые наносники и круглые бляхи из насыпи Чертомлыка:

1, 3, 4, 6 — кат. 22; 2 — кат. 18; 5 — кат. 18а;
7 — кат. 18б.

Нащечники бронзовые литые в виде стилизованных лап животных с петлей на обороте (кат. 20). Нащечники этого типа также широко распространены и встречаются в памятниках как степной, так и лесостепной зоны [Петренко, 1967, табл. 30, 1, 2]. Но для украшения сбруи «царских» коней они в целом не характерны. Чрезвычайно близкие экземпляры обнаружены в таких комплексах скифской знати, как Солоха (впускное погребение), Чмырева Могила (впускное погребение). Найдены они и в Карагодеуашхе. Все эти памятники датируются широким диапазоном — 400—320 гг. до н. э. Как правило, находки сочетаются с плоскими наносниками на узком основании (кат. 17), что подтверждает типичность подобных наборов для первой половины — середины IV в. до н. э. Следовательно, в Чертомлыке по типу они представляют собой наиболее ранние украшения конского оголовья (рис. 59).

Кольца железные (кат. 21). Назначение их окончательно не ясно. Для кольца повода их размеры иногда слишком малы. И. Е. Забелин отмечает, что в некоторых удилах находились кольца от уздечных ремней [ДГС, с. 83]. Но все 103 экземпляра обнаружены отдельно. В уздечные наборы Толстой Могилы входило, например, по одному подобному кольцу. Встречаются они обычно возле затылка коня [Ильинская, 1973, рис. 8, 15] или возле внешних колец удил под бронзовыми петельчатыми бляхами.

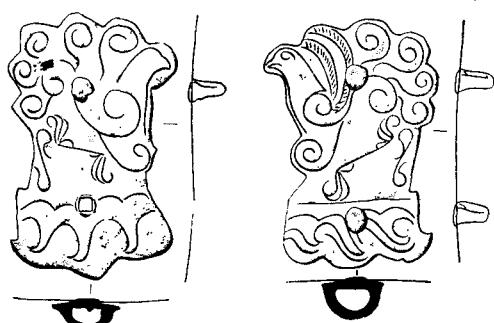

Рис. 57. Бронзовые нащечники (кат. 19).

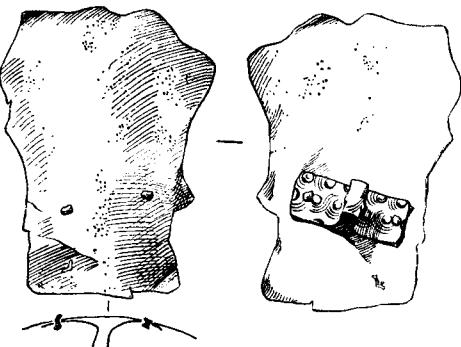

Рис. 58. Бронзовые нащечники (кат. 19б).

ми [там же, рис. 5, 5]. Б. Н. Мозоловский называет их пряжками повода [1979 с. 40, № 57], а В. А. Ильинская допускала, что это деталь чумбурного блока [1973, с. 51].

Круглые бронзовые бляхи с петлей на обороте (кат. 22), вероятно, также связаны с наборами украшений оголовья коней. По размерам и количеству их можно разделить на две группы: 1 — 187 экз., диаметр 2,4—3,2 см; 2 — 87 экз., диаметр 6,9 см. Если предположить, что бляхи первой группы на ремнях оголовья составляли 4 экз., а бляхи второй — по два, то это составило бы примерно 45 и 42 набора соответственно. Правда, в конских погребениях Толстой Могилы меньших по диаметру блях было два, а больших — четыре экземпляра. Поэтому расчеты количества наборов связаны с определенными трудностями. Общее число блях — 261 (по Забелину, — 270), и их сочетание может быть различным, так как в одном наборе встречаются от 4 до 8 блях этого типа [Ильинская, 1973]. Судя по количеству напосников на узком основании, напечников в виде лап животных и ажурных нащечников, полных уздечных наборов могло быть от 30 до 60—65.

Пряжки железные в виде прямоугольной рамки (кат. 23) с выступающим на узкой стороне язычком найдены прилипшими к железным удилам. В отчете И. Е. Забелина они не упоминаются. Такие пряжки были широко распространены на лесостепной и степной территории в IV в. до н. э. [Ильинская, 1973, с. 61—62]. Встречены они и в «царских» курганах, например Толстой Могиле, Козле и др.

Золотые украшения — пластины в виде крыльев и пластинки в форме лепестков (кат. 29—31). И. Е. Забелин упоминает, что в некоторых из них еще сохранились золотые гвоздики (кат. 56) «для прикрепления их к ремням» [ДГС, с. 80]. Вероятно, золотые вещи использовались для украшения одного набора конского оголовья. И. Е. Забелин упоминает и о находках серебряных деталей, в частности круглой бляхе около

Рис. 59. Бронзовые нащечники из насыпи Чертомлыка (кат. 20).

12—13 см в диаметре [там же, с. 79], ныне не сохранившейся. К этому же набору относятся шесть целых и девять обломков раковин каури. Пластины в виде «крыльев» использовались, скорее всего, в качестве нащечников. По своей форме они отдаленно напоминают так называемые крыловидные нащечники или «наушники», бытовавшие с V до третьей четверти IV в. до н. э. (Толстая Могила, Цимбалка, Чмырева Могила). Правда, их ажурность — признак уникальный,

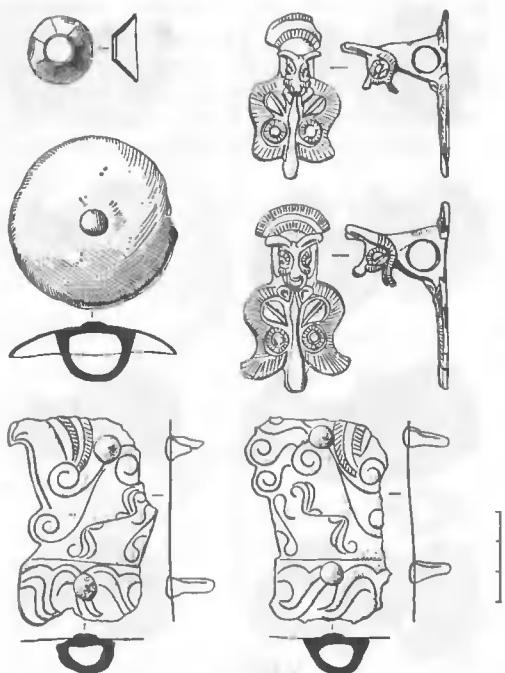

Рис. 60. Серебряные детали уздечных наборов (кат. 46, 3; 55, 1; 55, 4; 46, 1; 55, 2; 46, 2).

и, вероятно, чертомлыкские экземпляры следует признать позднейшей, завершающей развитие типа модификацией, относящейся к рубежу третьей — четвертой четверти IV в. до н. э.

Круглые бляхи с отверстиями составляют два типа: 1 — бляхи (кат. 24) диаметром 8,1—9,5 см с грубо пробитым в центре отверстием (26 экз.), 2 — бляхи (кат. 24) диаметром 4,3—7,5 см с четырьмя или тремя отверстиями по краю (152 экз.). В некоторых отверстиях сохранились остатки белых ниток (у блях диаметром 6,1—7,5 см).

Бляхи второго типа известны по находкам и в других скифских курганах, где они также связаны, вероятно, с погребальным кортежем и найдены на уровне древней поверхности или в насыпи кургана (Толстая и Денисова Могилы, Краснокутский курган). Бляхи с центральным отверстием уникальны.

Навершия бронзовые имеют несколько разновидностей: 1 — в виде какого-

то животного, стоящего на перекладине, поддерживаемой двумя S-образными волютами; в нижней части — плоская пластина с тремя отверстиями для закрепления (4 экз., кат. 26). Полных аналогий этому типу нет [Переводчикова, 1980, рис. 2]; 2 — в виде сильно стилизованной плоской фигуры оленя на бочонковидном прорезном бубенце с двумя вертикальными петлями (кат. 27). Наиболее близкие аналоги найдены во впускной гробнице Толстой Могилы [там же, рис. 8], но последние отличаются от чертомлыкских рядом деталей, а именно более реалистичным изображением животных, грушевидной формой бубенцов с ажурными в виде пальметт прорезями, наличием небольшой втулки. Учитывая явное упрощение формы, чертомлыкские навершия следуют признать типологически более поздними. Близкие навершия обнаружены и в кургане конца IV в. до н. э. «Каменская близница» [Андрюсов, Мухопад, 1987, рис. 6, 2, 3, 5]; 3 — в виде фигуры птицы с распластанными крыльями на биконическом бубенце с двумя подтреугольными прорезями, двумя вертикальными петлями и двумя или четырьмя отверстиями (кат. 28). Ближайший аналог чертомлыкским — навершия из Краснокутского и Александропольского курганов [Переводчикова, 1980, рис. 7, 12—14]. Сходно и навершия из кургана «Каменская Близница» [Андрюсов, Мухопад, 1987, рис. 6, 1].

В Чертомлыкском кургане навершия связаны с комплексом погребального кортежа. Но следует иметь в виду, что эти предметы, вероятно, полифункциональны и использовались в различных ситуациях.

Хронологические рамки чертомлыкских наверший хорошо определяются кругом памятников, содержащих ближайшие аналогии. Для наверший 2 и 3 типов большинство из них приходится на конец (последнюю третью или четверть) IV в. до н. э. Вероятно, навершия с изображением животного неясного облика могут быть отнесены к этому же времени; их типологические и стили-

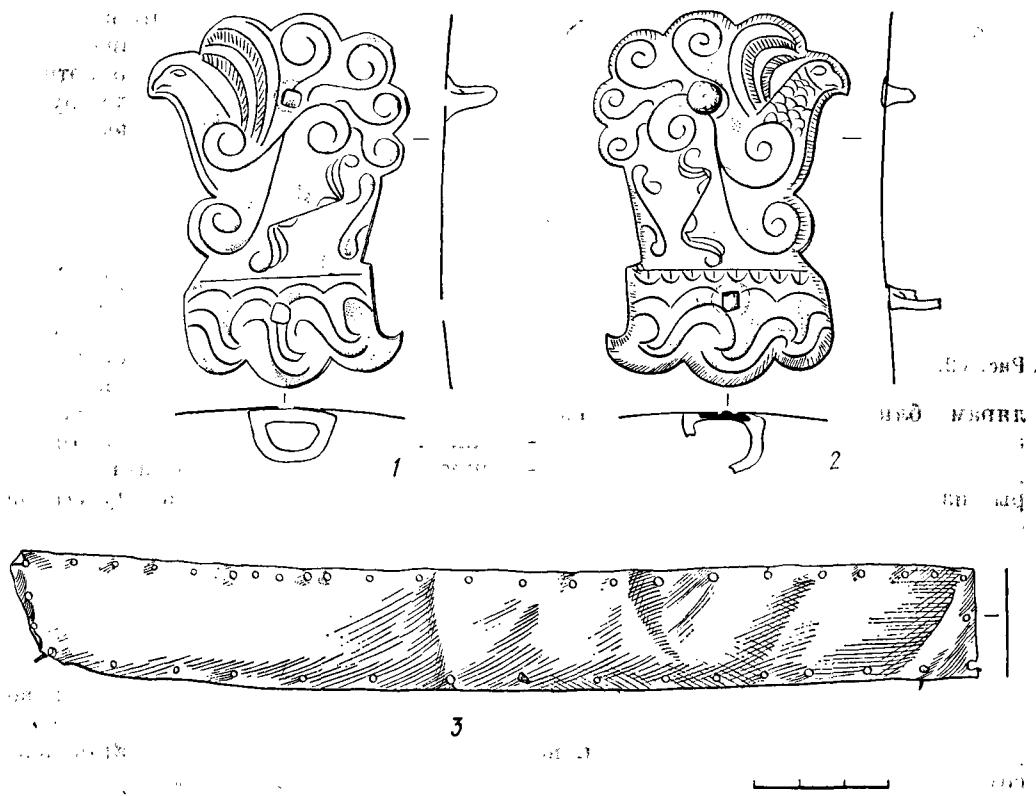

Рис. 61. Золотые детали уздечных наборов (кат. 45, 2) — 1, 2; и золотая седельная пластина (кат. 45, 6) — 3.

Е. П. Зейфарт, и сейчас состав некоторых уборов в коллекции неполон (у коня № 2 из южной могилы не хватает двух круглых блях, у коня № 3 из южной могилы — пяти).

Как отмечалось, набор деталей оголовья всех одиннадцати коней как по составу, так и по оформлению очень стандартен (рис. 60; 61). Подобное обстоятельство зафиксировано лишь в очень немногих памятниках с небольшим числом конских захоронений: в Лемешевом кургане и в Мелитопольском. В большинстве других курганов с конскими захоронениями сочетаются уборы различных типов: например, в Солохе, Толстой Могиле, Цимбалке, Чмыревой Могиле, Александropольском кургане. По характеру орнаментации налобников и нащечников к чертомлыкским экземп-

тические особенности такой дате не противоречат.

Конское снаряжение из отдельных могил. Все уздечные наборы независимо от материала, из которого они изготовлены, отличаются удивительным однообразием, не характерным для большинства конских могил из других «царских» курганов. Всего в трех конских могилах Чертомлыка обнаружены шесть золотых, пять серебряных и один бронзовый набор украшений оголовья коня (кат. 44—55). Уборы из драгоценных металлов состоят из следующих элементов: наносника литого на вырезной пластине, нащечников в виде вырезной пластины с гравированным орнаментом, ворварок, круглых блях с петлей изнутри. По описанию И. Е. Забелина, в каждый уздечный набор входили по одному наноснику, два нащечника, две ворварки и шесть круглых блях [ДГС, с. 88—89]. Часть находок была передана в экономию

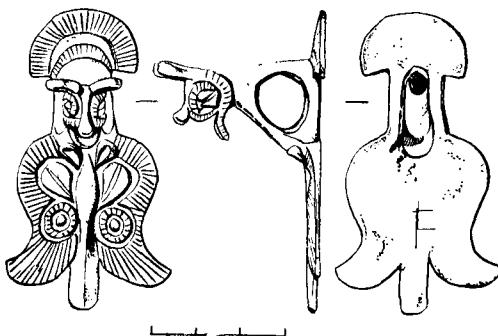

Рис. 62. Наносник из кургана Огуз.

лярам ближе всего стоят отдельные вещи из Козла, Лемешева и Александровопольского курганов, Огуза. Наборы из Толстой Могилы отличаются от чертомлыкских иной конфигурацией оснований и орнамента некоторых налобников [Мозолевский, 1979, рис. 21, 4; 100], а также более тщательной орнаментацией нащечников [там же, рис. 26]. Создается впечатление, что детали наборов из Толстой Могилы фиксируют становление или начальный этап развития украшений этого типа и, несомненно, относятся к более раннему времени, чем чертомлыкские.

Наносники на пластинчатом основании могут восходить к греческим или фрако-греческому прототипам из Чмыревой Могилы [Мелюкова, 1981, с. 85—86]. В скифских памятниках зооморфные изображения на пластине-основании приобретают уже иные черты. Один из ранних наносников подобного типа (Чмырева Могила) выполнен, возможно, греческим мастером [Мелюкова, 1976, рис. 3, 5]. Но не исключено, что поздние наносники типа чертомлыкских также являются изделиями греческих торевтов, работавших с учетом запросов скифского потребителя. Об этом может свидетельствовать маркировка греческими литерами π основания пластины наносников из кургана Огуз, почти тождественных чертомлыкским (рис. 62).

По-прежнему неясен характер существа, скульптурные изображения которого представлены на этих изделиях. Пожалуй, можно считать, что они дей-

ствительно имеют прототипы в предшествующих по времени памятниках [Мелюкова, 1976, рис. 3, 1—3], но и эти наносники смоделированы в виде трудноопределимых существ. На более ранних изделиях типа чертомлыкских (Чмырева и Толстая Могилы), возможно, изображен лев, но уже через 10—20 лет его облик малоизнашиваем: удлиняются уши, глаза превращаются в кольца, украшенные радиальными поясками, удлиняется и отвисает нижняя губа, пос превращается тело летучей мыши. Протома существа отдаленно напоминает тело летучей мыши.

Столь же сложен вопрос о генезисе **нащечников**, входящих в чертомлыкские уздечные наборы. Считается, что прототипом этих изделий служат нащечники в виде задних лог животного [Мозолевский, 1979, с. 187, 188]. Но уже в начале второй половины IV в. до н. э. эти «птицеключевые», по выражению Б. Н. Мозолевского, нащечники полностью утратили связь со своим прототипом и получили совершенно новое осмысление. Характер их украшения становится стандартным и, отличаясь в деталях на разных изделиях, сводится к устойчивой схеме: в верхней части реалистическое или стилизованное изображение птицы, в средней — растительный орнамент в виде лозы аканфа, в нижней — волнистая или зигзагообразная линия. Некоторые изображения на более ранних образцах начала второй половины IV в. до н. э. (Толстая Могила) выполнены тщательнее и читаются легче [там же, рис. 132]. Так, в нижней части нащечников из конской могилы первого погребения изображены дельфины, в верхней — целые фигуры птиц или птицеподобных драконов. Эта трехчастная по своей структуре схема не может рассматриваться лишь как орнаментальная композиция, о чем свидетельствует многократность ее воспроизведения. Вероятно, такая схема актуализирует представления о тернарной структуре мира, где изображение птицы олицетворяет верхнюю зону космоса, растительный орнамент — среднюю и волнистый орнамент — нижнюю, водную (что под-

Рис. 63. Фалары из Александропольского кургана.

черкивается изображениями дельфинов на нашечниках из Толстой Могилы). Эта космограмма на украшениях конского оголовья полностью соответствует индо-иранским и скифским представлениям о коне как медиаторе всех вертикальных зон Вселенной, что нашло отражение и в особенностях конструкции конских могил Чертомлыкского кургана (см. гл. II). Вероятность существования таких космограмм подтверждается уникальным набором украшений оголовья коня из первичной конской могилы Александропольского кургана (последняя четверть IV в. до н. э.), на четырех фаларах которого последовательно представлены птица (верхняя вона), лев и бык (средняя?), гиппокамп (нижняя). Причем на фаларе со львом дополнительно присутствует маленькое изображение птицы, а на фаларе с гиппокампом — рыбы

(рис. 63). В целом по характеру орнаментации напосников и нашечников к чертомлыкским экземплярам ближе всего стоят отдельные находки из курганов Козел, Лемешева, Александропольского, Огуз. Датировка этих памятников [Алексеев, 1982, с. 21—22] вполне определенно указывает на возможность отнесения чертомлыкских наборов к последней трети IV в. до н. э.

Удивительная стандартность этих узоров предполагает закономерность сочетания описанных элементов оголовья коней. М. И. Артамонов считал, что они могут быть деталями конских масок, аналогичных алтайским: напосники — «это уменьшенное воспроизведение характерного для пазырыкских масок мо-

тива борьбы; нащечники, воспроизводящие задние лапы, соответствуют задней части животного на пазырыкских масках» [1973, с. 64]. Такое предположение возможно лишь при условии признания того, что была утрачена непосредственная связь с обряжением коней масками. Это находит подтверждение в более ранних наборах украшений скифской конской уздечки. С V и до начала второй половины IV в. до н. э. в лесостепных и степных районах Скифии бытует тип конского оголовья, в состав украшений которого входят металлические пластинчатые налобники различной конфигурации и так называемые крыловидные нащечники с выступом в нижней части, который иногда завершается закруглением [Петренко, 1967, табл. 28, 8—11; Артамонов, 1966, табл. 146, 186, 187]. Название «крыловидные» традиционно, но в определенной степени условно, поскольку моделировка крыльев различных существ в эллино-скифском искусстве V—IV вв. до н. э. осуществлялась иначе. Наиболее близки, практически тождественны, по форме и манере стилизации к нащечникам изображения ушей некоторых копытных, чаще всего оленей, в искусстве Алтая, Казахстана, Причерноморья V — первой половины IV в. до н. э. [Акишев, 1978, табл. 19, 25; Артамонов, 1966, рис. 65, 78, табл. 72, 76, 114, 324; 1973, рис. 87]. Иногда в нижней части ушей есть небольшой черенок, иногда они соединены с круглым глазом, но в обоих случаях, несомненно, близко напоминают «крыловидные» нащечники разных модификаций.

В синхронных скифским алтайских памятниках V в. до н. э. известны маски, камуфлирующие коня под оленя. Распространение в европейской Скифии «крыловидных» нащечников (а точнее — наушников) свидетельствует, вероятно, о существовании обычая «маскировки» погребаемых лошадей, и нащечники могут рассматриваться как реальные или, скорее,rudиментарные детали оленьих масок. В качестве примера можно назвать сохранившуюся кожаную основу

такого убора из Первой Завадской могилы [Мозолевский, 1980, с. 90—91].

Вызывает удивление одно обстоятельство: из всех предметов торевтики с изображением скифских всадников или взнузанных лошадей лишь на чертомлыкской амфоре воспроизведен наносник неясного типа. Во всех других мастер представил ремни оголовья, псалии S-видной формы и круглые фалаи [Артамонов, 1966, табл. 150, 154, 155, 202, 253, 255]. Возможно, это объясняется тем, что конские уборы с наносниками и нащечниками являются сугубо парадными, предназначенными для церемониальных случаев, и погребальными. Б. Н. Мозолевский, отметив это же обстоятельство, подтвердил свой вывод об использовании уздечек этого типа только в особых случаях наблюдением о весьма непрочном соединении припаянных петель с пластинами нащечников [1979, с. 189—190].

Нагрудные уборы зафиксированы И. Е. Забелиным лишь в центральной конской могиле на скелете коня № 3 и в северной могиле также на скелете № 3. Их состав вполне обычен для скифских памятников второй половины IV в. до н. э. Первый убор: три овальные бронзовые бляхи со срезанными верхними сегментами и с двумя отверстиями, десять бронзовых подвесок в виде лунниц и восемь бронзовых колокольчиков (кат. 50, 9—12). Типы изделий сходны с вещами нагрудного украшения из насыпи кургана. Второй убор (кат. 54, 8—11) отличается от первого количеством лунниц — их девять, и колокольчиков — их также девять. Помимо этого, в его состав, по И. Е. Забелину, входило 20 шестиугольных бляшек [ДГС, с. 89]. По-видимому, последними следует считать бронзовые многоугольные пластинки (сейчас их в коллекции 3 экз.), две из которых снабжены крючками, в третьей — отверстие. На крючках и в отверстии — остатки железной окаси. Очевидно, пластинки прикрепывались к нагруднику, а на крючках за железные цепочки подвешивались детали нагрудника. В скифских нагруд-

ных уборах из других курганов такие приспособления неизвестны. В целом подобные бронзовые уборы, имеющие незначительные отличия, известны и в других памятниках: Толстой Могиле, Мелитопольском и Лемешевом курганах [Мозолевский, 1979, рис. 21; Ильинская, 1973, рис. 3; Манцевич, 1980, рис. 15]. Количество центральных блях может быть различным — от одной до трех, как и количество колокольчиков и лунниц. В Солохе (впускное погребение) центральные бляхи, причем очень больших размеров, найдены по одной в каждом наборе [Манцевич, 1980, рис. 12]. Именно в Солохе этот тип нагрудных украшений встречен впервые.

В Скифии известен и другой тип уборов, в котором бляхи со срезанным сегментом заменены круглыми с одним или двумя отверстиями для подвешивания: Краснокутский [Мелюкова, 1981, рис. 14] и Александровский курганы [ДГС, I, с. 9—10]. В Огузе (и этот случай уникален) детали нагрудных украшений выполнены из серебра и золота [Манцевич, 1980, с. 282, рис. 10, 11].

Детали седельных устройств обнаружены во всех трех конских могилах, но их количество последовательно увеличивается к северной — большей по размерам и самой богатой: в южной — конь № 2, центральной — № 1 и 3, в северной — № 1—3. Седла имелись у всех коней с нагрудными украшениями. Конструкция седельных устройств одинакова: две золотые вырезные пластины с четырьмя грибовидными зубцами и отверстиями по краю (кат. 45, 5, 6) украшали переднюю часть седельной подушки, пластины в виде ленты (рис. 61, 3) с одним срезанным краем и отверстиями по краю — заднюю часть седла [ДГС, с. 88—89; Манцевич, 1980, рис. 13, 14]. У некоторых пластин в отверстиях сохранилась часть золотых литых гвоздиков. Седла, возможно, имели деревянный каркас, так как в кургане Козел И. Е. Забелин зафиксировал на их месте остатки дерева. Следы дерева присутствовали и в конских захоронениях из Толстой Могилы [Мозо-

левский, 1979, с. 190]. К каждому чертомлыкскому седлу, по описанию И. Е. Забелина, относились по четыре круглых плоских бляхи с отогнутым внутрь бортником и со следами серебряных петель на оборотной стороне.

Подпружные ремни снабжены двумя пряжками каждый: в виде серебряного кольца с грибовидным выступом (в трех случаях еще две дополнительные пирамидки из четырех шариков каждая) и прямоугольной железной с выступающим язычком на узкой стороне для затягивания подпруги.

Единственная полная аналогия пластинам-украшениям седла обнаружена в кургане Козел. В Александровском кургане, где также найдены золотые украшения седел, они отличаются конфигурацией и количеством выступов, причем задняя «лука» также имела вырезные пластины [ДГС, I, с. 10, атлас XII, 8]. Пластины с зубцами найдены и среди разграбленного конского погребения в с. Покровка [Спицын, 1905], в курганах Огуз и Желтокаменка. Плоские круглые бляхи с бортиком при седельных наборах больше нигде не обнаружены. Подобные им бляхи известны в кургане Огуз [Манцевич, 1980, рис. 11], но их принадлежность именно к седлам достоверно не установлена. Близкие изделия известны и среди украшений оголовья одного из коней в Козле; в Мелитопольском кургане оголовье второго коня украшено такими же плоскими круглыми (бронзовыми) бляхами с петлями, прикрепленными заклепкой, шляпка которой находилась на внешней поверхности [Ильинская 1970, рис. 4—6]. Там же найдены четыре плоские бронзовые бляхи без заклепки, украшавшие ремень на холке, они отличаются от чертомлыкских меньшим диаметром.

Таким образом, точное местоположение чертомлыкских блях не установлено: они могли украшать собственно седло или какой-нибудь седельный ремень. Кстати, на оседланной лошади, изображенной на чертомлыкской амфоре, на пересечении нагрудного и под-

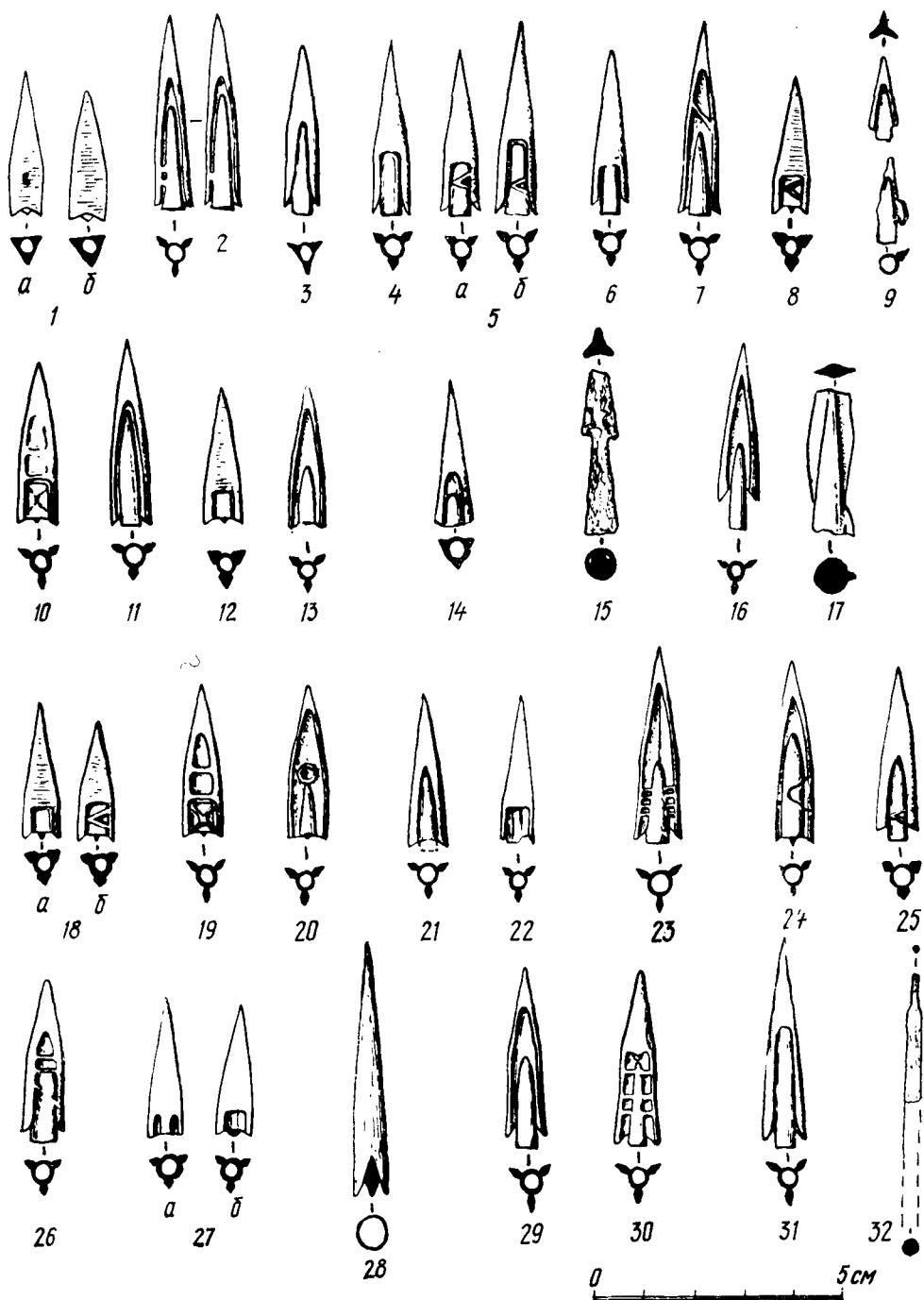

Рис. 64. Типы наконечников стрел из центрального погребального комплекса и древко: 1—14, 16—31 — бронза, 15 — железо, 32 — дерево. 1 — кат. 32, 1; 67, 2; 141, 9; 213, 6; 2 — кат. 32, 2; 61, 6; 67, 3; 213, 5; 3 — кат. 32, 3; 67, 4; 4 — кат. 32, 5; 61, 7; 141, 10; 5 — кат. 32, 6; 61, 8a; 141, 8a; 193, 4; 6 — кат. 32, 7; 193, 3; 7 — кат. 32, 8; 61, 9; 141, 7; 8 — кат. 32, 9; 9 — кат. 32, 10; 61, 2; 10 — кат. 32, 11; 61, 5; 67, 6; 141, 11; 213, 7; 11 — кат. 32, 12; 61, 10; 213, 3; 12 — кат. 32, 13; 67, 7; 193, 5; 213, 4; 13 — кат. 32, 14; 14 — кат. 32, 15; 15 — кат. 32, 16 — кат. 70; 17 — кат. 69; 18 — кат. 61, 1; 67, 5a; 19 — кат. 61, 2; 20 — кат. 61, 3; 21 — кат. 61, 4; 213, 8; 22 — кат. 61; 23 — кат. 67, 7; 24 — кат. 141, 1; 25 — кат. 141, 2; 26 — кат. 141, 3; 27 — кат. 61; 141, 9; 28 — кат. 141, 5; 29 — кат. 193, 1; 213, 2; 30 — кат. 193, 2; 31 — кат. 213, 1.

пружного ремней у нижнего края седла, возможно, помещена круглая бляха. Всего, таким образом, их должно было быть в наборе две.

Если рассматривать детали конской сбруи и украшения коней из Чертомлыкского кургана в целом, то ближайшими аналогиями следует считать наборы из курганов Козел, Огуз, Лемешев, Александропольский, Толстая Могила.

Вооружение

К сожалению, многие наконечники стрел из кургана (юго-восточная, юго-западная, северо-западная камеры) утрачены, их судьба неизвестна. Часть из них, по существовавшему договору с помещницей Зейфарт, вероятно, передана ей, часть могла попасть в разряд неизвестных находок. Точный подсчет количества наконечников стрел затруднен фрагментарностью и коррозированностью отдельных экземпляров. Поэтому не всегда возможно указать количество наконечников отдельных разновидностей и отнести их к определенному типу.

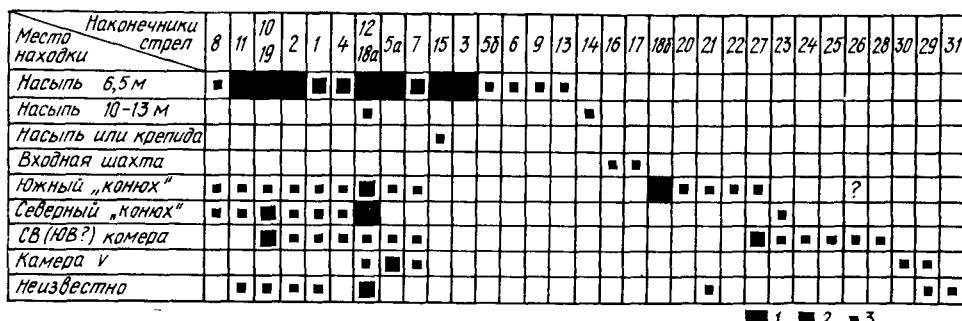
Исключение составляет набор бронзовых наконечников стрел из погребения № 1/1984 г. В его состав входит 41 наконечник, из них — 4 трехлопастных с треугольной головкой и выступающей втулкой и 37 трехгранных с внутренней втулкой и головками треугольной или сводчатой формы (кат. 218).

И. Е. Забелин отмечал, что описанные им наборы стрел находились в колчанах, кожаные остатки которых зафиксированы. В каком-то сравнительно узком футляре хранились и стрелы, обнаруженные в погребении № 1/1984 г.; по ширине футляр вмещал лишь девять стрел. Тем не менее сказать с уверенностью, что это были действительно колчаны, а не гориты, нельзя. Е. В. Черненко, специально рассмотревший вопрос о бытовании в Скифии колчанов, считает, что при современном состоянии источников, выделить их не представляется возможным [Черненко, 1981, с. 53]. Тем не менее Б. Н. Мозолевский полагает, что в Толстой Могиле в некоторых случаях обнаружены именно колчаны [Мозолевский, 1979, с. 177].

Соотношение составов всех наборов стрел из раскопок И. Е. Забелина демонстрирует единство их источника (рис. 64; 65). И хотя почти каждый комплекс содержит некоторое количество разновидностей, присущих только ему,

Рис. 65. Соотношение составов наборов стрел в комплексах центрального погребального сооружения (номера соответствуют номерам на рис. 64):

1 — более 20 экз., 2 — от 11 до 20 экз., 3 — от 1 до 10 экз.

■ 1 ■ 2 ■ 3

большая часть наконечников характерна для всех колчанных наборов из Чертомлынского кургана, служит веским аргументом в пользу предположения об одновременном сооружении всех погребальных комплексов или их хронологической близости, практически — синхронности.

Почти все разновидности наконечников находят соответствия в колчанных наборах IV в. до н. э. и относятся к четвертой хронологической группе, по классификации А. И. Мелюковой,— вторая половина IV — первая половина III в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 25]. Лишь один экземпляр, обнаруженный во входном колодце (кат. 69), датируется VII—VI вв. до н. э. Подобные находки ранних наконечников в поздних комплексах зафиксированы также в курганах Огуз [Рот, 1902], в Первом Семибратнем [Рай, 1929, табл. VIII], Краснокутском [Мелюкова, 1981, рис. 18, л].

В материалах «царских» варварских погребений Северного Причерноморья и Прикубанья имеются соответствия чертомлыкским наконечникам стрел. Последние типологически близки (по форме, пропорциям, характеру оформления втулки) наконечникам из курганов Краснокутского (кат. 70), Цимбалки и Александровольского (кат. 32, 13), Цимбалки и Деева (кат. 32, 8), Огуза. В некоторых случаях экземпляры тождественны. Так, в одной форме отлиты наконечники из Чертомлыка (кат. 32, 8) и могилы «слуги» в Деевом кургане, вероятно, связанный с первичным погребением *. Показателен анализ знаков-меток на наконечниках. Знаки, разнообразные по форме и технике нанесения, в целом характерны для VII—IV вв. до н. э. (в VII—VI вв. до н. э. знаки обычно гравированные, рельефные появляются с V в. до н. э.). Чаще всего их рассматривают как элемент орнамента [Граков, 1954, с. 130; Соломоник, 1959, с. 18, 19, примеч. 1]. Литые рельефные знаки-метки в большинстве случаев, независимо от возможного толкования их значения, являются, вероятно, мет-

ками мастера-литейщика, изделиям которого присущ один знак или несколько. Гравированные знаки (напр., кат. 141, 1) могли наноситься владельцем стрелы.

Знаки-метки обычны и на наконечниках из царских могил, причем нередко они повторяются. Так, в могиле «слуги» Деева кургана и в Краснокутском кургане найдены наконечники одного типа с рельефными знаками $\vee$. Знак $\wedge$ встречен на однотипных наконечниках из курганов Чертомлыкского, Деева (первичное захоронение), Цимбалки. Знак < поставлен на наконечниках из впускной могилы Огуза (раскопки Рота в 1902 г.) и Чертомлыка, Александровольского и Краснокутского курганов. В последних двух случаях форма изделий одинакова. Метки $\swarrow$ стояли на наконечниках из Краснокутского и Александровольского курганов. Очень распространены разнообразные по пропорциям метки в виде косого креста — $\times$.

Некоторые знаки уникальны. Для двух меток — рельефное кольцо над втулкой (кат. 61, 3) и гравированная фигурная скоба (кат. 141, 1) — найти аналогии не удалось.

Необходимо отметить, что типы знаков различны даже в одних колчанных наборах. Но определенно прослеживается преобладание какого-либо одного типа меток, встречающегося отдельно или в сочетании с другими, причем однотипные метки нанесены на различных по форме наконечниках. Так, в Чертомлыке преобладает метка в виде угла острием влево, такая же — в Александровольском кургане, для Краснокутского кургана характерна метка в виде угла острием вниз, для Башмачки VI и Цимбалки — различные по пропорциям знаки в виде косого креста.

Удлиненные костяные наконечники с вырезами в нижней части (кат. 141, 5)

* Имеется в виду вероятность отливки в одной форме или самих наконечников, или их восковых моделей. Но и в этом случае абсолютного совпадения деталей не наблюдается из-за дефектов литья и последующей механической обработки наконечников.

известны в Александропольском кургане, в Башмачке VI, в Первом кургане близ с. Шульговки, в Восьмом Пятибратнем, а также в кургане 13 у с. Оситнякки [Мелюкова, 1964, табл. 9, 13, 8; Рау, 1929, табл. XI, 2—H].

Железные трехлоапастные наконечники с небольшой головкой и длинной втулкой (кат. 32, 4) обнаружены в Башмачке VI, а также в некоторых «рядовых» степных могильниках, в курганах Карагодеуашх, № 1 Елизаветинской станицы, Мастюгинских [Мелюкова, 1964, с. 29; Рау, 1929, табл. X, 3—J; VII, 2; Манцевич, 1973, рис. 7, 19; 11, 15].

Наконечники стрел из погребения № 1/1984 г. в целом составляют набор, близкий к найденным в камерах центрального погребального сооружения и в насыпи. Правда, установить полное тождество наконечников (изготовление в одной форме или по одной модели) затруднительно, но некоторые из них весьма похожи. В наборе из погребения № 1/1984 г. есть экземпляры очень близкие к наконечникам из насыпи (напр., кат. 32, 1), могил «конюхов» и северо-восточной камеры. В то же время очевидны и серьезные различия. Так, в наборе 1984 г. отсутствуют железные наконечники, встреченные только в насыпи кургана. Весьма примечательно отсутствие как литых, так и гравированных знаков-меток, характерных для наконечников из других чертомлыкских колчанов. Обычные крестообразные метки и углы остриями влево заменены единственным сложным значком Ψ , не имеющим повторения. Еще одна особенность ряда наконечников из погребения № 1/1984 г.— рельефный валик на нижнем срезе втулки. Видимо, это свидетельствует о каком-то ином источнике комплектования набора или его незначительной асинхронности с другими чертомлыкскими колчанами наборами. Датировка набора IV в. до н. э. сомнения не вызывает.

В целом близость колчанных наборов таких «царских» комплексов, как кур-

ганы Чертомлыкской, Цымбалка, Башмачка VI, Огуз, Деев, несомненна.

Ксилотомический анализ древок чертомлыкских наконечников показал, что изготавливались они из лиши и бересы [Семенов, 1983] *.

В наборы со стрелами входили и ножи. В Чертомлыке, согласно опубликованному отчету, всего найдено 18 экз. ножей: 1 — у южного «конюха», 6 — в юго-восточной камере, 1 — в северо-восточной, 1 — в северо-западной, 2 — в юго-западной, 7 — в нишах камеры № 5 [ДГС, с. 87, 93, 95, 99, 104—106, 110, 112]. В коллекции насчитывается 10 экз., остальные переданы Зейфарт. Распределение ножей по комплексам весьма условно (во всяком случае, основания для их атрибуции, согласно инвентарной книге ОИПК Государственного Эрмитажа, остаются неясными).

Все ножи могут быть отнесены к одной разновидности — с почти прямым лезвием и горбатой спинкой. Чертенок большинства из них вставлен в распил многоугольной костяной рукоятки и закреплен в ней несколькими железными заклепками. Один нож (кат. 139) из юго-восточной камеры отличается конструкцией рукояти (она составлена из двух половинок) и наличием скобки (?) на нижнем конце черенка (сохранилась частично) (рис. 66).

Классификации этой категории находок предложены многими исследователями [Петренко, 1967; Ильинская, 1968; Шрамко, 1965]. Отмечается возможность полифункционального их использования — в качестве бытового орудия и оружия. Иногда выделяют экземпляры, имеющие узкое предназначение, например кожевенные ножи [Мозолевский, 1979, с. 193].

В Чертомлыкском кургане ножи, как и в других погребениях, встречаются при колчанах. Традиционность такого их местоположения неоднократно отмечалась исследователями. Причем обычно ножи лежат парами, что требует объяснения. В случаях, когда ножи находятся в одном комплекте с метательным оружием, правомерно предположение об их использовании также в качестве мета-

* См. также прил. 16.

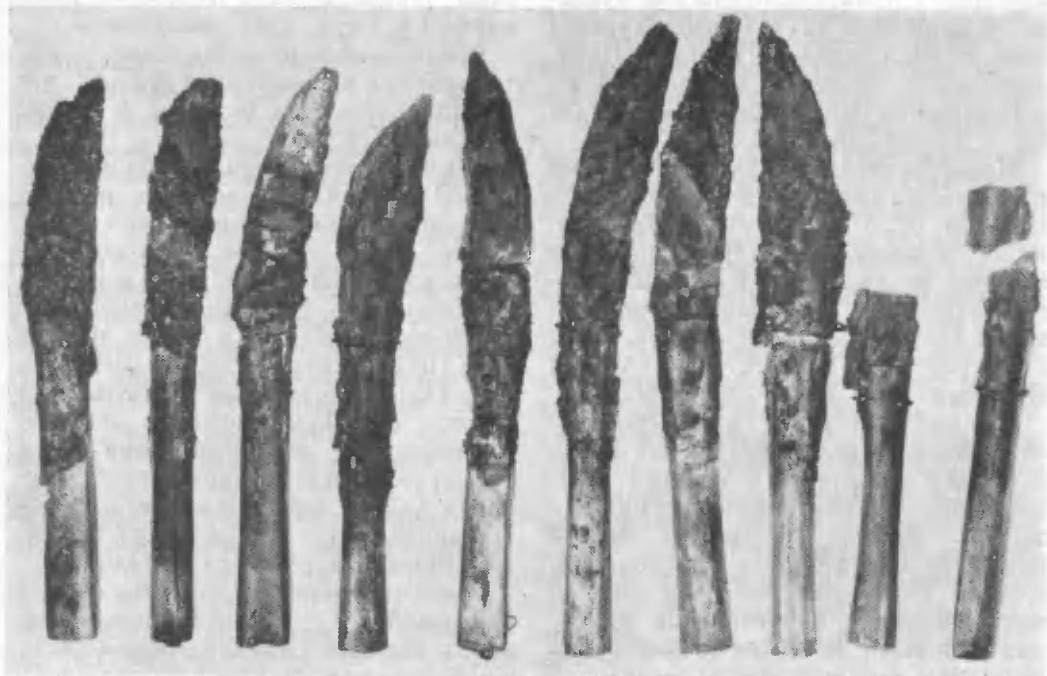

Рис. 66. Ножи из кургана Чертомлык (кат. 60, 79, 89, 90, 111, 131, 132, 139, 154, 155).

тельного оружия. Подобная категория предметов была широко распространена на многих территориях в разное время. Известны они и в кочевнической среде, правда, в раннем средневековье [Минасян, 1980]. По-видимому, при рассмотрении этой категории изделий удастся выделить метательные ножи и в культурах евразийских степей более раннего времени. Пока же отметим находки в степной зоне ножей скифской эпохи, несомненно, входящие в один комплект со стрелами, например, в Восьмом Пятибратнем кургане, Гаймановой Могиле, в одном из погребений IV Носаковского кургана. Причем в последнем случае несколько необычна форма лезвий — вытянутых, близких к пламевидным — и их длина [Бидзили и др., 1977, рис. 13].

Это предположение отнюдь не исключает тезиса об универсальном использовании ножей, а лишь отмечает еще

одну из их вероятных функций — метательного оружия.

В отчете И. Е. Забелина приводятся данные о находках копий и дротиков (кат. 62; 63) в трех комплексах: «конюха» из южной могилы, первого воина из юго-западной камеры и в отдельной могиле на периферии кургана (кат. 41). В коллекцию вошел лишь набор, как считается, из могилы «конюха». Однако полной уверенности в том, что эти вещи правильно атрибутированы по месту находки, нет. В могиле «конюха» и в боковой могиле длина древков копья и дротика могла намного превышать 1,5—1,8 м. Это обычная длина копий для Скифии IV в. до н. э. [Черненко, 1984а]. Копья из юго-западной камеры были, по-видимому, длиннее, так как в западной стене за головой первого воина было вырыто углубление, что иногда встречается в скифских могилах [Черненко, 1984а, с. 232], для того, чтобы в камере уместилось длинное древко. В таком случае длина копья или копий могла колебаться от 2 до 3 м.

Форма хранящихся в Эрмитаже наконечников копья и дротика обычна для скифских памятников IV в. до н. э. Наконечник копья относится, по классификации А. И. Мелюковой, к экземплярам с остролистным пером без ребра, а дротик, не выделяясь морфологически, отличается лишь большой длиной всего наконечника [Мелюкова, 1964, табл. X, с. 44].

Еще одно копье было обнаружено в погребении № 1/1984 г. Как мы отмечали в предыдущей главе, оно находилось справа от погребенного. Железный наконечник копья сильно коррозирован и сохранился настолько плохо, что установить его форму не удалось. Длина наконечника составляла около 25 см. Нижняя часть древка копья снабжена железным втоком конической формы длиной около 10 см. Расстояние между втулкой наконечника и вtokом составляло всего лишь 90 см, и, следовательно, копье могло быть положено в могилу сломанным. Чуть ниже наконечника найдены две ворварки: костяная и железная. Сочетание наконечников копий с ворварками в скифских погребениях зафиксировано неоднократно. По-видимому, с помощью ворварок к наконечникам крепились какие-то декоративные детали — кисти, ленты и т. п.

Короткое копье, предназначенное для боя как в пешем, так и в конном строю, изображено в руках у пешего варвара (пятая фигура слева) на обкладке ножен меча (кат. 189), а длинное — всадническое копье — у всадника (восьмая фигура) на тех же ножнах.

Мечей, по данным И. Е. Забелина, в кургане обнаружено семь. В нише К камеры № 5 найдена рукоять ахеменидского парадного меча (кат. 192), которая сразу же после раскопок привлекла внимание исследователей, но ее интерпретация и сейчас неоднозначна [Алексеев, 1984а; Черненко, 1984, с. 48—50]. В настоящее время не может быть сомнений в древнеиранском характере орнаментальных мотивов, композиций, стилистических особенностей рукоятки. Наибольшие же разногласия вызыва-

ют определение времени ее изготовления.

Необходимо рассмотреть всю совокупность деталей, поддающихся культурной и хронологической атрибуции, чтобы определить тот этап в развитии древнеиранского искусства, художественные нормы которого максимально воплощены в оформлении этого изделия (рис. 67; 68).

Форма рукояти — широкое бабочковидное перекрестье, прямая ручка и навершие в виде голов животных — не имеет аналогий ни в одном из районов распространения мечей-акинаков. Перекрестья такого вида встречаются на мечах VII—VI вв. до н. э., найденных на территории юга СССР, Кавказа, Средней Европы [Мелюкова, 1964, с. 50; Техов, 1980, рис. 7; 8; 12; Буздуган, 1976, рис. 10]. Акинаки, вложенные в ножны, изображены на рельефах Персеполя [Шмидт, 1953]. Если форма устья ножен соответствует форме перекрестья самого меча, дата «широких бабочковидных» перекрестьй может быть повышенна до начала V в. до н. э. Во всяком случае, на некоторых рельефах можно заметить верхнюю часть перекрестьй, выступающих над устьем ножен и имеющих ту же форму среза [Шмидт, 1953, рис. 65].

То, что навершие приспособлено для крепления темляка (вероятно, не первоначальным владельцем или мастером), может указывать на ее раннее изготовление, так как петли или отверстия для крепления ремней были распространены в VII—VI вв. до н. э. По мнению Е. В. Черненко, эта особенность — надежный хронологический указатель [Черненко, 1980, с. 13]. Но следует иметь в виду, что конструкция чертомлыкского приспособления для темляка уникальна и относится к совершенно иному типу, неизвестному в Северном Причерноморье.

Навершие рукояти в виде голов бычков также уникально. Лишь на одном парадном кинжале (но не акинаке) ахеменидского времени (V в. до н. э.) навершие выполнено в форме двух львиных

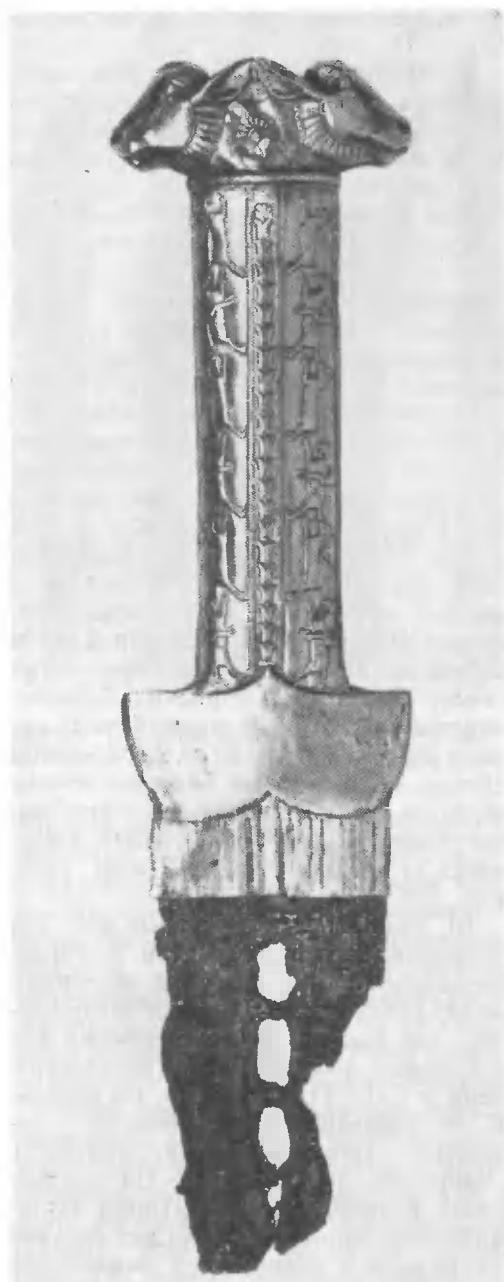

Рис. 67. Меч с золотой рукоятью (кат. 192).

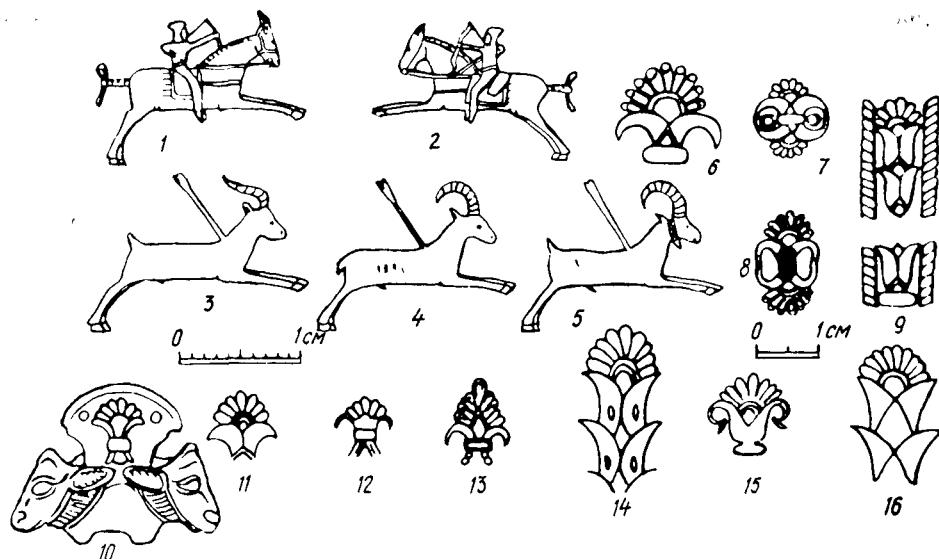
голов [Порада, 1963, с. 155]. Помимо этого, известно скульптурное изображение «сатрапа» IV в. до н. э., на кото-

ром воспроизведен меч с навершием в виде голов какого-то животного, повернутых в разные стороны [Дальтон, 1926, рис. 12]. Необходимо отметить, что формально чертомлыкское навершие близко к изображениям двух голов бычков на урартском зеркале, которое Р. Д. Барнет, указавший на это соответствие, отнес к VII в. до н. э. [Барнет, 1962, с. 86 — 90]. Близки по форме к чертомлыкским и пальметки на этом зеркале. В то же время ряд деталей значительно отличается — совершенно в разных манерах стилизована шерсть на шее, изображены уши и надбровные дуги. Зато соответствующие детали на рукояти находят многочисленные и близкие аналоги в искусстве ахеменидской эпохи [Смирнов, 1969, табл. IV; Луконин, 1977, с. 85].

Стилизованные лотосами священные деревья на ручке из Чертомлыка близки к изображениям из Суз и Персеполя. Лотосовые пальметки на навершии типично переднеазиатские по форме, пропорциям, стилизации и сходны с воспроизведенными на некоторых предметах ахеменидской торевтики.

Мало общих орнаментальных элементов у рукояти и с ножнами из Амударьинского клада. В украшении ножен почти не использован мотив лотосовых пальметок. Орнамент в виде двух полос косых штрихов, направленных в противоположные стороны, известен на урартских изделиях, где им иногда оформлены стволы священных деревьев, на костяных пластинках из Зивье, на амударьинских ножнах [Пиотровский, 1962, рис. 61; Гиршман, 1979, табл. VIII]. Но мастер чертомлыкской рукояти трактовал этот элемент иначе: две полосы штрихов разорваны и расположены по краям лотосового ствола.

Для атрибуции рукояти немаловажен анализ сцен конной охоты. Аналогия последним в изображениях на амударьинских ножнах, рассматриваемых некоторыми исследователями как ближайшее соответствие чертомлыкской находке, не представляется столь близкой. Ножны датируются в пределах

конца VII — первой половины VI в. до н. э. [Дальтон, 1926, с. 10; Барнет, 1962, с. 79; Лун, 1966, с. 178], т. е. мидийской эпохой. Но целый ряд деталей не позволяет отнести сравниваемые изделия к одному культурно-хронологическому этапу.

Если костюм всадников на ножнах интерпретируется как мидийский с элементами ассирийского, то экипировка всадников на рукояти обычна для ахеменидского времени. Наиболее яркая деталь костюма — кирбасий с отогнутым назад верхом. Аналогичные головные уборы у персонажей на золотых пластинах Амударьинского клада, костюм которых О. Дальтон считал скифским или бактрийским [Дальтон, 1926, с. 19, № 48], а Е. В. Зеймаль — мидийским [1979, с. 51, № 48]. Близки к чертомлыкским и уборы всадников на амударьинском умбоне V—IV вв. до н. э. [Дальтон, 1926]. Остроконечные башлыки со слегка отогнутым верхом — деталь костюмов саков (?) на рельефах Персеполя [Шмидт, 1953, табл. 37].

Снаряжение коней, изображенных на рукояти и ножнах, также различается. Прямоугольная форма чепрака с бахромой встречена на диске-умбоне из Амударьинского клада, на ритоне из Эре-

Рис. 68. Изображения на рукояти меча (кат. 192) и аналоги к ним:

1—9 — Чертомлыкский курган; 10—12 — урартийское зеркало (по Барнету); 11—14 — Сузы; 13 — Семибратние курганы; 15 — Амударьинский клад; 16 — Персеполь.

буни (IV в. до н. э.), на переднеазиатском ворсовом ковре из V Пазырыкского кургана (V в. до н. э.), на греко-персидской печати IV—III вв. до н. э. [Руденко, 1968, рис. 34; Луконин, 1977, с. 88; Аракелян, 1971, рис. 2]. Хвосты лошадей на рукояти заплетены и завязаны узлом, тогда как на ножнах они прямые, опущенные. О. Дальтон отметил, что перевязывание конских хвостов — общий для восточных стран обычай. Тем не менее в ассирийском, урартском искусстве IX—VII вв. до н. э. хвосты изображались или прямыми, или перехваченными посередине ремнем, или с петлей на конце (последнее характерно для ассирийских рельефов VII в. до н. э.) [Барнет, Лоренцини, 1975, табл. 22, 32, 37, 38, 40—44, 65, 92, 93, 123, 124].

Обычай же заплетьать хвосты и перевязывать их узлом в виде банта получил широкое распространение лишь в ахеменидское время и впервые появился на рельефах Персеполя (хотя там присутствует и другая форма) [Шмидт, 1953,

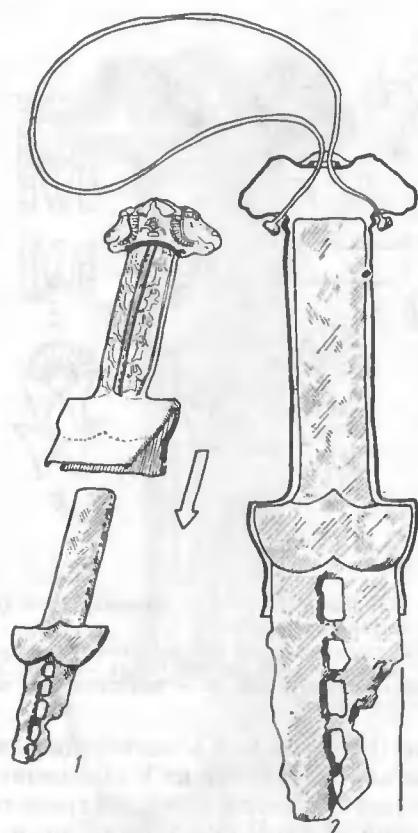

Рис. 69. Схема замены клинка на рукояти ахеменидского меча (возможный вариант).

табл. 52, 53]. «Банты» так же фиксируются на вещах ахеменидского времени уже отмеченного круга.

Гориты у всадников привязаны скорее всего к поясу с левой стороны. Подобная особенность характерна для изображений на вещах V—IV вв. до н. э.— из Амударьинского клада, на войлочном конре из V Пазырыкского кургана, из Причерноморья [Руденко, 1968, рис. 50; Артамонов, 1966, табл. 154; Анохин, 1973, рис. 1]. Общая композиция сцены охоты и виды животных характерны для ахеменидского искусства.

Область распространения ажурных клинков ограничивается лишь территорией Северного Причерноморья, где они датируются исключительно IV в. до н. э. [Черненко, 1975, с. 163]. Правда,

уверенности в том, что клинок, выкованный в Иране, не был заменен на скифский после того, как меч оказался в степях, нет. Произвести операцию замены без деформации ручки было бы практически невозможно. Поэтому нельзя исключить того, что следы швов на торцах перекрестья и разрывы на напуске золотой обкладки, а также отсутствие изображений на перекрестье (что совершенно не соответствует общему облику рукояти) могут быть связаны с переделкой меча причерноморскими мастерами*. Скифским элементом являются и врезные линии на нижней части обкладки (рис. 69).

Исходя из комплекса отмеченных аналогий, наиболее вероятным временем изготовления чертомлыкской рукояти следует считать все же V в. до н. э.— эпоху расцвета ахеменидской торевтики. Некоторые мотивы, связывающие рукоять с искусством мидийского времени, не противоречат такой датировке [Луконин, 1976, с. 180].

Обнаружены еще шесть мечей: один — в юго-западной камере у первого воина; один — в нише F камеры № 5, четыре — в нише K той же камеры. В коллекции находятся лишь пять экземпляров и наконечник ножен (кат. 72, 73, 166, 184—187). Один меч неизвестен. Он воспроизведен в Атласе ДГС на табл. XL, 12; возможно, от него сохранился лишь железный клинок (кат. 188). Все мечи относятся к одному типу: с овальным навершием, овальной или прямой рукоятью, ложнотреугольным перекрестьем и треугольным клинком; рукоять обтянута тонкой золотой обкладкой с тиснеными рельефными изображениями животных. Один из экземпляров представляет собой разновидность типа: меч однолезвийный, что сказалось и на оформлении рукояти (кат. 72).

По комплексам мечи могут быть распределены следующим образом: эк-

* Подробнее о технике изготовления серебряных и золотых предметов, обнаруженных в Чертомлыке, см. прил. 13.

земпляры, опубликованные в Атласе ДГС, табл. XL, 9, 12, 14 (кат. 186, 187), несомненно, обнаружены в нише К камеры № 5. Рядом с ахеменидским мечом, скорее всего, найден меч, при описании которого И. Е. Забелин сослался на рисунок в Атласе, табл. XXXVII, 3 (кат. 184). Но на этот же рисунок он сослался и при описании меча из погребения воина в юго-западной камере. Таким образом, принадлежность этого экземпляра точно не установлена, хотя в каталоге Г. Е. Кизерицкого указано, что в юго-западной камере среди инвентаря первого воина найден однолезвийный меч (кат. 72). Но у И. Е. Забелина нет сведений о находке подобного меча. Правда, при описании оружия из юго-западной камеры в отчете упоминается треугольный наконечник ножен, который по своей асимметричной форме мог принадлежать однолезвийному мечу (кат. 73;ср.: Бобринский, 1910, рис. 8, 8а — наконечник для однолезвийного меча из Капитановки). Сохранившаяся часть клинка в наконечнике ножен также подтверждает его однолезвийность. Следовательно, более вероятно, что меч (кат. 184) находился рядом с ахеменидским мечом (кат. 192).

Меч (кат. 185), не воспроизведенный в Атласе ДГС, мог быть найден в нише F камеры № 5.

Прямые аналоги подобным парадным мечам немногочисленны (курганы Кекуватского, Восьмой Пятибратний, Куль-Оба, № 3 группы Частых [Ростовцев, 1914, табл. V, 1—3, 5]. Однолезвийные парадные мечи найдены в курганах Шульговка и у Капитановки [Бобринский, 1910, рис. 8; 8а]. Близка, но отличается формой навершия (не овальное, а круглое), по характеру изображения и качеству изготовления рукоять меча из первичной гробницы Толстой Могилы.

В Эрмитаже хранится еще одна рукоять парадного однолезвийного меча, возможно, купленная в Керчи [Ростовцев, 1914, с. 89]. Клинки подобных мечей могли быть двух видов: в форме вытянутого узкого треугольника с од-

ним лезвием, как в Чертомлыке, и с лезвием, напоминающим контур клинка греческой махайры (курган Шульговка; рисунок клинка в каталоге Г. Е. Кизерицкого).

Клинки остальных мечей имеют вид вытянутого треугольника, линзовидного в сечении. Четыре экземпляра выделяются наличием прорезей в верхней части. Ажурные клинки редко встречаются на скифских мечах, и преимущественно ими снабжено парадное оружие [Черненко, 1975, с. 163]. Облегчение этой части клинка было вызвано стремлением приблизить центр тяжести оружия к точке удара, что свидетельствует о весьма высоком профессионализме скифских оружейников. Датируются находки IV в. до н. э., относятся к одному типу.

Накладка ножен (кат. 191) в виде тонкого золотого листа с рельефными изображениями, найденная в нише К камеры № 5, упоминается И. Е. Забелиным вместе с двумя мечами. Судя по парадному облику, ножны, вероятно, предназначались для более роскошного и драгоценного ахеменидского меча, хотя документальных подтверждений этому нет. Изготавливались подобные ножны при помощи оттиска и протирания золотого листа на матрице, которая, вероятно, была бронзовой. Сама же матрица могла отливаться по восковой модели, причем при изготовлении оттисков мастер пользовался комбинацией матриц, о чем свидетельствует экземпляр ножен из Метрополитен-музея в Нью-Йорке [Рихтер, 1931; 1932], отличающийся от чертомлыкских формой и изображениями на лопасти [Черненко, 1975, с. 164]. Распространена точка зрения о причерноморском происхождении нью-йоркских ножен. Что касается чертомлыкских ножен, то их аналог, оттиснутый с совершенно тождественной матрицы, обнаружен в Восьмом Пятибратнем кургане.

Обкладка у чертомлыкских ножен имеет загнутый край, в котором пробиты отверстия для закрепления ее на жесткой основе ножен. Ножны могли быть

деревянными по аналогии с ножнами из кургана Солоха (которые были вырезаны из тиса) и кургана Толстая Могила. В некоторых отверстиях сохранились золотые гвоздики, а на внутренней стороне — следы окиси железа (?) и мас-тики, заполнившей полости и предо-хранявшей их от деформации. Некото-рые детали на внешней стороне дорабо-таны после оттиска чеканом и поэтому отличаются от соответствующих им де-талий на пятибратных и нью-йоркских ножнах.

Наибольший интерес у исследовате-лей вызвал анализ батальных сцен на обкладке. Полноту их содержание не выяснено. Подробно на этом вопросе останавливались В. К. Мальмберг и Д. С. Раевский [Мальмберг, 1912, 1914; Раевский, 1980]. Первый усматривал в этих сценах сражение греков и персов при Марафоне, второй — эпизоды Тро-янской войны. Г. Е. Кизерицкий видел в изображениях на ножнах отдельные сюжеты амазономахии фигалийского фриза — падающая лошадь, греки во второй группе, пропорции фигур [Ки-зерицкий, рукоп. кат., л. 16]. Как и В. К. Мальмберг, варваров, изобра-женных на ножнах, он считал персами.

Фигуры № 1, 2, представленные в ба-тальной сцене, имеют многочисленные аналоги в вазовой живописи [Снодграсс, 1967, рис. 46]. Обычно варвар, изоб-раженный справа, в левой руке держит лук, а в правой — занесенный над го-ловой короткий меч. Этим персонажем бывает амazonка или перс. Датируются подобные сцены в вазописи V — нача-лом IV в. до н. э.

Фигуры № 3—5 — защита раненого воина. Эту сцену специально рассмат-ривал В. К. Мальмберг, подобрав-ший к ней аналоги в греческом искус-стве [Мальмберг, 1914]. За ними сле-дуют два воина — фигуры № 6, 7, причем один из них — варвар — стоит на коленях и защищается секирой от нападающего грека. Д. С. Раевс-кий трактовал этого воина как ама-зонку, что подтверждается очертаниями фигуры и позой, а также вооружением

(секира), характерным для греческой письменной и изобразительной «ама-зонской» традиции, но не характерным для других варваров, в том числе скифов. Единственным исключением в V—IV вв. до н. э. является горит из кургана Солоха.

Фигура № 8 — всадник на раненой лошади. Д. С. Раевский предположил, что это царица амазонок Пентеселия, раненная Ахиллом. Но ряд деталей противоречит такой трактовке. Во-пер-вых, при внимательном рассмотрении оригинала из Чертомлыка можно заме-тить бороду на лице воина, во-вторых, ориентировка копья у всадника ско-ре всего обратная той, которую пред-полагает Д. С. Раевский: наконечник находится не в нижней части древка, а в верхней. Вероятно, он не проявился при оттиске и мастер доработал его позднее вдавлением контура, придав ему удлиненную форму. В нижней части мог быть изображен подток ко-пья, одинаково характерный для гре-ческого и варварского вооружения [Пфуль, 1923, № 492, 504, 505, 584—591]. Это тем более вероятно, посколь-ку подток эллипсовидной формы, отли-чной от треугольных и острых наконеч-ников копий в руках других персоны-ажей. Поэтому, вероятно, копье не про-называет лошадь и всадника, как считает Д. С. Раевский, а находится в руках вои-на, как полагал, например, Л. Сте-фани.

Следующая сцена — врачевание в бою (фигуры № 9, 10). Ее возможную интер-претацию с точки зрения троянского цикла также рассмотрел Д. С. Раев-ский. Замыкает всю цепочку изобра-жений мчащаяся лошадь, за повод которой держится мертвый безбородый варвар. Д. С. Раевский предпо-ложил, что в данном случае представ-лена смерть Троила, сына Приама, от руки Ахилла. Но в греческой изоб-разительной традиции этот сюжет обыч-но трактуется иначе [Шамэ, 1980; Велэ, 1957, с. 268—270]. Вероятно, здесь также представлена амазонка.

В нижней части ножен между

мордой и ногой лошади изображен греческий шлем коринфского типа. Такой прием заполнения пространства характерен также для горитов «чертомлыкского» и «карагодеуапского» типов, что, вероятно, указывает на единство их происхождения.

В целом образы варваров на ножнах синcretичны и включают иконографические детали, присущие в эллинистической изобразительной традиции как амазонкам, так и персам. Лук в руках одного из варваров совершенно не скифского облика и копирует луки, которыми обычно вооружены персы, реже амазонки. Похожая одежда и частично вооружение на воинах имеются на известном калафе из Большой Близницы, где, следуя Д. А. Мачинскому, изображены именно амазонки, сражающиеся с грифонами [Мачинский, 1979, с. 137]. Поза воина, стоящего на коленях, также характерна для изображений амазонок. Форма чепраков на лошадях — с закругленным или прямоугольным срезом, украшение края бахромой — сближает их с изображениями персидских чепраков. В Причерноморье известен лишь один аналог — изображение на костяной пластинке из Куль-Обы [Ильинская, 1973, рис. 9, 3]. Воспроизведение псалиев у лошадей на ножнах нечеткое, но, вероятно, они С-видной формы, что не встречается на изображениях скифских лошадей.

Связь двух других типов изделий из той же серии, а именно горитов, с троянским циклом (жизнь Ахилла и взятие Трои) подтверждает вывод Д. С. Раевского о наличии сюжетов этого цикла и на ножнах. В войне на стороне троянцев, по Гомеру, участвовали многие варварские племена (фракийцы, эфиопы, амазонки). Возможно, мастер ножен, используя приемы существующей изобразительной традиции или даже копируя некоторые композиции V—IV вв. до н. э. (не обязательно связанные с троянским циклом), предложил обобщенный образ воинов-варваров, союзников

трянцев, частично наделив его чертами персов.

Формальные аналогии накладке из Чертомлыкского кургана, как мы уже отмечали, не слишком многочисленны: из Восьмого Пятибратнего, Мелитополитен-музея, кургана Толстая Могила, из Куль-Обы, кургана у с. Большая Белозерка [Отрощенко, 1984]. Экземпляры двух последних типологически предшествуют чертомлыкской серии и могут датироваться первой половиной или серединой IV в. до н. э.

Ближайшие аналогии некоторым орнаментальным элементам (пальметтам, розеткам) и изображениям грифонов на ножнах относятся к второй половине IV в. до н. э. [Фроммер, 1982, с. 153—156]. Несколько сузить возможную дату изготовления обкладки ножен позволяют датировки комплексов, в которых эти вещи обнаружены: для Чертомлыкского кургана — не ранее 340 г. до н. э., для Восьмого Пятибратного, очевидно, — не позднее 315 г. до н. э. Таким образом, наиболее вероятный интервал, в котором были изготовлены ножны «чертомлыкского» типа — 340—320 гг. до н. э. Местом изготовления этой серии, согласно традиционной точке зрения, следует считать Боспорское государство.

Золотая обкладка горита (кат. 189) найдена в нише К камеры № 5 вместе с описанными мечами и ножнами. Она состоит из двух частей: оболочек лицевой и донной частей горита, выполненных из тонкого листа металла тиснением на бронзовой матрице, аналогично накладкам ножен меча. Пока накладка находилась на матрице, мастер обработал ее поверхность каким-то инструментом, оставившим следы на участках между отдельными фигурами. Детали проработаны чеканом: волосы, орнамент на некоторых предметах. Известны еще три идентичные накладки, оттиснутые с одной матрицы, из курганов Ильинецкого, Восьмого Пятибратного и Мелитопольского. Обклад-

ка крепилась к основе горита с помощью загнутых краев, в которых пробиты отверстия для золотых гвоздиков. Основа горита не сохранилась, но его конструкция должна была быть достаточно жесткой, поэтому наличие в ней деревянных деталей, как в солохском горите, несомненно. Так же, как и на ножнах, во внутренней полости некоторых рельефных фигур сохранились следы мастики, предохранявшей их от повреждения.

Гориты, аналогичные чертомлыкскому, отличаются от него лишь деталями декора на некоторых изображениях, нанесенного во время дополнительной обработки: по-разному украшены щиты и меч в руках Ахилла [Чериенко, 1981, с. 87, 88]. Накладка украшена несколькими фризами: внизу — пальметки и побеги аканфа, цветы лотоса и арацеи; наверху — борьба и терзание животных: львов, львиц, пантер, быка, кабана, ланей. На боковом выступе два грифона сражаются с пантерой. Наиболее интересен вызыва-

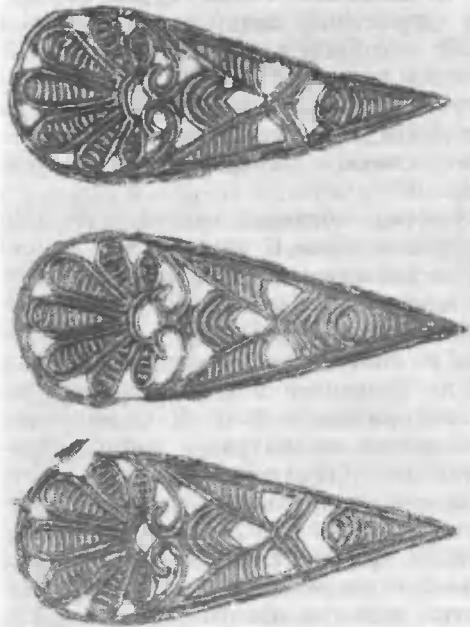

Рис. 70. Ажурные пластины из камеры № 5 центральной гробницы Чертомлыка (кат. 160, 199).

ют два центральных фриза — ряд последовательных сцен, связанных одной сюжетной линией. В 1889 г. К. Роберт предложил расшифровку этих сцен как воспроизводящих картину Полигнота — историю обнаружения Одиссеем главного героя Троянской эпопеи — Ахилла — на о-ве Скиросе. Эта трактовка была поддержана и разработана Б. В. Фармаковским и является официально признанной в настоящее время [Фармаковский, 1911]. Прочтение истории следует начинать с левой сцены верхнего фриза. Кратко ее содержание передано следующими эпизодами. Верхний фриз: обучение мальчика Ахилла стрельбе из лука; опознание Одиссеем, который переодет торговцем, Ахилла среди дочерей Ликомеда: Ахилл выдал себя, схватив меч, положенный Одиссеем среди женских украшений. В этой же сцене представлены подруга Ахилла дочь царя Ликомеда Деидамия и, возможно, их сын Неоптолем, прощание Ахилла с царем Ликамедом. Нижний фриз: царица, мать Деидамии, с дочерьми в момент прощания с Ахиллом; Ахилл под стенами Трои, рядом с ним Одиссей и Диомед, в кресле сидит вождь ахейцев Агамемнон; последняя фигура повествования — мать Ахилла, морская богиня Фетида, уносящая урну с прахом погибшего под Тройской стеной сына.

Центральная сцена на горите — «узнавание Ахилла» — аналогична по композиции лишь одной из помпейских фресок. Вероятно, существовал один образец для таких воспроизведений. Считается, что таким образом является картина, написанная во второй половине IV в. до н. э. или в начале III в. до н. э. [Пфуль, 1923, т. 2, с. 775; т. 3, № 651; Кембридж, с. 167]. Стилистические особенности деталей и изображений не позволяют датировать обкладку периодом уже середины — второй половины IV в. до н. э. Но то, что гориты дважды встречены в одном наборе с тождественными ножнами (кат. 189) — в Чертомлыкском кургане и в Восьмом Пятибратнем на Нижнем

Дону, — позволяет отнести время их изготовления примерно к 340—320 гг. до н. э. Близкими аналогиями чертомлыкскому гориту являются также серебряная фрагментированная обкладка из кургана Карагодеуашх на Кубани и идентичная ей, но золотая обкладка из «гробницы Филиппа II Македонского» в Северной Греции. Изображения на них отличаются от таковых на горитах «чертомлыкского типа» (представлены эпизоды взятия Трои), но их композиция и стиль позволяют считать эти изделия одновременными или почти одновременными. Курган Карагодеуашх датируется 350—320 гг. до н. э. К этому же времени относится и большая часть инвентаря из «гробницы Филиппа».

Украшения горитов. Среди парадных горитов Скифии известен плохо сохранившийся экземпляр из Толстой Могилы, украшенный набивными, тиснеными или басменными, ажурными пластинами в виде грифонов и львовых морд [Черненко, 1981, с. 64—66]. Эта находка дает основание для интерпретации некоторых подобных изделий из Чертомлыка также в качестве украшений горитов (рис. 70).

О некоторых бляхах («грушевидной» формы) из камеры № 5 как об украшениях колчанов писал и И. Е. Забелин [ДГС, с. 111, 113]. К ним можно отнести и другие, сюжетно близкие украшениям из Толстой Могилы, — с изображением львов, грифонов, а также с растительными мотивами (кат. 160—162, 167, 169, 170, 183, 198—201). Точно вычислить количество горитов, украшенных золотыми аппликациями, нельзя. Следуя указаниям И. Е. Забелина, их было не менее двух: у погребального помоста в северо-западном углу и в нише К камеры № 5. Правда, с находками наконечников стрел ни один из предлагаемых горитов надежно не связан. Лишь в нише К камеры № 5 И. Е. Забелин отмечает «кучку бронзовых стрел» (кат. 193), которые могут равно относиться и к гориту с ажурными накладками,

и к гориту с накладкой, орнаментированной сценами из жизни Ахилла (кат. 189).

Боевые портупейные пояса (кат. 75, 178, 179) предназначались для ношения предметов вооружения, что нашло отражение в их конструкции. В коллекции Эрмитажа хранятся четыре частично фрагментированных экземпляра таких поясов: два с железным пластинчатым набором и два с бронзовым (рис. 71, вкл.). Один из бронзовых поясов и железные были снабжены пластинами прямоугольной формы с центральным круглым или прямоугольным отверстием, через которое пропускался ремень для подвешивания горита, меча или оселка. Конец пояса обычно замыкался полуовальной пластинкой с одним или несколькими большими отверстиями для затягивания. Одна такая пластина есть в поясном наборе из ниши К камеры № 5 (кат. 179).

Оселки (кат. 129, 151, 194, 195) представлены тремя золотыми колпачками и целым экземпляром (рис. 72). Эта категория находок, обычно встречающаяся вместе с предметами вооружения, фактически к таковым не относится. М. П. Грязнов, отмечая у большинства оселков отсутствие следов сработанности, предположил, что они служили амулетами, смысл и назначение которых установить невозможно [Грязнов, 1961, с. 142]. Это подтверждается и некоторыми данными нартского эпоса, где великаны натирали оселками раны, заживляя их таким способом. Украшенные золотыми колпачками-оболочками оселки встречены, помимо Чертомлыкского кургана, в Бердянском кургане, Куль-Обе, Карагодеуашхе, Талаевском кургане, в комплексе из Феттерсфельде (Виташково) в Западной Польше [Гриффенхаген, 1982, рис. 14]. Бронзовые наконечники оселков с зооморфными изображениями известны среди луристанских бронз IX — начала VI в. до н. э., причем они встречаются как с сигарообразными камнями, так и без них [Амье, 1976, № 59—69, 71—74]. Пожалуй,

Рис. 72. Оселок и золотые детали оселков из центральной гробницы Чертомлыка (кат. 129, 151, 194, 195).

это ближайшие формальные аналогии скифским «оселкам» IV в. до н. э. Любопытно, что в отдельных случаях найдены только колпачки, а сам каменный оселок отсутствует. Не исключено, что это свидетельствует об изготовлении оселка-амулета из дерева.

Поножи (кат. 80) обнаружены И. Е. Забелиным только в составе паноплии первого воина из юго-западной камеры. К сожалению, их плохая сохранность не позволяет определить конструкцию и особенности чертомлыкских экземпляров. На некоторых фрагментах сохранилась орнаментация по краю кинжалов — три параллельные врезные линии и небольшие отверстия. Эти детали находят многочисленные соответствия на поножах IV в. до н. э. из Северного Причерноморья [Галанина, 1965].

К предметам, связанным с вооружением и военным бытом, можно также отнести «спиральную ленту», украшавшую ручку нагайки (кат. 74). Аналогичные украшения в памятниках Причерноморья скифского времени учтены Б. Н. Мозолевским [1979, с. 179]. К ним можно добавить также спиральное украшение нагайки (?) из собрания И. И. Толстого (хранится в Эрмитаже) и аналогичное украшение из кургана Иссык в Казахстане [Акишев, 1978, рис. 50]. Такие нагайки обычно входят в состав инвентаря богатых погребений и, очевидно, указывают на высокое положение погребенного в воинской иерархии. К украшению нагайки — точнее, ее темляка — из Толстой Могилы относились и 18 пронизей-бус [Черненко, 1975, с. 171]. Б. Н. Мозолевский обратил внимание на то, что в описании находок в юго-западном углу камеры № 5 (на месте захоронения основного погребенного) И. Е. Забелин упомянул 19 бус (кат. 173), сходных по форме и количеству с найденными в Толстой Могиле. Эта находка дала основание предполагать, что и там находилась нагайка, аналогичная найденным в юго-западной камере у первого воина и в Толстой Могиле.

К одежде мужчины-воина или деталям его воинского снаряжения можно отнести также некоторые ворварки (напр., кат. 202—208), украшавшие и укреплявшие концы ремней, завязок и т. п. Поскольку в Чертомлыкском кургане они описаны

И. Е. Забелиным совместно с другими украшениями вооружения и одежды, выделить экземпляры, которые относятся именно к паноплии, не представляется возможным.

Украшения

Большая часть изделий этой категории, в частности гривны, браслеты, перстни, серьги, булавки, была рассмотрена В. Г. Петренко [1978]. Поэтому в описании находок мы пользуемся в основном наблюдениями и выводами, представленными в этой работе, к которой и отсылаем читателя.

Гривны — скифские украшения в виде массивного обруча из драгоценных металлов. Найдены в могилах «конюхов», у обоих погребенных в юго-западной камере, и у погребенной женщины из северо-западной камеры (кат. 57, 64, 81, 87, 102). Бронзовые гривны с утолщенными несомкнутыми концами найдены в насыпи кургана (кат. 35) и в северо-восточной камере (кат. 107). Все гривны индивидуальны и значительно отличаются друг от друга как техникой изготовления, так и декором. Выделяется гривна (кат. 57), отлитая из серебра, плакированная сверху золотой тонкой оболочкой. Остальные гривны также литые, их концы, оформленные в виде фигурок животных, украшены гравированным орнаментом. Гривна с шестью фигурками львов на каждом конце имеет, кроме того, напаянную на обруч полоску металла с овами. Гривны, близкие или аналогичные чертомлыкским, происходят из таких «царских» курганов, как Куль-Оба, Восьмой Пятибратний. Наиболее сходны гривны из Чертомлыка и Толстой Могилы [Петренко, 1978, табл. 34, 2, 3], хотя и они отличаются рядом особенностей, отмеченных Б. Н. Мозолевским. Обе гривны не являются отливкой из одной формы или по идентичной модели. Концы

чертомлыкского экземпляра срублены и заполированы еще в древности, однако по аналогии с гривной из Толстой Могилы можно предполагать, что они могли быть моделированы в виде протомы оленя. Фигурки львов на чертомлыкской гривне размещены более свободно, и их на одну меньше на каждом конце по сравнению с гривной из Толстой Могилы. И наконец, гривна из Чертомлыка, судя по сильной потертости поверхности, долго находилась в употреблении. Помимо аналогии из Толстой Могилы, чертомлыкская гривна имеет еще две, более удаленные параллели, стержни которых также украшены припавшими к земле фигурками хищников: в кургане № 4 у хут. Сладковский на Левобережье Дона найдена серебряная гривна, концы которой в виде прямоугольного в сечении стержня украшены четырьмя фигурками; погребении Зельдхаломпуста в Венгрии обнаружена гривна, сплетенная из тонких проволочек, на которую надеты пронизи с напаянными фигурками копачьих хищников [Грифенхаген, 1982, рис. 15] *. Первое погребение датируется IV в. до н. э., второе, — вероятно, V в. до н. э. В целом все гривны из Чертомлыка датируются, несомненно, IV в. до н. э., скорее, его второй половиной.

Браслеты представлены в Чертомлыке двумя типами: широкие пластинчатые с отогнутым краем (рис. 73) и несколькими рельефными продольными валиками (кат. 82, 88, 104); проволочные в виде кольца (кат. 106). Браслеты первого типа, выполненные из золота и серебра (кат. 88), были широко распространены в Скифии среди украшений знати. Аналогичные обнаружены в Солохе (впускное погребение), Первом Мордвиновском (впускное), Восьмом Пятибратнем, Толстой Могиле, Куль-Обе и других памятниках. Б. Н. Мозолевский полагает, что браслеты этого типа могут определять социальное положение погребенных [1979, с. 211]. Браслеты второго типа — в виде круглого в сечении

* Благодарим С. А. Скорого, обратившего наше внимание на эту аналогию.

Рис. 73. Пластиначатые браслеты из кургана Чертомлык (кат. 82, 104).

стержня — обнаружены на сопровождающем скелете из северо-западной камеры: на кисти левой руки — бронзовый (кат. 106), на правой — железный. Последний отождествить нельзя, поскольку он фрагментирован [ДГС, с. 104] и его обломки могли находиться среди анонимных железных фрагментов из Чертомлыка. Этот тип браслетов в отличие от первого был широко распространен среди рядового населения Скифии, и в богатых могилах встречается, как правило, лишь у сопровождающих погребенных.

Рис. 74. Перстни из центральной гробницы Чертомлыка (кат. 96, 97).

Перстни и кольца в коллекции представлены четырьмя типами. У первого воина из юго-западной камеры на безымянных пальцах были уникальные пластиначатые перстни с тремя выпуклыми поясками по краям и в центре (кат. 83). У второго воина, судя по отчету И. Е. Забелина и рисунку в Атласе, перстень свернут из тонкой золотой прямоугольной пластинки. В коллекции эта находка отсутствует. Перстни из скрученной в спираль проволоки в 5,5 оборота с расплющенными концами, покрытыми сложным грави-

рованным орнаментом (кат. 59, 109), найдены на средних пальцах правой руки первого (южного) «конюха» и погребенного в северо-восточной камере (при описании этих колец И. Е. Забелин ссылается на один и тот же рисунок Атласа — табл. XXXVII, 10). Наиболее близкие аналогии им известны из Толстой Могилы (концы оформлены в виде змеиных головок), Талаевского и Курдкинского курганов. Все они относятся к категории мужских украшений, а это дает основание считать погребение в северо-восточной камере, как об этом писал И. Е. Забелин мужским.

Перстни с овальными щитками и заходящими концами дужек (рис. 74) найдены на всех пальцах рук женского скелета из северо-западной камеры и у погребального помоста в камере № 5 (кат. 96, 97, 163, 164). Девять из них — кованые (кат. 96), с гладкими неорнаментированными щитками и являются одним из наиболее распространенных в Скифии типов [Петренко, 1978, с. 61]. Три других перстня — литые (кат. 97, 163, 164); первый относится к женским украшениям, два других найдены на месте мужского погребения в камере № 5 и являются уникальными находками. По сюжету изображений они относятся к группе так называемыхPontийских [Неверов, 1978, № 33, 34, 37]. По технике исполнения и стилю изображений ближайшей аналогией им является перстень из Куль-Обы с изображением грифона [Петренко, 1978, табл. 52, 25]. Перстень с изображением взлетающей уточки А. Фуртвенглер датировал концом V — началом IV в. до н. э. [Фуртвенглер, 1900, т. 1, с. 50; т. 2, табл. X, 12]. Аналогии композиции с собакой также известны для второй половины V в. до н. э. [Рихтер, 1930, табл. II, рис. 16а], а по стилю, моделировке тела животного — для конца IV в. до н. э. [Хофман, Дэвидсон, 1966, рис. 114]. О. Я. Неверов датировал их IV в. до н. э. [1978]. В. Г. Петренко обратила внимание, что в тех случаях,

когда все пальцы рук погребенной женщины украшены перстнями, экземпляр на правом мизинце несколько отличается от других: в Чертомлыке это перстень с изображением взлетающей уточки, в Толстой Могиле — кольцо из гладкой золотой проволоки [Мозолевский, 1979, рис. 123, 12]. Так же, как спиральные кольца могут считаться специфическим мужским украшением, пластинчатые щитковые перстни — преимущественно женские украшения [Петренко, 1978, с. 61].

В камере № 5 обнаружено еще одно кольцо (кат. 165), которое описано И. Е. Забелиным сразу после перстней [ДГС, с. 111]. Его диаметр — 2,5 — 2,7 см — несколько больше диаметра других колец и перстней, что вызывает некоторые сомнения в его атрибуции. Правда, аналогичное по форме кольцо из женского погребения Толстой Могилы также выделялось размерами, хотя и украшало мизинец правой руки [Мозолевский, 1979, с. 141].

Серьги и височные подвески из Чертомлыка представлены четырьмя типами (кат. 58, 103, 108, 116). Дважды они встречены в мужских погребениях — у первого (южного) «конюха» и в северо-восточной камере; в обоих случаях они находились с правой стороны черепа. Первая серьга (кат. 58) представляет собой кольцо с подвеской в виде головы негра. Прямых соответствий этому экземпляру нет, хотя он и входит в многочисленную группу кольцевидных сережек с подвесками различных типов [Петренко, 1978, табл. 23, 24—26]. От серьги из погребения в северо-восточной камере сохранилась лишь полая зерновидная подвеска (кат. 108). По типу серьга должна соответствовать предыдущей; подвеска такого рода встречена в одном из погребений Гаймановой Могилы [Петренко, 1978, табл. 24, 21].

Серьги, скорее височные подвески, из женского погребения в северо-западной камере (кат. 103) также уникальны и имеют лишь отдельные соответствия в памятниках IV в. до н. э.

[Петренко, 1978, табл. 18, 25; 21, 6; 24, 8]. Подвески крепились к метопиде (кат. 98). Подвески в виде сфинксов (кат. 116) служили украшениями головного убора и самостоятельно не использовались. Скульптурные подвески к головным уборам найдены в курганах Рыжановском, Три Брата в Крыму, Деевом [Петренко, 1978, табл. 20, 4, 5, 8]. Как и эти памятники, которые относятся к последней трети IV в. до н. э., следует датировать и чертомлыкские сфинксы.

В северо- и юго-восточной камерах среди одежд, развешенных на стенках, и их украшений, находились три сетчатых нагрудных убора (кат. 114, 115, 124, 137); два в северо-восточной и один в юго-восточной камере. Впервые подобные уборы рассмотрены А. П. Манцевич. Для их реконструкции взят отпечаток такого убора на бронзовом диске зеркала (кат. 118) из северо-восточной камеры Чертомлыка [ДГС, с. 96—97]. На зеркале четко видно, что основу убора составляли трубочки-пронизи и зерновидные подвески. Но в состав этого же убора, по И. Е. Забелину, входили золотые полусферические петельчатые бляшки и стеклянные бусы. На зеркале и сейчас находится шесть прилипших к нему полусферических бляшек, что подтверждает их принадлежность к убору. Вероятно, они помещались в местах перекрещивания нитей убора. Точное местоположение стеклянных бус реконструировать трудно. Это касается и убора в целом, поскольку количественные указания И. Е. Забелина не вызывают полного доверия: например, 40 трубочек-пронизей [ДГС, с. 97] явно недостаточно для такого убора. Поэтому более правомерен вариант количественного распределения, составленного в Эрмитаже (кат. 114). Два других убора более простые — в их состав (кат. 124) входят подвески, полусферические бляшки и пронизи; стеклянные бусы в описании И. Е. Забелина отсутствуют. Близайшие аналогии таким уборам известны в Солохе, Бердян-

ском, Деевом курганах и др. Их появление относится к первой половине IV в. до н. э.; в это время они являлись мужскими украшениями. Во второй половине IV в. до н. э. подобные уборы входили и в состав женских парадных одежд, что подтверждает чертомлыкский комплекс. Зерновидные подвески — несомненно аналоги обычных греческих желудевидных, амфоровидных подвесок, входящих в качестве элементов в греческие ожерелья с V в. до н. э. [Хиггинс, 1961, табл. 26—28].

Один из основных элементов женских парадных одежд, находившихся в камерах-кладовых, — головные уборы, так называемые калафы. В Чертомлыке их найдено четыре (кат. 113, 122, 128, 136). Эрмитажная реконструкция основана на работе Г. И. Боровки [1921], которая в целом не вызывает возражений. Некоторая их модификация, основанная на реконструкции аналогичного убора из Толстой Могилы, не меняет принципа расположения пластин [Мирошина, 1980, с. 38—40; Мозолевский, 1979, с. 198—200]. Несмотря на несомненную близость калафов из Чертомлыка и Толстой Могилы, они отличаются одной важной деталью: в уборе Толстой Могилы отсутствуют полоски с подвесками и полоски со стойками [Мирошина, 1980, с. 35]. Помимо этого, при реконструкции калафа из Толстой Могилы, Б. Н. Мозолевский столкнулся с трудностью, разрешить которую однозначно так и не удалось. Над черепом женщины (на высоте около 22 см) из бокового погребения Толстой Могилы лежали нашивные бляшки с изображением грифона, терзающего лань. Такое расположение полностью соответствует размещению бляшек с изображением сидящей возле жертвеника богини (кат. 101) в женском погребении из Чертомлыка. В последнем случае реконструирован остроконечный высокий убор конической формы, в состав которого входили метопида (кат. 98), височные подвески (кат. 103) и три типа золотых тисненных бляшек

(кат. 99—101). И. Е. Забелин упоминает, кроме того, семь полусферических петельчатых бляшек (ср. кат. 212, 35) диаметром около 0,8 см, отождествить которые не представляется возможным. Конические уборы достаточно часто встречаются в женских варварских могилах Причерноморья. На других территориях, но также в кочевой среде, остроконечные уборы входили также в состав мужской парадной одежды [Акишев, 1978, рис. 69]. Б. Н. Мозолевский, по-разному объясняя присутствие в Толстой Могиле прямоугольных бляшек, украшавших край какого-то высокого конического убора и покрывающего спадавшего на калаф и плечи женщины, предположил, что и на женщину из Толстой Могилы могло быть надето два убора: один типа калафа, а другой типа убора из северо-западной камеры Чертомлыка [1979, с. 202, 203]. Это объяснение, на наш взгляд, вполне вероятно.

Подобен женскому из северо-западной камеры Чертомлыка и головной убор первого воина из юго-западной камеры (кат. 76): бляшки огибали «овально» череп на 4 вершка выше его». Но, вероятно, убор имел не коническую форму, как в первом случае, а был типа башлыка — кирбасия, как у многих персонажей на предметах северо-черноморской торевтики. Это подтверждают две бляшки у нижней части убора (кат. 77, 78), находившиеся в том месте, где он должен был застегиваться под подбородком. Наличие застежек в этой части головного убора засвидетельствовано также материалами из северной могилы «конюха», где «по сторонам черепа найдены две костяные пуговицы», т. е. две ворварки (кат. 65, 66). Помимо головных уборов, расшитых золотыми бляшками-аппликациями, так же была украшена и одежда из камер-кладовых.

Нашивные бляшки-аппликации из северо- и юго-восточной камер и камеры № 5 представлены 36 разновидностями (кат. 212). Вместе с бляш-

ками, украшавшими одежду погребенных в северо- и юго-западных камерах, эти украшения составляют 43 разновидности. Они делятся на четыре большие (но неравные по числу входящих в них типов) группы: розетки, бляшки с растительными мотивами, бляшки с антропо- и зооморфными сюжетами, треугольники с псевдозернью и полу-сферические петельчатые бляшки (рис. 75—79, вкл.).

Бляшки 1 группы (кат. 212, 1—14) по композиции имеют многочисленные аналогии в курганах Северного Причерноморья IV в. до н. э.: кат. 212, 1 — в Александровском кургане; 212, 3 — в Куль-Обе; 212, 4 — в Толстой Могиле, Башмачке, Мордвиновском кургане, Огузе, Александровском, Деевом, Желтокаменке; 212, 9 — в Большой Близнице (склеп 1); 212, 10, 12 — в Деевом кургане (инв. № Дн 1897 5/56). Менее многочисленны аналогии по штампу изделий, которые устанавливаются с большим трудом по визуальным признакам: кат. 212, 11 — в Желтокаменке, 212, 13 — в Большой Близнице (склеп 1, жженая гробница «а»), Куль-Обе, Огузе (?). Бляшки 2 группы (кат. 212, 15; кат. 77) аналогичны по штампу и композиции бляшкам из Толстой Могилы (детское погребение), Вишневой Могилы, Мелитопольского кургана (первичное погребение), Огуза. Интересна 3-я группа, имеющая наибольшее сходство с варварскими и греческими памятниками. Аналогичны по штампу бляшки кат. 212, 17 изделиям из Большой Близницы (жженая гробница «а»). Чмыревой Могилы, Куль-Обы (?); 212, 19 — из Куль-Обы, Огуза, Александровского и Мелитопольского курганов (?); 212, 20 — из Чмыревой Могилы (впускное погребение), Цимбалки, Большой Близницы (склеп 1); 212, 226 — из Огуза. Бляшки кат. 212, 24 с изображением льва, напавшего на оленя, близки по композиции к бляшкам из Толстой Могилы, кургана № 4 Носаковской группы, Гаймановой Могилы; кат. 212, 25 — по штампу — из

Малого Огуза, по композиции — из Толстой Могилы, кат. 212, 26 — по штампу — из Чмыревой Могилы, Шульговки (первичное погребение), Куль-Обы; кат. 212, 27 — по штампу — из Башмачки, кургана № 4 Носаковской группы; кат. 212, 30 с изображением сидящей богини с зеркалом — по штампу — из Куль-Обы кургана № 4 Носаковской группы, Огуза (раскопки 1980 г.), по композиции — из Первого Мордвиновского кургана (впускное погребение), Верхнего Рогачика, Мелитопольского (впускное погребение); кат. 212, 31 — по штампу — из Толстой Могилы, Вишневой Могилы. Бляшки 4 группы — наиболее распространенные изделия среди нашивных украшений скифского времени — встречаются в тех или иных модификациях в большинстве погребений скифской знати IV в. до н. э. Для одной разновидности треугольников с псевдоэзернью (кат. 212, 36), найденных в северо-восточной камере, есть бесспорная аналогия по штампу из кургана Цимбалка.

Бляшки были нашиты на одежду, развешенную на крюках в камерах кладовых. Остатки одежды свидетельствуют, что они были изготовлены из шерстяной ткани саржевого и простого полотняного плетения в основном коричневых оттенков; в некоторых случаях сохранилась отделка краев в виде узких кантов красного или темно-коричневого цвета. Одежда, вероятно, имела меховую отделку (кат. 121). И. Е. Забелин ошибочно принял остатки меха за человеческие волосы [ДГС, с. 97]. Мех пришивался к ткани довольно толстыми плетеными шерстяными нитями, остатки которых сохранились. Меховые детали одежды встречаются чрезвычайно редко. Так, остатки обшитой мехом одежды обнаружены у погребенного в Семибратьем кургане № 4 [Артамонов, 1966, с. 38]. В некоторых случаях зафиксирована связь нашивных бляшек в виде треугольников с нагрудными сетчатыми уборами.

Наибольшее количество нашивных

бляшек найдено в камерах северо-восточной и № 5. Наиболее тесно по находкам бляшки одного штампа связаны между собой камеры юго-, северо-восточная и № 5. Правда, следует иметь в виду, что некоторые бляшки по неизвестным причинам отнесены к камере № 5 Г. Е. Кизерицким. По отчетам И. Е. Забелина нельзя уточнить принадлежность некоторых розеток к определенным комплексам. Количественные расхождения, а также отсутствие в коллекции бляшек одного типа (кат. 212, без номера) объясняются, возможно, тем, что некоторые экземпляры были переданы Е. П. Зейфарт.

Наличие в камере № 5 бляшек, идентичных найденным в юго- и северо-восточной камерах, можно рассматривать как свидетельство единства источника и времени комплектования наборов и, следовательно, одновременности всех захоронений под насыпью кургана. Индивидуальны наборы украшений в камерах юго-западной, северо-восточной и № 5. Правда, картина была бы иной при полной сохранности набора из камеры № 5, которая подверглась частичному ограблению в древности (рис. 80).

Наибольшее число разновидностей бляшек с антропо- и зооморфными изображениями относится к северо-восточной камере, розеток — к камере № 5. В целом по кургану соотношение категорий бляшек выглядит так: розетки — 13 типов, с растительным орнаментом — 2, с антропо- и зооморфными изображениями — 23, треугольники, полусфера — 9 разновидностей. Преобладают сюжетные изображения, но велико и число различных розеток. Последнее обстоятельство, с с одной стороны, отличает Чертомлыкский курган от таких ранних памятников, как Солоха, Толстая Могила, Цимбалка, Чмырева Могила, а с другой — сближает с Александропольским, Рыжановским курганами и др. Подобное соотношение, вероятно, фиксирует верхнюю границу хронологического диапазона чертомлыкского комплекса

Бляшки Камеры	Каталог 212															99	100	101	78
	9	10	16	17	18	20	22	24	25	26	29а	27	28	29	31	32	33	Nº 23	
C-B	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■		
C-3																		■ ■ ■	
Ю-B																	■		
Ю-3																		■	
V																			

Бляшки Камеры	Каталог 212															76	77		
	3	4	5	6	7	11	13	14	19	30	34	1	35	36	2	12	8	21	15
C-B												■	■	■	■	■	■	■	■
C-3																			
Ю-B												■	■	■		■	■	■	
Ю-3	■																	■	
V	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■		

украшений, так как бляшки с растительным орнаментом и розетки в большей степени характерны для погребений последних десятилетий IV в. до н. э.

По степени стилизации изображений бляшки неоднородны. Выделяются по крайней мере две большие группы. Одни изображения вполне реалистичны, выполнены в античных традициях, другие — в значительной мере условны, плоскостны, «пунктирны». Иногда изделия, близкие в содержательном аспекте, стилизованы в различной манере, например мужская бородатая голова (кат. 212, 22а, 22б), богиня со скифом (кат. 101; 212, 30), грифон (кат. 76; 212, 25). Наиболее простое объяснение — существование двух традиций изготовления нашивных бляшек: греческой и варварской. Некоторые бляшки настолько близки по моделировке изображений и характеру оформления края, что могут считаться вышедшими из-под штампов, выполненных одним мастером, например кат. 212, 25 (грифон вправо) и кат. 212, 27 (заяц влево), кат. 101 (богиня в фас) и кат. 76 (грифон). Подтверждает связь этих изделий и качество металла, из которого они изготовлены: в первом случае — высокопробное золото 958°, во втором —

Рис. 80. Распределение нашивных бляшек по комплексам (номера соответствуют номерам каталога).

низкопробное — 292°. Среди известных разновидностей бляшек не всегда уверенно можно выделить собственно «варварские» изделия, столько же трудно проследить закономерности или тенденции использования различного по качеству металла. Из наблюдений над чертомлыкскими материалами, возможно, следует, что «варварские» бляшки-аппликации чаще штамповались из низкопробного золота, а в группе несомненно греческих — незначительно преобладают высокопробные экземпляры.

В целом хронологические рамки комплекса аппликаций Чертомлыкского кургана широки — вторая половина IV в. до н. э. [Алексеев, 1986; 1987]. Наиболее ранними, нижний хронологический рубеж бытования которых достигает середины IV в. (около 350—320 гг. до н. э.), являются большие бляшки с лицом Медузы и подвесками, сценой терзания львом оленя, бляшки с двумя цветками, с ботиней и предстоящим скифом, голова Афины (кат. 212, 15, 20, 24, 26, 30). Несомнена датировка ряда последними

двумя-тремя десятилетиями IV в. до н. э.: некоторых розеток, личины Медузы, головы «Диониса», мужской бородатой головы вправо — монетный тип (кат. 212, 12, 13, 17, 19, 22). В целом динамика развития этой категории украшений такова: от сложных антропо- и зооморфных композиций и изображений животных первой половины и середины IV в. до н. э. к более простым, орнаментальным (различные розетки, растительные мотивы) и «монетным» последней трети IV в. до н. э. [Алексеев, 1987].

Тенденция к удревнению ряда разновидностей бляшек, предложенная в работе Л. В. Копейкиной о нашивных украшениях Куль-Обы [Копейкина, 1986], является ошибочной. Датировки некоторых «чертомлыкских» типов (идентичность фиксируется не только по сюжетам, но и по штампам) первой половиной IV в. до н. э. [Копейкина, 1986, № 9–11, 13, 16а] противоречат датам комплексов, в которых обнаружены серии таких изделий. Все они относятся ко времени не ранее второй половины IV в. до н. э. и являются позднейшими скифскими «царскими» захоронениями [Алексеев, 1986; 1987]. Стилистическая и сюжетная близость некоторых бляшек и их вероятных прототипов не может служить надежным основанием для датировок.

Любопытно, что некоторые типы бляшек, традиционно формирующие у исследователей представление о чертомлыкском погребении, достаточно малочисленны. Например, «бычок влево» (кат. 212, 31) — 1 экз., «лев, напавший на оленя» (кат. 212, 24) — 6 (7), голова Афины в львиноголовом пилеме (кат. 212, 26) — 3 экз. Причем все они найдены в неограбленных камерах и относятся к ранней группе чертомлыкских нашивных украшений. В то же время, некоторые поздние типы исчисляются многими десятками экземпляров: розетки (кат. 212, 13) — 103, лицо «Диониса» (кат. 212, 19) — 69 (70), «монетный» тип (бородатая голова вправо — кат. 212, 22) — 130.

Широкий хронологический диапазон чертомлыкской коллекции можно объяснить неоднократными выпусками серии украшений одного штампа, накоплением их в степях. К тому же существование поврежденных экземпляров, имеющих вторичные отверстия для нашивания (кат. 212, 17, 25), указывает, вероятно, на использование этих бляшек не только в погребальном ритуале, но и при жизни их владельцев для украшения парадной одежды.

Среди сюжетов на бляшках наибольший интерес вызывают две разновидности: прямоугольные бляшки с богиней, скифом и жертвеником (кат. 101) и прямоугольные бляшки с изображением сидящей в кресле женщины с зеркалом в руке и скифа, пьющего из ритона (кат. 212, 30). Последняя сцена, по Д. С. Раевскому, представляет собой воплощение ритуального бракосочетания скифского царя со скифской богиней огня Табити — «царицей скифов», по словам Геродота [Раевский, 1977, с. 98]. Вероятно, сюжетно близкая ей сцена воспроизведена и на других бляшках, где огненная природа богини подчеркнута пылающим жертвеником. Не случайно, что подобные бляшки встречены среди инвентаря главных погребенных Чертомлыка. Иконографические отличия вызваны иной традицией в изготовлении образца или штампа, возможно, соответственно скифской в отличие от греческой. Близкие стилистические бляшки известны и в других курганах скифской знати, например, в Желтокаменке [Мозолевский, 1982, рис. 37, 23, 24].

Изображения на бляшках реальных и фантастических животных (бычок, заяц, грифон), сцен терзания (лев, напавший на лань) и борьбы человека с хищными существами (Геракл, удушающий льва; скиф, сражающийся с грифоном) представляют собой обычные сюжеты из репертуара скифского изобразительного языка V—IV вв. до н. э. Но как невозможно восстановить композиции, составленные из бляшек, на-

шитых на одежду, так нельзя восстановить, а тем более прочитать, целые «тексты», хотя иногда, как, например, на головном уборе из Казенной Могилы, это и удается [Ключко, 1982, с. 126, 127].

Весьма многочисленны в чертомлыкском наборе различные горгонейоны и личины, выступающие в качестве апотропеев. В одном случае (кат. 78) бляшка близка к монетному типу [ср. Копейкина, 1986, № 14]. Воспроизведение монетных типов обычно для Скифии последней трети IV в. до н. э. Очевидно, к подобным экземплярам относятся и бляшки (кат. 212, 22), соответствующие изображению на реверсе монет Филиппа II Македонского, как об этом писали в свое время И. И. Толстой и Н. П. Кондаков.

Наиболее тесная связь чертомлыкского набора бляшек-аппликаций фиксируется с комплексами таких погребений, как Куль-Оба, Огуз (1894, 1902, 1980 гг.), Толстая Могила, Мелитопольский и Александровский курганы [Алексеев, 1984, рис. 5].

К группе украшений относится и фрагментированная **булавка** (кат. 130) с волнообразно изогнутой верхней частью, найденная в юго-восточной камере. Находка редкая: встречаются подобные булавки исключительно в курганах эпохи — в Гаймановой Могиле, в Восьмом Пятибратнем [Петренко, 1978, табл. 14, 17—21]. В. Г. Петренко считает, что булавки этого типа могли служить украшением у представителей племени скифов-царских [Петренко, 1978, с. 19].

Бытовая и культовая посуда

У входа в нишу К камеры № 5 обнаружена бронзовая **ситула** (кат. 157); сохранились поддон и венчик с ручками. Ситулы подобного типа в степных «царских» памятниках неизвестны, но встречаются в Среднем Поднепровье [Онайко, 1970, № 764]. Аналогичные изделия найдены и в некоторых прикубанских погребениях — в Караго-

деуашхе, в Курджипском кургане. Наиболее часты их находки во Фракии и Македонии [Венедиков, 1977]. Датируются они исключительно IV в. до н. э., в основном второй половиной [Древняя Македония, № 172, 459].

У головы первого воина из юго-западной камеры найдены два фрагментированных **серебряных сосуда**: килик и шаровидный сосуд (кат. 84, 85). Поскольку от килика сохранилась лишь чаша, а ручки и ножка отсутствуют, восстановить его форму невозможно. Серебряные килики различных модификаций — на высокой ножке или на кольцевом поддоне, с чашечкой различной глубины — были широко распространены в античном мире. Из скифских царских курганов ближайшие аналоги известны в Восьмом Пятибратнем кургане, Толстой и Гаймановой могилах. Встречаются серебряные килики и в рядовых скифских погребениях.

Сосуд с шаровидным корпусом и широким венчиком сохранился также частично. Форма полностью не восстанавливается, но воспроизводит, вероятно, широко известные культовые сосуды «кульбского типа». Стеники чертомлыкского сосуда неорнаментированы, если не считать врезной линии под венчиком. Ближайшие аналогии происходят из Толстой Могилы (детское погребение), Восьмого Пятибратнего кургана, Чмыревой Могилы. И. Е. Забелин в своем отчете отмечал, что «в головах остава, слева же, вблизи черепа, найдены обломки бронзовой чаши (диаметр 4 д.) и серебряного кувшинчика, с ременною витою подцепкою» [ДГС, с. 106]. Бронзовой чашей И. Е. Забелин ошибочно назвал чашу серебряного килика, кувшинчик же — это сосуд с шаровидным корпусом. Поскольку в настоящее время венчик у сосуда отсутствует, проверить сведения о ременной ручке нельзя, так же как нельзя восстановить способ ее крепления. Однако следует заметить, что ни на одном сосуде этой серии — с шаровидным корпусом и высоким

горлом — не известны какие-либо приспособления для крепления ручки.

Бронзовая полусферическая чаша (кат. 152) стояла у входа в нишу F камеры № 5. По И. Е. Забелину, чаша была позолоченная, но в настоящее время позолота отсутствует. Не исключено, что за позолоту был принят золотистый цвет самой бронзы, хотя аналогичные позолоченные чаши известны, например, из Курджипского кургана. Чаша из Курджипса является наиболее близкой аналогией чертомлыкской, хотя эти простые по форме изделия известны и в Приднепровских курганах V—IV вв. до н. э. [Галанина, 1980, кат. 13]. В некоторых случаях на чашах имелись кольца для подвешивания [Петренко, 1967, табл. 15, 5], поэтому не исключено, что сведения из отчета о «ременной поцепке» могли относиться именно к этому сосуду, а не к найденному в юго-западной камере.

В насыпи кургана вместе с предметами конской сбруи был найден бронзовый ажурный ковш (кат. 33), который в литературе обычно называется черпаком или жаровней. Аналогичные чертомлыкскому изделия в скифских памятниках встречены еще дважды: в северном впускном погребении Гаймановой Могилы и в кургане Козел. Назначение этих вещей пока остается невыясненным. В Гаймановой Могиле ковш лежал в одной из ниш вместе с посудой, в Козле его фрагменты (хранятся в ГИМе) найдены в катакомбе (точное местоположение неизвестно). Следует напомнить о находке в насыпи еще одного предмета кухонного набора — железной ложки (кат. 34), что, вероятно, может подтвердить утилитарное назначение черпака.

Близки к чертомлыкским формально и функционально изделия из савроматского мира V—IV вв. до н. э. (бронзовые прорезные ковши с горизонтальной втулкой) [Смирнов, 1964, рис. 70Б, 12; Максименко, 1983, рис. 14, 6, 18] и Алтая (деревянный ковш из Түэктинского кургана VI в. до н. э.).

Утилитарное назначение имели и **бронзовые котлы**, один из которых найден в юго-восточной камере (кат. 133) и два — в камере № 5 (кат. 142, 143). Два котла (кат. 133, 143) с уплощенным корпусом и двумя ручками с тремя небольшими выступами-шишечками каждая вполне обычны для скифских памятников [Манцевич, 1961, с. 149, 150]. Несмотря на отличия в оформлении, оба котла характерны для IV в. до н. э. Аналогичный первому котел найден во впусканом погребении кургана Солоха; орнаментированному двумя линиями пересекающихся зигзагов, которые образуют ромбы и треугольники, есть более широкие соответствия [Манцевич, 1961]. Все котлы литые. Р. С. Минасян, тщательно исследовав следы на поверхности скифских котлов эрмитажного собрания, пришел к выводу, что отливались они не в специальных сложных составных формах, а по утрачиваемой модели с последующим разрушением опоки. Один из чертомлыкских котлов в древности реставрировался. Почкина котлов в древности широко практиковалась. На некоторых экземплярах устраивались дефекты литья, на других, например на солохском, — повреждения в результате длительного использования. Менее обычен для IV в. до н. э. большой бронзовый котел (кат. 142), стоявший у северной стены камеры № 5. Его отличают шесть фигурок козлов, украшавших венчик сосуда и служивших ручками. Украшение котлов изображениями козлов — по венчику или на корпусе — характерно для архаического периода истории Скифии [Манцевич, 1961, рис. 5—8]. Тогда же вырабатывается и мотив украшения корпуса зигзагом. Действительно, чертомлыкский котел близок, например, к келермесским по размерам и большому количеству фигурок (правда, в Келермее их не больше четырех). В то же время котлы с козликами известны и в IV в. до н. э. Так, в кургане № 4 группы Страшной Могилы обнаружен котел, на венчике которого распола-

гались две ручки в виде козликов [Тереножкин и др., 1973, рис. 30, 4]. Это свидетельствует о том, что подобная традиция бытования долго. К тому же ряд особенностей декора чертомлыкского котла — зигзаг по всей поверхности корпуса, «шнур» в нижней части — сближает его с котлами V—IV вв. до н. э. Поэтому датировка большого чертомлыкского котла не может быть более ранней, чем IV в. до н. э. А о том, что подобные изделия находились в употреблении длительное время, свидетельствуют следы ремонта на некоторых из них.

Два элемента украшения котлов — фигурки козлов и зигзаг — важны и при выяснении их семантики. Основой расшифровки может служить уникальный котел IV в. до н. э. из Раскопаной Могилы [Алексеев, 1987б], чаша которого разделена на три горизонтальных фриза (рис. 81). В верхнем — солярные значки и букрации, в среднем — растительный орнамент (пальметтки), в нижнем — зигзаг. Не исключено, что в данном случае в декоре воплощены представления о тернарной по вертикали структуре космоса, а сама вещь представлялась частью его вертикальной оси. Все фризы котла из Раскопаной Могилы соотносятся с преимущественно тернарным строением скифской модели космоса по вертикали и находят аналогии в оформлении других памятников IV в. до н. э., например чертомлыкской амфоры и пекторали из Толстой Могилы [Раевский, 1985, с. 181—203]. Верхний фриз котла из Раскопаной Могилы ассоциировался с небесной зоной космоса, что подчеркнуто солярными значками, нижний — с хтонической зоной. Средний фриз заполнен пальметтками — элементами растительного орнамента, неизменно присутствующего на вещах подобного типа и отражающего представления о мировом дереве. Таким образом, весь декор котла из Раскопаной Могилы мыслился как некая простейшая космограмма, находящая композиционные и содержательные ана-

Рис. 81. Бронзовый котел из кургана Раскопаная Могила.

логии не только на уникальных предметах торевтики, но и на предметах серийного, хотя и не всегда утилитарного назначения. Орнаменту на котле есть очень близкое соответствие в композиции украшения конских нащечников, которые рассмотрены выше как своеобразные скифские космограммы. В архаическое время (VII—VI вв. до н. э.) котлы украшались изображениями козлов на венце или корпусе. Тогда же появился и мотив зигзага, иногда двойного, образующего в последнем случае ромбы. Установлено, что козлики на венчиках котлов связаны с мотивом мирового дерева и различными зонами космоса [Акишев, 1984, с. 36—38; Раевский, 1985, с. 111]. Подтверждением такой трактовки скифских котлов как архаического, так и классического времени (при отсутствии полного сходства орнаментации) служит известный рассказ Геродота об огромном котле царя Арианта, установленном в местности Эксампей [IV, 81]. Д. С. Раевский, реконструируя представления скифов об организованном мире, помещает Эксампей в центр «скифского четырехугольника», т. е. организованной Вселенной. В этом случае Эксампей является сак-

Рис. 82. Серебряная амфора:
а — вид справа; б — вид сзади; в — вид слева.

ральным центром скифского мира, через который проходит его мировая ось [Раевский, 1977, с. 114]. Очевидно, не случайно именно здесь помещен котел, который должен восприниматься в качестве аналога столба, соединяющего все вертикально расположенные зоны космоса. Немаловажно и то, что Геродот, описывая скифские котлы, указал, что варят в них мясо жертвенных животных. Тем самым подтверждается вероятность осмыслиения этих изделий с точки зрения не только утилитарного, но и культового их назначения.

Одна из наиболее известных находок скифских древностей — серебряная амфора (кат. 91), которая вместе с серебряным тазом (кат. 92) и черпаком (кат. 93) составляла культовый набор посуды, помещенный в северо-западной камере рядом с погребением «царицы» (рис. 82, а—в). Уникальность амфоры во многом затрудняет ее однозначную атрибуцию.

Амфора собрана из нескольких час-

тей, и при ее изготовлении мастер применил целый набор различных технологических приемов. Яйцевидный корпус состоит из двух частей — верхней и нижней, — каждая из которых сделана из тонкого серебряного листа в технике выколотки: после нанесения чеканкой рельефных изображений на лицевой стороне части были соединены (способ соединения неясен), а место стыка прикрыто напаянным пояском в наиболее широком месте сосуда. Отдельно изготовленные ручки сосуда, кранники и поддон затем припаивались к поверхности. Рельефные изображения на верхнем и нижнем фризах (грифоны, терзающие оленя, и расительный орнамент) проработаны по контуру резцом. Что касается изображений на задней части амфоры (противоположной краннику в виде протомы крылатого коня на лицевой стороне), то они лишь оконтурены резцом и не выступают над поверхностью. Внутренняя поверхность всех изображений была частично позолочена. Рельефные фигурки центрального фриза — скифы и кони — отлиты и прикреплены к поверхности с помощью закле-

пок, шляпки которых аккуратно заполированы и почти не видны на поверхности. С помощью заклепок прикреплены к корпусу амфоры и крылья коня. И. Е. Забелин ошибочно считал, что некоторые грифоны и олени, а также растительные элементы являются басменными, т. е. выполнены отдельно, а затем прикреплены к поверхности [ДГС, с. 102]. К такому заключению он, очевидно, пришел из-за довольно толстого слоя позолоты, местами поврежденного и производящего впечатление тонкой пластиинки.

В горло амфоры и в сливы были вставлены ситечки для процеживания. Сливы затыкались пробками, висящими на «серебряных цепочках, от которых сохранились у одной львиной головы часть самой цепочки, а у другой крючок, на котором она висела» [ДГС, с. 102]. До настоящего времени описанные детали не дошли, хотя в целом сохранность амфоры вполне удовлетворительная. На корпусе амфоры имеется большая лакуна — пролом, у скифа — фигура центральной сцены — при раскопках были отрублены заступом и не найдены концы рук. Это обстоятельство значительно усложнило интерпретацию центральной сцены фриза, поскольку предметы в руках у скифа могли оказаться яростью характерными, что весь эпизод был бы понят вполне однозначно. Под краном в виде протомы коня размещены узкий прямоугольный след какой-то крепившейся в этом месте детали (то, что эта деталь отсутствовала уже к моменту раскопок, подтверждает рисунок в Атласе ДГС). На обратной стороне амфоры на верхнем фризе имелся небольшой вдавленный след, производящий впечатление какой-то метки: косо ориентированный треугольник в круге; впрочем, не исключено и его случайное происхождение.

При изучении амфоры наиболее важны два вопроса: время изготовления этого сосуда и значение системы изображений на ней. Ответ на первый вопрос дает стилистический анализ рас-

тительных мотивов на нижнем фризе амфоры и сама форма этого сосуда. В литературе предлагались различные даты — от рубежа V—IV до середины IV в. до н. э. [Прушевская, 1955, с. 342; Манцевич, 1949, с. 206]. В работе Михаэля Фроммера [1982], посвященной итальянскому влиянию на растительный орнамент раннеэллинистического времени, рассмотрены особенности растительных элементов на таких изделиях причерноморских торевтов, как чертомлыкский горит и пектораль из Толстой Могилы. Последняя, видимо, наиболее близка к чертомлыкской амфоре как по композиции, смысловой нагрузке, так и по стилистическим особенностям [Манцевич, 1975, с. 121]. М. Фроммер датирует пектораль, точнее ее растительный фриз, последней четвертью IV в. до н. э., не исключая даже III в. до н. э. В целом эта дата, несомненно, завышена, хотя направление поиска исследователя заставляет отказаться от такой заниженной датировки, как первая четверть IV в. до н. э. [Мозоловский, 1979, с. 218].

Сооружение кургана Толстая Могила относится к 340—320 гг. до н. э. [Алексеев, 1987], и в этом случае изготовление пекторали приходится на конец первой половины IV в. до н. э. или, скорее, на его середину. Последняя дата может быть принята и для изготовления чертомлыкской амфоры, хотя нельзя исключать и третью четверть столетия, что подтверждается формальным сопоставлением чертомлыкской амфоры с ее вероятными глиняными прототипами. А. П. Манцевич соотносила амфоры типа Солоха I (с широким «грибовидным» венчиком, аналогичным чертомлыкскому) с изображением сосуда на монетах Терона, датируя серебряную амфору 361—353 гг. до н. э. на основании сопоставления фигуры лошади с повернутой назад головой с аналогичным изображением на монетах Лариссы Фессалийской [1949]. Сопоставление амфоры с изображениями на монетах Терона признано неубедительным [Брашинский, 1980, с. 26,

27], но близость формы венчиков чертомлыкской амфоры и амфор типа Солоха I заслуживает внимания. Наиболее ранние образцы амфор с грибовидными венчиками — глиняные сосуды из кургана Солоха. И. Б. Брашинский датирует их не ранее второй четверти IV в. до н. э. [Брашинский, 1980, с. 26], но более стройные пропорции чертомлыкской амфоры предполагают и более позднюю дату. Кстати, сам И. Б. Брашинский склонялся к датировке глиняных амфор Солохи и серебряной из Чертомлыка серединой IV в. до н. э. В. Грэйс выделила тип «протородосских» амфор, характеризующихся грибовидным венчиком и датируемыми концом IV в. до н. э. [1963, рис. 1, 1, 2]. В целом керамические прототипы чертомлыкской амфоры ограничивают ее датировку второй четвертью — концом IV в. до н. э., но, учитывая отличие стиля изображений на амфоре, с одной стороны, и, например, горита из кургана Солоха — с другой [Артамонов, 1966, табл. 161, 170], вряд ли возможно опускать датировку амфоры ниже середины IV в. до н. э.

Не менее сложным, но, пожалуй, более разработанным аспектом анализа этого замечательного памятника, является осмысление системы его разнородных изображений. В последние годы предпринято несколько попыток их интерпретации (см. гл. I). Общий элемент предложенных трактовок — установление связи трехчленности амфоры, трех ее фризов, с индоиранскими представлениями о вертикальной структуре мира и прочтение всех мотивов как текста космологического содержания [Раевский, 1985, с. 182]. Растительный орнамент в нижней части корпуса, в частности центральная пальметта на вертикальной оси всего сосуда, воспринимается как эквивалент мирового дерева с сидящими на его ветвях птицами из породы голубиных. Верхний фриз, где изображены обычные для скифо-греческого искусства сцены терзания оленя грифонами, tolkuется как космогонический акт «творения и воз-

рождения через уничтожение» [Кузьмина, 1976, с. 70]. Мотив же терзания в скифском искусстве вообще (в частности, на чертомлыкской амфоре) трактуется как изображение смерти — своего рода жертвоприношения во имя продолжения жизни [Раевский, 1985, с. 153]. Мотив жертвенности проигрывает и на центральном фризе амфоры. Д. А. Мачинский предложил убедительную интерпретацию этого горельефного фриза, основанную на сведениях Геродота [IV, 60, 61], как последовательное повествование о приношении в жертву кобылицы, совершающем «от имени аристократа (или даже царя) и исполняемое силами его многочисленных подчиненных» [Мачинский, 1978, с. 236, 237]. Существуют и «культово-utilitarные» версии, предложенные С. С. Бессоновой и А. В. Симоненко. С. С. Бессонова не исключает, что центральная сцена среднего фриза чертомлыкской амфоры может быть трактована как ритуальное клеймение скота: «само клеймение имело utilitarное назначение, но оно сопровождалось магическими действиями, направленными на увеличение приплода» [1983, с. 71]. А. В. Симоненко расшифровывает всю систему изображений на среднем фризе как фиксацию основных моментов «в жизни лошадей — до и после приручения». При этом центральный эпизод трактуется как кастрация жеребца — «ответственный момент в работе с лошадью, имевший важные последствия и сопровождавшийся в силу этого различными обрядами» [1987, с. 142, 143]. Он считает, что скифы, окружившие лошадь, оттягивая задние ноги и левую переднюю, пытаются ее уложить. Но единственный сохранившийся след от аркана на теле лошади находится на шее, и поэтому более предпочтительной выглядит версия Д. А. Мачинского об ее удушении. В целом понимание сцены как жертвоприношения лошади лучше согласуется с остальными элементами «чертомлыкского текста», связанными космическим содержанием.

Особое значение на корпусе амфоры

имеет протома крылатого коня, над головой которого помещена розетка. Д. С. Раевский и Д. А. Мачинский считают, что это изображение божества скифов-царских Фагимасада, покровителя коневодства: таким образом постулируется связь этого изделия с царским культом. Е. Е. Кузьмина также пришла к мысли об изготовлении амфоры по случаю какого-то события в жизни скифского царя или его смерти.

В целом вся система прочтения изобразительного текста на чертомлыкской серебряной амфоре весьма стройна и убедительна. О дальнейшем развитии идей см. прил. 12.

Из всех исследователей, обращавшихся к этому памятнику, только Д. А. Мачинский попытался рассмотреть его именно в комплексе с **серебряным тазом** (кат. 92). Как и амфора, таз — уникальное изделие античных причерноморских торевтов. Вместе они составляют единый комплекс культового набора сосудов. Форма таза в виде неглубокой чаши с двумя подвижными ручками, его размеры, а также форма ножек-подставок находят немногочисленные соответствия среди античных бронзовых изделий IV в. до н. э. [Галанина, 1969, с. 96, рис. 3]. По характеру орнаментации и технике изготовления он прежде всего связан с тем же кругом аналогий, что и серебряная амфора. Некоторые детали, в частности ножки-катушки, сближают его с изделиями эллинистической эпохи: аналогичные ножки у таза на мозаике из виллы Адриана [Пфуль, 1923, т. 3, табл. 311, № 700], копирующей эллинистическую картину. Аналогичные по форме детали, но украшающие ручки бронзовых античных сосудов, известны в конце V — первой половине IV в. до н. э. [Сокровища курганов Адыгеи, кат. 64, 65]. Это единственные формальные основания, наряду со стилистическими особенностями, позволяющие датировать таз тем же временем, что и амфору — IV в. до н. э.

Наиболее информативный элемент декора — изображение обнаженной женской полуфигуры с калафом на голове,

«вырастающей из такого же, как на амфоре, акантового трилистника» [Мачинский, 1978а, с. 133]. Д. А. Мачинский устанавливает хтонический характер этого персонажа, подтверждением чего является присутствие на месте ног женщины растительных побегов, которые «более всего напоминают схематическое изображение пучка корней, уходящих под землю». Ближайшей аналогией растительному орнаменту на чертомлыкском тазе является рельеф на накладной пластине под ручкой бронзового таза из Толстой Могилы [Мозоловский, 1979, рис. 48, 49]. Антропоморфное изображение на нем отсутствует, но строгая вертикальная ориентация всех композиций подтверждается такими же побегами-«корнями», как на чертомлыкском тазе, и восьмилепестковой розеткой в верхней части накладки. Близки к чертомлыкской богине и кариатиды из гробницы III в. до н. э. близ Свештар в Северо-Восточной Болгарии [Полевой, 1985]. На голове у них такие же калаф, руки подняты в сходном жесте, на бедрах изображен акантовый трилистник.

Изображение женского божества ближе всего к образу греческой Деметры или другой богини, связанной с плодоносящими силами природы. Иконография персонажа вызывает ассоциацию с представлениями о теле женщины как дерivate мирового дерева [Мачинский, 1978а, с. 135]. Тем самым основная идея, заложенная в системе украшений таза, дублирует изобразительный текст на амфоре.

Вместе с тазом находился **серебряный черпак** с плоской неглубокой чашей и изогнутой ручкой, заканчивающейся головой собаки или, скорее, волка (кат. 93). В античной торевтике форма черпака аналогий не имеет, так же, как уникально завершающее его изображение. Ни в скифском, ни в греческом искусстве мотив волка распространения не получил. Зато это один из излюбленнейших мотивов в искусстве кочевников Южного Приуралья V в. до н. э. [Чеякина, 1983, табл. 2, 14—26]. Изображения оскаленной волчьей морды встречены и на кос-

тных ложках — они обычно украшают конец черенка. В Скифии лишь костяная головка волка на рукояти нагайки из Бердянского кургана напоминает чертомлыкский образ [Череватенко, 1985, с. 177].

Все три предмета помещены рядом с погребением знатной женщины, которую Д. А. Мачинский считает жрицей скифской богини Табити [1978а, с. 134]. В скифских женских погребениях Причерноморья неизвестны столь богатые наборы ритуальной посуды, однако встречаются в мужских: бронзовый таз, в котором лежали ритон, ситечко и сосуд из кургана Солоха; редкая трехручная глиняная амфора и бронзовый античный таз с одной подвижной ручкой из кургана Толстая Могила. В последнем случае набор посуды находился в дромосе центральной мужской гробницы. Это может служить еще одним подтверждением того, что северо-западная камера Чертомлыкского кургана служила своеобразным дромосом камеры № 5.

Бытовой инвентарь

В северо-восточной камере у головы погребенного слуги или служанки найдены детали **наборного веретена** (кат. 110), выполненные из кости, золота, серебра и дерева [ДГС, с. 99]. Подобные изделия, чаще всего состоящие из костяных пронизок и костяного стержня, были достаточно широко распространены в Скифии и встречаются как в «царских» курганах [Яковенко, 1973; Мозолевский, 1973, рис. 37, 15], так и в рядовых могилах скифянок [Тереножкин и др., 1973, рис. 37, 5; Кубышев, Николова, Полин, 1982, рис. 8]. В богатых или аристократических погребениях известны веретена и другого типа — выполненные целиком из серебра, в которых отсутствуют наборные детали, например в Куль-Обе, во впускной могиле Александропольского кургана [Яковенко, 1973]. Чертомлыкское веретено — совершенно уникальное изделие, комбинирующее характерные детали, кото-

рые присущи двум обычным типам этих изделий.

Стержень веретена, выточенный из кости, сохранился в двух обломках: один имеет заостренный, заточенный конец, на другом конец оформлен рельефными поясками, как на веретене из кургана Хомина Могила [Мозолевский, 1973, рис. 37, 15]. Общая длина стержня не восстанавливается. Первой деталью, которая надевалась на него снизу, является золотой наконечник в виде кегли (кат. 110, 2), хотя диаметр втулки (около 1 см) больше диаметра стержня. Вероятно, во втулку вставлялась какая-то основа, костяная или деревянная, о чем свидетельствует загнутый край этой детали. Последовательность других пронизей однозначно не установлена. Веретено имело круглый упор (кат. 110, 1): основа его была вырезана из дерева, покрыта серебряной пластинкой, а сверху — золотой. Сохранившиеся фрагменты серебряной пластиинки частично соответствуют рельефному узору на золотой, но есть кусочки с самостоятельным гравированным орнаментом. Последнее обстоятельство относится и к фрагментам деревянной резной основы, однако здесь орнамент более тонкий, чем на верхней золотой пластине. Все это затрудняет реконструкцию упорного диска, вариант которой представляется следующим. Нижняя часть деревянной основы была украшена резьбой; на ее верхнюю плоскость накладывалась серебряная пластиинка, которая могла почти целиком прикрывать поверхность основы; золотая пластиинка набивалась на деревянную основу, о чем свидетельствуют маленькие отверстия в ее бортике (высотой 0,8); внутреннее отверстие (диаметром 3,5—3,6) открывало находившуюся ниже серебряную пластиинку. Возможно, именно к этой детали относятся костяные маленькие клинья (кат. 110, 9). Уникальной деталью веретена являются три части золотой узкой ленты общей длиной 13,5 см. Поскольку это вполне самостоятельные украшения, о чем свидетельствуют дырочки для закрепления на их концах, можно пред-

положить, что на веретене они располагались непоследовательно.

Еще одно веретено (кат. 119), видимо, обнаружено в другом месте той же камеры [ДГС, с. 97], поскольку почти полностью совпадают размеры и орнаментация серебряной пронизи (кат. 119, 1) и аналогичной золотой от первого веретена (кат. 110, 3). Но другие детали, обычно входившие в наборы веретен, не найдены. Единичность находки дала возможность Б. Н. Гракову высказать предположение, что эта пронизь является концом серебряной латенской гравны [1977, с. 66]*.

В той же камере у торцовой стены обнаружены костяные детали шкатулки (кат. 112): «17 костяных дощечек и их обломков с остатками позолоты, служивших, вероятно, украшением ящика или ларца» [ДГС, с. 101]. В коллекции находятся 14 костяных накладок, следы позолоты на них отсутствуют. Две трапециевидные накладки, вероятно, покрывали крышку шкатулки, остальные украшали ее стенки. Две накладки украшены гравировкой: на одной — узор в виде меандров, на другой — слабо заметная виноградная лоза. Детали наклеивались на основу, о чем свидетельствует косая насечка на их оборотной стороне. Костяные накладки на шкатулке достаточно редкая находка. Так, в Александровском кургане найдена пластина в виде трапеции, аналогичная чертомлыкской [ДГС, I, Атлас, табл. XI, 24], в одном из Семибратьинских курганов (№ 4) на Кубани [Артамонов, 1966, с. 38] — костяные пластинки от шкатулки, во впускной катакомбе Огуза — костяные украшения шкатулки [Фиалко, Болтрик, 1986].

К женскому погребальному инвентарию относятся и два бронзовых зеркала, одно из которых найдено в северо-западной камере (кат. 94), другое — в северо-восточной (кат. 118). Зеркала с

* Правда, в книге Б. Н. Гракова допущена неточность: вместо Чертомлыкского кургана назван курган Чмырева Могила. Но к кельтским торквесам в любом случае эта деталь отношения не имеет.

боковыми ручками рассмотрены и классифицированы Т. М. Кузнецовой [1987]. Первое отнесено к зеркалам с костяными прямыми ручками и диском без бортика. Но чертомлыкское зеркало имеет небольшой валик-борттик, а диск вставлен в распил на костяной рукояти и закреплен двумя железными заклепками. Датировка подобных зеркал IV—III вв. до н. э. (фактически лишь IV в.) может быть в целом принята и для чертомлыкского экземпляра.

Зеркало лежало у правой руки погребенной женщины так, что костяная рукоятка почти касалась пальцев [ДГС, с. 104]. Какой стороной оно было ориентировано наверх, остается неясным. Но на «рабочей» поверхности сохранились прилипшие к диску остатки дерева и фрагмент материи, пропитанной окислами бронзы. Оборотная сторона подобных следов не имеет. Трудно определить, остатками чего является дерево (по определению А. И. Семенова [1985], липа): футляр зеркала или фрагмента саркофага, в котором была погребена скифянка. Столь же трудно определить и принадлежность ткани. Это могла быть часть одежды погребенной или часть декора футляра.

Второе зеркало значительно отличается по конструкции от первого, в частности оформлением нижней части ручки, полностью соответствующей форме наверший на некоторых скифских мечах V—IV вв. до н. э.: в виде волют, стилизованных под клювы или когти хищной птицы и соединенных перемычками. Подобный тип наверший появляется еще на мечах V в. до н. э., но к середине IV в. до н. э. практически исчезает [Мелюкова, 1964, табл. 20, 6, 8, 9]. Видимо, одним из наиболее поздних экземпляров такого меча с золотой обкладкой рукояти является акинак из Куль-Обы (правда, навершие его не сохранилось), тождественный мечу из Солохи с навершием [Артамонов, 1966, табл. 145, 208]. Чертомлыкское зеркало по сходству с рукоятью мечей имеет еще ряд аналогий. Так, в кургане Куль-Оба обнаружено зеркало, железная

ручка которого, плакированная золотом, напоминает рукоять мечей чертомлыкского типа [Артамонов, 1966, табл. 243]. Бронзовый диск зеркала скреплен с рукоятью тремя бронзовыми заклепками. К зеркалу прилипло шесть золотых полусферических петельчатых бляшек — деталей нагрудного сетчатого украшения. Это подтверждается и отпечатками подобного убора, составленного из пронизей и подвесок, на поверхности диска зеркала. Датировать это зеркало можно лишь по формальному сходству с упомянутыми мечами; вероятно, оно было изготовлено в первой половине — середине IV в. до н. э.

У северо-восточного угла камеры находился бронзовый шести рожковый светильник (кат. 144). Правда, эти сведения восходят к опубликованному отчету И. Е. Забелина [ДГС, с. 114], и в этом случае светильник — единственная находка в восточной части камеры № 5. Но на рисунках из архива И. Е. Забелина светильник помещен рядом с серебряной амфорой и блюдом из северо-западной камеры. Если принять во внимание, что характер соединения северо-западной и камеры № 5 остается все же не до конца ясным, нельзя исключать того, что светильник размещался у погребения женщины. Правда, в любом случае его местоположение служит косвенным подтверждением того, что северо-западная камера — дромос в камеру № 5, поскольку светильники обычно располагались снаружи или внутри входа в погребальные камеры, как, например, в центральном погребении Толстой Могилы [Мозоловский, 1979, рис. 31, 1], или в одной из ниш впускного погребения того же кургана [там же, рис. 80, 8].

Полные аналоги светильнику отсутствуют. Античные многорожковые светильники известны, но они относятся к иной разновидности: в центре чашечки находился длинный вертикальный штырь с кольцом на вершине для подшивания или украшения. Например, светильник из Олонештского клада, датированный Г. П. Сергеевым VI в. до

н. э., имеет шесть рожков, оформленных в виде птичьих головок и фигурок, и ножки в виде птичьих лап [1966, рис. 1]. Предполагается его культовое и долговременное использование, так как клад был сокрыт во второй половине IV в. до н. э. У случайно найденного в Прикубанье светильника четыре рожка, он мог использоваться в подвешенном виде (Эрмитаж, ОИПК, инв. № Куп. 1926, 1/179). Аналогичный четырехрожковый светильник найден в кургане Бабы конца первой половины — середины V в. до н. э. [ОАК за 1897 г., рис. 258]. Известны и керамические многорожковые светильники, например, лампа с девятью рожками из Афинской агоры [Перлцивейг, 1963, рис. 17], датируемая II в. до н. э., которая использовалась для праздничных и церемониальных случаев. Известны культовые многорожковые керамические светильники и во II в. до н. э. [Боузек, 1974, табл. 46], но они лишены подставок. Не исключено, что светильник изготовлен местным скифским литецциком, подражавшим греческим образцам.

Из ниши К камеры № 5 вместе с многочисленными предметами вооружения происходят четыре ручки (кат. 180), хотя в опубликованном отчете упоминаются «пять подъемных бронзовых скоб, быть может, от гроба» [ДГС, с. 112]. Трудно сказать, чем — может, ошибкой И. Е. Забелина — объясняется количественное несовпадение указанных им и имеющихся в коллекции ручек. Аналогии подобным изделиям неизвестны, но их назначение в качестве ручек угадано И. Е. Забелиным правильно. Правда, каких-либо данных о наличии деревянной конструкции в этой нише нет. Но, исходя из того, что толщина стен, куда вставлялись ручки, была около 1,5 см (судя по расстоянию между упорами и отверстиями для штифтов), они могли быть сделаны только из дерева.

Почти во всех камерах и во входной шахте погребения обнаружены железные скобы, гвозди, крючки. Одни отно-

сятся к деталям, скреплявшим деревянные погребальные помосты (кат. 209, 210), отмеченные в юго-западной камере и камере № 5, другие — это крючки, на которых были размещены парадные одежды в юго- и северо-восточной камерах, а также оружие — в нише К камеры № 5.

Ряд изделий (например, кат. 190, 198—200) не атрибутируется надежно из-за недостатка информации об условиях находок, но их публикация, возможно, позволит отыскать им аналоги в будущем.

Коллекция находок из центральной гробницы и сопровождающих захоронений Чертомлынского кургана состоит из очень разнородных вещей не только по их функциональному назначению, но и по принадлежности к ремесленным традициям — греческой и местной скифской. К концу IV в. до н. э. синтез эллинской и варварской культур достиг уровня, при котором однозначное выделение вещей той или иной группы затруднительно. Если греки были прекрасными ювелирами, то скифы — литейщиками и кузнецами. Но разделение вещей хотя бы по такому принципу даст слишком общее, а поэтому во многом неверное представление о группе местных ремесленных изделий. Даже вещи, которые, казалось бы, могли и должны были быть изготовлены самими скифами, не всегда с уверенностью можно отнести к продукции степных ремесленников. Так, изготовление круглых блях-фаларов с приклепанной петлей, по мнению Б. А. Шрамко, свидетельствует о разделении труда при массовом их производстве и в конечном итоге о том, что это импортные изделия античных мастерских [1971, с. 99]. Его точка зрения оспорена Б. Н. Мозолевским, который, ссылаясь на проведенный им анализ сюжетов нащечников и налобников, пришел к выводу о местном изготовлении изделий, выполненных в той же технике, что и круглые фалары [1979, с. 189]. Но маркировка греческой лите́йной (рис. 62) на литых наносниках из кургана Огуз все же указывает на изго-

товление их мастером-греком. Поскольку огузские наносники практически идентичны чертомлыкским и другим скифским наносникам второй половины IV в. до н. э., всю серию изделий можно также признать эллинской по месту изготовления.

Все это, однако, не означает, что мы не можем выделить сугубо местных изделий. К таковым, несомненно, относятся котлы, предметы вооружения, за исключением кнемид (кат. 80) и парадных изделий — некоторых оселков, накладок на ножны и горит (кат. 151, 189, 191), ряда принадлежностей снаряжения коня. Местными могли быть и украшения: отдельные гривы, спиральные кольца, перстни с гладкими щитками, некоторые типы нашивных бляшек. Мастерами-греками изготовлено большинство нашивных украшений, пластины для калафов, украшения парадного оружия, серьги и височные подвески. Вопрос о центре, где функционировала мастерская или мастерские, производившие эти вещи, не может быть решен окончательно. Существует мнение, которое уже традиционно, что таким центром был Пантике́пей — столица Боспорского государства или какой-либо другой боспорский город [Онайко, 1970, с. 51—54]. Но в последнее время эта точка зрения осторожно оспаривается исследователями, а круг возможных претендентов — греческих городов — расширяется. Относительно чертомлыкской коллекции можно почти с уверенностью сказать, что накладки на ножны и горит, серебряная амфора и таз изготовлены на Боспоре. В одном из средиземноморских центров, вероятно, на севере Балканского полуострова, изготовлена ситула из камеры № 5. Рукоять ахеменидского меча вышла из рук мастера-мидийца, работавшего в одной из мастерских Персии. Чернолаковая посуда — чашечка и килик — аттического происхождения. Указать точно, через какой город Причерноморья попали в Скифию эти изделия, так же, как и глиняные амфоры, невозможно.

Но находка херсонесской винной амфоры, несомненно, указывает на существование прямых связей скифов с этим полисом. Большая группа ве-

щей все еще остается анонимной: стеклянные бусы, некоторые тисненые пластинки — украшения горитов, веретена.

2. Вещи из Северной могилы Чертомлыка

Количество вещей, обнаруженных в Северной впускной могиле Чертомлыка, относительно невелико.

Так, еще в верхней части входной ямы найден **бронзовый трехгранный наконечник стрелы** (кат. 222). В нижней части ямы из заполнения извлечены три бронзовые прямоугольные **панцирные пластины** (кат. 223). Две из них относительно невелики: $2,2 \times 0,8$ и $1,8 \times 0,5$ см, третья гораздо крупнее — $5,6 \times 3,2$ см. Если первые две пластины, по краям которых располагались по два отверстия для пришивания, вполне соотносятся с основными типами такого рода изделий [Черненко, 1968, с. 26—27], то третья выделяется большими размерами и количеством отверстий: пять по верхнему краю, по два отверстия вдоль боковых краев и два внизу. Система отверстий, рассчитанная на жесткое крепление пластины к основе, а также крупные размеры пластины могут указывать на то, что она являлась частью набора, усиливавшего подол панциря, где обычно применялись массивные пластины с дополнительными отверстиями [там же, с. 32—33].

Бронзовые детали конской узды (кат. 224), также найденные в заполнении входной ямы, вполне ординарны. К ним относятся: **фигурный плоский налобник** или **наносник**, выполненный в виде стилизованной головы лося (?), у основания шеи которого имеется круглое отверстие; бронзовая литая круглая бляха (диаметр 2,7 см) с петлей на обороте; пряжка в виде литого кольца диаметром 2,2 см и обломок второй такой же пряжки. Наносник выполнен довольно грубо, по качеству и размерам он схож с бронзовыми наносниками, выявленными в насыпи Чертомлыка (кат. 17).

Рядом с деталями узды находились фрагментированные **кабаньи клыки** (6 или 7 штук) с одним или двумя отверстиями (кат. 225). В отверстии одного из клыков сохранилась железная заклепка. Надо сказать, что сочетание во входной яме Северной могилы деталей узды и кабаньих клыков вполне закономерно. Так, в VI—V вв. до н. э. на территории Северного Причерноморья [Яковенко, 1969], Северного Кавказа [Виноградов, 1974] и, в большей степени, Поволжья [Смирнов, 1964, с. 230, 370] были распространены резные, оформленные в зверином стиле, клыки кабанов и их бронзовые имитации, служившие украшениями конской узды. Изредка с этой целью применялись и неорнаментированные клыки. Например, три таких клыка с отверстиями обнаружены в комплексе с удилами и псалиями в кургане № 432 у с. Журовки [Ильинская, 1975, с. 25]. Если говорить о более отдаленных во времени и пространстве аналогиях, то нельзя не упомянуть широко известный и датируемый предскифским временем курган Аржан в Туве, в конских могилах которого обнаружены десятки просверленных кабаньих клыков, видимо, служивших в качестве уздечных подвесок [Грязнов, 1980]. Что касается клыков из заполнения Северной могилы Чертомлыка, то они, судя по сохранившейся в одном из отверстий железной заклепке, не подвешивались к узде, а крепились на какой-то жесткой основе и, вероятно, являлись частью нагрудного украшения коня.

У устья дромоса, в заполнении ямы, а также на дне последней, выявлены многочисленные **обломки скоб**, изготовленных из круглого железного прута диаметром около 0,3 см. Фрагменты

таких же скоб были обнаружены и в заполнении входной ямы центральной гробницы.

В самой камере, у ее восточной стены, обнаружена амфора (кат. 226)*, два серебряных сосуда и бронзовый котел.

Из двух серебряных сосудов наиболее хорошо сохранился кубок (кат. 227). С четко выделенным, слегка выпуклым венчиком, цилиндрической шейкой и шаровидным корпусом с округлым дном. Пропорции сосуда достаточно стройные: высота 15,5 см, диаметр венчика — 6,6, наибольший диаметр корпуса — 12 см. На дне сосуда острым предметом грубо прочерчены схематический, малопонятный рисунок и две строки греческих букв. Верхняя строка более обширна — ГХААТАА (наличие двух первых букв — под вопросом), а нижняя состоит всего лишь из двух знаков — АД.

Всего, по данным В. А. Рябовой [1986], на территории Северного Причерноморья, кроме рассматриваемого сосуда, обнаружены еще 30 металлических кубков. Период их распространения ограничен V—IV вв. до н. э. Они различаются между собой формой, пропорциями, наличием или отсутствием декора и его характером. Наиболее известны среди сосудов этой группы кубки из Куль-Обы и Частых курганов, средняя часть которых украшена развернутыми композициями, иллюстрирующими, по мнению Д. С. Раевского [1970], одну из скифских этногенетических легенд. Что касается кубка из Северной могилы Чертомлыка, то по форме и пропорциям он, пожалуй, наиболее близок к серебряному кубку из впускной гробницы Толстой Могилы [Мозолевский, 1979, рис. 129].

Скорее всего, металлические кубки, обнаруженные на территории Северного Причерноморья, изготавливались греческими мастерами, но форма их, как считал еще М. И. Ростовцев [1914], местная, берущая свое начало от круг-

лотелых керамических кубков преди раннескифского времени. Не вызывает сомнений и культовый характер металлических сосудов, что также впервые обосновал И. М. Ростовцев [1914, с. 83]. Ритуальное назначение металлических кубков подтверждается и тем, что в ряде случаев они обнаружены вместе с другими культовыми сосудами [Рябова, 1986, с. 147]. Так, в кургане Солоха (боковая гробница) серебряные кубки находились вместе с серебряными двуручными сосудами, серебряной «кружкой» и деревянным сосудом [Манцевич, 1987, с. 22—23]; в тайнике Северного впускного погребения Гаймановой Могилы, кроме серебряных кубков, находились еще четыре сосуда и деревянная чаша [Бидзила, 1971]. Целый набор культовых сосудов обнаружен у головы ребенка в боковой гробнице Толстой Могилы [Мозолевский, 1979, рис. 127]. Встречаются металлические кубки и вместе с серебряными киликами, как в Северной могиле Чертомлыка. Такое сочетание зафиксировано также в юго-западной камере центральной гробницы Чертомлыка, в Гаймановой и Толстой Могилах, в кургане у с. Водославка.

Серебряный килик из Северной могилы Чертомлыка разбит в древности, Снабжен кольцевым поддоном и изящно изогнутыми поперечными ручками. Высота килика — 5,5 см, диаметр венчика — около 10 см. Сосуд орнаментирован тонкой прорезной линией, нарисованной под самым краем венчика (кат. 228).

Уникален бронзовый котел (кат. 229). Снабжен высокой ножкой-поддоном и двумя вертикальными ручками. Высота котла — 55 см, диаметр венчика — 30 см. В верхней части корпуса яйцевидной формы расположены два рефлексных орнаментальных фриза. Верхний состоит из чередующихся цальметток и букраньев, нижний, ограниченный двумя рельефными поясками, заполнен орнаментом в виде «бегущей волны». Единственная близкая аналогия этому котлу — котел из кургана Раскопана

* См. прил. 11.

Могила. Однако последний отличается формой чаши, декором и тщательностью исполнения (рис. 81). Согласно последним данным [Алексеев, 1987б], курган Раскопана Могила может быть датирован временем не ранее второй четверти IV в. до н. э. Чертомлыкский экземпляр происходит из еще более позднего погребения. Однако следует учесть, что **до того как он попал в Северную могилу котел находился длительное время в**

употреблении, о чём свидетельствуют следы ремонта*.

В котле (см. рис. 54) вместе с костями барана, туши которого была положена без головы, находился деревянный черпак (кат. 230).

Наконец, в торцевой части Северной могилы, практически уже в заполнении грабительского хода, найден железный предмет, возможно, **оковка деревянной лопаты** (кат. 231)**.

3. Датировка кургана

Вопрос о хронологии вещей, а следовательно, и вопрос о датировке самого кургана, решается неоднозначно. Очевидно, столь широкий набор различных изделий имеет и широкий хронологический диапазон. Для вещевых комплексов скифских «царских» погребений предложено учитывать несколько временных характеристик: «широкую» дату; «узкую», слагаемую несколькими позднейшими находками; «ядро» комплекса — хронологические рамки большинства вещей; время совершения захоронения и сооружения кургана, которое определяется или находками в насыпи, или позднейшими изделиями из самой могилы [Алексеев, 1987]. Все эти характеристики важны для различных аспектов исследования скифских древностей. Что касается Чертомлыкского кургана, то здесь следует особое внимание уделять определению времени «ядра» комплекса и сооружения кургана, поскольку именно соотношение этих характеристик будет способствовать решению вопроса об особенностях погребального ритуала, месте Чертомлыкского кургана среди других «царских» курганов и прояснению исторической ситуации в Северном Причерноморье в конце IV в. до н. э.

«Широкая» дата комплекса 1862—1863 гг. замыкается рамками V — рубежа IV—III вв. до н. э., определяемыми временем изготовления ахеменидского меча и клейменных греческих

амфор из насыпи. Но поскольку ситуация, при которой персидский меч мог оказаться в Скифии, приурочивается к последней трети IV в. до н. э., эти рамки сжимаются и в конечном итоге охватывают IV в. до н. э. В этом случае наиболее ранними изделиями из чертомлыкской коллекции можно считать котел с ручками-козликами и зеркало с железной ручкой, изготовленные в первой половине — середине IV в. до н. э. Остальные вещи относятся к середине — второй половине IV в. до н. э., но в этом отрезке четко выделяются еще два хронологических диапазона. Первый — около 350/340—320 гг. до н. э., — в который входят некоторые изделия, в том числе парадные: обкладки горита и ножен, чернолаковая чашечка, некоторые типы нашивных бляшек-аппликаций, набор серебряной культовой посуды; этот набор является «ядром» чертомлыкского комплекса. Второй — 330—300 гг. до н. э., — определяемый некоторыми разновидностями нашивных украшений, наконечниками стрел, бронзовыми навершиями, — «узкая» дата погребения. Вероятно, в этот интервал следует поместить и некоторые другие изделия, например оружие, украшение конской сбруи, ножи, но данные для такого сужения их хронологических рамок, кроме самого общего

* О результатах анализа бронзы котла и заплаток см. прил. 15.

** См. прил. 14.

представления о недолговечной службе этих изделий, отсутствуют. Время же совершения захоронения фиксируется по совокупной дате трех эрмитажных керамических клейм из насыпи: около 330—300 гг. до н. э., а в этом интервале равнозначны и самое его начало, и конец. Именно в этот период умер и был погребен под насыпью Чертомлыкского кургана скифский царь.

Что касается датировки боковой катакомбы, то возможности ее определения чрезвычайно ограничены. Набор серебряной посуды, аналогичный подобному из юго-западной камеры центральной могилы Чертомлыкского кургана, указывает на хронологическую близость этих могил. Бронзовый котел из бокового погребения, украшенный сложной орнаментальной композицией, напоминает котел из Раскопаной Могилы. Этот последний комплекс датируется сейчас IV в. до н. э. в отличие от широко принятой ранее даты —V в. до н. э. Основанием для омоложения даты служат фрагменты чернолакового канфара с

нависающим венчиком и амфоры с рюмообразной ножкой (амфоры Менды) в комплексе — изделия IV в. до н. э.

Хронологический разрыв между двумя могилами Чертомлыкского кургана достоверно не устанавливается. Судя по некоторым косвенным наблюдениям*, впускное захоронение было совершено вскоре после окончания строительства курганной насыпи над центральным погребальным комплексом. Обе могилы ограблены через один грабительский ход. В то же время останки двух людей [ДГС, с. 118] свидетельствуют, что могила ограблена еще в то время, когда тела окончательно не истлели (?). Все, что известно о временном соотношении скифских могил, находящихся под одной насыпью, подтверждает незначительный интервал, разделяющий обычно их сооружение.

* В частности, об этом может свидетельствовать пропорциональность размеров центральной и северной гробниц Чертомлыка (см. прил. 6).

Глава IV

МЕСТО ЧЕРТОМЛЫКСКОГО КУРГАНА СРЕДИ СКИФСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ IV в. до н. э.

Конечной целью изучения любого археологического памятника является его историческая интерпретация. Иными словами, перед исследователем стоит задача, во-первых, рассмотреть материалы этого памятника в контексте широкой исторической картины соответствующего периода, реконструируемой всей совокупностью имеющихся в его распоряжении источников, и, во-вторых, по возможности дополнить, детализировать эту картину материалами вводимого в научный оборот памятника.

Надо сказать, что перед скифологами открывается в данном направлении достаточно широкое поле деятельности, ибо круг их источников весьма обширен — помимо хорошо изученных скифских древностей он включает в себя также письменные и эпиграфические источники. Кроме того, большие возможности предоставляет и сам объект исследования. По сложности архитектуры, насыщенности и разнообразию погребального инвентаря скифские курганы, пожалуй, не имеют себе равных среди погребальных памятников Восточной Европы. В особенности это касается таких уникальных археологических объектов, как так называемые царские курганы скифов.

Наиболее внушительные по своим размерам и богатству погребального инвентаря курганы скифских «царей» сосредоточены в двух районах восточноевропейской степи: на территории Ставропольщины и Прикубанья (курганы у хут. Красное Знамя, Келермесские, Костромской, ранние Ульские)

и в Нижнем Поднепровье (курганы Александропольский, Солоха, Огуз, Краснокутский, Чертомлык и др.). Памятники внутри групп достаточно близки друг другу в хронологическом плане. Северокавказские и прикубанские «царские» курганы датируются в основном серединой VII — серединой VI в. до н. э., а «царские» курганы Нижнего Поднепровья практически целиком относятся к IV в. до н. э.

Симптоматично, что в промежутках между двумя названными выше хронологическими периодами скифские погребальные памятники соответствующего ранга, по-видимому, не сооружались. Несмотря на систематические и массовые исследования последних лет на территории северокавказских и северопричерноморских степей, ни одного скифского кургана конца VI—V в. до н. э., равного по размерам и богатству «царским» захоронениям предшествующего периода или IV в. до н. э., пока не обнаружено. Остается предположить, что в конце VI—V в. до н. э. погребальные памятники высшей скифской аристократии были сравнительно незначительны по своим параметрам. По всей вероятности, достаточно объективное представление об их облике могут дать такие скифские курганы V в. до н. э., как исследованные у г. Орджоникидзе Днепропетровской области I Завадская Могила, Чабанцева Могила, IV Испанова Могила, размеры которых на несколько порядков ниже «царских» курганов IV в. до н. э., открытых в этом же районе Нижнего Поднепровья.

Таким образом, выясняется, что наиболее грандиозные погребальные памятники скифов возникали не на протяжении всего скифского периода, а лишь в отдельные, сравнительно небольшие отрезки времени, по-видимому, совпадающие с «пиками» наивысшего расцвета Скифии. Поэтому, для того, чтобы подойти к пониманию феномена Чертомлыка, нам придется обратиться к некоторым общим вопросам истории становления и развития Скифии.

Обратившись к ее раннему периоду, мы убедимся, что территория Северного Причерноморья отнюдь не была тем местом, где происходило непрерывное и поступательное развитие скифского объединения. Его первые этапы, безусловно, связаны с плоскостными районами Северного Кавказа и Прикубанья. И это вполне понятно, ведь основные события ее истории так или иначе связаны с походами ираноязычных кочевников в Закавказье и страны Передней Азии, охватывавшими VII — начало VI в. до н. э.

Нависавшие с севера над столь привлекательными для скифских отрядов районами высокой земледельческой цивилизации, древние центры которой являлись средоточием огромных сокровищ и сулили богатую добычу, северокавказские и прикубанская степи, соединявшиеся с Закавказьем целым рядом удобных и хорошо освоенных с глубокой древности путей (вдоль западного побережья Каспийского моря, через центрально-кавказские перевалы и вдоль восточного побережья Черного моря), приобрели в условиях переднеазиатских походов скифов первостепенное стратегическое значение.

Именно в силу названных причин в VII — первой половине VI в. до н. э. на этой территории обитало основное ядро скифских племен, что подтверждается значительной концентрацией древнейших скифских курганов на территории степной части Северного Кавказа и Прикубанья [Мурзин, 1978; 1984, с. 100]. Не исключено, что здесь размещалось упоминавшееся в асси-

рийских источниках VII в. до н. э. «царство Ашкуза», попытки локализовать которое в тех или иных районах Закавказья и Передней Азии не принесли пока ощутимых результатов. Во всяком случае, один из авторов настоящей работы придерживается именно такой точки зрения [Мурзин, Черненко, 1985, с. 229—230].

Если это так, то северокавказское «царство Ашкуза» было первым политическим объединением скифов. В период его существования, вероятно, складывается триадная военно-политическая организация, зафиксированная у скифов в более позднее время и закрепившая достаточно сложную этносоциальную структуру скифского общества, возникшую в результате покорения в VII в. до н. э. местного кочевого населения восточноевропейских степей — «исторических киммерийцев», продвинувшимися в эти области из восточных районов Евразии, близкими им по языку и культуре кочевниками — «протоскифами» [Мурзин, 1987]. В рамках этого политического образования начинается достаточно длительный процесс формирования собственно скифского этноса как новообразования, интегрировавшего различные по происхождению группыnomadov, а также сложение всего комплекса раннескифской культуры, в которой, учитывая время и место действия, вполне закономерны элементы, привнесенные из глубин евразийских степей, слились с элементами местной киммерийской культуры и переднеазиатскими культурными влияниями [Мурзин, 1984, с. 90—91; Клочки, Мурзин, 1987].

Однако просуществовал центр скифских племен на территории Северного Кавказа и Прикубанья относительно недолго. Согласно Геродоту, ко времени столкновения скифов с армией Дария I в конце VI в. до н. э. скифские племена ужеочно занимали северо-причерноморские степи [Геродот, IV, 21, 116, 122]. Перемещение основной части скифских племен из степных районов Северного Кавказа и Прикубанья на терри-

торию Северного Причерноморья подтверждается и археологически: число курганов, сооружаемых скифами между Дунаем и Доном, значительно возрастает именно с конца VI в. до н. э. При этом основная масса указанных погребальных памятников концентрируется на территории Нижнего Поднепровья, где постепенно формируется центр Северопричерноморской Скифии, столь четко прослеживаемый для более позднего времени по материалам «царских» нижнеднепровских курганов IV в. до н. э.

В связи с изложенным выше весьма существенное значение имеет вопрос о том, что представляли собой северокавказское «царство Ашкуза» и Северопричерноморская Скифия: два различных государственных образования или последовательные стадии непрерывного развития скифского политического объединения?

По-видимому, ближе к истине первый вариант ответа на интересующий нас вопрос. И дело не только и не столько в различных территориальных границах «царства Ашкуза» и Северопричерноморской Скифии. Основную роль при решении этого вопроса играет, по нашему мнению, то обстоятельство, что каждое из этих государственных образований ираноязычных кочевников использовало различные объекты внешнеэксплуататорской деятельности.

Как известно, последняя играла довольно значительную роль в кочевых обществах в силу ограниченных экономических возможностей экстенсивного скотоводства, а также благодаря военному превосходству кочевников над оседлыми народами [Першиц, 1976, с. 290]. Поэтому одной из основных целей раннеклассовых государственных образований кочевников было всемерное расширение сферы своего политического влияния и возложение даннических отношений на покоренные народы [Лашук, 1967, с. 34]. Более того, не исключено, что наличие внешних источников получения прибавочного продукта — одна из предпосылок становления

сравнительно прочных кочевых образований [Хазанов, 1975, с. 225].

Не являлись исключением в этом плане и племена кочевых скифов, на всем протяжении своей истории отнюдь не пренебрегавшие такими источниками доходов, как грабежи и взимание дани с покоренных народов, а также другими подобными формами получения продуктов ремесла и земледелия [Тереножкин, 1975, с. 10–11].

В период существования «царства Ашкуза» основным объектом такой эксплуатации являлось население Закавказья и Передней Азии. «В течение двадцати восьми лет скифы властвовали над Азией, и за это время они, преисполненные наглости и презрения, все опустошили, — сообщает Геродот. — Ибо кроме того, что они с каждого взимали дань, которую налагали на всех, они еще, обезжая страну, грабили у всех то, чем каждый владел» [I, 106]. Добытые таким образом огромные ценности стекались в скифские кочевья, чтобы затем в значительной мере осесть в грандиозных погребальных памятниках высшей скифской аристократии, подобных келмерсским или ставропольским курганам.

Однако в первой половине VI в. до н. э.— после завершения переднеазиатской эпопеи скифов — северокавказские и прикубанские степи потеряли свое стратегическое значение, ибо оказались отрезанными от крупных земледельческих центров того времени. Это обстоятельство и обусловило постепенное перемещение основного ядра скифских племен в северопричерноморские степи.

К северу от них — на территории Днепровского лесостепного Правобережья — размещался один из наиболее мощных очагов земледелия того времени в Восточной Европе. К середине VI в. до н. э. земледельческое население этого района установило достаточно тесные торговые контакты с античными поселениями на северном побережье Черного моря, прежде всего с Ольвией, а при посредничестве последних — с остальным античным миром. Перемеще-

ние кочевых скифов в степи Северного Причерноморья позволило последним установить контроль над торговыми коммуникациями, соединявшими греческих поселенцев и земледельцев Лесостепи, и использовать это обстоятельство для получения значительной доли продукции последних. В результате на территории Северного Причерноморья вынужденно возникает определенное экономическое объединение, позволяющее в какой-то степени сочетать устремления кочевников с интересами оседлого населения Лесостепи и античных колонистов [Мурзин, 1986]. Возникновение этого своеобразного экономического симбиоза во многом облегчило установление политического господства кочевников над лесостепными районами где-то в V в. до н. э., что, вероятно, привело к еще большей эксплуатации земледельческих племен со стороныnomадов. Такова, с нашей точки зрения, та историческая почва, которая подготовила феномен «царских» курганов IV в. до н. э., указывающих на время внешне яркого расцвета Северопричерноморской Скифии.

Изучение этого периода во многом облегчается тем обстоятельством, что указанные курганы, конкретная дата сооружения каждого из которых определяется весьма точно, достаточно полно характеризуют время своего возникновения. Не является исключением в этом плане и курган Чертомлык.

Традиция сооружения курганов, относящихся к разряду «царских» и выделяющихся грандиозными размерами надмогильных сооружений, не является для Причерноморской Скифии изначальной, но, как мы отмечали выше, появляется сравнительно поздно. Первый курган подобного типа возведен над центральной гробницей кургана Солоха в конце V в. до н. э. Эта дата не случайна и полностью соответствует динамике исторического развития Скифии и ее взаимодействия с соседями, прежде всего эллинскими полисами Северного Причерноморья. В третьей четверти V в. до н. э. в Северном При-

черноморье происходят важные события: переворот в Скифии, приведший к власти Октамасада, брата знаменитого царя Скила, что, в свою очередь, привело к смене внешнеполитических приоритетов Скифии, так как Октамасад происходил из фракийской династии Тера. А поскольку почти одновременно на Боспоре (в 438/7 гг. до н. э.) пришла к власти династия Спартакидов, также, скорее всего, фракийская, именно с этого времени, судя по всему, начинается сближение двух государств после периода враждебности. Окончательное их сближение происходит в самом конце V в. до н. э., когда Нимфей — город, на который скифы, вероятно, опирались в середине V в. до н. э., — потерял независимость и оказался присоединенным к Боспору. Стабилизация отношений греков и скифов происходит и на западе, о чем свидетельствует возрождение в конце V в. до н. э. хоры Ольвии. Археологически этим событиям соответствуют скифские погребальные памятники типа «царских» курганов, в которых боспорский импорт становится заметным, а в конечном итоге (к концу IV в. до н. э.) преобладающим.

Вслед за первичной гробницей кургана Солоха в начале IV в. до н. э. совершено захоронение в ее боковой могиле. Примерно к этому же времени (рубеж V—IV, первая половина IV в. до н. э.) относятся такие погребальные памятники скифской аристократии, как Бердянский курган, Казенная Могила, Двугорбая Могила. С середины IV в. до н. э. их число, роскошь погребального инвентаря и монументальность погребальных сооружений возрастают. К третьей четверти IV в. до н. э. относятся курганы Гайманова Могила, Толстая Могила, Цимбалка, Чмырева Могила. В последней трети IV в. до н. э. возведены самые грандиозные, сопоставимые лишь с Солохой и как бы завершающие столетнюю традицию гробницы, курганы: Огуз, Чертомлыкский, Александропольский. Среди них исключительное место принадлежит Чертомлыкскому кургану,

Выявленные в результате исследования особенности и характерные черты погребального обряда и вещевого набора дали возможность определить, во-первых, что погребенный под насыпью кургана вождь занимал высокое положение в скифской социальной иерархии, во-вторых, что умер он в последней четверти или в последней трети IV в. до н. э.

Основной вещевой набор Чертомлыкского кургана датируется примерно 340—320 гг. до н. э., хотя ряд находок (некоторые наконечники стрел, нашивные бляшки, навершия), несомненно, относится к последней трети IV в. до н. э., как и сооружение самой могилы и совершение обрядов, связанных с погребением, судя по датам трех эрмитажных амфорных клейм. Связь этих керамических находок с сооружением Северной боковой могилы (прежде всего это касается херсонесского и синопского клейм) вероятна, но степень этой вероятности мала. Родосское (?) клеймо найдено в центральной части насыпи и, безусловно, относится ко времени сооружения центрального погребального комплекса, два других обнаружены в камнях крепиды, возведение которой также связано с комплексом сооружений центральной могилы. Установленная асинхронность многих компонентов комплекса 1862—1863 гг. позволяет полней реконструировать исторический фон, сопутствующий возведению Чертомлыкского кургана.

Первый вывод обусловлен его особенностями. Если верно предположение о временном единстве всех погребальных сооружений центральной могилы, то из этого следует, что человека, захороненного в камере № 5, сопровождали умерщвленные лица достаточно высокого ранга. В юго-западной камере были погребены два воина, одного из которых по богатству сопутствующего инвентаря некоторые исследователи даже признавали «царем». Но вернее всего считать их представителями ближайшего военного окружения человека, похороненного в камере № 5, его

сподвижниками. То, что остальные камеры этого погребения служили местом погребения знатной скифянки и кладовыми для ее парадных одежд и других атрибутов женского инвентаря, с определенностью указывает на ее более высокое положение относительно двух воинов, погребенных в соседней с ней камере. В то же время очевидно, что конские жертвоприношения данного погребального комплекса не могут считаться сопровождающими именно женщину из северо-западной камеры. Особенности погребения жертвенных коней и интерпретация обряда их захоронения (см. гл. II) также со всей очевидностью свидетельствуют о высочайшем социальном статусе погребенного в камере № 5.

Называя его царем, мы намеренно снимаем кавычки, поскольку все, что мы знаем о социальной истории Скифии IV в. до н. э., указывает на наличие достаточно централизованной власти в этом степном раннегосударственном образовании, власти, которая находилась в руках людей, чье достоинство, по определению античных авторов, носило именно царский характер. Социальная характеристика Скифии IV в. до н. э. оставлена, пожалуй, лишь Лукианом [Скиф или гость, I], который указывает на наличие в Скифии царского рода, аристократии и рядовых скифов, а также Курцием Руфом [История Александра Македонского, VIII, 1, 7], описывающим посольство европейских скифов к Александру и называющим при этом царей и знатнейших скифов.

В источниках упоминаются пять скифских царей второй половины IV в. до н. э. Юстин, Страбон и другие передают историю Атея, политическая и военная власть которого распространялась на Задунавье и Добруджу. Его деятельность, привлекавшая пристальное внимание античных историков, освещена многочисленными современными, как советскими, так и зарубежными, исследователями [Шелов, 1971]. Но по-прежнему существуют разногласия относительно характеристики этого скифского деятеля: неясно, был ли Атей

владыкой единой Скифии или сравнительно небольшого, наиболее западного ее региона [Шелов, 1971; Каллистов, 1969; Анохин, 1973; Алексеев, 1987; Черненко, 1987]. С его именем обычно связывают централизацию государственной власти в Скифии [Граков, 1971; Хазанов, 1976], хотя сам факт существования раннегосударственного образования у скифов в это время подтверждается не столько упоминанием имени этого царя в источниках, сколько общим уровнем развития социальных и экономических отношений, фиксируемых в археологических памятниках. Атей погиб в 339 г. до н. э., и, очевидно, несмотря на заманчивость сопоставления его гробницы с Чертомлыкским курганом, эта дата не соответствует времени сооружения кургана. Демосфен (Псевдо-Демосфен) в речи против Формиона, произнесенной около 328/327 г. до н. э., упоминает войну боспорского правителя Перисада со скифским царем [XXXVI, 8]. Арриан и Курций Руф сообщают, что во время пребывания в Средней Азии зимой 329/328 г. до н. э. Александр Македонский обменялся посольствами с европейскими скифами. Послы второго скифского посольства сообщали, что в Скифии умер царь и ему наследовал его брат. И наконец, Диодор [ХХ, 22] в истории о междоусобной войне на Боспоре в 310/309 гг. до н. э. упоминает скифского царя Агара, к которому бежал Перисад, сын Сатира. Распространено мнение, что Агар был правителем не всей Скифии, а отдельного ее подразделения. При этом ссылаются на контекст рассказа Диодора, следуя которому Перисад бежал из столицы Пантикея на коне в ставку Агара, находившуюся, следовательно, недалеко от города. Но даже если это так, расположение ставки в Крыму не может свидетельствовать об ограниченном характере власти Агара. Скифское войско, входившее в наемную армию Сатира (более 30 тыс. воинов), могло быть также предоставлено именно Агаром. Однако этот контингент рассматривается как несоответствующий по своей

мощи всей Скифии, а его состав (2/3 — пехота, 1/3 — конница) — как отражающий процесс оседания крымских скифов на землю. Тем не менее 30-тысячная армия — это то количество воинов, с которыми полководец Александра Македонского Зопирон вторгся в Скифию, сам Александр разгромил Ахеменидскую империю, а Севт III успешно противостоял диадоху Александра — Лисимаху. Заметим, что локальность действий Атея и очевидное расположение его ставки отнюдь не в центре Скифии не мешают большинству исследователей считать его владыкой единой Скифии.

Таким образом, для времени сооружения Чертомлыкского кургана упоминаются четыре царя, один из которых был в какое-то время настроен враждебно к Боспору, другой находился с ним в союзнических отношениях, а двое пытались заключить союз с македонянами. Правда, не исключено, что некоторые из упомянутых персонажей являются одним и тем же лицом. Так, вполне вероятно, что именно скифский царь, упоминавшийся в речи Демосфена, послал первое далекое посольство к Александру III Македонскому, а наследовавший ему брат и есть Агар. Но возможность прямого и безусловного отождествления чертомлыкского царя с одним из названных скифских царей на современном этапе изучения скифских древностей отсутствует.

При этом возможны разные варианты решения данного вопроса, базирующиеся на нескольких предположениях. Во-первых, если в Чертомлыкском кургане (в центральной могиле) погребен царь, смерть которого наступила в период между двумя посольствами скифов к Александру Македонскому, то дата сооружения Чертомлыка (во всяком случае, комплекса, связанного с центральной гробницей) может быть определена с большой долей точности: 328/327 гг. до н. э. Это наиболее ранняя из возможных датировок, все остальные укладываются в последнюю четверть IV в. до н. э.

Во-вторых, поскольку датировки, уходящие в III в. до н. э., для «царских» курганов следует исключить, остается предположить, что брат умершего, по сведениям Ариана, скифского царя, в том случае, если это он был погребен в Чертомлыке, в свою очередь, умер вскоре после 328/327 гг. до н. э. В-третьих, если в кургане погребен Агар Диодора, то смерть его наступила, скорее всего, в последнем десятилетии IV в. до н. э., поскольку в 310/309 гг. до н. э. он еще был жив. Таким образом, археологическая дата сооружения Чертомлыкского кургана — последняя треть IV в. до н. э., исторические же сопоставления позволяют предложить хронологические уточнения, значение которых, к сожалению, несколько уменьшается из-за множества возможных вариантов: либо 328/327 гг. до н. э., либо последнее десятилетие IV в. до н. э., либо последняя четверть столетия.

Если социальный статус мужчин, погребенных в двух камерах кургана (юго-восточной и № 5), может считаться установленным, то социальную атрибуцию женского захоронения в северо-западной камере определить труднее. Геродот сообщает при описании похорон скифских царей (правда, имевших место в более ранний период скифской истории — в V в. до н. э.), что вместе с ними хоронили и наложниц [IV, 71]. Но богатство и роскошь женского захоронения в северо-западной камере центральной гробницы Чертомлыка, пожалуй, не соответствуют статусу наложницы. В этом случае женщину, возможно, следует считать женой скифского владыки, умершей или почти одновременно с ним, или умерщвленной (насильственно или добровольно) вскоре после его смерти.

Ряд вещей из чертомлыкской коллекции — рукоять ахеменидского меча, накладки на ножны и горит — подтверждает те контакты, которые возникали между Скифией и соседними с ней государствами, а также реальность тех исторических событий, которые рекон-

струируются по данным античных источников.

Гориты и ножны «чертомлыкского» типа, на которых изображены эпизоды троянского цикла, представляют собой наборы вещей, связь которых, очевидно, не случайна. Это стало еще более очевидным после находки на севере Греции у Вергини (на территории древней Македонии) в гробнице «Филиппа II» золотой обкладки горита, идентичной фрагментированному серебряному гориту из кургана Карагодеуаш [Манцевич, 1979; Шильц, 1979]. На горитах представлен еще один эпизод троянского эпоса — взятие Трои. Таким образом, на территории от Македонии до Прикубанья известны шесть пластин-накладок на парадные гориты и три накладки на ножны, связанные между собой сюжетно.

Почти одновременно с опубликованием материалов гробницы II Вергинского кургана были предложены интерпретации горита в ней как трофея, захваченного македонянами после столкновения со скифами в 339 г. до н. э., или подарка, полученного во время переговоров с Атеем [Шильц, 1979; Черненко, 1960, с. 69; Андроникос, 1980 с. 36]. Если признать принадлежность гробницы Филиппу II Македонскому, то всю одновременную или почти одновременную серию изделий «троянского» цикла следовало бы отнести ко времени не позже 336 г. до н. э., т. е. года смерти Филиппа II, и даже к 339 г. до н. э. — году гибели Атея, объяснив в этом случае ее появление в Причерноморье усилением контактов военного, политического и династического характера между Македонией, Фракией и Скифией. Конкретизировать ситуацию, сопутствующую появлению этой серии вещей, невозможно, но общая военно-политическая обстановка в регионе вполне могла вызвать необходимость изготовления рассматриваемых вещей. Точка зрения М. Андроникоса, согласно которой в гробнице погребен прах Филиппа II [Андроникос, 1978; 1980], нашла подтверждение в работе

английских исследователей [Прэг, Мас-грейв, Нив, 1984], где реконструируется внешний облик скелета из гробницы. Тем не менее существует и не может считаться опровергнутым предположение о захоронении в этой гробнице сына Филиппа II и единокровного брата Александра Македонского, Филиппа Арридея, бывшего царем Македонии с 323 по 317/316 гг. до н. э. [Алексеев, 1987а].

Предварительная дата, предложенная для этого памятника М. Андрониковом,— третья четверть IV в. до н. э. Изготовление всех шести горитов и трех обкладок ножен может датироваться периодом между 340—320 гг. до н. э., что не противоречит обеим точкам зрения на принадлежность гробницы II Вергинского кургана.

Вместе с тем историческая ситуация, сложившаяся в Северном Причерноморье, свидетельствует, что наиболее вероятным временем, когда изделия могли попасть в руки их владельцев, является последняя треть (скорее, ее начало) IV в. до н. э. В общих чертах политическая история степной Скифии во второй половине IV в. до н. э. достаточно хорошо известна. К середине IV в. до н. э. Скифия достигла зенита своего военного могущества, что позволило ей вступить в конфликт с наиболее мощным европейским государством того времени — Македонией Филиппа II. Экономические отношения с соседями, и в первую очередь с греческимиPontийскими полисами, были достаточно стабильными и приносили немалую выгоду кочевникам. В степях скопились огромные материальные богатства, что отразилось на пышности погребений кочевой аристократии. Именно с 50—40-х годов IV в. до н. э. в степной зоне Северного Причерноморья богатые погребения скифов перестают быть единичными. Подающее большинство скифских «царских» курганов также датируется второй половиной этого столетия. Предметы из драгоценных металлов, высоко ценимые импортные изделия, греческая керамическая тара встре-

чаются не только в аристократических могилах, но и в захоронениях менее знатных и даже рядовых кочевников. Но если ухудшение экономической ситуации на протяжении второй половины IV в. до н. э. в археологическом и историческом материале не фиксируется, то неблагоприятные политические изменения проявляются отчетливо. Почти одновременно с усилением экспансии на запад Скифия, в свою очередь, начинает испытывать все большее давление на свои рубежи, как западные, так и восточные.

После поражения 339 г. до н. э., нанесенного Филиппом II скифскому царю Атею, натиск причерноморских кочевников в Задунавье и на Балканы был, судя по всему, приостановлен. Во всяком случае, до 313 г. до н. э. источники не упоминают о выступлениях скифов на этой территории. Основные события военной истории теперь перемещаются на юг и на восток. Активность скифов сохранилась, но она все в большей степени становится вынужденной и приобретает оборонительный характер.

344—328/327 гг. до н. э. между анонимным скифским царем и правителем Боспорского государства Перисадом I произошел военный конфликт. Вероятно, это столкновение было не единственным, хотя о других достоверно ничего не известно. Очевидно, агрессивность кочевого мира отнюдь не способствовала абсолютной стабильности отношений между Скифией и Боспором, во всяком случае на границах. К тому же, вероятно, скифы были обеспокоены усилением экономической деятельности Боспора. Но серьезных негативных последствий ни в политическом, ни в экономическом отношении этот конфликт не имел [Шелов-Коведяев, 1985, с. 148]. Очевидно другое: экономические отношения между этими государствами в последней трети IV в. до н. э. укрепились, о чем свидетельствует обилие именно боспорского импорта в курганах скифской знати, относящихся к этому времени. Не исключено, правда, что боспоряне иногда были вынуждены откупа-

ться отnomadov подарками или выплачивать дань, судя по сообщениям Лукиана [Токсарис, 44, 55]. Некоторые престижные и парадные вещи из скифских курганов могли быть именно такого происхождения. Однако отношения не ограничивались исключительно экономической сферой. Боспорские правители в случаях, когда это было необходимо, опирались на скифские военные контингенты в решении своих политических задач. Участие в боспорских делах должно было соответствовать интересам скифской политики, что для конца IV в. подтверждается присутствием скифского корпуса царя Агара в армии Сатира II во время междуусобной борьбы сыновей Перисада в 310/309 гг. до н. э.

С 30-х годов IV в. в Скифию инфильтруются савроматские элементы, что было вызвано общей нестабильностью в скифо-сакской степи, связанной с активизацией военно-политической деятельности многих сил и вероятными передвижениями различных кочевнических групп. С конца IV в. до н. э. начинается сарматизация Северного Причерноморья. Процесс этот был весьма длительным, занявшим не одно десятилетие и даже столетие. Забегая вперед, отметим, что уже на рубеже IV—III вв. до н. э. степные памятники Скифии исчезают, практически не оставив никаких следов былой культуры. С этого времени начинается новый период истории скифов (Крымское скифское царство), весьма непохожий (как по экономическим, так и по военно-политическим характеристикам) на предшествующие. Существует мнение, согласно которому исчезновение культуры Большой Скифии вызвано не политическими и не военными, а неблагоприятными климатическими условиями [Полин, 1984]. Одно не вызывает сомнения: отрицательное воздействие оказал целый комплекс причин, и прежде всего экономического и политического порядка, вызвавший феномен стремительного упадка и исчезновения Скифии.

Возвращаясь к событиям последней трети IV в. до н. э., необходимо отме-

тить, что после поражения 339 г. до н. э. стало очевидным постоянство антимакедонской направленности политики Скифии. Начиная с Филиппа II, македонянне постоянно проявляли активность на западных границах Скифии. В 335/334 гг. до н. э. Александр III Македонский предпринял поход на фракийских соседей скифов, перейдя на левый берег Дуная, но скифов на этой территории уже не было. В 331 г. до н. э. наместник Понта Зопирион дошел до Ольвии, где и был разгромлен. После смерти Александра диадох Лисимах в 313 г. до н. э. имел столкновение со скифами, которые выступили в союзе с фракийцами. Дружеские отношения между последними и скифами обусловили приток фракийских импортных изделий на территорию Скифии, а также влияние фракийского художественного стиля, которое проявилось в изделиях причерноморских мастеров в последней трети IV в. до н. э.

Именно в это время на широкой территории от Македонии до Прикубанья распространяются гориты и ножны «тroyянской» серии. В Греции тема Троянской войны стала особенно популярной после греко-персидских войн как отражение идеи противостояния Эллады и Востока, вновь ставшей актуальной с началом в 334 г. до н. э. македоно-греческой экспансии в Персию. Поэтому если допустить, что обращение к данному сюжету на предметах причерноморской торевтики стимулировано походом Александра, то нижнюю дату горитов можно отнести ко времени не ранее 334 г. до н. э. В последней четверти IV в. до н. э. изображения варваров, и прежде всего персов, получили большую этнографичность и стали значительно отличаться от канона, восходящего к классической эпохе (например, декор «Саркофага Александра», мозаика «Битва при Иссе»). В результате представляется возможным ограничить время изготовления упомянутых парадных воинских наборов периодом в 10–15 лет, охватывающим около 334–325/320 гг. до н. э.

Перед мастером, изготовившим матрицы для оттиска горитов и ножен, стояла задача — выразить доступными ему средствами идею противостояния греческого и варварского миров. Для достижения этой цели наиболее подходили сюжеты Троянской войны, способные вызвать разнородные ассоциации, соответствующие политическим настроениям владельца или выгодные дарителю. Наиболее убедительно выглядит версия о том, что все эти вещи выполнены в одной из мастерских Пантикея.

Действительно, только интересы Боспорского царства распространялись на области, где встречены вещи этой серии: Македонию, Скифию, Прикубанье. И если политика Евмена в конце IV в. до н. э., направленная на установление боспорской гегемонии на Понте, была продолжением политики Перисада I, то можно предположить изготовление изделий с троянскими сюжетами в виде одновременной или почти одновременной серии, предназначенной для дипломатических подарков вождям и правителям, попавшим в сферу интересов Боспора. Подтверждением этой версии может служить находка горита в Карагодеуашхе (около 350—320 гг. до н. э.) на Нижней Кубани, находившейся в то время в области исключительно боспорской политики. А. А. Масленников [1981, с. 46] считает, что Карагодеуашх был гробницей царя племени фатеев, которые стали включаться в титулатуру боспорских царей при Перисаде I (343/342—310/309 гг. до н. э.). Время этой дипломатической акции не может быть установлено достоверно, так же как нельзя детально реконструировать ситуацию, вызвавшую к жизни столь широко задуманную и осуществленную операцию. Общей ее причиной могли быть попытки проникновения Македонии в Причерноморье, одновременное усиление военной активности скифов на востоке в начале последней трети IV в. до н. э. и активная политика пантикеевских правителей в азиатской части Боспора.

Подтверждением такого понимания причин, обусловивших появление указанной группы изделий, служит рукоять парадного ахеменидского меча, обнаруженная в одном наборе с обкладками горита и ножен. Сама по себе находка ахеменидского изделия в степной части Северного Причерноморья почти уникальна, и его присутствие в скифском кургане можно объяснить лишь необычными причинами. Датируется рукоять по совокупности всех хронологически важных признаков V в. до н. э. [Алексеев, 1984а; Черненко 1984]. Акцентируя внимание на тех из них, которые могут считаться показателями более древнего ее изготовления, Е. В. Черненко в осторожной форме высказал предположение о ее связи с походом Дария Гистаспа в Скифию в конце VI в. до н. э. [1984б, с. 48—50]. Учитывая датировки рукояти и комплекса, в котором она была обнаружена, вполне вероятной выглядит и версия Д. А. Мачинского (высказанная им в лекциях по скифо-сарматской археологии в ЛГУ) о преподнесении этой рукояти, а точнее меча, в дар скифскому царю во время посольского контакта между скифами и Александром Македонским в 328 г. до н. э. Арриан и Курций Руф, сообщающие об этом эпизоде, различают скифов европейских и азиатских, азиатский и европейский Танаисы. Наиболее последовательно такое различие звучит у Арриана. Для этих авторов европейские скифы — это кочевники, живущие у Боспора и граничащие с Фракией, в свою очередь, соседствующей с Македонией [Арриан IV, I, 15; Курций VII, VI, 11; VII, VIII, 30; VIII, I, 1]. В Скифии между первым и вторым посольствами, разделенными несколькими месяцами, умирает царь, и ему наследует его брат. Чуть раньше, если следовать хронологии Арриана, Александр узнал о гибели Зопириона. В изложении Арриана и Курция скифы предлагали дружеский союз и даже желали заключить брак между Александром и своей царевной или браки между знатнейшими скифянками... и

македонянами, от чего Александр отказался. Несомненно, отправка посольства, а точнее разведывательной миссии [Арриан, IV, I, 2], к европейским скифам находилась в прямой связи с известием о гибели Зопириона, тем более что некоторые исследователи предполагают существование глобального стратегического замысла о соединении войск Зопириона и Александра в глубине степей [Виноградов, Карапковский, 1982, с. 34, 35]. Во всяком случае, Арриан, описывая эпизод прибытия к Александру второго посольства европейских скифов и хорезмийца Фарасмана, передает предложение последнего об оказании помощи македонянам в завоевании Причерноморья [IV, 15], что Александр, увлеченный идеей индийского похода, счел несвоевременным.

Скифы принесли дары, которые у них «считались самыми драгоценными» [Арриан, IV, 15, 2]. Вероятно, аналогичные подарки послал и Александр, а захваченный в Персии акинак мог служить еще и своеобразным политическим намеком — предупреждением, указывающим на печальную судьбу оказавших сопротивление персов.

Не настаивая на весьма «узком» определении даты, следует заметить, что временной интервал, в течение которого рукоять могла оказаться в Скифии, следует при такой трактовке событий ограничить 334 (начало похода Александра) и 313 г. до н. э. (борьба скифов с Лисимахом). Уже в начале похода Александра на Восток в Грецию и Македонию хлынула захваченная там добыча, в том числе и вооружение. Это означает, что ахеменидский меч действительно мог попасть в припонтийские степи не только с востока, а и с запада, из Македонии. Естественное предположить, что и в этом случае он явился подарком скифскому царю, что прекрасно подтверждается его сочетанием с другими дипломатическими дарами. В Скифии меч был переделан, причем не исключено, что его новый ажурный клинок специально подгонялся под

ранее подаренные ножны из «троянского» набора.

Оценивая позицию, занимаемую Чертомлыкским курганом среди скифских памятников, следует отметить следующее обстоятельство. Вещевой набор его коллекции фиксирует несомненную диахронность, т. е. близость ряда находок или серии находок, с одной стороны, к памятникам третьей четверти IV в. до н. э., а с другой — к комплексам конца этого столетия. Относительно более древние связи наблюдаются у вещей, имевших престижный, парадный облик или культовое назначение: украшения калафов (Толстая Могила), некоторые типы бляшек (Толстая Могила, Цимбалка, Чмырева Могила), гориты и ножны (Ильинецкий курган), перстни, кольца, булавка (Толстая Могила, Гайманова Могила). Одновременно ряд украшений, прежде всего напшевых бляшек-аппликаций, находит ближайшие соответствия в финальных памятниках IV в. до н. э. (Александровский курган, Огуз). С последними теснее связаны и некоторые разновидности наконечников стрел (Девяковский курган, Краснокутский, Александровский, Огуз), навершия с изображениями птиц (курган Краснокутский, Александровский). Конструкция погребальных сооружений (камеры в углах входной ямы, отдельные конские квадратные и прямоугольные могилы) восходит еще к началу второй половины IV в. до н. э. (Толстая Могила, Цимбалка), но также находит аналогии, причем более прямые и близкие, в последней трети столетия (курган Козел). Столь же неоднозначно решается вопрос о хронологии предметов конской сбруи, хотя здесь древняя традиция проявляется отчетливее. Так, типологические аналогии некоторым узденчным уборам из насыпи (кат. 17, 20) можно отыскать еще в первой половине — середине IV в. до н. э., в том числе среди вещей из Солохи [Манцевич, 1987, кат. 90, 91, 109, 17—119]; украшения из конских могил в целом аналогичны изделиям второй половины

ТАБЛИЦА 2. ИЕРАРХИЯ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОЙ ЗНАТИ IV в. до н. э.

Памятник	Количество		Преобладающий материал украшений сбруи			Количество		Высота насыпи, м
	конских морал	скелетов	золото	серебро	бронза	камер	«слуг»	
Чертомлык (центральная гробница)	3	11	+	+		5	9	Около 21
Козел	3	11		+	+	5	Не менее 3	14
Огуз (центральное погребение)	1	4	+			4	Не менее 4	Около 20—21
Цимбалка	1	6	+	+		3	Не менее 1	Около 15
Солоха (впускное погребение)	1	5	+	+		3	3	Досыпка с 15 до 18
Толстая Могила	2	6	+	+		3	Не менее 3	8
Солоха (центральное погребение)	1	2	+			2	?	Около 15
Александровполь (первичное погребение)	1	1	+			1	?	Менее 21
Краснокутский	1	4		+		1	?	8,5
Лемешев	1	3		+		1	?	8,5
Мелитополь (впускное погребение)	1	2		+		1	1	Досыпка
Мордвицкий II	1	1		+		4	9	Около 7
Башмачка	1	1		+		2		7,2
Мордвицкий I (центральный)						4	9	Менее 7

IV в. до н. э. Но удивительная стандартность наборов, характерная для них, и отсутствие иных типов украшений отличают чертомлыкские уздечные уборы от уборов в таких памятниках последней трети IV в. до н. э., как курганы Огуз, Краснокутский, Козел, Александровпольский, где найдены украшения, выполненные как во Фракии или под влиянием фракийского художественного стиля, так и в греко-иранском стиле. Одновременно следует отметить отсутствие в уздечках из Чертомлыка широких пластинчатых налобников и «крыловидных» нащечников (наушников) — характерных украшений конского оголовья в памятниках первой половины — третьей четверти IV в. до н. э. Единственная пара подобных изделий из насыпи (кат. 29) лишь

отдаленно напоминает более ранние образцы. Все это указывает, пожалуй, на некоторое промежуточное в плане хронологии положение чертомлыкских уборов. Оценивая Чертомлыкский курган в целом, следует признать, что его комплекс — один из наиболее «скифских» среди памятников последней трети IV в. до н. э., лишенный не斯基фских элементов (помимо традиционных греческих), встречающихся, например, в курганах Огуз и Александровпольском. Чем объяснить эту «чистоту» памятника, сейчас не вполне ясно. Возможно, это следствие того, что захоронение совершено достаточно рано, разумеется, в пределах намеченных хронологических рамок — на рубеже третьей — четвертой четвертей IV в. до н. э., когда Скифия еще не испытала

в полной мере чужеродных влияний, связанных с военно-политической ситуацией, сложившейся к финалу ее истории, либо результат традиционно регламентированных социальных норм и требований, предъявляемых к захоронению царя.

Следует заметить, что, к сожалению, из-за почти полного ограбления Северной могилы невозможно установить ее точное соотношение с центральным комплексом Чертомлынского кургана. Приходится констатировать лишь следующее: социальный ранг погребенного в ней был, очевидно, ниже, а произведено захоронение не намного позже захоронений в центральной могиле. И тем не менее ясно одно: Чертомлынский курган в целом является, пожалуй, наиболее поздним скифским памятником, полностью соответствующим погребальным традициям времени наивысшего расцвета Скифии.

Что касается внешних взаимосвязей чертомлынского царского погребального ритуала, то диагностическими критериями для определения позиций погребальных комплексов (отражающих социальный статус погребенных и соответствующих степени общественных затрат при их сооружении) в иерархии высшего слоя скифского общества следует, вероятно, считать: 1) количество камер в подземных сооружениях (с этим критерием связан и объем вынутого грунта); 2) количество отдельных конских скелетов и общее число конских погребений; 3) преобладающий материал, из которого изготовлены украшения конской сбруи (золото — серебро — бронза); 4) число человеческих сопровождающих захоронений; 5) менее строгий критерий — высота курганной насыпи.

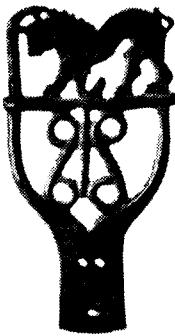
Исходя из признаков-индикаторов, может быть предложена следующая иерархия некоторых памятников скифской знати, сопоставимых по ряду признаков с Чертомлыком (табл. 2). В задачу не входит классификация всех погребений скифской знати, на основа-

нии которой можно было бы судить о социальном статусе погребенных. Важно установить место Чертомлынского кургана, которое, как показывают результаты сравнения, не имеет полных соответствий среди одновременных ему памятников. В таблицу включены 14 погребений. Их последовательное распределение несколько отличается от предложенного Б. Н. Мозолевским [1979, табл. 4], который сравнивал курганы в целом как единый комплекс, не учитывая характеристики отдельных могил. В одну группу с Чертомлыком он включил курганы Солоха, Александровский, Огуз и др. Из таблицы следует, что погребения Огуза и Александровского можно отнести к отдельной группе, включив в нее и некоторые погребения группы III, выделенной Б. Н. Мозолевским.

По многим параметрам чрезвычайно близок к Чертомлыку погребальный комплекс кургана Козел, однако отсутствие золотых деталей в украшениях конских скелетов не позволяет уравнять социальный статус погребенных в этих курганах. Вместе с тем исключить принадлежность погребенных, например, к одной семье также нельзя. Вновь четко прослеживается различие позиций Чертомлыка, с одной стороны, и таких памятников, как Толстая Могила и Цымбалка — с другой. В данном случае четко фиксируется удвоение количества погребальных камер и конских жертв — именно на этом уровне улавливается дифференциация погребения знати. Следует также отметить, что сопоставление основной группы курганов второй половины IV в. до н. э. с Солохой не вполне строгое ввиду значительного хронологического разрыва между этими памятниками.

Подводя итог изложенному, можно с уверенностью сказать об исторической уникальности Чертомлынского кургана и несомненной значимости его архитектурного и вещевого комплексов для решения ключевых проблем истории Скифии.

КАТАЛОГ

Р

ПОЯСНЕНИЕ К КАТАЛОГУ

Каталог включает описания и сведения о вещах, составляющих коллекцию находок из Чертомлыкского кургана. Некоторые изделия публикуются впервые.

Находки 1862—1863 гг. сгруппированы по комплексам (насыпь, конские могилы, инвентарь погребенных, камеры-кладовые), и их порядок почти во всех случаях соответствует порядку описания в отчете И. Е. Забелина (ДГС, II). В одном номере (кат. 212) сведены нашивные бляшки-аппликации, найденные в северо- и юго-восточной камерах, камере № 5, что является одним из немногих исключений. Это целесообразно, поскольку, во-первых, многие из бляшек не входят непосредственно в декор одежды погребенных в кургане лиц, а найдены в хозяйственных камерах, во-вторых, часть из них, найденная в разных камерах,— оттиски одних и тех же штампов.

Отдельно от находок 1862—1863 гг. каталогизированы находки 1981—1985 гг.

В каталоге приводятся следующие сведения: название находки, количество предметов, материал, проба (для золота), основные размеры, в некоторых случаях масса, инвентарный номер Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа для вещей из коллекции 1862—1863 гг. В очевидных случаях указывается техника изготовления. Дополнительная информация включена в краткое описание вещей. Сведения об основных аналогах и датировках (за исключением керамики — кат. 1—3, 149, 150 и 192) помещены в исследовательской части книги. В случае, если предмет состоит из нескольких частей или описывается отдельный набор, или категория изделий, внутри каталожного номера введена дополнительная нумерация.

Все размеры, если не оговорено специально, приводятся в сантиметрах, масса — в граммах. Проба золота и серебра дается по принятой в СССР системе.

НАХОДКИ 1862 — 1863 гг.

НАСЫПЬ

Керамика

1. Ручка амфоры фрагментированная с клеймом (Херсонес). Глина, длина 6,7, ширина 4,3. Инвентарный номер в Эрмитаже (далее в каталоге — №) Ди 1863 1/494.

Найдена в камнях крепиды с юго-восточной стороны.

Прямоугольное клеймо с двухстрочкой надписью: ΕΑ[ΝΘΟΥ] ΑΣΤΥ[ΝΟΜΟΥ]. Конец IV — рубеж IV — III в. до н. э.

2. Ручка амфоры фрагментированная с клеймом (Синопа). Глина, длина 3,2, ширина 4,3. № Ди 1862 2/99.

Найдена в камнях крепиды с восточной стороны.

Прямоугольное клеймо с трехстрочной надписью: ΒΟΡΥΟΣ | Α]ΣΤΥΝΟΜΟΥ | ΘΙ ΛΟΚΡΑΤΟΥΣ, справа эмблема — бородатая голова вправо. Последняя треть IV — начало III в. до н. э.

3. Ручка амфоры фрагментированная с клеймом (Родос?). Глина, длина 22,9, наибольшая ширина 7,1, толщина 3,3. № Ди 1862 2/98. Найдена на глубине 10—12 м в центральной части насыпи.

Прямоугольное клеймо с надписью: ΤΙΜΑΡ.; глина розоватая, тонкая, с блестками слюды и включениями белого цвета. Последняя треть IV — начало III в. до н. э.

Сохранился раскочечный номер 132 (поставленный И. Е. Забелиным и соответствующий его полевой описи находок).

Конское снаряжение

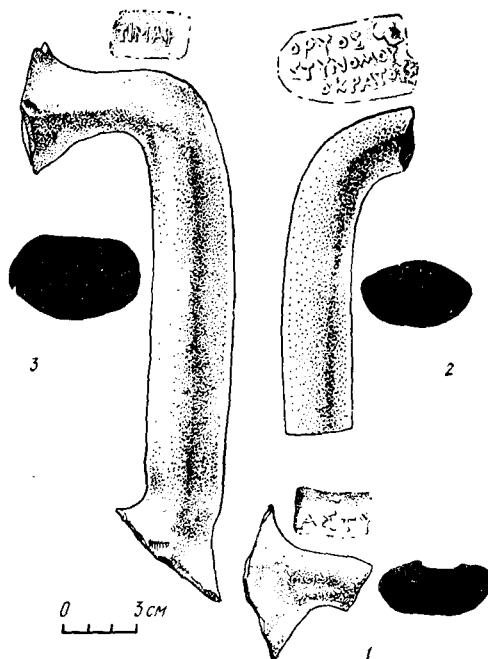
Глубина 1—1,7 м от вершины кургана

4. Узделочный набор. Железо, бронза. № Ди 1862 2/6—11, 86.

1. Удила. Железо, ковка, длина 24,4. Двухчастные грызла с загнутыми в петли окончаниями.

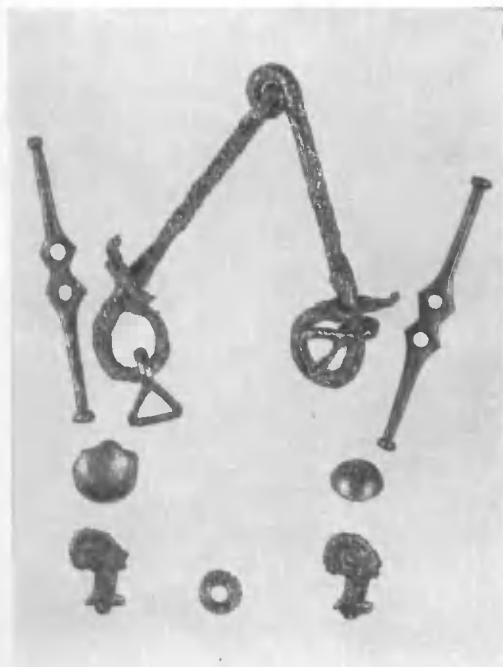
ями. В петли продеты железные прядки в виде кольца с выступающей треугольной рамкой, размещенной в разных плоскостях. На стержни удил у внешних петель надеты две железные четырехзубые пластины для жесткого управления лошадью. Принадлежность удил именно к этому узделочному набору не исключено, что в наборе с ними использовались длинные железные писали (см. кат. 9), как это реконструировано в экспозиции Государственного Эрмитажа.

2. Псалтии (2 экз.). Бронза, литье, длина 12,3—12,4. Стержневидные, двудырчатые, слегка изогнутые (типа кат. 8)

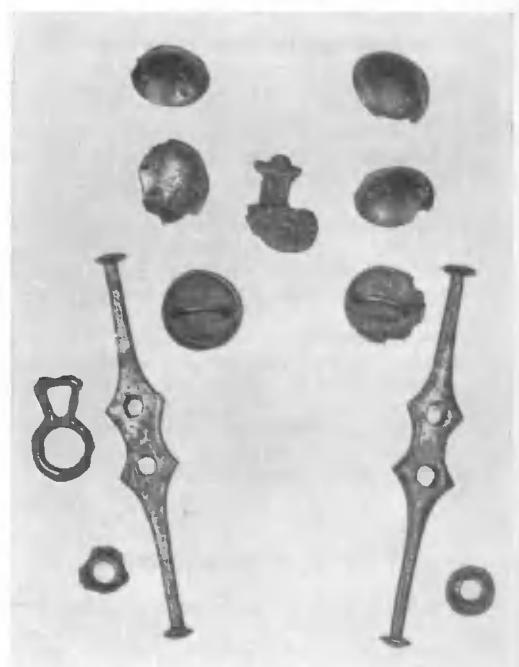
Кат. 1—3

3. *Бляхи* (2 экз.). Бронза, литье, диаметр 2,4. Круглые, выпуклые, с литой петлей на обороте (типа кат. 22,1). По И. Е. Забелину, бляхи найдено три. Раскопочные номера 15 и 16.
4. *Нашечники* (2 экз.). Бронза, литье, длина 4, ширина 2,4. В виде стилизованных задних лап животного (типа кат. 20).
5. *Ворварка*. Бронза, литье, наибольший диаметр 2,0, высота 0,7.
5. *Уздечный набор*. Бронза. № Да 1862 2/1—5.
1. *Псалли* (2 экз.). Бронза, литье, длина 13,5—13,6. Стержневидные, двудырчатые (типа кат. 8).
2. *Бляхи* (6 экз.). Бронза, литье, диаметр 3—3,2. Круглые, выпуклые с литой петлей на обороте (типа кат. 22,1).
3. *Нашечник*. Бронза, литье, длина 4, ширина 2,4. В виде стилизованных задних лап животного (типа кат. 20).
4. *Пряжка*. Бронза, литье, длина 3,8, ширина 2,3. В виде кольца с треугольной рамкой (типа кат. 10).
5. *Ворварки* (2 экз.). Бронза, литье, наибольший диаметр 1,9, высота 0,7. В виде усеченного конуса (типа кат. 11).
1. *Уздечные наборы*. Бронза, железо. № Да 6862 2/13—16.

Кат. 4

1. *Удила*. Железо, ковка, длина 12,5. Двухчастные грызла с загнутыми в петли окончаниями (типа кат. 4, 1).
2. *Псалли* (4 экз.). Бронза, литье, длина 12,2—12,5. Стержневидные, двудырчатые (типа кат. 8). К одному псаллию прилипло железное кольцо.
3. *Кольцо*. Железо, ковка (типа кат. 21).
4. *Нашечники* (2 экз.). Бронза, литье, длина 3,9, ширина 2,3. В виде стилизованных задних лап животного (типа кат. 20).
5. *Бляха*. Бронза, литье, диаметр 3. Круглая, выпуклая, с литой петлей на обороте (типа кат. 22,1).
7. *Удила* (3 экз. и обломки). Железо, ковка, длина 5,8—22. № Да 1862 2/12, 87, 88, Да 1852—1863 1/45.
- По И. Е. Забелину, найдено около 250 подобных удила.
8. *Псалли* (48 целых экз., 12 фрагментированных экз., 13 обломков). Бронза, литье, длина 12,2—15. № Да 1862 2/63, 88, 93. Прямые, стержневидные, с восьмикоординным расширением посередине. Форма шляпок: а) гвоздевидная; б) коническая.
- Один псаллий орнаментирован рельефными поперечными поясками под шляпкой и посередине стержней. По И. Е. Забелину, найдено 62 псаллия.

Кат. 5

9 Насадки (3 целых экз., 4 фрагментированных экз., обломки). Железо, ковка, длина 11,2—11,9. № Ди 1862 2/87, 90, Ди 1863 1/463.

Прямые, стержневидные, с восьмеркообразным расширением посередине. На концах стержней уплощенные шляпки.

10. Пряжки (43 экз.). Бронза, литье, длина 3,4—3,8, ширина 2,3—2,4. № Ди 1862 2/47. В виде кольца с треугольным выступом — рамкой, расположенных в одной плоскости. По И. Е. Забелину, найдено 45 пряжек.

11. Ворварки (12 экз.) Бронза, литье. № Ди 1862 2/61, 62.

Двух видов: а) диаметр основания 1,8—1,9, высота 0,5—0,7. С выпуклыми стенками, пухлым корпусом (7 экз.), б) диаметр 2,3—2,4, высота 0,5—0,7. В виде усеченного конуса со слабо обозначенными гранями на корпусе (5 экз.).

12 Колокольчики (41 экз.) Бронза, железо, литье, ковка, диаметр основания 2,3—2,7, высота 2,3—3,6. № Ди 1862 2/58, 59.

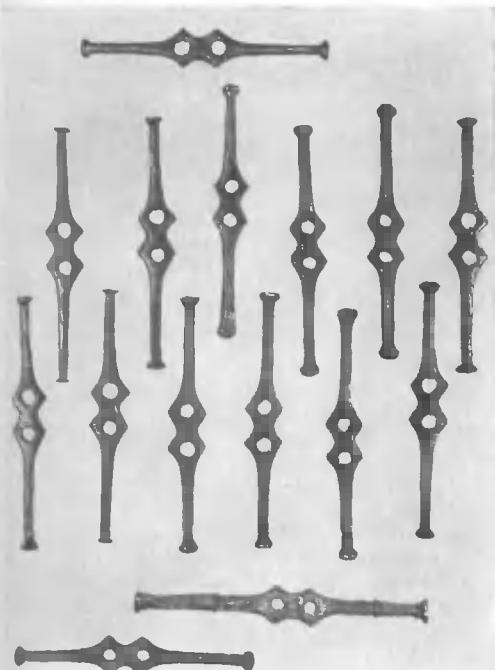
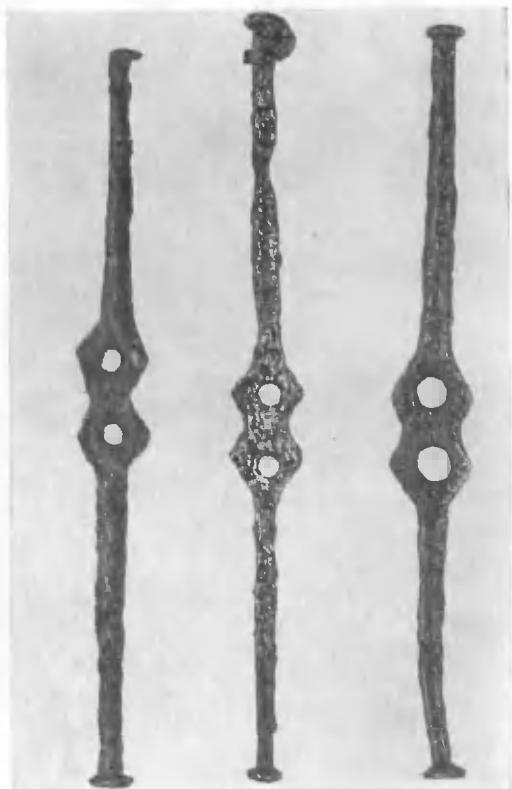
Двух видов: а) в виде конуса со слегка пухлым корпусом (39 экз.). Конусы бронзовые, язычки и перекладины железные. Перекладины крепятся в двух отверстиях на стенках,

Верхняя часть язычков охватывает перекладины кольцом. Нижняя часть язычков слегка утолщена. Отверстия для подвешивания двух типов: в виде кольца и в виде отверстия, пробитого в верхней части конуса. В некоторых отверстиях сохранились остатки железных цепочек; б) конусовидные с петлей для подвешивания (2 экз.). На стенках по четыре треугольных флагштоквидных выреза, направленные вершиной вверх.

13. Бляхи (3 экз.). Бронза, ковка, высота 13—15, ширина 12,8—13,5. № 1862 2/65. В виде тонкого листового диска со срезанным сегментом

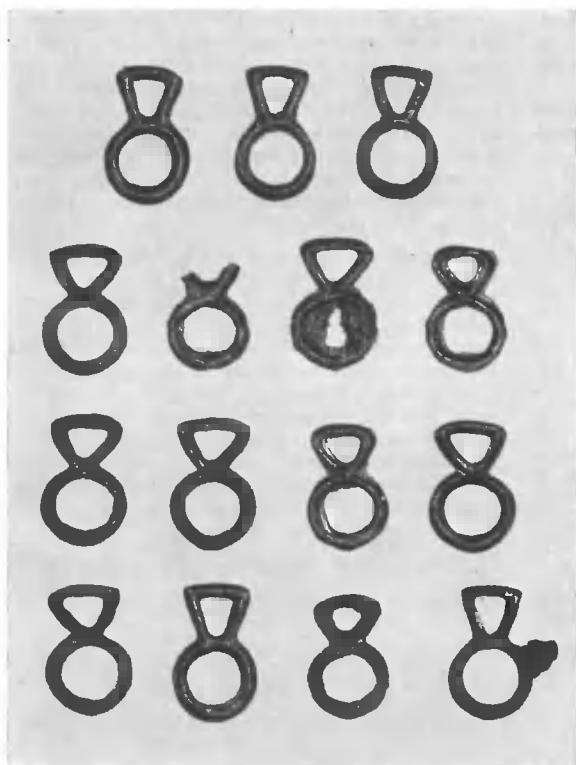
Возле среза у краев пробито по два отверстия. В одном случае в отверстии сохранился фрагмент железной цепочки (кат. 15). К одной из блях прилип бронзовый нащечник (типа кат. 20), к другой — бронзовая круглая бляха с тремя отверстиями (типа кат. 25). У последней бляхи сохранился раскопочный номер 115.

14. Лунницы (1 экз.). Бронза, ковка, расстояние между концами 7,4—8. № Ди 1862 2/67.

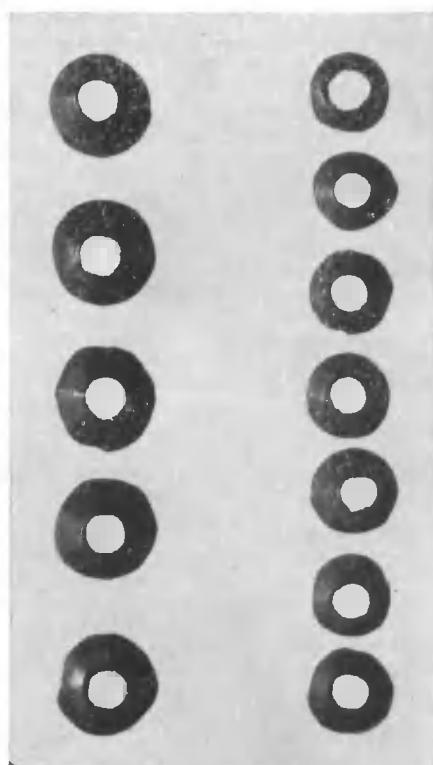

Кат. 8

Кат. 9

Кат. 10

Кат. 11

Кат. 12

Кат. 13

В виде плоского полумесяца рогами вниз, у которого в верхней части на сципке — петля для подвешивания. В петлях некоторых лунниц сохранились фрагменты железных цепочек (кат. 15).

15. Обломки цепочек. Железо, длина 9—11,9. № Ди 1862 2/85, 89, 94.

Каждое проволочное звено в виде восьмерки. Предназначались для подвешивания (кат. 13, 14).

16. Полоски (13 фрагментированных экз.). Бронза, длина наибольших 13,4, ширина 1,6. № Ди 1862 2/66

В виде узких лент, в которых сохранилось по одному-два отверстия для пришивания или вшивания.

17. Напосники (40 экз.). Бронза, литье, длина 4—4,5, высота 2,5—2,8. № Ди 1862 2/44, 45.

В виде голов ушастого фантастического существа, уплощенные, на узком основании, со сквозным отверстием в основании шеи. Двух видов: а) в виде львишоголового грифона, где пластина-основание моделирована как вытянутые лапы животного (39 экз.); б) в виде орлиноголового грифона (1 экз.).

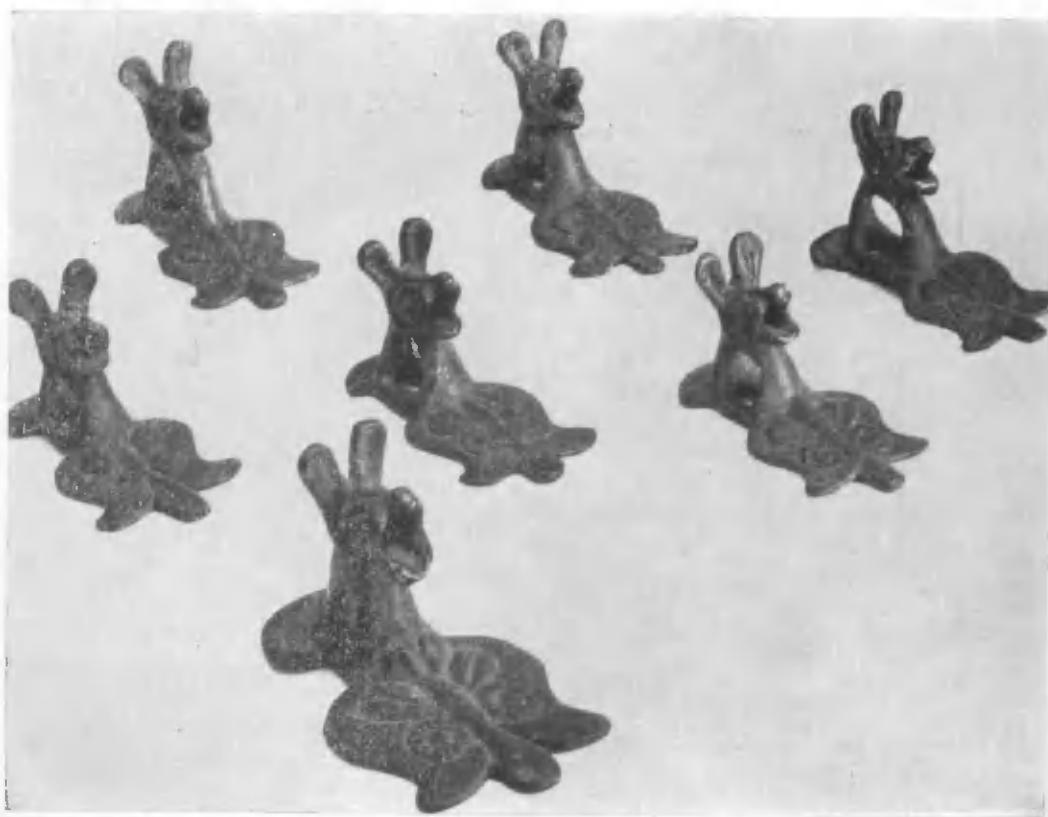
Кат. 14

Кат. 16

Кат. 17

Кат. 18

18. Паносники (7 экз.). Бронза, литье, длина 4,4—4,7, 5,4, ширина 2,3—2,5, 3,1. № Ди 1862 2/37, 38.

В виде скульптурной головки ушастого существа с раскрытым пастью на фигурной пластине-основании, орнаментированной гравированными штрихами. В нижней части скульптуры в основании шеи — сквозное отверстие. Размеры: а) маленькие паносники (6 экз.) 4,4—4,7 × 2,3—2,5; б) большой паносник 5,4 × 3,1.

Иконография существ, контур основания и характер орнаментации практически идентичны, хотя пропорции частей и деталей не всегда совпадают.

19. Нашечники (14 экз. целых и фрагментированных). Бронза, длина 5,6—8,6, ширина 3,9—6,3. № Ди 1862 2/39—42, 100, Ди 1862—1863 1/16—18. Двух видов: а) в виде вырезных пластин с одной или двумя петлями на заклепках, верхняя часть которых моделирована как голова и оперение птицы, средняя и нижняя — покрыты гравированным растительным и геометрическим орнаментом (12 экз.). Выделяются несколько парных разновидностей, отличающихся по размерам, характеру орнаментации и конструкции (количество петель); б) из тонкой листовой бронзы, контур которой воспроизводит нашечники типа «а» (2 экз.). На обратной стороне по одной пластинчатой прикрепленной петле, орнаментированной плетенкой. Отличаются грубыстю исполнения.

20. Нашечники (46 экз.). Бронза, литье № Ди 1862 2/9, 43, 46.

Двух видов: а) в виде стилизованных задних лап животного с литой петлей на обороте. Аналогичные обнаружены приставшими к железным удилам (кат. 7) и к бляхе со срезанным сегментом (кат. 13). Длина 3,8—4,1;

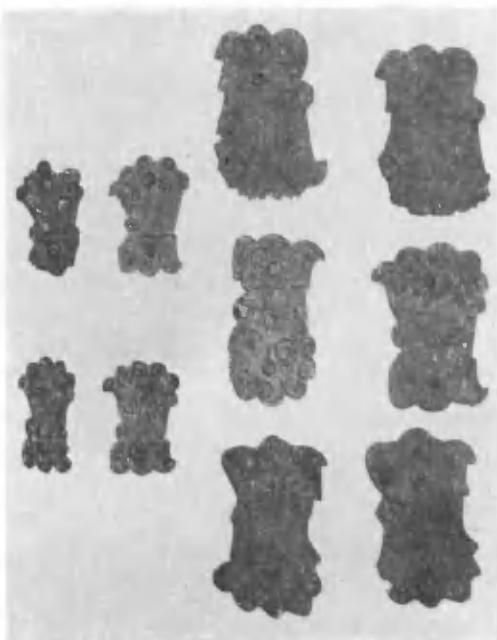
б) ажурные в виде стилизованных задних лап животного с литой петлей на обороте. Длина 5,3—6,1, ширина 2,5—2,9.

21. Кольца (103 экз.). Железо, ковка, диаметр 1,8—3,3, толщина около 0,2—0,4 № Ди 1862 2/91.

22. Бляхи круглые (276 экз.). Бронза, диаметр 2,4—6,9. № Ди 1862 2/48—57, 97, Ди 1862—1863 1/19—21.

По диаметру и технике прикрепления петли на обороте несколько видов:

а) слегка выпуклые, литье полностью, диаметр 2,4—2,5, высота 1,7 (44 экз., у одной раскопочный номер 131); диаметр 1,7—3,0, высота 1,5 (143 экз.), к трем прилипи части железных удил, к одной — железное кольцо), диаметр 3,6—3,7, высота 1,2 (2 экз.), диаметр 5,1—5,3, высота 1,8 (27 экз.), диаметр 5,7, высота 6,2 (2 экз.); б) слегка выпуклые, литья петля прикреплена на заклепке и пришита;

Кат. 19а

диаметр 3,7—3,8, высота 2,0 (29 экз.), диаметр 4,8—5,2 (10 экз.), диаметр 6,2—6,8 (14 экз.);

в) слегка выпуклые, из тонкого листа бронзы с пластинчатой петлей на двух заклепках с каждого конца. диаметр 5,3, 5,6, 6,9 (3 экз.).

23. Пряжка подпружная (1 экз.). Железо, ковка, длина 5,3, ширина 5,5, толщина 0,6 № Ди 1862—1863 1/31.

В виде прямоугольной рамки из прямоугольного в сечении стержня, с выступающим на узкой стороне коротким изогнутым язычком. Аналогичные две пряжки прилипли к железным удилам (кат. 7).

24. Бляхи круглые (176 экз.). Бронза, диаметр 8,1—9,5. № Ди 1862 2/6, 68—71, 87. Двух видов: а) слегка выпуклые, из тонкого листа бронзы. В центре грубо пробито по одному отверстию, а у одной бляхи по краю — два маленьких дополнительных (26 экз.). Еще у одной бляхи, отличающейся от остальных более тщательным исполнением и большей толщиной листа, центральное отверстие пробито на небольшом выступе, по краям было пробито четыре маленьких отверстия: из которых сохранилось три;

б) слегка выпуклые, из тонкого листа бронзы. По краям пробито от трех до восьми маленьких отверстий (150 экз.). Некоторые вырезаны чрезвычайно небрежно. Одна анало-

гичная бляха прилипла к удилам (кат. 7), другая — к бляхе со срезанным сегментом (кат. 13).

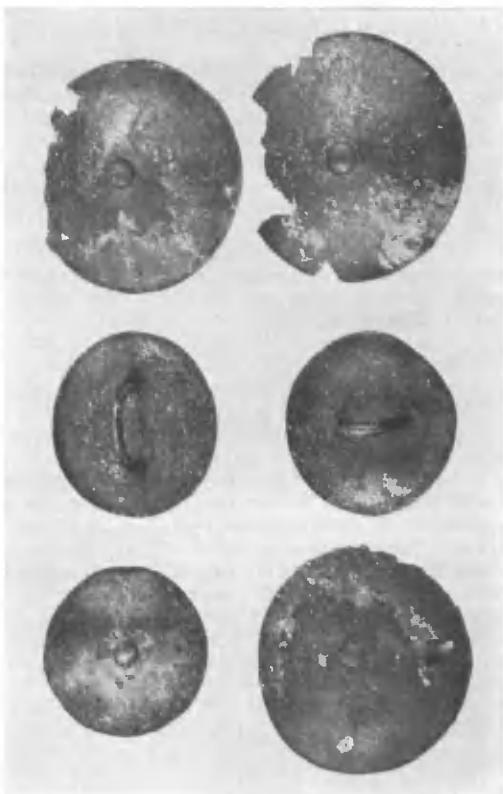
25. Пронизи (24 экз.). Бронза, литье, диаметр 1,5—1,7, длина 0,8—1,1. № Ди 1862 2/60. Бочонковидные с ребром посередине. Отливка небрежная, отсюда различные пропорции и многочисленные дефекты: неровности края, лакуны на поверхности. На одной пронизи неизначительные следы окислов железа.

26. Навершия (4 экз.) Бронза, литье, высота целых 17,1, ширина 9,1—9,5. № Ди 1862 2/27—30.

В виде львоголового трифона (?), припавшего на передние лапы. Фигура помещена на перекладине, поддерживаемой двумя S-образными волютами. Нижняя часть навершия в виде пластины с тремя сквозными отверстиями для прикрепления. У одного навершия обломан выступ, другое состоит из двух частей, третья немного согнуто.

27. Навершия (4 экз.) Бронза, литье, длина 15,1—16,6, ширина 7,2—7,8. № Ди 1862 2/31—34.

В виде сильно стилизованной плоской фигуры оленя на бочонковидной ажурной втулке с подпрямоугольным устьем и двумя боковыми вертикальными петлями для подвешивания колокольчиков. Под петлями — отверстия для закрепления навершия на древке. У двух наверший обломано по одной петле. Навершия небрежно смоделированы и грубо отлиты.

Кат. 22

28. Навершия (2 экз.). Бронза, литье, высота 10,8—12,0, ширина 6,3, 6,6. № Ди 1862 2/35, 36.

В виде фигуры птицы с распластанными крыльями на удлиненной втулке с двумя подтреугольными прорезями, двумя боковыми вертикальными петлями и двумя отверстиями для крепления.

29. Пластины в виде крыльев (2 экз.). Золото, 583°, тиснение длина 15,6, 16,0, наибольшая ширина 4,5. № Ди 1862 2/17*. В виде С-видной основы из двух рядов рубчатых пластин, от которых отходят крыловидные пластиинки, декорированные рельефными параллельными линиями. По краям отверстия для шашивания. Одна пластина местами покрыта окисью бронзы.

* Пробирный анализ изделий из драгоценных металлов проведен экспертами Гохрана МФ СССР В. А. Мелешкиной, Т. Н. Федоровой и представителем пробирного надзора В. И. Колчиной.

Кат. 20

Кат. 24, 1

Кат. 24, 2

30 Пластишки (27 целых экз. и обломки).
Золото, 375°, гиление, длина 2,5—7,9, ширина 1,2—2,5. № Дн 1862 2/18—21, 23, 24.
В виде лепестков пальметток с отверстиями по краю. У некоторых на обороте следы окислов железа и бронзы.

31. Пластишки (4 экз.). Золото, 375°, гиление, длина 2,9—3,9, ширина 2,7. № Дн 1862 2/22, 25.

Многоугольные пластины с вогнутым основанием, декорированные рельефными вдавленными линиями. По краю отверстия для пришивания. Одна пластишка пристала к железной ложке (кат. 34).

Кат. 25

Кат. 26 Кат. 27

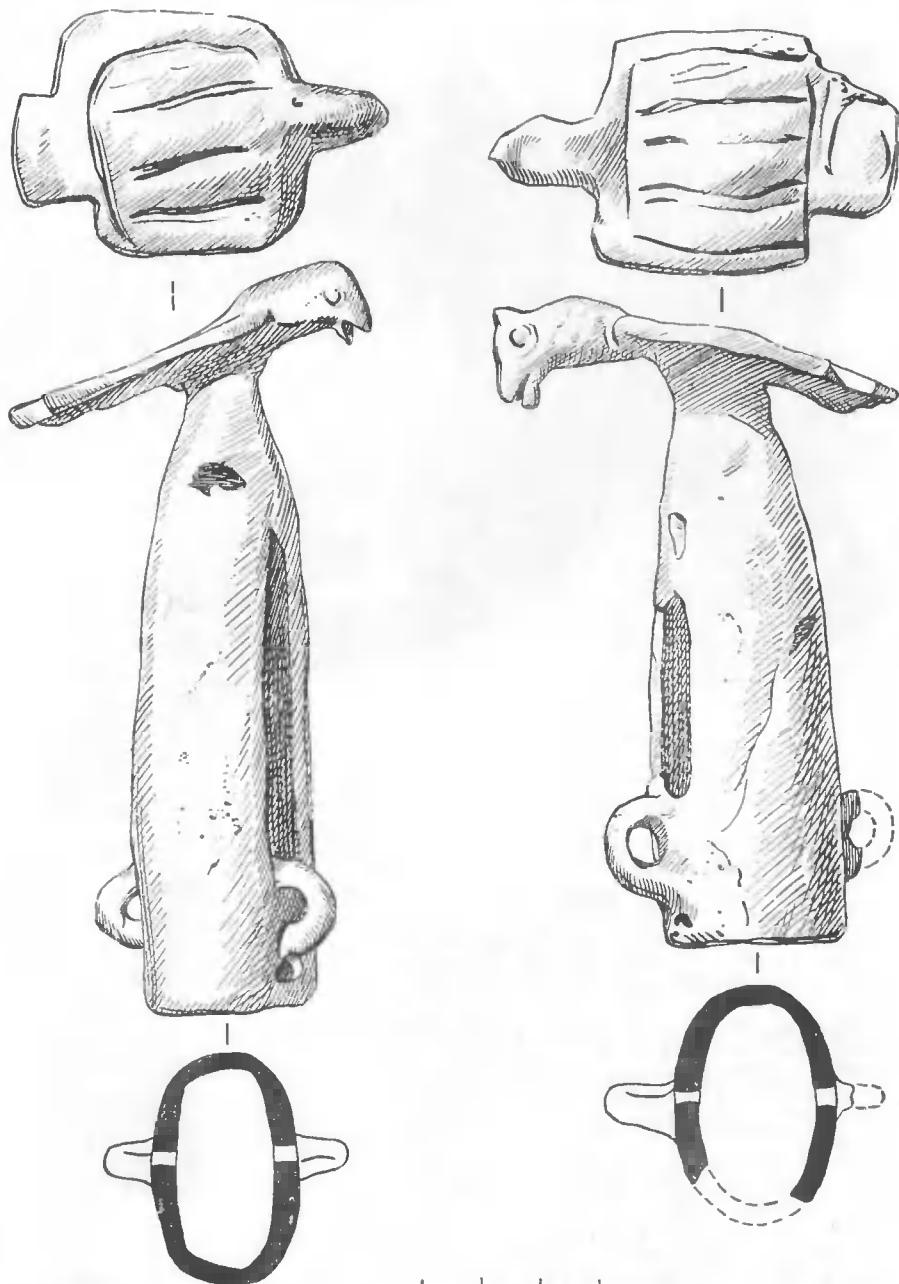
Кат. 28

Оружие

- 32 Наконечники стрел (около 300 экз.).
Бронза, железо, литье, ковка, длина 2,7—
3,9. № Да 1862 2/72—84, 95, 96, Да 1863
/1493. Представлены несколькими типами:
1. Трехгранные со скрытой втулкой в двух
вариантах (12 экз.). Бронза.
2. Трехлопастные со слабо выступающей втулкой.
На двух гранях от втулки к ребру —
по две рельефные перемычки, а на третьей —
одна (около 30 экз.). Бронза.
3. Трехгранные со слабо выступающей и
рельефно выделенной на гранях втулкой (око-
ло 30 экз.). Бронза.
4. Трехлопастные втульчатые (около 30 экз.).
Железо.
Скреплены окислами с наконечниками кат.
32.3.
5. Трехгранные, башневидные, с рельефно
выделенной втулкой, оформляющей лопасти
в нижней части (11 экз.). Бронза.
6. Наконечники, подобные кат. 32.5, но с
рельефными знаками в виде угла остирем вле-
во на одной грани (24 экз.). Бронза. Двух
вариантов. Размеры: а) высота 3,2 (23 экз.);
б) высота 3,8 (1 экз.). Один наконечник («а»)
соединен окислами с шаконечником кат.
32.1.
7. Трехгранные с выступающей втулкой, обоз-
наченной на гранях двумя узкими углубле-
ниями (4 фрагментированных экз.). Бронза.

Кат. 28

8. Трехлопастные, башневидные, со слегка вогнутыми ребрами, рельефно выделенной втулкой и со знаком в виде косой рельефной черты на каждой грани над втулкой (14 экз.).
Бронза. Одни пакоечник соединен окислами с бронзовым колокольчиком (кат. 12).

9. Трехгранный со скрытой втулкой и прямыми угольными ложками в нижней части, на од-

ном из которых рельефный знак в виде угла остряем влево (1 экз.). Бронза.

10. Трехлопастные фрагментированные (2 экз.).

11. Трехгранные со скрытой втулкой и тремя вертикально расположенными углублениями на каждой грани (38 экз.). Бронза. На некоторых в нижних углублениях, оформляющих

Кат. 29

втулку, прослеживается знак в виде косого креста.

12. Трехлопастные с рельефно выступающей втулкой (67 экз.). Бронза. Соединены окислами в два комка (7 экз. отдельно).

13. Трехгранные со скрытой втулкой и ложковидными углублениями в нижней части граней (около 40 экз.). Бронза. На одном наконечнике сохранился раскопочный номер 130.

14. Трехлопастный с обломанными жальцами и, вероятно, втулкой (1 экз.). Бронза. Сохранился раскопочный номер 129.

15. Трехгранный со скрытой втулкой, рельефно выступающей над гранями (1 экз.). Бронза.

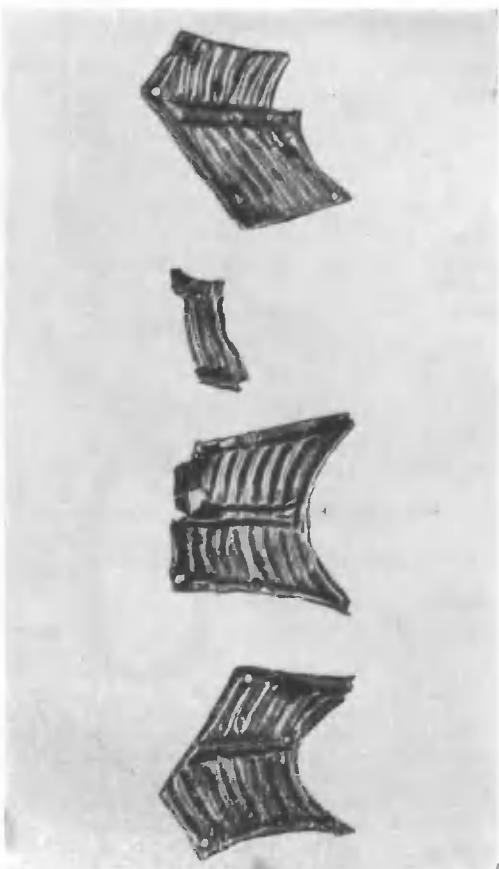
Общее количество наконечников стрел около 300, что примерно совпадает с отчетом И. Е. Забелина (267 экз.), хотя в нем не упомянуты железные наконечники. В некоторых втулках, а также отдельно сохранились остатки древков длиной до 5 см.

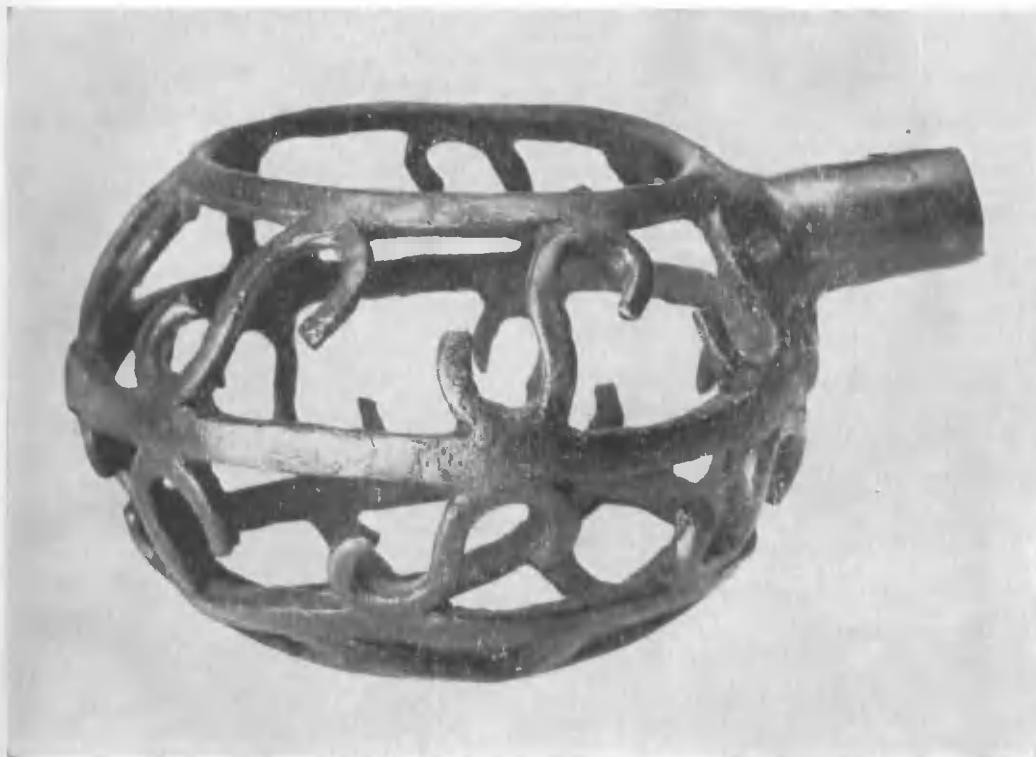
Бытовой инвентарь, украшения

33. Ковш. Бронза, литье, высота 11,5, наибольший диаметр 15, диаметр втулки 2,8, длина втулки 4,0, толщина стенок 0,5—0,6. № Дн 1862 2/26.

Кат. 30, Кат. 31

Кат. 33

В виде ажурной сферы со срезанной вершиной и горизонтальной втулкой для насадки. Нижняя часть ковша — в виде решетки, боковые стекки — в виде двух рядов S-видных волют. Во втулке вертикальное сквозное отверстие диаметром 0,6 для закрепления древка. Отливка шебрежная, в некоторых местах на поверхности следы механической обработки.

34. Ложка. Железо, ковка, длина 12,7, ширина

чернела 3,9. № Ди 1862 2/25.

Ручка состоит из нескольких окислившимся фрагментов. К неглубокому эллипсовидному черпалу прилипла золотая пластишка кат.

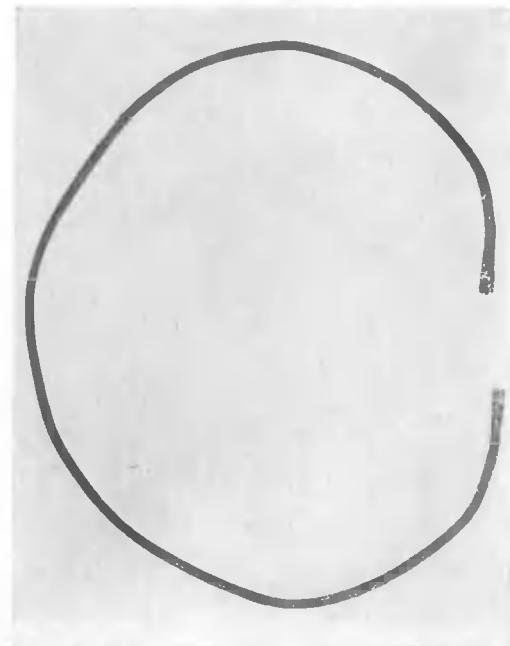
31.

35. Грибница. Бронза, диаметр 16,5 — 18,6, толщина 0,3—0,5. № Ди 1862 2/64.

В виде обруча с несомкнутыми утолщенными концами.

36. Раковины каури (6 целых и фрагментированные экз.). № Ди 1862 2/92.

Возможно, относятся, судя по описанию И. Е. Забелина, к украшениям конского убранства, в состав которого входили золотые и серебряные изделия (последние не сохранились).

Кат. 35

**НАХОДКИ
В КАМНЯХ КРЕПИДЫ
С ЗАПАДНОЙ СТОРОНЫ**

37. Кольцо. Железо, золото, 958°, диаметр около 8,2, толщина 0,4—0,6. № Дн 1863 1/483. В виде согнутого железного стержня, покрытого золотой оболочкой с рельефными попечерчными утолщениями. К кольцу прикреплены две железные, также с золотой оболочкой, пластиинки-подвески в форме топориков.
- 38—39. Уздечные наборы (2 экз.). Бронза № Дн 1863 1/484—492.
1. *Исалии* (2 экз.), длина 9,6, 11,8 (типа кат. 8).
2. *Нащечники* (3 экз.), длина 3,0—3,9, ширина 2,7 (типа кат. 20). К одному нащечнику прилипла круглая бляха диаметром 3,0 (типа кат. 22, а).
3. *Обломок налогника* (типа кат. 18).
4. *Бляхи* круглые (10 экз.), диаметр 2,4—3,1 (типа кат. 22, а).
40. *Обломок бусины*. Стекло. № Дн 1863 1/496
Из синего стекла с выпуклым желтым глазком.
41. *Обломок лезвия копья или меча* Железо, ковка, длина 31, наибольшая ширина 3,1. № Дн 1863 1/497.
42. *Камень*. Диаметр около 3,0. № Дн 1863 1/498. Метадиабаз*. В виде слегка сдавленного шара.
43. *Клык кабана*. Длина 11,3, наибольшая ширина 0,3. № Дн 1863 1/500.
- 43а. *Обломок точильного камня*. Длина 5,2 № Дн 1863 1/495. Известковисто-глинистый сланец*.

Кат. 37

КОНСКИЕ МОГИЛЫ**Южная могила (1)**

44. *Уздечный набор*. Серебро № Дн 1863 1/29—33
1. *Напосник*. Литье, длина 4,9, ширина 4,2. В виде скульптурной головки ушастого зверя на вырезной, орнаментированной гравированными штрихами пластине-основании (типа кат. 18).
2. *Нащечники* (1 целый экз. и 1 фрагментированный). Длина 8,4, ширина 5,3. В виде вырезной гравированной пластины с двумя литыми петлями, прикрепленными заклепкой. Орнамент состоит из растительных элементов, бегущей волны (ср. кат. 19). У одного нащечника сохранился раскопочный номер 12.
3. *Ворварки* (2 экз.). Литье, диаметр основания 2,2—2,3, высота 0,8.
4. *Бляхи* (6 экз.). Литье, диаметр 6,0—6,1. Круглые, слегка выпуклые, с литой петлей на обороте, прикрепленной при помощи заклепки. Сохранились раскопочные номера 16—21.
45. *Уздечный набор*. Золото, 583°, железо № Дн 1863 1/34—45, 1862—1863 1/38.
1. *Напосник*. Золото, литье, длина 5,8, ширина 3,7 (см. кат. 44, 1).
2. *Нащечники* (2 экз.). Золото, серебро, длина 8,1—8,3, ширина 5,9.
В виде вырезной гравированной пластины с двумя серебряными литыми петлями на обороте, прикрепленными серебряной заклепкой каждой. Отверстия для заклепок четырехугольной формы. Орнамент: в верхней части изображение птицы, вписанной в спираль края пластины, в средней — растительный, в нижней — бегущая волна. На одном нащечнике одна петля сохранилась частично, на другом утрачены обе.
3. *Ворварки* (2 экз.). Золото, литье, диаметр основания 2,2, высота 0,8 (типа кат. 44, 3).
4. *Бляхи* (6 экз.). Золото, диаметр 5,1, 5,7. Круглые выпуклые, с литой серебряной петлей на обороте, прикрепленной заклепкой.
5. *Пластины* (2 экз.). Золото, длина 31,5, 32,1, ширина 4,8, 4,9.
Вырезаны из тонкого листа металла в виде ленты с четырьмя грибовидными зубцами с одной стороны и отверстиями по краям для пришивания. Служили обивками передней части седельной подушки.
6. *Пластины* (2 экз.). Золото, длина 21, ширина 2,7.
В виде ленты с одним косо срезанным концом. По краям отверстия для пришивания, в некоторых сохранились золотые гвоздики.

* Определения (кат. 42, 43а, 194) петро-графа Л. В. Салоненок.

7. *Бляхи* (4 экз.). Золото, 375°, длина 5,4, 5,5, высота 0,3—0,4.

В виде плоского диска с загнутым бортиком. На внутренней стороне следы крепления се-

ребряной петли. По И. Е. Забелину, их пэйдено четыре. На всех экземплярах сохранились раскопочные номера 41—44.

8. *Пряжка*. Железо, длина 5,6, ширина 3,1 (типа кат. 23).

9. *Кольцо*. Серебро. Известно по упоминанию И. Е. Забелина. Возможно, сохранилось в обломках и находится среди анонимных вещей коллекции.

46. *Уздечный набор*. Серебро. № Дн 1863 1/45—50

1. *Наносник*. Литье, длина 5,6, ширина 3,1. В виде скульптурной головки ушастого зверя на вырезной, орнаментированной гравированными штрихами пластише-основании (типа кат. 44, 1).

2. *Нащечники* (2 экз.). Длина 7,6, 8,2, ширина 0,5, 0,46.

В виде вырезной гравированной пластины с двумя литыми петлями, прикрепленными застежкой (типа кат. 44, 2).

На одном экземпляре сохранился раскопочный номер 45.

3. *Ворварки* (2 экз.). Литье, диаметр основания 2,3, высота 0,8. Раскопочные номера 46, 47.

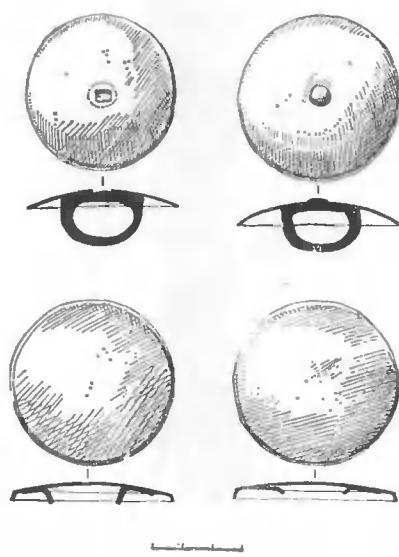
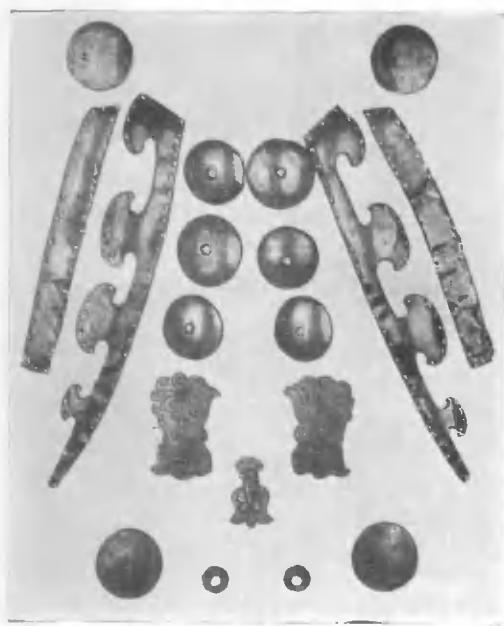
Кат. 41

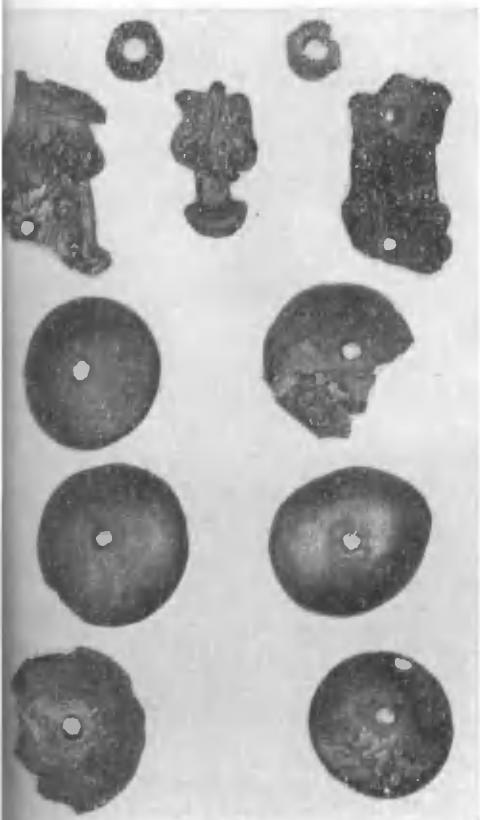

Кат. 44

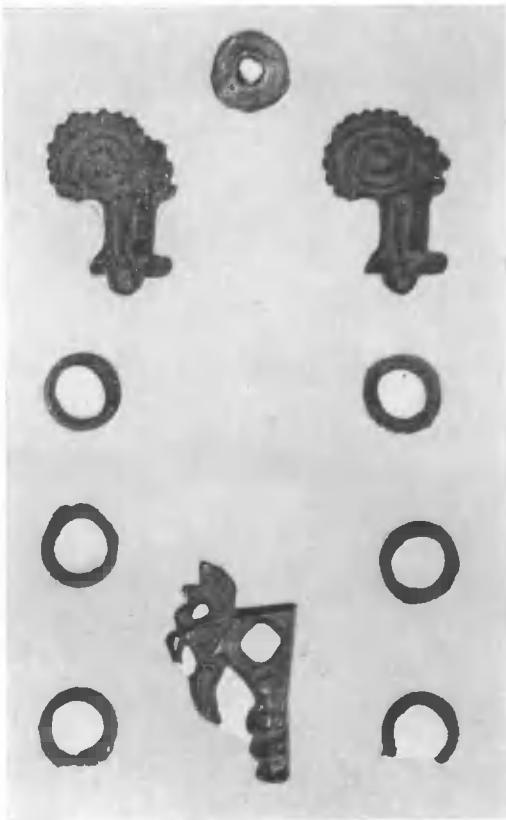

Кат. 45 Кат. 45. 1. Кат. 45, 4, 7

Кат. 46

Кат. 47

1. Бляхи (6 экз.). Литье, диаметр 5,5.
Прямоугольные, слегка выпуклые, с литой петлей
на обороте, прикрепленной при помощи за-
щелки. Раскопочные номера 48, 50, 51, 53.

2. Уздечный набор. Бронза, кость. № Дн
1863 1/51—55

3. Наносник. Бронза, литье, длина 4,4, вы-
сота 2,6 (ср. кат. 17а).

4. Нашечники (2 экз.). Бронза, длина 4,0
ширина 2,3—2,4 (ср. кат. 20). Раскопочный
номер 55.

5. Ворварка. Бронза, литье, диаметр основа-
ния 2,3, высота 0,9 (ср. кат. 11, б). Раскопоч-
ный номер 58. По И. Е. Забелину, найдено
2 экз.

6. Пронизи (6 экз.). Бронза, литье, диаметр
1,5—1,6, высота 0,8—0,9. В виде широких
полец. Раскопочные номера 59—64.

7. Ворварка. Кость, диаметр основания 1,6,
высота 0,6
В виде усеченного конуса. Раскопочный но-
мер 65.

СРЕДНЯЯ МОГИЛА

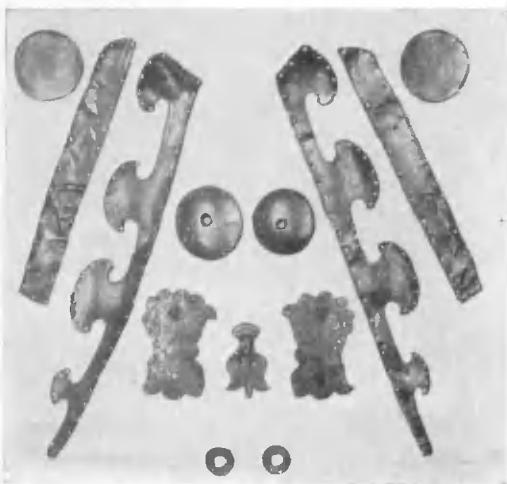
48. Уздечный набор. Золото, серебро, железо.
№ Дн 1863 1/56—67.

1. Наносник. Золото, 58°, литье, длина 5,4,
ширина 3,5 (тип кат. 45, 1).

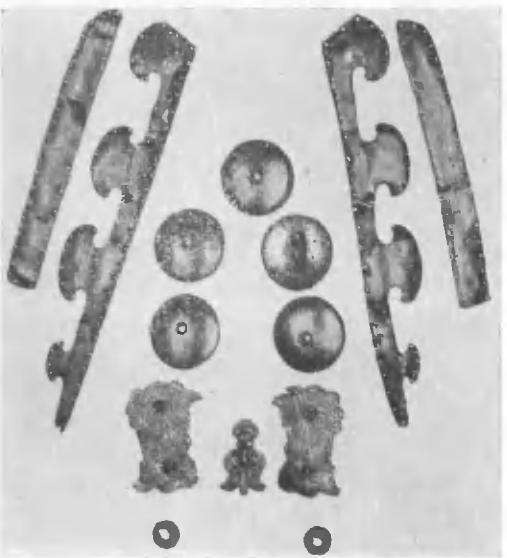
2. Нашечники (2 экз.). Золото, 50°, длина
8,1, 8,4, ширина 5,9, 6,1 (тип кат. 45, 2). На
одном сохранился раскопочный номер 23 *.

3. Ворварка (2 экз.). Золото, литье, диаметр
2,2, высота 0,9 (тип кат. 45, 3).

* Исходя из ритма возрастания числовых
значений раскопочных номеров, в некоторых
случаях при распределении вещей по наборам
в Эрмитаже, вероятно, произошла ошибка:
так, нашечник (кат. 48, 2) с раскопочным
номером 23 входил, скорее всего, в уздечный
набор кат. 45; бляха (кат 50, 4) с раскопоч-
ным номером 141 могла принадлежать набо-
рам кат. 52 или 53. В каталоге сохранен му-
зейный вариант распределения, ввиду пол-
ной однотипности вещей, входящих в наборы.

Кат. 48, 1—6

Кат. 50, 1—6

4. Пластины с зубцами (2 экз.). Золото, 500°, длина 30,8, 31,8, ширина 4,9, 5,0 (типа кат. 45, 5).

Раскопочный номер одной бляхи 79.

5. Пластины гладкие (2 экз.). Золото, 583°, длина 21, 21,4, ширина 2,7 (типа кат. 45, 6).

6. Бляхи (2 экз.). Золото, 583°, диаметр 5,4, 5,5, высота 0,4. В виде плоского диска с загнутым бортником. На внутренней стороне следы прикрепления серебряной петли.

7. Кольцо. Серебро, диаметр 2,9—3,3, толщина 0,4.

Овальное, с выступающим шипом и двумя пирамидками из четырех маленьких шариков каждая. От одной пирамидки сохранился лишь один шарик. Раскопочный номер 85, 8. Пряжка. Железо, ковка, длина 6,5, ширина 5,2, толщина 0,7 (типа кат. 23).

По И. Е. Забелину, в набор входило также шесть отсутствующих в коллекции золотых блях с серебряными петлями (типа кат. 45, 4).

49. Уздечный набор. Серебро, № Дн 1863 1/68, Дн 1862—1863 1/37 (?).

1. Наносник. Серебро, литье, длина 6,4, ширина 3,9 (типа кат. 44, 1). Раскопочный номер 86.

2. Обломки блях (6 экз.). Серебро. Фрагментированные круглые бляхи относятся к апонимной части коллекции и могут быть отнесены к этому набору лишь предположительно. По И. Е. Забелину, уздечный набор был полным (см. кат. 44, 48).

50. Уздечный набор. Золото, бронза, железо, кость. № Дн 1863 1/69—84.

1. Наносник. Золото, 583°, длина 5,6, ширина 3,7 (типа кат. 48, 1). Раскопочный номер 96.

2. Пащечники (2 экз.). Золото, 500°, длина 8,1, ширина 5,9 (типа кат. 48, 2). Раскопочный номер одного пащечника 97.

3. Ворварки (2 экз.). Золото, 583°, литье, диаметр основания 2,1, высота 0,7 (типа кат. 48, 3).

4. Бляхи круглые (5 экз.). Золото, 500°, диаметр 5,5—5,6 (ср. кат. 45, 4). Раскопочный номер одной бляхи 141.

5. Пластины с зубцами (2 экз.). Золото, 583°, длина 29,3, 30,4, ширина 4,8—4,9 (типа кат. 45, 5).

6. Пластины гладкие (2 экз.). Золото, 583°, длина 21,3—21,5, ширина 2,6—2,7 (типа кат. 45, 6).

7. Кольцо. Серебро, диаметр 3,1—3,3, толщина 0,5 (типа кат. 48, 7). Одна пирамидка из шариков утрачена.

8. Пряжка. Железо, длина 6,1, ширина 4,6 (типа кат. 23).

Нагрудные украшения

9. Бляхи (3 экз.). Бронза, фрагментированные (типа кат. 13).

10. Лунницы (10 экз.). Бронза, расстояние между концами 8,5, фрагментированные (типа кат. 14).

11. Колокольчики (8 экз.). Бронза, диаметр 2,3—2,6, высота 3,1—3,6 (типа кат. 12а).

12. Ворварка. Кость, диаметр 2,3, высота 0,8. В виде усеченного конуса.

51. Уздечный набор. Серебро, золото, железо. № Дн 1863 1/85—89.

1. Наносник. Серебро, длина 6,2, ширина 3,6 (типа кат. 44, 1).

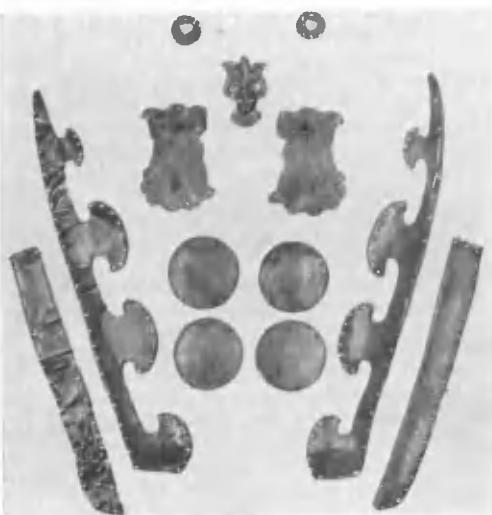
2. Пащечник. Серебро, длина 7, ширина 5 (типа кат. 44, 2). От второго пащечника сохранилась серебряная петля.

Кат. 51

3. Ворварки (2 экз.). Серебро, диаметр основания 2,3, высота 0,7 (типа кат. 44, 3).
4. Бляхи круглые (5 экз.). Серебро, диаметр 5—5,5 (типа кат. 44, 4). По И. Е. Забелину, было обнаружено шесть блях.
Раскопочные номера 125—129.

5. Пластины с зубцами (2 экз.). Золото, 375°—500°, длина 30,5—31,5, ширина 4,8—4,9 (типа кат. 45, 5).
6. Пластины гладкие (2 экз.). Золото, 375°—500°, длина 22—23, ширина 1,7—2,2 (типа кат. 45, 6).
7. Бляхи круглые (4 экз.). Золото, 500°, диаметр 5,5, высота 0,4 (типа кат. 45, 7).
8. Пряжка. Железо, длина 6,5, ширина 4,9 (типа кат. 45, 8).
9. Кольцо. Серебро, диаметр 3,4—3,6, толщина 0,8 (типа кат. 48, 7).

Кат. 52, 1—3, 5—7

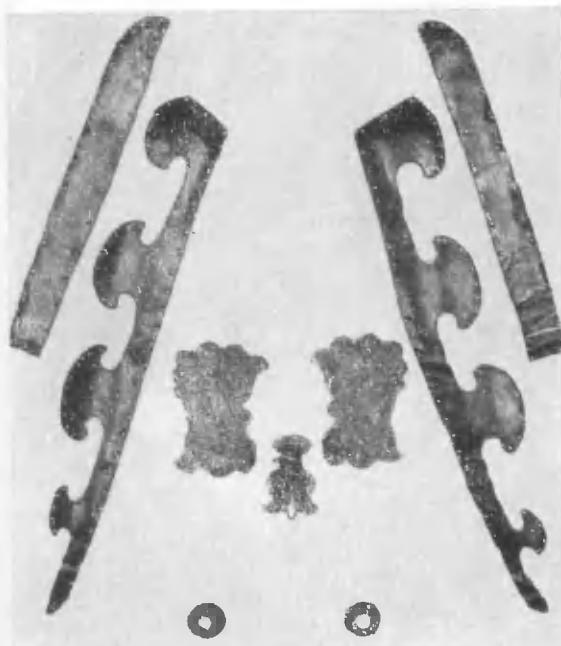

Кат. 53, 1—5

СЕВЕРНАЯ МОГИЛА

52. Уздечный набор. Золото, серебро, № Дн 1863 1/90—102.
1. Наконечник. Золото, 292°, длина 5,5, ширина 3,7 (типа кат. 45, 1).
2. Нашечники (2 экз.). Золото, 292°, длина 8,2—8,3, ширина 5,7—6,0 (типа кат. 45, 2). Одни из нашечников (Дн 1863 1/91), судя по некоторым особенностям орнамента, скорее мог при изготовлении составить пару нашечнику (Дн 1863 1/105) из убора кат. 53. Относительное их распределение по уздечным наборам абсолютно достоверных данных нет.
3. Ворварки (2 экз.). Золото, 375°, диаметр основания 2,2, высота 0,8 (ср. кат. 45, 3).
4. Бляхи круглые (6 экз.). Золото, 500°, диаметр 5—5,6 (типа кат. 45, 4).

53. Уздечный набор. Золото, 500°, серебро № Ди 1863 1/103—111, 113—114.
 1. *Наносник*. Золото, длина 5,4, ширина 3,2 (типа кат. 45, 1).
 2. *Пащечники* (2 экз.). Золото, длина 8,2—8,3, ширина 6 (типа кат. 45, 2).
 3. *Ворварки* (2 экз.). Золото, диаметр основания 2,2, высота 0,8 (типа кат. 45, 3).
 4. *Пластины* (2 экз.). Золото, длина 30—32, ширина 4,7—5,0 (типа кат. 45, 5).
 5. *Пластины* (2 экз.). Золото, длина 13—13,6, ширина 2,7 (типа кат. 45, 6).
 6. *Пряжка*. Железо, длина 7,4, ширина 5,4 (типа кат. 23). По И. Е. Забелину, этот убор был идентичен предыдущему (кат. 52). Сейчас в коллекции отсутствуют круглые бляхи-фалары, украшения седел (ср. кат. 52, 4,7) и серебряное кольцо (вероятно, идентичное кат. 52, 9). Не исключено, что к бляхам оголовья следует отнести сохранившиеся серебряные петли (4 экз. и фрагменты).
 54. Уздечный набор. Золото, 292°, серебро, бронза, железо № Ди 1863 1/115—131.
 1. *Наносник*. Золото, длина 5,1, ширина 3,2 (типа кат. 45, 1).
 2. *Пащечники* (2 экз.). Золото, длина 8,3, ширина 6,0 (типа кат. 45, 2). У одного отсутствуют петли.
 3. *Ворварки* (2 экз.). Золото, длина 2,2, высота 0,9 (типа кат. 45, 3).
 4. *Пластины* с зубцами (2 экз.). Золото, длина 3,2, ширина 4,5—5,0 (типа кат. 45, 5).

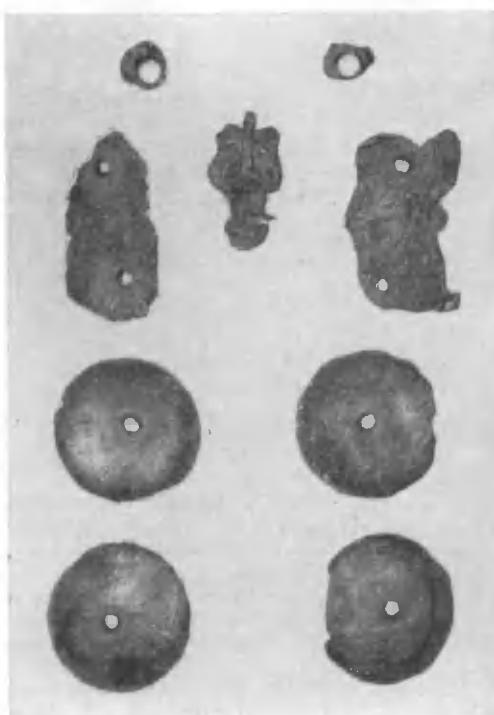

Кат. 54, 1—5

5. *Пластины* гладкие (2 экз.). Золото, длина 21,5—22,0, ширина 2,6 (типа кат. 45, 6).
 6. *Кольцо*. Серебро, диаметр 3,0, толщина 0,4. Фрагментировано.
 7. *Пряжка*. Железо, длина 6,9, ширина 6,0 (типа кат. 23).

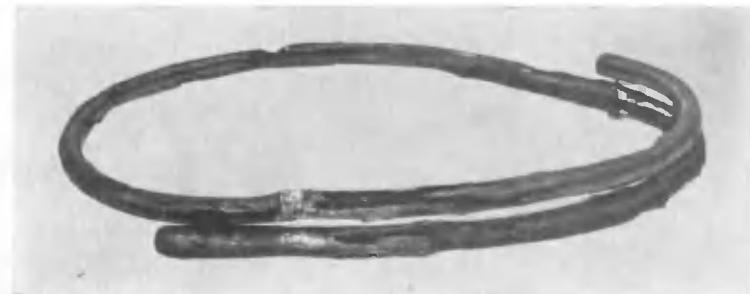
Нагрудные украшения

8. *Вляхи* (3 экз.). Бронза. Фрагментированы (типа кат. 13). Раскопочный номер одного экземпляра 191.
 9. *Лунницы* (9 экз. и обломки). Бронза, расстояние между копцами 7,0—9,0 (типа кат. 14). Фрагментированы. По И. Е. Забелину, их было 11.
 10. *Колокольчики* (9 экз.). Бронза, диаметр 2,3—2,7, высота 2,7—3,9 (типа кат. 12а).
 11. *Крючки* (3 экз.). Бронза, высота 3,5. В виде пебольшой пластинки неправильной формы, к которой при помощи заклепки прикреплен загнутый вверх крючок. В одном случае на крючке сохранились остатки железной цепочки. Вероятно, крючки крепились к нагрудному ремню.
 55. Уздечный набор. Серебро, золото, № Ди 1863 1/132—137.

Кат. 55

Кат. 57

Кат. 58

1. **Наносник.** Серебро, длина 5,4, ширина 3,4 (типа кат. 44, 1). Раскопочный номер 195.
2. **Нащечники** (2 экз.). Серебро, длина 7,7—8,2, ширина 5—6,0. Фрагментированы, петли прикрыты золотыми заклепками (типа кат. 44, 2).

3. **Варварки** (2 экз.). Серебро, литье, диаметр основания 2,3, высота 1,0 (типа кат. 44, 3).

4. **Бляхи круглые** (4 экз.). Серебро, диаметр 5,8—6,0 (типа кат. 44, 4). Раскопочные номера 200—202.

56. **Гвоздики** (669 экз.). Золото, 375° — 500° (668 экз.), серебро, 875° (1 экз.), длина 0,6—1,4. № Ди 1863 1/138.

По технике изготовления делятся на две группы: а) в виде тонких треугольных пластинок, свернутых в конусовидные трубочки; б) кованые, граненые, с небольшой круглой пляской.

Вероятно, часть из них использовалась для крепления к основе золотых обивок седел и

других украшений, связанных со споряжением коней. Часть гвоздиков использовалась для крепления золотых обкладок ножен, горита и других предметов вооружения.

Погребение конюха (южная могила)

57. **Гривна.** Серебро, золото, диаметр 12,0, толщина 0,4, масса 81,5. № Ди 1863 1/1. В виде обруча с несомкнутыми концами, скрученного в полтора оборота. Основа гривны — литой серебряный стержень, сверху пластированный тонкой золотой оболочкой. Оболочка во многих местах повреждена и разорвана.

58. **Серьга.** Золото, 500°, диаметр 4,8, масса 6,2. № Ди 1863 1/2. В виде тонкого кольца с тисненой полой подвеской, спаянной из двух полусферических половинок, изображающих лицо негра.

59. **Кольцо.** Золото, 500°, диаметр около 2,0, масса 10,15. № Ди 1863 1/3. В виде тонкой проволочной спирали в 5,5 оборотов. Концы слегка расплющены и покрыты гравированным елочным орнаментом.

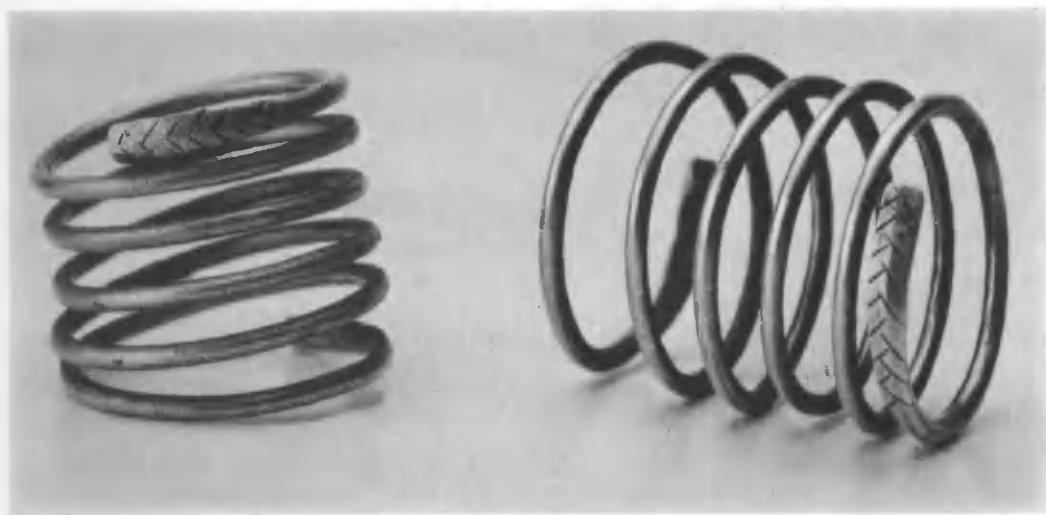
60. **Нож.** Железо, кость, длина 18,0, максимальная ширина лезвия 2,0, ширина рукоятки 1,5. № Ди 1863 1/4.

Фрагментированный однолезвийный клипок с горбатой спинкой и почти прямым лезвием вставлен в распил шестигранной рукояти и закреплен в ней тремя железными сквозными заклепками. Раскопочный номер 4.

61. **Наконечники стрел** (62 экз.). Бронза, литье, длина 2,7—3,9. № Ди 1863 1/5—15. Составляют 11 разновидностей:

1. Трехгранные со скрытой втулкой и с опущенными жальцами (21 экз.). У четырех экземпляров на одной из граней напесен рельефный знак в виде угла острием влево (типа кат. 32, 13).

2. Трехгранные (6 экз.). В нижнем ложке рельефный знак в виде косого креста (типа кат. 32, 11).

Кат. 59, 109

3. Трехлопастные со скрытой втулкой (4 экз.). На одной грани нанесен знак в виде рельефного кольца.

4. Трехгранный со скрытой втулкой и опущенными жальцами.

5. Трехгранные со скрытой втулкой (6 экз. типа кат. 32, 1);

6. Трехлопастные (5 экз. типа кат. 32, 2).

7. Трехгранные (8 экз. типа кат. 32, 5).

8. Трехгранные (2 экз. типа кат. 32, 6а).

9. Трехлопастные (4 экз. типа кат. 32, 8).

10. Трехлопастный (типа кат. 32, 12).

11. Трехгранные (2 экз.).

12. Фрагменты наконечников пястных типов (5 экз.).

По И. Е. Забелину, в могиле найдено 100 наконечников стрел, в кожаном колчане слева от таза скелета

62. Наконечник конька. Железо, ковка, длина 56, максимальная ширина пера 3,5, диаметр втулки 2,0. № Дн 1863 1/16.

Наконечник с короткой втулкой и двухлопастным листовидным пером. Во втулке остатки деревянного древка.

63. Наконечник дротика. Железо, ковка, длина 52, ширина наконечника 2,2, длина наконечника 4,5, диаметр втулки у основания 2,5, диаметр втулки у наконечника 1,0. № Дн 1863 1/17.

Наконечник с длинной втулкой и коротким треугольным двухлопастным пером с опущенными жальцами. Во втулке остатки деревянного древка.

Погребение конюха (северная могила)

64. Гравина. Золото, 500⁴, диаметр 16,7, толщина 0,6, масса 187. № Дн 1863 1/18.

Изготовлена из крученого четырехгранныго дрота с плоскими и загнутыми в петли концами.

65. Ворварка. Кость, диаметр основания 0,8, высота 0,4. № Дн 1863 1/27.

В виде усеченного конуса.

66. Ворварка. Кость, диаметр 0,8—1,1, высота 0,6. № Дн 1863 1/28

В виде усеченного конуса, овальная в сечении.

67. Наконечники стрел (58 экз. целых и 2 обломка). Бронза, литье, длина 2,7—3,9. № Дн 1863 1/19—26

1. Трехлопастные башневидные (3 экз.). На каждой грани втулки к ребрам нанесено по четыре рельефные перемычки.

2. Трехгранные (4 экз. типа кат. 32, 1).

3. Трехлопастные (4 экз. типа кат. 32, 2).

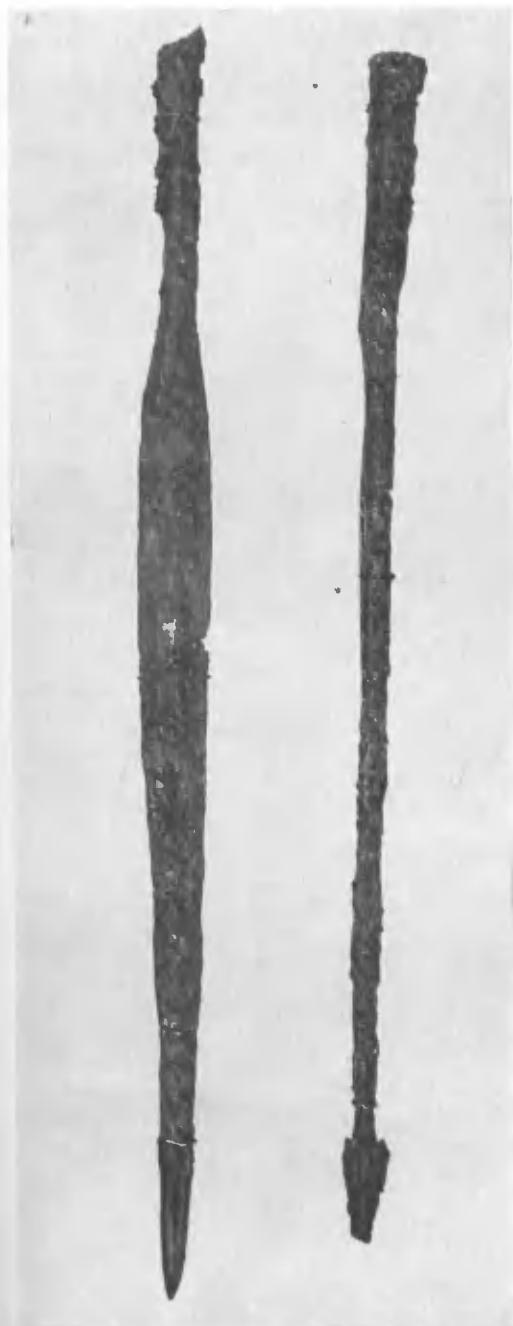
4. Трехгранные (4 экз. типа кат. 32, 3).

5. Трехгранные (2 экз. типа кат. 61, 1).

6. Трехгранные (13 экз. типа кат. 32, 11).

7. Трехгранные (28 экз. типа кат. 32, 13).

По И. Е. Забелину, в могиле обнаружено 60 наконечников стрел: 55 слева от черепа, 5 — у костей левой руки. В некоторых втулках находились остатки древков «расписанных», как было видно, красными поясками». В настоящее время следы раскраски не сохранились.

Кат. 62, 63

Кат. 64

**Входная шахта
центральной катакомбы**

68. Обломок бусины. Синее стекло с белыми глазками, длина 1,9. № Ди 1863 1/139.

69. Наконечник стрелы. Бронза, длина 3,1. № Ди 1863 1/140. Втульчатый двухлопастный с листовидным пером. На втулке сохранилось основание шипа. Раскопочный номер 456.

70. Наконечник стрелы. Бронза, литье, длина 3,5. № Ди 1863 1/141. Втульчатый трехлопастный. Раскопочный номер 451.

**Юго-западная камера.
Северный воин (№ 1)**

71. Пронизи (2 эка.). Золото, 500°, длина 4—4,8, диаметр 0,9, масса 2,12, 1,46 № Дп 1863 1/142, 143

В виде цилиндра, свернутого из пластины с ромбическим рельефным орнаментом посередине и елочным — на концах.

72. Рукоять меча. Железо, золото, 958°, длина 13,7, максимальная ширина 5,7, масса 229,21. № Дп 1863 1/148.

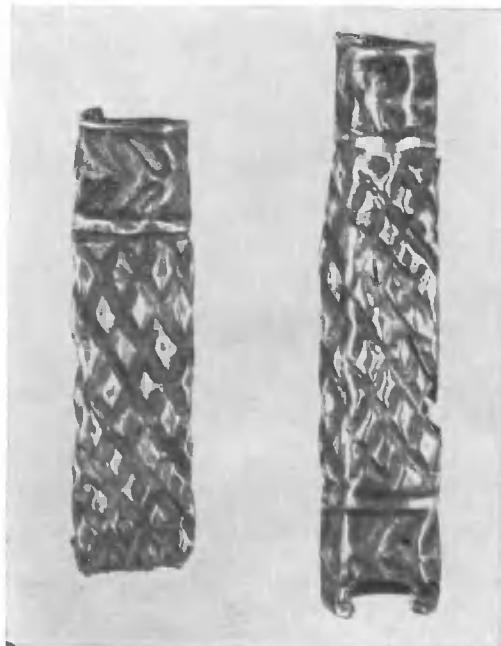
Железная рукоять покрыта тонким тисненым листом золота, чеканенным с двух сторон рельефными изображениями оленей и хищника кошачьей породы. Оболочка порвана во

многих местах. Рукоять принадлежала однолезвийному мечу, о чем свидетельствует односторонний выступ перекрестья.

73. Наконечник ножен. Золото, 375°, длина 7,4, ширина 4,3, масса 50,0. № Дп 1863 1/149

В виде сильно уплощенного асимметричного конуса, свернутого из тонкого металлического листа. Шов проходит вдоль одной из боковых сторон и замаскирован лишь на внутрен-

Кат. 71. Кат. 72, 73. Кат. 74

ней стороне наконечника. На внешней поверхности место наложения двух сторон пластины тщательно забито и заполировано. Лицевая сторона выделена рельефным продольным ребром. Внутри наконечника остатки однолезвийного железного клинка. К ножам наконечник крепился с помощью золотого гвоздика, пробившего насеквоздь одно из ребер.

74. Лента-украшение нагайки. Золото, 375°, длина 24,5, ширина 1,2, масса 15,90 № Дн 1863 1/150.

Лента свернута спиралью, на закругленных концах которой пробиты отверстия для закрепления на рукояти нагайки.

75. Боевой пояс. Бронза, общая длина фрагментов около 80,0, ширина 3,0. № Дн 1863 1/151.

Фрагментированный, из дугообразно согнутых узких бронзовых пластинок, слегка расширяющихся в средней части от 0,3 до 0,5. Каждая пластина имеет по одному отверстию на концах и по два — вдоль одной из длинных сторон. В набор входит одна большая квадратная пластина размерами 5,0 × 5,0 с круглым отверстием в центре диаметром около 1,5. Вдоль нижнего и верхнего краев, а также вокруг центрального отверстия пробиты ряды маленьких дырочек для нашивания на кожаную основу. Вдоль боковых сторон по два маленьких отверстия для крепления с узкими пластинками. Сохранились незначительные фрагменты кожаной основы пояса.

Кат. 76—78. Кат. 81.

76. Бляшки квадратные (28 экз.) Золото, 292°, тиснение, 2,9 × 2,9. № Дн 1863 1/144, 145.

С изображением идущего грифона в двух вариантах: 1) грифон влево (26 экз.); 2) грифон вправо (2 экз.).

В углах бляшек отверстия для пашивания. Относились к головному убору. По И. Е. Забелину, обнаружено 29 экз.

77. Бляшки прямоугольные (2 экз.). Золото, 292°, тиснение, длина 1,9 № Дн 1863 1/146.

С изображением цветков лотоса и лилии. По краю шнуровой орнамент, в углах отверстия для пашивания. По И. Е. Забелину обнаружено 1 экз.

78. Бляшка круглая. Золото, 292°, тиснение, диаметр 1,9. № Дн 1863 1/147

С изображением лица Медузы Горгоны. По краю два отверстия для пашивания. Относилась к головному убору.

79. Нож. Железо, кость, длина 19,0, ширина лезвия 2,9, ширина рукоятки 1,3 № Дн 1863 1/153.

Аналогичен кат. 60, 74. На лезвии остатки чехла из кожи.

80. Обломки поножей. Бронза. № Дн 1863 1/155

По краям некоторых фрагментов отверстия. Сохранился край одной поножи.

81 Гринва. Золото, 900°, диаметр 15,7, толщина 0,4, масса 286,52. № Дн 1863 1/156. В виде круглого литого стержня, свернутого в полтора оборота. На концах по шесть фигурок припавших к земле львов, под ними напаянная полоса с опущенными вниз зубцами. Концы гринвы отрублены и заполированы. Пять зубцов отсутствуют.

82. Браслеты (2 экз.). Золото, 375°, диаметр 7,3—8,4, ширина 3,7—4,0, масса 43,20; 30,49. № Дн 1863 1/157, 158.

Свернуты из широкой ленты, края которой загнуты наружу.

У одного экземпляра два продольных ребра, у другого — одно.

83 Кольца (2 экз.). Золото, 375°, диаметр 2,7, ширина 1,7, масса 16,04, 15,84. № Дн 1863 1/159, 160.

В виде согнутой в кольцо ленты с несомкнутыми концами.

По краям и по середине рельефные продольные ребра

84 Килик. Серебро, диаметр около 10,5, высота 4,0, масса 31,01 № Дн 1863 1/161

Фрагментированная чаша килика. Ножка и ручка отсутствуют.

85 Сосуд. Серебро, диаметр, 5,8, высота около 10,0, масса 25,0. № Дн 1863 1/162

Фрагментированный шаровидный сосуд с широким горлом. На плечиках врезная линия по окружности. Отдельно обломки корпуса.

Кат. 87

**Юго-западная камера.
Южный воин (№ 2)**

86. Боевой пояс. Бронза, общая длина фрагментов около 50,0, ширина 3,0 № Дн 1863 1/163.

Фрагменты состоят из заходящих одна в другую пластин (ср. кат. 75). Одна пластина прямоугольная с круглым отверстием диаметром 0,5 посередине и мелкими по краю. Другая подобная пластина меньших размеров фрагментирована.

87. Грифна. Золото, 500°, диаметр около 14,0—15,2, толщина 0,4, масса 225,98. № Дн 1863 1/164.

В виде литого круглого в сечении стержня, свернутого в полтора оборота. Концы расширены, уплощены и моделированы в виде фигуры лежащего льва, тело которого украшено врезным геометрическим орнаментом.

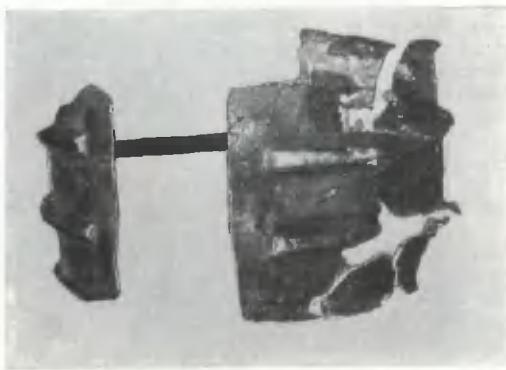
88. Браслет. Серебро, ширина 4,2, масса 25,35 № Дн 1863 1/165.

Согнут из тонкого листа, края которого отогнуты наружу.

На поверхности два продольных ребра. Фрагментирован.

89. Нож. Железо, кость, длина 14,5, ширина лезвия 2,3, ширина рукояти 1,6. № Дн. 1863 1/152.

Аналогичен кат. 60, 79.

Кат. 88

90. Нож. Железо, кость, длина 18,7, ширина лезвия 2,3, ширина рукояти 1,7. № Дн 1863 1/154.

Аналогичен кат. 60, 79, 89. Не исключено, что один из двух ножей (кат. 89, 90) был найден в юго-восточной камере катакомбы, поскольку И. Е. Забелин при описании инвентаря южного воина указывает на находку одного ножа и «бломки перержавевшего ножа или меча».

Северо-западная камера

91. Амфора. Серебро, 900°, позолота, высота 70,0, максимальный диаметр корпуса 40,0, масса 10784. № Дн 1863 1/166. Сосуд с яйцевидным корпусом, высоким горлом и «грибовидным» венчиком, двумя изогнутыми ручками, прикрепленными к верхней части горла и к плечикам. В нижней части амфоры небольшой поддон. Амфора состоит из двух частей, соединенных в месте максимального расширения. Вся ее поверхность покрыта изображениями, составляющими три фриза. В верхнем, на плечиках под горлом, представлены сцены терзания грифонами оленей. Фигуры нанесены чеканом и позолочены; на лицевой стороне они рельефны, на обратной — уплощены. Средний фриз составляют рельефные литьевые фигуры скифов и лошадей, прикрепленные к корпусу амфоры заклепками. Центральная сцена изображает принесение скифами лошади в жертву. Нижний фриз, покрывающий чеканными изображениями большую часть корпуса сосуда, составлен из элементов растительного орнамента, изображений птиц, розеток. В нижней части амфоры три кранника-слива: по центральной оси — протома крылатого коня с воротником плавников, прикрепленная заклепками; чуть ниже по бокам амфоры две литьевые головы — сливы. В горло амфоры и в сливы вставлены ситечки. Все чеканные изображения проработаны резцом по контуру, позолочены. Поддон, часть горла и одна львиная головка реставрированы.

92. Таз. Серебро, 900°, позолота, диаметр 72,0—77,0, высота 20,0, масса 9097 № Дн 1863 1/167.

В виде неглубокой чаши, вся поверхность которой покрыта изображениями. В центре донной части семилепестковая розетка, от которой отходят листья и побеги аканфа. Растительная композиция окружена плетенкой. Стенки чаши декорированы каннелюрами, доходящими до венчика, уплощенного и подтреугольного в разрезе. С внутренней стороны под венчиком орнамент в виде лозы. Все изображения гравированы по контуру и позолочены. К небольшому поддону чаши припаяны три ножки в виде катушек. По бокам таза находятся две ручки. Их концы вставлены во втулки, прикрепленные к стенке заклепкой и припоем. Ручки украшены тремя валиками сложного профиля. Под каждой ручкой изображена женская обнаженная полужизнь, вырастающая из трилистника аканфа. Руки подняты в жесте адoration и касаются калафа на голове. По сторонам каждой фигуры — система растительных побегов и две двенадцатилепестковые розетки. Таз фрагментирован, одна женская фигура почти полностью разрушена.

93. Черпак. Серебро, длина 54,2, диаметр ковша 14,5, толщина стенок 0,1—0,2. № Дн 1863 1/168.

С неглубокой помятой чашей, изогнутой литьей ручкой, заканчивающейся головой собаки или волка. Способ соединения ручки с ковшом паясан.

94. Зеркало. Бронза, кость, железо, длина ручки 15,6, наибольшая ширина 3,0, толщина 0,5—0,8, диаметр диска 16,8, толщина диска 0,2—0,4. № Дн 1863 1/169.

Диск зеркала вставлен в распил костяной рукояти и закреплен двумя заклепками. По краю зеркала с одной стороны проходит небольшой валик. На лицевой поверхности сохранились остатки дерева (волокна расположены по оси зеркала), окислы бронзы и фрагмент окислившейся ткани простого полотняного плетения.

95. Бусины (70 экз.). Стекло. № Дн 1863 1/170, 171.

1. **Цилиндрические**, слегка выпуклые, светлокоричневого цвета. Длина 0,5—0,7, диаметр 0,4—0,6 (18 экз.).

2. **Кольца** неравномерной толщины черного цвета (52 экз.).

Длина 0,2—0,4, диаметр 0,6—0,7. 16 экз. слиты попарно.

96. Перстни (9 экз.). Золото, 500°, диаметр 1,8, 2,2—2,4, ширина щитка 1,8, масса 2,87—3,56. № Дн 1863 1/173—181.

С гладким овальным щитком. Концы дужек заходят один за другой. Один перстень, меньшего диаметра, украшал мизинец левой руки.

97. Перстень. Золото, 958°, диаметр 2,0, ширина щитка 1,5, масса 8,76. № Дн 1863 1/182

С овальным щитком, на котором врезано изображение взлетающей утки. Концы дужек заходят один за другой. Украшал мизинец правой руки.

98. Метонида (3 фрагмента). Золото, 292°, тиснение, длина 21,3, ширина 2,7. № Дн 1863 1/183.

Начальная лента с рельефным орнаментом: овьи и пальметтки.

На концах и на одной стороне ряд отверстий для нашивания.

99. Бляшки нашивные (20 экз.). Золото, 375°, тиснение, диаметр 1,1. № Дн 1863 1/184.

В виде розетки с двумя отверстиями для нашивания. По краю рельефная насечка.

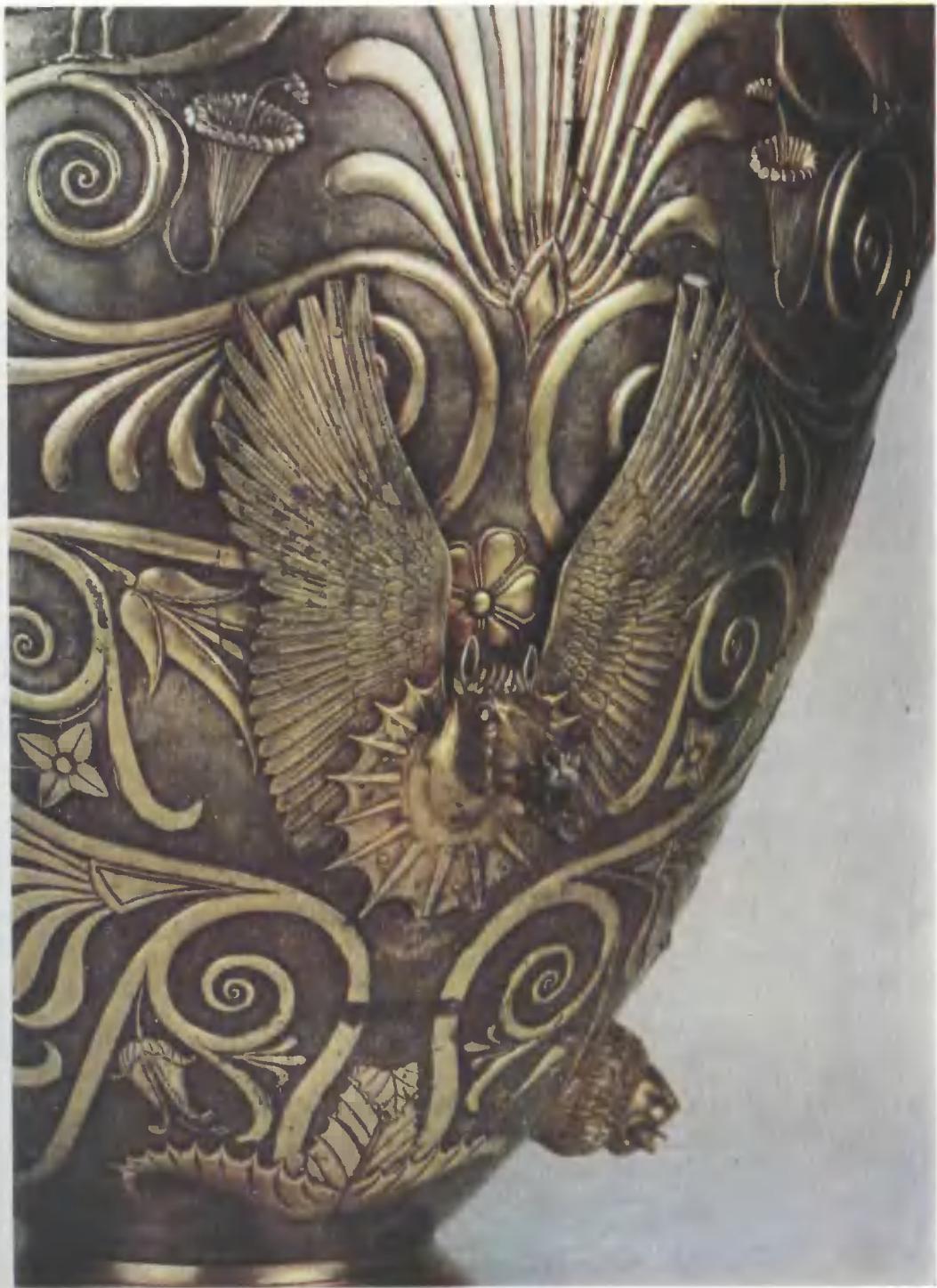
100. Бляшки в виде пельметки (28 экз.). Золото, 292°, тиснение, длина 1,6, ширина 1,4. № Дн 1863 1/185.

С четырьмя отверстиями для нашивания.

Кат. 91 (деталь 1)

Кат. 91 (деталь 2)

Кат. 91 (деталь 3)

Кат. 91 (деталь 4)

Кат. 91 (деталь 5)

Кат. 91 (деталь 6)

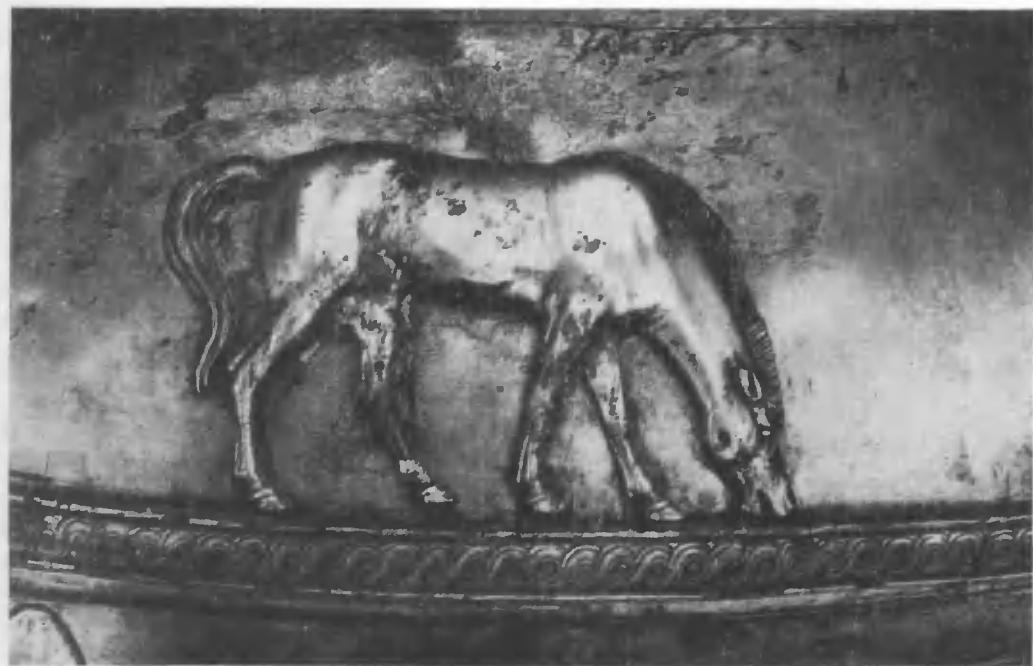
Кат. 91 (деталь 7)

Кат. 91 (деталь 8)

Кат. 91 (деталь 9)

Кат. 91 (деталь 10)

Кат. 91 (деталь 11)

Кат. 91 (деталь 12)

Кат. 91 (деталь 13)

Кат. 91 (деталь 14)

Кат. 91 (деталь 15)

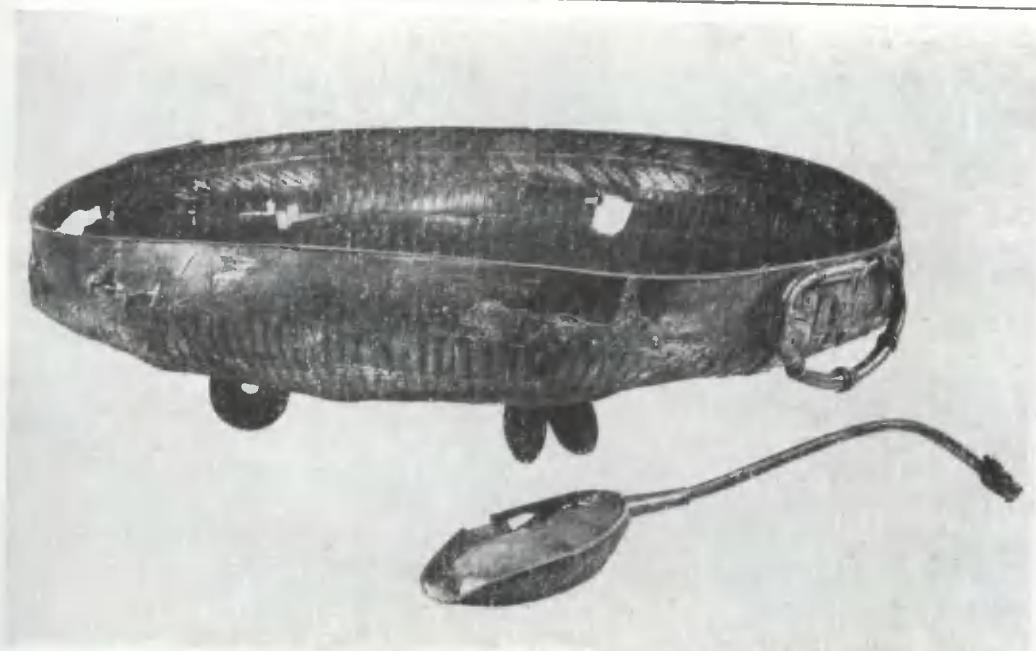

Кат. 91 (деталь 16)

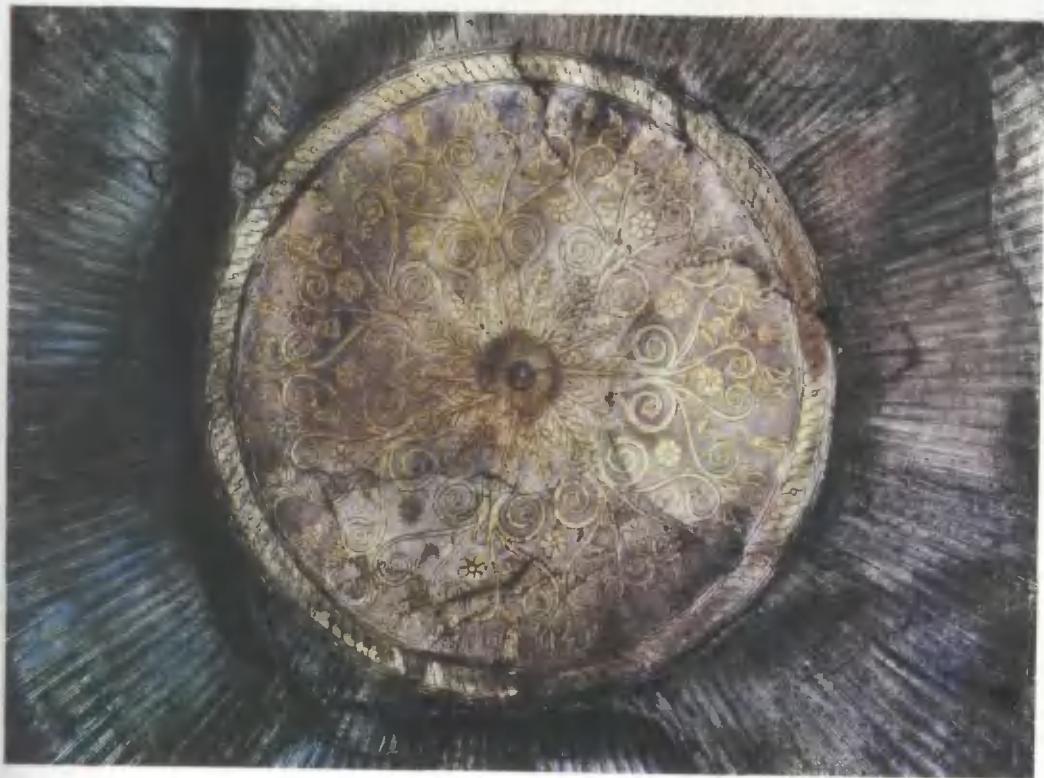
Кат. 91 (деталь 17)

Кат. 92, 93

Кат. 92 (деталь)

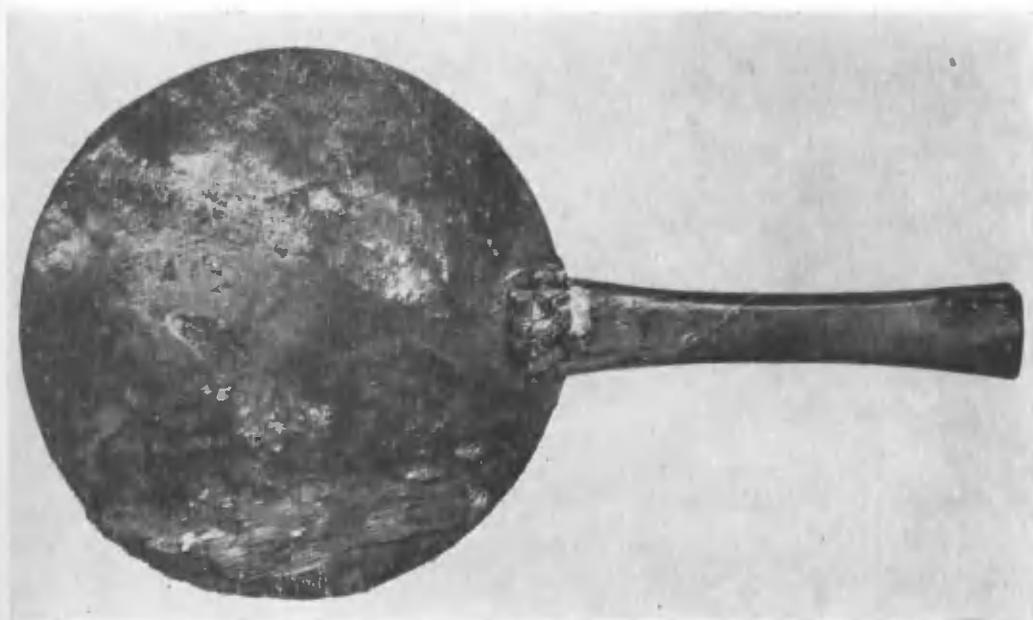

Кат. 92 (деталь)

Кат. 93 (деталь)

Кат. 94 (лицевая сторона)

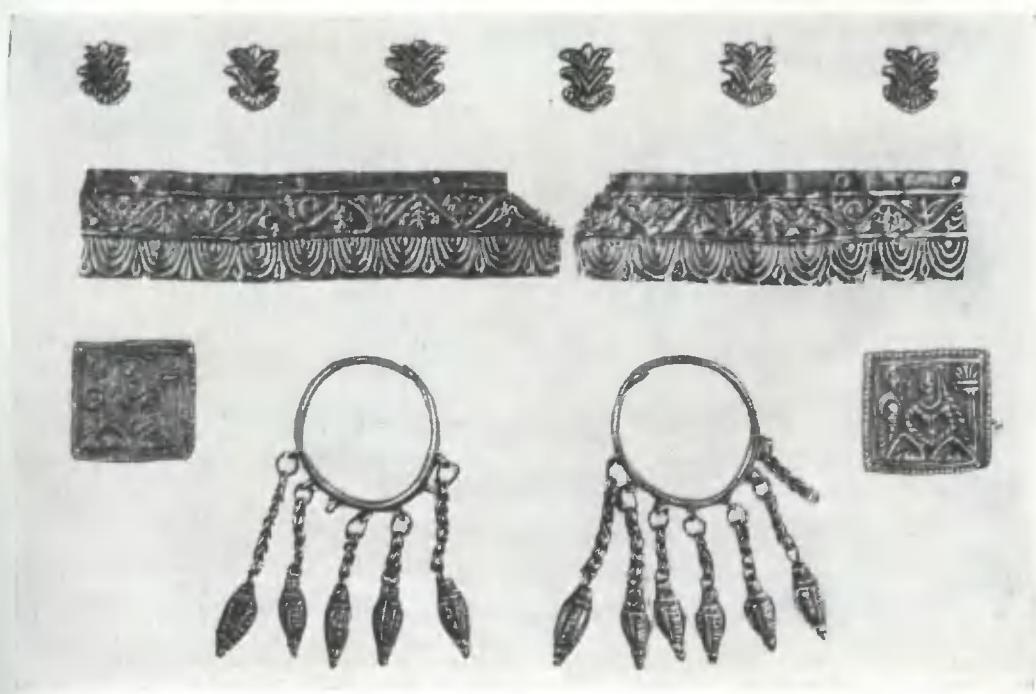
Кат. 94 (оборотная сторона)

Kat. 96, 97

Kat. 98, 100, 101, 103

101. Бляшки прямоугольные (56 экз.). Золото, 292°, тиснение, 3,0 × 3,0. № Дн 1863 1/172. В центре изображена фигура сидящей женщины в фас, справа от нее — стоящий скиф с сосудом в руках, слева — жертвеник с пылающим огнем. В углах отверстия для пашивания. По И. Е. Забелину, бляшечек 57 экз.

101а. Бляшки круглые (7 экз.). Золото, 292°, тиснение, диаметр 0,8. № Дн 1863 1/186. В виде полусферы с петелькой на внутренней стороне.

102. Гравна. Золото, 750°, литье, диаметр 13,3—14,8, масса 361,11. № Дн 1863 1/187. Согнута из круглого стержня в полтора оборота. На концах массивные фигуры лежащих львов.

103. Серьги (2 экз.). Золото, 583°, диаметр кольца 3,5—3,8, общая длина с подвесками 8,0, масса 19,03, 20,11. № Дн 1863 1/188, 189. В виде проволочного кольца с несомкнутыми концами и семью амфоровидными тиснеными подвесками, спаяанными из двух половинок.

104. Браслеты (2 экз.). Золото, 375°, диаметр 6,9—7,5, ширина 3,3—4,9, масса 39,15, 45,43. № Дн 1863 1/190, 191.

Согнуты из пластины с отогнутыми наружу краями, концы которой заходят один за другой. Посередине проходит продольное ребро.

105. Камень. Диаметр 3,4, высота 2,5. № Дн 1863 1/193. Шаровидный, слегка приплюснутый.

106. Обломки браслета (8 экз.). Бронза. № Дн 1863 1/192. Составляют кольцо из тонкой проволоки. Раскопочный номер 475.

Северо-восточная камера

107. Обломок гривны (?). Бронза, длина 5,6. № Дн 1863 1/194. Из полого стержня.

108. Подвеска полая, зерновидная. Золото, 500°, тиснение, длина 2,3, диаметр 0,9, масса 0,95. № Дн 1863 1/195.

109. Кольцо. Золото, 583°, диаметр 2,2, ширина 2,8, масса 10,73. № Дн 1863 1/196. Из тонкой проволоки в пять с половиной оборотов. Концы расплочены и покрыты реальным елочным орнаментом (см. рис. к кат. 59).

110. Веретено. Кость, серебро, золото. № Дн 1863 1/197—205 (отдельно № Дн 1863 1/206).

1. Пластина. Золото, 583°, диаметр 7,7, высота 0,8, масса 12,51. Круглая, с рельефным растительным орнаментом и отверстием диаметром 3,5—3,6 в центре. К цепенному краю прикреплен с помощью обжимания ободок-бортик высотой 0,8 с рельефным орнаментом в виде астрагалов. Загнутый край пластины и бортик про-

Кат. 102

Кат. 110

биты шестью отверстиями. Еще одно отверстие расположено в месте перехода пластины в вертикальный бортик. К пластине относятся обломки серебряной пластинки с рельефным и гравированным орнаментом, причем в первом случае орнамент совпадает с таковым на золотой пластине, а также фрагменты дерева с резным орнаментом, рисунок которого не имеет соответствий на металлических пластинах. Серебряные и деревянные детали могли служить основой для золотой оболочки. См. также кат. 123, 4.

2. *Наконечник* в виде кегли. Золото, 583°, наибольший диаметр 1,2, высота 4,1, масса 8,84. Верхняя часть наконечника литая, втулка с внутренним диаметром около 1,0 свернута из пластины, о чем свидетельствует внутренний шов. Край втулки загнут внутрь, что предполагает наличие внутри втулки какой-то основы из несохранившегося органического материала.

3. *Пронизь*. Золото, 583°, литье, диаметр основания 2,0, диаметр вершины 0,6, высота 2,0, диаметр сквозного отверстия 0,3—0,4, масса 21,50. В виде усеченного конуса с вогнутыми сторонами. Украшена гравированным орнаментом.

4. *Ворварка*. Кость, диаметр 2,3, высота 1,6. В виде усеченного конуса. Раскопочный номер 216.

Кат. 112

Кат. 113

5. Кольца (4 экз.). Кость, золото, диаметр 1,2—1,5.

Костяные кольца, покрытые золотым ободком. По И. Е. Забелину, найдено 6 экз.

6. Деталь. Кость, диаметр основания 1,5, высота 1,8. В виде полусфера с вертикальным выступом сверху, покрытой резным орнаментом. Основание слегка вогнуто. Сквозное отверстие отсутствует. Раскопочный номер 217.

7. Обломки стержня (2 экз.). Кость, длина 6,4, диаметр 0,6. Один обломок имеет за точенный конец, у другого конец оформлен в виде звездных поисков. Раскопочный номер 218.

8. Спиральные ленты (3 экз.). Золото, общая длина 13,5, ширина 0,4. По краям лент ряды рельефных выпуклин, на концах — отверстия.

9. Пластиинки треугольные (10 экз.). Кость, длина 2,2. № Дн 1863 1/206. В виде клиньев.

По И. Е. Забелину, найдено 16 экз. Назначение неясно, принадлежность к веретену вызывает сомнения.

111. Нож. Железо, кость, длина 12,0, ширина лезвия 2,0, ширина ручки 1,5. № Дн 1863 1/207.

Фрагментированный клинок с горбатой спинкой вставлен в распил костяной шестигранной в сечении рукояти и закреплен двумя железными заклепками.

112. Пластиинки-украшения шкатулки (14 экз.). Кость, длина 3,4—10,8, ширина 1—2,4. № Дн 1863 1/223—225.

Пластины различаются размерами и толщиной. На внутренней их стороне врезные насечки для прикрепления, а на двух маленьких пластинах — косяя насечка. Одна пластина в виде трапеции, остальные — прямоугольные. Многие фрагментированы. На внешней поверхности двух маленьких пластин нанесен орнамент: на одной — меандр, на другой — виноградная лоза.

Кат. 113 (деталь)

Кат. 114

Кат. 116

Кат. 118 (лицевая сторона)

Кат. 118 (оборотная сторона)

113. Головной убор в виде калафа. Золото, 292°—750°, тиснение, пайка. № Дн 1863 1/216—219, 227, 228, 232, 233, Дн 1862—1863 1/62.

Состоит из нескольких рядов пластин, покрытых тисненым растительным и зооморфным орнаментом.

114. Нагрудное украшение в виде сетки. Золото. № Дн 1863 1/245 (?), 250—256, 272—275.

1. Бусины (111 экз.). Длина 0,4—0,8, диаметр 0,4—0,6. Яйцевидной формы, спаяны из двух половинок, украшенных продольным желобчатым орнаментом. У некоторых вокруг отверстий нащажно проволочное кольцо.

2. Бусы-подвески (29 экз.), 292°, 375°, длина 2,4, диаметр 1,1; (32 экз.), длина 3,4, диаметр 1,4. Каплевидные, спаяны из двух половинок, украшенных продольными гладкими и сетчатыми полосками.

3. Бусины (2 экз.), 375°, диаметр 0,9—1,0. Шаровидные, спаяны из двух половинок. Вокруг отверстий напаяно проволочное кольцо.

4. Пронизи (442 экз.), 375°, 583°, длина 0,5—2,9, диаметр 0,2—0,3. В виде свернутых в трубочку тонких прямоугольных пластинок. Некоторые украшены поперечными рельефными валиками. Многие фрагментированы.

115. Бусы (65 экз.). Стекло, диаметр 0,5, толщина 0,2—0,4. № Дн 1863 1/276.

В виде колец синего цвета. Относились, вероятно, к убору по кат. 114. По И. Е. Забелину, их было 66 экз.

116. Подвески в виде сфинксов (2 экз.). Золото, 375°, мастика (?), высота 2,5, ширина 2,0, масса 4,95; 5,05. № Дн 1863 1/257, 258. Полая фигурка сфинкса с петлей для подвешивания на подпрямоугольном основании, внутренняя полость которого заполнена черной массой.

117. Крючок и обломок стержня. Железо, длина 7,8, 8,9, толщина 0,8, 1,1. № Дн 1863 1/260, 261.

Крючок в виде четырехгранных стержней, загнутого с обоих концов. Обломок изогнуто-го стержня, круглого в сечении.

Кат. 119

118. Зеркало. Железо, бронза, золото, плина ручки 23,9, ширина 2,6, голщина ручки 0,7, диаметр диска 19,1. № Дв 1863 1/262. Круглый бронзовый диск, к нижнему краю которого тремя бронзовыми заклепками прикреплена железная ручка. Нижняя часть ручки оформлена в виде стилизованных когтей хищной птицы. К диску и ручке прилипли шесть полусферических золотых бляшек с петлей на внутренней стороне. Диск слегка деформирован, ручка наломана. На диске отпечатался след фрагмента сетчатого нагрудного украшения (кат. 112).

119 Детали веретена. Серебро, № Да 1863 1/279, 280

1. Пронизь. Серебро, литье, высота 1,6, диаметр основания 2,0. В виде усеченного конуса с вогнутыми сторонами. Украшена резным геометрическим орнаментом (ср. кат. 106, 2).

2. Обломки стержня (2 экз.). Серебро, длина 2,6 и 3,0, толщина 0,3—0,4. Раскопочный номер 266.

120. Ткань (12 кусков). № Да 1863 1/281—287

Шерстяная ткань светло-коричневого цвета. На одном фрагменте имеется узкий кант темно-коричневого цвета. На поверхности некоторых фрагментов чередование узких светлых и широких темных полос неправильной формы.

121 Мех (2 куска). № Да 1863 1/341.

Остатки кожи с шерстью темно-коричневого цвета. В шерсти — фрагменты плетеных нитей.

122 Головной убор в виде калафа. Золото, 292°—583°, тиснение. № Да 1863 1/288—290, 305—308, 357, Да 1862—1863 1/2. Состоит из нескольких рядов золотых пластинок с тиснением растительным и зооморфным орнаментом, наплавившихся на кожаную основу.

122а Пластины изогнутые (4 экз. и обломок). Золото, 583°, тиснение. № Да 1863 1/291. Длина 0,8—17. Украшены овами. Назначение неизвестно.

123. Пластиинки 6 экз. и обломки). Золото, 375°, тиснение, № Да 1863 1/292—298, 309. 1. В виде крыла (5 экз.) с тремя отверстиями для нашивания. Длина 2,2—6,5, ширина 1,5—2,8.

2. Полуовальная вырезная. Длина 1,8, ширина 1,3.

3. Обломки в виде бегущей волны. Длина 1,9—4,4 ширина 0,6—1,6.

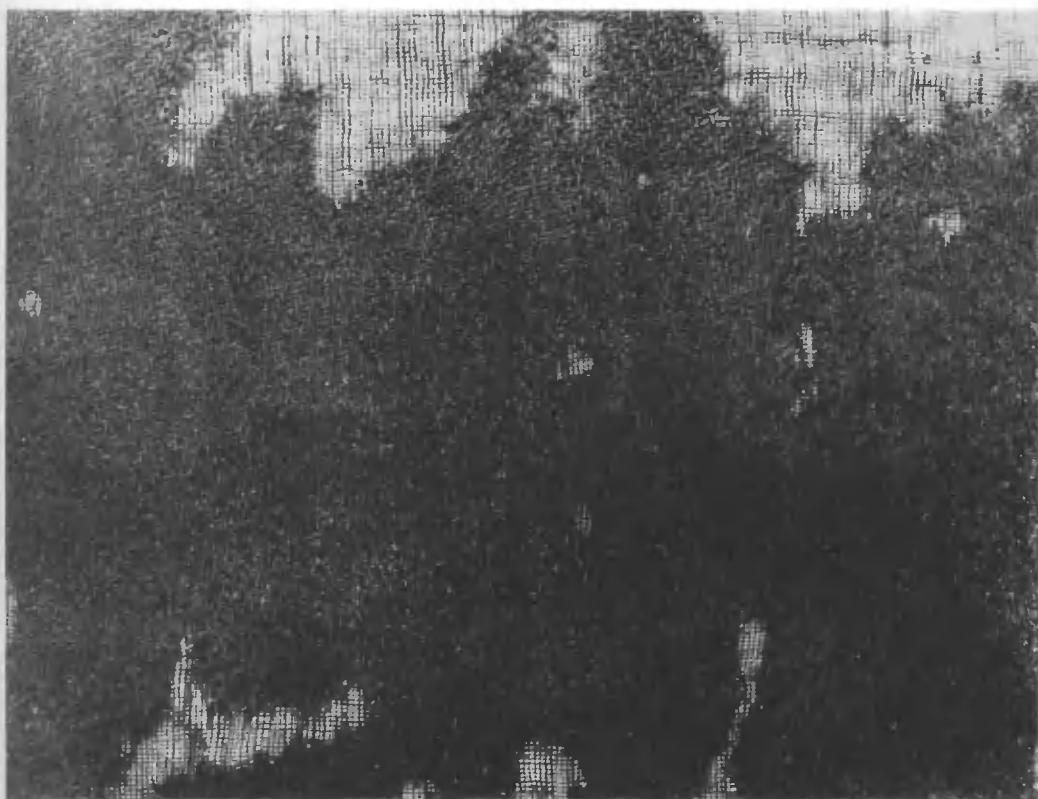
4. Обломки (4 экз.) полосы зубчатой, служившей обивкой какого-то предмета. Возможно, типа кат. 110, 1.

124. Нагрудное украшение в виде сетки. Золото, № Да 1863 1/301—304

1. Подвески (97 экз.), 583°, диаметр 0,9—1,0. Шаровидные, спаяны из двух половинок. В верхней части припаяна желобчатая трубочка, завершающаяся колечком. По И. Е. Забелину, найдено 100 экз.

2. Бляшки (43 экз.), 375°, диаметр 0,7—0,8. Полусферические, с петлей на внутренней стороне. По И. Е. Забелину, найдено 205 экз.

3. Пронизи (186 экз.), 583°, длина 0,9—2,1, диаметр 0,2—0,3. В виде свернутых в трубоч-

Кат. 120
(деталь)

Кат. 121

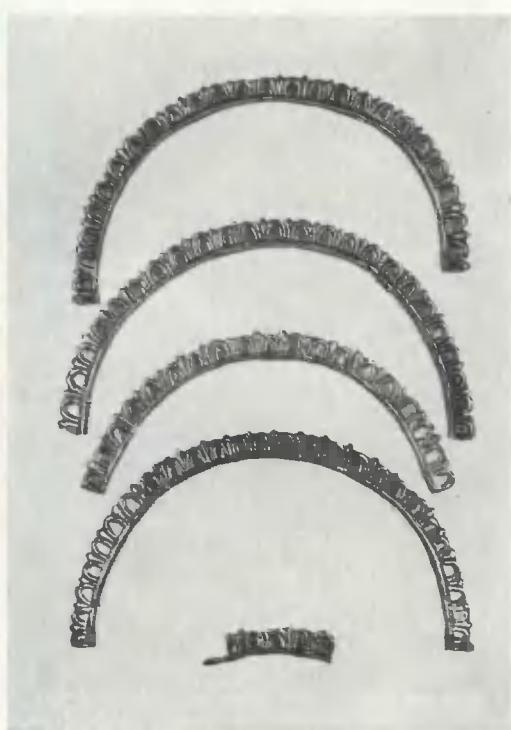

Кат. 120 (деталь)

Кат. 122

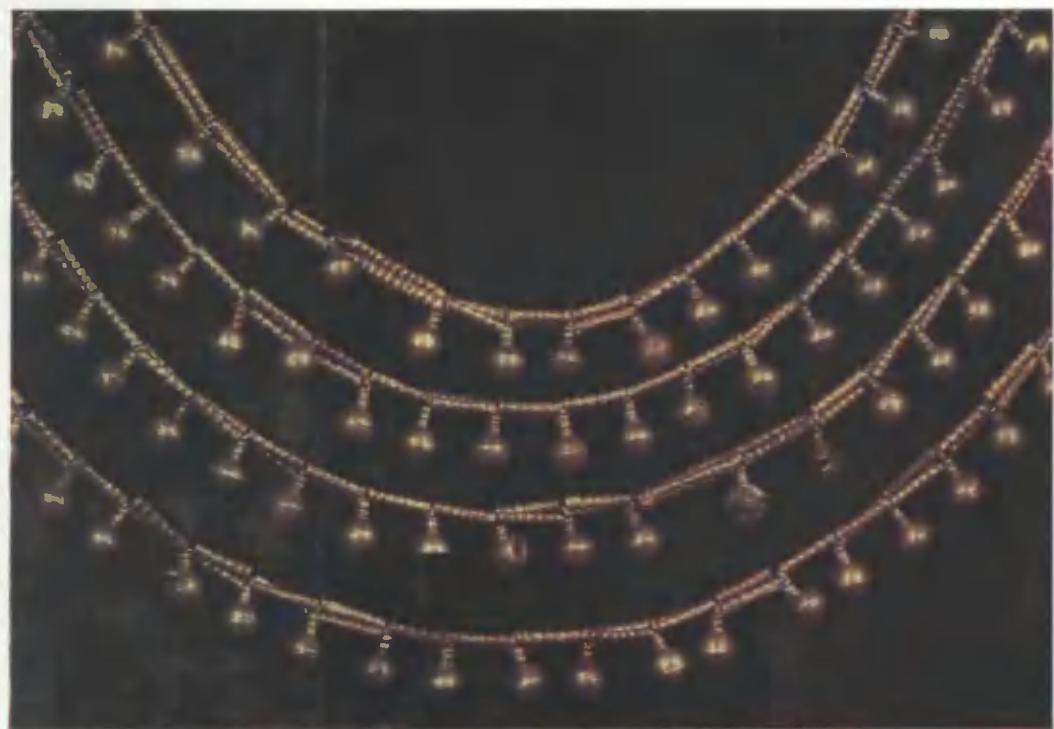
Кат. 122а

ку тонких прямоугольных пластинок. Ук-
рашены поперечными валиками. Многие фраг-
ментированы.

125. Обломок ручки ложки в виде головы
птицы (?). Серебро, длина 2,8, наибольшая
ширина 0,5. № Дн 1863 1/313. Записан так
в инвентаре ОИИК. В настоящее время —
обломок проволоки длиной 1,4.

126. Крючок. Железо. № Дн 1863 1/314.
Согнут из четырехгранного стержня. Длина
11,5.

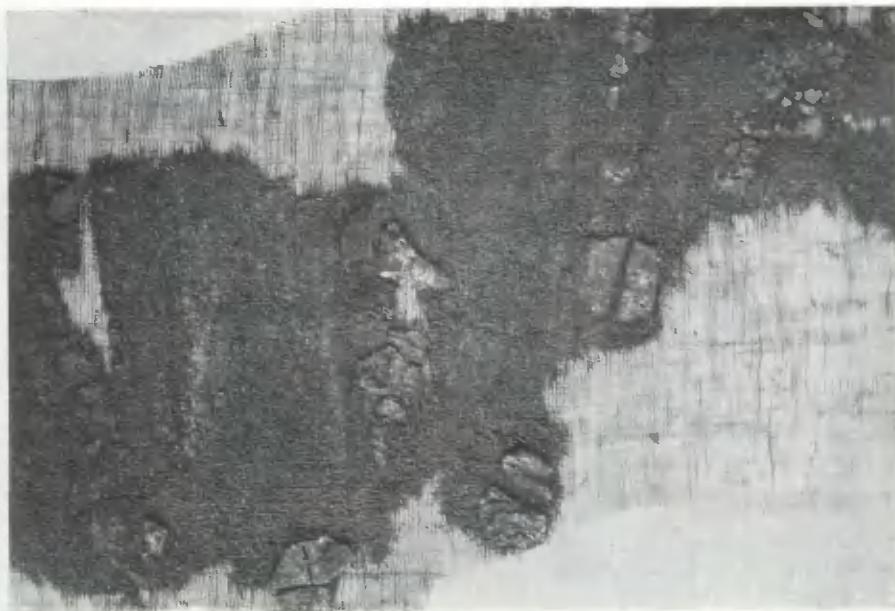
127. Ткань (9 кусков). 19—43,0 × 14,0—
32,0. № Дн 1863 1/315—319. Шерстяная,
коричневого цвета (от светлого до темного).
Плетение ромбовидное со сторонами 1,0 ×
1,0. Некоторые фрагменты декорированы по-
лосами гиани красного и зеленого цвета;
остатки кожи. К инвентарию северо-восточной
камеры, возможно, относятся наконечники
типа кат. 141.

Кат. 124.
I, 3

Кат. 127
(деталь)

Кат. 127 (деталь). Кат. 127 (деталь)

Юго-восточная камера

128. Головной убор в виде калафа. Золото, пике 375° — 900° , тиснение № Дн 1863 1/320—328.

Состоит из рядов золотых пластинок, украшенных тисненым растительным и зооморфным орнаментом и наплавившихся на кожаную основу.

129. Оправа оселка. Золото, 900° , длина 3,7, диаметр 1,9, масса 7,58. № Дн 1863 1/334. В виде цилиндрического колпачка со сквозным отверстием в верхней части.

130. Булавка с волнообразной спинкой. Серебро, высота стержня 2,6, ширина спины 1,7. № Дн 1863 1/335. Фрагментирована.

131. Нож. Железо, кость, длина 20,0, ширина лезвия 2,4, длина рукояти 10,3. № Дн 1863 1/336. Клинок вставлен в распил восьмигранной рукояти и закреплен тремя железными заклепками.

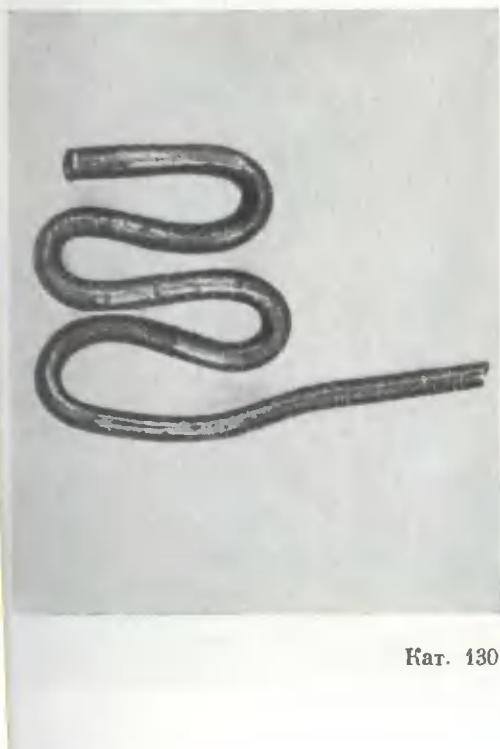
132. Нож. Железо, кость, длина 17,5, ширина лезвия 2,5, длина рукояти 10,0. № Дн 1863 1/360. Аналогичен кат. 131.

133. Котел. Бронза, литье, высота 27, наибольший диаметр 31. № Дн 1863 1/337а. В виде уплощенной сферы со срезанной вершиной на конической высокой ножке. Чаша

Кат. 128

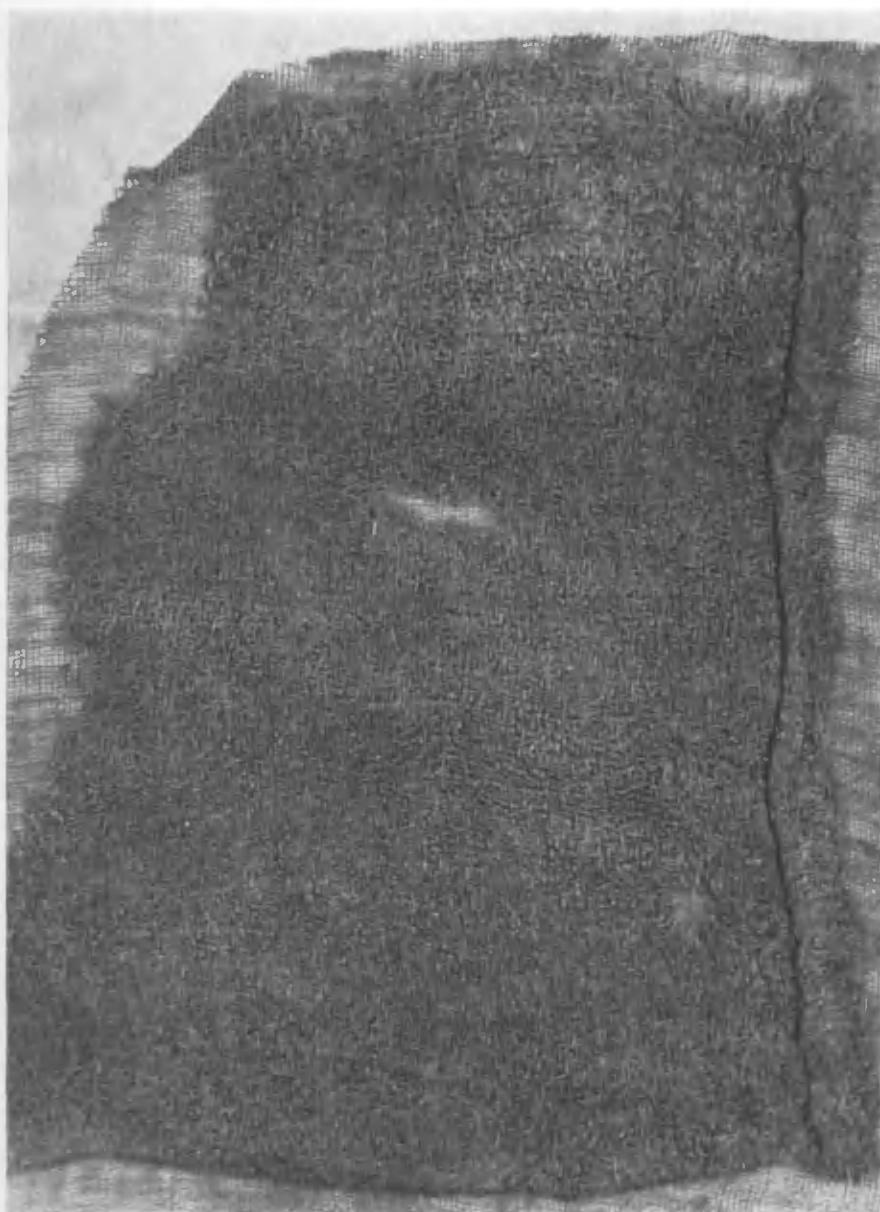
Кат. 130

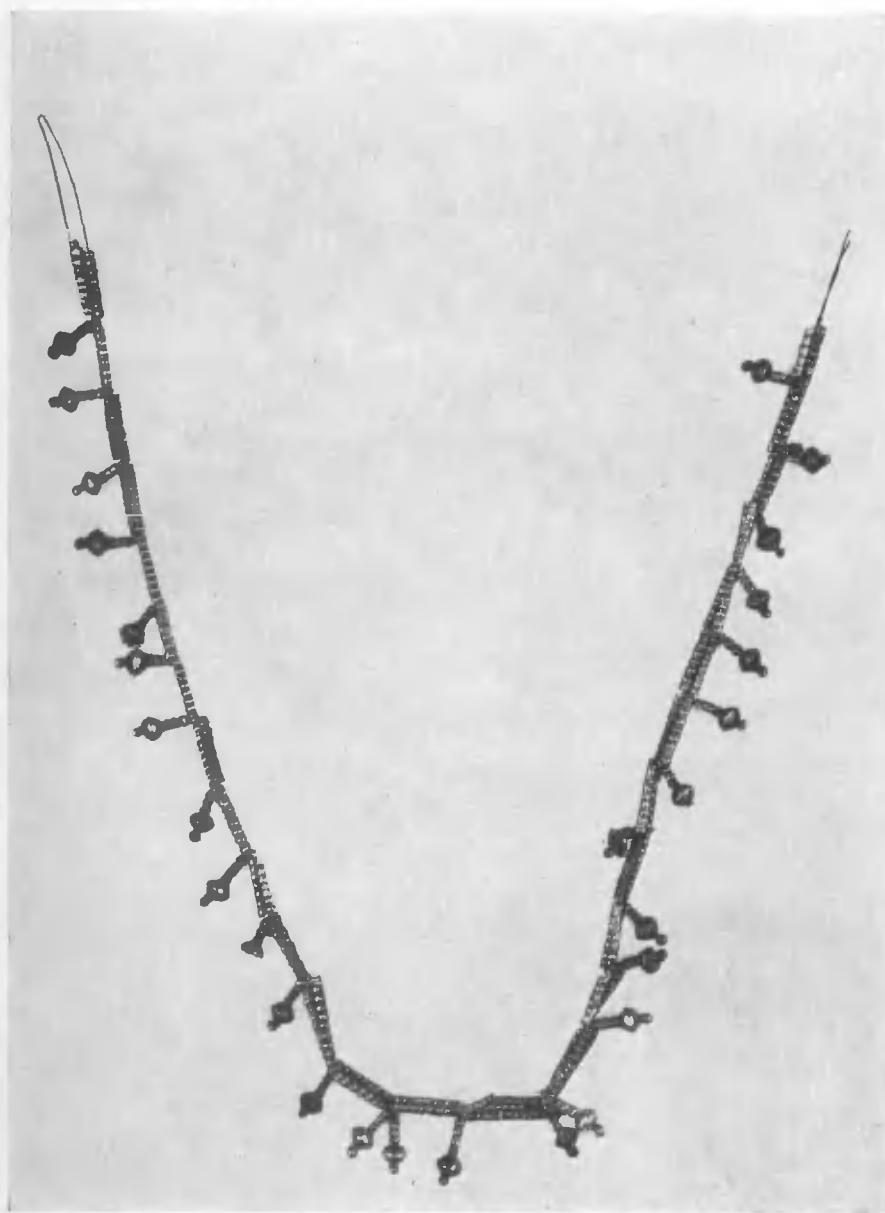

Кат. 136
(деталь)

стоящей из двух половинок трапециевидного сечения, при помощи пяти железных заклепок. Нижняя заклепка, расположенная у самого конца рукояти, могла быть в виде скобочки, охватывающей торцовую часть.
140. Крючок. Железо, длина 7,6, ширина 3,5, толщина 1,5. № Дн 1863 1/361.
141. Наконечники стрел (71 экз. и 3 обломка). Бронза, кость, длина 2,7—5,0. № Дн 1863 1/208—215, 226.

1. Трехлопастные со скрытой втулкой и опущенными жальцами (3 экз.). На одной грани процарапан знак в виде фигурной скобы.
2. Трехгранный с выступающей втулкой. На одной стороне в нижней части нанесен рельефный знак в виде угла острием влево.
3. Трехгранный с рельефно выступающей на гранях втулкой. На каждой стороне по два ложковидных углубления, а на втулке косая рельефная черта.

Кат. 137

4. Трехгранные со скрытой втулкой (13 экз.).
Ср. кат. 61, 11.

5. Пулевидный костяной, с треугольными вырезами в нижней части. Был найден лежащим
отдельно, вместе с фрагментами костяной
шкатулки (кат. 112).

6. Трехлопастные фрагментированные (2 экз.).
Ср. кат. 67, 1.

7. Трехлопастные (3 экз.). Ср. кат. 32, 8.
8. Трехгранные (3 экз.). Ср. кат. 32, 6а.

9. Трехгранные (5 экз.). Ср. кат. 32, 1а.
10. Трехгранные (7 или 8 экз.). Ср. кат. 32, 5.

11. Трехгранные (12 экз.). Ср. кат. 32, 11.
12. Наконечники неясных типов (9 экз. и 3
обломка). По И. Е. Забелину, возле скелета
в северо-восточной камере было обнару-
жено 67 наконечников стрел в юго-восточ-
ной камере — более 50 экз. Точная принад-
лежность наконечников к кат. 141 не уста-
навливается.

Кат. 142

Камера № 5

142. Котел. Бронза, литье, высота 100,1, диаметр 68,0. № Дн 1863 1/362.

Чаша в виде срезанной сферы. Поверхность орнаментирована тремя рельефными пересекающимися зигзагообразными линиями, образующими ромбы и треугольники. По венчику расположены вертикальные ручки в виде шести фигурок козлов: три направлены в одну сторону, три — в противоположную.

У каждой фигурки моделированы дугообразные рога, уши, небольшая бородка и короткий вадернутый хвост. Котел сильно фрагментирован.

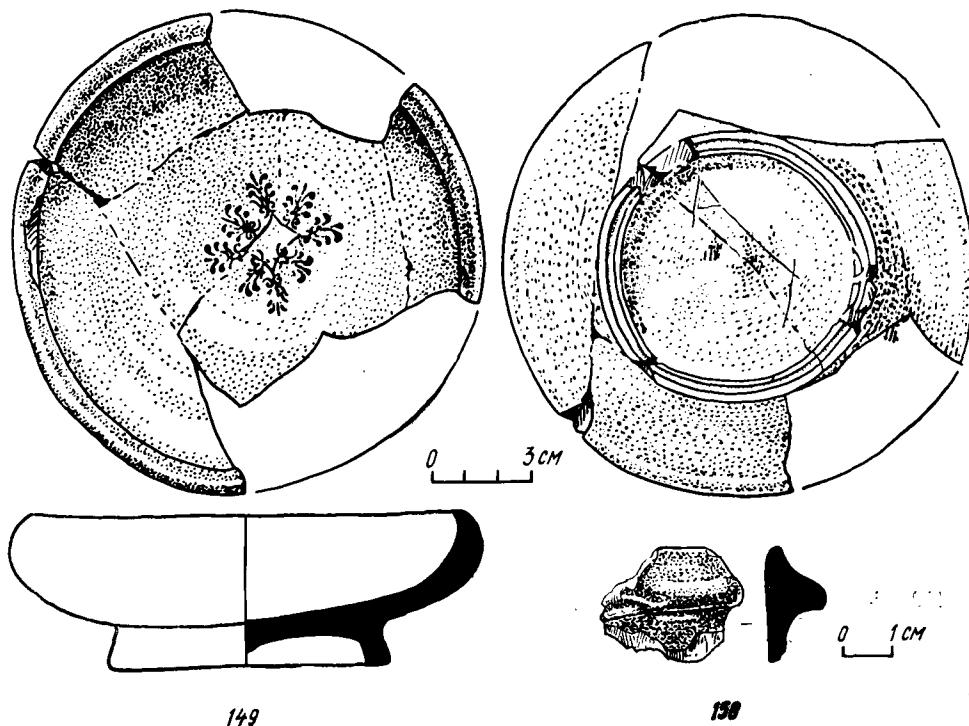
143. Котел. Бронза, литье, высота 59,0, диаметр 40,0 × 62,0. № Дн 1863 1/363. Уплощенный с боков корпус в виде сферы на конической вожке, украшенный двумя рельефными линиями пересекающихся зигзагов, образующих ромбы и треугольники. Вдоль

Кат. 143

Кат. 144

149

150

Кат. 149, 150

нижней части проходит горизонтальный валик в виде шнура. Ручки, расположены на венчике, имеют по три выступа-шишечки. Котел фрагментирован.

144 Светильник. Бронза, литье, высота 11,0, максимальный диаметр 35,5. № Дн 1863 1/364.

В виде неглубокой чаши, с шестью рожками-соплами, на конической ножке. Имеет следы древней реставрации. На дне чаши небольшое углубление. Вокруг основания ножки на дне чаши видны следы, фиксирующие процесс лепки восковой модели. Металл сильно коррозирован, один рожок фрагментирован.

145. Пластиинка. Золото, 958°, длина 4,4, ширина 2,2. № Дн 1863 1/378. Вырезная ажурная в виде ветки с цветком лотоса.

146. Обломки пластиинок (2 экз.). Золото, 900°, тиснение, длина 2,2—2,8 × 0,9—1,2. № Дн 1863 1/379.

В виде крыльев.

147. Обломки пластины (3 экз.). Золото, 958°, железо, длина 2,0—4,0. № Дн 1863 1/380. В виде узкой ленты с рельефным растительным орнаментом.

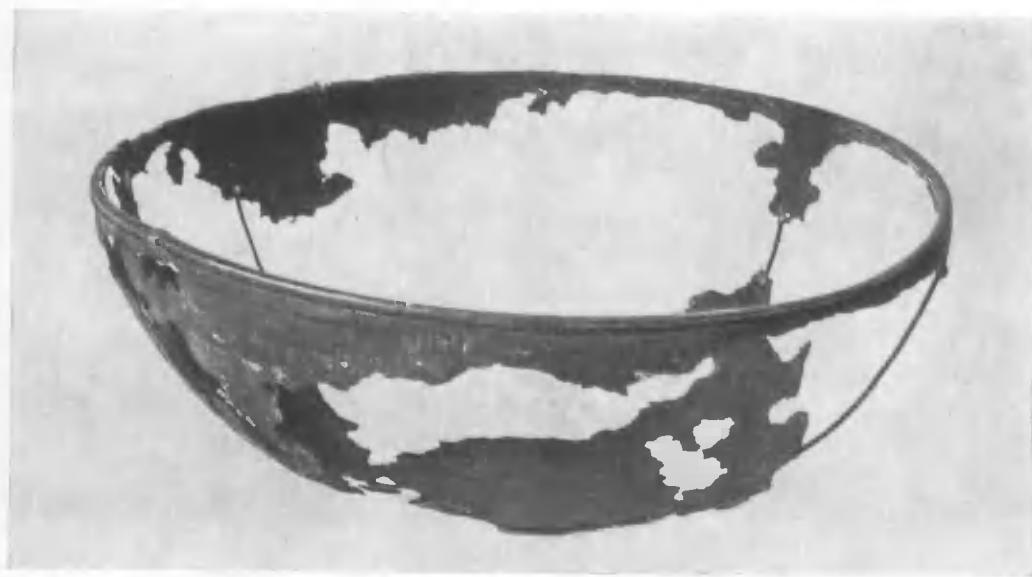
На одном обломке сохранилась часть железной основы.

148. Подвеска. Золото, 500°, высота 1,7, ширина 1,0, масса 2,19. № Дн 1863 1/473. Полая, спаянная из двух тисненных половинок в виде головы негра.

149. Чашечка чернолаковая. Глина, диаметр 13,0, высота 4,5. № Дн 1863 1/471.

Чашечка на кольцевом поддоне. Стенки загнуты внутрь. Склесена из пяти фрагментов. Лак гусклого цвета, местами с графитовым оттенком. На подошве поддона лака нет. Внутри — штампованный орнамент из ромба с вогнутыми сторонами, у концов которого расположены четыре пальметки. Такие же пальметки и возле каждой из сторон четырехугольника. С одной стороны возле орнаментальной композиции заметны следы расчеса каким-то предметом. На внешней стороне дна — граффито А. Около 350—320 гг. до н. э.

150. Фрагмент венчика чернолакового канфара. Глина, 2,5 × 3,0 № Дн 1863 1/482. Венчик в разрезе подтреугольной формы. Глина светло-оранжевого цвета, лак черный блестящий, хорошего качества. Восстановляемый диаметр сосуда 8,0—9,0. Около 350—320 гг. до н. э.

Кат. 152. Кат. 153 Кат. 157

Кат. 163—165

151. Оправа точильного камня (1 экз. и обломок). Золото, 958°, длина целого 4,2, диаметр 1,8, длина фрагмента 1,7, ширина 1,3. № Дн 1863 1/465, 466.

Целый экземпляр: в виде колпачка со сквозным отверстием в верхней части и напаянным филигранным пояском на верхнем и нижнем концах.

152. Чаша полусферическая. Бронза, диаметр 22,0—23,0, высота 8,5, толщина стенок 0,09. № Да 1863 1/499.

Чаша кованая, с загнутым внутрь подтреугольным в сечении венчиком. В 0,3 от края — горизонтальный, слегка рельефный поясок шириной 0,4. На внешней стороне дна — небольшой поддон в виде слегка выступающего над поверхностью диска диаметром 6,5. Чаша фрагментирована. По И. Е. Забелину, чаша была с поддоном.

153. Петли. Серебро, длина 9,5. № Да 1863 1/466а.

154. Нож. Железо, кость, длина 20,0, длина рукояти 10,3, ширина лезвия 2,1. № Да 1863 1/468
Клинок с горбатой спинкой вставлен в распил костяной рукояти и закреплен в ней тремя железными заклепками.

155. Нож. Железо, кость, длина 17,0, длина рукояти 8,9, ширина лезвия 2,0. № Да 1863 1/469.

Аналогичен кат. 154.

156. Крючок. Железо, ковка, длина 9,8, наибольшая толщина 0,9. № Да 1863 1/470.
В виде стержня. Оба конца обломаны.

157. Ситула. Бронза, диаметр венчика около 17,0—18,0, диаметр поддона 10,0. № Да 1863 1/467.

Сохранились лишь поддон и верхняя часть сосуда с двумя фрагментированными ручками. Венчик плоский, под ним нанесен гравированный и чеканный орнамент: овцы и циркульная плетенка. Высота ситулы не устанавливается.

158. Пронизь. Кость, высота 1,0, диаметр 1,0. № Да 1863 1/383.

В виде цилиндра с поперечным сквозным отверстием в одной стенке.

159. Бляшка. Бронза, диаметр 1,2. № Да 1863 1/382. Круглая, слегка выпуклая.

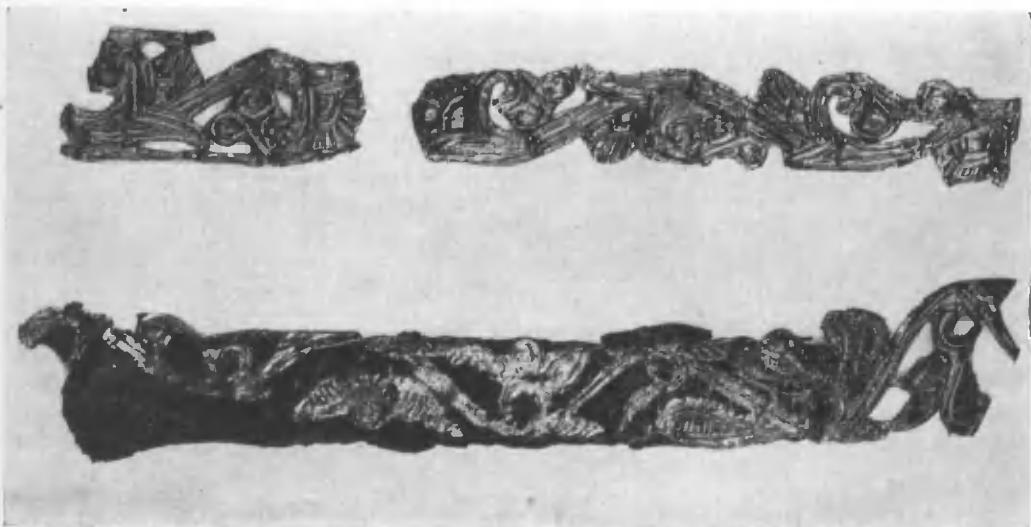
160 Пластина (1 экз.). Золото, 916°—958°, тиснение, длина 10,3, ширина 3,8. № Да 1863 1/390.

В виде пальметтки. Аналогична кат. 199.

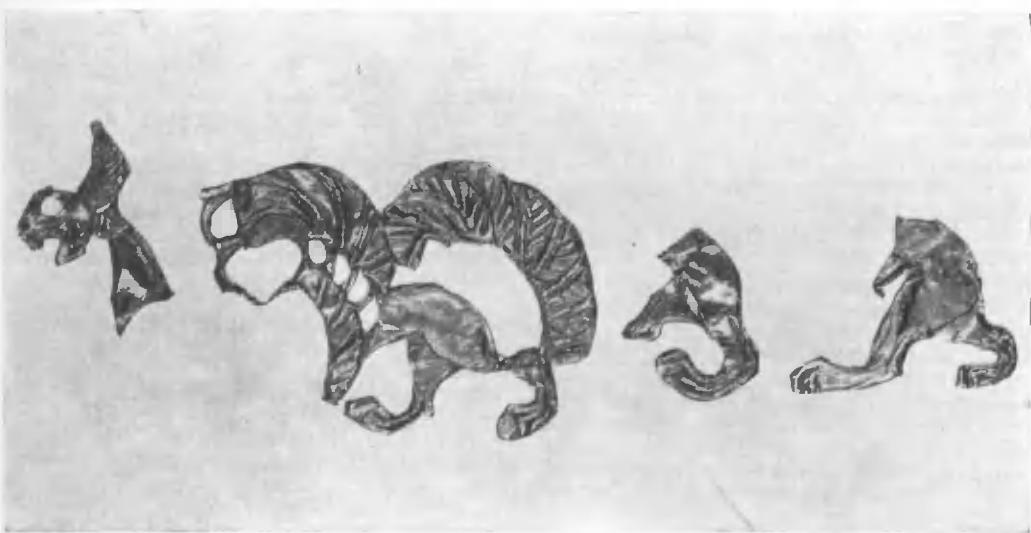
161. Пластина. Золото, 958°, тиснение, длина 4,2, ширина 2,7. № Да 1863 1/393.
С рельефным растительным орнаментом.

162. Пластина. Золото, 958°, тиснение, длина 6,0, ширина 2,7. № Да 1863 1/394.
Ажуранная, овальная, в виде розетки.

163. Перстень. Золото, 916°, литье, диаметр 2,3—2,5, масса 15,68. № Да 1863 1/384.
С овальным щитком и дужками, концы которых заходят один за другой. На щитке резное изображение быка, стоящего у растения

Кат. 167, 168

Кат. 169

164 Перстень. Золото, 916°, литье, диаметр 2,3, масса 16,13. № Дн 1863 1/385.

С овальным щитком и дужками, концы которых заходят один за другой. На щите резное изображение лежащей собаки с ошейником, грызущей кость.

165 Кольцо. Золото, 916°, диаметр 2,7, масса 5,91. № Дн 1863 1/386. Из круглой проволоки с сомкнутыми концами.

166 Наконечник ножен меча. Золото, 375°, длина 14,4, ширина основания 3,6, масса 52,10. № 1863 1/387.

В виде уплощенного конуса, свернутого из пластины. Одна сторона гладкая, другая — граненая. В верхней части один из углов пробит золотым гвоздем для закрепления наконечника на основе.

167 Пластина. Золото, 958°, тиснение, длина 15,8, ширина 1,8. № Дн 1863 1/389. Ажурная, в виде ветки аканфа.

168. Пластина (1 экз. и обломок). Золото, 958°, железо, общая длина 26,0, ширина 2,7—3,0. № Дн 1863 1/388, 394. Ажурная, в виде гирлянды из пальметток. Покрывает железную пластину-основу.

169. Пластиинки (целые и фрагментированные). Золото, 583°—958°, тиснение, максимальная длина 7,5, ширина 5,2. № Дн 1863 1/395—405.

В виде фигуры трифона влево, задней части туловища графона, с растительным орнаментом.

170. Обломки пластиин. Золото, 958°. № Дн 1863 1/406—408. Фрагменты пластиин с растительным орнаментом — обивки стержней.

171. Ворварки (2 экз.). Золото, 375°, кость, диаметр 1,2, высота 0,5. № Дн 1863 1/413. В виде костяных цилиндров, имеющих золотую оболочку.

172. Ворварки (2 экз.). Золото, 900°, диаметр 1,4, высота 0,5. № Дн 1863 1/414. В виде тонкостенных колпачков с отверстием в центре вершины.

173. Бусы (19 экз.). Золото, 292°—375°, диаметр 1,5—1,7, длина 1,6—1,7. № Дн 1863 1/415.

Шаровидные, спаянные из двух тисненных половинок. Вокруг отверстий напаяно кольцо из проволоки.

174. Пряжка. Серебро, диаметр 2,7, толщина 0,7. № Дн 1863 1/416. В виде кольца.

175. Ворварка. Серебро, диаметр 3,1, высота 1,0. № Дн 1863 1/417. В виде сильно уплощенного усеченного конуса с насечками по нижнему краю.

176. Обломки пластиинки (2 экз.). Серебро, длина 2,0 и 3,4, ширина 1,6 и 2,5. № Дн 1863 1/418.

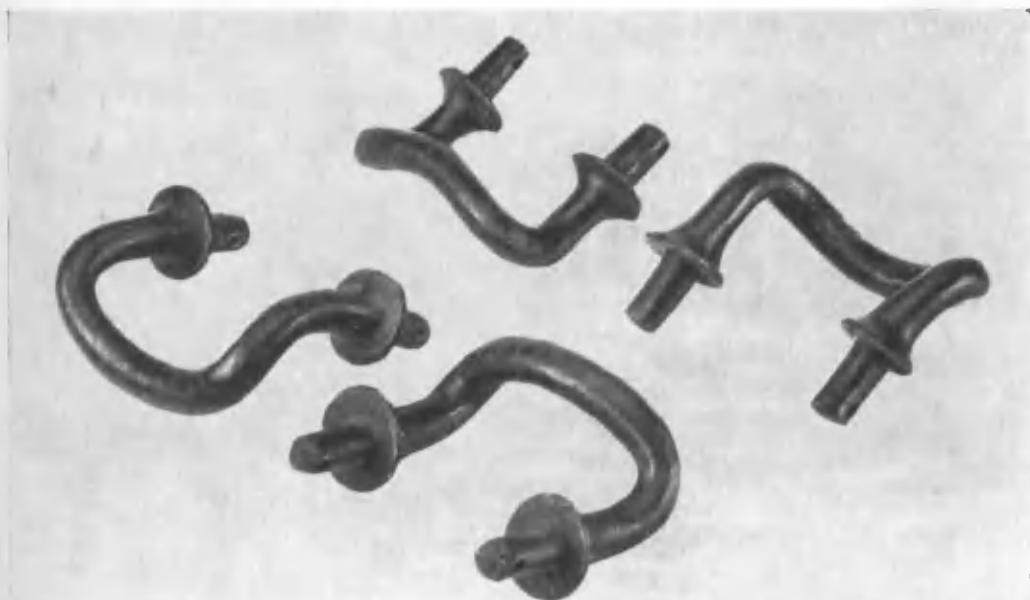
Местами согнуты в два слоя и пробиты серебряными гвоздиками.

177. Обломки витой серебряной проволоки. Серебро, длина 2,7, толщина 0,6 и 0,3. № Дн 1863 1/419.

178. Боевой пояс. Бронза, общая длина фрагментов около 40,0, высота пластиин 3,0. № Дн 1863 1/451.

Состоит из узких пластиин, слегка расширяющихся в центральной части и имеющих по одному отверстию на каждом конце и два — вдоль одной длинной стороны (ср. кат. 75, 86). На внутренней стороне пояса сохранились фрагменты кожаной основы.

179. Боевые пояса (2 экз.). Железо, общая длина фрагментов около 140,0, высота пластиин в изогнутом состоянии около 4,0. № Дн 1863 1/452.

Состоят из узких пластин, на концах которых пробито по одному отверстию. Каждая из пластин прикрывает соседнюю примерно на половину ширины. Количество отверстий, расположенных вдоль длинных сторон, не ясно (вероятно, их было два). В набор этих поясов входят четыре квадратные пластины размерами $4,0 \times 4,0$, в центре которых пробиты квадратные отверстия размерами $1,0 - 1,5 \times 1,0 - 1,5$. По внешнему и внутреннему краю каждой такой пластины пробиты ряды маленьких отверстий. В набор также входит полуovalная концевая пластина размерами $3,0 \times 3,8$. У ее закругленного края пробито два отверстия диаметром около 0,2.

180. Ручки (4 экз.). Бронза, расстояние между концами 9,0 (1 экз.); 8,0 (3 экз.), толщина 1,1—1,3. № Дн 1863 1/458.

На концах ручек на расстоянии 2,0 от края расположены дисковидные выступы-упоры диаметром 2,8. На концах стержней в 1,5 от упоров — горизонтальные сквозные отверстия для штифтов. На двух ручках в одном из отверстий сохранились фрагменты этих штифтов. По И. Е. Забелину, найдено пять ручек.

181. Гвозди (8 экз.). Железо, длина наибольшего 8,8, диаметр шляпки 3,0. № Дн 1863 1/459.

Изогнуты, шляпки круглые, плоские. На стержнях сохранились остатки дерева.

182. Бусина. Золото, 500°, диаметр 1,6. № Дн 1863 1/474.

Шаровидная, спаянная из двух тисненных половинок. Вокруг отверстий напаяно кольцо из проволоки.

183. Пластиинки (4 экз. и 2 обломка). Золото, 900°—958°, тиснение, длина 2,3—4,5, ширина 0,8—2,6. № Дн 1863 1/472, 475—479.

В виде рельефной пальметтки с двумя отверстиями для нашивания; в виде лепестка с двумя отверстиями для нашивания; в виде львиной лапы с двумя отверстиями для нашивания; обломки с рельефным орнаментом.

184. Меч. Железо, золото, 958°, длина рукояти 14,0, клиника 30,0. № Дн 1863 1/449. Железная рукоять с овальным навершием, овальной рукоятью и треугольным перекрестьем обтянута тонким золотым листом с рельефными чеканными изображениями лежащего оленя, грифона и лежащего хищника. Оболочка повреждена.

185. Меч. Железо, золото, 958°, длина рукояти 13,6, длина меча 52,4. № Дн 1863 1/450.

Аналогичен кат. 184.

186. Меч. Железо, золото, 958°, длина рукояти 14,5, длина меча 50,0. № Дн 1863 1/464.

Аналогичен кат. 184, 185.

187. Рукоять меча. Железо, золото, 958°, длина с фрагментом клинка 19,9. № Дн 1863 1/455.

Аналогична кат. 184—186.

188. Клинок меча. Железо, длина 40,5, максимальная ширина 4,8. № Дн 1863 1/454. В виде узкого вытянутого треугольника, овального в сечении.

Кат. 184

189. Обкладка горита. Золото, 916°, длина 46,8, ширина в верхней части 27,3, длина донной части 19,0, наибольшая ширина дна 6,5, масса 178,90. № Дн 1863 1/435.

В виде тонкого листа металла подпрямоугольной формы с двумя выступами в верхней части: прямоугольным и трапециевидным. Поверхность горита укращена рельефными тиснеными изображениями, размещенными пятью фризами.

На верхнем фризе — животные и сцены терзания: собака в погоне за зайцем, львица и бык, пантера, терзающая барака, кабан и лев, лев и пантера, терзающие оле-

ни. На двух следующих фризах — сцены из троянского эпоса — жизнь Ахилла: верхний фриз — маленький Ахилл, обучающийся стрельбе из лука; разоблачение Ахилла Одиссеем на о-ве Скирос; сцена прощания Ахилла с царем Скироса Ликомедом; нижний фриз — царица и дочери Ликомеда прощаются с Ахиллом; Ахилл под Троей с Агамемноном, Одиссеем и Диомедом; мать Ахилла Фетида, с урной, в которой находится прах ее сына. Четвертый и пятый фризы укращены растительным орнаментом. На боковом прямоугольном выступе — сражение двух грифонов и пантерой.

Кат. 185, 186

Кат. 186

Кат. 187

Кат. 189

Кат. 189 (деталь)

Кат. 189 (деталь)

Кат. 189 (деталь 1)

Пластина, тисненая, некоторые детали изображенний проработаны чеканом. На ряде участков поверхности хорошо заметны следы заглаживания. Края обкладки загнуты, в них пробиты маленькие отверстия для крепления на основе золотыми гвоздиками. Вдоль одного края пробито также несколько больших отверстий, расположенных попарно.

Кат. 189 (деталь 2)

Обкладка дна горита каплевидной формы. На поверхности, разделенной вдоль оси рельефной чертой, представлены изображения двух грифонов, стоящих на задних лапах в геральдической позе. На внутренней поверхности обкладки сохранились следы мастики, заполняющей полости фигур для предохранения их от деформации.

190 Части обивки (4 экз.) Золото, 958°, длина 13,9–62,3, ширина 0,7–1,0. № Дн 1863 1/436.

В виде выпуклой ленты с рельефным орнаментом и гладкой.

191. Обкладка ножен меча. Золото, 916°, длина 54,4, максимальная ширина 16,5, масса 56,17. № Дн 1863 1/447.

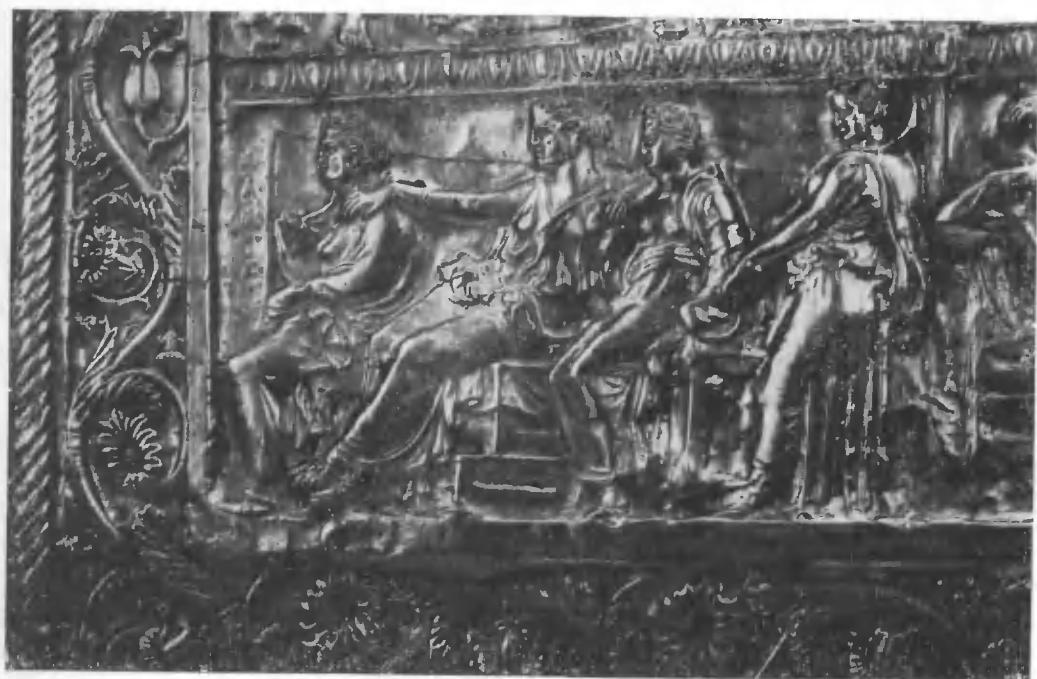
В виде тонкого тисненного листа металла с рельефными изображениями. На выступающей части помещен грифон, терзающий голову оленя. На обкладке длинной части ножен — сцены сражения греков с варварами. У устья

Кат. 189 (деталь 3)

Кат. 189 (деталь 4)

Кат. 189 (деталь 5)

Кат. 189 (деталь 6)

Кат. 189 (деталь 7)

Кат. 189 (деталь 8)

ножен — два грифона, между ними — пальметта, у крыльев — розетки. Ковтюр обкладки и ливня, отделяющая лощасть, моделированы в виде рельефного жгута. Детали изображений проработаны чеканом. Края обкладки загнуты, и в них пробиты отверстия для крепления на основе ножев. На внутренней стороне сохранились следы окиси железа и мастики, заполнившей полости фигур. Края обкладки повреждены во многих местах.

192. Рукоять меча. Железо, золото, 958^с, длина 14,9 ширина ручки 2,8 толщина ручки 1,8. ширина перекрестия 5,5. № Дв 1863 1/448.

Полое навершие рукояти моделировано в виде двух головок бычков, обращенных в разные стороны, и украшено рельефными пальметтами. На верхней поверхности пробито подпрямоугольное отверстие. В нижней части шеи каждой головки бычка пробито по круглому отверстию. Ручка украшена эпизодами конной охоты. На торцевых поверхностях ручки расположены стволы из лотовых пальметток. Перекрестье «бабочковидной» формы. На части широких поверхностей золотой оболочки, находящейся на клинок, вертикальные врезные линии, а над прорезью в клинке — вдавления. Поверхность перекрестья покрыта множеством царапинок, расположенных в разных направлениях, некоторые из них представляются не случайными

механическими повреждениями, а нанесенными сознательно (круг, пересекающийся прямой линией).

Фрагмент линзовидного в сечении клинка имеет четыре прямоугольные прорези и одну треугольную, размещенные по оси клина. Оболочка рукояти и навершие, вероятно, литые и механически соединены между собой, а место соединения прикрыто рельефным пояском с насечками. Внутренняя полость ручки (кроме навершия) заполнена окислившимся железным черенком клинка.

В в. до н. э.

193 Наконечники стрел (26 экз.) Бронза, длина 3,0—4,2. № Дв 1863 1/437—444.

1. Трехластные башневидные со слабо выступающей втулкой (2 экз.).

2. Трехластные башневидные со слабо выступающей втулкой (3 экз.). От втулки к ребру на каждой грани идут по три рельефные неремычки.

3. Трехгранные (5 экз.). Ср. кат. 32, 7.

4. Трехгранные (15 экз.). Ср. кат. 32, 6а.

5. Трехгранный. Ср. кат. 32, 13.

6. В некоторых наконечниках сохранились остатки древков, на одном из которых заметна узкая полоска-поясок, нанесенная красной краской.

194 Осёлок. Камень, золото, 958^с, длина 18,4, оболочки 5,6, диаметр 2,0. № Дв 1863 1/448.

Кат. 189 (деталь 9)

Кат. 191, 192

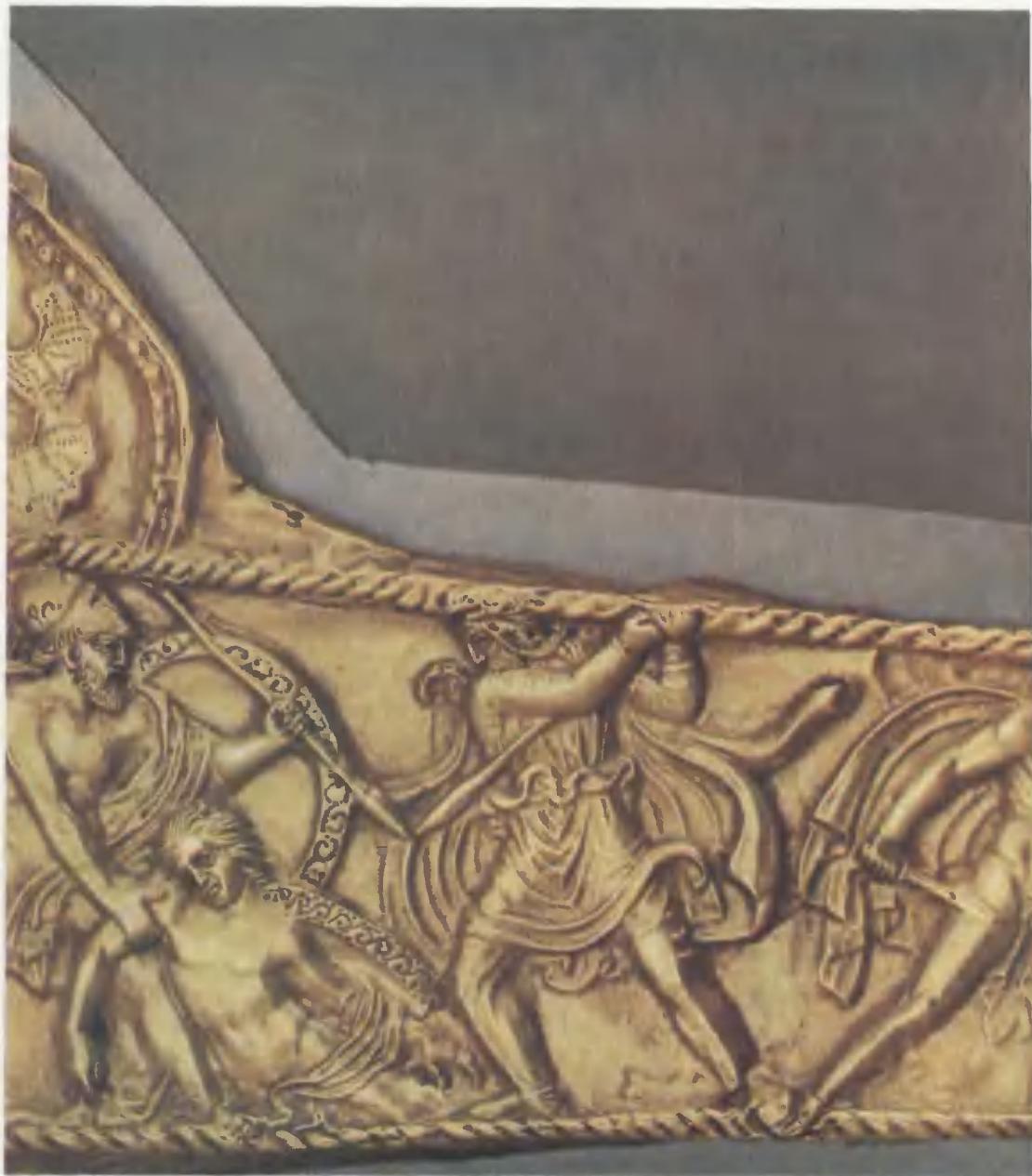

Кат. 191

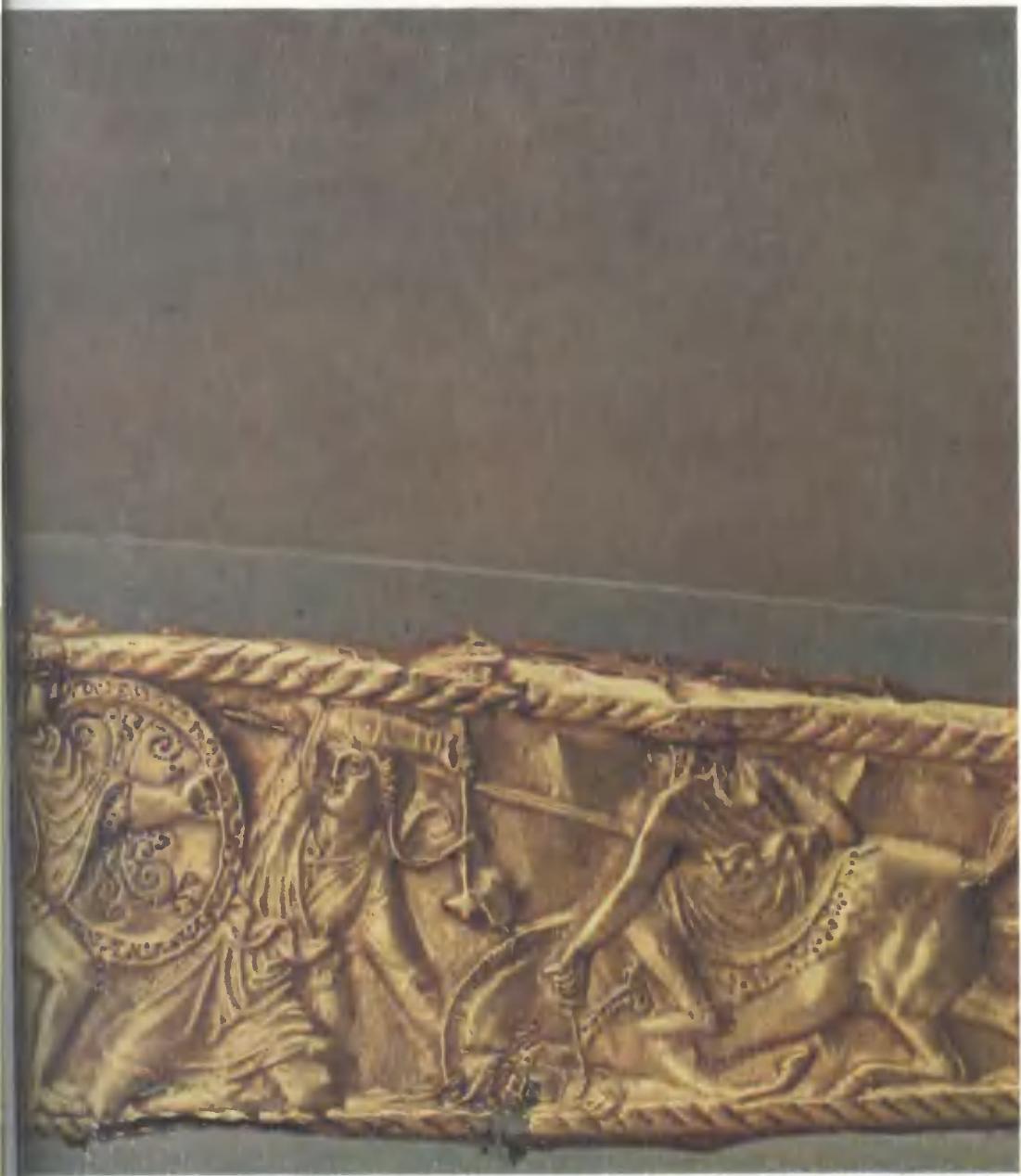

Кат. 191 (деталь)

Кат. 191 (деталь)

Кат. 191
(деталь)

Кат. 191
(деталь 1)

Глинистый сланец. В виде сигарообразного камня, на который надет золотой цилиндрический колпачок со сквозным отверстием в верхней части.

195. Оболочка оселка. Золото, 900°, длина 3,8, ширина 2,0. № Дн 1863 1/445.

В виде колпачка, украшенного напаянным ободком со сквозным отверстием в верхней части.

196. Бусины (64 экз.). Золото, 292°, диаметр 1,0 (20 экз.); 1,6—1,7 (44 экз.). № Дн 1863 1/420, 421.

Спаяны из двух тисненных половинок в виде полушария.

Вокруг отверстий напаяно кольцо из проволоки. По И. Е. Забелину, бусин было 65 экз. Возможно, сюда следует отнести и бусину кат. 182.

197. Пронизи (10 экз.). Золото, 292°, длина 6,2, диаметр 0,6. № Дн 1863 1/457.

В виде цилиндрических трубочек, украшенных рельефным орнаментом: на концах — пальметтками, посередине — зигзагами.

198. Пластиника. Золото, 958°, гиснение, длина 2,2, ширина 2,2. № Дн 1863 1/425.

В виде вырезной пятилепестковой пальметты с двумя отверстиями для нашивания. По И. Е. Забелину, их найдено 2 экз.

199. Пластиники (2 экз.). Золото, 916°, гиснение, длина 10,1, ширина 3,8. № Дн 1863 1/426.

В виде ажурной рельефной круглой пальметты с подтреугольным выступом. На узком конце отверстие для нашивания.

200. Фрагменты бордюра (8 экз.). Золото, 958°, тиснение, длина 1,3—14,7, ширина 0,7—0,8. № Дн 1863 1/453.

В виде ленты с зубцами, украшенными рельефным орнаментом.

201. Пластина. Золото, 958°, тиснение, длина 11,7, ширина 2,0. № Дн 1863 1/456.

Вырезная тисненная ажурная лента с орнаментом в виде ветки аканфа.

202. Ворварки (25 экз.). Кость, золото, 375°; 900°, диаметр 0,9—1,2, высота 0,4—0,6. № Дн 1863 1/427.

В виде усеченного конуса, покрытого золотой оболочкой. По И. Е. Забелину, их было найдено 24 экз.

203. Ворварки (4 экз.). Серебро, диаметр 2,4—4,3, высота 0,8—0,9. № Дн 1863 1/428, 429.

В виде усеченного конуса.

204 Ворварки (2 экз.). Серебро, диаметр 3,0, высота 0,7. № Дн 1863 1/430.

В виде усеченного конуса.

Кат. 191 (деталь 2)

Кат. 191 (деталь 3)

Кат. 191 (деталь)

Кат. 192

205 **Ворварки фрагментированные** (2 экз.). Серебро, диаметр около 2,4, высота 0,3 № Дн 1863 1/431.

206. **Ворварка.** Серебро, диаметр 0,9, высота 0,6. № Дн 1863 1/432.

В виде усеченного конуса с отверстием не-правильной формы.

207 **Ворварки** (3 экз.). Серебро, диаметр 0,5—0,6, высота 0,7. № Дн 1863 1/434.

В виде усеченного конуса,

208 **Ворварки** (6 экз.). Кость, диаметр 1,1—1,4, высота 0,3—0,6. № Дн 1863 1/433, 481.

В виде усеченного конуса. У двух экземпля-ров боковые стенки вогнуты.

209. **Обломки пластин** (3 экз.). Железо, дли-на 4,8—8,6, ширина 3—3,6. № Дн 1863 1/460.

На двух экземплярах сохранились остатки железных гвоздей.

210. **Обоймы** (3 экз.). Железо, длина 3,8—5,8, ширина 1,7—1,8. № Дн 1863 1/461.

211. **Обломки** (2 экз.). Железо, длина 8,2—10,0, ширина 1,0—2,0. № Дн 1863 1/462.

212 **Нашивные бляшки-аппликации.** Тисне-ние. Найдены в юго-, северо-восточной каме-рах и камере № 5.

Кат. 197. Кат. 200

1. **Бляшки круглые** (5 экз.). Золото, 375°, диаметр 1,6. № Дн 1863 1/332. Найдены в юго-восточной камере. Гладкая выпуклая се-редина с рельефными точками по краю и тре-мя отверстиями для нашивания. Аналогичные, но серебряные золоченые бляшки с рядом на-сечек по краю и тремя отверстиями (3 экз.) найдены в северо-восточной камере (Дн 1863 1/271).

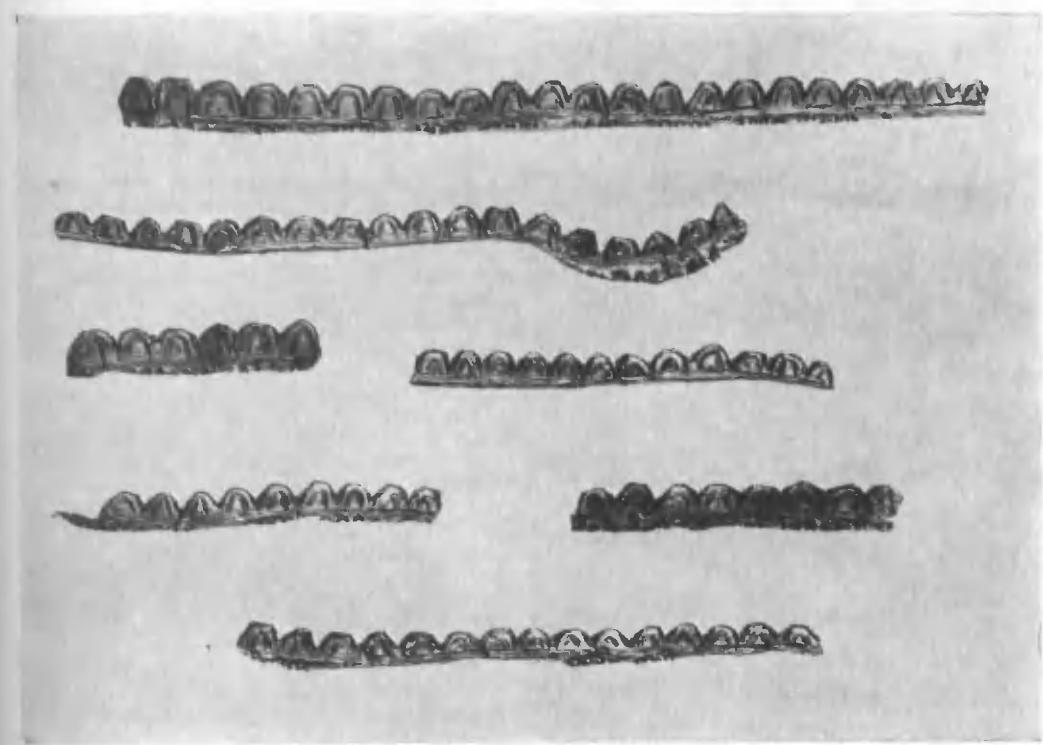
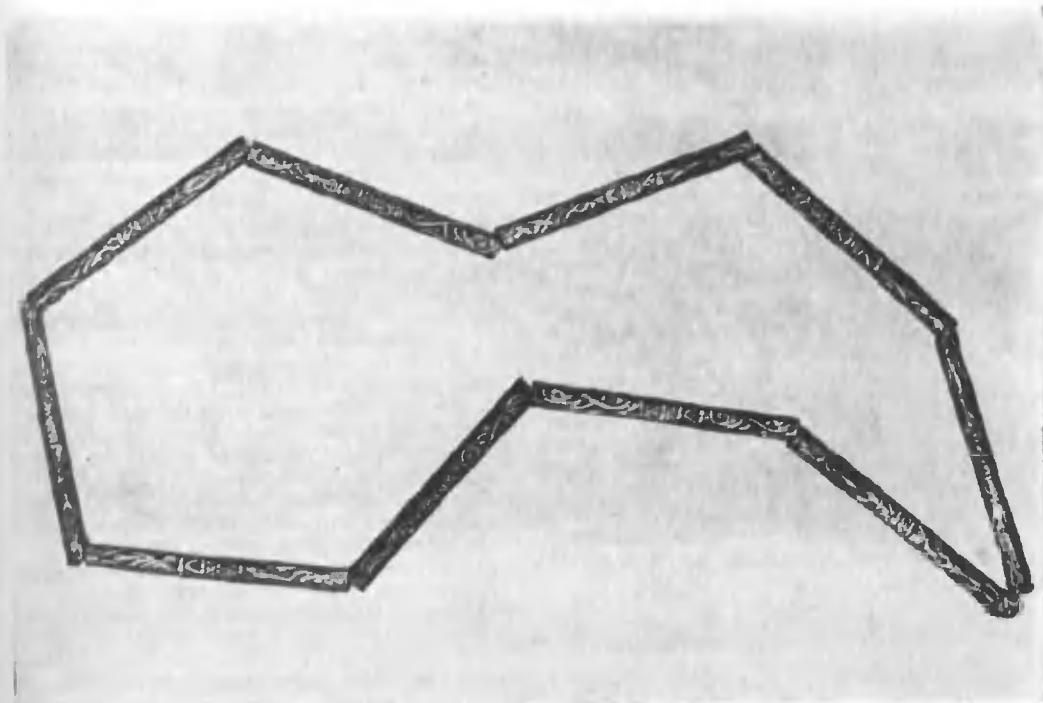
2. **Розетки** (120 экз.). Золото, 375°—583°, диаметр 0,7. № Дн 1863 1/231, 422, Дн 1862—1863 1/10. Найдены: в камере V, ниша К (2 экз.), в камере V, ниша L (?) (2 экз.), в северо-восточной камере (116 экз.).

3. **Розетка.** Золото 958°, диаметр 1,9. № Дн 1863 1/409. Найдена в камере V, ниша L. С выпуклой серединой и отходящими от нее в четыре стороны тройными рельефными линиями. По краю — два отверстия для наши-вания. После разрыва одного из первона-чальных было пробито дополнительное от-верстие.

4. **Бляшка из пяти кружков, соединенных в виде креста.** Золото, 958°. № 1863 1/410. Найдена в камере V. По краям отверстия для нашивания.

5. **Розетки** (4 экз.). Золото, 958°, диа-метр 1,0. № Дн 1873 1/411. Найдены в ка-мере V.

6. **Розетки** (2 экз.). Золото, 375°, 958°, диаметр

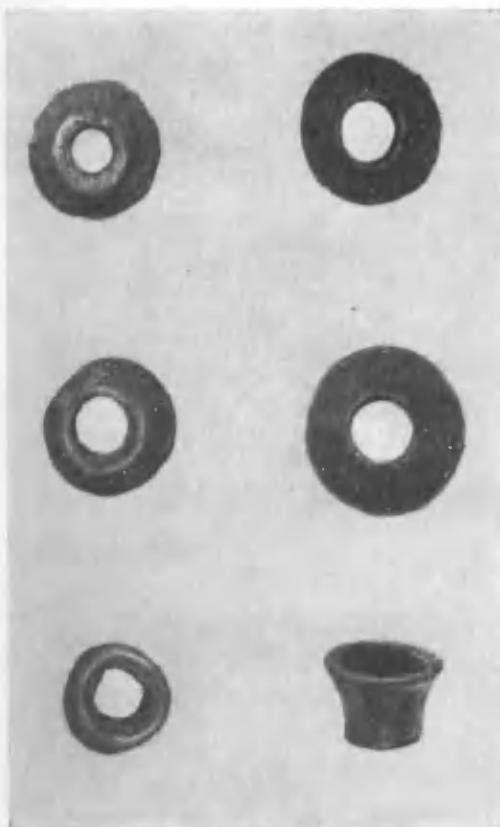
0,9—1,0. № Ди 1863 1/376. Одна найдена в камере V; место находки другой неизвестно.
7. *Бляшки круглые* (3 экз.). Золото, 900°—958°, диаметр 0,7—0,8. № Ди 1863 1/377, Ди 1862—1863 1/11. Найдены в камере V (2 экз.); место находки неизвестно.

8. *Розетки* (18 экз.). Золото, 500°, диаметр 1,6. № Ди 1863 1/269, 331. Найдены в юго-восточной (9 экз.) и северо-восточной камерах (9 экз.). По И. Е. Забелину, их найдено 13 экз.

9. *Розетки двухслойные* (20 экз. и обломки). Золото, 583°—958°, максимальный диаметр 1,0. № Ди 1863 1/249. Найдены в северо-восточной камере. По И. Е. Забелину, найдено 18 экз. Один экземпляр, по Г. Е. Кизерицкому, является варварским подражанием основному типу.

10. *Розетки* (5 экз.). Золото, 375°, диаметр 1,8. № Ди 1863 1/222. Найдены в северо-восточной камере. По краю гладкий ободок и четыре отверстия для нашивания.

11. *Роветки* (7 экз.). Золото, 375°, диаметр 1,6. № Ди 1863 1/381. Найдены в камере V. По краю — три отверстия для нашивания.

Кат. 208

12. *Розетки* (71 экз.). Золото, 583°—750°, диаметр 1,3. № Ди 1863 1/230, 424, Ди 1862—1863 1/7—8. Найдены в северо-восточной камере (64 экз.), в камере V (2 экз.), место находки пяти экземпляров неизвестно.

13. *Розетки* (103 экз.). Золото, 916°, диаметр 2,9. № Ди 1863 1/366. Найдены в камере V. С выпуклой серединой и девятью лепестками.

14. *Бляшка с круглой серединой и двумя рожками* выпуклыми на конце. Золото, 375°, длина 1,8, ширина 1,1.

№ Ди 1863 1/423. Найдена в камере V. На обороте две петельки для напыления. Еще одна петелька утрачена.

15. *Бляшки прямоугольные* (27 экз.). Золото, 500°, № Ди 1863 1/264, 329. Найдены в юго- (2 экз.) и северо-восточной камерах (25 экз.). Изображены два цветка лотоса и лилии. По краю шнуровой орнамент и четыре отверстия для нашивания (ср. кат. 77).

16. *Маски Медузы Горгоны* (2 экз.). Золото, 916°, диаметр 0,8—0,9. № Ди 1863 1/248, 259. Найдены в северо-восточной камере. На обратной стороне напаяна пластинка с двумя петельками для напыления.

17. *Маски Медузы Горгоны овальные* (19 экз.). Золото, 583°, 2,2 × 2,4. № Ди 1863 1/235. Найдены в северо-восточной камере. Бляшки незначительно различаются по четкости оттисков. На одной пробито три дополнительных отверстия после разрыва первоначальных, на другой на обороте напаяно четыре петельки.

18. *Маски Медузы Горгоны круглые* (6 экз.). Золото 583°, диаметр 2,4—2,5. № Ди 1863 1/236. Найдены в северо-восточной камере.

19. *Бляшки круглые* (69 экз.). Золото, 916°, диаметр 3,6—3,9. № Ди 1863 1/365. Найдены в камере V. С изображением лица с лентой и гроздами винограда в волосах (Диониса?).

20. *Маски Медузы Горгоны круглые* (24 экз.). Золото, 500°—900°. № Ди 1863 1/229. Найдены в северо-восточной камере. В нижней части пробито пять отверстий, к которым подвешены пять каплевидных подвесок. У некоторых подвески полностью или частично утрачены.

21. *Две маски, соединенные перемычкой* (8 экз.). Золото, 500°, длина 2,2. № Ди 1863 1/270, 330. Найдены в северо-восточной и юго-восточной камерах.

22. *Бляшки круглые* (130 экз.). Золото, 958°. № Ди 1863 1/310, 311. Найдены в северо-восточной камере. С изображением мужской бородатой головы вправо в двух вариантах: а) 129 экз.; б) 1 экз.

23. *Бляшки в виде лежащего животного (льва?)* влево (24 экз.). Золото, 958°, длина 1,5, ширина 0,9. № Ди 1863 1/350. Найдены в юго-восточной камере. Относились к головному убору.

Кат. 212,
71—20, 26, 34

24. Бляшки прямоугольные (6 экз.). Золото, 291°, длина 2,9, ширина 2,4. № Да 1863 1/221. Найдены в северо-восточной камере. С изображением льва, напавшего на оленя. По И. Е. Забелину, найдено 7 экз.

25. Бляшки прямоугольные (31 экз.). Золото, 958°, длина 2,3, ширина 1,7. № Да 1863 1/244. Найдены в северо-восточной камере. С изображением лежащего грифона вправо В углах — отверстия для нашивания. На некоторых экземплярах после утраты углов пробиты дополнительные отверстия. Один экземпляр сохранился на $\frac{1}{3}$, но имеет четыре отверстия для нашивания.

26. Бляшки круглые (3 экз.). Золото, 583°, диаметр около 2,4. № Да 1863 1/234. Най-

дены в северо-восточной камере. С изображением головы Афины (?) «в львоголовом шлеме».

27. Бляшки прямоугольные (46 экз.). Золото, 958°, длина 2,1, ширина 1,6. № Да 1863 1/243. Найдены в северо-восточной камере. С изображением лежащего зайца влево.

28. Бляшки прямоугольные (62 экз.). Золото, 750°, длина 3,0, ширина 2,5. № Да 1863 1/242, Да 1862—1863 1/61. Найдены в северо-восточной камере. С изображением гищокампа с рогами оленя вправо.

29. Бляшки квадратные (11 экз.). Золото, 583°, 2,4—2,5 × 2,5. № Да 1863 1/220. Найдены в северо-восточной камере. С изображением борьбы человека и грифона.

29а. Бляшка овальная (31 экз.). Золото, диаметр 2,1—2,2. № Дн 1863 1/241. Найдены в северо-восточной камере. С изображением борьбы Геракла со львом.

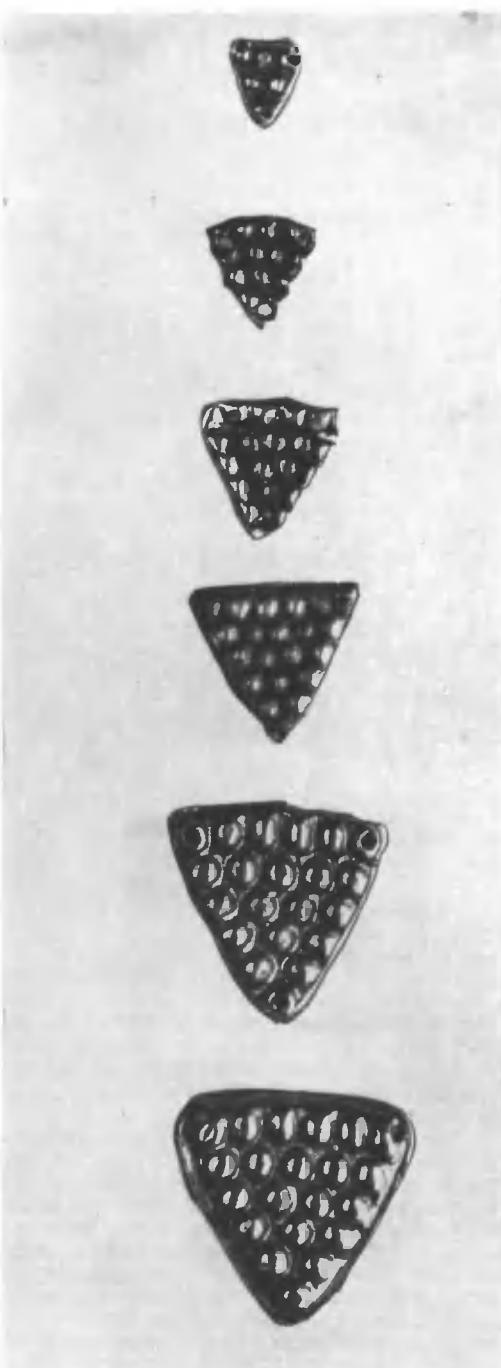
30. Бляшки прямоугольные (20 экз.). Золото, 916°, длина 3,8, ширина 3,6. № Дн 1863 1/374, 374а. Найдены в камере V. С изображением сидящей в кресле женщины, держащей зеркало в руке, и скифа, пьющего из ритона.

31. Бляшка прямоугольная. Золото, 375°, длина 1,9, ширина 1,6. № Дн 1863 1/263. Найдена в северо-восточной камере. С изображением лежащего бычка влево.

32. Бляшки круглые (4 экз.). Золото, 292°, диаметр 1,0. № Дн 1863 1/246. Найдены в северо-восточной камере. С изображением человеческого лица в фас. На обратной стороне напаяна пластинка с цепелькой для нашивания.

Кат. 212, 22

Кат. 212, 36

33. *Бляшки овальные* (15 экз.). Золото, 958°, диаметр 0,9. № Дн 1863 1/247. Найдены в северо-восточной камере. С изображением человеческого лица в фас. На оборотной стороне напаяна пластинка с двумя петельками для нашивания.

34. *Бляшка круглая* — маска Медузы Горгоны. Золото, 958°, диаметр 2,3. № Дн 1863 1/375. Найдена в камере V. Не исключено, что данный экземпляр оттиснут тем же штампом, что и кат. 212,17: у обоих одинаковые размеры и одинаково смешена линия глаз относительно линии носа. Но у кат. 212,34 прическа менее детализирована.

Без номера. *Бляшка круглая*. Найдена в северо-восточной камере (в коллекции отсутствует). С изображением крылатого сфинкса и льва. Опубликована: ДГС, II, с. 100, атлас, табл. XXX, 12. Не вошла также в каталог Г. Е. Кизерицкого, составленный в 1891—1893 гг.

35. *Бляшки полусферические с петелькой на обороте* (598 экз.). Золото, 929°—900°, диаметр 0,5—0,8. № Дн 1863 1/251, 277, 333, 359, 312, 480. Найдены в северо-восточной камере (561 экз.) — у двух на обороте по две петельки; в юго-восточной (36 экз.); в камере V (общее количество неизвестно, известен лишь один экземпляр). Аналогичные бляшки отмечены и в головном уборе «царицы», найденной в северо-западной камере (ДГС, II, с. 104). См. кат. 101а.

36. *Бляшки в виде треугольников с псевдо-вернико* (431 экз.). Золото, 292°—900°. № Дн

1863 1/237 — 240, 265—268, 299, 300, 351—353, 367—373. Найдены в северо-, юго-восточной камерах и в камере V (точное количество находок в каждой не устанавливается). По размерам, пропорции и количеству выпуклостей их можно разделить на несколько вариантов. Бляшки из юго-восточной камеры (88 экз.) относились или к головному убору, или к нагрудному сетчатому украшению.

213. *Наконечники стрел* (41 экз. и 18 обломков). Бронза, литье, длина 3,0—4,5. № Дн 1862—1863 1/46—58.

1. Трехлопастный.

2. Трехлопастный. Ср. кат. 193, 1.

3. Трехлопастные (3 экз.). Ср. кат. 32, 12.

4. Трехгранные (13 экз.). Ср. кат. 32, 13.

5. Трехлопастные (4 экз.). Ср. кат. 32, 2.

6. Трехгранные (9 экз.). Ср. кат. 32, 1.

7. Трехгранные (9 экз.). Ср. кат. 32, 11.

8. Трехгранный. Ср. кат. 61, 4.

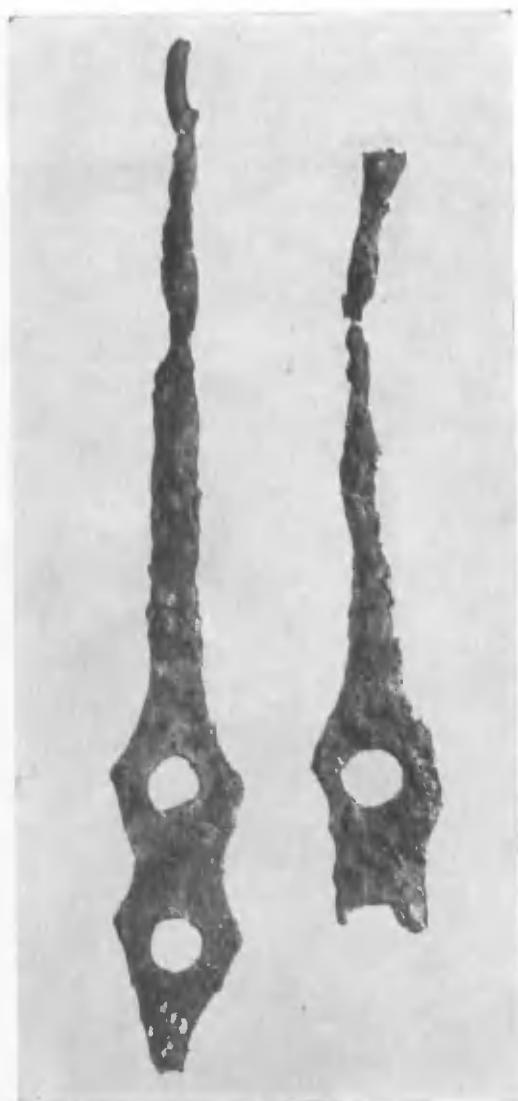
Не исключена вероятность принадлежности этих экз. к колчанным наборам из погребений «конюхов» и из северо-восточной камеры, чем частично снимается несоответствие между количеством наконечников, имеющихся в коллекции, и количеством, указанным в отчете И. Е. Забелина.

214. *Обломки* (10 экз.). Серебро, длина наибольшего 2,7, толщина 0,3. № Дн 1862—1863 1/38.

Фрагменты проволочных колец. Найдены, вероятно, в юго-восточной камере.

НАХОДКИ 1981 — 1986 гг.

НАСЫПЬ

215. Фрагмент амфоры с клеймом (Гераклея). Глина.

Найден в камнях крепиды под юго-западным останцем.

Клеймо ретрографное, двухстрочное, принадлежит, вероятно, Амфистрату. Предположительно середина IV в. до н. э.

216. Псалтии (2 фрагментированных экз.). Железо, ковка. Длина 10,8 и 13,9.

Обнаружены в северо-восточной части насыпи у подножия каменной крепиды в 1985 г.

Псалтии прямые, двудырячные, с восьмеркообразным расширением в центре.

Погребение № 1/1984 г.

217. Амфоры (14 экз. полных, один фрагментированный). Глина.

Девять амфор типа Солоха II, шесть — с рюмкообразной ножкой *.

218. Наконечники стрел (41 экз.) Бронза, литье. Высота 2,5—4,5.

Трех видов: а) бронзовые трехлоастные с выступающей втулкой и головкой треугольной формы; б) трехгранные со скрытой втулкой и головкой пирамidalной формы; в) трехгранные со скрытой втулкой и головкой сводчатой формы.

219. Ворварка. Кость. Форма усеченно-коническая. Высота 0,6. В центре отверстие диаметром 0,3.

220. Ворварка. Железо. Коррозирована. Размеры 1,5 × 1,8.

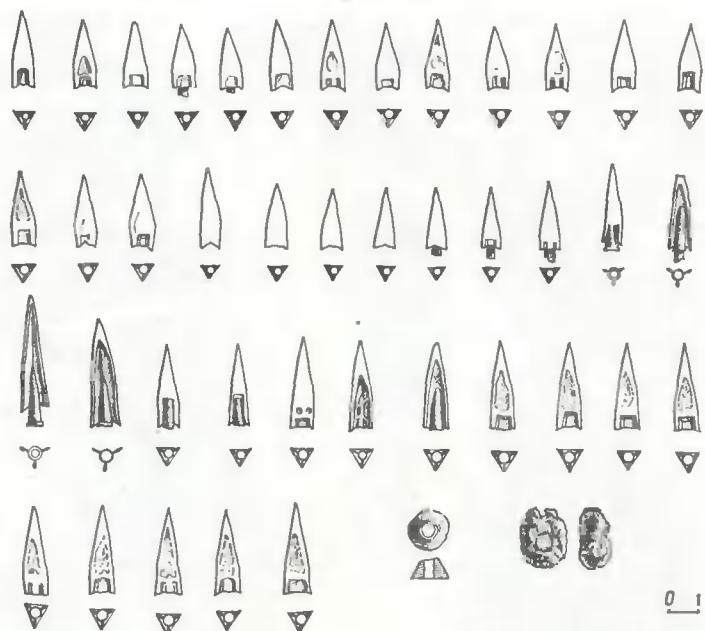
221. Вток копья. Железо, ковка. Форма коническая, длина 10.

СЕВЕРНАЯ МОГИЛА

222. Наконечник стрелы трехгранный, пирамидальный, опорно-втульчатый. Бронза, литье. Высота 3,6.

* Характеристику амфор из раскопок 1981—1986 гг. подробнее см. в прил. 11.

Кат. 218—220

Кат. 222—224

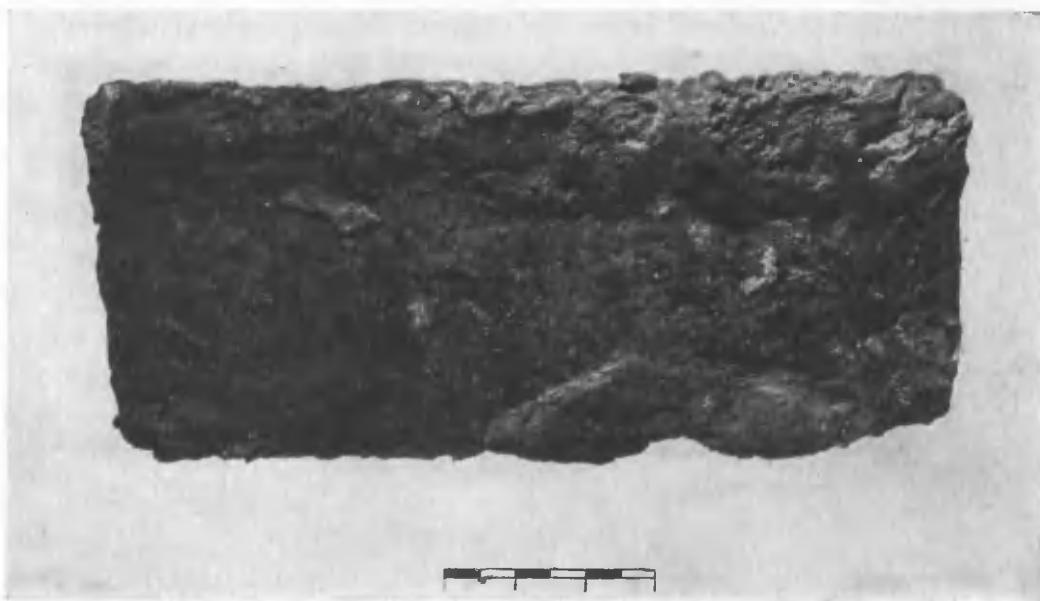

Кат. 226

Кат. 227. Кат. 227 (деталь)

Кат. 231

223. Пластины панцирные. Бронза Трех видов:

а) прямоугольная, 3.2×5.6 ; б) прямоугольная, 2.2×0.8 ; в) прямоугольная, 1.8×0.5 .

224. Детали узды. Бронза, литье

1. Круглая бляха с петлей на обороте, диаметр 2,7.

2. Пряжка в виде кольца диаметром 2,2.

3. Фрагмент второй такой же пряжки;

4. Фигурный наносник в виде стилизованной головы лося (?), высота 2, ширина основания 1,9.

225. Клыки кабаны с отверстиями (6 или 7 экз.). Длина 7—9.

Количество отверстий — одно или два. В одном из отверстий сохранилась железная заклепка. Возможно, клыки являлись деталями нагрудного украшения коня.

226. Амфора с рюмообразной ножкой. Глина.

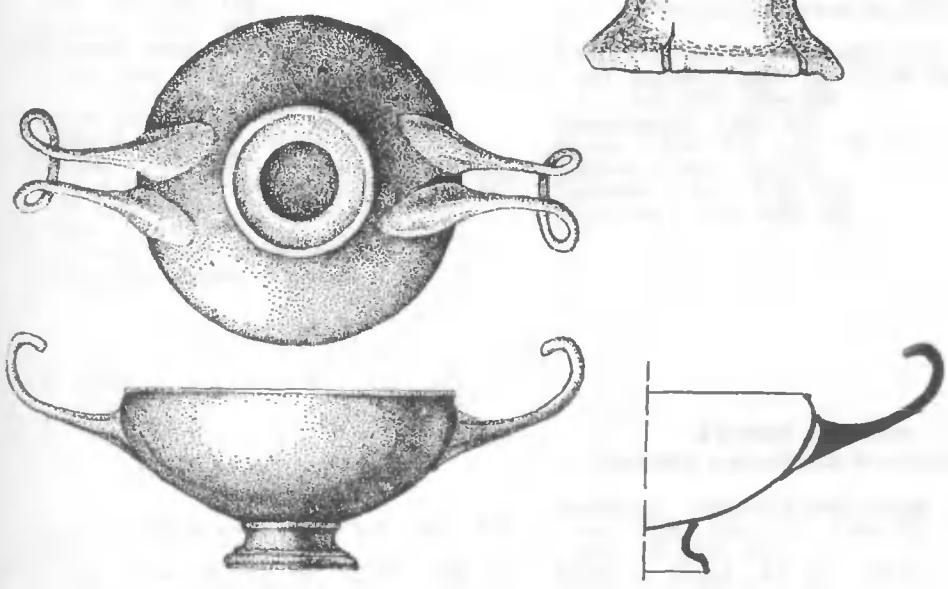

Кат. 229

Кат. 229

Кат. 228 (реконструкция)

227. Кубок круглотельный. Серебро, ковка. Высота 15,5, диаметр венчика 6,6. На дне острым предметом прочерчен схематический рисунок и два ряда букв:

IX[AATA
AD.

228. Килик (разбит в древности). Серебро ковка. Высота 5,5, диаметр венчика 10. По краю венчика орнаментирован прочерченной линией.

229. Котел. Бронза, литье. Высота 55. Орнаментирован двумя декоративными фризами. Верхний фриз состоит из чередующихся пальметток и букраинев, нижний — заполнен орнаментом в виде «бегущей волны», помеченым между двумя рельефными поясами. Заметны следы ремонта.

Ближайшая аналогия — бронзовый котел из кургана Раскопана Могила.

230. Черпак. Дерево.

231. Оковка деревянной лопаты. Железо, ковка.

Прямоугольная пластина размерами $12,5 \times 5,5$ с раздвоенной верхней частью, где прослеживались остатки сгнившего дерева и обломки четырех гвоздей.

Найдена на границе камеры Северной могилы и грабительского хода.

232. Фрагмент амфоры с рюмкообразной ножкой. Глина.

233. Фрагменты гвоздей и скоб. Железо, ковка. Не менее 50 экз.

1. Гвозди в форме костылей с четырехгранным стержнем. Длина около 5.

2. Скобы из стальных прутьев квадратного или прямоугольного сечения с загнутыми в одну сторону концами. Длина 4—7.

УКАЗАТЕЛЬ К КАТАЛОГУ

— (б) — блюда
— (в) — вазы
— (г) — венчики
— (д) — височные украшения
— (е) — воротники
— (ж) — воротнички
— (з) — воротнички
— (и) — воротнички
— (к) — кольца
— (л) — кольца
— (м) — кольца
— (н) — кольца
— (о) — кольца
— (п) — кольца
— (р) — кольца
— (с) — кольца
— (т) — кольца
— (у) — кольца
— (ф) — кольца
— (х) — кольца
— (ч) — кольца
— (ш) — кольца
— (я) — кольца

Категории изделий

Керамика — кат. 1—3, 149, 150, 215, 217, 226.
Конская сбруя — кат. 4—23, 25 (?), 29—31, 36, 38, 39, 43 (?), 44—55, 216, 224
Детали погребального кортежа — кат. 24 (?).
Навершия — кат. 26—28.

Оружие

Копье, дротик — кат. 62, 63, 221.
Мечи и детали ножен — кат. 41 (?), 72, 73, 166, 184—188, 192.
Обкладка ножен меча — кат. 191
Обкладка горита — кат. 189
Наконечники стрел — кат. 32, 61, 67, 69, 70, 141, 193, 213, 218, 222
Боевые пояса — кат. 75, 86, 178, 179
Осельки — кат. 43а, 129, 151, 194, 195
Нагайка — кат. 74
Ножи — кат. 60, 79, 89, 90, 111, 131, 132, 139, 154, 155
Поножи — кат. 80
Пращевые камни — кат. 42, 105 (?)
Панцирные пластины — кат. 223.

Одежда, украшения

Головные уборы — кат. 98, 113, 122, 128, 136.
Гривны — кат. 35, 57, 64, 81, 87, 102, 107
Нагрудные сетчатые уборы — кат. 114, 124, 137

Нашивные бляшки-аппликации — кат. 76—78, 99—101, 212
Браслеты — кат. 37 (?), 82, 88, 104, 106
Перстни, кольца — кат. 59, 83, 96, 97, 109, 163—165
Серьги, височные украшения — кат. 58, 103, 108, 116, 148
Бусы — кат. 40, 68, 95, 115, 173, 182, 196
Пряжка — кат. 174
Булавка — кат. 130
Ткань, мех — кат. 120, 121, 127, 134, 135

Посуда, предметы туалета, быта

Металлическая бытовая, культовая и парадная посуда — кат. 33, 34, 84, 85, 91—93, 125, 152, 157, 227—228.
Светильники — кат. 144
Котлы — кат. 132, 142, 143, 229
Зеркала — кат. 94, 118
Веретена — кат. 110, 119
Шкатулка — кат. 112, 138

Разные изделия, изделия с неясным назначением

Нашивные пластинки-аппликации разные — кат. 123, 145—147, 160—162, 167—170, 183, 198, 199, 201
Ворварки — кат. 65, 66, 158 (?), 171, 172, 175, 202—208, 219—220
Гвоздики набивные — кат. 56

Железные крючки, гвозди, скобы, пластины — кат. 117, 126, 140, 156, 181, 209—211
 Пронизи — кат. 71
 Ручки — кат. 180
 Деревянный черпак — кат. 230
 Кабаны клыки (детали нагрудного убора коня ?) — кат. 43, 225
 Железная оковка деревянной лопаты (?) — кат. 231.

**ОТДЕЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ,
ПОГРЕБЕНИЯ, КАМЕРЫ
(1862—1863 гг.)**

Насыпь — кат. 1—36
 Крепида — кат. 37—43а
 Конские могилы
     южная (№ 1) — кат. 44—47
     средняя (№ 2) — кат. 48—51
     северная (№ 3) — кат. 52—55

Погребение «конюха» (южная могила) — кат. 57—63
 Погребение «конюха» (северная могила) — кат. 64—67
 Входная шахта — кат. 68—70
 Юго-западная камера, северный воин (№ 1) — кат. 71—85
 Юго-западная камера, южный воин (№ 2) — кат. 86—90
 Северо-восточная камера — кат. 107—127, 212, 141?
 Северо-западная камера — кат. 91—106.
 Юго-восточная камера — кат. 128—140, 212, 214, 141?
 Камера № 5 («царская») — кат. 142—213.

МАТЕРИАЛЫ 1981—1986 гг.

Насыпь — кат. 215, 216
 Погребение № 1/1984 г. — кат. 217—221
 Северная могила — кат. 222—233.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агора — Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C.— Princeton, 1970.— 472 p.— (The Athenian Agora; Vol. 12/1,2).

Акишев, 1978 — Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана.— М.: Искусство, 1978.— 130 с.

Акишев, 1984 — Акишев А. Искусство и мифология саков.— Алма-Ата : Наука КазССР, 1984.— 175 с.

Алексеев, 1980 — Алексеев А. Ю. О скифском Ареце // АСГЭ.— 1980.— Вып. 21.— С. 39—47.

Алексеев, 1981 — Алексеев А. Ю. К вопросу о дате сооружения Чертомлынского кургана (по керамическим материалам) // Там же.— 1981.— Вып. 22.— С. 75—83.

Алексеев, 1982 — Алексеев А. Ю. Чертомлынский курган и его место среди погребений скифской знати IV — начала III вв. до н. э. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л.: ЛГУ, 1982.— 21 с.

Алексеев, 1983 — Алексеев А. Ю. О наконечниках стрел из Чертомлынского кургана // АСГЭ.— 1983.— Вып. 24.— С. 73—77.

Алексеев, 1984 — Алексеев А. Ю. О месте Чертомлынского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV—III вв. до н. э.// Там же.— 1984.— Вып. 25.— С. 65—75.

Алексеев, 1984а — Алексеев А. Ю. Рукоять парадного меча из Чертомлынского кургана // СГЭ.— 1984.— Вып. 49.— С. 38—41.

Алексеев, 1986 — Алексеев А. Ю. Нашивные бляшки из Чертомлынского кургана // Античная торевтика.— Л: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1986.— С. 64—74.

Алексеев, 1987 — Алексеев А. Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э.// СА.— 1987.— № 3.— С. 28—39.

Алексеев, 1987а — Алексеев А. Ю. Хронография Скифии второй половины IV в. до н. э.// АСГЭ.— Вып. 28.— С. 38—51.

Алексеев, 1987б — Алексеев А. Ю. О датах скифских курганов Бабы и Раскопана Могила // СГЭ.— 1987.— Вып. 52.— С. 28—31.

Амье, 1976 — Amiet P. Les Antiquités du Luristan.— Paris, 1976.— 116 P.

Андерсон, 1954 — Anderson J. K. Excavation on Kofina Ridge, Chios // BSA.— 1954.— 49.— P. 123—182.

Андроникос, 1978 — Andronikos M. The Royal Graves at Vergina.— Athens, 1980.— 53 p.

Андроникос, 1980 — Andronicos M. The Royal tombs of Vergina // The search for Alexander. An exhibition.— London, 1980.— 192 p.

Андросов, Мухопад, 1987 — Андросов А. В., Мухопад С. Е. Скифский аристократический курган «Каменская Близница» // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья.— Днепропетровск : ДГУ, 1987.— С. 54—74.

Анохин, 1973 — Анохин В. А. Монеты Атей // Скифские древности.— Киев : Наук. думка, 1973.— С. 20—41.

Анучин, 1909 — Анучин Д. Н. И. Е. Забелин как археолог в первую половину его научной деятельности (1842—1876) // Древности : Тр. Императ. моск. археол. о-ва.— 1909.— 22/2.— С. 29—70.

Аракелян, 1971 — Аракелян Б. Н. Клад серебряных изделий из Эребуни // СА.— 1971.— № 1.— С. 143—158.

Артамонов, 1966 — Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа.— Прага; Л.: Искусство, 1966.— 120 с., 331 табл.

Артамонов, 1973 — Артамонов М. И. Сокровища саков.— М.: Искусство, 1973.— 278 с.

Археология Украинской ССР, т. 2 — Археология Української РСР.— К.: Наук. думка, 1971.— Т. 2.— 504 с.

Арциховский, 1948 — Арциховский А. В. Забелин — археолог // Историко-археологический сборник.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1948.— С. 5—11.

Ахмеров, 1949 — Ахмеров Р. Б. Об ас-тиномных клеймах эллинистического Херсонеса // ВДИ.— 1949.— № 4.— С. 99—123.

Бадальянц, 1980 — Бадальянц Ю. С. Опыт хронологической классификации родосских фабриканских клейм // НЭ.— 1980.— Вып. 13.— С. 3—12.

Барнет, 1962 — Barnett R. D. Median Art // Iranica antiqua.— 1962.— 1/1.— P. 77—95.

- Барнет, Лоренцини*, 1975 — Barnett R. D., Lorenzini A. Assyrian sculpture.— Toronto, 1975.— 39 р., 179 пл.
- Бахтил*, 1965 — Бахтил М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса.— М.: Искусство, 1965.
- Бессонова, С. С. Религиозные представления скифов*.— Киев : Наук. думка, 1983.— 137 с.
- Бессонова, Кириллин*, 1977 — Бессонова С. С., Кириллин Д. С. Надгробный рельеф из Трехбратного кургана // Скифы и сарматы.— Киев : Наук. думка, 1977.— С. 128—139.
- Бидзилия*, 1971 — Бидзилия В. И. Дослідження Гайманової Могили // Археологія.— 1971.— Вип. 1.— С. 44—56.
- Бидзилия и др.*, 1977 — Бидзилия В. И., Болтрик Ю. В., Моэловский Б. Н., Савовский И. П. Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки.— Киев : Наук. думка, 1977.— С. 61—158.
- Бобринский*, 1910 — Бобринский А. А. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1908 г.// ИАК.— 1910.— Вып. 35.— С. 61—85.
- Болтрик*, 1981 — Болтрик Ю. В. Исследование кургана Огуз // АО за 1980 г.— М.: Наука, 1981.— С. 233—234.
- Борисова*, 1974 — Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор // НЭ.— 1974.— Вып. 11.— С. 99—124.
- Боровка*, 1921 — Боровка В. И. Женские головные уборы Чертомлынского кургана // ИРАИМК.— 1921.— 1.— С. 169—192.
- Боузек*, 1974 — Anatolian collection of Charles University (Kume 1).— Praha, 1974.— 217 р.
- Брашинский*, 1961 — Брашинский И. Б. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА.— 1961.— № 3.— С. 178—186.
- Брашинский*, 1961а — Брашинский И. Б. Успехи керамической эпиграфики // Там же.— № 2.— С. 293—306.
- Брашинский*, 1963 — Брашинский И. Б. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э.// Античный город.— М.: Наука, 1963.— С. 132—145.
- Брашинский*, 1965 — Брашинский И. Б. Новые материалы и датировка курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // EIRENE.— 1965.— 4.— С. 89—110.
- Брашинский*, 1967 — Брашинский И. Б. Сокровища скифских царей.— М.: Наука, 1967.— 128 с.
- Брашинский*, 1979 — Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ.— Л.: Наука, 1979.— 143 с.
- Брашинский*, 1980 — Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону.— Л.: Наука, 1980.— 267 с.
- БСЭ*, 2 — Чертомлык // БСЭ.— 2-е изд.— М., 1957.— Т. 47.— С. 222.
- БСЭ*, 3 — Чертомлык // БСЭ.— 3-е изд.— М., 1978.— Т. 29.— С. 333.
- Буздуган*, 1976 — Buzdugan C. Pumnale Hallstattiene tîrzi pe territoriul Românie // Cercetari arheologice.— 1976.— 4.— P. 239—270.
- Бухтеев*, 1853 — Бухтеев М. Александропольский курган // ЗООИД.— 1853.— З. С. 535—539.
- Василенко*, 1972 — Василенко Б. А. Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V—III вв. до н. э.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1972.— 23 с.
- Vasić*, 1977 — Vasić P. The Chronology of the Early Iron Age in Serbia // British Archaeological Reports.— Oxford, 1977.— 151 р.
- Велла*, 1957 — Vellay C. Les Légendes du cycle Troyen.— Monaco, 1957.— Т. 1; 2.— 672 р.
- Венедиков*, 1977 — Venedikov J. Les siutiles de bronze en Thrace // Thracia.— 1977.— 4. Р. 59—103.
- Вернан*, 1971 — Vernant J. P. Mythe et pensée chez les Grecs.— Paris, 1971.— Vol. 1.
- Веселовский*, 1911 — Веселовский Н. И. Записка по вопросу о приемах при производстве раскопок // Тр. XIV АС в Чернигове.— М., 1911.— Т. 3.
- Виноградов*, 1974 — Виноградов В. Б. Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии // СА.— 1974.— № 4.— С. 258—263.
- Виноградов, Карышковский*, 1982 — Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О. Каллиник, сын Евксена : Пробл. полит. и соц., — экон. истории Ольвии второй половины IV в. до н. э.// ВДИ.— 1982.— № 4.— С. 26—46.
- Высотская*, 1979 — Высотская Т. Н. Неполь — столица государства поздних скифов.— Киев : Наук. думка, 1979.— 206 с.
- Галанина*, 1969 — Галанина Л. К. Аничтый бронзовый таз из Курджипского кургана // АСГЭ.— 1969.— Вып. 2.— С. 92—103.
- Галанина*, 1980 — Галанина Л. К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н. э.— Л.: Искусство, 1980.— 127 с.
- Гамкрелидзе, Иванов*, 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вят. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы.— Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1984.— 1328 с.
- Ганжа*, 1982 — Ганжа А. И. Методологические вопросы на III Археологическом съезде в Киеве, 1874 г.// Новые методы археологических исследований.— Киев : Наук. думка, 1982.— С. 225—233.
- Генинг*, 1984 — Генинг В. Ф. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV—III вв. до н. э. по археологическим данным // Фридрих Энгельс и проблемы

истории древних обществ.— Киев : Наук. думка, 1984.— С. 124—153.

Гиришман, 1979 — Ghirshman R. M. Tome le princier de Ziwiéyé et le Début de l'Art animalier Scythe.— Paris, 1979.— 48.— Р., 22 pl.

Горелик, 1971 — Горелик М. В. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластине из Гермесова кургана // СА.— 1971.— № 3.— С. 236—245.

Граков, 1928 — Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов.— М., 1928.— 223 с.

Граков, 1954 — Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре // МИА.— 1954.— № 36.— 237 с.

Граков, 1962 — Граков Б. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // Там же.— 1962.— № 115.— С. 56—113.

Граков, 1964 — Граков Б. Н. Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии // АСГЭ.— 1964.— Вып. 6.— 118—127.

Граков, 1971 — Граков Б. Н. Скифы.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.— 171 с.

Граков, 1977 — Граков Б. Н. Ранний железный век.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.— 232 с.

Грантовский, 1960 — Грантовский Э. А. Индо-иранские касты у скифов : XXV МКВ. Доклады делегации СССР.— М.: Изд-во вост. лит., 1960.— 22 с.

Граффити — Граффити античного Херсонеса.— Киев : Наук. думка, 1978.— 139 с.

Грифенхаген, 1982 — Greifenhagen A. Centenarium eines Goldfisches // Antike Welt.— 1982.— 3.— С. 3—9.

Грейс, 1963 — Grace V. R. Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula // Hesperia.— 1963.— 32/3.— Р. 319—334.

Грязнов, 1950 — Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган.— Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950.— 90 с.

Грязнов, 1961 — Грязнов М. П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР.— Л.: Изд-во. Ленингр. ун-та, 1961.— С. 139—144.

Грязнов, 1980 — Грязнов М. П. Аркан. Царский курган раннескифского времени.— Л.: Наука, 1980.— 61 с.

Дальтон, 1926 — Dalton O. The Treasure of the Oxus.— London, 1926.— XLVII р.

Даниленко, 1966 — Даниленко В. Н. Прописография Херсонеса IV—II вв. до н. э. (по эпиграфическим и нумизматическим данным Северного Причерноморья) // Античная древность и средние века.— 1966.— Вып. 4.— С. 136—178.

ДГС, 2 — Древности Геродотовой Скифии.— Спб., 1872.— Т. 2.— 90 с.

Древняя Македония — Treasures of Ancient Macedonia.— Thessalonike.— 110 р.

Забелин, 1865—1867 — Забелин И. Е. Скифские могилы. Чертомлыкский курган // Древности : Тр. Императ. моск. археол. о-ва.— 1865—1867.— 1.— С. 56—93.

Зданович, Иванов, Хабдулина, 1984 — Зданович Г. Б., Иванов И. В., Хабдулина М. К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (курганы Караба-Оба и Обалы в Северном Казахстане) // СА.— 1984.— № 4.— С. 35—48.

Зеймаль, 1979 — Амударьинский клад : Кат. выст./ Вступ. статья и сост. кат. Е. В. Зеймаль.— Л.: Искусство, 1979.— 94 с.; ил.

Зограф, 1951 — Зограф А. Н. Античные монеты // МИА.— 1951.— № 16.— 201 с.

ИАК, 1911 — Дополнение к статьям Э. Э. Ленца и Н. И. Веселовского. По поводу статьи Е. Е. Тевешева // ИАК.— 1911.— Вып. 42.— С. 142—149.

Иванов, 1963 — Иванов Т. Антична керамика от некропола на Аполония // Аполония.— София : БАН, 1963.— 604 с.

Иванов, 1974 — Иванов Вяч. Вс. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от аśva — «конь» (жертвоприношение коня и дерево аśvattha в древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии.— М.: Наука, 1974.— С. 75—95.

Извлечение из отчета — Извлечение из всенароднейшего отчета об археологических изысканиях в 1853 г.— Спб., 1855.— 189 с.

Ильинская, 1968 — Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья.— Киев : Наук. думка, 1968.— 286 с.

Ильинская, 1973 — Ильинская В. А. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности.— Киев : Наук. думка, 1973.— С. 42—63.

Ильинская, 1975 — Ильинская В. А. Раннескифские курганы в бассейне р. Тясмин.— Киев : Наук. думка, 1975.— 224 с.

Ильинская, 1978 — Ильинская В. А. Золотая пластина с изображениями скифов из коллекции Романовича // СА.— 1978.— № 3.— С. 90—100.

Каллистов, 1969 — Каллистов Д. П. Свидетельство Страбона о скифском царе Атее // ВДИ.— 1969.— № 1.— С. 124—130.

Кац, 1985 — Кац В. И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ.— 1985.— № 1.

Кембридж — The Cambridge Ancient History.— 1930.— Vol. 3.— 199 р.

Ключко, 1981 — Ключко Л. С. Отражение социальной функции скифского костюма в археологических материалах // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР : Тез. докл. конф.— Киев, 1981.— С. 64—65.

Ключко, 1982 — Ключко Л. С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности степной Скифии.— Киев : Наук. думка, 1982.— С. 118—130.

- Ключко**, 1982а — Ключко Л. С. Скифские налобные украшения VI—III вв. до н. э.// Новые памятники древней и средневековой художественной культуры.— Киев : Наук. думка, 1982.— С. 37—53.
- Ключко**, Мурзин, 1987 — Ключко В. И., Мурзин В. Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья.— Киев : Наук. думка, 1987.— С. 12—19.
- Ключевский**, 1983 — Ключевский В. О. Неопубликованные произведения.— М. : Наука, 1983.— 416 с.
- Колесников**, 1985 — Колесников А. Б. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // ВДИ.— 1985.— № 2.— С. 67—93.
- Коновалов**, 1983 — Коновалов А. В. Погребально-поминальная обрядность казахов Южного Алтая // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири.— Новосибирск: Наука, 1983.— С. 112—122.
- Копейкина**, 1986 — Копейкина Л. В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика.— Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1986.— С. 28—63.
- Корбетт**, 1955 — Corbett P. E. Palmette Stamps from an Attic Black — Glaze Workshop // Hesperia.— 1955.— 24/3.— Р. 172—186.
- Кроуза**, 1972 — Growel J. H. Early Belt-buckles from Western Iran and Central Anatolia // Iranica Antiqua.— 1972.— 9.— Р. 49—59.
- Кубчак**, 1978 — Kubczak J. Kurhany agyptokracji scytyjskiej.— Poznan : Univ. im. Adama Mickiewicza, 1978.— 165 s.
- Кубышев, Николова, Полин**, 1982 — Кубышев А. И., Николова А. В., Полин С. В. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине // Древности степной Скифии.— Киев : Наук. думка, 1982.— С. 130—148.
- Кузнецова**, 1987 — Кузнецова Т. М. Зеркала из скифских памятников VI—III вв. до н. э. (классификация и хронологическое расположение) // СА.— 1987.— № 1.— С. 35—47.
- Кузьмина**, 1976 — Кузьмина Е. Е. О семантике изображений на Чертомлыкской амфоре // Там же.— 1976.— № 3.— С. 68—75.
- Кузьмина**, 1983 — Elen E. Kužmina. Éléments de l'Iran et du Preche — Orient ancien dans l'Art Scythe // Arts Asiatiques.— 1983.— 38.— Р. 5—19.
- Кук**, 1965 — Cook J. M. Old Smyrna: Fourth — Century Black Glare // BSA.— 1965.— 60.— Р. 143—153.
- Куприй**, 1981 — Куприй С. А. Украшения погребальной повозки из Огуза // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР : Тез. докл. конф.— Киев, 1981.— С. 61—62.
- Курочкин**, 1980 — Курочкин Г. Н. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских парей VIII—VII вв. до н. э. и курган Аржан (к проблеме происхождения скифов) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство.— Кемерово: Кемер. ун-т, 1980.— С. 105—117.
- Лазаревский**, 1894 — Лазаревский Я. Александровский курган. Могила скифского царя // ЗРАО.— 1894.— 7.— С. 24—46.
- Латышева**, 1985 — Латышева В. А. Некоторые итоги раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму // Вестн. Харьк. ун-та.— 1985.— № 268.— С. 100—107.
- Лашук**, 1967 — Лашук Л. П. Социальная организация средневековых кочевников // СЭ.— 1967.— № 4.— С. 25—39.
- Лесков**, 1974 — Лесков О. Скарби курганів Херсонщины.— К. : Мистецтво, 1974.— 122 с.
- Луконин**, 1977 — Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана.— М. : Искусство, 1977.— 231 с.
- Лун**, 1966 — Loon M. N. van. Urartian Art. Its distinctive Traits in the light of new excavations.— Istanbul, 1966.— 190 р., 43 пл.
- Максименко**, 1983 — Максименко В. Е. Сарматы и сарматы на Нижнем Дону.— Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1983.— 222 с.
- Мальмберг**, 1894 — Мальмберг В. Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагодеушах // МАР.— 1894.— № 13.— С. 121—191.
- Мальмберг**, 1913 — Мальмберг В. К. Вони на золотой обивке ножен из Чертомлыцкого кургана и на вазе из Нолы // Сборник статей, посвященных Д. А. Корсакову.— Казань, 1913.— 11 с.— Отт.
- Мальмберг**, 1914 — Мальмберг В. К. Вони, защищающий павшего товарища, на чертомлыцких ножнах и других памятниках греческого искусства // Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В. П. Бузескула.— Харьков, 1914.— 10 с.— Отт.
- Манцевич**, 1941 — Манцевич А. П. О скифских поясах // СА.— 1941.— № 7.— С. 19—30.
- Манцевич**, 1948 — Манцевич А. П. Шейные уборы скифского периода // КСИИМК.— 1948.— С. 68—73.
- Манцевич**, 1949 — Манцевич А. П. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // ВДИ.— 1949.— № 2.— С. 196—220.
- Манцевич**, 1961 — Манцевич А. П. Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа // Исследования по археологии СССР.— Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1961.— С. 145—150.
- Манцевич**, 1969 — Манцевич А. П. Парарадный меч из кургана Солоха // МИА.— 1969.— № 150.— С. 96—119.
- Манцевич**, 1973 — Манцевич А. П. Мастюгинские курганы. По материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ.— 1973.— Вып. 15.— С. 12—46.
- Манцевич**, 1975 — Манцевич А. П. Керамична тара з кургану Солоха // Археология.— 1976.— Вип. № 17.— С. 72—85.

Манцевич, 1976 — Манцевич А. П. Чертомлыкская ваза и пектораль из Толстой Могилы // *Pulpudeva*.— Sofia : Editions de L'Academie Bulgare des Sciences.— 1976.— Т. 1.— С. 83—98.

Манцевич, 1979 — Манцевич А. П. К открытию царской гробницы в Македонии в 1977 г.// *СГЭ*.— 1979.— Вып. 44.— С. 49—51.

Манцевич, 1980 — Манцевич А. П. Открытие царской гробницы у д. Вергина в Северной Греции (античная Македония) // *ВДИ*.— 1980.— № 3.— С. 153—167.

Манцевич, 1980a — Манцевич А. П. Об уздачках фракийского типа из кургана Огуз // *Actes du II Congrès international de Thracologie* (Bucarest, 4—10 sept. 1976): *Histoire et archéologie*.— Bucuresti, 1980.— Р. 267—293.

Манцевич, 1987 — Манцевич А. П. Курган Солоха : Публ. одной кол.— Л. : Искусство, 1987.— 141 с.

Масленников, 1981 — Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э.— М. : Наука, 1981.— 125 с.

Мачинский, 1973 — Мачинский Д. А. О смысле изображений на некоторых произведениях греко-скифской торевтики и о значении их для понимания истории скифов IV—III вв. до н. э.// Краткие тез. докл. к науч. конф. «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир».— Л. : Изд-во Гос. Эрмитаж, 1973.— С. 25.

Мачинский, 1978 — Мачинский Д. А. О смысле изображений на чертомлыкской амфоре // Проблемы археологии.— Л. : Изд-во Гос. Эрмитаж, 1978.— Вып. 2.— С. 232—240.

Мачинский, 1978a — Мачинский Д. А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока: древность и раннее средневековье.— Л. : Аврора, 1978.— С. 131—150.

Мелюкова, 1964 — Мелюкова А. И. Вооружение скифов // *САИ*.— 1964.— Вып. 41.— 91 с.

Мелюкова, 1975 — Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевска.— М. : Наука, 1975.— 257 с.

Мелюкова, 1976 — Мелюкова А. И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.— М. : Наука, 1976.— С. 106—127.

Мелюкова, 1981 — Мелюкова А. И. Краснокутский курган.— М. : Наука, 1981.— 111 с.

Минасян, 1980 — Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // *АСГЭ*.— 1980.— Вып. 21.— С. 68—74.

Минns, 1913 — Minns E. H. *Scythians and Greeks*.— Cambridge : Univ. press.— 1913.— 720 р.

Мирошина, 1980 — Мирошина Т. В. Скифские калафы // *СА*.— 1980.— № 1.— С. 30—45.

Мирошина, 1981 — Мирошина Т. В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV—III вв. до н. э.// Там же.— 1981.— № 4.— С. 46—69.

Михлин, 1979 — Михлин Б. Ю. К изучению херсонских керамических клейм // *ВДИ*.— 1979.— № 2.— С. 139—159.

Мозолевский, 1973 — Мозолевский Б. Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности.— Киев: Наук. думка, 1973.— С. 187—234.

Мозолевский, 1979 — Мозолевский Б. М. Товста Могила.— К. : Наук. думка, 1979.— 248 с.

Мозолевский, 1980 — Мозолевский Б. Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.) // Скифия и Кавказ.— Киев: Наук. думка, 1980.— С. 70—154.

Мозолевский, 1981 — Мозолевский Б. Н. Отчет за 1981 г. о доисследовании Чертомлыка.— НА ИА АН УССР, № 1981/6.— 25 с.

Мозолевский, 1982 — Мозолевский Б. Н. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности степной Скифии.— С. 179—222.

Мозолевский и др., 1979 — Мозолевский Б. Н., Пустовалов С. Ж., Битковский О. В., Николова А. В. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции Института археологии АН УССР за 1979 г.— НА ИА АН УССР, № 1979/9.— 68 с.

Мозолевский, Полин, 1987 — Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Скифский курган Бабина Могила // Задачи советской археологии в свете решений XXV съезда КПСС: Тез. докл. конф.— М. : Наука, 1987.— С. 8—9.

Мурзин, 1978 — Мурзин В. Ю. Скифи на Північному Кавказі (VII—V ст. до н. е.) // Археологія.— 1978.— Вип. 27.— С. 22—35.

Мурзин, 1984 — Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1984.— 133 с.

Мурзин, 1986 — Мурзин В. Ю. Про утворення північнопричорноморської Скіфії // Археологія.— 1986.— Вип. 55.— С. 1—10.

Мурзин, 1987 — Мурзин В. Ю. О военно-политической организации кочевых скифов // Киммерийцы и скифы : Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А. И. Тереножкина.— Кировоград, 1987.— С. 26—28.

Мурзин, 1989 — Мурзин В. Ю. Формирование скифской государственности // Мурзин В. Ю., Павленко Ю. В. Формирование ренессансового общества на территории Украины / АН УССР. Ин-т археологии.— Препр.— Киев, 1989.— С. 21—41.

Мурзин, Ролле, 1989 — Мурзин В. Ю., Ролле Р. Основні підсумки сучасного дослідження кургану Чортомлик // Археологія.— 1989.— Вип. 1.— С. 91—101.

Мурзин, Черненко, 1980 — Мурзин В. Ю., Черненко Е. В. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кав-

каз.— Киев : Наук. думка, 1980.— С. 155—167.

Мурзин, Черненко, 1985 — Мурзин В. Ю., Черненко Е. В. [Рецензия] // Ист.-филол. журн. АН АРМССР.— 1985.— № 3.— С. 227—231.— Рец. на кн.: Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время.— М. : Наука, 1984.

Неверов, 1978 — Неверов О. Я. Античные перстни (VI в. до н. э.—IV в.): Кат. времен, выставки Гос. Эрмитажа.— Л. : Гос. Эрмитажа, 1978.— 16 с.; ил.

Nilsson, 1909 — Nilsson M. P. Timbres amphoriques de Lindos.— Copenhague, 1909.— 335 р.

ОАК за 1894 г.— Спб., 1896.— 171 с.

ОАК за 1897 г.— Спб., 1900.— 191 с.

ОАК за 1913—1915 гг.— Пг., 1918.— 295 с.

Ольховский, 1977 — Ольховский В. С. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА.— 1977.— № 4.— С. 108—128.

Ольховский, 1978 — Ольховский В. С. Погребальные обряды населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1978.— 24 с.

Онайко, 1970 — Онайко И. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. // САИ.— 1970.— Вып. Д1—27.— 128 с.

Онайко, 1974 — Онайко И. А. Заметки о технике боспорской торевтики // СА.— 1974.— № 3.— С. 78—86.

Отрощенко, 1984 — Отрощенко В. В. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов.— Киев : Наук. думка, 1984.— С. 121—126.

Перлзвиг, 1963 — Perlzweig J. Lamps from the Athenian Agors // Excavations of the Athenian Agora. Picture Book. 9.— Princeton, 1963.— 32 р.

Першиц, 1976 — Першиц А. И. Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Ставрополье классов и государства.— М. : Наука, 1976.— С. 280—313.

Петренко, 1975 — Петренко В. Г. Ставропольская экспедиция // АО за 1974 г.— М. : Наука, 1975.— С. 125.

Петренко, 1978 — Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. // САИ.— 1978.— Вып. Д4—5.— 143 с.

Петренко и др., 1974 — Петренко В. Г., Найденко А. В., Куйбышев А. В. и др. Раскопки курганов у с. Александровского // АО за 1973 г.— М. : Наука, 1974.— С. 123—124.

Пиотровский, 1962 — Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту VIII—VI вв. до н. э.— Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.— 123 с.

Пиотровский, Галанина, Грач, 1986 — Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art.— Leningrad: Aurora Art Publ.— 1986.— 183 р.

Покровская, 1955 — Покровская Е. Ф. Мелитопольский курган // ВДИ.— 1955.— № 2.— С. 191—199.

Полевой, 1985 — Полевой В. М. Фракийская гробница близ Свештари // Панорама искусств.— 1985.— № 8.— С. 301—306.

Полин, 1984 — Поліп С. В. Про сарматське завоювання Причорномор'я // Археологія.— 1984.— Вип. 45.— С. 24—34.

Порада, 1963 — Porada E. Iran ancien.— París, 1963.— 265 р.

Привалова, Зарайская, Привалов, 1982 — Привалова О. Я., Зарайская Н. П., Привалов А. И. Двугорбая Могила // Древности степной Скифии.— Киев : Наук. думка, 1982.— С. 148—178.

Пронников, 1985 — Пронников В. Икебана, или Вселенная, запечатленная в цветке.— М. : Искусство, 1985.

Прудевская, 1955 — Прудевская Е. О. Художественная обработка металла (торевтика) // Античные города Северного Причерноморья.— М., Л. : Изд-во АН СССР.— С. 325—355.

Прэз, Масгрейв, Нив, 1984 — Prag A. J. N. W., Musgrave J. H., Neave R. A. H. The skull from Tomb II at Vergina : King Philip II of Macedon // JHS.— 1984.— 104.— Р. 60—78.

Пфуль, 1923 — Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen.— München, 1923.— 918 S., 361 Taf.

Раевский, 1970 — Раевский Д. С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // СА.— 1970.— № 3.— С. 90—101.

Раевский, 1971 — Раевский Д. С. Скифоавестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства // Искусство и археология Ирана.— М. : Наука, 1971.— С. 268—285.

Раевский, 1977 — Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен.— М. : Наука, 1977.— 215 с.

Раевский, 1979 — Раевский Д. С. Об интерпретации памятников скифского искусства // НАА.— 1979.— № 4.— С. 70—82.

Раевский, 1980 — Раевский Д. С. Эланиские боги в Скифии? (к семантической характеристике греко-скифского искусства) // ВДИ. 1980.— № 1.— С. 49—71.

Раевский, 1985 — Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры.— М. : Наука, 1985.— 255 с.

Рай, 1929 — Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet.— Pokrowsk, 1929.— 112 S.

Рихтер, 1930 — Richter G. M. A. Animals in Greek Sculpture.— London, 1930.— 87 р.

Рихтер, 1931 — Richter G. M. A. A Greek Sword Sheath of a Scythian King // The Bulletin of the Metropolitan Museum of Art.— 1931. 26/1.— р. 44—48.

Рожанский, 1979 — Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности.— М. : Наука, 1979.— 485 с.

Ролле, 1979 — Rolle R. Totenkult der Skythen // *Vorgeschichtliche Forschungen*.— Berlin; New York, 1979.— Bd 18 (1) 1, T. 1—188 S; T. 2.— 135 S.

Ролле, Мурзин, 1988 — Rolle R., Murzin V. Erste Ergebnisse der modernen Untersuchungen am skythischen Kurgan Certomlyk // *Antike Welt*.— 1988.— № 4.— С. 3—14.

Ростовцев, 1913 — Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК.— 1913.— 49.— С. 1—62.

Ростовцев, 1914 — Ростовцев М. И. Воронежский серебряный сосуд // МАР.— 1914.— № 34.— С. 79—93.

Ростовцев, 1925 — Ростовцев М. И. Скифия и Боспор.— Л., 1925.— 617 с.

Ростовцев, 1931 — Rostowzew M. Skythien und der Bosporus.— Berlin, 1931.— 651 S.

Руденко, 1968 — Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани: Из оледенелых курганов Горного Алтая.— М. : Искусство, 1968.— 135 с.

Рябова, 1978 — Рябова В. А. Раскопки скифского кургана у с. Гюновка // Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.: Тез. докл. конф.— Ужгород, 1978.— С. 62—63.

Рябова, 1986 — Рябова В. А. Металлические кубки из скифских курганов // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья.— Киев : Наук. думка, 1986.— С. 138—149.

Семенов, 1983 — Семенов А. И. Микроскопическое исследование древков стрел из кургана Чертомлык // АСГЭ.— 1983.— Вып. 24.— С. 78—80.

Семенов-Зусер, 1939 — Семенов-Зусер С. А. Краснокутские курганы // Учен. зап. Харьк. ун-та за 1939 г.— Харьков, 1939.— С. 63—88.

Сергеев, 1966 — Сергеев Г. П. Олонештский античный клад // ВДИ.— 1966.— № 2.— С. 132—142.

Симоненко, 1987 — Симоненко А. В. О семантике среднего фриза Чертомлыцкой амфоры // Скифы Северного Причерноморья.— Киев : Наук. думка, 1987.— С. 140—144.

Смирнов, 1909 — Смирнов Я. И. Восточное серебро.— Спб., 1909.— 19 с., 130 табл.

Смирнов, 1964 — Смирнов К. Ф. Савроматы.— М. : Наука, 1964.— 379 с.

Snodgrass, 1967 — Snodgrass A. M. Arms and Armour of the Greek — London; Southampton, 1967.— 151 р.

Соломоник, 1959 — Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья.— Киев : Изд-во АН УССР, 1959.— 175 с.

Соломоник, 1976 — Соломоник Э. И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ.— 1976.— № 3.— С. 121—141.

Спицын, 1901 — Спицын А. А. Раскопки, проведенные в 1897 г. близ д. Башмачки Екатеринославского уезда // ИАК.— 1901.— 1.— С. 69—79.

Спицын, 1906 — Спицын А. А. Серогозские курганы // Там же.— 1906.— 19.— С. 157—174.

Стевани, 1865 — Стефани Л. Описание некоторых вещей, найденных в 1863 г. в Южной России // ОАК за 1864—1865 гг.— Спб., 1865.— С. 1—246.

Тереножкин, 1955 — Тереножкин А. И. Скифский курган в Мелитополе // КСИА АН УССР.— 1955.— 3.— С. 23—34.

Тереножкин, 1975 — Тереножкин О. И. Класи і класові відносини у Скіфії // Археологія.— 1975.— Вип. 15.— С. 3—13.

Тереножкин, Ильинская, 1971 — Тереножкин О. І., Ільїнська В. А. Скіфський період // Археологія Української РСР.— Київ: Наук. думка, 1971.— Т. 2.— С. 8—184.

Тереножкин и др. 1973 — Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности.— Київ: Наук. думка, 1973.— С. 113—186.

Techau, 1929 — Techau W. Griechische Keramik im Samischen Heraion // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athener Abteilung.— 1929.— 4.— С. 6—64.

Техов, 1980 — Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э.— М. : Наука, 1980.— 92 с.

Толстой, Кондаков, 1889 — Толстой И., Кондаков И. Русские древности в памятниках искусства.— Спб., 1889.— 161 с.

Томпсон, 1934 — Thompson H. A. Two centres of Hellenistic Pottery // *Hesperia*.— 1934.— 3.— Р. 311—480.

Топоров, 1964 — Топоров В. Н. К реконструкции некоторых мифологических представлений (на материале буддийского изобразительного искусства) // НАА.— 1964.— № 3.— С. 101—110.

Топоров, 1967 — Топоров В. Н. К реконструкции мифа о мировом яйце (на материале русских сказок) // Труды по знаковым системам.— Тарту, 1967.— С. 81—99.— (Учен. зап. Тарт. ун-та; Вып. 198).

Топоров, 1974 — Топоров В. Н. О браhmaне // Проблемы истории языков и культуры народов Индии.— М. : Наука, 1974.— С. 20—74.

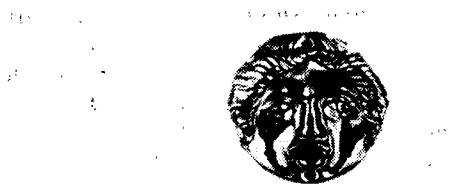
Тревер, 1959 — Trever K. B. Очерки по истории Кавказской Албании.— М.; Л.: Изд-во АН СССР.— 391 с.

Фаркаш, 1977 — Farkas A. Interpreting Scythian Art: East vs. West // *Artibus Asiae*.— 1977.— 39/2.— Р. 124—138.

Фармаковский, 1911 — Фармаковский Б. В. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и кургана близ м. Ильинцы // Сборник в честь гр. А. А. Бобринского.— Спб., 1911.— С. 44—118.

- Фиалко**, 1981 — Фиалко Е. Е. Об античном саркофаге из кургана Огуз // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР : Тез. докл. конф. — Киев, 1981.— С. 62—63.
- Фиалко, Болтрик**, 1986 — Фиалко Е. Е., Болтрик Ю. В. Ларец из кургана Огуз // СА.— 1986.— № 2.— С. 241—247.
- Фирштейн**, 1966 — Фирштейн Б. В. Чепра из Александровского кургана // Вопр. антропологии.— 1966.— 22.— С. 62—76.
- Формозов**, 1984 — Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин.— М. : Моск. рабочий, 1984.— 238 с.
- Фроммер**, 1982 — Pfrommer M. Grossgriechischer und Mittelitalischer Einfluss in der Rankenornamentik frühhelénistischer Zeit // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.— Berlin, 1982.— Bd. 97.— S. 119—190.
- Фуртвенглер**, 1900 — Furtwängler A. Die Antiken Gemmen.— Leipzig; Berlin, 1900.— Bd. 1, T. 1.— 330 S.; T. 3.— 464 S.
- Хазанов**, 1975 — Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей.— М. : Наука, 1975.— 343 с.
- Хиггинс**, 1961 — Higgins R. A. Greek and Roman Jewellery.— London, 1961.— 236 S., 64 Taf.
- Хоффман, Дэвидсон**, 1965 — Hoffmann H., Davidson P. F. Greek Gold.— Mainz, 1965.— 312 р.
- Череватенко**, 1985 — Череватенко Л. Продовження буде // Отчий край.— К., 1985.— С. 172—180.
- Черненко**, 1968 — Черненко Е. В. Скифский доспех.— Киев : Наук. думка, 1968.— 191 с.
- Черненко**, 1975 — Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы // Скифский мир.— Киев : Наук. думка, 1975.— С. 152—173.
- Черненко**, 1980 — Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ.— Киев : Наук. думка, 1980.— С. 5—30.
- Черненко**, 1981 — Черненко Е. В. Скифские лучники.— Киев : Наук. думка, 1981.— 166 с.
- Черненко**, 1984 — Черненко Е. В. Парадный меч из скифского царского кургана Чертомлык // Скифо-сибирский мир : Тез. докл. конф.— Кемерово : Кемер. ун-т, 1984.— С. 76—78.
- Черненко**, 1984а — Черненко Е. В. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время.— М. : Наука, 1984.— С. 231—235.
- Черненко**, 1984б — Черненко Е. В. Скифо-персидская война.— Киев : Наук. думка, 1984.— 115 с.
- Черненко**, 1987 — Черненко Е. В. Легенда о царе Атее // Киммерийцы и скифы : Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А. И. Тереножкина.— Кировоград, 1987.— С. 81.
- Черненко, Мурзин**, 1982 — Черненко Е. В., Мурзин В. Ю. Курганы скифских царей : Из истории исследований // Вестн. АН СССР.— 1982.— № 11.— С. 101—112.
- Чередниченко и др.**, 1979 — Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е., Ковалев Н. В. и др. Раскопки большого кургана в Приазовье // АО за 1978 г.— М. : Наука, 1979.— С. 419—421.
- Шамз**, 1980 — Chamay J. Achille et Troilos par le Peintre de Caivano // Antike Kunst.— 1980.— 23/1.— Р. 46—53.
- Шелов**, 1971 — Шелов Д. Б. Скифо-македонский конфликт в истории античного мира // МИА.— 1971.— № 177.— С. 54—63.
- Шелов**, 1975 — Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э.— М. : Наука, 1975.— 167 с.
- Шелов-Коведяев**, 1985 — Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР.— М. : Наука, 1985.— С. 5—187.
- Шефольд**, 1938 — Schebold K. Der Scythische Tierstil in Südrussland // ESA.— 1938.— 12.— С. 1—78.
- Шилов**, 1961 — Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА.— 1961.— № 1.— С. 150—168.
- Шильц**, 1979 — Schiltz v. Deux Gorytes identiques en Macedone et dans le Kouban // Rev. archéol.— 1979.— 2.— Р. 305—310.
- Шмидт**, 1953 — Schmidt E. F. Persepolis.— Chicago, 1953.— Vol. 1.— 297 р.
- Шрамко**, 1965 — Шрамко Б. А. Металеві знаряддя виробництва лісостепової Скіфії (ножі) // Питання історії народів СРСР.— 1965.— Вип. 1.— С. 137—152.
- Якобсталь**, 1927 — Jacobsthal P. Ornamente Griechischer Vasen.— Berlin, 1927.— Bd. 1.— 246 S.; Bd. 2.— 149 Taf.
- Яковенко**, 1969 — Яковенко Э. В. Клыки с зооморфными изображениями // СА.— 1969.— № 4.— С. 200—207.
- Яковенко**, 1973 — Яковенко Е. В. «Скипетр цариці» з Куль-Оби // Археологія.— 1973.— Вип. 11.— С. 39—43.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Л. А. ЛИТОВЧЕНКО

И. Е. ЗАБЕЛИН — ИСТОРИК И АРХЕОЛОГ

Достойное место в истории русской исторической науки и культуры по праву принадлежит известному ученому, историку и археологу Ивану Егоровичу Забелину (1820—1908). Широта исследовательских интересов, многосторонность научной деятельности — органическое отражение глубины его самобытного таланта. С именем И. Е. Забелина связано становление в русской исторической науке дооктябрьского периода таких перспективных направлений, как история народного быта и материальной культуры. Он внес существенный вклад в развитие музеиного дела в России, в разработку важнейших проблем истории страны, археологии, источниковедения, специальных исторических дисциплин. «Историком русского быта», «теоретиком археологии», «историком русского искусства», «историком-художником», «историком-философом», «талантливым самородком» называли современники И. Е. Забелина, отдавая должное значению его трудов и творческой индивидуальности. Известный географ и антрополог Д. Н. Анучин отзывался о Забелине как об ученом, внесшем «крупную лепту в дело русского исторического самосознания» и оставившем по себе «вечную память в летописях русской науки и просвещения» [Анучин, 1908, с. 200].

Неординарен творческий путь И. Е. Забелина. Родился 17 сентября 1820 г. в Твери в семье бедного чиновника 14 класса, коллежского регистратора Егора Степановича Забелина. Когда ему

исполнилось 8 лет, отец умер, оставил семью без средств к существованию. Мать, Евдокия Федоровна, оставшись с двумя детьми, была вынуждена брать любую работу, чтобы прокормить семью. Младший брат Петр, родившийся недолго до смерти отца, был отдан в воспитательный дом. В это время Иван с матерью жили в Москве, скитаясь в поисках работы.

В 12-летнем возрасте (12 ноября 1832 г.) он был определен в Преображенское сиротское училище, где и провел пять лет. Так назывался тогда Сиротский дом Приказа общественного призрения, находившийся в Преображенском (Екатерининском) богадельном доме, известном в обиходе как «Матросская богадельня». Вспоминая об этом времени, И. Е. Забелин писал: «Воспитание в этом училище, мало кому известном, было старозаветное, спартанское, суровое и жестокое» [Забелин, 1887, с. 229]. Интерес к истории проявился у него еще во время пребывания в училище. Среди прочитанных им книг были «История Государства Российского» Н. М. Карамзина, «Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей» в переводе С. Дестуниса, романы А. Ф. Вельтмана, Фенимора Купера, Вальтера Скотта, произведения Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Ф. Н. Глинки, И. И. Козлова, Д. В. Давыдова, К. Ф. Рылеева.

Определению дальнейшей судьбы И. Е. Забелина способствовал Д. М.

Львов — попечитель Преображенского училища, знавший об увлечении воспитанника историей. По ходатайству Д. М. Львова, 12 ноября 1837 г. И. Забелин поступил на службу в Оружейную палату канцелярским служителем II разряда. Бывший воспитанник «Матрёсской богадельни», он не имел возможности продолжать образование в гимназии, а тем более в университете вследствие больших материальных затруднений. Тем не менее он целеустремленно и настойчиво занимался самообразованием, чему в значительной степени способствовали его феноменальное трудолюбие, любознательность и яркий талант.

Служба в Оружейной палате сыграла решающую роль в творческой биографии И. Е. Забелина. Будучи единственным в своем роде хранилищем драгоценных памятников национальной культуры, Оружейная палата вмещала также архив не известных широкому кругу историков материалов, отражавших царский быт XVI—XVII вв. Должность писца ограничивала доступ Забелина к систематическому изучению царского архива — приходилось заниматься урывками, в свободное от служебных обязанностей время. Он быстро научился читать скоропись XVII в., овладел специфической терминологией. Наблюдательный юноша обратил внимание на уникальный характер архивных материалов, раскрывавших не-парадную, «домашнюю» сторону жизни царской семьи, не введенных в научный оборот предшествующими и современными исследователями русской истории XVI—XVII вв. Результатом кропотливой работы начинающего историка явилась небольшая статья «Несколько слов о богомольных царских походах» — о богомольных выездах царской семьи в Троице-Сергиев монастырь, написанная в конце 1840 г. Опубликована 25 апреля 1842 г. в «Московских губернских ведомостях». Редактировал газету В. В. Пассек — автор статей по этнографии, археологии, статистике, в лице которого молодой исследователь нашел

единомышленника и покровителя. И. Е. Забелин становится известен в научных кругах как автор работ о быте царей XVI—XVII вв., а также работ по истории Москвы.

В начале 1840-х гг. состоялось знакомство И. Е. Забелина с профессором Московского университета И. М. Снегиревым, занимавшимся изучением истории Москвы, и известным археографом академиком П. М. Строевым. Для них Забелин делал выписки из документов архива Оружейной палаты. Но важно другое — молодой исследователь в общении с ними приобретал профессиональные навыки научной работы, вырабатывалась его исследовательская лаборатория, расширялся кругозор. Талант И. Е. Забелина был замечен И. М. Строевым, писавшим 1 июня 1842 г. князю Н. А. Ширинскому-Шихматову, председателю Археографической комиссии: «Я почти завербовал одного молодого человека трудиться вместе со мной над выписками для Археографической комиссии. Он имеет уже столько знаний и навыка в деле археографическом, приобретенных им в месте его службы, притом столько прилежен и любознателен, что я не обинуясь предвижу в нем отличного археолога» [Барсуков, 1878, с. 336].

Немаловажную роль в творческой судьбе И. Е. Забелина сыграло знакомство в 1844 г. с Д. А. Ровинским, знатоком изобразительных искусств. В статье «Воспоминания о Д. А. Ровинском» [1896] И. Е. Забелин живо описал совместные путешествия по Подмосковью. «Эти походы, — вспоминал он, — близко и далеко, неотменно совершались всегда по образу пешего хождения, потому что оба мы, в силу личных привычек и небогатых обстоятельств, должны были предпочитать спартанский образ жизни афинскому» [Забелин, 1896, с. 3]. Все интересовало молодых путешественников. Они осматривали достопримечательности московских монастырей, подмосковных дворцов. «Мало по малу, — отмечал Забелин, — к этому присоединилась и церковная археология, иконы,

стенопись, различная церковная утварь и самые здания храмов. Следуя известной системе Ходаковского, мы разыскивали и древние городища, а также курганы» [там же, с. 4]. В 1847 г. они совершили поход в Переславль-Залесский и Ростов Великий, привлекавшие любителей русской старины своей историей. Следует отметить, что «кроме археологических целей» и страсти к путешествиям их влекла горячая любовь к природе.

Многолетняя дружба с Д. А. Ровинским способствовала развитию интереса И. Е. Забелина к истории древнерусского искусства. Д. А. Ровинский и И. Е. Забелин составили программу издания сборников материалов по истории искусства вообще и русского в частности. С этой программой они обратились к попечителю Московского учебного округа графу С. Г. Строганову, имевшему, по словам Забелина, авторитет «любителя и знатока искусства и покровителя художественным делам» [там же, с. 7]. Д. А. Ровинский был хорошо знаком с графом, а Забелин в конце 1840-х гг. служил делопроизводителем Комитета по изданию «Древностей Российского государства». Работу Комитета возглавлял С. Г. Строганов.

Граф, «коренной западник в своих воззрениях», раскритиковал проект предложененной программы, считая, что до реформ Петра I русского искусства как такового не существовало. «Холод, напущенный на наши мечты критикою графа Сергея Григорьевича,— писал Забелин,— заставил нас повнимательнее обсудить наше предприятие, и мы поневоле убедились не в отрицаниях графа, а в том важном обстоятельстве, что завалим себя непосильною срочною работою, которую, пожалуй, не сумеем и выполнить» [там же]. Собранный материал по истории иконописи Забелин опубликовал в 1850 г. По истории материальной культуры и ремесла он издал в 1853 г. две конкурсные работы: «О металлическом производстве в России до конца XVII в.» и «Историческое обозрение финифтного и ценинного дела

в России», удостоенные первых премий, учрежденных графом А. С. Уваровым (по 300 руб. каждая), и высших наград Петербургского Археологического общества.

В 1847 г. молодой исследователь стал членом-соревнователем Общества истории и древностей Российской при Московском университете, а в 1851 г.— его действительным членом. Помощником архивариуса при Московской Дворцовой конторе И. Е. Забелин был назначен в 1848 г. По приглашению М. Н. Муравьева в 1853 г. он начал преподавать русскую историю и археологию межевого дела в Константиновском межевом институте, затем — в школе межевых топографов. В 1855 г. он получил место архивариуса, где и оставался вплоть до перехода в 1859 г. на службу в Петербургскую Археологическую комиссию.

Среди публикаций И. Е. Забелина 1840—1850 гг. преобладали очерки и статьи по истории отечественной культуры и быта. К началу творческой биографии относится его рецензия на книгу А. Ф. Вельтмана «Достопамятности Московского Кремля», опубликованную в 1843 г. в «Москвитянине». Интерес к истории Москвы, вылившийся в одну из тем творчества Забелина,— единственная причина, побудившая его к критическому разбору сочинения А. Ф. Вельтмана. Поднятые в рецензии вопросы относились к проблеме расширения предмета и совершенствования методов исторической науки. Так, Забелин подчеркивал необходимость изучения истории городов и областей в тесной связи с историей страны, выдвигал требование всестороннего охвата относящихся к теме источников и критического подхода к ним, четкости и выводов, доступности языка и совершенствования стиля.

Глубоким интересом И. Е. Забелина к русской старины объясняется его пристальное внимание к археологии, ее теоретическим проблемам. Примером может служить ряд работ, написанных в период 1850-х годов, в которых нашли

отражение его мысли о предмете и методе археологии. Необходимость преодоления эмпирического этапа археологии и перехода к теоретическому осознавалась И. Е. Забелиным. Проблему определения предмета археологии как самостоятельной науки он связывал с проблемой определения понятий «археологический памятник» и «археологический факт». Забелин видел насущную необходимость в выявлении реально существующих отношений между знанием и действительностью. Он высказал мысль о том, что предмет изучения истории воспринимается не путем непосредственного наблюдения, а через источник, выступающий в качестве связующего звена между знанием и реальной действительностью. В рецензии на I том «Записок Отделения русской и славянской археологии Императорского Археологического общества» [Спб., 1851] Забелин выступил с критикой тезиса о «бесспорной достоверности» археологических памятников и «беспристрастной» археологической науке. «Мы думаем,— подчеркивал он,— что памятники, хотя и чуждые всех личностей, как факты, действительно носят сами в себе бесспорную достоверность; но кто же из этого будет заключать, что археология правдива и беспристрастна? Археология уже не факт, а наука, то есть понимание факта: а понимание бывает нередко и даже часто весьма далеко от той правды, которую носит в себе факт или памятник» [1873б, с. 81]. Иными словами, считая археологические памятники материальными остатками жизни древних людей, Забелин справедливо указывал на различие понятий археологический «памятник» (как объект познания) и научный «факт» (как само знание об объекте). Таким образом, историк ставил вопрос о степени достоверности знания и ее зависимости от уровня понимания предмета науки.

В 1840—1850 гг. происходило формирование общественно-политических, философских и исторических воззрений И. Е. Забелина. Этот процесс протекал

в условиях кризиса феодально-крепостнического строя в России, острой идеейной борьбы революционно-демократического, буржуазно-либерального и официально-монархического направлений общественной мысли.

Сближение в начале 1840-х гг. с видными представителями либерально-западнической интеллигенции в кружке признанного лидера западнической партии профессора Московского университета талантливого историка Т. Н. Грановского, а после его смерти (октябрь 1855 г.) участие в кружке А. В. Станкевича способствовали формированию личности И. Забелина как сторонника западнического крыла либерализма.

Знакомство со взглядами В. Г. Белинского, с идеями классической немецкой философии (Гегель, Фейербах) явилось школой, в которой складывались основы исторических взглядов И. Е. Забелина. Определились стержневые темы его исследований: история царского быта XVI—XVII вв., история Москвы, история русского искусства, зодчества, ремесла. Вопросы истории общественной мысли, историографические наблюдения, теоретические вопросы истории, источниковедения, археологии рассматривались им в аспекте исследовательской проблематики.

Значительное влияние на формирование исторических взглядов И. Е. Забелина оказали работы К. Д. Кавелина, одного из основателей историко-юридической школы в русской историографии. «Органическая» теория,ложенная в основу концепции и изложенная в статье К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России» [1847], была поддержана и в дальнейшем развита И. Забелиным. Реализация тезиса о закономерности, обусловленности, поступательности исторического процесса, воспринятого либеральной и демократической историографией из философии Гегеля, расширяла предмет науки, предполагала выявление внутренних закономерностей жизни общества в различные эпохи.

Последователь «органической» теории, И. Е. Забелин выступил в полемике славянофилов и западников на стороне последних. Начало дискуссии между представителями двух течений либерализма — славянофилами и западниками — положено в 1856 г. статьями Б. Н. Чичерина в «Русском вестнике» и И. Д. Беляева — в «Русской беседе». Вопрос об историческом развитии русской общины, о первоначальной форме общественного строя у славян являлся одним из самых актуальных в древнерусской истории. В ходе его обсуждения скрестили шпаги полемизирующие стороны. В разгар дискуссии И. Е. Забелин опубликовал статью «Женщина по понятию старинных книжников» [1857], в которой отстаивал теорию «родового быта» в противовес «общинной» теории славянофилов. В ней И. Забелин обратился к выявлению причин неравноправного, угнетенного положения женщины в допетровском обществе. Пребудеждение к женщине как личности, по его мнению, было «тем крепче... чем ниже была степень народного образования» [1857б, с. 7].

Высокую оценку статье дал выдающийся представитель революционной демократии Н. Г. Чернышевский, отметив, что И. Е. Забелин основательно раскрыл «понятия, которыми определялось в старинной русской жизни общественное положение человека», и доказал, «что единственным правом на уважение считались тогда порода, перед которою совершенно ничтожны казалисьличные достоинства или недостатки человека...» [1948, т. 4, с. 778].

К числу полемических работ И. Е. Забелина относятся и такие, как «Характер древнего народного образования в России (Несколько замечаний о «Заметке для истории просвещения в России» г. Куприянова)» [1856], «Черты русской жизни в XVII-м столетии (по поводу книги «Собрание писем царя Алексея Михайловича, с приложением Устава Соколничья пути», изд. г. Барченевым)» [1857], «Математический метод в истории (Исследования, замеча-

ния и лекции о Русской Истории М. Погодина. Том 5. Период удельный. Москва, 1857)» [1858] и др.

Спор со славянофилами для И. Забелина имел прежде всего методологическое значение. Он писал: «Мы вообще не думаем, чтоб нужно было поддумывать и преукрашать старину поддельными цветами. Такие усилия будут решительно бесплодны, ибо истина рано ли, поздно ли, возьмет верх. Старина имеет свои неотъемлемые и высокие достоинства, хотя и не такие, какие хочется нам видеть. Достоинства эти могут раскрываться только при добросовестном, беспристрастном ее изучении... не взирая ни на какие уклонения старой действительности от наших собственных идеалов...» [1856, с. 20].

В начале 1860-х гг. И. Е. Забелин занимал радикальную позицию в либеральном лагере. Он приветствовал отмену крепостного права в России в 1861 г., в чем видел поворотный этап в русской истории, связывая с реформой надежды на глубокие социальные перемены в жизни страны. В связи с этим он обратился к углубленному изучению истории общественной мысли и факторов, воздействующих на общественное сознание в разные исторические эпохи. Яркая характеристика «поворотной эпохи» дана И. Забелиным в статье «Современные взгляды и направления в русской истории» [1863]. Отметив, что «разработка исторического материала всегда совершается под прямым и неотразимым влиянием руководящих идей и потребностей времени», он указал на важнейшую особенность всякой «критической эпохи»: «Такая эпоха есть лучшее и способнейшее время для исследований над законами человеческого развития» [1872б, с. 301, 307]. Забелин характеризовал славянофилов и западников как ведущие направления общественной мысли России. Занимая близкую западникам позицию, он тем не менее отрицал крайности во взглядах как славянофилов, так и их противников. Первых решительно осудил за идеализацию патриархальных

устоев, последних — за недооценку культурного развития России до петровских преобразований.

С началом царствования Александра II И. Е. Забелин связывал надежды на ослабление цензуры и расширение доступа историков к архивным материалам. В этой связи он писал: «Возможно ли требовать от нас умственного мужества, спокойствия, беспристрастия и основательности в деле мысли, когда уму нечем было питаться, когда не было возможности ни издать, ни перевести ни однойдельной ученой книги, ни однойдельной статьи, особенно по отдельу тех именно наук, в основательном значении которых чувствуется теперь такая необходимость, именно наук общественных и исторических? Когда умная книга, как и умный человек, почитались чем-то вроде ереси и заботливо удалялись от нас, как от детей опасные игрушки? Если ум и знание в действительности имели мало цены, признавались какою-то напастью, а не существенною потребностью развития, то его не можно было ожидать от общественной мысли, от литературы, от самой науки, когда вдруг понадобилосьдельно и основательно обсудить самые жизненные вопросы современности?» [Там же, с. 310].

Программой, с которой историк вступил в 1860-е гг., явилась статья «Размышления о современных задачах русской истории и древностей» [1860], о которой профессор Киевского университета В. С. Иконников и доцент В. Б. Антонович отзывались: «Это, так сказать, теоретические выводы автора из состояния современной историографии России и его собственных наблюдений над изучаемым материалом. При недостатке теоретических работ в нашей историографии эта статья составляет значительное явление в ученой литературе как серьезная попытка уяснить критические приемы обработки русской истории» [Университетские известия.— 1872.— № 1.— С. 43].

В «Размышлениях...» И. Забелин поднял важные методологические и теоре-

тические вопросы истории. Он ясно осознавал остроту современного ему периода и с этим связывал постановку таких проблем, как народ и государство, общество и личность.

Большое влияние на развитие научного мировоззрения И. Е. Забелина оказали идеи позитивизма, отдельные черты которого проявились в работах ученого конца 50-х годов. Тезис о прогрессивном характере всего исторического процесса, специфиности исторических явлений и их зависимости от места и времени, приоритет генетического принципа при изучении исторических событий, требование максимального точного описания фактов, перенесение акцента с деятельности ведущих личностей на действия масс, с индивидуальной психологии на коллективную, переход от ранее преобладавшей в исторических сочинениях военно-дипломатической тематики к истории учреждений и экономических отношений — вот характерные либеральной историографии черты, во многом воспринятые из позитивной философии, явившиеся основой методологических принципов И. Е. Забелина. Стремление изучить исторический процесс через призму быта и поиск законов общественного развития в «домашнем быте» народа — наиболее существенная черта его исторического мировоззрения.

1860—1870 гг.— центральный и наиболее плодотворный период научной деятельности И. Е. Забелина. В 1859 г. в Петербурге учреждена Императорская Археологическая комиссия, возглавляемая графом С. Г. Строгановым. По предложению последнего И. Е. Забелин согласился на переход в Археологическую комиссию, в штат которой был зачислен 9 июня 1859 г. на правах ее младшего члена. В течение 1859—1873 гг. он проводил планомерные раскопки курганов в южных уездах Екатеринославской губернии (теперь Днепропетровская и Запорожская области) и на Тамани. В 1859—1861 гг. на территории нынешнего Томаковского р-на Днепропетровской обл. Забелин

исследовал группу курганов (Гермесов, Краснокутский, Каменная Могила, Томаковская Острая Могила, Слоновская и Томаковская Близницы) с захоронениями скифской знати. К раскопкам Чертомлыка он приступил в 1862 г. и закончил эту работу в 1863 г. Уникальные находки, полученные при исследовании этого кургана, принесли Забелину славу. Он был награжден орденом Станислава II степени. Описание раскопок Чертомлыка Забелин опубликовал в 1856 г. в издании «Древности. Труды Московского Археологического общества», а затем в 1872 г.—в сборнике «Древности Геродотовой Скифии». Указанные материалы вошли также в первый том его труда «История русской жизни с древнейших времен» [1876]. Работы на Левобережье Днепра он продолжил в 1865—1868 гг., исследовав курганы Козел, Большая и Малая Цимбалки. В 1864, 1869—1873 гг. проводил раскопки на Таманском п-ове.

В процессе полевых исследований И. Е. Забелин совершенствовал методику раскопок курганов. Он точно проследил стратиграфию курганных насыпей, обнаружил следы древних орудий, вел дневник наблюдений, делал чертежи и зарисовки. Наряду с этим в исследованиях И. Е. Забелина вскрывается ряд недостатков. Очевидна прочность практики избирательности объекта изучения: раскопки велись разбросанно, курганская группа не исследовалась целиком, а выбирался один наиболее крупный курган. При этом случалось, что раскопки оставались незавершенными, если археолог обнаруживал безынвентарные погребения. Причин здесь несколько, среди них наряду с традиционными методами археологических исследований и отношение собственно Археологической комиссии, не видевшей необходимости затрат значительных средств для ведения якобы сомнительных раскопок, не дающих ценных в художественном смысле находок. И. Е. Забелин раскалывал курганы широкими траншеями, снимая при этом только верхушку насыпи.

Объективный анализ деятельности И. Е. Забелина как археолога и методики проводимых им исследований содержался в речи Д. Н. Анутина, произнесенной 10 февраля 1909 г. в Императорском Московском археологическом обществе [1909, с. 29—70]. Характеристика археологической деятельности И. Е. Забелина дана также в работах советских археологов [Арциховский, 1948, с. 5—11; Формозов, 1984].

Мысли И. Е. Забелина о предмете и методе археологии получили законченное выражение в реферате «В чем заключаются задачи археологии как самостоятельной науки?», с которым он выступил в 1874 г. на III Археологическом съезде в Киеве. Так, он отмечал: «Многие и до сих пор не без основания сомневаются: наука ли археология? Имеет ли она свой отдельный, определенный предмет познания? Есть ли у нее какая-либо система, какой-либо метод в распределении и изучении познаваемого предмета?» [1878а, с. 1]. Реферат вызвал оживленный обмен мнениями на съезде, большинство которых сводилось к признанию важности и правомерности поставленных в нем вопросов (Тр. III Археологического съезда в России..., 1878, т. 1, с. XVIII—LXXXV].

В определении археологии как самостоятельной науки И. Е. Забелин руководствовался следующими критериями: во-первых, развитие практики археологических исследований и осмысление накопленного материала позволяло определить место археологии в системе исторической науки; во-вторых, археология как наука пережила уровень эмпирии и вплотную подошла к теории, а недостаточная разработка последней снижала уровень археологических исследований; в-третьих, тенденция философского осмысления археологии и ее места в области гуманитарного знания свидетельствовала о «самоопределении» предмета науки. В системе обществознания археология, согласно И. Е. Забелину, занимает особое место, выполняя функцию истории какой-либо гумани-

тарной науки. Он считал, что «история культуры в сущности есть археология», при этом отмечая, что археология изучает «творчество человеческой единицы», а история культуры — «развитие общего человека, раскрытие и объяснение общих законов его природы, общих законов его мысли и дел» [1878а, с. 6, 7, 12]. Таким образом, Забелин делал вывод, что «именем археологии сказывается только такие памятники и факты, которые прямо указывают, что они есть произведение единичного или личного творчества, что вообще археология в любом памятнике имеет дело прежде всего с творчеством отдельного лица, единицы...». И далее: «Личное и единичное в отношении истории есть внутреннее и домашнее народной жизни. Отсюда внутренний быт и домашний быт — отделы чисто археологические» [там же, с. 11]. В этой связи отметим, что к числу археологических И. Е. Забелин относил свои работы по истории материальной культуры и быта.

Наряду с археологическими исследованиями И. Е. Забелин продолжал заниматься русской историей. Итогом многолетних творческих поисков явился фундаментальный труд «Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.» [1862] и «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст.» [1869]. Большое значение труда, а также введенных в научный оборот актовых, делопроизводственных материалов XVI—XVII вв. признано историками, литераторами, деятелями культуры. Особую ценность исследования представляет подробное описание уклада жизни и быта царской семьи, проведенное с большим мастерством, тонким чутьем и наблюдательностью художника. Историк был убежден, что глубокое изучение народного быта принесет большую пользу для общественного развития, ибо незнание его особенностей может привести если не к краху, то к значительной задержке в проведении любых государственных реформ. В отзыве Ф. И. Буслаева на первый том этого труда отмечается:

«Сочинение г. Забелина основано на тщательном и добросовестном изучении источников, из которых большая часть открыта и приведена в известность им самим. При этом точное изложение фактов, свободное от всяких личных и случайных взглядов и увлечений, делает это сочинение необходимою справочною книгою для всякого занимающегося русскою историей... Книга его есть лучшее сочинение изо всех, какие только выходили в нашей литературе по истории русского быта» [1863, с. 65].

Труд был удостоен Демидовской и Уваровской премий Академии наук. Обе части монографии издавались вторично с дополнениями в 1872 г. и награждены Большой серебряной, а затем и золотой медалями Императорского российского археологического общества. Замысел воссоздания полной картины быта русского народа историк смог осуществить лишь частично, остановившись на изучении только царского быта XVI—XVII вв. Тем не менее архивные заметки Забелина свидетельствуют о его стремлении описать «жизнь княжескую», «жизнь купеческую», «жизнь крестьянскую» [ГИМ ОПИ, ф. 440, ед. хр. 219, л. 75].

В «Домашнем быте русских цариц...» И. Е. Забелин сформулировал конкретные положения родовой теории, которые сводились к следующим основным тезисам: 1) семья, являясь зачатком рода, становилась «его корнем, его основою», с другой стороны, род состоял из ряда «младших семей», образовавшихся как разветвление «старшей» семьи («семья», одним словом, относится к роду, как частное понятие к общему»); 2) одновременно род являлся общиной, поскольку объединял несколько связанных кровным родством семей, а значит, и несколько хозяйств; 3) проявлением родового быта было местничество, одной из форм которого в XVI—XVII вв. являлась Боярская дума. Родовой быт, считал Забелин, определил также развитие государственности: «Самодержавие в своей самовластной форме XVI и XVII века являлось роскошным цветом,

плодом именно родовой культуры, которая заботливо воспитывала нас с самых первых времен нашей истории» [1869, с. 59].

В интерпретации теории «родового быта» Забелин в целом следовал за Г. Эверсом, К. Д. Кавелиным, С. М. Соловьевым. Отсюда и основной тезис о семье как первичном социальном институте, и логическая схема эволюции родового строя (семья — род — община родов — государство).

В 1860—1870 гг. И. Е. Забелин продолжал изучение истории Москвы. Он издал монографии «Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря» [1865], «Кунцово и древний Сетунский стан. Исторические воспоминания» [1873]. В 1866 г. Академия наук присудила И. Забелину золотую Уваровскую медаль за обстоятельный критический разбор книги И. М. Снегирева и А. Мартынова «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города». Диапазон научных исследований И. Е. Забелина в этот период довольно широк. Кроме трудов по археологии, истории Москвы, царского быта XVI—XVII вв., ученый занимался изучением вопросов социально-экономической истории России («Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве», 1871), социально-политической истории начала XVII в. («Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время», 1872).

И. Е. Забелин внес весомый вклад в изучение истории древнерусской архитектуры. В 1871 г. в Московском обществе любителей художеств он выступил с докладом «Черты самобытности в древнерусском зодчестве», текст которого был положен в основу статьи с таким же названием [1878]. Он выдвинул и доказал положение о том, что в XVI в. сложился русский национальный архитектурный стиль, проявившийся в шатровом зодчестве, прототипом которого являлись русские старинные деревянные церкви. Обладая обширными специальными познаниями по иконописи и древней архитектуре, И. Е.

Забелин принимал деятельное участие в различных комиссиях по реставрации зданий и церквей, по восстановлению древней живописи. Особенно велики его заслуги в реставрации владимирского Успенского и московского Благовещенского соборов.

Результатом размышлений И. Е. Забелина об историческом процессе стал труд «История русской жизни с древнейших времен» [1876—1879]. Забелин писал не историю государства, как Н. М. Карамзин, не историю России, как С. М. Соловьев, не историю русского народа, как Н. А. Полевой, а историю русской жизни во всем многообразии ее проявлений. Постановка такой задачи вполне соответствовала его представлению о предмете истории в русле позитивистской методологии. Понимание им исторической «жизни» включает понятие о генезисе (истоки, причины, происхождение явлений); духовную и материальную сферы деятельности людей; быт, культуру, идеологию. Однако идеалистический в своей основе метод привел в конечном итоге к искусственному разрыву «внутренней» и «внешней» истории. Рассмотрение «внутренней» истории сводилось к «бытовой» тематике, а рассмотрение «внешней» — к «политической».

Вслед за К. Д. Кавелиным и С. М. Соловьевым И. Е. Забелин пытался разрешить проблему генезиса русской государственности. В основу его концепции мысль об объективном, длительном процессе вызревания русской государственности задолго до признания варяжских князей и юридического образования государства. Ряд вопросов истории получил в труде оригинальную трактовку. Так, Забелин отстаивал положение о том, что скифы-земледельцы являлись предками современного населения Поднепровья. По-новому он пытался взглянуть на родовой строй восточных славян, считая, что последней ступенью его развития была родовая община с выделившейся родовой знатью. Существенен вывод о том, что в русском обществе к моменту призываивания варягов

сложились необходимые внутренние условия для образования государственности. Заслуживает пристального внимания теория И. Забелина о происхождении русских городов, а также изучение им начальной истории русского летописания.

Тем не менее многие выводы И. Забелина не выдерживают серьезной критики, в частности его этимологические сопоставления, определение хронологических рамок отдельных периодов и др. Тезис о глубоких национальных корнях русской истории и культуры в этой работе не получил должного научного обоснования.

1860—1870 гг. — период подъема научной деятельности И. Е. Забелина, когда наиболее полно проявились внутренние противоречия его мировоззрения. С одной стороны, обращение историка к народному быту обусловлено поиском им материальной основы бытия, с другой — представление о народе только как «почве», на которой развиваются исторические события, явилось реализацией, в сущности, идеалистического взгляда на исторический процесс, выразившегося в недооценке социально-экономических условий и переоценке роли идей и психологического фактора. Выдвигая тезис об органическом единстве народности и государственности, он защищал самодержавие как политическую форму, развившуюся якобы из коренных основ быта народа. Реакционное содержание данного тезиса не вызывает сомнения. Стремление углубить представление об истории как органическом процессе не реализовалось в глубоких обобщающих выводах.

В конце 1870-х годов произошли перемены в творческой биографии ученого. С просьбой об отставке из Археологической комиссии в 1876 г. И. Е. Забелин обратился к графу С. Г. Строганову, объясняя свое решение расстроенным здоровьем и желанием полностью посвятить себя работе над начатой «Историей русской жизни...». Были и иные мотивы. Д. Н. Анучин вспоминал: «Мне сообщал Н. П. Кондаков, что в 70-х

годах покойный И. Е. [Забелин] горько жаловался ему на Комиссию; его угнетали отношения к нему крупных и мелких чиновников, причем, якобы заслуги его не ставились ни в грош» [1909, с. 59]. И. Е. Забелин ушел из Археологической комиссии, получив чин IV класса (действительный статский советник) и полный пенсион 1200 руб. в год.

В 1879 г. после смерти С. М. Соловьевса, автора 29-томной «Истории России с древнейших времен», И. Е. Забелин избирается председателем Общества истории и древностей российских при Московском университете, где его на этом посту в 1888 г. сменил другой талантливый ученый, В. О. Ключевский. Более 40 лет И. Е. Забелин тесно сотрудничал с Обществом и опубликовал с 1847 по 1888 г. в его периодических изданиях («Чтениях» и «Временнике») 36 работ. В основном это публикации материалов архива Оружейной палаты. Среди них «Сыскное дело о ссоре межевых судей, стольника князя Василья Большого Ромадановского и дворянина Лариона Сумина. 1635—1639 г. [1848]; «Малороссийская переписка, хранящаяся в Московской Оружейной палате» [1848] — документы, относящиеся к истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.; письма 1654 г. окольничего Богдана Матвеевича Хитрово к патриарху Никону и боярину Борису Ивановичу Морозову [1848, 1849]; переписка майора Марка Богдановича фон-Кирхена с канцлером Гаврилой Ивановичем Головкиным во время Северной войны [1849]: документы, касающиеся истории вотчинного хозяйства XVII в. [1850]; материалы о первой русской газете — «Куранты или Вестовые письма 1655 и 1665 годов...» [1880]; «Домострой по Списку Императорского Общества Истории и Древностей Российских» [1881]; «Дополнения к «Дворцовым Разрядам» по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова, собранные из книг и столбцов прежде бывших Дворцовых приказов Архива Оружейной Палаты»

[1882, 1883]; «Послание царя Ивана Васильевича к Александрийскому патриарху Иоакиму с купцом Василем Поздняковым и Хождение купца Позднякова в Иерусалим и по иным святым местам 1558 года» [1884]. К 80-летнему юбилею Общества истории и древностей российских И. Е. Забелин подготовил исторический очерк деятельности этого учреждения [1883], а также указатель исследований и материалов, напечатанных в периодических изданиях Общества за 1815—1888 гг. [1884, 1889].

Оставив руководство Обществом истории и древностей российских, И. Е. Забелин полностью посвятил себя работе в Императорском Историческом музее. 6 апреля 1885 г. он был назначен товарищем председателя музея. С середины 1870-х годов И. Е. Забелин принимает деятельное участие в разработке проекта музея, а став фактическим его руководителем (председателем музея номинально числился брат императора Александра III великий князь Сергей Александрович), обратил весь свой опыт на создание национального музея — научного и культурного центра страны. Признанный всеми авторитет, глобальность мышления учёного в значительной степени способствовали реализации этой задачи [см.: Разгон, 1960]. За заслуги в организации музея И. Е. Забелин награжден орденом Станислава I степени и произведен в 1901 г. в чин III класса (тайный советник).

В 1880—1900 гг. И. Е. Забелин перенес издал свои главные труды. Среди новых работ историка выделяется очерк «Взгляд на развитие Московского единодержавия» [1881]. В эти годы главной темой его научных исследований стала история города Москвы. По решению Московской городской думы, в 1877 г. была создана специальная комиссия для разработки проекта по изданию фундаментального труда о Москве, а в 1881 г. И. Е. Забелин возглавил ее работу. Тогда же он опубликовал программу научного исследования «Предполагаемые задачи предпринятого по решению

Московской городской думы историко-археологического и статистического описания города Москвы» [1881]. Задуманная грандиозная программа частично реализована в двухтомном издании «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы...» [1884, 1891].

Большим событием в жизни И. Е. Забелина стал выход в свет в 1902 г. его книги «История города Москвы», переизданной затем в 1905 г. Приоритетную роль ученый отводил историко-бытовому аспекту темы. «Общая задача этого труда,— подчеркивал И. Е. Забелин,— обнимает подробную историю и статистику города Москвы, то есть ход его исторического развития с первых времен и обзор состояния в последовательные периоды его жизни во всем объеме его бытия и быта политического и религиозного, умственного и нравственного, общественного и домашнего, торгового и промышленного, ремесленного и художественного, экономического или хозяйственного и материального или строительного» [1902, с. IV]. Кроме того, автор стремился показать роль исторических деятелей, оставивших след в многовековой истории Москвы.

В общественно-политических взглядах И. Е. Забелина в последний период его научной деятельности произошла явная эволюция в сторону консерватизма. Отдельные демократические тенденции и прогрессивные взгляды в период становления его мировоззрения не получили дальнейшего развития. В колебании И. Е. Забелина между демократизмом и либерализмом на рубеже 50—60-х годов преобладали либеральные настроения. Отход от идейных традиций 60-х годов проявился в отказе от критических высказываний в адреса правительства. В период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. в России И. Е. Забелин стоял на стороне реакции.

О признании заслуг И. Е. Забелина перед исторической наукой свидетельствуют присвоение ему степени доктора

русской истории Киевским (1871), Московским (1884), Петербургским (1885), Казанским и Дерптским (1892) университетами и избрание его членом-корреспондентом Российской Академии наук в 1884 г. И. Е. Забелин был также почетным членом различных научных обществ: Императорского Общества истории и древностей российских и Русского библиографического общества при Московском университете, Императорского Одесского общества истории и древностей, Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Общества любителей российской словесности, Императорского Общества художеств, Исторического общества Нестора летописца, Императорского русского военно-исторического общества, Московского архитектурного общества, Петровского общества исследователей Астраханского края; Императорского Московского археологического общества, Императорского Русского археологического общества, Императорской Археологической комиссии, С.-Петербургского археологического института, Оренбургской, Симбирской, Таврической, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской архивных комиссий, редакции журнала «Библиографические записки» и Московского библиографического кружка, Императорский Публичной библиотеки; Московского Публичного и Румянцевского музеев, Ростовского музея церковных древностей, Православного братства святого благоверного великого князя Александра Невского и др.

Чествование юбилеев — 50-летие «учено-литературной деятельности» (25 апреля 1842—1892 гг.) и 70-летие «ученой и служебной деятельности» (12 ноября 1837—1907 гг.) — служит примером признания И. Е. Забелина как представителя официальной исторической науки.

На склоне лет Забелин стал состоятельным человеком. В завещании, составленном 26 марта 1905 г., он выделил 170 тыс. руб. на развитие научных учреждений — Историческому музею

на приобретение коллекций, Академии наук на переводы и издание сочинений античных и средневековых авторов о России. Историческому музею И. Забелин также завещал свою библиотеку, содержащую около 2 тыс. томов, уникальную коллекцию рукописей и личный архив. В настоящее время архив И. Е. Забелина (ф. 440) хранится в Государственном Историческом музее и содержит 1601 ед. хр. Материалы архива охватывают период с 1533 по 1920 г. [см.: Путеводитель по фондам личного происхождения отдела письменных источников Государственного Исторического музея, 1967].

И. Е. Забелин умер 31 декабря 1908 г. (по старому стилю). В связи с его кончиной в печати вышли некрологи, подписанные представителями разных научных направлений и школ — Д. И. Иловайским и Е. Барсовым, А. С. Лаппо-Данилевским, Д. Н. Анучиным, Н. П. Павловым-Сильванским, А. А. Кизеветтером, В. Е. Данилевичем и В. З. Завитневичем, В. Алексеевым, М. Ключковым. По словам Д. Н. Анутина, И. Е. Забелин был «одним из последних могикан, представителем старших поколений русских ученых...» [1908, с. 200].

Значение И. Е. Забелина в истории отечественной науки определяется прежде всего гуманизмом и самобытностью творческих идей, реализованных ученым в изучении многовековой истории страны, внутреннего быта и культуры своего народа. О своем творчестве И. Е. Забелин писал: «Создание того, что я делаю прочное дело, что я кладу те неуклонные, но твердые камни, которые хотя и будут скрыты глубоко в земле, но составят основание будущему зданию, — такое только сознание и может двигать человека на упорный, медленный и неблагодарный, черный, первичный труд, настоящая, истинная оценка которого большую частью лежит в будущем...» [1872б, с. 356].

Анучин Д. Н. И. Е. Забелин (1820—1908) // Этнографическое обозрение.— 1908.— № 4.— С. 197—201.

Анучин Д. Н. И. Е. Забелин как археолог, в первую половину его научной деятельности (1842—1876) : Речь, произнесенная в заседании Императорского Московского Археологического Общества 10 февраля 1909 г. // Древности. Труды МАО.— 1909.— Т. 22, вып. 2.— С. 29—70.

Арциховский А. В. Забелин — археолог // Историко-археологический сборник / Под ред. проф. А. П. Смирнова.— М., 1948.— С. 5—11.

Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева.— Спб., 1878.— IV, VI.— 668 с.

Буслаев Ф. И. Разбор сочинения И. Забелина под заглавием «Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.» // 32-е присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград.— Спб., 1863.— С. 49—65.

Забелин И. Е. Несколько слов о богомольных царских походах // Московские губернские ведомости.— 1842.— № 17 (25 апреля).— Прибавление. Отд. II.— С. 367—370.

Забелин И. Е. Достопамятности Московского Кремля. Составлено Ал. Вельтманом, Москва, в тип. Н. Степанова, 1843 г., в 8-ку, с планом Кремля, с панорамой Москвы, времени Петра I-го, и с 10-ю рисунками. IV и 79 // Москвитянин.— 1843.— Ч. 6, № 11.— С. 179—192 (Подпись: Меланхлен).

Забелин И. Е. Сыскное дело о ссоре межевых судей, стольника князя Василия Большого Ромодановского и дворянки Лариона Сумина, 1635—1639 г. // Чтения ИОДР.— 1848а.— Кн. 7.— Отд. IV.— С. I—IV, 85—106.

Забелин И. Е. Малороссийская переписка, хранящаяся в Московской Оружейной Палате, открытая Соревнователем Императорского Общества истории и древностей российских при Московском Университете Иваном Забелиным // Там же.— 1848б.— Кн. 8.— Отд. IV.— С. 53—70.

Забелин И. Е. Письмо окольничего Богдана Матвеевича Хитрово к патриарху Никону, 1654 г.// Там же.— 1848в.— Кн. 9.— Отд. IV.— С. 303—304.

Забелин И. Е. Письмо окольничего Богдана Матвеевича Хитрово к боярину Борису Ивановичу Морозову (1654 г.) // Временник ОИДР.— 1849а.— Кн. 1.— Отд. III.— С. 16.

Забелин И. Е. Письма майора, Марка Богдановича, фон Кирхена к канцлеру, Гаврилу Ивановичу, Головкину // Там же.— 1849б.— Отд. IV.— С. 17—34.

Забелин И. Е. Переписка графа Гаврилы Ивановича Головкина с майором фон Кирхеном, во время Шведской войны, в 1706 году // Там же.— 1849в.— Кн. 2.— Отд. IV.— С. 1—12.

Забелин И. Е. Записная книга о продаже хлеба 7179 года // Там же.— 1850а.— Кн. 6.— Отд. IV.— С. 1—14.

Забелин И. Е. Материалы для истории русской иконописи // Там же.— 1850б.— Кн. 7.— Отд. II.— С. 1—128.

Забелин И. Е. Книги посевные, ужинные и умоловтие в имении Морозова // Там же 1850в.— Кн. 7.— Отд. III.— С. 1—20.

Забелин И. Е. (Рецензии) Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Археологического Общества. Т. 1. Спб., 1851. Отд. I—IV. С приложениями// Отечественные записки.— 1852.— Т. 83.— № 8.— Отд. V.— С. 31—52; *Забелин И. Е.* Русская археология // Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 2.— С. 72—106.

Забелин И. Е. О металлическом производстве в России до конца XVIII в.// Зап. Императорского Археологического Общества.— 1853а.— Т. 5, вып. 1.— Отд. I.— С. 1—136.

Забелин И. Е. Историческое обозрение фильтрного и ценинного дела в России // Там же.— 1853б.— Т. 6, вып. 1.— С. 238—338.

Забелин И. Е. Характер древнего народного образования в России (Несколько замечаний о «Заметке для истории просвещения в России» г. Куприянова) // Отечественные записки.— 1856.— Т. 105.— № 3.— Отд. II.— С. 1—20.

Забелин И. Е. Черты русской жизни в XVII-м ст. (По поводу книги «Собрание писем царя Алексея Михайловича, с приложением Устава Соколничья пути», изд. г. Бартеневым) // Там же.— 1857а.— Т. 110.— № 1.— Отд. I.— С. 325—378.

Забелин И. Е. Женщина по понятиям старинных книжников // Русский вестник.— 1857б.— Т. 9.— № 5.— С. 5—46.

Забелин И. Е. (Рецензия). Подпись: Иван Земец. Исследования, замечания и лекции о русской истории М. Погодина.— Том V. Период удельный. Москва, 1857 // Атеней.— 1858.— № 22.— Ч. 3.— С. 345—377; *Забелин И. С.* Математический метод в истории // Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 1.— С. 355—394.

Забелин И. Е. Размышления о современных задачах русской истории и древностей // Отечественные записки.— 1860.— Т. 133.— № 11.— Отд. I.— С. 95—144.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.— М., 1862.— Т. 1, ч. 1.— XVI, 530 с., 8 л. ил.

Забелин И. Е. Современные взгляды и направления в русской истории // С.-Петербургские ведомости.— 1863.— № 35.— С. 141—142; № 36.— С. 145—146; № 38.— С. 153—155; *Забелин И. Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 1.— С. 301—354.

Забелин И. Е. Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря.— М., 1865а.— (8), 160 с.

Забелин И. Е. Скифские могилы. Чертогильский курган // Древности. Труды МАО.— 1865б.— Т. 1, вып. 1.— С. 71—90.

Забелин И. Е. Древности Москвы и их исследования / Москва. Подробное историчес-

кое и археологическое описание города. Изд. А. Мартынова. Текст составлен И. М. Снегиревым при сотрудничестве издателя. Москва, 1865. Статья первая // Вестник Европы.— 1867.— Т. 1.— С. 367—418; Статья вторая // Там же.— Т. 2.— Отд. II.— С. 1—50.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.— М., 1869.— VIII, 670, 178 с., 8 л.

Забелин И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII в.) // Вестник Европы.— 1871.— Т. 1, кн. 1.— С. 5—49; Т. 1, кн. 2.— С. 465—514.

Забелин И. Е. Скифские могилы. Чертомлыцкий курган // Древности Геродотовой Скифии.— Спб., 1872а.— Вып. 2.— С. 74—118.

Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. Ч. 1.— М., 1872б.— 568 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.: В 2 т./ 2-е изд., доп.— М., 1872в.

Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямы и кривые в Смутное время // Русский архив.— 1872.— Кн. 2.— Стб. 353—424; Кн. 3/4.— Стб. 581—621.— Кн. 6.— Стб. 881—926.

Забелин И. Е. Кунцово и древний Сетунский Стан : Исторические воспоминания.— М., 1873а.— 258 с.

Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории : Исследования, описания и критические статьи. Ч. 2.— М., 1873б.— 507 с.

Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен.— М., 1876.— Ч. 1.— XII, 641 с.

Забелин И. Е. В чем заключаются задачи археологии как самостоятельной науки? // Тр. III Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. 1878 — Т. 1.— С. 1—17.

Забелин И. Е. Черты самобытности в древнерусском зодчестве // Древняя и Новая Россия.— 1878б.— № 3.— С. 185—203; № 4.— С. 281—303.

Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен.— М., 1879.— Ч. 2.— II, 520 с.

Забелин И. Е. Куранты или Вестовые письма 1655 и 1665 гг.: Перевод Голландских печатных вестовых тетрадей 163 году, каковы присланы от Архангельского города июня в 28 день // Чтения ОИДР.— 1880.— Кн. 2.— С. 37—46.

Забелин И. Е. Взгляд на развитие Московского единодержавия // Исторический вестник.— 1881а.— № 2.— С. 233—268; № 3.— С. 489—525; № 4.— С. 735—782.

Забелин И. Е. Домострой по Списку Императорского Общества истории и древностей российских // Чтения ОИДР.— 1881б.— Кн. 2.— С. I—IV, 1—202.

Забелин И. Е. Предполагаемые задачи предпринятого по решению Московской городской думы историко-археологического и статистического описания города Москвы // Известия Московской городской думы.— 1881в.— Вып. VIII.— Отд. II.— Стб. 1—16.

Забелин И. Е. Дополнения к «Дворцовыми Разрядами» по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова, собранные из книг и столбцов прежде бывших Дворцовых приказов Архива Оружейной Палаты. Часть первая // Чтения ОИДР.— 1882.— Кн. 1.— Отд. II.— С. I—XV, Стб. 1—288; Кн. 3.— Отд. I.— Стб. 289—640; 1883.— Кн. 2.— Отд. I.— Стб. 641—800; Кн. 4.— Отд. I.— Стб. 801—911.

Забелин И. Е. Историческая записка об Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете // Чтения ОИДР.— 1883а.— Кн. 4.— С. 54—60 (протоколы).

Забелин И. Е. Список и указатель трудов, исследований и материалов, напечатанных в повременных изданиях Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. Отд. I. Сп. тр.— М., 1884а.— 340 стб.

Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. По определению Московской городской думы, собранные и изд. руководством и трудами Ивана Забелина. Ч. 1.— М., 1884б.— 88, 12, 1384 стб.

Забелин И. Е. Послание царя Ивана Васильевича к Александрийскому патриарху Иоакиму с купцом Василем Поздняковым я Хождение купца Позднякова в Иерусалим и по иным святым местам 1558 года // Чтения ОИДР.— 1884в.— Кн. 1.— С. I—XII, 1—32.

Забелин И. Е. И. Е. Забелин // Московский иллюстрированный календарь — альманах на 1887 г. А. С. Пругавина.— М., 1887.— С. 228—235.

Забелин И. Е. Список и указатель трудов, исследований и материалов, напечатанных в повременных изданиях Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете за 1815—1888 гг. С присовокуплением исторического очерка деятельности Общества с 1804 по 1884 гг.— М., 1889.— I—XXXII, 162 стб.

Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей.— М., 1891.— 546 стб.

Забелин И. Е. Воспоминания о Д. А. Ровинском.— Спб., 1896.— 14 с.

Забелин И. Е. История города Москвы. 1902.— Ч. 1.— XX, 635 с., 2 л. ил.

Протоколы заседаний Совета университета Св. Владимира 5-го и 19-го ноября и 3-го декабря 1871 г.// Университетские известия.— 1872.— № 1.— С. 39—48.

Путеводитель по фондам личного происхождения письменных источников Государственного Исторического музея. — 1967.— С. 102—117.

Разгон А. М. Российский Исторический музей. История его основания и деятельности (1872—1917) // Очерки истории музейного дела в России. — М., 1960.— Вып. 2.— С. 224—299.

Труды III Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 го-

да.— Киев, 1878, Т. 1.— С. XVIII—LXXXV (протоколы заседаний съезда).

Формозов А. А. Историк Москвы
И. Е. Забелин.— М., 1984.— 240 с.

Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.—
М., 1948.— Т. 4.— 982 с.

ГИМ ОПИ. — Ф. 440 (И. Е. Забелин).—
Ед. хр. 219. Заметки об истории России
XVI—XVII вв. Размышления о современных
задачах русской истории.

Приложение 2

М. КЛАММ, Г. ФИБРОК, Б. МЕЙЕР

ПОЧВОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СКИФСКОГО КУРГАНА ЧЕРТОМЛЫК

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ, СТРУКТУРЕ И ФУНКЦИИ СТРОИТЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛА

1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Скифский курган Чертомлык находился в зоне Степной Украины недалеку от Каховского водохранилища. В период с 1981 по 1986 г. исследовался в рамках совместной научно-исследовательской программы, осуществлявшейся советскими и западногерманскими специалистами.

Во время раскопок кургана зафиксированы различные детали строения его насыпи, функции которых могли быть выяснены лишь в результате специальных почвоведческих исследований. С этой целью в 1981 и 1983 г. были взяты соответствующие пробы (рис. 1): материал, использованный при возведении насыпи, и чернозем под курганом и за его пределами.

2. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ КУРГАНА

Преобладающим типом почвы Украины является чернозем, образовавшийся во время голоцена в конце ледникового периода (10 000 лет) из отложившегося в раннюю плейстоценовую эпоху золотого осадка лесса, который занимает здесь большие территории. В украинском степном поясе преобладают три различные разновидности чернозема в направлении с севера на юг: мощный, средний, или обычный, южный.

К сожалению, у разных авторов границы этих зон не всегда совпадают [Берг, 1958, 1959; Гансен, Хедрих,

1965; Гансен, 1972; Крупский, Полупан, 1979]. Наиболее авторитетным свидетельством по интересующему нас вопросу следует считать последнюю из названных работ. Согласно помещенной в ней карте, курган Чертомлык расположен на границе между средним, или обычным, и южным черноземами.

Данные о строении почв обеих зон говорят о большой вариативности. В зоне обычного чернозема горизонт А в большинстве случаев имеет толщину 50—60 см и может достигать глубины 70 см. На 55—60 см он декальцинирован, т. е. почти на всю толщину. Под ним, самое большое на глубине 80 см, находится горизонт АС. Типичным, согласно работе Н. К. Крупского и Н. Н. Полупана [1979], является профиль 3б, который находится в Днепропетровской обл. примерно в 100 км северо-восточнее кургана. Толщина горизонта А южного, или азовского, чернозема составляет только 40—50 см; декальцинирован примерно на глубину 30—40 см. Горизонт АС распространяется на глубину до 60 см. Соответствующий профиль, согласно данным Н. К. Крупского и Н. Н. Полупана, т. е. профиль 43, находится в Херсонской обл. (Другие описания профилей см. [Вальтер, 1960; Бронгер, 1977]). Эти различные зональные чер-

* Перевод осуществлен в Киевской редакции Всесоюзного центра переводов научно-технической литературы и документации. Переводчик В. И. Костенко.

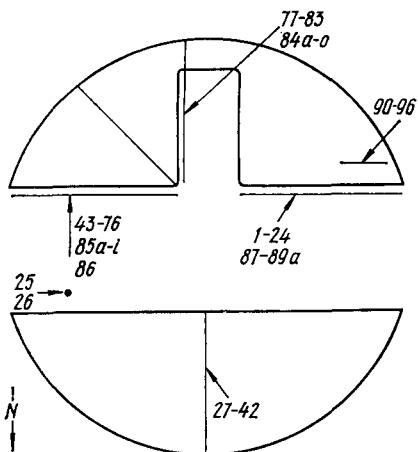

Рис. 1. Курган Чертомлык. Схема мест отбора почвоведческих проб.

ноземы можно характеризовать по характерной степной растительности [Вальтер, 1943; 1974; 1984]. Так, на мощном черноземе находится так называемая типичная лесостепь, где помимо злаков встречается разнотравье. По мере увеличения сухости в южном направлении наблюдается уменьшение многообразия видов степных растений; разнотравье постепенно вытесняется отдельными травами.

В зоне обычного чернозема наблюдается увеличение количества прежде всего ковыльных трав, хотя встречается и разнотравье (адонис весенний, полынь горькая). В сухой зоне южного чернозема отмечается сильное преобладание злаков.

Наряду с ковыльными травами, как и в зоне обычного чернозема, в достаточной мере здесь представлены различные виды овсяницы.

Растительная зона, в которой находится Чертомлыкский курган, называется также зоной высоких трав, потому что здесь преобладают высоко-растущие виды ковыли.

Климат очень сухой, осадков выпадает меньше 450 мм в год. Потенциальное испарение выше, чем количество осадков, вследствие чего в почве отсутствуют необходимые для растений за-

пасы воды, следовательно, вегетационный рост имеет определенные природные пределы.

3. ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Методы исследований

Так как почвенные пробы, взятые из кургана, параллельно должны были исследоваться в Советском Союзе, целесообразно дать точное описание применявшихся методов исследований, чтобы посредством этого обеспечить возможность сравнения.

3.1.1. Общая плотность почвы

Определение такого рода представлялось возможным только в отношении проб, взятых в 1983 г. Их брали при помощи ударного бура, имевшего нормальный объем 100 см³. Находившийся в ударном буре грунт высушены в сушильном шкафу при температуре 105 °С, после чего взвешен. Плотность залегания вытекает из уравнения: масса : объем = плотность (плотность сухой почвы).

3.1.2. Плотность агрегатов

Плотность агрегатов, т. е. плотность почвогрунтовой массы (первичная структура), определяется методом погружения со взвешиванием, по Фреде и Мейеру [1983]. На агрегатах, защищенных распыленной клейковиной от проникновения воды, при помощи электронных весов производится гидростатическое взвешивание.

3.1.3. Окраска (по Манселу)

Окраска каждого вида грунта может быть поставлена в соответствие характеристическому значению хромовой краски и определенной характеристике цвета (светотеневая градация). Это можно осуществить при помощи цветной таблицы Мансела, по которой точно определяется цвет почвы. Окраску почвы определять лучше всего на из-

мельченной (но не перемолотой) почве как в сухом, так и во влажном состоянии.

3.1.4. Отношение

Определяется посредством газовой хроматографии (Карло Эрба) с использованием тонкоразмолотого грунта. Так как определению подлежит только органически связанный углерод, неорганический углерод, встречающийся в виде CaCO_3 , должен быть вычен из общего количества углерода, определенного путем газовой хроматографии. Карбонат углерода определяется по методу Шайблера (см. ниже).

3.1.5. Содержание гумуса

Вычисляется по количеству органически связанного углерода путем его умножения на коэффициент 1,724, так как гумус содержит около 58 % органически связанного углерода.

3.1.6. Определение карбоната (по Шайблеру)

Содержание карбоната определяется измерением объема газов с помощью аппаратуры Шайблера. При этом измеряется улетучивающийся CO_2 , образовавшийся после растворения карбонатов в соляной кислоте (предварительно устройство должно быть выверено с помощью определенного количества чистого карбоната кальция). Содержание карбоната вычисляется по формуле

$$\times \frac{\text{навеска } \text{CaCO}_3, \text{ мг}}{\text{объем газа, мл}} \times \frac{\text{объем газа в пробе грунта, мл} \cdot 100}{\text{навеска грунта, мг}} = \% \text{ CaCO}_3$$

3.1.7. Потребность в кальции

Так называемая потребность в кальции — не что иное, как количество CaO , необходимое для нейтрализации подкисленной почвы, т. е. это мера степени подкисления (накопление ионов

водорода). Для определения потребности в кальции требуется 10 г грунта, который предварительно слегка измельчается в ступке. В него добавляют 25 мл ацетата кальция (158,18 г раствора на 2 л дистиллированной воды). Проба должна находиться в состоянии покоя в течение 24 ч, после чего измерителем определяют значение pH. Потребность в кальции для достижения определенного значения pH вычисляется по таблице потребности в кальции (по Шахтшабелю).

3.1.8. Водородный показатель

Для определения величины водородного показателя pH требуется, как и при определении потребности в кальции, 10 г грунта, который тоже подлежит измельчению в ступке. В пробу добавляют 20 мл 0,02% CaCl_2 (1,47 г раствора разбавляют в 1 л дистиллированной воды). Для установления обменного равновесия смесь необходимо выдержать в состоянии покоя не менее 3 мин, прежде чем будет измеряться величина pH.

3.1.9. Свободные окислы железа и свободные окислы марганца

Экстракция и определение содержания восстанавливающих дитионит и растворяющих цитрат окиси железа и окиси марганца осуществляются методами, описанными в работе Шлихтинга и Блюме [1976]. Добавленные в раствор Fe и Mn определяются методом спектрометрии поглощения атомов.

3.1.10. Гранулометрический анализ методом Аттерберга

Сначала необходимо устраниТЬ такие склеивающие вещества, как известь, гумус и железо. Гумус удаляется путем добавления H_2O_2 , а известь — посредством добавления HCl. Окись железа (3) извлекается через дитионит и цитрат. Фракции размерами более 63 мкм, 63—

36 и 36—20 мкм отделяются друг от друга просеиванием, фракции 20—6 мкм, 6—2 и менее 2 мкм получают осаждением в цилиндре Аттерберга. Такое разделение проводится в тех случаях, когда требуется подсчет фитолитов во фракциях частиц.

3.1.11. Подсчет фитолитов

Так как основная часть фитолитов (растительные каустобиолиты) приходится на диапазон крупности частиц от 60 до 6 мкм, то подсчет фитолитов ограничивается классами частиц 63—36 мкм, 36—20 и 20—6 мкм. При подсчете фитолитов в рассеянном препарате под поляризационным микроскопом подсчитывают самое меньшее 2000 частиц и определяют число фитолитов, содержащихся в этом количестве частиц. Затем определяют процентное содержание фитолитов в той или иной фракции. Для определения общего содержания фитолитов во всей фракции в диапазоне от 63 до 6 мкм следует сложить весовые доли трех фракций, после чего произвести пересчет в отношении отдельных процентных долей фитолитов.

3.1.12. Оптическая микроскопия

Для получения более подробных данных о микроструктуре грунта пробы рассматриваются под стереоскопическим микроскопом.

3.1.13. Плотность ионов водорода

Сначала определяется значение водородного показателя pH в ацетате Ca. Это осуществляется так же, как и при определении потребности в кальции. Плотность ионов водорода вычисляется по методу Шлихтинга и Блуме [1966].

3.1.14. Катионообменная способность

В фритованную трубку помещают 5 г грунта. Через ее нижнюю часть пропускают 100 мл буферного (0,2 н)

раствора BaCl₂, а потом — 100 мл H₂O. В полученный экстракт добавляют воду до объема 250 мл.

Затем через грунт пропускают 100 мл (0,2 н)CaCl₂ и 100 мл воды. Объем экстракта добавлением воды доводится до 250 мл. Ионы обмена K, Na, Ca, Mg определяются спектрометрией поглощения атомов.

3.1.15. Проводимость насыщенного экстракта

В 200 г грунта добавляется небольшое количество H₂O с таким расчетом, чтобы грунт стал только влажным, после чего все тщательно перемешивается до пастообразного состояния. Затем грунт центрифугируется и при помощи устройства для измерения проводимости определяется проводимость оставшегося раствора.

3.1.16. Содержание Cl в насыщенном экстракте

Содержание хлорида в насыщенном экстракте определяется посредством титропроцессора (см. 3.1.15).

3.1.17. Содержание SO₄ в насыщенном экстракте

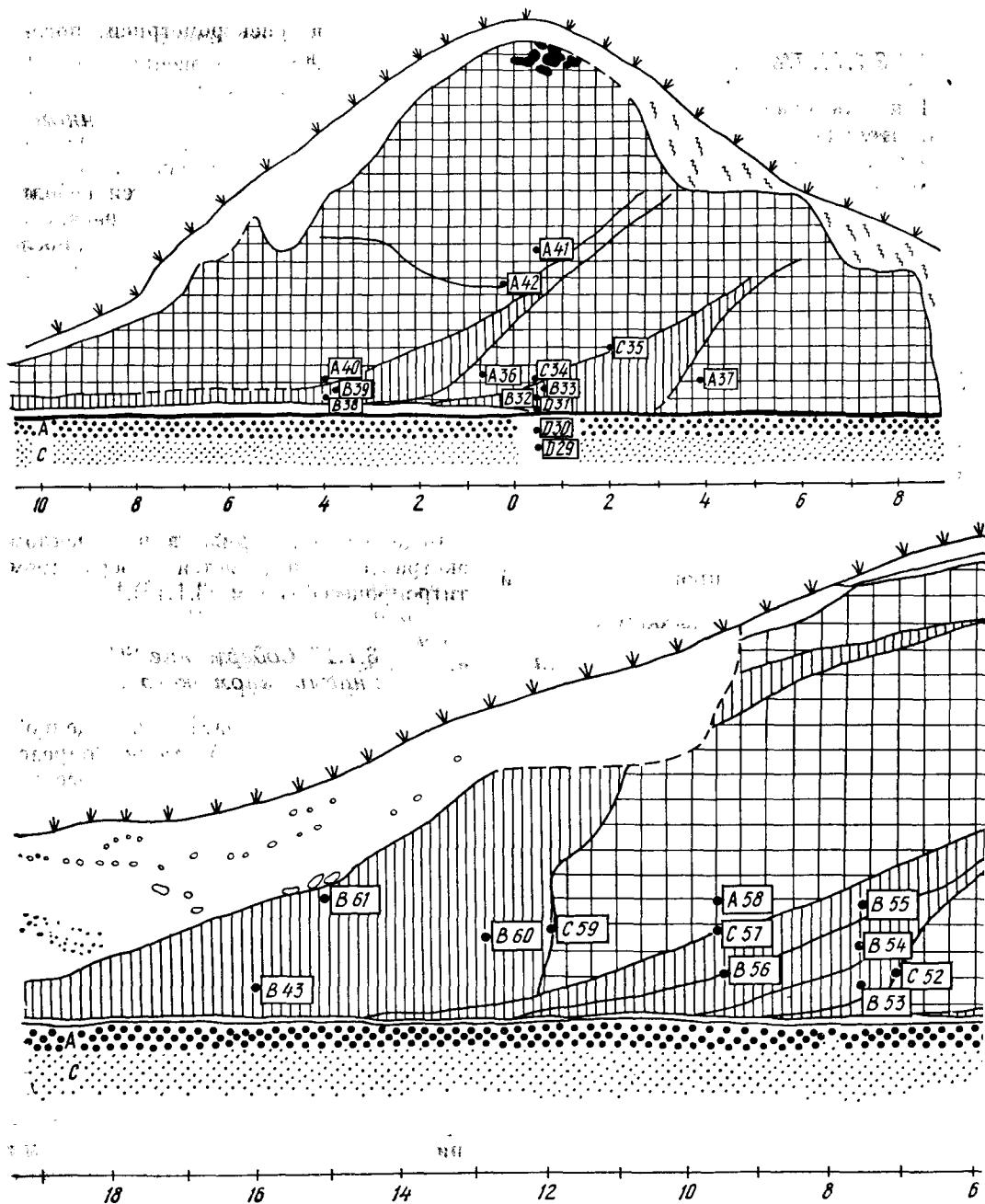
Содержание сульфата в насыщенном экстракте (см. 3.1.15) также определяется при помощи титропроцессора.

3.2. Объекты исследований и выбор проб

Главная задача исследований состояла в выяснении происхождения грунта, который был использован для возведения кургана. Этот грунт подразделялся на: А) строительный материал с агрегированными структурами, трактуемый как «дерновая почва» (в дальнейшем — «дерновый материал») и на В) структурно однородный строительный материал из фракций почвы, расположенный клинообразно в вертикальных сечениях

кургана (в дальнейшем — «клиновый материал». В археологической части исследования эти слои названы «илистыми крепидами»). «Клиновый материал» при его рассмотрении оказался значительно темнее дернового. Для проверки про-

тиворечивых гипотез — взят ли грунт для кургана из связных почв с дальних расстояний или из черноземных площадей в непосредственной окрестности кургана — исследованы два черноземных профиля. Один из них взят под

курганом (D), а второй — за его пределами (К). Получены следующие группы проб почвы: дерновая почва — сокращенное буквенно обозначение А — прямая клетка; «клиновый материал» (В) — плотная вертикальная штриховка; переходная зона между дерновым материалом и клиновым материалом (С) — без штриховки; пробы чернозема и профили чернозема под насыпью (Д) — плотно поставленные точки: горизонт А — редко поставленные точки; горизонт С (рис. 2—5); (К) — профиль чернозема за пределами кургана примерно на расстоянии 300 м от кургана (рис. 6).

Между черноземом, «погребенным» под курганом, и земляной массой кургана находится так называемый рабочий горизонт толщиной до 40 см с тон-

Рис. 2. Курган Чертомлык, разрез Е—Е. Места отбора почвоведческих проб.

Рис. 3. Курган Чертомлык, профиль В—В. Схема отбора почвоведческих проб.

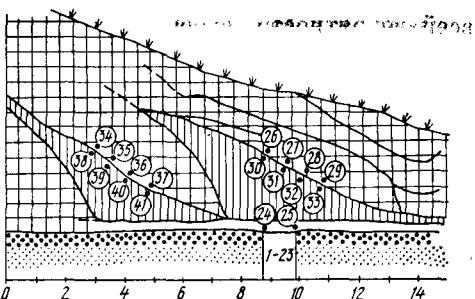
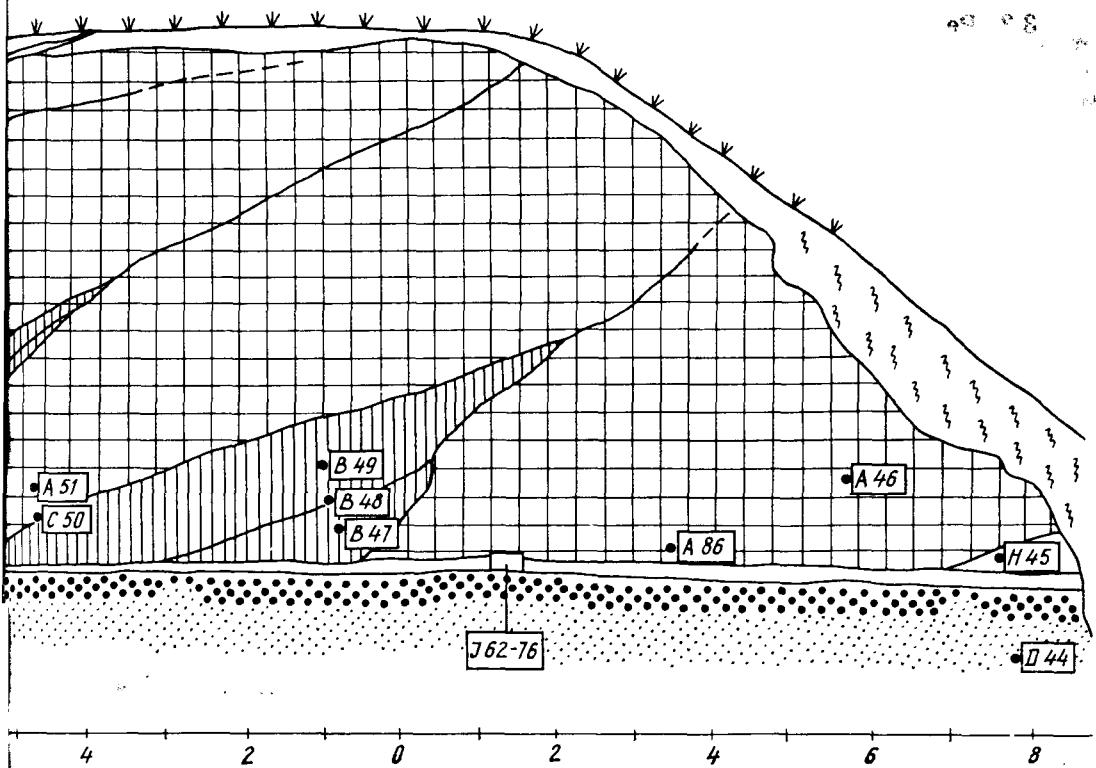

Рис. 4. Профиль L—L кургана Чертомлык и места отбора проб.

кослойным строением из автохтонного и алохтонного грунта различного происхождения из горизонта чернозема.

«Рабочий горизонт» (Е) — белое поле между насыпью кургана (А и В) и поверхностью чернозема D (рис. 1, 3, 4). Выше «рабочего горизонта» по окружности кургана находятся камни крепиды (рис. 3). Здесь наблюдается в основном известняк, благодаря чему окружающий грунт кургана когда-то, по

всей вероятности, свободный от извести, обогащен растворенной и вновь осажденной известью. Для выяснения гидродинамики и баланса материала кургана проведено сравнение проб, взятых из «рабочего горизонта» и в других местах кургана;

«пробы материала, содержащие известь» (F).

В двух других местах кургана нужно было найти ответ на вопрос о происхождении материала; с этой целью были взяты пробы из таких мест:

«осебый профиль» (G) — чередующаяся последовательность материала по разрезу крепид с разной структурой;

«центр насыпи» (H) — достигнут через шурф, расположенный в центре кургана.

Положение проб и их последовательность отмечены на указанных рисунках вертикальных сечений кургана, положение разрезов см. на чертеже плана рис. 1.

3.3. Результаты исследований

3.3.1. Черноземы как субстрат и основной материал

Сравнение значений анализа черноземов под курганом (слева) и за пределами кургана (справа) см. на рис. 7.

Границы между горизонтами Ah, AhC и Cc установлены на основании их окраски, по Манселю, и их скачков.

Чернозем под курганом. Можно, как будет показано ниже, исходить из того, что грунт под курганом остался в том состоянии, в каком он был во время возведения кургана. Это значит, что насыпная масса кургана защитила его от перколяции инфильтрационной водой. Если сравнить мощность горизонта A и глубины его декальцинирования со схемой зональных почв в разделе 2, то этот тип, на наш взгляд, больше соответствует южному, или азовскому, чернозему.

Однако следует обратить внимание на то, что развитие этого типа грунта закончилось примерно через 2500 лет,

когда он был покрыт насыпным грунтом, и что, таким образом, по сравнению с современными поверхностными почвами почвы этой зоны «выпали» из периода развития около 2500 лет. По мнению В. П. Золотуна [1974], это важное обстоятельство, поскольку развитие этих почв, вероятно, и сейчас еще не закончено. Так, биогенное углубление горизонта Ah продолжается и за одно столетие составляет от 2,7 до 4,7 мм.

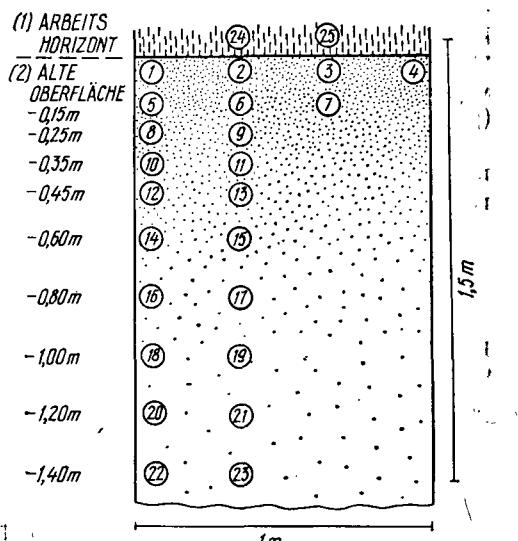

Рис. 5. Схема отбора образцов почвы из «рабочего горизонта» и погребенного чернозема (разрез L-L Чертомлыка):
1 — «рабочий горизонт»; 2 — погребенный чернозем.

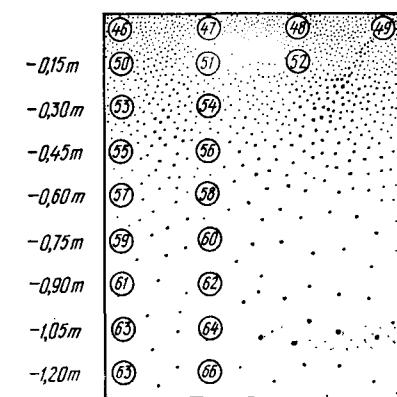

Рис. 6. Разрез современной почвы за пределами кургана и схема отбора проб.

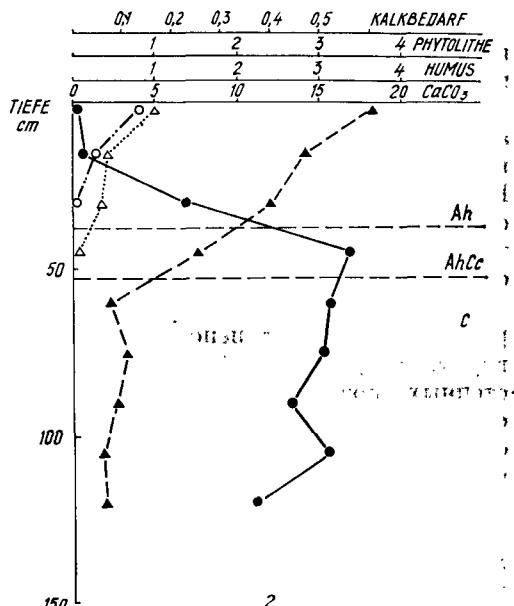
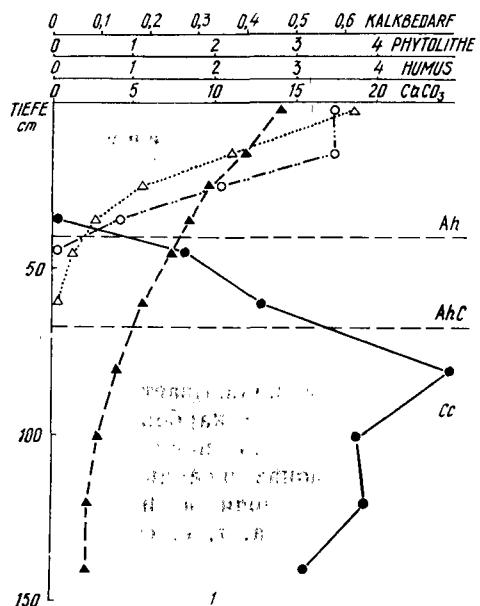

Рис. 7. Значения анализа черноземов под курганом (1) и за пределами кургана (2). Количество в кг/м² в зависимости от плотности в сухом состоянии.

В нашем случае это означает, что грунт под курганом,— если бы его не покрывала насыпная масса,— в настоящее время имел бы мощность Ah-горизонта от 47 до 52 см. Прогрессировал бы и вынос извести, так что сегодня грунт представлял бы собой обычный чернозем.

Чернозем за пределами кургана.

Незначительная мощность Ah-горизонта с высоким содержанием извести и находящийся выше в профиле максимум накопления вымываемой извести на первый взгляд свидетельствуют о том, что здесь произошел снос материала пахотного слоя с последующей регенерацией гумусного А-горизонта из еще недекальцинированного лесса.

Для выяснения толщины снесенного слоя можно распределить известь. До возведения кургана, до прекращения выноса извести, его глубина за 7500 лет с начала голоцене при исходном содержании CaCO₃ в лессе около 12 % составила 40 см, т. е. была достигнута нижняя граница Ah-горизонта. Зато чернозем, находящийся за пределами кургана, сегодня декальцинирован на глубину около 10 см. Если предположить равномерное декальцинирова-

ние на всем протяжении голоцене, то (если бы денудация была связана со строением кургана) снесенным был бы весь Ah-горизонт мощностью 40 см. Об этом свидетельствует и разность глубин между обоими максимумами накопления кальция в профилях, составляющая 35 см. Подход к вычислениям, исходящий из ежегодного углубления нижней границы AhC-горизонта на 2,7—4,7 мм за одно столетие, дал бы (если денудация действительно произошла примерно 2400 лет назад) величину сноса Ah-горизонта 23—28 см при толщине 40 см. Значения сноса от 25 до 35 см — минимальные величины. Чернозем располагается в ареале с могильными курганами бронзового века, что не исключает предположения, что здесь уже произошла выемка грунта, которая дала бы еще большие значения сноса.

Количество фитолитов. Фитоисторическое сравнение.

Об использовании количества и типа фитолитов в качестве вспомогательного

средства для хроностратиграфических выводов относительно конструкции кургана см. в прил. З.

Фитолиты — это включения зерен аморфной кремневой кислоты (SiO_2) в узлах стебля и в эпидермисе злаков. Благодаря им обеспечивается жесткость стебля и листьев, а также защита растений от инфекции. В других растениях они играют значительно меньшую роль.

После засыхания и минерализации растения попадают непосредственно в грунт. В результате интенсивного в степных почвах воздействия живых организмов — на значительную глубину. Они являются сравнительно устойчивыми к выветриванию компонентами минеральной грунтовой массы.

На рис. 7 (слева) показано распределение фитолитов на глубину в черноземе, «погребенном» под курганом. Основное их количество находится в верхних 30 см Ah-горизонта, но можно обнаружить их и вблизи основания переходного Ah-горизонта, на который оказала влияние биомиксия. Вызывает удивление, что в находящемся за пределами кургана черноземе, несмотря на его сильное обогащение гумусом после сноса, почти не наблюдается увеличения общего количества фитолитов — оно чуть больше имеющегося в пне снесенного профиля и лишь немного перераспределено на глубине вследствие биопреремешивания.

Данное обстоятельство наталкивает на мысль, что после сноса произошло изменение растительного покрова, в котором господствовало разнотравье, а не злаки. Это, в свою очередь, указывает на смену климатических условий, однако основывается лишь на том, что в результате сноса декальцинированного Ah-горизонта на поверхность вышел содержащий известь материал AhC-горизонта, который из-за постоянного использования под пастбище был покрыт разнотравьем. По мнению Вальтера [1974], состав степной растительности зависел от таких незначительных влияний, как, например, погревивание пастбищ. Так, он пока-

зал, что жилища сурских высотой около 1 м, состоявшие из поднятого на поверхность грунта, содержащего известь, являлись местом заселения кальцеильных растений, причем в основном разнотравья.

Содержание карбонатов и потребность в кальции. История климатических условий. Глубина функция потребности в кальции, т. е. количество CaO , необходимое для того, чтобы величина водородного показателя pH в грунте имела нейтральное значение, в черноземе под курганом показывает, что кроме выноса свободного карбоната кальция (CaCO_3) произошло значительное обеднение в катионах щелочных земель и в катионах щелочи в ионообменных веществах грунта, т. е. «подкисление» почвы, которое привело к значениям pH примерно от 5 см до глубины около 20 см. Концентрирование ионов водорода, хотя и значительно меньшее, наблюдалось в черноземе за пределами кургана, показывает, что известь находится в состоянии вымывания, и из грунта происходит постоянный вынос оснований, т. е. отсутствует стабилизация оснований.

Величина общей потери оснований в черноземе под курганом (при предположении, что в начале голоценена еще не было сноса извести) составляла 86 кг CaCO_3/m^2 , а в черноземе за пределами кургана — примерно 24 кг, т. е. отношение составляет 3,58, а отношение времени развития — 3,35. Это значит, что годовые величины внесения протонов и выноса оснований до и после насыпания кургана должны быть примерно одинаковы и что в результате этого не отмечается серьезных изменений в количестве годовых осадков.

Кривые функции глубины содержания карбоната показывают в обоих черноземах верхнюю зону обеднения и нижнюю зону обогащения, что является признаком климата с уравновешенным водным балансом почв, при котором «осадки = эвапотранспирация + переход влаги». Осадки, главным образом талая вода, проникают в обоих черноземах

**ТАБЛИЦА 1. А-ГОРИЗОНТ ЧЕРНОЗЕМОВ ПОД КУРГАНОМ (А) И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ (В)
(ДАННЫЕ ПРИВОДЯТСЯ В ММОЛЬ ИММУНИЗИРУЮЩИХ ЕДИНИЦ/КГ ГРУНТА)**

Состояние обменника										
Номер пробы	Na	K	Mg	Ca	H	СЕС	Ca/Mg			
A	15	3	48	110	47	223	2,34			
	20	2	75	83	53	233	1,11			
	20	2	81	88	40	231	1,09			
B	46	1	2	101	187	191	1,85			
	50	1	2	88	167	258	1,90			
	53	1	2	86	149	238	1,73			
Насыщенный экстракт (ммоль иммунизирующих единиц/л)										
	Na	K	Mg	Ca	Итого	SO ₄	Cl	HCO ₃	Итого	Ca : Mg
A	22,4 0,3	0,6 3,4	32,1 1,6	56,6 21,2	111,7 26,5	12,0 3,2	18,2 35,5	81,5	30,2	1,76 13,3

земах по крайней мере на глубину 160—120 см, и в результате водозабора корнями растений количество влаги исчерпывается. При этом происходит декальцинирование верхних слоев грунта и накопление выносимой из них извести в нижней зоне истощения. Это имеет важное значение для почвообразовательного процесса на кургане и для воздействия выветривания на материал почвы. Зона влияния погоды и изменение материала не могут быть большими соответствующей зоны исследованных черноземов.

Ионное состояние ископаемого и свободного черноземов. Согласно табл. 1, находящийся за пределами кургана чернозем в А-горизонте характеризуется малым количеством поглощенного и имеющегося в почвенном растворе свободного натрия. Присутствие свободного карбоната с содержанием CaCO₃ и MgCO₃ определяет отношение на почвообменнике и в почвенном растворе Ca : Mg. Оно составляет на обменнике от 1,76 до 1,90.

Доля хлорида по сравнению с сульфатом достаточно высокая, что позволяет сделать вывод о постоянном внесении морских аэрозолей.

Свободный от извести Ah-горизонт погребенного под курганом чернозема, как и весь насыпной материал кургана, больше не зависит от обмена почвенного раствора в грунте. Напротив, можно исходить из того, что в нем возникло длительное равновесие. Поскольку свободный карбонат отсутствует, то состав ионов зависит в основном от выветривания силикатов, «отдающих» системе раствора Na (полевой шпат), K (слюда) и Mg (островные силикаты до ленточных силикатов). Так, Na преобладает над K, а отношение Ca : Mg достигает значений 1. Обменная способность глинистой фракции составляет около 60 мг-экв/100 г, что свидетельствует о преобладании вермикулитно-монтмориллонитных глинистых минералов.

Гранулометрический состав. Учитывая, что происхождение минерала кургана связано с окружающими земельными площадями, целесообразно рассмотреть также и гранулометрический состав почвы.

Средний состав черноземов горизонтов A и B, а также полученных проб приводится в табл. 2.

Лесс, из которого образовался чернозем, в котором 32 % составляет мине-

ТАБЛИЦА 2. СРЕДНИЙ
ГРАНУЛОМЕТРИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПРОБ ВСЕХ
ЛЕССОВЫХ ГРУНТОВ

Грунт	Поперечник: от... до..., мкм	%
Песок	2000—63	1,4
Крупная пыль 1	63—36	7,8
Крупная пыль 2	36—20	22,7
Средняя пыль	20—6	26,8
Мелкая пыль	6—2	7,1
Глина	Менее 2	32,2

ральная масса, свободная от гумуса, кальция и окислов железа, богат глиной (в Центральной Европе лишь около 10%). И все же содержание глины в лессе вследствие седиментации изменяется с глубиной. В С-горизонте под курганом в пласте толщиной около 100 см содержание глины достигает 45 %.

Очевидно, процесс образования А-горизонта из лесса привел не только к дальнейшему образованию глины из пылеватого грунта. Не обнаружено также каких-либо признаков перемещения глины, которое могло бы быть при существующих в А-горизонте значениях рН. По всей вероятности, для этого отсутствует переносящее вещество, т. е. вода.

Долей песка можно пренебречь. Показателем зернистости лесса и А-горизонта чернозема является «илисто-глинистый суглинок» с распределением ила, максимум которого находится не в области 35 мкм, как это имеет место в случае лесса в Центральной Европе, а составляет примерно 20 мкм, что изначально придает материалу большую агрегатную стабильность.

Структура А-горизонтов. А-горизонты черноземов этой климатической зоны характеризуются стабильным агрегатным строением, в котором большую долю составляют комки из выделений дождевых червей. Это относится к чернозему за пределами кургана. Черноземный Ah-горизонт под курганом очень мелкий, в нем мало агрегатов из выделений дождевых червей, кроме того,

он очень однороден и легко распадается в пыль.

Прямая противоположность ему дерновый материал кургана. Он более прочен, не так легко превращается в пыль, в нем есть агрегаты из выделений дождевых червей. Даже «рабочий горизонт» более комковатый, чем А-горизонт под курганом.

Возможно, это связано с уплотнением чернозема под курганом в результате давления насыпного грунта кургана. Чернозем за пределами кургана имеет на поверхности плотность в сухом состоянии 1,20, как и насыпной под курганом материал кургана. Зато плотность чернозема в верхнем горизонте значительно больше — 1,34.

3.3.2. Сравнение вещества «дерновый материал» и «клинового материала» кургана между собой и с черноземом

3.3.2.1. Химико-минералогические параметры почвы

Почти все анализы «дернового материала» и «клинового материала», образующих земляное тело кургана, совпадают между собой и с Ah-горизонтом погребенного чернозема настолько, что нет никаких сомнений в происхождении строительного материала кургана именно из такого черноземного материала и что, возможно, он происходит из ближайших окрестностей.

Это утверждение основывается на гранулометрическом составе, содержании свободной окиси железа и свободной окиси марганца, на отсутствии свободного кальция, содержании гумуса, степени подкисления, окраске, содержании фитолитов и агрегатной плотности.

Плотность залегания проб в кургане не дает в этом отношении никаких сведений, так как зависит от процессов уплотнения при строительстве кургана и при оседании земляных масс.

Установлено также, что состояние ионной плотности и ионный состав поч-

венного раствора следует рассматривать как вторичные явления — на том основании, что курган, за исключением образовавшейся после его насыпания «земляной оболочки», при местных климатических условиях можно рассматривать как гидрологически изолированное тело, в котором не происходили процессы движения воды и перераспределения вещества, т. е. не наблюдалось повышения кислотности, перемещения глины и т. п., за исключением процессов диффузии.

Таким образом, тело кургана состоит в основном из верхнего слоя чернозема толщиной 25—30 см, имеющегося в окрестностях. Исследования, проводившиеся при помощи оптического микроскопа, показали лишь незначительную примесь желтого материала С-горизонта. Величина водородного показателя pH (CaCl_2) составляет в среднем 5,3, следовательно, кальций в теле кургана отсутствует.

Переосаждение кальция. Лишь там, где в теле холма был уложен известняк, материал чернозема вследствие истирания или в результате растворения и повторного осаждения обогащен мелким карбонатом.

Однако следует заметить, что перераспределение CaCO_3 произошло только в непосредственном контакте с известняком крепиды и что под этим слоем не обнаружено уходящей в глубь зон инфильтрации карбоната. Это обстоятельство, а также сохранение мелкослоистого членения с pH означает, что тело кургана, если его рассматривать с гидрологической точки зрения, очевидно, стабильно. Значит, возможное проникновение инфильтрационной воды, влекущее за собой изменение химических особенностей минерального тела, за исключением верхних, подверженных воздействию погодных условий, дециметров практически исключена.

Известняк крепиды — ракушечный, в нем под микроскопом наряду с отпечатками моллюсков обнаружаются также иглы морских ежей. Такие плиоценовые известняки pointa часто на-

блюдаются в районе северного черноморского побережья в глубоких врезах долины [Берг, 1958].

Окраска. Для получения сведений о происхождении, а также данных о гнездах ортштейна, золе, угле и известняке как составляющих смеси систематически применялся метод окрашивания.

Координаты цвета всех проб можно поставить в соответствие (по методу Мансела, определение проводится как в сухом, так и во влажном состоянии) цветовому тону или функциям сложения цветов (HUE) «10 YR», вызванных гетитовой окраской лесса. Локального нагревания с образованием гематита не обнаружено ни в одной пробе.

Если сравнить материал основной массы кургана с материалом погребенного чернозема, то окажется, что первый имеет черно-белый смешанный цвет, который ниже (т. е. темнее), и «хромовый» цвет (т. е. с примесью желтого цвета), который меньше значения проб Се' 81, 29 и 30, взятых на глубине более 43 см ниже уровня погребенного под курганом чернозема. Это еще одно свидетельство того, что уплотняющий и насыпной материал для строительства кургана взят из верхнего участка А-горизонта чернозема. При сравнении окраски слоев «упакованного дернового материала» кургана и материала «креписа» различий не обнаружено.

Однако необходимо учитывать следующее: при макровизуальном рассмотрении объектов в координаты цвета входят и более грубые структуры, кажущиеся темными из-за оттенка. Поэтому определение цвета при помощи цветных таблиц осуществляется на малых гомогенизированных пробах или выровненных пробах, в которых более грубые вторичные структуры неэффективны в цветовом отношении. Это значит, что наблюдаемые на местности цветовые различия между структурными элементами «дерна» и «креписа» могут проистекать из различий в макроструктуре.

Дополнительно проведен еще один эксперимент: увлажнили по одному

агрегату дерна (Се' 83, 37) и «клинового материала» (Се' 83, 38) (Рис. 4). Координаты цвета обоих во влажном состоянии 10 YR 2,5/2. В сухом состоянии пробы 37 значительно больше способна к разрушению, чем пробы 38, в то время как при увлажнении пробы 38 значительно быстрее поглощала воду, чем пробы 37. После этого обе пробы в течение нескольких часов подвергались сушке в сушильном шкафу при температуре 40 °С. При этом через равные промежутки времени определялась их цветность. Оказалось, что пробы 37 высыхала быстрее и приобретала при этом более светлую окраску. В ходе сушки она быстрее распадалась. Зато пробы 38 оставалась влажной более продолжительное время, выглядела вследствие этого значительно темнее и по мере сушки становилась более прочной. Следовательно, различное цветовое действие основывается на различиях в структуре, прежде всего на различиях в распределении пор. Содержание кальция в пробах «клинового материала» имеет большие значения в сухом состоянии.

Высокие значения в пробах «рабочего горизонта» основываются не на известняке, а, возможно, на примесях золы. Под стереомикроскопом в серой основной массе на 10 % площади были обнаружены светлые желто-серые пятна. При исследованиях, проводившихся при помощи поляризационного микроскопа в рамках изучения фитолитов, в пробах Се' 81, 82 (древняя поверхность) были обнаружены обугленные остатки растений. Примесь золы мы объясняем вероятностью того, что перед строительством кургана растительный покров был выжжен.

Содержание и свойства гумуса. Погребенный под курганом чернозем сверху содержит 1,26 % органически связанного углерода и соответственно 2,2 % гумуса ($C \times 1,724$). Содержание углерода уменьшается до уровня залегания $CaCO_3$ на глубине около 40 см и составляет от 0,8 до 0,4 %. Среднее содержание углерода во всем «дерновом материале» в кургане составляет примерно

1,19 % (максимальное значение 1,48 %, минимальное — 0,93 %), а среднее содержание углерода в «материале крепи» равно 1,12 % (максимальное значение 1,52 %, минимальное — 0,98 %). В остальном материале кургана отмечается такое же содержание углерода. Это позволяет сделать вывод, что строительный материал кургана состоит из грунта верхних 20 см чернозема А-горизонта.

Тот факт, что в кургане встречаются пробы с более высоким содержанием углерода, который имеет перегнойное происхождение, не связанное с примесью растительного угля, объясняется, вероятно, тем, что по крайней мере часть грунта была взята с участков, где более высокое содержание перегноя, хотя следует учитывать и то, что содержание гумуса под курганом уменьшалось бы и что в некоторых местах в кургане встречаются постпелестоценовые корни и зоогенные примеси.

Высказанное ранее мнение о том, что первые сантиметры чернозема вошли в «рабочий горизонт» при закладке кургана, не всегда оправданно: в некоторых местах была обнаружена старая поверхность с остатками растительного покрова (проба Се' 81, 82). Непосредственно под ней чернозем А-горизонта содержит 1,25 % органически связанного углерода и соответственно 2,16 % гумуса, т. е. не больше, чем пробы, взятые на глубине 10 см Ah-горизонта.

Лишь в пробах Се' 81, 73—75 (см. рис. 3) «рабочего, или базисного, горизонта» обнаружен мелко распределенный уголь, который, должно быть, и вызвал превышение содержания углерода.

Возможные искажения во время анализа органически связанного углерода (гумус-С) можно проверить посредством отношения C/N. В профилях чернозема под курганом отношение $C_{орган.} : N_{общ.}$ уменьшается от 10,25 (вверху) до примерно 7,0 на границе декальцинирования. Это вызвано тем, что с уменьшением содержания гумуса, т. е. органически связанных С и N, минералогически связанный (глинистый минерал) про-

межуточный слой — NH_4 относительно точнее входит в определение.

Отношения С/N материалов кургана, составляющие в среднем 8,9, указывают на преобладающее происхождение чернозема из верхних 15 см. И здесь максимальные значения в кургане, равные 12,5, указывают на то, что часть строительного материала происходит из более богатых гумусом черноземных районов.

В отношении содержания С и N также хорошо согласуются пласти «дернового материала» и «материала креписа».

Окислы железа и окислы марганца. Содержания растворяющихся дитионит и цитрат, комплексно восстанавливающих Fe и Mn, соответствующие примерно содержанию свободного окисла железа и свободного окисла марганца, подверглись анализу прежде всего потому, что в связи с обнаружением осадочных месторождений марганца в ближайших окрестностях, возможно (подобно тому, как и под Орджоникидзе), удастся получить указания на аллохтонию тела кургана [Ролле, 1980].

Имеющиеся данные показывают следующее. В А-горизонте чернозема содержание свободного окисла железа возрастает примерно с 4,9 % на карбонатной границе примерно до 8,8 % на поверхности земли. Причиной такого явления может быть увеличивающееся вверх с уменьшающимся pH и возрастающим аккумулированием гумуса почвохимическое минеральное выветривание, которое связано с прогрессирующим высвобождением силикатного железа.

Однако здесь вновь подтверждается, что грунт для строительства кургана взят из близких к поверхности слоев. Во всех слоях максимальное содержание Fe_d составляет от 6,6 до 9,5 %, а минимальное — от 4,1 до 5,1 %, в то же время среднее содержание достигает примерно 6,5 %.

Что касается марганца, то в этом случае картина не такая ясная: имеется большой массив значений содержания, которые грунт «унаследовал» от своего

исходного материала, т. е. перенесенного на значительное расстояние лесса, и которые в А-горизонте составляют от 0,14 (нижний предел) до 0,43 % (верхний). Во фракциях песка, которые (см. 3.3.1.) составляют лишь 1,4 %, под микроскопом обнаруживаются различные доли зерен, являющиеся конкрециями окислов железа и марганца. В таких пробах содержание выделяемого марганца достигает значения 1,4 %, а в одном случае — даже 2,2 %.

Разброс значений, который скорее всего объясняется не антропогенными влияниями, а локальными золовыми примесями конкреций марганца во время нанесения лесса, в равной мере относится и ко всем группам проб из кургана, и к автохтонным почвенным профилям. Таким образом, эти значения мало что говорят о происхождении материала тела кургана.

Опаловые фитолиты. Анализировались также содержания опаловых фитолитов. Фитолиты — это тела, состоящие из аморфного SiO_2 («фитоопала»), возникающие в побегах многих растений, особенно в злаковых травах, и при аэробном разложении накапливающиеся в верхнем слое грунта. Их перемещение в более глубокие слои грунта зависит от гранулометрического состава, структуры и степени просачивания воды в почву. В нашем случае определенное значение имеет главным образом примесь, образовавшаяся в результате смены биоценозов. Исследование подверглись все фракции пыли (ила), имеющие в поперечнике от 63 до 6 мкм. Максимум распределения фитолитов приходится на среднюю фракцию пыли с поперечником от 20 до 6 мкм.

В этой фракции содержание фитоопала (преимущественно типичные округлые мелкие формы степного разнотравья [Петерс, 1968]) — находится между 3,7 % в пробе Се '81, 30 (рис. 2) (А-горизонт непосредственно над границей декальцинирования) и 18,3 % в пробе Се '81, 86 (рис. 3), т. е. типичной дерновой пробе из самого верхнего слоя А-горизонта. Зато небольшие,

длинной формы частицы в этой фракции встречаются реже. В противоположность этому небольшое число фракций состоит из более крупных частиц (максимальное содержание 1,7 %) преимущественно зазубренной или лапчатой формы.

Приведенное в табл. 1 и 2 процентное содержание частиц относится к общей фракции от 6 до 63 мкм.

Распределение фитолитов в черноземе под курганом дает примерно такую же картину, которую обнаружил Вернер [1965] в соответствующих фракциях и высотах горизонта чернозема: в наиболее верхних слоях А-горизонта содержание фитолитов составляет от 3,2 до 6,1 %, а начиная с глубины более 45 см, несмотря на биосмещение, их содержание ниже 1,5 % (по Вернеру, 0,5 %).

Пробы чернозема под курганом, взятые в 1983 г. в верхних участках Ah-горизонта (пробы 1—4), в среднем содержат 4,73 % фитолитов. Поскольку опалы встречаются прежде всего в травах, такое высокое содержание указывает на богатую травами растительность. Среднее содержание фитолитов в пробах, взятых в 1983 г. из насыпного материала кургана (см. рис. 4), составляет 3,0 % (максимальное значение 3,87 %, минимальное — 1,92 %). Эти значения указывают на глубину выемки черноземного А-горизонта в 20 см. Обращает на себя внимание малое содержание фитолитов в почвенном профиле за пределами кургана. Максимальное содержание фитолитов составляет здесь 2,09 % (проба 47) (рис. 6), что, как отмечалось выше, объясняется выемкой почвы, в результате чего грунт до самого верха вновь пополнился кальцием, что могло вызвать замену злаков разнотравьем.

Плотность частиц. Плотность частиц выбранных групп, как и ожидалось, имела настолько малый разброс значений, что пришлось отказаться от расширения их исследования. Плотность частиц составляла от 2,60 до 2,64 г × см⁻³.

3.3.2.2. Физические и структурные параметры почвы. Плотность сухого вещества почвы

Пробы, взятые в 1983 г. (рис. 4—6) в дерновых и клиновых слоях и черноземах, дали значения плотности почвы и плотности пластов залегания от 0,98 до 1,33 г · см⁻³ и позволяют сделать вывод, о том, что насыпной материал в теле кургана меньшей плотности, чем естественно погребенный под курганом чернозем. Это явление связано с выемкой, транспортировкой и укладкой грунта, если учесть, в частности, что этот грунт сохранился в его естественной связи.

Однако, вопреки ожиданиям, нет каких-либо существенных различий в плотности грунта между менее консистентными пакелляжами из дерна и более консистентными клиновыми слоями. Они имеют почти одинаковый разброс значений плотности.

В плотности грунта, или «агрегатной плотности», различия, вопреки ожиданиям, также не существенны. Отдельные значения — естественно, более высокие, чем значения «плотности грунта» — составляют разброс вариации в группах проб A, B, D, D, E + F примерно между 1,28 и 1,59 при средних значениях около 1,42. При этом не обнаруживается различий между агрегатами грунта, дерновыми и клиновыми пластами тела кургана. Лишь граничные области, в которых дерновые пластины лежали на клинообразных мантийных слоях, средняя плотность равна 1,51, т. е. значительно выше. Такую плотность можно получить, например, трамбованием, утаптыванием или укатыванием грунта в мокром состоянии.

Микроструктура. Химические и физические анализы показали, что как при дерновом пакелляже, так и при «клиновых слоях» речь идет о материале одинакового типа и происхождения, поэтому была предпринята попытка, исследуя структуру под микроскопом, найти причины визуально явных и по консистенции ярко выраженных макро-

сенсорных различий между этими двумя структурными элементами кургана. Для этого оказались пригодными лишь пробы 1983 г., которые претерпели меньшие изменения из-за механической нагрузки при перевозке и укладке.

Агрегаты дерновых пакелляжей имеют в основном форму полизэдра, однако содержат в себе корневые ходы и другие вторичные поры, которые образуются, например, при таких механических воздействиях, как сжатие или надламывание. При разрушении крупных полизэдов образуются все меньшие именьше полизэды с гладкими плоскостями и острыми ребрами, что характерно для ледовой пластичности. Однако паряду с ними встречаются и агрегаты из выделений дождевых червей.

Структура этих слоев похожа на структуру окружающего чернозема и представляет собой не что иное, как фиксированную структурную картину черноземного материала А-горизонта степной почвы, на которой отразились биологическая деятельность весной и ранним летом (ходы корней, шарики помета) и чередование морозной погоды и оттепелей осенью и зимой (морозные полизэды).

Покрытие кургана глубоко укореняющимися растениями обусловливает то, что современные ходы корней образуются даже на значительной его глубине, однако хорошо отличаются от реликтовых ходов первоначального грунта.

Совершенно иной является микроструктура клиновых слоев. Здесь не обнаруживаются ни агрегаты в виде полизэдра, ни агрегаты из выделений дождевых червей. Речь идет скорее о когерентной основной структуре, пронизанной очень большим количеством маленьких шарообразных пор. Такие «пенистые структуры» известны из полузасушливых областей, где пылевидный грунт внезапно получает большое количество осадков. Грунт всасывает влагу, находящийся в порах воздух блокируется и образует в ставшем упругим грунте маленькие пузырьки. При раз-

бивании крупных, механически выделяющихся неоднородных агрегатов из них вновь образуется неоднородная, меньших размеров крошка, имеющая, однако, ровные плоскости с тенденцией к кубической форме.

Вторичные поры растительного происхождения, наблюдаемые в дерновом пакелляже, встречаются довольно редко, в частности современные ходы корней. Происхождение других пор можно объяснить погребенной, а затем разложившейся растительностью.

«Пузырьковая структура» клиновидных слоев наталкивает на предположение, что уложенный в эти слои материал претерпел какие-то изменения. С одной стороны, возможно, он деформировался в мокром виде. Однако, поскольку даже при насыщении водой до полевой эффективной влагоудерживающей способности природные агрегаты степного чернозема остаются структурно достаточно стабильными, механическое воздействие должно было быть достаточно сильным (утаптывание? трамбование?). С другой стороны, не исключено также, что в этих слоях насыпался без какого-либо значительного воздействия рыхлый материал, который остается, например, при транспортировке дерна.

Во всяком случае, структура клиновидных слоев привела не к уплотнению, а исключительно к перераспределению имеющегося объема пор, а вследствие спайки агрегатов — и к повышению консистенции всего материала.

Исследования на модели. Для обоснования предположений о возможном возникновении клиновидных слоев в лабораторных условиях проведено несколько экспериментов.

1-й эксперимент. Эксперимент проведен для обоснования гипотезы о том, что уложенный влажный грунт деформировался вследствие сильного механического воздействия. С этой целью крупная «дерновая глыба» (проба Се' 81, 42), была капиллярно насыщена водой и деревянной ручной трамбовкой уплотнялась до тех пор, пока не разрушились все агрегаты и не образова-

ТАБЛИЦА 3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОР ПО РАЗМЕРАМ В АГРЕГАТАХ (СТРУКТУРА АГРЕГАТА И УКЛАДКА ДЕРНОВЫХ ПЛАСТОВ И ЗОНЫ КРЕПИСА

рF отрицательный десятичный логарифм сосуществования силы почвы	1	1—1,8	<1,8	1,8—2,3	2,3—2,5	2,5—2,8	1,8—2,8
Размер пор, мкм	300	300—50	50	10—15	15—10	10—5	50—5
А-горизонт (25 см) под курганом	9	2	11	2	3	4	9
АС-горизонт (60 см)	11	2	13	3	4	5	12
Дерн, проба 27	7	3	11	5	2	3	11
«Клиновый материал»							
Проба 31	12	4	15	4	3	2	9
Проба 40	11	3	13	5	4	5	13
Проба 41	8	2	10	3	5	5	14
А-горизонт возле кургана	12	3	15	4	3	3	10

лась однородная масса. Затем эта масса была медленно высушена в сушильном шкафу при температуре 40 °С. Через трое суток образовались многоугольные усадочные трещины, на плоскостях которых обнаружена такая же мелкопузырьковая структура, которую можно наблюдать на разрушенных агрегатах клиновых слоев.

Это именно те однородно и равномерно распределенные пузырьки, благодаря которым клиновые пакелляжи «во влажном состоянии» при рассмотрении их издали кажутся темнее.

Перераспределение пор вследствие такой влажной обработки грунта привело к устраниению естественных мест излома в обусловленной воздействием мороза полиздрической системе и в системе с биологическими порами. Вместо этого образовалась более или менее однородная основа. Этим объясняется более высокая сопротивляемость клиновидных пакелляжей проникновению воды по сравнению с дерновым пакелляжем.

Такое интенсивное механическое изменение структуры черноземного поверхностного материала, которое, наверное, было значительно сильнее, чем при сооружении кургана, несмотря на существенное увеличение консистенции, повысило плотность агрегатов только с 1,32 до 1,55. Следовательно, новое значение плотности еще находится в пределах разброса значений плотности, измеренных на кургане при исследовании проб групп А и В. При таком уплот-

нении общий объем пор сократился с 50 до 41 %.

Таким образом, в случае механически упрочненных клинообразных пластов «креписа» повышение консистенции меньше зависит от уплотнения, чем от перераспределения пор.

Отрицательный десятичный логарифм сосущей силы почвы. Чтобы измерить распределение пор, были изготовлены небольшие специальные цилиндры для взятия проб из крупных увлажненных агрегатов. В этих ударных бурах при помощи специальной керамической пластинки измерено отношение всасывающего напряжения и влагосодержания почвы, а из него вычислена объемная доля эквивалентных классов пор.

В табл. 3 приведены результаты для трех горизонтов чернозема, одного типичного образца дернового пакелляжа и трех — клинового материала.

Разброс значений выглядит так, что и в этом случае не наблюдается существенных различий в дифференциальной пористости различных проб.

Таким образом, итогом этих исследований структуры грунта можно считать вывод о том, что (возможно, при такой обработке, как утаптывание и трамбование в мокром состоянии) повышение прочности конусообразных клиновых слоев вызвано тем, что только рыхло связанные черноземные агрегаты склеиваются, а структура гомогенизируется, но не уплотняется. Ни у одного из классов пор не наступило суще-

СТРУКТУРА ОСНОВЫ ГОРИЗОНТОВ ЧЕРНОЗЕМА,

2,8—3,0	3,0—4,2	2,8—4,2	4,2	GVP
5—3	3—0,2		0,2	
1	3	4	24	47
4	3	7	21	53
3	3	6	22	50
5	2	7	23	54
3	4	7	20	54
1	6	7	27	45
2	1	4	22	51

ственного количественного изменения, следовательно, грунт обрабатывался в не настолько увлажненном состоянии, чтобы могли произойти его изменения в результате остаточной деформации первичной структуры (размер пор менее 10—20 мкм, соответственно отрицательный десятичный логарифм сосущей силы почвы $rF = 2,5 - 2,2$). Таким образом, процесс упрочнения, вероятно, заключался в основном в перераспределении грубых вторичных пор (более 100—300 мкм, соответственно отрицательный десятичный логарифм сосущей силы почвы $rF < 1,8 - 1,0$) от трубчатой и трещинноватой формы к пузырьковой. Такой процесс стабилизации рыхлых золовых пылеватых отложений происходит в пустыне при более или менее значительных осадках.

2-й эксперимент. Эксперимент предназначен для обоснования гипотезы о том, что рыхлый грунт, из которого состоят «клиновидные слои», поступавший при снятии и подаче дерна, насыпался без какого-либо значительного механического воздействия и для увеличения прочности увлажнялся или же в клиновые слои укладывали заранее увлажненный материал.

Остаток дерна (проба Се '81, № 86 — рис. 3) в сухом состоянии был растерт в порошок. При этом оказалось, что потребовалось сравнительно небольшое механическое воздействие, чтобы превратить пробу в пыль и разрушить отдельные небольшие многогранные агрегаты. После этого проба была хоро-

шо пропитана водой, для чего потребовалось некоторое время. (При увлажнении механическое воздействие на грунт не оказывалось.) При этом, как нам показалось, некоторые воздушные пузырьки были блокированы в пробе, т. е., мы столкнулись с тем же явлением, которое имело место при возникновении «пенистых структур». Затем проба была высушена в сушильном шкафу при температуре 40 °С. Во время сушки на поверхности пробы образовалась сеть усадочных трещин. После этого распавшаяся в начале эксперимента в пыль проба превратилась в однородную массу. Правда, усадочные трещины образовали незавершенные многогранные агрегаты. При разъединении агрегатов обнаружены шарообразные поры. Кроме того, установлено, что чем сильнее грунт превращается в пыль, т.е. становится мельче, тем больше новообразовавшиеся агрегаты соответствовали агрегатам клиновых слоев и тем больше увеличивалась их прочность при высушивании. Эксперименты не исключают и комбинации обоих процессов, позволяя по-разному объяснять образование клиновых слоев.

Во всяком случае, разрушение существовавших вначале агрегатов и гомогенизации грунта произошло либо в сухом, либо во влажном состоянии и могло послужить стабилизации кургана. Применявшаяся техника вызвала повышение консистенции без изменения общего объема пор и плотности агрегатов.

3.3.3. «Рабочий горизонт»

На рис. 2—4 без условных обозначений площадей (белое поле) на основе кургана показан горизонт, который называется «рабочим, или базисным, горизонтом». Он занимает большую часть основания кургана, его типичная толщина, 40—60 см, убывает в направлении периферии, однако (см. рис. 2) местами отсутствует в центральной части кургана.

ТАБЛИЦА 4. СОДЕРЖАНИЕ ИОНОВ И ПРОВОДИМОСТЬ НАСЫЩЕННОГО ПОЧВЕННОГО РАСТВОРА «РАБОЧЕГО ГОРИЗОНТА» ПО СРАВНЕНИЮ С ЧЕРНОЗЕМОМ И С НАСЫПНЫМ МАТЕРИАЛОМ КУРГАНА, МГ-ЭКВ/Л

Номер пробы (Се'81)	Проводимость	Na	K	Mg	Ca	Σ	SO_4	Cl
(76) желто-серая земля над полосатым слоем	9×10^{-3}	15,65	0,41	22,20	42,66	80,92	9,93	11,68
(74) полосатый слой, желто-серая полоса	$9,6 \times 10^{-3}$	20,43	0,92	28,78	53,14	103,27	10,80	15,67
(72) то же, черная полоса	$9,4 \times 10^{-3}$	20,43	0,69	25,49	44,66	91,27	9,86	14,80
(71) серо-желтая	$6,0 \times 10^{-3}$	4,26	0,59	16,04	36,18	57,07	8,46	1,45
(70) серая	12×10^{-3}	25,22	0,97	35,95	62,12	124,26	14,35	19,85
(67) черная	12×10^{-3}	25,65	0,89	34,95	60,88	122,37	16,37	20,38
(66) серая	9×10^{-3}	23,04	0,56	27,14	45,91	96,65	13,88	15,11
(63) серая	10×10^{-3}	21,96	0,72	30,84	51,90	105,42	12,14	17,77
(62) чернозем под полосатым слоем	11×10^{-3}	26,52	0,43	32,89	56,64	115,48	17,92	20,41
(31а) старая поверхность-чернозем	10×10^{-3}	22,39	0,56	32,07	56,64	111,66	12,01	18,19
(86) дерновый слой	$8,2 \times 10^{-3}$	18,91	0,59	27,96	49,90	97,36	12,36	15,61
(47) «клиновый материал»	$9,5 \times 10^{-3}$	15,21	0,61	30,84	66,12	112,78	11,71	15,25
Смешанная проба современного А-горизонта	—	0,27	3,35	1,64	21,2	26,16	3,19	35,46
n=7								

В выемке раскопок «базисный горизонт» виден как последовательность тонких, явно отличающихся по цвету слоев, число которых может достигать 20. Полевые наблюдения позволяют сделать вывод, что в таком пакете слоев могут находиться и слои с желтым материалом лесса. Кроме того, тонкие слои могут иметь в составе древесный уголь.

Вопрос о назначении «базисного горизонта» является спорным. Предположение, что он служил для обеспечения защиты от климатического воздействия отпадает, если учесть гидрологические свойства кургана.

Для наших исследований из профиля «рабочего горизонта» (см. рис. 3) было взято 14 проб, а также из других мест. Данные анализов приведены в табл. 4.

Полученные цветовые значения не выявляют существенных отличий материала по сравнению с раскопанным А-горизонтом чернозема. Поэтому наблюдаемая на местности тонкослойная смена, как и при визуальном различии, между «дерновым материалом» и «клиновым материалом» основывается, по всей вероятности, опять-таки на раз-

личиях в микроструктуре. Плотность соответствует таковой погребенного чернозема, различие наблюдается только между слоями.

В отдельных слоях под микроскопом обнаружены незначительные примеси желтого лесового материала из подпочвы чернозема. Однако их количества недостаточно для изменения почвенных констант черноземного материала А-горизонта, образующего, очевидно, основную массу грунта базисного горизонта.

В некоторых случаях при определении цветовых характеристик отклонения в так называемых оценках, т. е. отношении черно-белого смешения, позволяет предположить, что цветовые различия вызваны примесью золы. До 80 % золы растительного происхождения может быть растворено в воде. Ее сохранение в грунте возможно лишь, как и постулировалось выше, при гидрологической изолированности кургана, т. е. непроницаемости для осадков.

Для выяснения вопроса о последовательности слоев «базисного горизонта» (для сравнения) на пробах дерновых

и креписных слоев, а также на пробах А-горизонта погребенного чернозема и лежащего вне кургана чернозема был проведен анализ так называемого насыщенного почвенного раствора, т. е. насыщенной почвенной вытяжки грунта (табл. 4).

Значения электропроводности и состав катионов в растворе настолько совпадают (за исключением двух случаев: пробы 71 (рис. 3) и А-горизонт нынешнего чернозема), что не обнаруживается в этом отношении никакого различия между материалом А-горизонта погребенного чернозема и различными слоями соответствующего строительного материала кургана.

Заметим, что пробы 71 имеет слишком низкое содержание ионов хлора и натрия. Рассматривая все пробы, можно исходить из того, что имевшиеся во время сооружения кургана в черноземе растворимые соли были ими законсервированы. Проба 71, взятая из промежутка между слоями 72 и 70, содержит резко отличающиеся включения. Это указывает на то, что курган не проницаем для просачивающейся воды, вследствие чего не происходит переноса раствора. Диффузный ионный обмен кажется тоже недостаточным, чтобы выравнять существующее большое различие в ионном составе слоев 70—72.

Современный А-горизонт чернозема вне кургана содержит меньшее количество Na и более высокое — K, меньшее количество Mg и более высокое — Ca при сильном преобладании Cl и одновременно более низких концентрациях растворимых солей, чем пробы в кургане.

В случае с Cl это можно объяснить повышенным внесением его из атмосферы по сравнению с прошлым, более низкое содержание сульфата — тем, что А-горизонт свободно лежащего чернозема развился из смесенного, менее богатого сульфатом материала С-горизонта. То же самое можно сказать и в отношении различий в составе катионов. В содержащем кальций А-горизонте свободно лежащего чернозема

карбонатный Ca вытеснил Na и Mg. Что касается K, то здесь эффективны глинистые резервы калия.

Свободная от Ca пробы 71 происходит из слоя, в грунте которого при возведении кургана произошло (по всей вероятности, после вымывания водой) общее обеднение растворимыми солями, в первую очередь NaCl. Это могло произойти уже в результате вымывания самых первых сантиметров А-горизонта чернозема или «базисного горизонта», который в качестве слоя 71 временно служил поверхностью.

Вопрос о возможных примесях золы в грунте «базисного горизонта» остается открытым. Каких-либо изменений природного состава ионов солей в почве не обнаружено. По крайней мере, в исследованном месте примесей золы быть не может, об этом говорят небольшие кусочки найденного угля растительного происхождения.

4. ВЫВОДЫ

Результаты анализа земляного материала кургана однозначно говорят о том, что он без сортировки был взят из слоя чернозема толщиной 20—30 см под курганом и вблизи него.

Из каких именно районов взят материал для строительства кургана, на основании проведенного исследования проб нельзя ответить, поскольку большие площади вокруг кургана покрыты лесом и черноземом с идентичными свойствами и место выемки грунта могло быть как рядом с курганом, так и на значительном удалении от него.

Не верна и гипотеза о том, что из чернозема нельзя получить дерн, который был бы достаточно прочным, чтобы уложить его в курган, и что для этого дерновые пластины приходилось доставлять из удаленных влажных районов. Уложенные пластами дерновые пластины происходят из сухого, типичного для данного района чернозема. На наш взгляд, они недостаточно прочны, чтобы выдержать сопровождающуюся тряской длительную перевозку.

Сопоставление профилей чернозема из-под кургана и из окрестностей показывает, что находящийся вне кургана профиль грунта до глубины 25–30 см был лишен дернового слоя. Да, грунт брали здесь, причем, по мнению археологов, ведущих раскопки, в первую очередь для возведения окружающих Чертомлык курганов бронзового века. Однако, по всей вероятности, необходимо учитывать и то, что должны были быть обнаружены необходимые при значительном объеме кургана большие площади выемки грунта — 1 га давал примерно от 2000 до 2500 м³ грунта, т. е. 2600–3000 т. Для этого можно было бы использовать аэрофотосъемку или рисунки с искусственной окраской, или инфракрасную съемку со спутника, потому что тепловой и водный баланс площадей выемки, по-видимому, значительно отличаются от соответствующего баланса неснятого чернозема, даже если они сейчас представляют собой пахотные земли. Для строительства кургана понадобилось около 70 000 м³ грунта. Если исходить из того, что глубина выемки составляла около 20 см, то это значит, что для возведения кургана был вынут грунт на площади около 35 га.

Что касается земляной архитектуры, то результаты анализов подтверждают основывающееся на макроморфологических результатах утверждение о том, что основная масса кургана сложена из дерновых пластин, снятых с верхнего участка А-горизонта степного чернозема, который в ископаемом виде сохранился под курганом. Пока нельзя сказать что-либо определенное о том, как именно уложены эти дерновые пластины по всему периметру кургана. Зато конусообразные пластины клинообразного вида при радиальном разрезе кургана состоят из грунта того же происхождения, но который, предположительно с целью увеличения жесткости земляного сооружения, был укреплен, возможно, трамбованием или утаптыванием во влажном состоянии,

но без уплотнения. Лиць верхние пласти эти слоев немного уплотнены под давлением уложенных над ними дерновых пластин.

Крайне незначительна в исследованных материалах доля мелко распределенных антропогенных примесей угля и золы, если исключить пласти из камня и гальки в крепиде.

Берг, 1958; 1959 — Berg L. S. Die geographischen Zonen der Sowjetunion. — Leipzig. — 1958. — Bd 1; 1959. — Bd 2.

Бронгер, 1977 — Bronger A. Klimasquenzen von Steppenböden aus Osteuropa und den USA unter besonderer Berücksichtigung der Genese des «argillic horizon» // Mitt. dt. Bodenkundl. Ges. — 1977. — 25; 2. — S. — 559—569.

Вальтер, 1943 — Walter H. Die Vegetation Osteuropas. — Berlin, 1943.

Вальтер, 1960 — Walter H. Einführung in die Phytologie. — Stuttgart, 1960. — Bd 3, T. 1.

Вальтер, 1974 — Walter H. Die Vegetation Osteuropas, Nord — und Zentralasiens. — Stuttgart, 1974.

Вальтер, 1984 — Walter H. Vegetation und Klimazonen. — Stuttgart, 1984.

Вернер, 1983 — Werner J. Über das Vorkommen phytogener Opalkörper im Boden und ihre bodengenetische Bedeutung // Z. Dt. Geol. Ges. — 1993. — 115. — S. 123—130.

Гансен, 1972 — Ganssen A. Bodengeographie. — Stuttgart, 1972.

Гансен, Хёдрих, 1965 — Ganssen A., Hädrich F. Atlas zur Bodenkunde. — Mannheim, 1965.

Золотун, 1974 — Zolothun V. P. Origin of Loess Deposits in the Southern Part of the Ukraine // Soviet Soil Science. — 1974. — 6; 1. — Р. 1—12.

Крупский, Полупан, 1979 — Крупский Н. К., Полупан Н. Н. Атлас почв Украинской ССР. — Киев, 1979.

Мансел, 1975 — Munsell. Soil color charts. — Baltimore, 1965.

Петерс, 1968 — Peters I. Opalphytoithe — ihre Brauchbarkeit und Verwendungsmöglichkeiten als pflanzliche Mikrofossilien Paläonotographica. — 1968. — Abt. B, 123, 243—256.

Ролле, 1980 — Rolle R. Die Welt der Skythen. — Luzern — Frankfurt/m. — 1980.

Фреде, Мейер, 1983 — Frede H. G., Meyer B. Bestimmung der Dichte von Boden — Aggregaten durch Messung des Aufriefs // Zeitchr. Pflanzenern., Düngung. Bodenk. — 1983. — 146. — S. 365—368.

Шлихтинг, Блюме, 1966 — Schlichting E., Blume H. P. Bodenkundliches Prakticum. — Hamburg — Berlin, 1966.

Приложение 3

М. КЛАММ

ИССЛЕДОВАНИЕ ОПАЛОВЫХ ФИТОЛИТОВ, НАЙДЕННЫХ В КУРГАНЕ ЧЕРТОМЛЫК

1. Введение и постановка проблемы

Фитолиты — это маленькие, состоящие из кремневой кислоты тельца различной формы: продолговатой или более круглой, которые заложены в растениях, главным образом в наземных частях трав. Их размеры колеблются приблизительно между 12 и 300 мкм. Округлые, овальные или прямоугольно-продолговатые фитолиты в диапазоне размерами от 12 до 60 мкм. Длинные, тонкие в форме палочек фитолиты достигают в длину до 300 мкм.

Фитолиты в почве — зачастую единственные свидетельства прошлой вегетации, так как обладают чрезвычайно высокой стойкостью к выветриванию. Практически их можно встретить во всех современных и ископаемых почвах. Так как фитолиты после исчезновения растения откладывются прямо у места его произрастания, а не разносятся на далекие расстояния ветром, как пыльца, то они непосредственно отражают характер прежнего растительного покрова.

Результаты исследования фитолитов находят применение в различных отраслях знания, таких, как геология, ботаника, помогая обнаруживать, например, окаменелые А-горизонты в лесовых профилях [Дормаар, Лютвик, 1969].

Изучение фитолитов проводилось при исследовании образцов почвы из скифского кургана Чертомлык *. При этом обнаружилось, что образцы почвы из А-горизонта чернозема под курганом и из насыпи кургана содержали мно-

гочисленные фитолиты, которые очень хорошо сохранились. Наиболее высокое содержание фитолитов отмечено в образцах, взятых с древней поверхности. Кроме того, здесь же, а также на некоторых участках курганной насыпи были найдены крохотные остатки растений и взяты образцы почвы с этими остатками. Первое исследование под поляризационным микроскопом показало, что эти образцы содержали многочисленные фитолиты.

Чтобы сделать вывод о характере прошлой растительности, распространенной во времена возведения кургана, исследовались только фитолиты, так как остальные растительные остатки не сохранились **.

Необходимо было выяснить, в какой растительной зоне возник курган, и проверить, дадут ли растительные остатки в насыпи кургана сведения о происхождении строительного материала — взята ли почва из сухого, плакорного участка или из влажной поймы. Предполагалось также получить данные о времени сооружения кургана.

Курган Чертомлык находился в степной зоне Украины. Растительный покров этой зоны характеризуется пре-

* Русский сокращенный вариант статьи подготовлен под редакцией кандидата биологических наук Г. А. Пашкевич. Полный текст работы хранится в Научном архиве Института археологии АН УССР (фонд научных работ, № 700).

** Растительные остатки из-за гниения так сильно макерированы, что остался лишь оставок окремневших фитолитов.

обладанием дернистых злаков и гемикриптофитов в местах выхода кристаллических пород, а также спорадически, степных кустарников из семейства Fabaceae и Rosaceae. Растительность степей детально охарактеризована во многих публикациях как регионального, так и обобщающего значения [Пачоский, 1917; Лавренко, 1956; Берг, 1947; Осичнюк, 1973; Шеляг-Сосонко и др., 1982].

Территория кургана относится к подзоне разнотравно-типчаково-ковыльных степей [Геоботаническое районование...].

Наиболее значимым компонентом степных фитоценозов здесь, на плакорах, являются дернистые злаки родов *Festuca* и *Stipa*. Проективное покрытие их к югу относительно повышается, соответственно к северу степной зоны повышается роль разнотравья.

2. Исследование фитолитов из кургана Чертомлык

Исследовались растительные остатки из древней поверхности, а также из нескольких слоев курганной насыпи, для чего были взяты образцы почв, содержащие большое количество фитолитов. Из-за малых размеров растительных остатковказалось невозможным провести микроскопический анализ. Определения фитолитов позволили получить сведения о времени возведения кургана и происхождении строительного материала.

Для сравнения исследован не подвергшийся рассмотрению образец, содержащий растительные остатки, которые не видны невооруженным глазом. Этот образец не подвергался каким-либо анализам: на содержание гумуса, известия и железа, определению гранулометрии. Оказалось, что в таких образцах содержатся многочисленные растительные остатки, в которых можно определить точное положение и порядок фитолитов, в то время как в образцах, подвергнутых гранулометрическому анализу, отмечались лишь единичные фитолиты. Поэтому оказалось целесообразным сконцентрироваться на образцах, не подвергшихся такому анализу. Исследование проводилось главным образом на образцах, взятых в 1981 г.; сохранившиеся в них растительные остатки сравнивались с современными злаками.

Эксперимент заключается в следующем. На предметное стекло наносится

капля иммерсии из смеси фталевой кислоты и коричного альдегида. В нее всыпают несколько частиц образца почвы и накрывают предметным стеклом. Благодаря показателю преломления, равному 1,541, фитолиты кажутся очень светлыми и легко распознаются. Препараторы затем рассматриваются под поляризационным микроскопом и фотографируются камерой, находящейся в микроскопе.

Для сопоставления ископаемого материала проведено сухое озоление современных растительных остатков. Для этого образцы выдерживались в муфельной печи 2,5—3 ч при температуре 350°. При этом не отмечено никаких изменений фитолитов.

После озоления препараты современных злаков обрабатывались, как и образцы древней почвы, на предметном стекле и фотографировались камерой с поляризационным микроскопом. Затем изображения фитолитов современных злаков сравнивались с фитолитами из образцов почвы.

Остановимся кратко на расположении фитолитов в тканях [Тролл, 1973; Денффер и др., 1983; Эсау, 1969; Меткалф, 1960].

Фитолиты находятся преимущественно в эпидермисе, который состоит из одного слоя клеток и покрывает поверхность растения сплошным слоем. Его функции — защита растений и «контроль» за газо- и водообменом,

осуществляемым через устьица, хорошо видимые под микроскопом.

Хотя по этой проблеме еще нет основательных исследований, похоже, что оболочки клеток эпидермиса содержат кремневую кислоту, так как слои эпидермиса после озления хорошо сохраняются и легко распознаются.

Еще лучше сохраняются находящиеся в эпидермисе тельца кремневой кислоты (фитолиты) округлой или продолговатой формы. Эпидермис, покрывающий всю поверхность, неоднороден, так как чередуются зоны различающихся по форме клеток. Так, в области узла соломины эпидермис совсем иной, чем на других ее участках [Прат, 1932]. На листьях злаков выделяются различные зоны, которые названы зонами жилок и зонами, расположеными между жилками [Меткальфе, 1960]. В английском языке для этого употребляются обозначения *costal zones* (реберные зоны) и *intercostal zones* (межреберные зоны). Клетки эпидермиса в процессе развития злаков изменяют свою форму. Молодые клетки нечетких контуров и тельца кремневой кислоты в них еще неясно выражены. Зрелые клетки имеют специфическую форму и четко выраженные тельца кремневой кислоты.

Структура эпидермиса и расположение фитолитов достаточно своеобразны для каждого вида злаков, поэтому на основании эпидермиса можно квалифицировать злаки по группам [Прат, 1932; 1936; Нетолицкий, 1929; Бреквэлл, 1914; Браун, 1958; Бурр, Тернер, 1933; Кулон, 1923; Гроб, 1986; Хоранский, 1954; Леутон-Брейн, 1904; Лохауз, 1905; Мазоуэр, 1936; Меткальф, 1960; Пи-Лаби, 1898; Потстал, 1951].

Фитолиты наиболее часто фиксируются в тех образцах почвы, которые содержали найденные при раскопках растительные остатки.

Анализ почвенного состава показал, что в кургане не было процессов переноса. Растительные остатки в самом кургане и на древней поверхности под курганом откладывались во время

строительства и с тех пор больше не перемещались. Почловедческие исследования показали, что фильтрационная вода не проникала в тело насыпи более чем на несколько дециметров. Отсюда можно сделать вывод, что современный растительный материал не проник в курган вместе с просочившейся водой. Итак, растительные остатки являются представителями растительности времен сооружения кургана.

В качестве сравнительного материала исследовались 39 различных злаков, которые были взяты из Нового ботанического сада Геттингенского университета. Приводим список исследованных злаков и их фитолитов: *Agrostis gyppestris*, *A. stolonifera*, *A. tenuis*, *Alopecurus aequalis*, *A. arundinaceus*, *A. pratensis*, *Arrhenatherum elatius*, *Avenochloa pratensis*, *Brachypodium pinnatum*, *Bromus electus*, *Br. squarrosum*, *Carex caryophyllea*, *C. humilis*, *C. ornithopoda*, *Chrysopogon gryllus*, *Deschampsia caespitosa*, *Festuca arundinacea*, *F. cinerea*, *F. gigantea*, *F. ovina*, *F. rubra*, *F. rupicola*, *F. valesiaca*, *Hierochloe australis*, *Lolium perenne*, *Melica altissima*, *M. nutans*, *Nardus stricta*, *Phleum phleoides*, *Pipatherum virescens*, *Poa bulbosa*, *P. pratensis*, *P. trivialis*, *Stipa capillata*, *St. ioannis*, *St. pennata*, *St. lessingiana*, *St. pulcherrima*, *St. tirsia*, *Trisetum flavescentes*.

Таким образом, растительные остатки показывают, что во время возведения кургана была распространена степная растительность, какая могла быть и сегодня, если бы человек не превратил этот район Украины в сельскохозяйственные угодья. Точное определение видов и их упорядочение в настоящее время нево возможно, но дальнейшие исследования могут решить эту проблему.

Изучение фитолитов выявило, что и в древней поверхности, и в насыпи кургана находятся одинаковые растительные остатки. Они могли попасть в насыпь во время сооружения кургана вместе со строительным материалом.

Это позволяет сделать вывод о том, что грунт для строительства взят на участках, которые имели одинаковую растительность с древней подкурганной поверхностью.

В многочисленных образцах под микроскопом обнаружены кусочки растительного угля. Возможно, это следы выжигания мешающей сооружению кургана растительности, произведенного перед началом работ.

Х. Прат [1932] показал, что с ростом злаков слой эпидермиса изменяется, и именно в том отношении, что возрастают дифференциация и более четкое выражение овальных, расплывчатых форм клеток — до сильно очерченной оболочки клеток и четких форм фитолитов. Сопоставление с фитолитами современных злаков показало, что ископаемые материалы имеют четкую форму клеток. Это свидетельствует о том, что злаки во времени сооружения кургана были зрелыми. Таким образом, возводился курган поздним летом, когда степь отцевела, а злаки достигли зрелости.

Таким образом, поскольку растительные остатки в образцах из насыпи кургана и с древней поверхности под ним аналогичны, можно считать, что основным строительным материалом служил дерн, снятый непосредственно с древней дневной поверхности на месте будущего кургана и возле него.

Берг, 1947 — Берг Л. С. Географические зоны Советского Союза. — М., 1947.

Браун, 1958 — Brown W. N. Leaf anatomy in grass systematics // Botanical Gazette. — 119. — 1958.

Бреквелл, 1914 — Breakwell E. A study of the leaf anatomy of some native species of the genus *Andropogon* // N. O. Gramineae Proc. Linn. Soc. — N. S. W. — 1914. — 39. — P. 385—394.

Бурр, Тернер, 1933 — Burr S. M., Turner D. M. British economic grasses: their identification by the leaf anatomy. — London, 1933.

Кулон, 1923 — Coulon J. de. *Nardus stricta*: étude physiologique, anatomique et embryologique // Mem. Soc. vand. Sci. nat. — 1923. — 6. — S. 247—332.

Денффер и др., 1983 — Denffer D., Schumacher W., Mägdefrau K., Ehrendorfer F. Lehrbuch der Botanik für Hochschulen (Strasburger) 32. Aufl. — Stuttgart, New York, 1983.

Дормаар, Лютвик, 1969 — Dormaar J. F., Lutwick E. Infrared spectra of humic acids and opal phytoliths as indicators of paleosols // Canadian Journal of soil Science. — 1969. — 49. — P. 29—37.

Геоботанические районування.., 1977 — Геоботанические районування Української РСР. — К. : Наук. думка, 1977.

Гроб, 1986 — Grob A. Beiträge zur Anatomie der Epidermis der Gramineenblätter // Bibl. bot. — 1896. — 7, H. 36. — S. 1—107.

Хоранский, 1954 — Horánszky A. Die Kenntnis der Festuca — Arten auf Grund der Blattepidermis // Acta Bot. Acad. Sci. Hungaricae. — 1954. — 1, 1/2. — S. 61—87.

Лавренко, 1956 — Лавренко Е. М. Степи и сельскохозяйственные земли на месте степей // Раствительный покров СССР. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 2.

Летон-Брайн, 1904 — Lewton — Brain L. On the anatomy of the leaves of British Grasses // Trans. Linn. Soc. Lond. Bot. Ser. — 1904. — 2; 6. — P. 315—359.

Лохауз, 1905 — Lohauss K. Der anatomische Bau der Laubblätter der Festucaceen und Bedeutung für die Systematik // Bibl. bot. — 1905. — 13, H. 63. — 114 p.

Мазоэр, 1936 — Mazoyer G. Morphologie et anatomie foliares des *Stipa* de l'Afrique du Nord // Bull. Soc. bot. Hist. nat. — Afr. N., 27. — 1936. — S. 284—318.

Меткальф, 1960 — Metcalfe G. R. Anatomy of the Monocotyledons, Vol. 1 // Gramineae — Oxford. — 1960. — FA 1959 (UB).

Нетолицкий, 1929 — Netolitzky F. Die Kieselkörper im : Linsbauers Handbuch der Pflanzenanatomie III/1a. — Berlin, 1929. — S. 1—29.

Осичнюк, 1977 — Осичнюк В. В. Зміни рослинного покриву степу // Рослинність УРСР. Степи, кам'яні відслонення, піски. — К. : Наук. думка, 1973.

Пачоский, 1917 — Пачосский И. К. Описание растительности Херсонской губернии. Вып. 2 (Степи). — Херсон, 1917.

Пи-Лаби, 1898 — Pee-Laby E. Étude anatomique de la feuille des Graminées de la France // Ann. Sci. nat. Bot. Ser. 8, 1898. — P. 227—346.

Потсталь, 1951 — Potztal E. Anatomisch — systematische Untersuchungen an den Gattungen *Arrhenatherum* und *Helictotrichon* // Bot. Jb. — 75. — 1951, 3. — P. 321—332.

Прат, 1932 — Prat H. L'Epiderme des Graminées. Étude anatomique et systématique // Ann. Sci. nat. Bot. Ser. 10, 14. — 1932. — P. 117—324.

Эсай, 1969 — Esau K. Pflanzenanatomie. — Stuttgart, 1969.

Приложение 4

М. И. ИЕВЛЕВ

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В РАЙОНЕ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ В IV в. до н. э.

Район, где расположен курган Чертомлык, находится в непосредственной близости от Днепровской долины, образовавшей Каменский Под, в древности называвшийся Великим Лугом. Он представляет собой водораздельную возвышенность между реками Чертомлык, Соленая и Базавлук, на самой высокой точке которой и находится курган Чертомлык. Из описания места расположения кургана, составленного его первым исследователем Забелиным, известно, что «могила эта по своей величине принадлежит к самым огромным курганам, какие только известны в тамошних местах... она насыпана на возвышенной, но весьма ровной местности, перерезанной во многих направлениях более или менее глубокими балками и речками, которые по большей своей части получают свое начало неподалеку от могилы и расходятся в разные стороны. ...С могилы во все стороны открываются далекие виды и ровная степь к западу. К югу виднелись плавни, т. е. пойменные Днепровские леса» [ДГС, с. 74, 75]. Благодаря такому расположению, а также сильно развитой балочной системе курган Чертомлык находился как бы на обособленном от остального степного пространства степном островке, возвышавшемся над днепровскими плавнями и пойменными лесами. Леса в древности занимали значительно большие площади в этом районе, что подтверждается описаниями растительности, относящимися к периоду его

освоения в XVII—XVIII вв., а также результатами палеоботанических исследований. В древности они располагались не только на территории поймы Днепра, но и по пойменным долинам его притоков: Базавлуку, Соленой, Чертомлыку и впадающим в них балкам. В настоящее время эти лесные массивы почти полностью уничтожены в результате хозяйственной деятельности, последние участки пойменных лесов существовали в долине р. Базавлук в первой половине XX в. [Кириков, 1983, с. 48]. По балкам, расположенным в непосредственной близости от кургана Чертомлык, до настоящего времени сохранились заросли терновника, шиповника и некоторые другие виды кустарников, встречающиеся ранее в пойменных лесах этого района, а также отдельные деревья дикорастущих груш и яблонь. Долины рек и балок глубоко врезаны в материковые породы и имеют крутые склоны со скальными выходами докембрийских пород в некоторых местах, которые послужили материалом для строительства крепиды кургана Чертомлык и курганов, находящихся на этом же возвышенном участке. По своим размерам и расположению кургана Чертомлык, несомненно, является главенствующим во всей курганной группе, расположенной на этом водораздельном пространстве, которое четко отграничиваются от всего остального степного региона реками Днепром, Базавлуком, Соленою, Чертомлыком, а со стороны степных районов и с северо-

запада — целой системой глубоких балок. Благодаря тому, что курган Чертомлык занимает наиболее высокую точку в районе, с его вершины хорошо просматривалась вся округа на расстоянии до 40 км. Так, с него хорошо были видны наиболее крупные скифские курганы этого региона, такие, как курганская группа урочища Мамай Гора на левом берегу Днепра, на востоке, 18-метровый курган Нечаева могила, а также Орлова Могила в 42 км на северо-запад.

В месте соединения этого района со степными пространствами между двух балок, одна из которых впадает в р. Соленую, а другая в р. Чертомлык, находились два кургана средней величины, от которых до кургана Чертомлык проходила дорога, «проложенная в несколько рядов камнем» [ДГС, с. 77]. Из-за особенностей рельефа эта небольшая перемычка между балками являлась единственной удобной дорогой к кургану Чертомлык и остальным курганам, расположенным в этом районе. С других сторон подход к нему был в значительной степени затруднен балками и реками, видимо, имевшими постоянные источники, крутые берега которых покрывали густые пойменные или байрачные леса и кустарники. Именно благодаря удобному географическому расположению этот район был выбран для сооружения одного из крупнейших скифских царских курганов.

Рассматривая развитие взаимоотношений природы и общества на материалах Северного Причерноморья XV—IV вв. до н. э., мы воочию убедились, что природная среда имела определяющее значение в хозяйственной деятельности этого региона, а следовательно, и в развитии исторических судеб его населения на всем протяжении интересующего нас периода.

Одним из наиболее характерных показателей глобальных изменений такого важного ландшафтообразующего фактора, как климат, являются колебания уровня Мирового океана, которые особенно четко прослеживаются

во внутренних морях, где отсутствуют разрушительные прибои [Веклич, 1987, с. 161, 162]. Повышение уровня Мирового океана указывает на более теплый, а понижение — на более холодный климат. При этом необходимо учитывать тот факт, что аридность климата возрастает к концу холодного или жаркого периода [Квасов, 1975, с. 23—27], а на начальных или конечных фазах развития характеризуется его повышенной влажностью из-за увеличения массы воды, вовлеченной в процесс влагообмена. Поэтому колебания уровня Черного моря на протяжении II—I тыс. до н. э. отражают наиболее общие направления и тенденции изменения и развития некоторых из основных ландшафтообразующих факторов (климата и гидрологии) на территории прилегающих к нему Северопричерноморских степей. Рассматривая колебания Черного моря в интересующее нас время, необходимо отметить, что к середине II тыс. до н. э. оканчивается новочерноморская трансгрессия и начинается финикийская регрессия, сопровождавшаяся падением уровня воды в нем [Шилик, 1980, с. 56, 70], вызванным наметившимся общим похолоданием климата и, вследствие этого, концентрацией влаги в ледниках. Начальная фаза этого периода характеризуется установлением влажного климата, существовавшего на протяжении XV—XIII вв. до н. э. Дальнейшее похолодание привело к уменьшению влажности и образованию ландшафтов так называемых холодных степей, большей континентальности и засушливости климата во всем Северопричерноморском регионе в XIII—XII вв. до н. э.

Именно в период с XV по XIII в. до н. э., в момент существования благоприятных климатических условий, племена степных районов Северного Причерноморья переживали период экономического подъема [Отрощенко, 1987]. Их поселения располагались в различных топографических условиях, в том числе в долинах ныне пересохших рек и впадающих в них балок, что свиде-

тельствует о более значительном увлажнении этой территории в настоящее время.

С конца XIII в. до н. э. на территории Европы начинается общее похолодание [Лосев, 1985, с. 110], продолжавшееся до VII в. до н. э. и закончившееся в V в. до н. э. [Борисов, 1975]. Устанавливается эпоха пониженной увлажненности, которая просуществовала с XII до VII в. до н. э. [Бучинский, 1963, с. 59]. Подтверждает это ксеротермическая депрессия на территории Северного Причерноморья, которая началась в конце XIII — начале XII, а закончилась в VII в. до н. э. [Золотун, Кухеев, 1984, с. 249]. Согласно имеющимся в настоящий момент данным, линия границы между степной и лесостепной зонами проходила несколько севернее [Веклич, 1987, с. 162], природные зоны в районе Северного Причерноморья были сдвинуты на подзону к северу [там же, с. 161, 162]. Аналогичные природные процессы происходили на территории казахских степей. На рубеже II—I тыс. до н. э. в этом регионе устанавливается более сухой и континентальный климат, приведший к смешению природных зон почти на 200 км к северу, т. е. практически на одну зону [Хабдулина, Зданович, 1984, с. 145]. На территории Араво-Каспийских степей вплоть до IV—V вв. до н. э. устанавливается очень сухой, засушливый климат, Каспийское море, как и Черное, переживает регрессию [Варушенко, Клигге, с. 112, рис. 20]. В результате глобальных климатических изменений регионы Черноморского, Средиземноморского бассейнов охватывает общий природный кризис. Степень влияния изменений природной обстановки на население этих регионов была различной и в первую очередь зависела от уровня социально-экономического развития населения конкретных районов и их географического положения. Вызвав уменьшение населения и кризис хозяйства в Греции, Египте и других развитых государственных объединениях

Средиземноморья [Сэндерс, 1978], находящихся в более благоприятных природных районах, климатические изменения привели к полной невозможности ведения хозяйства слабо развитых в социально-экономическом плане племен Северного Причерноморья и Араво-Каспийских степей. И если население Средиземноморских государств, стоявших на достаточно высоком уровне развития, могло приспособиться к новым природным условиям, то население Северопричерноморских степей вынуждено было в своей основной массе покинуть занимаемые ими территории и переместиться в районы с более благоприятными природными условиями.

На протяжении X — середины VII в. до н. э. территория Северопричерноморских степей остается слабозаселенной и почти полностью обезлюдевшей в более неблагоприятный период — VIII — начало VII в. до н. э. [Артамонов, 1974]. Такая же ситуация складывается и в Прикаспийских степях, которые приблизительно с XI по V в. до н. э. также остаются слабозаселенными [Варушенко, Варуменко, Клигге, 1987, с. 85].

Климатические условия на территории Северного Причерноморья начинают меняться в VII в. до н. э. К этому времени заканчивается эпоха пониженной увлажненности [Бучинский, 1963, с. 59], прекращается опускание уровня Черного моря [Шилик, 1976, с. 80], климат стабилизируется — становится менее континентальным. Улучшение климатических условий происходит, по-видимому, сначала в прибрежной и лесостепной зонах Северного Причерноморья, а затем постепенно распространяется на всю территорию региона.

В конце VII в. до н. э. скифские племена проникают в Северное Причерноморье, причем в первую очередь в лесостепные районы. В это же время прибрежные территории осваиваются греческими колонистами [Крыжицкий, Отрешко, 1986]. В регионе Аравско-Каспийских степей в VI—V вв. до н. э.

происходят коренные изменения природных условий [Хабдулина, Зданович, 1984, с. 145] — увеличивается количество осадков, ослабевает континентальность климата.

Дальнейшее потепление климата при сохранении тенденции к увеличению влажности [Адаменко и др., 1982, с. 28] создало благоприятные условия для освоения степных районов Северного Причерноморья, население которых в V в. до н. э. увеличивается [Мурzin, 1986, с. 9]. Об улучшении общей природной (климатической) обстановки в регионе свидетельствует увеличение процесса увлажнения, особенно интенсивно развивавшегося в V—IV вв. до н. э. Сохранение таких благоприятных условий, несомненно, было одной из причин, повлиявшей на перемещение центра Скифии в Нижнее Поднепровье [Мурzin, 1986, с. 9]. Степной Крым во второй половине V в. до н. э., и способствовавшей расцвету, который переживала Степная Скифия [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 112]. На Нижнем Днепре возникают скифские городища и поселения, такие, как Каменское городище, Первомаевка II, Чerenка, Лысая Гора и др. В IV—V вв. до н. э. зарождается и формируется земледелие как вспомогательный хозяйствственный комплекс. Чисто кочевое хозяйство в районе Днепра трансформируется в полукочевое, увеличивается количество крупного рогатого скота [Абикулова и др., 1987, с. 110]. Возникает Елизаветовское городище на Нижнем Дону [Марченко, 1974], осваиваются ранее незаселенные земли в разных регионах Северного Причерноморья. Так, с рубежа V по III в. до н. э. Херсонес осваивает территорию Северо-Западного Крыма [Щеглов, 1978, с. 35—37], значительно расширяется освоение земель на территории Боспора, где в III в. до н. э. количество поселений достигает 233 [Кругликова, 1975, с. 249].

Расширяет свои территориальные владения и Ольвийское государство, переживавшее период своего наивысшего

расцвета в V—III вв. до н. э. [Крыжицкий, Отрешко, 1986].

К IV в. до н. э. Скифское государство достигает вершины своего политического и экономического могущества, которое совпадает с установившимся климатическим оптимумом. Таким образом, можно вполне определенно утверждать, что именно природный фактор был если не определяющим, то, во всяком случае, одним из определяющих, способствовавших расцвету Скифского государства в IV в. до н. э. Именно в это время сооружается наибольшее количество самых значительных по своим размерам скифских «царских» курганов. При рассмотрении их расположения можно сразу отметить, что из 22 исследованных курганов, время сооружения которых относится к IV в. до н. э. [Черненко, Мурzin, 1982], 18 располагаются достаточно компактно в одном из районов территории Северопричерноморских степей. Они находятся несколько выше древней дельты Днепра, в районе г. Каховка, а затем поднимаются по левому берегу Днепра, занимая территорию, находящуюся в непосредственной близости от днепровской пойменной долины или вблизи долин днепровских притоков и крупных балок. Несколько ниже современного Никополя курганы переходят на правый берег Днепра с той же тенденцией распространения. Остальные четыре кургана, хотя и находятся на достаточно большом расстоянии, тем не менее располагаются в местах, близких по своим природным характеристикам: три — вблизи устьев или дельт степных рек, а последний — на территории Керченского п-ова, относящегося к области «Керченской холмистой степи». Таким образом, все известные к настоящему времени скифские «царские» курганы располагаются в степной зоне. Поскольку нас интересует только район расположения кургана Чертомлык и прилегающие к нему области, необходимо рассмотреть палеогеографическую обстановку именно этого района, тем более что на данной

территории располагаются 18 из 22 курганов.

Эта группа в свою очередь, делится на две, по географическому положению курганов. Восемь из них, в том числе и курган Чертомлык, располагаются на правом берегу Днепра, а девять — на левом. При определении их ландшафтных характеристик, необходимо отметить, что правобережная группа курганов находилась в северо-степной подзоне, а левобережные — в среднестепной подзоне степной зоны. Правобережная курганская группа расположена в юго-восточной части ландшафтной области — «степные отроги Приднепровской равнины северо-степной подзоны степной зоны УССР»; левобережные курганы — в западной части ландшафтной области (провинции) — «Днепровско-Молочанская низменная степь среднестепной подзоны степной зоны УССР». Рассматривая основные природные характеристики этих степных подзон, необходимо отметить, что в настоящий момент районы северо-степной подзоны находятся в наиболее благоприятных для степной растительности условиях (соотношение баланса влаги и тепла) по сравнению с остальными районами степной зоны УССР (Северное Причерноморье). Такие условия способствовали произрастанию на этой территории разнотравно-злаковой растительности, которая сформировала обычные черноземы. Растительность северных степей в прошлом была представлена разнотравно-кипчаково-ковыльными сообществами, для которых характерен сомкнутый покров [Пашенко, 1985]. Среднестепная подзона характеризуется менее благоприятными соотношениями балансов влаги и тепла, чем северо-степная. Осадков на ее территории выпадает меньше, а испаряемость выше. В таких условиях сформировалась преимущественно типчаковая растительность, в основном засухоустойчивое разнотравье. Поэтому в связи с небольшой увлажненностью и меньшей продуктивностью растительности,

более интенсивной минерализацией органических останков на территории среднестепной подзоны сформировалась зона южных черноземов, которые менее глубоки и более слабо гумусированы по сравнению с черноземом северной подзоны. Граница между средне- и северо-степной подзонами проходит по линии распространения южных черноземов. В связи с медленным протеканием процесса почвообразования природные различия между этими подзонами существовали и в более раннее время или же, если природные условия в этих зонах в достаточной степени одинаковы, то процесс длился относительно непродолжительное время, что вполне совпадает с данными о климатическом оптимуме на территории Северного Причерноморья V — начала III в. до н. э. Рассматривая более конкретные ландшафтные характеристики юго-восточного района области «Степные отроги Приднепровской возвышенности», где расположены скифские «царские» курганы, можно отметить, что она приурочена к центральной части Украинского щита с абсолютными отметками 100—200 м. В формировании ландшафтов этого района принимали участие докембрийские породы, выходы и скальные обнажения, которые часто встречаются в долинах рек и батог, глубоко врезанных на отдельных участках в докембрийский фундамент и имеющих узкие каньонообразные отрезки. Особую роль в ландшафтообразовательных процессах играет Днепр как базис эрозии в этой части области. Кроме того, он является ведущим морфоструктурным фактором рельефообразования как на правобережье, так и на левобережных надпойменных террасах Каменского Пода, который тоже вошел в состав территории области «Степные отроги Приднепровской возвышенности». Вследствие густого расчленения района на его территории значительно развиты склоновые местности в долинах Днепра и его притоков, а также в крупных впадающих в них балках, образуя полосы от нескольких десят-

ков до нескольких сотен метров. Выделяется этот район сочетанием эрозионных склоновых урочищ на осадочной основе и эрозионно-денудационных со скальными выходами пород щита с неполно развитыми и смытыми черноземными почвами. Смытый почвенный покров частично или полностью оседал в долинах рек и балок. Расчлененность увеличивается к югу, в связи с региональным склоном наблюдаются террасные местности в долине Днепра (Каменский Под на левобережье и в районе Никополя на правобережье). Овражно-балочные местности занимают до 22 % всей территории рассматриваемого района [Прищепа, 1985].

Климат района подвержен периодическим засухам, суховеям, пыльным бурям, летние осадки выпадают в основном в виде ливней. В настоящее время он претерпел значительные изменения в связи с деятельностью человека (сооружение Каховского моря). Наряду со степной растительностью на небольших площадях и в верховьях речных долин и балок встречаются остатки ранее широко распространенных байрачных лесов. В них произрастают дуб, а также клен татарский и остролистный, ясень, вяз, липа, груша, яблоня, в кустарниковом ярусе — бересклет, крушина, терн, боярышник, шиповник. Вдоль рек еще в недалеком прошлом встречались пойменные и боровые леса. Наиболее крупный степной массив, существовавший вплоть до XVIII в., простирался от того места, где находится теперь г. Запорожье, и заканчивался приблизительно у с. Князь-Григорьевка. Во времена Запорожской Сечи он назывался Великим Лугом и представлял собой огромный вековой лес, изрезанный протоками Днепра, пойменными озерами и перемежавшимися плавнями и лугами [Кириков, 1983]. Аналогичные сведения приводит и Боплан [1832].

В целом район в древности представлял собой обширные степные пространства, располагавшиеся на водораздельных участках, густо расчлененный реч-

ными долинами и впадающими в них балками, поросшими густыми байрачными и пойменными лесами. На затапливаемых поймах располагались урочища заливных лугов и участков камышовых зарослей, что подтверждают находки на археологических памятниках скифского времени костей животных, характерных для лесной или лесостепной областей, и костей степных животных. Из местных или лесостепных животных наиболее часто встречаются кости благородного, северного и обычного оленей, лося, лесного коня, бурого медведя, бобра и т. д. [Пидопличко, 1956, с. 135—148; Цалкин, 1960]. Костные останки благородного оленя и медведя (по определению О. П. Журавлева) найдены при раскопках курганов группы Чертомлыка.

Область Днепровско-Молочанской низменной степи занимает северо-восточную часть Причерноморской низменности и относится к северному склону Причерноморской впадины. Кристаллические породы погружаются на 150 м на севере и до 300 м на юге области. Структурно-геологическую основу ландшафта составляют перекрытые плиоценовыми глинами и антропогенными лессовидными суглинками понтийские известняки. Территория области — это равнинная, местами почти плоская поверхность со слабым наклоном на юг. Северные и западные районы области, где главным образом расположены скифские «царские» курганы, расчленены эрозионными овражно-балочными комплексами, приближенными к долине Днепра. Они примыкают к долинным склонам полосой шириной 5—10 км. Центральную часть области занимают западинно-подовые геокомплексы, что наиболее характерно для ландшафтов Днепро-Молочанской низменной степи. Местности данных склонов развиты узкими полосами вдоль рек Днепра и Молочной, склоны эрозированы с выходами полускальных известняков. Днища балок состоят из наносных черноземовидных почв, образовавшихся в

результате плоскостного смыва, где произрастала развитая лугово-степная и влаголюбивая растительность. В древности большинство крупных балок этой области, видимо, имело свои постоянные или пересыхающие только в самое жаркое время года водотоки. Они по-прежнему являются областями богатых пастбищ и сенокосов. Именно к этому району относятся скифские «царские» курганы, расположенные на водораздельных пространствах между балками. Подово-раздельные междуречные равнины занимают южную и восточную части области, где четко выражена региональный наклон поверхности на юг, что обусловливает направление поверхностного стока, формирование ложбин и раздоллов. На юге, наряду с подзолистыми южными черноземами, встречаются пятна темно-каштановых почв, наиболее характерных для соседних южных областей.

Основные типы уроцищ этого района — природораздельные равнины, западины пода, балки, ложбины с глубиной вреза до 10 м. Скифские «царские» курганы здесь начинаются почти сразу за южной границей области, затем поднимаются вверх, располагаясь в ее западной части.

В связи с меньшей влагообеспеченностью площадь байрачных лесов в области значительно меньше, чем в соседней с ней северной подзоне, и в настоящее время они практически отсутствуют. Ландшафты области достаточно однородны, их различия связаны с формированием склоново-возвышенных и низменных ландшафтов и со сменой природных условий с запада на восток (уменьшение общей увлажненности). Вся территория этой области была покрыта степями с небольшими островками байрачных лесов в обводненных балках (в отличие от области «Степные отроги Приднепровской возвышенности», где лесные массивы могли занимать 10—20 % ее территории). Самый крупный лесной массив спускался вдоль Днепра до с. Князь-Григорьевка [Кириков, 1983, с. 48]. В пе-

риод существования наиболее благоприятных климатических условий в V—IV вв. до н. э. этот район был наиболее удобным для кочевого скотоводства, очевидно, поэтому здесь и располагаются 10 из 18 скифских «царских» курганов, исследованных к настоящему моменту. При рассмотрении остеологического материала с исследованных археологических памятников обращает на себя внимание практическое отсутствие останков лесной и лесостепной фауны. Из диких животных, согласно палеозоологическим данным, здесь водились сайгак, кулан, косуля, олень, суслик, заяц, сурок и другие представители степной фауны. Находки останков лесной и лесостепной фауны относятся к северо-западным районам, непосредственно примыкающим к днепровской долине [Пидопличко, 1956, с. 135—148]. Причины отсутствия скифских «царских» курганов в более южных районах Нижнего Поднепровья также имеют, по-видимому, чисто географическую причину, хотя они входили в районы, прилегающие к территориям кочевий «царских скифов». Возможно, это объясняется тем, что рассматриваемые районы еще более засушливы: в настоящее время до 60 % территории занимают сухостепные комплексы. Здесь находятся наиболее засушливые зоны Северного Причерноморья. Летняя температура высокая, а зима короткая и малоснежная из-за близости моря [Прищепа, 1985]. Такое сочетание природных условий создавало крайнюю неустойчивость ландшафтов и их зависимость от любых изменений ландшафтообразующих факторов, в частности такого, как климат.

На территории севернее района, занимаемого скифскими «царскими» курганами, природные условия также значительно хуже для ведения кочевого скотоводства, чем места их расположения. Районы на Правобережье Днепра сильно изрезаны полинами рек, балками и оврагами. Густота овражно-балочной сети составляет 10 км². На расчле-

ненных участках развиты серые и темно-серые подзолистые почвы или оподзоленные черноземы, менее продуктивные по сравнению с почвами более южного района скифских «царских» курганов. На левобережье представлены средне- и малогумусные почвы, местность становится, как и на правобережье, более дренированной, чем в южных районах, долинно-балочные местности занимают до 20 % территории. В восточном направлении увеличивается общая засушливость климата, а в западном — расчлененность местности овражно-балочной системой. Но главную роль в выборе этого района местом сооружения погребальных комплексов и обитания «царских скифов», по-видимому, сыграло наличие Каменского Пода, или так называемого Великого Луга, с его заливными лугами и плодородными землями. Именно эта территория, очевидно, являлась основной хозяйственной базой если не всего Скифского государства, то, во всяком случае, местом проживания «царских скифов».

Абикулова М. И., Былкова В. П., Ганрилюк Н. А. Скифские поселения Нобужья // Киммерийцы и скифы. — Кировоград, 1987. — С. 9—12.

Адаменко В. П., Масanova Т. Д., Четвериков A. Ф. Индикация изменений климата. — Л., 1982. — 110 с.

Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. — Л., 1974. — 156 с.

Борисов А. А. Климат СССР в прошлом, настоящем и будущем. — Л., 1975. — 431 с.

Боплан Г. Описание Украины. — Спб., 1832. — 383 с.

Бучинский И. Е. Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем. — Киев, 1963. — 307 с.

Варушенко С. И., Варуменко А. И., Клиг-

зе Р. К. Изменение режима Каспийского моря бесточных водоемов в палеовремени. — М., 1987. — 187 с.

ДГС. — 2. — 1872 — Древности Геродотовой Скифии. — Спб., 1872. — 2. — 118 с.

Золотун В. П., Кухеев К. М. История развития почв в голоцене: Тез. докл. конф.— Пущино, 1984. — С. 249.

Квасов Д. Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. — Л., 1975.

Кириков С. В. Человек и природа степной зоны. — М., 1983. — 124 с.

Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. — М., 1975. — 300 с.

Крыжицкий С. Д., Отрешко В. М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. — Киев, 1986. — С. 3—17.

Лосев К. С. Климат: вчера, сегодня ... и завтра? — Л., 1985. — С. 176.

Мурзин В. П. Про утворення Північно-причорноморської Скіфії // Археологія. — 1986. — Вип. 55. — С. 1—19.

Острошенко В. В. К вопросу о локализации киммерийцев // Киммерийцы и скифы. — Кировоград, 1987. — Ч. 2. — С. 40—42.

Пашенко В. М. Степная зона // Природа Украинской ССР. Ландшафт. — Киев, 1985. — С. 122—179.

Підоплічко І. Г. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. Вип. 2. — К., 1956. — 234 с.

Sanders N. K. The Sea Peoples. Warriors of the ancient Mediterranean 1250—1150 B. C. — London, 1978. — 224 р.

Палкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. — 1969. — № 53. — С. 7—109.

Шилик К. К. К палеогеографии Ольвии // Ольвия. — Киев, 1975. — С. 51—91.

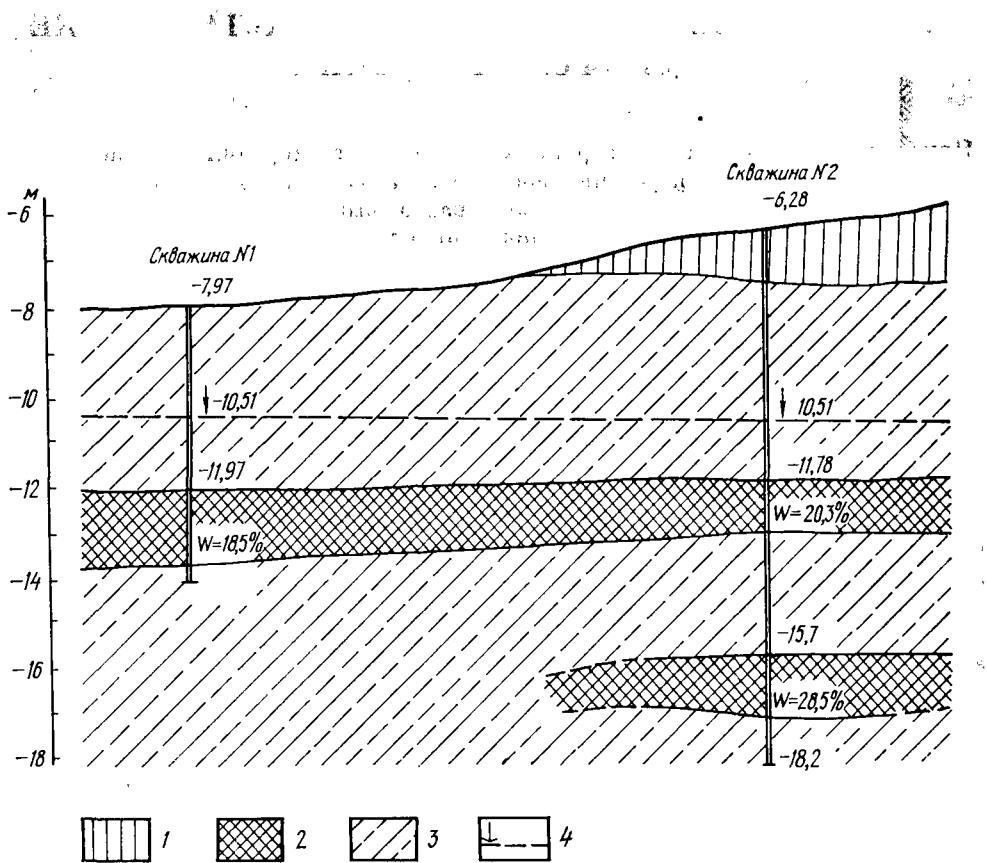
Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Л., 1978. — 157 с.

Черненко Е. В., Мурзин В. Ю. Курганы скифских царей: Из истории исследования // Вестн. АН СССР. — 1982. — № 11. — С. 101—112.

Хабдулина М. К., Зданович Г. Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1984. — С. 136—158.

Приложение 5

ГИДРОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ РАЗРЕЗ КУРГАНА ЧЕРТОМЛЫК

1 — суглинок желто-бурового цвета. W — естественная; 2 — суглинок светло-серого цвета (плыун). W — от 18,5 до 28,5 %; 3 — суглинок красно-бурового цвета, на контактах с плыуном мягкий, пластинчатый; 4 — уровень воды.

Приложение 6

В. ХЕРЦ

КУРГАН ЧЕРТОМЛЫК И НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ПЛАНИРОВКЕ СКИФСКИХ ГРОБНИЦ

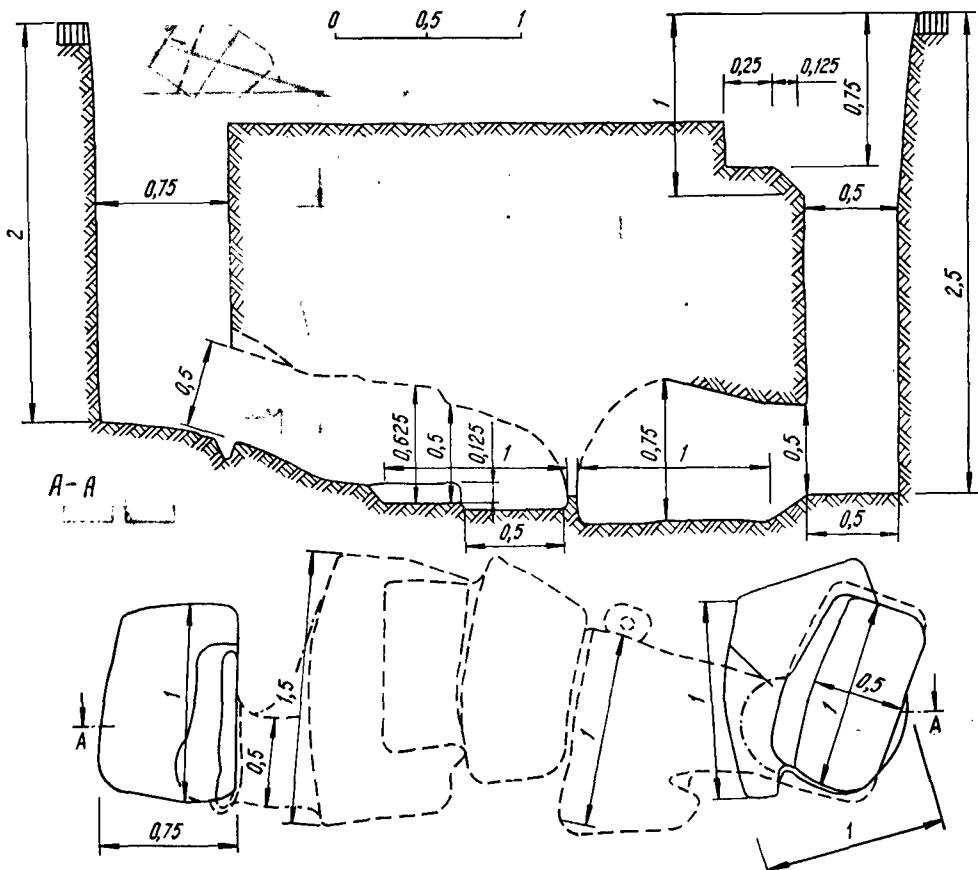
Яркая и самобытная история ранних кочевников Евразийской степи воспринимается нашими современниками прежде всего через призму находок специфических категорий материальной культуры, получивших в силу особенностей кочевого быта особое развитие уnomадов: оружия, конской узды, предметов звериного стиля. Не случайно поэтому разбросанные на громадном пространстве Великого степного пояса курганы различной высоты долгое время представлялись лишь как вместилища древностей, а не как самостоятельные историко-архитектурные памятники. Одна из первых попыток изменить подход к этому вопросу — работа М. П. Грязнова, опубликованная, к сожалению, лишь в виде кратких тезисов [1961]. И хотя высказанные в них положения считаются аксиомой, материалы скифских курганов в этом плане практически не исследовались. Попытаемся отчасти заполнить эту лакуну, рассмотрев один из аспектов большой проблемы, а именно вопрос о закономерностях в планировке скифских погребальных сооружений.

Толчком к началу работы послужили раскопки относительно небольшого скифского кургана (№ 46), проведенные в 1986 г. совместной экспедицией Института археологии АН УССР и Немецкого научно-исследовательского общества. Впрочем, курган, сильно распаханная насыпь которого к началу раскопок лишь слегка возвышалась над поверхностью земли в 1,5 км к

западу от Чертомлыка, некогда, по рассказам местных жителей, был гораздо выше и достигал в высоту около 5 м.

Довольно сложная планировка погребальных сооружений, обнаруженных под насыпью кургана № 46, тщательно зафиксирована сотрудником экспедиции М. М. Иевлевым. Это позволило соотнести размеры различных конструктивных элементов сооружений относительно друг друга. Как выяснилось, размеры остальных частей гробниц № 1 и 2 восходят в своих пропорциях к размерам входных ям и кратны им — прежде всего их длине. Так, в погребении № 1 ширина входной ямы равна $\frac{1}{2}$ ее длины, а глубина — $2\frac{1}{2}$ ее длины. Ширина ступенек ямы также оказалась кратна этой основной единице и составляла $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ длины ямы. С длиной входной ямы соотносились и размеры погребальной камеры. Аналогичная картина прослежена также на примере погребения № 2. При этом длина входных ям основного (№ 1) и впускного (№ 2) погребальных сооружений оказалась одинаковой (рис. 1).

Аналогичная система в пропорциях погребальных сооружений прослежена и при раскопках других курганов в окрестностях Чертомлыка. Это позволило предположить, что такая система действительно существует и, следовательно, может быть выявлена на больших скифских курганах, прежде всего на Чертомлыке.

К сожалению, работа затруднена тем обстоятельством, что наиболее выразительная по своей планировке центральная гробница Чертомлыка известна нам лишь по описаниям И. Е. Забелина и схематическим планам, опубликованным в мелком масштабе. Поэтому планы центральной гробницы Чертомлыка, приводимые в современных изданиях, являются в какой-то степени графическими реконструкциями со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Однако, несмотря на все эти сложности, определенные закономерности в пропорциях центральной гробницы и связанных с ней конских могил все же удалось выяснить, поскольку в нашем распоряжении были точные размеры входной ямы, некоторых камер (№ 1, 5), а также сопровождающих захороне-

Рис. 1. План и разрез погребений № 1 (справа) и № 2 (слева) курагана № 46 группы Чертомлыка (Единица масштаба — длина входной ямы.)

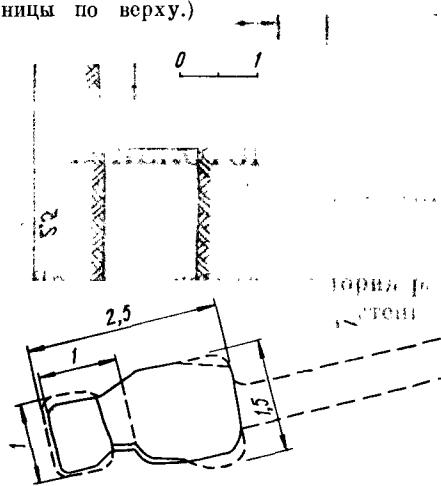
ний за пределами центральной гробницы.

За единицу отсчета мы вновь приняли длину входной ямы по верху. Выявленные соотношения отражены в следующей таблице:

Пропорции различных частей центральной гробницы Чертомлыка и сопровождающих захоронений по отношению к блоке входной ямы центральной гробницы по верху

Размеры частей центральной гробницы	Соотношения
Ширина входной ямы по верху	≈ 1 : 0,5
Ширина входной ямы по низу	≈ 1 : 1
Длина входной ямы по низу	≈ 1 : 1,5
Длина угловых погребальных камер	≈ 1 : 1
Общая длина камер № 4 и 5	≈ 1 : 3

Рис. 2. Некоторые пропорции погребальных сооружений Чертомлыка (Единица масштаба — длина входной ямы центральной гробницы по верху.)

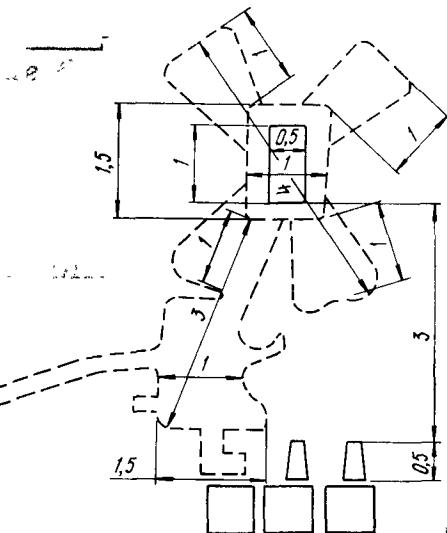
Расстояние между входной ямой и $\approx 1 : 3,5$
конусами
Расстояние между входной ямой и $\approx 1 : 3$
захоронениями конюхов
Длина могил конюхов $\approx 1 : 0,5$

Мы привели лишь основные пропорции, хотя те же закономерности прослеживаются в планировке центральной гробницы, видимо, гораздо чаще (рис. 2). Следует заметить, что наличие таких закономерностей — еще одно подтверждение того, что пятикамерная центральная гробница Чертомлыка являлась единым погребальным комплексом.

Весьма показательно, что с размерами, зафиксированными в центральной гробнице Чертомлыка, соотносятся и размеры Северной впускной могилы (рис. 2). Это, скорее всего, свидетельствует о том, что они сооружены на протяжении достаточно короткого отрезка времени и, может быть, под руководством одного «архитектора».

Система пропорций, подобная описанной, достаточно хорошо прослеживается на материалах еще одного известного скифского кургана — Толстый Могилы, который располагался непосредственной близости от Чертомлыка и соответствовал последнему по времени (рис. 3, 4).

К сожалению, проверить в этом отношении данные о конструкции погре-

бальных сооружений других «царских» курганов пока не представляется возможным, поскольку результаты старых — XIX — начала XX в. раскопок не всегда внушают доверие, а материалы новых — не всегда полностью опубликованы. Тем не менее, на наш взгляд, вся система скифской погребальной «архитектуры» зиждилась на четком соблюдении пропорций. Именно поэтому скифские катакомбы при всей индивидуальности их планировки в целом выглядят довольно единообразно. Кстати, соблюдение принципа пропорциональности возможно лишь в том случае, если перед началом работ по строительству погребальных сооружений скифскими зодчими осуществлялась разметка контуров будущего сооружения по верху. Только при наличии такого плана, выполненного с помощью простейших приспособлений — веревок, жердей, древков копий и т. д., древние строители могли соблюсти все пропорции и придать скифским катакомбам ту несомненную гармонию, которая всегда характерна для продуманных и соразмерных архитектурных объектов.

Грязнов М. П. Курган как архитектурный памятник : Тез. докл. на заседаниях, посвящ. итогам полевых исследований в 1960 г.—М., 1961.— С. 22—25.

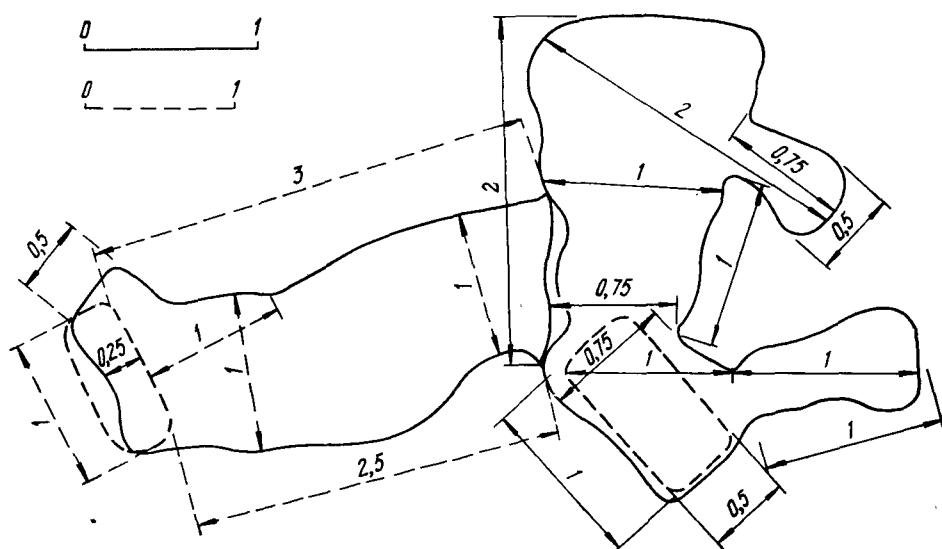
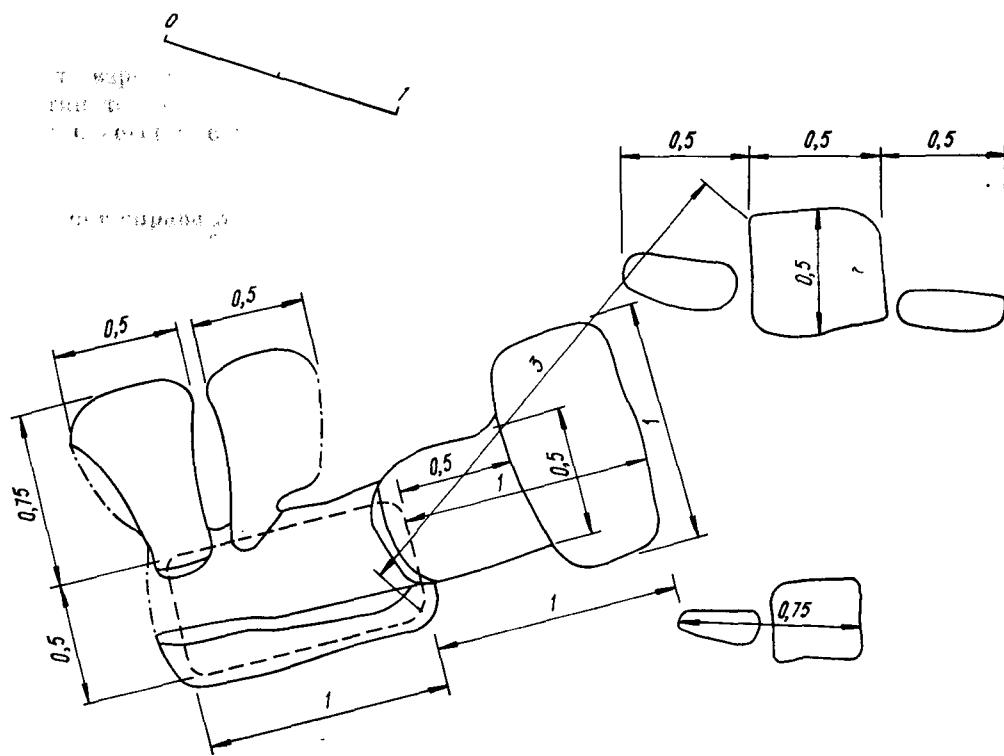

Рис. 3. Центральная гробница Толстой могилы и ее пропорции. (Единица масштаба — длина входной ямы.)

Рис. 4. Боковая гробница Толстой Могилы. (Масштаб 1 — длина первой входной ямы, масштаб 2 — длина второй входной ямы.)

Приложение 7

В. В. ОТРОЩЕНКО

КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЧЕРТОМЛЫКЕ

Чертомлык сооружен на месте древнего курганного могильника в 50 м к северо-востоку от Долгой Могилы бронзового века [Мозолевский, 1980, с. 308]. «При обозрении замечательнейших по своей величине могил, находящихся в этих степях, было замечено, что и при них лежат такие долгие курганы...» — отметил в свое время И. Е. Забелин и усмотрел в такой взаимосвязи известную закономерность [ДГС, с. 33]. Дальнейшие исследования показали, что скифы использовали курганы предшествующих эпох не только для погребальных, но и для культовых целей. Характерным фактором такого рода является скифский железный меч, установленный на гребне Долгой Могилы в уроч. Носаки Запорожской обл. [Бидзили и др., 1977, с. 125, рис. 25]. Высказано предположение, что длинные курганы в эпоху бронзы выполняли функции святилищ [Отрощенко, 1982, с. 15—17, рис. 8]. Сооружая большие курганы у длинных, скифы отдавали дань уважения древним традициям, считая себя, возможно, законными продолжателями их.

Видимо, выбор места для сооружения Чертомлыка обусловлен близостью к Долгой Могиле. Небольшой курган эпохи бронзы вписывался в длинную ось Долгой Могилы по линии северо-восток — юго-запад. На склоне его, еще до исчезновения малой насыпи в толще Чертомлыка, скифы совершили жертвоприношение коня, зафиксированное И. Е. Забелиным. Живот-

ное «как бы взбиралось на вершину кургана», т. е. находилось на наклонной плоскости [ДГС, с. 115]. Ведущей осью скифских курганов, на которую «нанизаны» входная яма центральной могилы, погребения коней, челяди и разрывы в ровике, является линия запад — восток. Показательно, что на ведущей оси большого Чертомлыка оказался и «малый чертомлыкский курган». Проект сооружения Чертомлыка, вне всякого сомнения, тщательно продуман с учетом позиции более древней насыпи.

Местонахождение жертвенного коня в 34 м западнее центра Чертомлыка позволяет предположить, что вершина кургана эпохи бронзы находилась в нескольких метрах к югу от животного. На это косвенно указывает камера погребения катакомбной культуры, которую обычно рыли в направлении центра насыпи. О незначительной высоте древнего кургана можно судить по тому, что все погребения эпохи бронзы зафиксированы в материке, а конь на склоне обнаружен «почти у самого материка» [ДГС, с. 115]. Всего в этом кургане И. Е. Забелин открыл три погребения: XI, XII, XIII [ДГС, с. 116; атлас, л. F].

Погребение 1 (XIII) древнейшее в кургане, так как совершено в катакомбе строго определенного типа. К югу от круглой входной ямы, шириной около 0,7 м была вырыта в материевой глине круглая камера диаметром около 1,8 м. Дно камеры находилось на

глубине 1,5—1,6 м, вероятно, от уровня обнаружения. Захоронение парное. Скелет взрослого человека покоялся в вытянутом положении на спине, черепом к северу, с разворотом на правый висок, левая рука лежала на груди, а ноги направлены в южную сторону. У ног справа лежал неполный скелет младенца (на 35 см с запада на восток). Инвентарь отсутствовал. Длина скелета взрослого человека 142 см.

Несмотря на отсутствие каких-либо вещей, можно с определенностью отнести данную конструкцию к числу катакомб ингульского типа, представляющих развитую катакомбную культуру Северного Причерноморья [Братченко, Шапошникова, 1985, с. 415—417, рис. 112]. Для погребений ингульского типа характерны округлая входная яма и овальная камера, но изредка встречаются и круглые камеры. Положение умерших в таких катакомбах обычно вытянутое [Данилова, Корпусова, 1981, с. 163, рис. 1, 3]. Носители катакомбной культуры практиковали дозахоронения в усыпальницу. Не исключено, что первым погребен ребенок. При подзахоронении взрослого скелет младенца был отодвинут к южной стенке и поэтому стал «неполным». Положение черепа взрослого на правом виске указывает на то, что этот скелет находился под южной стенкой камеры и был обращен лицевой частью черепа к входу. К сожалению, ориентировка скелета младенца не указана. Северная ориентировка взрослого покойника известна среди погребений ингульского типа, хотя и встречается сравнительно с южной относительно редко.

Погребение в катакомбе оказалось смещено к северо-западу — западу от предполагаемого центра насыпи эпохи бронзы. Возможно, первоначально была сооружена небольшая насыпь и у северной ее полы вырыта катакомба. Подобная практика неоднократно прослеживалась при раскопках курганов развитой катакомбной культуры [Отрощенко, 1977, с. 6—7]. Близость к

памятникам ингульского типа позволяет отнести сооружение кургана эпохи бронзы к XIX—XVIII вв. до н. э. [Братченко, Шапошникова, 1985, с. 418].

Погребение 2 (XI) относится к срубной культуре, коллективное, совершено в большой квадратной яме, ориентированной по сторонам света стенками. Размеры ямы $3,15 \times 3,15$ м, глубина в материке — 0,71 м, впущена примерно по центру древнего кургана. На дне ямы зафиксированы останки четырех умерших: взрослого и трех младенцев, но ни один из скелетов не сохранился в целости. По центру ямы находился «большой череп... между костями ног и ребер», а в 1,05 м к юго-востоку от него стоял орнаментированный лепной сосуд. В 1,05 м к востоку от костей взрослого покоялся «череп младенца с грудными и ручными костями, лежавшим в беспорядке», а рядом стоял «небольшой простой горшочек». Еще на 0,71 м к востоку, т. е. прямо у восточной стенки ямы, обнаружен второй младенческий череп с тем же набором костей верхней половины туловища и простым горшочком. И наконец, в 1,05 м южнее черепа взрослого зафиксирован третий череп младенца, две кости руки, находившиеся по отношению к черепу под острым углом, и небольшой черноглиняный горшочек.

ОПИСАНИЕ НАХОДОК

1. Лепной кубковидный горшок, черный в изломе, с примесью песка в тесте. Поверхность сосуда — серая с бурыми пятнами и следами расчесов, хорошо заглажена. Край венчика плавно отогнут наружу и закруглен, а вогнутая шейка уступчиком переходит в ребро сужающегося к выделенному дну корпуса. Дно плоское. Край венчика, шейка и ребро украшены пятью рядами оттисков полой трубочки, разделенных четырьмя прочерченными опоясывающими бороздками. От ребра на корпус свисают восемь треугольников вершинами вниз, из них семь — равнобед-

Лепной сосуд из погребения срубной культуры.

ренные, в шести случаях заштрихованы наклонными прямыми и в одном — двумя вписанными углами. Восьмой треугольник выделен особо в начале гирлянды, прямоугольный, заштрихован вертикальными прямыми. Над ним в среднем ряду трубчатого орнамента только три оттиска полой трубочки, остальное пространство этого пояса орнаментировано косыми штрихами. На внешней поверхности дна — прямоугольное вдавление от оси поворотной подставки. Высота сосуда — 13,9 см, диаметр горла — 14,5, максимальный диаметр сосуда — 15,5, диаметр дна — 8,3 см (рисунок). Сосуд — единственная находка эпохи бронзы, сохранившаяся после раскопок Чертомлыка, — представлен ныне в экспозиции Государственного Эрмитажа (опись 1863 «В», № 488). Фотоснимок кубка опубликован, но не дает точного представления о его форме и орнаментации [Гольмстен, 1941, с. 1—8, рис. 2].

2. «Простой горшочек» возле первого черепа младенца не сохранился, но И. Е. Забелин приводит его размеры: высота — 9 см, диаметр венчика — 11,1, дна — 7,5 см. Судя по пропорциям, это типичный сосудик баночной формы, чаще встречающийся в детских

погребениях срубной культуры, особенно младенцев [Кислый, 1985, с. 175—177].

3—4. Сосуд у черепа второго младенца подобен описанному выше, а форма третьего малого сосуда скрыта за расплывчатым понятием «горшочек».

В целом набор керамики из погребения 2 (XI) не оставляет сомнения в принадлежности его к срубной культуре. Три малых сосудика относились, вероятно, к разновидностям баночной формы — наиболее распространенной в керамическом комплексе срубной культуры. Орнаментированный кубок — относительно редкая форма посуды, известная во всех регионах срубной общности и отмеченная андроновскими чертами, в первую очередь богатством орнаментики [Кузьмина, 1987, с. 53—65, рис. 3—6]. По облику наиболее близок к чертомлыкскому кубку из с. Дмухайловка Днепропетровской обл., группа VII, курган 1, погребение 2, украшенный опоясывающими желобками и оттисками полой трубочки в верхней части. В третьем поясе орнаментации имеются три оттиска полой трубочки, как и на кубке из Чертомлыка [Волкобой, 1980, с. 74, рис. 2, 5].

В погребении 2 (XI) зафиксирован редкий для срубной культуры обряд вторичного захоронения четверых умерших. Черепа и отдельные кости скелетов были принесены к месту захоронения и уложены на дно ямы кучками, по числу вторично погребаемых. Аналогичный случай вторичного захоронения зафиксирован в погребении 4, кургана 9 в группе «Остров Могила» у с. Широкое на юге Херсонщины. В одном углу ямы лежали аккуратно сложенные человеческие кости и череп, а в другом — кубковидный сосуд, близкий по пропорциям и технике изготовления к чертомлыкскому [Ольговский, Полин, 1977, с. 39, табл. X, 3; рис. 7, 12]. Два вторичных захоронения с подобной укладкой человеческих костей раскопаны в кургане 5 у хут. Ченин в Волгоградском Заволжье

[Мыськов, 1984, с. 205–206, рис. 2, 1–2]. Однако наиболее известны вторичные захоронения в курганах срубной культуры Лесостепного Поволжья, где они выделены впервые [Ефименко, Третьяков, 1961, с. 105–106]. В погребениях 15–19 кургана 4 у с. Хрящевка в Куйбышевском Заволжье обнаружены останки пятерых умерших, погребенных вторично, в том числе два черепа молодых мужчин по центру ямы, кости третьего взрослого, подростка и ребенка в юго-восточном секторе большой ямы, а также шесть сосудов [Мерперт, 1954, с. 91–94, рис. 20, 19–23; 22, 1–5; 23, 1]. Н. Я. Мерперт, располагая данными о вторичных захоронениях только из Лесостепного Поволжья, допускал, что этот редкий обряд проник в среду носителей срубной культуры с севера, от абашиевских, а возможно, и фатьяновских соседей [Мерперт, 1954, с. 101–102]. Ныне, когда ареал распространения вторичных захоронений включает не только северные, но южные (Ченин, Широкое) и западные (Чертомлык) окраины срубного мира, можно предположить иное направление культурных связей, стимулировавших практикование этого обряда.

Показательно, что в тех курганах, где открыты вторичные захоронения срубной культуры, нет элементов абашиевской, но присутствуют черты андроновской культуры, проявляющиеся в формах и орнаментации керамики, наличии специфических украшений — бронзовых желобчатых подвесок и браслетов, плакированных золотом (Ченин, Хрящевка, Кайбели, Новобайбатырево, Лузановка). Г. Г. Пятых, перечисляя признаки сходства в обряде погребения между срубной и алакульским типом андроновской культуры, называет и расчлененные, т. е. вторичные, захоронения [Пятых, 1983, с. 112]. Целесообразно включить вторичные захоронения в число явлений, на основании которых исследуются срубно-андроновские контакты. Наиболее яркие проявления этих контак-

тов относятся к XV–XIV вв. до н. э. — периоду развитой срубной культуры в Поволжье и предсабатиновскому периоду срубной культуры на Украине.

Погребение 3 (XII) относится к срубной культуре; располагалось в 1,05 м юго-восточнее погребения 2 (XI). Могильная яма подпрямоугольной формы ориентирована по линии запад — восток, размеры ее 1,05 × 0,71 м. В яме зафиксированы останки двух умерших. На глубине 1,06 м в материке обнаружен скелет человека, лежавший скорченно на правом боку, черепом на восток. Руки согнуты в локтевых суставах, а кисти рук подведены к нижней челюсти. Колени согнутых под острым углом в коленных и тазобедренных суставах ног прижаты к грудной клетке. И. Е. Забелин отмечает, что в длину скорченный скелет занимал не более 0,7 м. В ногах умершего стоял вверх дном лепной черноглиняный горшочек, высота и диаметр венчика которого — 11 см. Замечу, что вверх дном устанавливались сосуды на перекрытии могил срубной культуры. Этим же можно объяснить и необычное местонахождение сосуда — в ногах.

Останки второго захоронения в погребении описаны бегло: «тонкий слой обожженной глины, а на нем немного угляев с признаками перегорелых костей» [ДГС, с. 116]. Обожженное дно ямы находилось на 0,35 м ниже скорченного скелета, т. е. на глубине 1,4 м в материке. Нижнее захоронение совершено по обряду кремации на стороне. Раскаленные угли с кальцинированными костями были высыпаны кучкой на дно ямы. Захоронение кучки праха в яме, рассчитанной на скорченное трупоположение, характерно для всего ареала срубной общности [Отрощенко, 1976, с. 173, рис. 1]. Погребальный костер устраивался либо рядом с курганом, либо непосредственно на месте захоронения.

Погребение 3 (XII) в Чертомлыке интересно тем, что представляет собой редкий для срубной культуры тип

двухъярусного погребения, к тому же биритуального, т. е. сочетающего ингумацию и кремацию в одной могильной яме. Известно еще одно биритуальное ярусное погребение срубной культуры — погребение 26 в кургане 23 у с. Кайбеля в Ульяновском Заволжье с той лишь разницей, что там зафиксировано обратное использование ритуалов: скорченный скелет обнаружен на дне ямы, а кальцинированные кости и зола — в верхней части ямы, но под одним мощным накатником [Мерперт, 1958, с. 93—95, рис. 8, 1]. Небольшие сводки ярусных и биритуальных могил Евразийской степи эпохи бронзы составлены М. Д. Хлобыстиной, но Чертомлык среди них не фигурирует [Хлобыстина, 1982; 1988]. Редкие формы погребального обряда, вещевой материал и поволжские аналогии редким чертам ритуала позволяют датировать погребения срубной культуры из Чертомлыка XV—XIV вв. до н. э., что совпадает со временем андроновских влияний. С последними связывают и проникновение обряда кремации в срубную культуру [Кузьмина, 1987, с. 65, 66].

Публикация погребений эпохи бронзы из Чертомлыка позволит ввести по-своему уникальные и незаслуженно забытые комплексы в активный научный оборот.

Бидзина В. И., Болтрук Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П. Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рязань магии и Носаки. — Киев, 1977. — С. 61—158.

Братченко С. Н., Шапошникова О. Г. Катаомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. — 1985. — Т. 1. — С. 403—420.

Волковой С. С. Срубные погребения с кубками в Днепровском Левобережье // Курга-

ны степного Поднепровья. — Днепропетровск, 1980. — С. 69—75.

Гольмстен В. В. Об элементах орнаментации керамики родового общества юга СССР // Тр. ОИПК. — Л., 1941. — Т. 1. — С. 1—18.

Данилова Е. И., Корпусова В. Н. Катаомбное погребение с трепанированным черепом в Крыму // СА. — 1981. — № 1. — С. 163—170.

Древности Геродотовой Скифии. — Спб., 1872. — Т. 2. — 118 с.

Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Абашевская культура в Поволжье // МИА. — 1961. — № 97. — С. 43—110.

Кислый А. Е. К вопросу о половозрастной дифференциации в среде срубных племен // Археология и методика исторических реконструкций. — Киев, 1985. — С. 169—177.

Кузьмина Е. Е. О западных связях андроновских племен // Межкультурные связи эпохи бронзы на территории Украины. — Киев, 1987. — С. 48—69.

Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. — 1954. — № 42. — С. 39—156.

Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Там же. — 1958. — № 61. — С. 45—156.

Мозолевский Б. Н. Раскопки в курганной группе Чертомлыка // АО за 1979 г. — М., 1980. — С. 205—209.

Мысльков Е. П. Вторичные погребения срубной культуры в могильнике Ченин // СА. — 1984. — № 3. — С. 205—209.

Ольговский С. Я., Полин С. В. Курганская группа «Остров Могила» // Курганы южной Херсонеса. — Киев, 1977. — С. 34—44.

Отрощенко В. В. Катаомбные и срубные курганы в окрестностях с. Балки // Курганные могильники Рязань магии и Носаки. — Киев, 1977. — С. 5—15.

Отрощенко В. В. О каменных изваяниях у племен срубной культуры // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. — Киев, 1982. — С. 5—18.

Пятых Г. Г. Общие компоненты сложения алакульской культуры и срубной культуры Поволжья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1983. — С. 111—118.

Хлобыстина М. Д. Ярусные погребения Евразийской степи в бронзовом веке // КСИА. — 1982. — Вып. 169. — С. 13—20.

Хлобыстина М. Д. Биритуальные погребения Евразийской степи в бронзовом веке // Там же. — 1988. — Вып. 193. — С. 20—27.

Приложение 8

М. ШУЛЬТЦ

ОСТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СКЕЛЕТОВ, НАЙДЕННЫХ В КУРГАНЕ ЧЕРТОМЛЫК

При доисследованиях большого скифского кургана Чертомлык, проведенных в 1981—1986 гг., удалось получить ряд антропологических материалов. Речь идет о скелетах, которые полностью, к сожалению, не сохранились. Тем не менее необходимо их подробно рассмотреть, в частности, с целью восстановления условий жизни данных индивидуумов — их заболеваний, питания, характера трудовой деятельности и т. д. Исследования такого рода могут не только способствовать лучшему пониманию письменного наследия, например сведений, зафиксированных Геродотом, но и позволят воссоздать определенную картину скифской жизни.

Всего после тщательного препарирования нами изучены остатки следующих скелетов:

1) погребение «слуги» под восточным сектором каменной крепиды, обнаруженное в 1981 г.;

2) человеческие кости из пробного шурфа в районе центральной гробницы, найденные в 1983 г.;

3) погребение № 1/1984 г.;

4) скелеты «А» и «В», обнаруженные в 1985 г. у северо-восточного участка (№ 4) каменной крепиды;

5) скелет из Северной могилы;

6) скелет, обнаруженный у северо-западного участка (№ 2) каменной крепиды в 1985 г.

После очистки остатки скелетов исследованы макроскопически. Для определения возраста и пола применялась прежде всего методика, предложенная Д. Ферембахом, И. Швидецкой и М. Штлоукалом [Ферембах и др., 1979]. Патологические изменения суставов определялись по классификации, предложенной автором [Шульц, 1988а].

Из костных образцов были подготовлены по специальному методу [Шульц, Дроммер, 1983; Шульц, 1988б] тонкие гистологические срезы, которые исследовались с помощью простой и поляризационной микроскопии. Это дало возможность установить биологический возраст индивидуума гистоморфологически [Керлей, 1965; Керлей, Юбелакер, 1978; Юттерштут, 1985].

Дальнейшее гистологическое исследование должно было выявить, насколько костная ткань повреждена декомпозицией [Шульц, 1986]. Для контроля полученных данных д-р Г. Киевски совместно с проф. д-ром С. Бергом из Института судебной медицины Геттингенского университета провел атомно-абсорбционное спектроскопическое определение содержания железа и марганца в каждом фрагменте диагностов длинных костей. В результате установлены возможные факторы, которые могли повлиять на сохранность костной ткани [Шульц и др., — 1991].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

1. Погребение «слуги» под восточной крепидой

От захороненного в узкой яме под восточной крепидой скелета сохранились следующие кости: полный позвонок и обломки позвонков верхнего грудного отдела позвоночника, а также пятый поясничный позвонок, несколько маленьких фрагментов ребер, несколько более крупных обломков левой и правой лопаток, нижняя половина диафиза, средний фрагмент диафиза левого локтя, левых большеберцовой и малоберцовой костей.

По крепости скелета, а также степени развития меток мышечных разрывов и прикрепления мышц к поверхности кости его следовало бы отнести скорее к мужскому индивидууму, чем к женскому. Макроскопическое, а также гистоморфологическое определение возраста указывает на зрелый возраст (в пределах от 35 до 49 лет).

Для определения состояния суставов привлекались межпозвонковые суставы тела позвонка и его дужки из области грудного и поясничного отделов позвоночника, а также левый локтевой сустав. Дегенеративные изменения суставов в виде артоза отмечены почти во всех этих суставах [Шульц, 1988а]. Пятый поясничный позвонок показывает артоз суставов тела позвонка (степень V), а также суставов дужки позвонка (степень III). В левом локтевом суставе отмечено явление среднегоЗ износа (степень III). Если изменения такого рода проявились уже в более раннем возрасте, то их следует объяснить чрезмерно большой нагрузкой. Но так как этот индивидуум уже достиг зрелого возраста, то изменения такого рода следует рассматривать в известной мере как возрастные.

Рентгеновское исследование диафиза плеча и большеберцовой кости показали, по крайней мере для плечевой кости, многократное прекращение роста в длину этой длинной кости в период детского и юношеского возраста. Тако-

го рода остановки роста представляются на длинных костях как зоны кальциноза, проходящие в виде поперечных линий к продольной оси длинной кости (так называемые метафизарные линии, или линии Harris). Эти линии указывают на недостаточное питание или длительное заболевание в период детского и юношеского роста. Гистологическое исследование костных образцов из тела позвонка, плечевых костей, локтя и малоберцовой кости не показало каких-либо патологических изменений в костях. Макроскопическое, а также микроскопическое строение этих костей позволяет полностью выдержать функционально большую нагрузку, при этом не проявляется никаких особенностей. Лишь проба, взятая из диафиза большеберцовой кости, указывает на определенное разрыхление в области компактной костной структуры. Это разрыхление, очевидно, носит не посмертный характер, а, скорее всего, форму остеопороза. По крайней мере, можно исключить типичный возрастной остеопороз; такое разрыхление костей при известных условиях могло бы привести к нарушению гормонального баланса.

Атомно-абсорбционное исследование, проведенное в Геттингенском институте судебной медицины, показало очень сильное повышение концентрации марганца в костной ткани, что следует объяснить посмертным расположением костей в земле.

В районе кургана Чертомлык и в настоящее время добывается на обширных площадях марганец открытым способом. В результате этого более глубокие слои грунта вследствие неоднократно повышающегося в течение года уровня грунтовых вод сильнее смешиваются с марганцем, чем поверхностные слои. В среде, содержащей марганец, костная ткань в целом не разрушается под действием грибков и фикомицетов [см. Шульц и др., 1991]. Этим объясня-

ется большое количество коллагена в пробах. С другой стороны, гистологическое исследование также могло показать начинающееся разрушение, вызванное ростом грибков, чего не может быть в среде, содержащей марганец. На основании этих данных возможно предположение, что много лет назад (примерно 100 лет) кости были вынуты

из первоначальной, относительно защищенной среды, т. е. из содержащих марганец слоев почвы, а затем повторно захоронены в менее защищенной среде, возможно, значительно ближе к поверхности земли. Это могло стать следствием того, что впервые данное захоронение было открыто еще во время раскопок И. Е. Забелина.

2. Человеческие кости из пробного шурфа в районе центральной могилы, найденные в 1983 г.

В вынутом бульдозером грунте пробного шурфа удалось найти несколько фрагментов человеческих костей: нижний конец диафиза правой лучевой кости, средний диафиз малоберцовой кости, более крупный обломок правой подвздошной кости с примыкающим гребнем подвздошной кости, больший фрагмент таза из нижнего отдела подвздошной кости, верхний крестцовый позвонок (вероятно, второй), обломок верхней суставной головки большеберцовой кости, головка правой малоберцовой кости с примыкающим коротким куском диафиза, а также несколько более мелких обломков, которые далее не идентифицируются.

Точно не установлено, принадлежат ли все обломки костей одному скелету. Однако по структуре костей и месту находки это кажется вполне вероятным. Окостенение линии эпифизарного хряща на обломке подвздошной кости доказывает, что индивидуум должен быть старше 25 лет. Костная структура, как и состояние окостенения тела верхнего крестцового позвонка, показывает, что индивидууму должно быть не более 45 лет. Костные тонкие срезы, полученные из диафиза правой

лучевой кости и диафиза малоберцовой кости, подверглись гистоморфологическому определению возраста, которое показало для обеих костей средний и зрелый возраст (около 25—39 лет). Пол определить не удалось.

На внешней поверхности правого фрагмента лучевой кости, на обоих фрагментах таза и на обломке правой малоберцовой кости обнаружено четкое изменение цвета, которое местами сгущалось, составляя в толщине от 0,5 до 0,8 мм. С помощью гистологического исследования установлено, что под этим изменением окраски или отложением гораздо лучше сохранилась костная структура. Возникает впечатление, что эти отложения законсервировали костную ткань, когда она находилась в земле. Декомпозиция костной ткани в этих областях значительно снижается. Возможно, при этом изменении окраски речь могла бы идти об окиси металла.

Патологические изменения не отмечены ни в одном из костных фрагментов. Суставные поверхности не имеют каких-либо дегенеративных изменений, что также свидетельствует скорее в пользу молодого возраста индивидуума.

3. Погребение № 1/1984 г.

Целый и хорошо сохранившийся скелет, к сожалению, был значительно разрушен в своей верхней части бульдозером. При этом пропали: весь лицевой череп, за исключением правой скуловой

кости, большая часть мозгового черепа, за исключением левой теменной, а также более крупных обломков правой теменной и лобной костей. В области позвоночника отсутствовали шейные

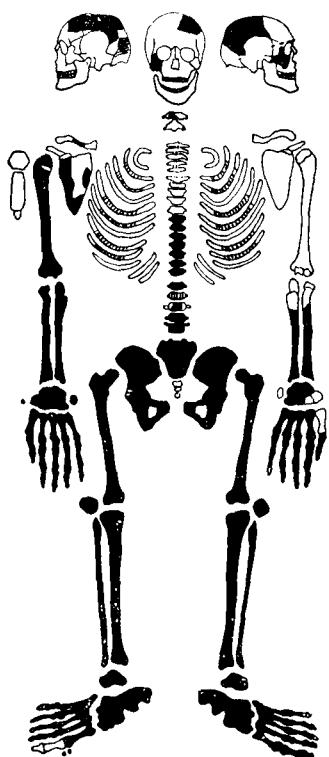

Рис. 1. Схема наличия частей скелета. Погребение 1/1984.

позвонки, а также первые пять грудных позвонков, большая часть ребер, части грудины и правой ключицы, вся левая ключица и левая лопатка, левая плечевая кость, верхние разделы левой локтевой и левой лучевой костей, три кости запястья левой руки и пястная кость большого пальца левой руки, а также фаланги большого пальца правой ноги (рис. 1).

Благодаря хорошей сохранности костей можно точно определить пол погребенного. Все признаки таза, а также прочность диафиза длинных костей и развитие мускульной метки подтверждают мужской пол. Возраст может быть определен как вторая половина совершеннолетней возрастной ступени — от 25 до 29 лет.

Рассматривая патологические изменения в суставах, следует остановиться на нескольких интересных данных ана-

лиза. Лишь за одним исключением, все суставы конечностей свидетельствуют о нормальном, т. е. здоровом, состоянии суставов. Состояние сустава большого пальца левой ноги говорит об артозных изменениях, которые, возможно, вызваны травмой вследствие перегрузки (рис. 2). Эти изменения можно было бы на первый взгляд ошибочно диагностировать как внутрикостный ганглий или как асептический некроз кости. На некоторых сохранившихся суставных поверхностях головок ребер методом сравнения также прослеживаются явления сильного износа (степень III).

В области позвоночника наблюдаются некоторые серьезные патологические изменения. Так, от 6-го до 10-го грудного позвонков включительно не отмечены структуры с отклонением от нормы. Начиная с 11-го до 5-го поясничного суставы дужек позвонков показывают легкий (II степень) до среднего (III степень) артоз. С 11-го грудного до 1-го поясничного позвонка частично распознаются следы износа большей степени (степень IV/V).

Причиной износа, довольно необычного для мужчины в таком возрасте, явился порок развития дужек 11-го грудного позвонка. На этом позвонке левый нижний суставный мыщелок находился значительно ниже (около 4 мм) правого. К тому же суставная поверхность левого мыщелка направлена как один из поясничных позвонков в сагиттальную плоскость, а не во фронтальную по норме. На основании этого отклонения от нормы на суставной плоскости возникла збурнеация.

Соответственно этим изменениям на 11-м грудном позвонке верхние суставные отростки 12-го грудного позвонка приобретают примерную форму и ориентацию суставного отростка поясничного позвонка. На 12-м грудном позвонке правый нижний суставный отросток короче левого. Причиной этого укорочения является перелом в области плоскости правого нижнего суставного отростка. Верхний отдел этой сустав-

Рис. 2. Первая фаланга большого пальца левой ноги. Погребение 1/1984.

Рис. 3. 1-й поясничный позвонок.

Рис. 4. 5-й поясничный позвонок.

ной плоскости еще при жизни откололся из-за поперечно проходящей от нижнего суставного отдела щели. Как показывает линия перелома, зарашение произошло еще при жизни. К такому перелому могла привести травма в виде перегрузки.

Частично имеет место окостенение связок дужек позвонков, а также некоторых отделов сумок дуговых суставов в грудной области позвоночника.

На некоторых позвонках отмечены характерные изменения. Артроз суставов тела позвонков наблюдается лишь между 2-м и 4-м поясничными позвонками (степень IV/V). Изменения между последними позвонками можно было бы отнести к травматическим, связанным с выпаданием назад межпозвонкового диска. Передний раздел основной пластинки 3-го поясничного позвонка наискось сглажен приблизительно на длину 40 мм и ширину около 15 мм. Поверхность сглаженной области беспорядочно пористая, имеет изъеденный вид. Покровная пластина 4-го поясничного позвонка слегка вдавлена и на переднем плане производит впечатление обтесанной.

Причину, вызвавшую это изменение, следует опять-таки искать в очевидной чрезмерно большой нагрузке, которая прежде всего влияла на передние края

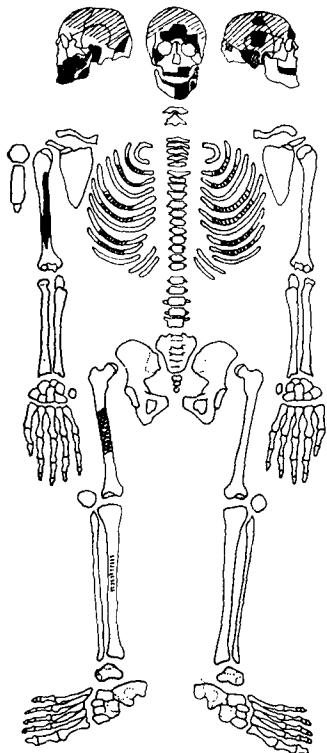

Рис. 5. Схема наличия частей скелета «А». Северо-восточный останец.

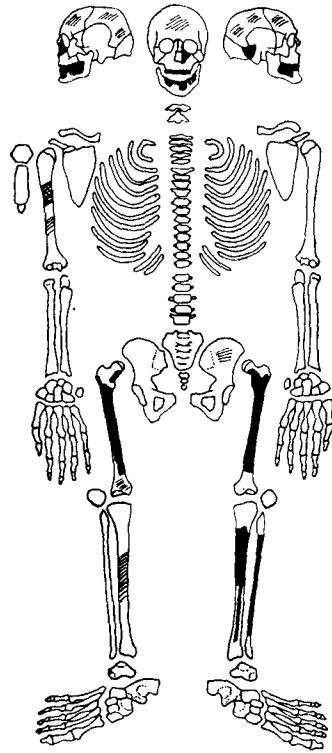

Рис. 6. Схема наличия частей скелета «Б». Северо-восточный останец.

и граничащие поверхности основной или покровной пластинки обоих тел позвонков. При резком поднятии очень тяжелого предмета в согнутом или наклонном вперед положении тела может произойти сдвиг межпозвонкового диска из межпозвонковой щели назад в позвоночный канал. В этом случае корешки самых нижних спинномозговых нервов могли быть ущемлены, что, вероятно, привело бы к параличу. Но так как в основной пластинке поясничного позвонка одновременно были сдвинуты передний край и примыкающая четверть тела позвонка из-за компрессионного перелома, а на покровной пластинке 4-го поясничного позвонка частично разрушен или также проломлен передний край по направлению высоты тела, то, возможно, в данном случае имел место несчастный случай, например падение с высоты

(небольшой) в положении наклоненного вперед тела.

На середине покровной пластинки 1-го поясничного позвонка находится плоское, немного больше чечевицы, кальцинированное образование, имеющее беспорядочную ярусную поверхностьную структуру (рис. 3), расположенную в очень плоском углублении покровной пластинки тела позвонка. Такое образование может свидетельствовать об обызвествленном остатке выпадания студенистого ядра межпозвонкового диска в покровной пластинке тела позвонка, возможно, в результате грыжи межпозвонкового диска в теле позвонка.

На 5-м поясничном позвонке имеется врожденный порок развития в форме симметричных боковых дуговых щелей (спондилолиз — Spondylolysis) (рис. 4). Судя по краям участков щелей, смеще-

ние позвонков (*Spondylolistesis*) еще не произошло. Но, возможно, в дальнейшем при возросшей физической нагрузке произошло бы их смещение, т. е. скоскальзывание тела позвонка вперед.

Этот случай показывает, что, с одной стороны, пороки развития (суставная поверхность дужки 11-го грудного, симметричные боковые щели в дужках 5-го поясничного позвонков), а с другой — приобретенные повреждения (перелом суставного отростка 12-го грудного, перелом тела, прежде всего 3-го, а также 4-го поясничного позвонков, грыжи межпозвоночковых дисков) приво-

дят к эпачительному изменению формы, а также функции позвоночника, что может повлечь за собой не только артозы, но и (в экстремальных случаях) паралич. У этого молодого мужчины не отмечено развития патологии позвоночного столба, так как он умер в молодом возрасте. Пропретенные изменения в позвоночнике, по-видимому, следует отнести к общей травматической причине (например, падение со средней высоты). В таком же ключе, вероятно, можно рассматривать и изменение в суставе большого пальца левой ноги.

4. Скелеты в обвале северо-восточного участка крепиды

Скелет «А». Найден между камнями крепиды, имеются лишь следующие плохо сохранившиеся части: фрагменты почти всех отделов мозгового черепа (например, лобная, теменная и затылочная кости обеих сторон черепа, правая височная кость с сосцевидным отростком) и большие части лицевого черепа (нижняя часть лба, надглазная область, правая скуловая кость, большой фрагмент правой верхней и левая половина нижней челюстей, почти все постоянные зубы, левая половина первого шейного позвонка, обломки ребер, средний фрагмент диафиза плечевой кости, фрагменты одной или обеих бедренных костей, а также осколки костей голени) (рис. 5).

Состояние зарапации черепных швов свидетельствует о возрасте в пределах от 20 до 25 лет. По-видимому, погребенный мужского пола. Подбородочный бугор и нижний край симфиза нижней челюсти, а также верхний край глазниц однозначно указывают на мужские признаки, в то время как очертания надглазных дуг и величина зубов не могут служить признаками определения ни мужского, ни женского пола. На мужской пол не указывают малый и средний сосцевидные отростки и глаубелла, их степени развития. Во всяком

Рис. 7. Фрагмент левой малой берцовой kosti (скелет «В»).

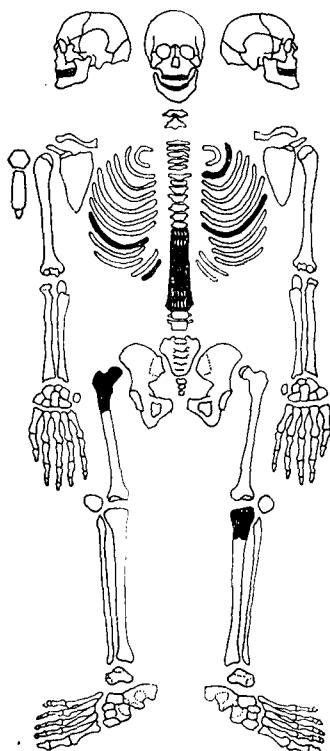

Рис. 8. Схема наличия частей скелета. Северная могила.

случае, сказанное выше справедливо для очень молодого возраста. Прочность диафиза костей, как и развитие мышечной метки на плечевой кости, однозначно говорят в пользу мужского пола.

Состояние зубов. Были исследованы следующие зубы: 11/12/13/14/15/16/23/24/25/26/28/31/32/33/34/35/36/37/38/41/42/44/45/46/47/48. Патологические изменения, например кариес, не установлены. Стертость моляров, равно как и состояние окостенения, свидетельствуют об очень молодом возрасте.

Скелет «В». Обнаружен в обвале крепиды, но немного глубже и на расстоянии нескольких метров от скелета «А», сохранилось не намного больше фрагментов. Как и в первом случае, эрозия почвы очень сильно разрушила кости. В отдельности сохранились не-

большие фрагменты кости свода черепа (лобная, теменная, височная кости обеих сторон черепа), незначительные остатки лицевого скелета (лобный отросток левой верхней, небольшие обломки нижней челюстей, а также почти все постоянные зубы), передняя дужка 1-го шейного позвонка, обломки диафиза плечевой кости, фрагмент подвздошной кости, диафиз правой и левой бедренных костей, диафиз левой большеберцовой и левой малоберцовой костей, а также фрагмент диафиза правой большеберцовой кости (рис. 6).

Состояние облитерации черепных швов, как и стертость зубов, говорят о зрелом возрасте (приблизительно от 40 до 59 лет). Скорее всего, скелет мужского пола, на что указывают мускульные метки на черепе и фрагментах очень крепких длинных костей, сравнительно сильно развитых. Зубы — средней величины, и поэтому они не могут служить показателем для определения пола.

Состояние зубов. Были исследованы следующие зубы: 13/14/15/17/23/24/25/27/31/32/33/34/35/36/37/38/41/42/43/44/46/47/48.

Патологические изменения ни на зубах, ни на сохранившихся альвеолах не прослежены. Износ зубов, в частности премоляров и моляров, следует оценить как относительно сильный (например, зубы 36 и 46 имеют степень стертости 5+, по Бrottвэллу) [1972].

На суставной поверхности передней дужки шейного позвонка установлены дегенеративные изменения (степень II/III), которые доказывают, что артроз образовался в шаровидном суставе головы. На нижнем конце диафиза левой бедренной кости, как и на верхнем конце диафиза левой малоберцовой (рис. 7), имеется утолщение слегка вздутой формы, выступающее над первоначальной поверхностью. Можно поставить следующий предположительный диагноз: воспалительный процесс либо обызвествленная или окостенелая гематома.

Скорее всего, в случае со скелетами

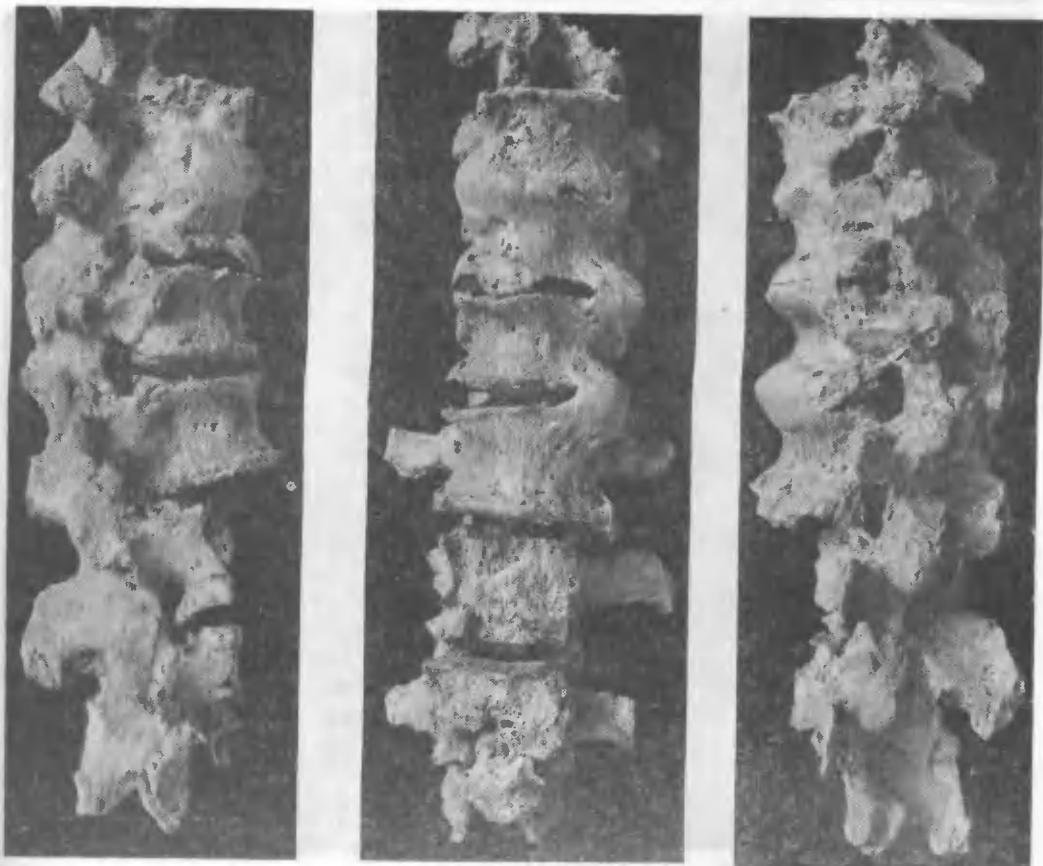

Рис. 9—11. Сохранившиеся разделы позвоночника. Северная могила.

«А» и «В» идет речь не о правильном захоронении, так как иначе (на примере так называемого захоронения слуги) они были бы захоронены в защищющую почву под крецидой. Между тем скелеты лежали в обвале крециды, чем и объясняется их относительно плохая сохранность. Хотя большая часть костей найдена в виде фрагментов, все же они представляют весь скелет, так как сохранились фрагменты костей всех важных частей тела (головы, туловища, верхних и нижних конечностей).

Положение отдельных костей в обвале крециды показывает, что оба скелет-

та первоначально лежали, вероятно, на крециде или перед ней. Как пишет Геродот [IV, 72], у скифов был обычай убивать определенное число воинов и лошадей в честь захороненного царя. Тела убитых воинов затем усаживались на мертвых лошадей, поддерживаемых деревянными подставками, которые выставлялись вокруг кургана для «охраны» могилы своего мертвого царя. Возможно, речь идет о скелетах именно таких воинов.

5. Скелет из Северной могилы

В районе Северной могилы найдены лишь отдельные кости, которые, скорее всего, принадлежат одному индивиду-

уму. Во всяком случае, точно установлено, что кости конечностей относятся к одному скелету, так как в них наблю-

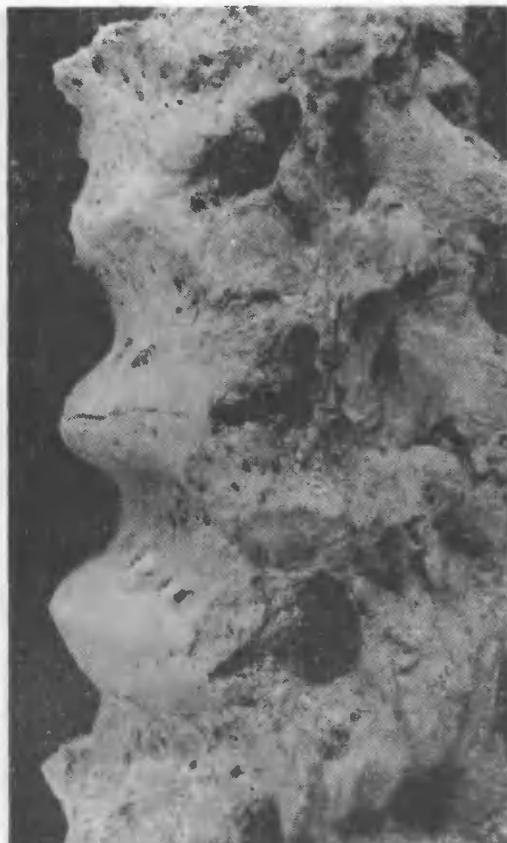

Рис. 12. Сохранившийся раздел позвоночника. Северная могила.

Рис. 13. Правая бедренная кость (деталь). Северная могила.

даются очень редко встречающиеся патологические костные изменения. Степень сохранности отдельных костей или фрагментов этого довольно стройного скелета — относительно костной субстанции — можно оценить как очень хорошую. Сохранились два правых и два левых ребра (на головке правого 12-го ребра можно увидеть окраску железом), 8—12-й грудные и 1—3-й поясничные позвонки, верхняя треть правой бедренной кости, а также верхняя четверть левой большеберцовой кости (рис. 8).

Пол не установлен. Возраст — старше 65 лет.

Наиболее ярким признаком скелета является сохранившийся раздел позвоночника. Позвонки окостенели, пре-

вратились в костное образование (рис. 9—11). Тела 8-го и 9-го грудных позвонков, а также 2-го и 3-го поясничных разрушились еще в захоронении. Все дужки позвонков и связки между ними (все *Ligamenta flavum*, а также частично *Ligamenta interspinalia*) окостенели полностью. Окостенению подверглось и несколько связок между поперечными отростками (*Ligamenta intertransversaria*), все суставы дужек позвонков. Исключение составляют только правый и левый суставы дужек 3-го поясничного позвонка. Сохранившиеся тела позвонков соединились друг с другом очень большими, крепкими костными мостами (*Syndesmophyte*). Не отмечено окостенение передней продольной связки. Между 1-м и 3-м, а вероят-

но, и 4-м, поясничными позвонками возникло окостенение задней продольной связки (рис. 9, 11, 12). Сильное окостенение тел позвонков в форме костных мостов отмечено прежде всего на левой стороне позвоночника. Эти изменения указывают на воспалительное заболевание позвоночника, которое можно отнести к области ревматической группы патологических форм (Morbus Bechterew). Дифференцируя диагноз, необходимо иметь в виду гиперостотическое заболевание (гиперостоз) позвоночника, т. е. заболевание Forestier.

Все сохранившиеся тела позвонков слегка сглажены вертикально, что привело к усиленному кифозу позвоночника в этой области (рис. 9, 11). Такое уплотнение восходит прежде всего к дегенеративным изменениям, которые могут опережать образование костного моста позвоночника и окостенение суставов позвоночных дужек. Несмотря на эти дегенеративные изменения, сохранились все пространства межпозвонковых дисков, даже если они сузились вследствие усиленного кифоза в ограниченной степени. К сужению межпозвонковых отверстий в первую очередь приводит окостенение связок. Возникающее при этом давление на выходящие спинномозговые нервы могло дать толчок возникновению тяжелых недугов.

Дальнейшие признаки артроза позвоночника зафиксированы на покровной пластине 10-го грудного позвонка (степень V). Состояние связки между позвоночником и ребрами (сустав головки ребра и реберного бугорка) также указывает на ярко выраженный артроз (степень IV/I).

В основной пластине 1-го поясничного позвонка находится вдавление грыжи межпозвонкового диска величиной почти с горошину. Вторичные известковые отложения в области этого вдавления или в середине тела позвонка можно рассматривать как обызвествленные остатки межпозвонкового диска.

На сохранившемся фрагменте бедренной кости можно распознать увеличен-

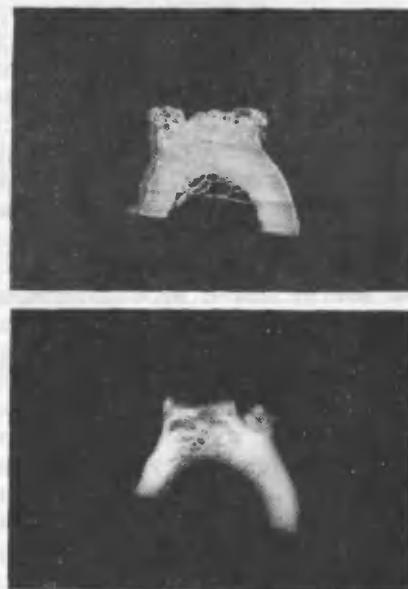

Рис. 14, 15. Суставы головки бедра.

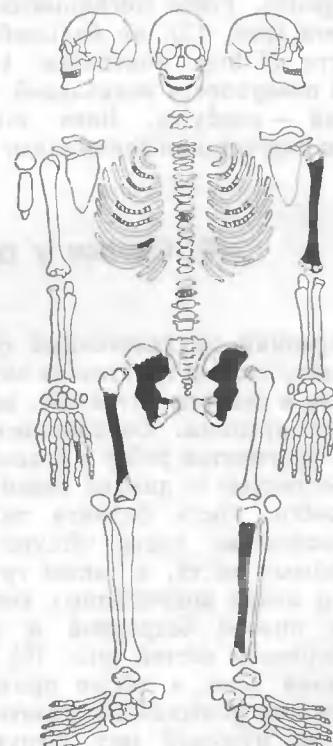

Рис. 16. Схема наличия частей скелета, обнаруженных под северо-западным останцем.

ный позвонок шейки и тела бедра (Сохæе valga). Такое изменение могло привести к артрозу в тазобедренном суставе и, возможно, коленном, а также к Х-образным ногам. Поверхности суставов головки бедра, как и верхних суставных поверхностей левой большеберцовой кости, указывают на дегенеративные изменения (степень IV или III). На сохранившихся отделах бедренной кости, как и на большеберцовой, находятся необычно сильные, экзостотические разрастания кости, которые расположены преимущественно на метках прикрепления мускулатуры, а также связок и суставных сумок. Обильные разрастания существенно изменили нормальную конфигурацию прикрепления мышц и сухожилий. Величина разрастаний насчитывает несколько миллиметров, в частности, ее можно найти на бедренной кости в следующих местах: trochanter major minor, tuberositas glutea, Fossa trochanterica, Linea aspera (рис. 13); на большеберцовой кости (Tibia): tuberositas tibiae, внешней поверхности медиальной и латеральной — condylus, linea musculi solei. Эти разрастания напоминают шую-

sitis ossificans. Причину их следует искать не в воспалительных реакциях, а, скорее, в генетически обусловленных нарушениях обмена веществ. Гиперостотические изменения такого вида в скелете сегодня в большинстве случаев определяются как диффузные идиопатические гиперостозы скелета (DISH) (рис. 14, 15). Травматические, а также ревматические изменения выделяются дифференциальным диагностированием.

Обобщая, о скелетах из Северной мотилы можно сказать следующее: гиперостотические изменения на длинных костях можно объяснить заболеваниями, связанными с обменом веществ. Во всяком случае, вопрос, приводит ли окостенение позвоночника к наблюдаемой клинической картине, сомнителен. В меньшей степени признаки указывают на заболевание Forestier, чем на заболевания ревматической группы нозологических форм. Поэтому, вероятно, при описанных выше изменениях в позвоночнике речь идет о случае болезни Бехтерева (Morbus Bechterew). Дегенеративные изменения образовались уже перед окостенением.

6. Скелет у северо-западного участка креиды

Очень крепкий крупнокостный скелет приблизительно той же степени сохранности, что и скелеты «А» и «В», найден в обвале креиды. Сохранились несколько фрагментов ребер и позвонков, почти полностью — диафиз левой плечевой кости, кость фаланги пальца, обе подвздошные кости (отсутствуют обе лобковые кости, а также гребень правой и левой подвздошных костей), диафизы правой бедренной и левой большеберцовой костей (рис. 16).

Признаки таза, а также прочность постчерепного (postcranial) скелета указывают на мужской пол. Структура мышечной метки и толщина компактной ткани диафиза длинных костей свидетельствуют о зрелом возрасте — приблизительно от 30 до 59 лет.

Патологические изменения на скелете не обнаружены.

Броутвэлл, 1972 — Brothwell D. R. Digging up Bones.— Oxford; Oxford University Press.— 1972.

Керли, 1965 — Kerley E. R. The Microscopic Determination of Age in Human Bone // Am. J. Phys. Anthropol.— 1965.— 23.— P. 149—163.

Керли, Юбелакер, 1978 — Kerley E. R., Ubelaker D. H. Revisions in the Microscopic Method of Estimating Age at Death in Human Cortical Bone // Ibid.— 1978.— 49.— P. 545—546.

Фрембах, Швайдецки, Штлоукал, 1979 — Ferembach D., Schwidetzky I., Stloukal M. Empfehlungen für die Alters — und Geschle-

chtdiagnose am Skelett // Homo.— 1979.— 30.—S. 1—32.

Шульц, 1986 — Schultz M. Methoden der Paläopathologie. Möglichkeiten der differentialdiagnostischen Untersuchung von prähistorischen Skelettfunden // Archäologie und Museum.— 1986.— 6.

Шульц, 1988a — Schultz M. Paläopathologische Diagnostik / Knussmann R. (Hrsg.) Anthropologie. Handbuch der vergleichenden Biologie, des Menschen 1.— Stuttgart, 1988.— S. 480—496.

Шульц, 1988б — Schultz M. Methoden der Licht — und Elektronenmikroskopie/ Ibid.— S. 698—730.

Шульц, Дроммер, 1983 — Schultz M., Drommer R. Möglichkeiten der Präparateher-

stellung aus dem Gesichtsschädelbereich für die makroskopische und mikroskopische Untersuchung unter Verwendung neuer Kunststofftechniken / Hoppe W. (Hrsg.) 32. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Mund — Kiefer — und Gesichtschirurgie, Lübeck — Travemünde. Experimentelle Mund — Kiefer — Gesichts — Chirurgie // Mikrochirurgische Eingriffe. — 1983.— 28.— S. 95—97.

Шульц и др., 1991 — Schultz M., Berg S., Bonte W., Kijewski H. Der morphologische Erhaltungszustand von subfossilem Knochenmaterial in Abhängigkeit von protektiver Metallimprägnation // Anthropol. Anz.— 1991.

Оммервейн, 1985 — Uytterschaut H. T. Determination of Skeletal Age by Histological Methods // Z. Morph. Anthropol.— 1985.— 75.— P. 331—340.

Приложение 9

С. И. КРУЦ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ КУРГАНА ЧЕРТОМЛЫК

Об антропологическом типе скифов, погребенных в курганах знати, или «царских», в отличие от рядовых скифов, которые оставили многочисленные подкурганные захоронения на территории Северного Причерноморья, известно очень мало [Дебец, 1948; Кондукторова, 1972; 1979; Зиневич, 1964; 1985; Великанова, 1975; Жиляева-Круц, 1970; и др.].

Наиболее полно исследованы антропологические материалы из знаменитого Александропольского [Бэр, 1866; Фирштейн, 1966] и Желтокаменского курганов [Круц, 1982]. Вывод Б. В. Фирштейна о различии в антропологических типах, представленных в основных и подчиненных (принадлежащих «слугам») погребениях [1966, с. 76], не нашел достаточного подтверждения при исследовании материала из кургана Желтокаменка [Круц, 1982, с. 230] из-за отсутствия четкой дифференциации основных и подчиненных погребений вследствие неоднократного ограбления кургана.

В меньшей степени изучены скелеты из Толстой Могилы [Круц, 1979] по причине очень плохой сохранности костей. Из кургана Куль-Оба описана только нижняя челюсть «скифского царя» — «крепкого мужчины около 30—40 лет с хорошо выраженным мышечным рельефом (на наружной и внутренней поверхностях кости)» [Рохлин, 1965, с. 248—250], которая изучалась с целью выявления патологических изменений зубочелюстной системы.

В Чертомлыкском кургане, к сожалению, не сохранилось ни одного полного скелета, несмотря на значительное количество погребенных. Те, что раскапывались И. Забелиным, практически не сохранились и никем, естественно, не описаны *, а на доследованных участках Чертомлыка в 1981—1986 гг. выявлены практически только обломки (в основном на периферии кургана) **.

Среди скелетных останков, найденных у основания крепиды в различных ее участках и принадлежащих мужчинам (о скелетах «А» и «В», скелете под северо-западным участком крепиды см. прил. 8), которые представили возможность в какой-то мере восстановить (или скорее подтвердить) описанный Геродотом погребальный ритуал скифов [Мурзин, Ролле, 1989] — умерщвленные воины на мертвых конях вокруг кургана,— встречены и обломки черепа женщины. Так, на участке № 1 (раскопки 1983 г.) каменной крепиды на значительном расстоянии друг от друга найдены фрагменты черепа, принадлежащие молодому индивидууму (что подтвердилось при реставрации неполного свода черепа, состоявшего из лобной, левой теменной и затылочной костей) — женщине юного (*juvenis*) или зрелого (*adultus*) возраста.

* За исключением костных остатков из погребения «слуги» в восточной части кургана (см. прил. 8).

** О рентгенологических исследованиях этих остатков см. прил. 8.

ТАБЛИЦА 1. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ДЛИННЫХ КОСТЕЙ ВЕРХНИХ И НИЖНИХ КОНЕЧНОСТЕЙ СКЕЛЕТОВ ИЗ КУРГАНОВ ЧЕРТОМЛЫК И БЕРДЯНСКИЙ

Номер по Марти- ну	Наименование признака	Чертомлык, погре- бение 1 — «виночерпий»		Бердянский курган, центральная могила — дно входной ямы, скелет 2	
		δ 25—30		δ 22—25	
		правая	левая	правая	левая
Плечевая кость					
1	Наибольшая длина	—	—	327	327
2	Общая длина	—	—	321	322
3	Верхняя эпифизарная ширина	—	—	51	50
4	Нижняя эпифизарная ширина	68	—	66	57
5	Наибольший диаметр середины диафиза	26	—	23	23
6	Наименьший диаметр середины ди- афиза	19	—	19	18
7	Наименьшая окружность диафиза	72	—	66	65
7а	Окружность середины диафиза	76	—	70	68
6 : 5	Указатель сечения	73,1	—	82,6	78,3
7 : 1	Указатель прочности	—	—	21,4	20,8
Лучевая кость					
1	Наибольшая длина	267	—	259	—
2	Физиологическая длина	247	—	241	—
4	Поперечный диаметр диафиза	19	—	17	—
5	Сагиттальный диаметр диафиза	13	—	13	—
3	Наименьшая окружность диафиза	46	—	44	—
5 : 4	Указатель сечения	68,4	—	76,5	—
3 : 2	Указатель прочности	18,6	—	18,3	—
Локтевая кость					
1	Наибольшая длина	288	—	—	—
2	Физиологическая длина	247	—	—	—
11	Передне-задний диаметр	15	15	15	—
12	Поперечный диаметр	17	17	24,5	—
13	Верхний поперечный диаметр	28	—	20	—
14	Верхний дорзо-влярный диаметр	32	—	25	—
3	Наименьшая окружность диафиза	42	41	42	—
3 : 2	Указатель прочности	17,0	—	—	—
11 : 12	Указатель сечения	88,2	88,2	69,8	—
13 : 14	Указатель платолениии	87,5	—	80,0	—
Бедренная кость					
1	Наибольшая длина	464	462	—	457
2	Длина в естественном положении	459	456	—	455
21	Мышцелковая ширина	80	83	84?	81
6	Сагиттальный диаметр середины диафиза	30	—	30	30
7	Поперечный диаметр середины диафиза	28	—	29,5	28,5
9	Верхний поперечный диаметр диафиза	38	34	34	33
10	Верхний сагиттальный диаметр диафиза	27	26	27	26,5
8	Окружность середины диафиза	90	—	93	94
8 : 2	Указатель прочности	19,6	—	—	20,7
6 : 7	Указатель пиястрии	107,1	—	101,7	105,3
10 : 9	Указатель платиметрии	81,8	78,8	79,4	80,3

Продолжение табл. 1

Номер по Марти- ну	Наименование признака	Чертомлык, погребе- ние — 1 «виночерпий»		Бердянский курган, центральная могила — дно входной ямы, скелет 2	
		♂ 25–30		♂ 22–25	
		правая	левая	правая	левая
Большеберцовая кость					
1	Полная длина	370	—	376	373
2	Мышцелково-таранная длина	—	—	350	349
1a	Наибольшая длина	—	—	379	376
5	Наибольшая ширина верхнего эпифиза	78	—	75	75
6	Наибольшая ширина нижнего эпифиза	53	—	55	55
8	Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза	31	—	32	31,5
8a	Сагиттальный диаметр на уровне for. nutr.	36	—	38	36
9	Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	22	—	22	23
9a	Поперечный диаметр на уровне for. nutr.	25	—	25,5	25
10	Окружность на уровне середины диафиза	85	—	90	90
10в	Наименьшая окружность диафиза	76	—	81	82
9 : 8	Указатель сечения	71,0	—	68,8	73,0
10в : 1	Указатель прочности	20,5	—	21,5	22,0
9а : 8а	Указатель пластичности	69,4	—	67,1	69,4
Малая берцовая кость					
1	Наибольшая длина	374	372	—	—

Кроме того, например, в кургане скіфского времени у с. Ивановка Киевской обл. (раскопки Г. Т. Ковпаненко, 1983 г.) во рву, окаймляющем курган, в различных местах найдены фрагменты черепов, принадлежащие трем osobям (двум женщинам молодого и зрелого возраста, а также субъекту юношеского, а возможно, подросткового возраста). Во внешнем рву кургана у г. Каменка-Днепровская (раскопки В. В. Отрошенко, Ю. Я. Рассамакина, 1986 г.) в различных его частях встречены обломки трех черепов: двух мужчин взрослого (adultus) и женщины юного (juvenis) возраста. Перечисление таких фактов можно было бы продолжить. Находки подобных остатков вместе с костями животных и амфорным боем свидетельствуют, возможно, о человеческих жертвоприношениях при совершении тризны.

В непотревоженном виде при доследовании Чертомлыка сохранилось лишь одно погребение (№ 1, 1984 г.), видимо, лица, сопровождавшего центральное захоронение, названного «виночерпием», поскольку оно находилось в окружении большого количества амфор. Но и этот скелет частично был разрушен бульдозером при вскрытии погребения. Пострадала наиболее диагностичная часть — череп. Сохранившиеся обломки (правая теменная кость, правая орбита, обломки левой половины лобно-теменной кости) не раставлируются и не позволяют сделать хотя бы приблизительного заключения об антропологическом типе погребенного. В лучшем состоянии находились кости посткраниального скелета (подробнее о сохранности скелета, его рентгенологическом и гистологическом исследовании см. прил. 8).

Верхние конечности представлены трубчатыми костями только правой половины скелета (от левой сохранились фрагменты нижней части диафиза локтевой и нижней трети лучевой кости с кистью). Правая плечевая кость также частично разрушена в верхней трети диафиза вместе с эпифизом. Кость довольно мощная, с ярко выраженной дельтовидной шероховатостью (*musculus deltoideus*). Форма сечения диафиза характеризуется резкой платибрахией (см. табл. 1). Следует отметить наличие межмыщелкового отверстия (*foramen intercondyloideum s. supratrochleare*). Лучевая кость длинная, средней массивности (по указателю прочности) и средней уплощенности (по рубрикации В. В. Бунака) [1961]; локтевая — также длинная и достаточно массивная. Диафиз в верхней трети характеризуется зуролением.

Размеры бедренных костей относятся к категории среднедлинных. Правая несколько длиннее левой. Обе довольно массивные. Пилястр выражен средне. В проксимальной части лиафиз бедренных костей уплощен, причем на левой кости несколько больше.

Правая большеберцовая кость чуть выше средней длины (левая разрушена). Массивность — выше средней (по указателю прочности). По контуру сечения характеризуется мезокнемией. Малые берцовые кости длинные, левая на 2 мм короче правой. Голень по отношению к бедру среднедлинная.

В целом скелет характеризуется среднедлинными размерами (либо чуть выше среднего) с развитым мышечным рельефом, видимо, в результате значительной мускульной нагрузки; принадлежал мужчине до 30 лет.

Длина тела (рост) высчитана по формулам Л. Мануврие, К. Пирсона и А. Ли, В. В. Бунака и Г. Ф. Дебеца [Алексеев, 1966], т. е. в основном по формулам, применявшимся по отношению к среднедлинным размерам костей (наиболее приемлема формула Г. Ф. Дебеца, так как может быть использована в группах с различными пропор-

ТАБЛИЦА 2. ДЛИНА И ПРОПОРЦИИ СКЕЛЕТОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КУРГАНОВ ЧЕРТОМЛЫК И БЕРДЯНСКИЙ

Пропорции и рост	Чертомлык, погребение 1 (1984)		Бердянский, центральная могила, дно входной ямы	
	δ 25—30		δ 22—25	
	правая	левая	правая	левая

Пропорции (указатель)

Интермембральный	—	—	—	—
Берцово-бедренный	80,6	—	—	82,0
Лучеплечевой	—	—	79,2	—
Плечебедренный	—	—	—	71,9
Лучеберцовый	72,2	—	68,9	—

Рост (в см) по формулам

Л. Мануврие	173,5	168,6	167,4	167,5
К. Пирсона и А. Ли	169,5	—	158,0	166,6
В. В. Бунака	168,9	—	—	168,2
Г. Ф. Дебеца	169,2	—	—	169,9

ТАБЛИЦА 3. РОСТ МУЖЧИН, ПОГРЕБЕННЫХ В КУРГАНАХ СИФСКОЙ ЗНАТИ

Название кургана, погребения	Рост (в см) по формулам	
	Г. Ф. Дебеца	В. В. Бунака
Чертомлык, погребение 1 (1984 г.)	169,2	168,9
Толстая Могила, погребение «царя»	164,8	163,2
Казенная Могила, центральное погребение *	164,0	163,2
Желтокаменка, центральное, погребение, скелет 1	182,8	181,4
То же, письма 4	168,5	166,8
Бердянский, центральное погребение, скелет 1	167,3	167,0
То же, скелет 2	169,2	168,2

* Исследования автора, материалы не опубликованы.

циями тела). Рост колеблется от 168,9 (по В. В. Бунаку) до 173,5 см (по Л. Мануврие). Иными словами, рост погребенного «выночерием» выше среднего, по категории мировой рубрикации [Martin, 1928], что в принципе не выходит за рамки индивидуальной изменчивос-

ти известных скифо-сарматских групп [Кондукторова, 1972; 1979; Великанова, 1975]. Поскольку он погребен в «парском» кургане, то небезынтересно сравнить полученные данные с материалами из курганов подобного ранга, таких, как Толстая Могила, Желтокаменка [Круц, 1982], Бердянский, Казенная Могила (см. табл. 3).

Как видно из табл. 3, все размеры относятся к категории средних и выше средних величин длины тела [Martin, 1928], за исключением погребенного в кургане Желтокаменка (скелет 1), обладавшего очень большим ростом. Наименьший же обнаруживается в Толстой Могиле (погребение «паря») и в центральном погребении Казенной Могилы. Длина тела «виночерпия» из Чертомлыка очень сходна с длиной тела мужчин, погребенных в кургане Желтокаменка (ниша 4), а также в Бердянском (скелеты 1, 2). Обращает на себя внимание наибольшее сходство не только длины тела, но и пропорций, индивидуальных размеров отдельных костей «виночерпия» и мужчины из Бердянского кургана, скелет которого обнаружен на дне входной ямы (скелет 2) (см. табл. 1,2). Их сходство подчеркивается наличием у обоих довольно редко встречающегося межмыщелкового отверстия (*foramen intercondiloideum s. supratrochleare*) на плечевых костях. Как считают исследователи [Алексеев, 1966], межмыщелковые отверстия заметно варьируют в разных расовых группах, и хотя до настоящего времени вариации их слабо разработаны (так как практически не фиксируются в антропологических работах), в данном случае следует обратить внимание на некоторую повышенную встречаемость данного признака на скелетах из курганов скифской знати: в центральном погребении (скелет 3) Желтокаменского кургана, на двух женских скелетах из Вишневой моги-

лы*, на скелете молодой женщины из кургана 15 Золотобалковской курганной группы*.

Алексеев, 1966 — Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. — М., 1966.

Бунак, 1961 — Бунак В. В. Соотношение длины сегментов и полная длина тела по измерениям на скелетах (сравнительная характеристика двух групп) // Вопр. антропологии. — 1961. — № 7.

Бэр, 1866 — Бэр К. М. Описание черепов, вырытых из Александропольского кургана // Древности Геродотовой Скифии. — Приложение. — Спб. — 1866.

Грязнов, 1980 — Грязнов М. П. Аркан. — Л., 1980.

Дебец, 1948 — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Н. с. — 1948. — Т. 4.

Зиневич, 1967 — Зиневич Г. П. Очерки по палеоантропологии Украины. — Киев, 1967.

Зиневич, 1985 — Зиневич Г. П. Антропологічне дослідження медвинських курганів ранньоскіфського періоду // Археологія. — 1985. — Вип. 52.

Кондукторова, 1972 — Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н. э.— сер. I тыс. н. э.). — М., 1972.

Кондукторова, 1979 — Кондукторова Т. С. Физический тип людей Нижнего Поднепровья. — М., 1979.

Круц-Жиляева, 1970 — Круц-Жиляева С. И. Черепа из скифских погребений Керченской экспедиции 1964—1967 гг. // Древности Восточного Крыма, Киев, 1970.

Круц, 1979 — Круц С. И. Коротка характеристика палеоантропологічних матеріалів з Товстої Могили // Мозолевський Б. М. Товста Могила. — К., 1979.

Круц, 1982 — Круц С. И. Палеоантропологические материалы из кургана Желтокаменка // Древности Степной Скифии. — Киев, 1982.

Мартин, 1928 — Martin R. Lehrbuch der antropologie. — Jena, 1928. — Bd 11.

Мурзин, Ролле, 1989 — Мурзин В. Ю., Ролле Р. Основні підсумки сучасного дослідження кургану Чортомлик // Археологія. — 1989. — Вип. 1.

Рохлин, 1965 — Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. — М.; Л., 1965.

Фирштейн, 1966 — Фирштейн Б. В. Челюсти из Александропольского кургана // Вопр. антропологии. — 1966. — Вип. 22.

* Исследования автора. Материалы не опубликованы.

Приложение 10

О. П. ЖУРАВЛЕВ

КОСТНЫЕ ОСТАТКИ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ЧЕРТОМЛЫКА

В течение 1984—1985 гг. автором исследованы костные остатки из раскопок курганной группы Чертомлыка. (Перечень находок см. в табл. 1.) К сожалению, малый объем статьи не позволяет дать перечень находок по погребениям и курганам, поэтому материал в таблицах объединен по годам раскопок и по времени погребений в пределах века (V или IV в. до н. э.).

Согласно табл. 1, животные, скорее всего, забивались на месте, поскольку материал содержит практически все части скелета. Если бы туши уже убитых и разделанных животных доставлялись к месту погребения, то копытные фаланги оставались бы на месте забоя в шкурах животных.

Суммируя данные по группе курганов, следует отметить наличие костей почти всех видов домашних животных, кроме козы (хотя отсутствие определимых костей ни о чем не говорит, определение их — довольно сложная задача, и они вполне могли попасть в число не определенных до вида, т. е. в графу «овца и коза»). К сожалению, из-за малой выборки более или менее достоверные результаты могут дать исследования костей только лошадей и оленей (биометрическая обработка данных по ним приведена в табл. 2 и 3; там же — данные, касающиеся остальных домашних и диких животных, кости которых найдены в курганах Чертомлыка). По этой причине с целью биометрической обработки данных автор объединил весь костный материал.

Отсутствие среди костей роговых стержней быка домашнего (здесь и далее использованы зоологические названия видов) скорее всего свидетельствует о том, что во время трины в качестве сопроводительной пищи использовалось мясо комоловой породы, что, по свидетельству Геродота (IV, 29), характерно для скифских племен. Это подтверждается и остеологическим материалом из скифских памятников [Цалкин, 1960, с. 12—35; 1966, с. 11—12; Белан, 1982, с. 50]. К сожалению, небольшое количество костей и их сильная раздробленность не позволяют подробно охарактеризовать данный вид, а также сравнить данные, полученные при раскопках Чертомлыка, с аналогичными, относящимися к другим близким по времени и территории памятникам.

Овца домашняя из курганов Чертомлыка представлена несколькими цепьми костями (табл. 2), которые позволяют рассчитать высоту в холке, используя коэффициенты Д. Хаака [1965, с. 5—90]. Для двух плечевых (коэффициент 4,24) костей он составляет 59,5 и 63 см, для двух лучевых (коэффициент 3,96) — 60,5 и 61,5 см. Таким образом, средняя высота в холке у овец из Чертомлыка $61,13 \pm 0,71$ см. Сравнивая с данными В. И. Цалкина [1966, с. 32], убеждаемся, что она практически не отличается от таковой у овец, разводившихся в раннем железном веке в степной зоне, где она составляла $61,20 \pm 0,43$ см, существенно ниже у

ТАБЛИЦА 1. ПЕРЕЧЕНЬ КОСТЕЙ МЛЕКОПИ

Часть скелета, кость	1984 г. Курганская группа IV в. до н. э.				
	Бык	Овца *	Овца и коза	Лошадь	Олень благородный
1. Рога					
2. Мозговые части черепа					1
3. Лицевые части черепа					
4. Зубы верхние	2				
5. Нижние челюсти ***	1			2	
6. Зубы нижние	2				
7. Позвонки	2				
8. Ребра				64	
9. Лопатка	4			7	
10. Плечевая	5 (3)			9 (1)	
11. Лучевая + локтевая	3 (1)			14 (2)	1
12. Пястная	2			1	
13. Тазовая	3	2		3	
14. Бедренная		1 (1)		1	
15. Большая берцовая				3	
16. Таранная					
17. Пяточная					
18. Центральная					
19. Коленная чашечка					
20. Грифельная					
21. Другие суставные	4			2	
22. Плюсневая				1	
23. Метаподии					
24. I фаланга	4				
25. II фаланга	3				
26. III фаланга					
Всего	35	3	2	106	1
Число особей					
А. Молодые	1	1	1	2	
Б. Полувзрослые	1				
В. Взрослые	2	2		10	1

* Кроме того, по одному неполному скелету овцы найдено в кургане 9 погребении 2. В скобках во всех

** Из них три клыка.

*** Состояние зубного ряда нижних челюстей: курганская группа IV в. до н. э.— бык M₃ есть 1; овца и коза еще нет 2 и лошадь все зубы постоянные 1.

Часть скелета, кость	1985 г. Курганская группа IV в. до н. э.				
	Бык	Овца	Овца и коза	Лошадь	Бык
Овца *					
1. Рога					
2. Мозговые части черепа				8	37
3. Лицевые части черепа				10	7
4. Зубы верхние			1	19	10
5. Нижние челюсти **				5	9
6. Зубы нижние			1	1	17
7. Позвонки		1		11	116
8. Ребра	5		11	17	48
9. Лопатка	2			2	28
10. Плечевая	2 (1)	1 (1)		3	
11. Лучевая + локтевая	2 (2)	3 (3)		5	2 (2)
12. Пястная				3	4 (4)

ТАЮЩИХ ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ЧЕРТОМЛЫКА

1984 г. Крепида IV в. до н. э.				1985 г. Курганишлар группа V в. до н. э.				
Овца и коза	Свинья	Лошадь	Кабан	Бык	Овца	Овца и коза	Лошадь	Кабан
3	3	3	3	7	7	7	3	3
1	2	2	2	2	2	2	1	1
3	3	3	2	1	2	1	6	1
1	1	1	7	4	4	12	14	1
1	6	6	6	1	1	1	3	3
1	2	2	2	2 (1)	2 (2)	1 (1)	3	3 (1)
7 (1)	7 (1)	7 (1)	3	2	1	1 (1)	1 (1)	1
3	3	3	3	1	3	3	3	3
1	6	6	2	2	2	3 (3)	3	3
3	3	3	3	1	1	1	1	1
1	2	2	2	1	2	2	1	1
1	1	1	1	1	1	6	1	1
1	2	2	2	1	1	4	1	1
10	9	9	9	3	12	12	1	1
5	5	5	5			1 (1)	1	1
3	3	3	3			1 (1)	1	1
3	3	3	3			1 (1)	1	1
3	3	3	3					
СРЕДНИЙ КОЛИЧЕСТВО								
3	3	175	2	13	6	41	36	1
1	1	1	1	1	1	1	1	1
1	4	42	1	3	2	5	5	1

графах указано количество костей с неприросшими эпифизами — от молодых и полу взрослых животных.

за М₄ еще нет 1; крепида IV в. до н. э.— лошадь М₅ есть 2; курганный группе V в. до н. э.— овца и коза М₆.

1985 г. Северная могила IV в. до н. э.

Овца и коза	Свинья	Лошадь	Собака	Медведь	Волк	Габан	Сайгак	Быскуля европейская	Олень блогородный
1 03,85 03,81	1 2	1 19	0 11	0 19	21,0 24,0	14 22 23	1 139	1	2 20 2 26 1 17
5 1	4 6 1	3 3 3 4 4 4	3 3 3 4 4 4	3 3 3 4 4 4	1				

Номер	Часть скелета, кость	1985 г. Курганская группа IV в. до н. э.				Бык	Овца *
		Бык	Овца	Овца и коза	Лошадь		
13. Тазовая		2				3	2
14. Бедренная	5	2 (2)				5 (4)	1 (1)
15. Большая берцовая	5	1 (1)				2 (2)	1 (1)
16. Таранная		1				2	1
17. Пяточная	5	1 (1)				2 (2)	1 (1)
18. Центральная		1				3	
19. Коленная чашечка						1	1
20. Грифельная						1	1
21. Другие суставные		2	1			6	26
22. Плюсневая		(1)	5			5	1
23. Метаподии	(1)	3 (4)	5				
24. I фаланга	(1)	2				5	5
25. II фаланга						1	10
26. III фаланга	(1)					2	11
Всего		13	13	13	106	341	112
Число особей							
А. Молодые		1				2	4
Б. Полувзрослые		1	1	1		1	
В. Взрослые		1				5	2
Всего		3	1		6	5	1

* Этот скелет молодой овцы найден в котле. В скобках во всех графах указано количество костей с непрорезанными молярами.

** Состояние зубного ряда нижних челюстей: курганская группа IV в. до н. э.— у лошади M_3 прорезывается 6 (эти животные были забиты в период с декабря по март — в зимний охотничий сезон) и M_3 прорезывается 6 (эти животные были забиты в период с декабря по март — в зимний охотничий сезон).

ТАБЛИЦА 2. ИЗМЕНЧИВОСТЬ КОСТЕЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Признак (мм, %, абсолютные величины)	Бык		
	n	Lim	$M \pm m$
1. Альвеолярная длина P^2-M^3			
2. Альвеолярная длина P^2-P^4			
3. Альвеолярная длина M^1-M^3			
4. Длина P^2			
5. Ширина P^2			
6. Длина P^3			
7. Ширина P^3			
8. Длина P^4			
9. Ширина P^4			
10. Длина M^1			
11. Ширина M^1			
12. Длина M^2			
13. Ширина M^2			
14. Длина M^3			
15. Ширина M^3			
Нижняя челюсть			
16. Альвеолярная длина P_2-M_3			
17. Альвеолярная длина P_2-P_4			
18. Альвеолярная длина M_1-M_3			
19. Длина P_2			
20. Ширина P_2			
21. Длина P_3			
22. Ширина P_3			

Продолжение табл. 1

1985 г. Северная могила IV в. до н. э.

ростными эпифизами — от молодых и полуувзрослых животных.
ся 4 в M_3 есть 4; Северная могила — овца из котла M_3 еще нет 2, овца и коза M_3 есть 1, кабан M_3 еще нет 3.

ИЗ БУРГАННОЙ ГРУППЫ ЧЕРТОМЛЫКА V–IV вв. до н. э.

Овца			Лошадь			Собака	
n	Lim	M	n	Lim	M ± m	n	M
10	140--149	141,00	3	159--170	164,33		
			4	83,5--89	87,25±1,70		
			4	71--78,5	74,64±2,24		
			13	35,5--38,5	36,96±0,28		
	5--54	14	22,5--25	23,71±0,33			
	5--32	8	27--29	27,88±0,40			
	5--30	8	24,5--28	26,38±0,47			
	6--16	5	26--29,5	27,60±0,75			
	28--30	29,50	3	24,5--27	26,20±0,61		
	27--24	23,25	3	23,5--25	24,20±0,75		
		24,00	3	24,5--26,5	25,40±0,47		
	18--63,87	18,87	13	23,5--25	24,40±0,61		
	64--69,60	64,60	15	24--26	25,00±0,35		
	14--15,5	14,50	7	25,5--30,5	28,09±0,43		
			19	21,5--24,5	22,95±0,22		
						Д. ВАСИЛЬЕВ	Н. Н.
						Б. МОСКОВСКИЙ	
	153--155,7	154,25	8				
	32--37,9	34,33	8	162--169	165,17		
	30--32	30,83	13	79,5--91	84,60±2,29		
			13	78,5--82	80,33		
			4	28--32,5	20,38±1,12		
	15,5--18	16,57	14	15,5--17	16,00±0,75		
	12,5--13	12,83	13	24,5--25,5	25,43±0,37		
			4	17,5--18,5	18,00±0,24		

Признак (мм, %, абсолютные величины)	Бык		
	n	Lim	M ± m
23. Длина Р ₄			3
24. Ширина Р ₄	2 (2)		5 (4)
25. Длина М ₁ ^{внешн.}	1 (1)		2 (2)
26. Ширина М ₁	1		2
27. Длина М ₂	1 (1)		
28. Ширина М ₂			
29. Длина М ₃ ^{внешн.}	1		37,00
30. Ширина М ₃	1		13,50
<i>Атлантический</i>			
31. Полная длина	1		
32. Полная ширина			
33. Длина вентральной дуги	2	1	44,50
34. Ширина вентральной дуги	2	1	45,00
35. Отношение 33 к 34	13	13	99,00
36. Ширина у передней суставной поверхности эпистрофея			
<i>Лопатка</i>			
37. Полная длина	21	3	1
38. Ширина верхнего конца	21	3	1
39. Ширина нижнего конца		1	
40. Большой диаметр суставной впадины	1		71,00
41. Малый диаметр суставной впадины	2	44—60	60,00
42. Расстояние от гребня до суставной впадины			52,00
43. Ширина шейки			
44. Отношение 38 к 37			
45. » 39 к 37			
46. » 41 к 39		1	62,00
47. » 41 к 40		1	73,50
48. » 42 к 43			
<i>Плечевая кость</i>			
49. Полная длина		1	284,50
50. Физиологическая длина			
51. Ширина верхнего конца		1	92,00
52. Ширина нижнего конца	2	69,5—77,5	73,50
53. Ширина нижнего суставного блока	3	63—76	70,33
54. Медиальный поперечник блока	3	37,5—45	41,67
55. Срединный перехват блока	3	26,5—32,5	40,17
56. Отношение 51 к 49	1		32,50
57. » 52 к 49	1		27,00
58. » 53 к 49	1		26,50
59. » 54 к 53	3	59—61	59,67
60. » 55 к 53	3	41,5—45	42,83
61. Полная длина предплечья			
<i>Лучевая кость</i>			
62. Полная длина лучевой			16,50
63. Наружная длина			
64. Ширина верхнего конца	1		72,00
65. Ширина верхней суставной поверхности (далее ВСП)	1		64,50
66. Медиальный поперечник ВСП			
67. Лateralный поперечник ВСП	1		20,50
68. Поперечник верхнего конца			

Продолжение табл. 2

Овца			Лошадь			Собака	
n	Lim	M	n	Lim	M ± m	n	M
			5	23—27	25,00±1,15		
			5	17,5—19	18,20±0,35		
			5	23—26	24,20±0,61		
			5	15,5—18,5	16,40±0,75		
			5	22,5—27,5	24,60±0,94		
			5	15—17,5	15,80±0,54		
			4	29,5—32,5	31,25±0,75		
			5	13—15,5	14,00±0,61		
			1	—	103,50		
			1	—	142,50		
			1	—	39,50		
			1	—	64,50		
			1	—	61,00		
			1	—	87,50		
			7	292—345	321,07±10,24		
			4	150—171,5	159,38±5,22		
1		34,00	17	82—99	91,56±0,40		
1		27,50	17	52,5—60,5	56,11±0,77		
1		21,50	16	42,5—50,5	46,74±0,58		
1		23,00					
1		21,00					
			4	45,5—55	50,00±2,40		
			6	26,5—30,5	27,75±0,94		
1		63,00	15	47,5—59	52,07±0,83		
1		78,00	17	78,5—87,5	83,56±0,57		
1		1,10					
2	140—149	144,50	3	275—287	282,33		
1		133,00	5	257—280	268,70±5,45		
1		41,00	3	88—90	89,00		
3	32,5—34	33,33	13	74—84,5	78,73±1,38		
3	29,5—32	30,67	14	69,5—75,5	72,54±0,60		
3	19,5—20	19,67	14	46,5—56,5	50,50±0,93		
3	14,5—16	15,17	15	33—38,5	35,93±0,25		
1		29,50	3	31—32	31,50		
2	22—24,5	23,25	3	26,5—28	27,17		
2	20—22	21,00	3	24,5—26,5	25,50		
3	64—66	64,67	13	65—76,5	69,92±1,00		
3	47,5—51	49,50	11	47,8—52	49,86±0,41		
1		192,00	1		412,00		
2	153—155,5	154,25	8	314—336	327,49±3,15	1	181,50
			8	299—320	310,49±3,32		
3	32—37,5	34,33	8	79—85	81,63±1,04	1	20,50
3	30—32	30,83	11	70—78,5	74,50±0,93		
3	15,5—18	16,67	12	37—45	39,63±0,73		
3	12,5—13	12,83	11	29—34,5	31,73±0,71	1	13,50

Признак (мм, %, абсолютные величины)	Бык		
	n	Lim	M ± m
69. Ширина диафиза	1		38,50
70. Поперечник диафиза	5		
71. Ширина нижнего конца	42		61,00
72. Ширина нижнего суставного блока	25		
73. Поперечник нижнего конца	25		
74. Отношение 64 к 62	5,33—6,73		
75. » 69 к 62	5,33—6,03		
76. » 71 к 62	0,63—0,71		
77. » 72 к 62	0,63—0,71		
78. » 66 к 65			
79. » 67 к 66	0,1		
80. » 68 к 64	0,1		
81. » 70 к 69	0,1		
82. » 73 к 71	0,1		
Локтевая кость			
83. Расстояние от клювовидного отростка (далее КВО) до верхнего конца бугра локтевой			
84. Длина бугра	7		
85. Ширина бугра	2		
86. Поперечник на уровне КВО	0,48—0,52		
87. Отношение 85 к 84	0,52—0,56		
Насчная кость			
88. Полная длина			
89. Наружная длина			
90. Ширина верхнего конца	2	49,5—51	50,25
91. Поперечник верхнего конца	2	30,5—30,5	30,50
92. Ширина диафиза ее	2	27—27	27,00
93. Поперечник диафиза	0,1		
94. Ширина нижнего конца	1		51,00
95. Поперечник нижнего конца	1		26,50
96. Отношение 90 к 88	0,8—0,85	0,81	0,81—0,85
97. » 92 к 88	0,8—0,85	0,81	0,81—0,85
98. » 94 к 88	0,8—0,85	0,81	0,81—0,85
99. » 91 к 90	0,8—0,85	0,81	0,81—0,85
100. » 93 к 92	0,8—0,85	0,81	0,81—0,85
101. » 95 к 94	0,8—0,85	0,81	0,81—0,85
102. Индекс медиальных валиков	0,91—0,95	0,91	0,91—0,95
103. Индекс латеральных валиков	0,91—0,95	0,91	0,91—0,95
104. Длина вертлужной впадины таза	1	6,45—	71,50
105. Ширина вертлужной впадины таза	1	6,45—	65,00
106. Ширина нижнего конца бедренной	1	6,45—	89,00
Большая берцовая кость			
107. Полная длина	8	52,22	52,22—52,22
108. Наружная длина	8		
109. Ширина верхнего конца	8	52,22	52,22—52,22
110. Ширина диафиза	8		
111. Ширина нижнего конца	8	52,22	52,22—52,22
112. Поперечник нижнего конца	11	52,06	52,06—52,06
113. Отношение 109 к 107			
114. » 110 к 107	5,33—7,6	5,33	5,33—6,71
115. » 111 к 107	5,33—7,6	5,33	5,33—6,71
116. » 112 к 111			

Продолжение табл. 2

Овца			Лошадь			Собака	
n	Lim	M	n	Lim	M ± m	n	M
3	17—18	17,67	11	36,5—42	39,23±0,50	4	14,00
1		10,00				1	7,50
3	29,5—31,5	30,67	9	72,5—79	74,89±0,85	1	25,50
			11	58,5—66	62,14±0,44	1	14,50
2	22—24	23,00	5	24,0—25	24,40±0,13	1	11,50
2	11,5—12	11,75	7	11,2—12,7	11,93±0,33	1	7,50
2	20,0—20,5	20,25	6	22—24	22,75±0,36	1	14,00
			8	18,5—19,5	18,81±0,19		
3	48,5—60	54,47	11	50—59	53,36±0,64		
3	72—84	77,33	10	73—87,5	81,10±1,54	1	66,00
						1	53,50
						1	57,00
2	38,5—39,5	39,00	4	79—88,5	85,63±3,40		
2	24—24,5	24,25	5	45,5—53	49,50±1,84		
2	11—11,5	11,25	5	29—31,5	30,00±0,61		
2	26—26,5	26,25	8	59—68	62,81±1,47		
2	46—47	46,50	5	58—63,5	60,70±1,22		
3	222—222,5			222,33			
4	210—215,5			213,50±1,80			
6	48—59			51,75±1,79			
6	33,5—37			35,33±0,28			
6	31,5—36,5			34,92±0,63			
6	21,5—26			23,58±1,22			
2	50—50			50,00			
3	36—38			36,33			
3	22,5—23			22,83			
3	15,8—16,2			16,00			
3	22,5—22,5			22,50			
3	69,5—72,5			70,50±1,05			
3	61,5—72			67,58±2,12			
3	72—72			72,00			
2	33—34,5	33,75	2	66,5—67	66,75		
2	31—31	31,00	2	65,5—65,5	65,50		
			1		92,50		
2	347,5—350,5			349,00			
2	316,5—320			318,25			
1				105,00			
4	39—44			42,00±1,80			
5	70—80			74,60±3,56			
6	40—49			44,50±2,22			
1				30,00			
2	11—12,5			11,75			
2	20—21,5			20,75			
4	61—63			61,88±0,47			

Признак (мм, %, абсолютные величины)	Бык			
	n	Lim	M±m	6
<i>Таранная кость</i>				
117. Наружная длина (у лошади — высота)	2	61—63,5	62,25	
118. Внутренняя длина	2	55—59,5	57,50	
119. Ширина верхнего конца	2	40,5—40,5	40,50	
120. Ширина нижнего конца	2	39—41	40,00	
121. Отношение 120 к 117	2	61,5—67	64,25	
<i>Пяточная кость</i>				
122. Полная длина	11	71,82	69,25	
123. Ширина на уровне КВО	11	71,82	69,25	
124. Поперечник на том же уровне	11	71,82	69,25	
125. Ширина центральной	2	48,5—54	51,25	
126. Поперечник	2	46,5—48	47,25	
<i>Плюсневая кость</i>				
127. Полная длина	12	78,2—87	80,0	
128. Наружная длина	1	78,2—87	80,0	
129. Ширина верхнего конца	1	7,12—7,12	7,12	44,00
130. Поперечник верхнего конца	1	7,12—7,12	7,12	40,00
131. Ширина диафиза	1	7,12—7,12	7,12	24,50
132. Поперечник диафиза	1	7,12—7,12	7,12	22,50
133. Ширина нижнего конца	1	7,12—7,12	7,12	
134. Поперечник нижнего конца	1	7,12—7,12	7,12	
135. Отношение 129 к 127	12	78,2—87	80,0	
136. » 131 к 127	12	7,12—7,12	7,12	
137. » 133 к 127	12	7,12—7,12	7,12	
138. » 131 к 128	12	7,12—7,12	7,12	
139. » 130 к 129	12	7,12—7,12	7,12	
140. » 132 к 131	12	7,12—7,12	7,12	
141. » 134 к 133	12	7,12—7,12	7,12	
<i>I фаланга передняя *</i>				
142. Полная длина	3	55—56,5	55,50	
143. Длина по средней линии	3	45—51,5	48,30±1,55	
144. Ширина верхнего конца	3	26,5—32,5	28,50±2,00	
145. Поперечник верхнего конца	3	30—32	30,83	
146. Ширина диафиза	6	20,5—28	24,58±1,27	
147. Поперечник диафиза	7	16—20	17,43±0,69	
148. Ширина нижнего конца (суставного блока)	4	24—31	26,50±2,11	
149. Поперечник нижнего конца (суставного блока)	4	18,5—23,5	20,38±1,80	
150. Отношение 144 к 142	3	47—51	49,00	
151. » 146 к 142	2	36,5—41	38,75	
152. » 148 к 142	2	42,5—45,5	44,00	
153. » 145 к 144	3	107—118,5	113,50	
154. » 147 к 146	6	71—86	75,50	
155. » 149 к 148	3	76—77	76,33	
<i>I фаланга задняя</i>				
156. Полная длина	3	63,8—64,3		
157. Длина по средней линии	3	54—58		
158. Ширина верхнего конца	3	18—20		
159. Поперечник верхнего конца	3	14—16		
160. Ширина диафиза	3	14—16		
161. Поперечник диафиза	3	14—16		
162. Ширина нижнего суставного блока	3	14—16		
163. Поперечник нижнего суставного блока	3	14—16		

Продолжение табл. 2

Овца			Лошадь			Собака	
n	Lim	M	n	Lim	M ± m	n	M
2	58—61	59,50	2	109,5—113,5	111,50	2	16,81
2	56,5—57,5	57,50	2	48,5—50	49,25	2	1,91
2	94,5—97,5	96,00	2	53—54,5	53,75	2	1,31
3	263—265	263,67	3	256—258	257,17	3	1,01
5	49,5—53	50,70±0,79	3	47,5—48	47,83	2	0,91
4	30—35	32,50±2,12	4	24,5—28	25,83	4	1,81
3	48—57,5	50,75±1,05	5	36—40	37,70±1,35	3	1,81
3	19—20	19,33	2	11,4—13,3	12,13	2	0,81
2	18,5—19,5	19,00	2	11,6—13,7	12,43	3	0,81
3	94—96	95,00	3	79—83,5	80,83	4	0,81
4	73,5—76	75,00±0,75					
2	83,5—84,5	84,00	1	26,50			
2	73,5—73,5	73,50	1	22,50			
2	54—55	54,50	1	10,00			
2	36,5—36,5	36,50	1	8,50			
2	36,5—36,5	36,50	1	6,50			
2	20,5—20,5	20,50	1	6,00			
2	44—44	44,00	1	8,00			
2	25,5—26,5	26,00	1	6,50			
2	64,5—65	64,75	1	37,50			
2	43—43,5	43,25	1	24,50			
2	52—52,5	52,25	1	30,00			
2	66,5—67,5	67,00	1	85,00			
2	56—56	56,00	1	92,50			
2	58—60	59,00	1	81,50			
6	78,5—90	87,17±2,04	6	76,25±2,00		6	1,81
6	69—80,5		6	56,58±0,39		6	0,91
6	55,5—57,5		6	38,58±1,00		6	1,31
6	36,5—43		6	37,00±0,92		6	1,01
6	34,5—40		6	21,42±0,46		6	0,91
6	19,5—22,5		6	44,92±1,41		6	1,81
5	41—47		5	26,30±0,28		5	0,81
	26—27						

Признак (мм, %, абсолютные величины)	n	Выск		
		Lim	M±m	
164. Отношение 158 к 156				
165. » 160 к 156				
166. » 162 к 156				
167. » 159 к 158				
168. » 161 к 160				
169. » 163 к 162				
<i>II фаланга передняя</i>				
170. Полная длина	10	34,5—41,5	38,70±0,78	
171. Длина по средней линии	13	30—38,5	34,69±0,75	
172. Ширина верхнего конца	11	25—31	28,27±1,10	
173. Поперечник верхнего конца				
174. Ширина диафиза				
175. Поперечник диафиза				
176. Ширина нижнего конца	9	21—27	24,39±0,93	
177. Поперечник нижнего конца	9	71—77	74,39±0,65	
178. Отношение 172 к 170				
179. » 174 к 170				
180. » 176 к 170				
181. » 173 к 172				
182. » 175 к 174				
183. » 177 к 176				
<i>II фаланга задняя</i>				
184. Полная длина	11	34,5—41,5	38,70±0,78	
185. Длина по средней линии	11	30—38,5	34,69±0,75	
186. Ширина верхнего конца	8	25—31	28,27±1,10	
187. Поперечник верхнего конца	8	71—77	74,39±0,65	
188. Ширина диафиза				
189. Поперечник диафиза				
190. Ширина нижнего конца	7	21—27	24,39±0,93	
191. Поперечник нижнего конца	7	71—77	74,39±0,65	
192. Отношение 186 к 184				
193. » 188 к 184				
194. » 190 к 184				
195. » 187 к 186				
196. » 189 к 188				
197. » 191 к 190				
<i>III фаланга передняя</i>				
199. Длина передней стенки				
200. Подошвенная длина (у лошади — ширина)				
201. Высота				
202. Отношение 200 к 199	60—82	45,5—53	49,50±3,54	
203. » 201 к 199	4	60—66,5	63,25	
		30—37,5	34,57±1,48	
<i>III фаланга задняя</i>				
204. Длина передней стенки	60—82	65—72	68,25±2,40	
205. Ширина	60—82			
206. Высота	60—82			
207. Отношение 205 к 204	60—82			
208. » 206 к 204	60—82			

* Деление всех фаланг на передние и задние приведено только для лошадей, для остальных видов это сделать

Продолжение табл. 2

не удалось.

Journal of the American Statistical Association, Vol. 33, No. 191, March, 1938.

ТАБЛИЦА 3. ИЗМЕНЧИВОСТЬ КОСТЕЙ ДИКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ЧЕРТОМЛЫКА V—IV вв. до н. э.

Признак (мм, %, абсолютные величины)	Кабан			Косуля европейская		Олень благородный		
	n	Lim	M	n	M	n	Lim	M ± m
<i>Розетка рога</i>								
1. Обхват				1	73,00			
2. Большой диаметр				1	22,00			
3. Малый диаметр				1	21,50			
4. Альвеолярная длина M^1-M^3					1			72,00
5. Длина M^3	1				1			26,50
6. Ширина M^3	1			26,00	1			23,50
7. Длина M_3	1			53,50	1			34,00
8. Ширина M_3	1			21,00	1			15,00
<i>I фаланга</i>								
9. Полная длина					2	60,5—62,5		61,50
10. Длина по средней линии					2	54,5—55,5		55,00
11. Ширина верхнего конца					2	22,5—24		23,25
12. Поперечник верхнего конца					2	27,5—29,5		28,50
13. Ширина диафиза					2	18—18,5		18,25
14. Поперечник диафиза					2	16—17		16,50
15. Ширина нижнего конца					2	21,5—22		21,75
16. Поперечник нижнего конца					2	18—18,5		18,25
<i>II фаланга</i>								
17. Полная длина				1	29,50	10	42—48,5	$45,55 \pm 0,88$
18. Длина по средней линии				1	28,50	10	40—45	$42,15 \pm 0,71$
19. Ширина верхнего конца				1	11,50	10	21—23,5	$22,30 \pm 0,27$
20. Поперечник верхнего конца				1	6,00	10	24,5—28,5	$26,94 \pm 0,60$
21. Ширина диафиза				1	7,00	10	14,5—17,5	$15,95 \pm 0,31$
22. Поперечник диафиза				1	10,00	10	18—21,5	$20,20 \pm 0,46$
23. Ширина нижнего конца				1	8,00	10	17,5—20	$18,70 \pm 0,25$
24. Поперечник нижнего конца				1	13,00	10	25—28	$26,85 \pm 0,48$
25. Отношение 19 к 17				1	39,00	10	47,5—53,5	$49,10 \pm 0,60$
26. » 21 к 17				1	23,50	10	33—37	$35,05 \pm 0,48$
27. » 23 к 17				1	27,00	10	37—45	$41,05 \pm 0,70$
28. » 20 к 19				1	52,00	10	116,5—126,5	$121,11 \pm 1,16$
29. » 22 к 21				1	143,00	10	116—138	$126,95 \pm 3,67$
30. » 24 к 23				1	162,50	10	117,5—151,5	$143,60 \pm 1,57$
<i>III фаланга</i>								
31. Длина по переднему краю	2	37—37	37,00	1	24,50	10	44,5—55	$48,90 \pm 1,29$
32. Подошвенная длина	2	37,5—38,5	38,00	1	26,50	10	47,5—64	$54,15 \pm 1,51$
33. Высота	2	19,5—20,5	20,00	1	14,50	14	27,5—34,5	$30,36 \pm 0,44$
34. Отношение 33 к 31	2	52—55,5	53,75	1	59,00	10	57,5—69	$62,35 \pm 1,20$

овец лесостепной зоны раннего железного века, у которых высота в холке достигала $65,18 \pm 0,57$ см, и существенно выше, чем у овец лесной зоны этого времени, где она равнялась

$58,41 \pm 0,35$ см. Отметим, что высота в холке овец из эллинистических слоев Ольвии составляет $65,50 \pm 1,03$ см [Журавлев, 1980, с. 98]. Таким образом, как и следовало ожидать, овцы

из Чертомлыка по этому показателю ближе всего к овцам, разводившимся в степной зоне европейской части СССР в раннем железном веке, и уступали овцам как из лесостепной зоны, так и овцам из античных памятников Нижнего Побужья. К сожалению, Н. Г. Белан [1982, с. 53] не приводит ошибки среднего арифметического для высоты в холке овец из Трахтемировского городища (она составляла в среднем 62,28 см), что не позволяет сравнить этот показатель с данными чертомлыкских исследований.

Наличие костей домашней свиньи интересно уже само по себе, поскольку, по свидетельству Геродота [IV, 63], скифы (видимо, он имел в виду кочевых скифов) свиней не разводили. Однако этот вид был известен оседлым скифским племенам Украинской Лесостепи: кости свиньи найдены на Трахтемировском городище [Белан, 1982, с. 53—55] и в степи — Каменское городище [Цалкин, 1960, с. 59]. Таким образом, скифским племенам, которым принадлежала курганская группа Чертомлыка, домашние свиньи были известны. Однако трудно сказать, поступали свиньи к ним откуда-либо, или они разводили их сами, поскольку найдено очень небольшое количество костей этого вида. Охарактеризовать породу домашних свиней из-за малой выборки невозможно.

Лошадь в курганной группе Чертомлыка представлена наибольшим количеством костей, что позволяет более или менее полно охарактеризовать этот вид. Следует отметить, что рассматриваемый здесь остеологический материал можно считать уникальным, поскольку автору не известны подобные публикации отдельных курганных памятников, которые давали бы достаточно достоверную выборку. В. И. Цалкин, исследовавший кости лошадей из Неаполя Скифского [1954а, с. 254—268] и памятников скифских племен лесостепной зоны [1966, с. 40—48], дает их характеристику либо по крупному городищу, либо вообще объединяет все

исследованные памятники. Н. Г. Белан [1982, с. 55—59] ведет речь только о городище. В статье В. И. Бибиковой [1973, с. 63—68] отсутствует морфометрическая обработка данных, из-за чего не представляется возможным сравнить лошадей из Толстой Могилы с лошадьми из остальных скифских памятников и памятников других культур.

Биометрическая обработка данных о лошадях из Чертомлыка приведена в табл. 2. При сравнении их с аналогичными данными из Трахтемировского городища [Белан, 1983, с. 58—59, табл. 5] обращает на себя внимание то, что размеры костей лошадей из курганов Чертомлыка больше таковых из Трахтемировского городища. Следует, правда, учитывать то обстоятельство, что Трахтемировское городище существовало несколько ранее, чем появились курганы Чертомлыка. А вот отличий между размерами костей из курганов Чертомлыка и столицы скифского государства в Крыму, Неаполя Скифского [Цалкин, 1954а, с. 255—261, табл. 1—12], не обнаружено. К сожалению, мы не располагаем аналогичными данными относительно других скифских и античных памятников Северного Причерноморья. Использовать данные В. И. Цалкина, касающиеся этих памятников [1960, с. 35—49], неподходящи, поскольку он суммировал данные, относящиеся ко всем памятникам Северного Причерноморья, без учета их хронологии и культурной принадлежности. При сравнении размеров костей лошади из курганов Чертомлыка с аналогичными из скифских лесостепных памятников [Цалкин, 1966, с. 41—48, табл. 37—46] прослеживается их сходство, хотя по двум признакам — ширине нижнего конца лучевой и полной длине задней путевой костей (1 фаланги) — первые больше вторых. К сожалению, В. И. Цалкин и на сей раз суммирует данные по всем исследованным им памятникам, поэтому проследить, к каким именно памятникам относятся указанные различия, невозможно.

Исходя из пропорций костей, можно установить наличие в курганах Чертомлыка следующих групп лошадей по пропорциям целых пястей и плюснен, согласно А. Браунеру [1916, с. 105—108]:

Тонконогие	1 (плюсна)
Средненогие	4 (3 пясти и 1 плюсна)
Толстоногие	1 (плюсна)

В. А. Топачевский приводит также градацию по первым фалангам (путовыми костям) лошадей. Согласно этой градации, материал из курганов Чертомлыка распределился следующим образом:

Тонконогие	1	тюф
Полутонконогие	4	тюфт
Средненогие	3	тюмт

Следовательно, основная масса костей лошадей из курганов Чертомлыка принадлежала полутонко- и средненогим лошадям.

Аналогичная картина наблюдается и на Трахтемировском городище [Белан, 1982, с. 55], в Неаполе Скифском и на скифских лесостепных памятниках [Цалкин, 1954а, с. 256; 1966, с. 42]. Небезынтересно, что из всех перечисленных памятников находки костей толстоногих лошадей, кроме курганной группы Чертомлыка, известны только из Неаполя Скифского. Аналогичные данные из Толстой Могилы отсутствуют.

Для вычисления высоты в холке лошадей обычно используются коэффициенты Кизевальтера [Цалкин, 1954 б, с. 220—221]. Для наружной длины лучевой кости они составляют 4,34, наружной длины пясти — 6,41 и наружной длины плюсны — 5,33. Согласно этим коэффициентам, высота в холке лошадей из курганов Чертомлыка составляла (по 15 измерениям) от 130 до 139 см, в среднем $135,73 \pm 0,92$ см. Это несколько выше, чем на Трахтемировском городище, где, по данным Н. Г. Белан [1982, с. 59, табл. 5], она равнялась $132,32 \pm 0,69$ см.

Для Неаполя Скифского этот показатель [Цалкин, 1954а, с. 255—259, табл. 1, 3, 7] таков (расчеты автора по

данным В. И. Цалкина): высота в холке (по 41 измерению) от 128 до 155 см, в среднем $136,49 \pm 1,31$ см. Следовательно, достоверных различий по этому показателю у лошадей из курганов Чертомлыка и Неаполя Скифского не наблюдается. Близка к указанным величинам и высота в холке лошадей из скифских лесостепных памятников [Цалкин, 1966, с. 48, табл. 47], колебавшаяся от 112 до 152 см в среднем $136,36 \pm 0,56$ см. Таким образом, можно говорить об отличии лошадей из курганной группы Чертомлыка от таковых из Трахтемировского городища и о сходстве первых с лошадьми из Неаполя Скифского и лесостепных памятников скифов.

По градации роста В. О. Витта [1952, с. 172—173, табл. 1], в курганах Чертомлыка найдены кости лошадей следующих групп: ниже средних по росту (высота в холке от 128 до 136 см) — 7, средние по росту (высота в холке от 136 до 144 см) — 12.

Обращает на себя внимание большое однообразие лошадей из курганов Чертомлыка по сравнению не только с лошадьми из Трахтемировского городища [Белан, 1982, с. 55] и других скифских городищ лесостепной зоны [Цалкин, 1966, с. 45], где найдены и мелкие, и рослые лошади, но и с курганом Толстая Могила, где найдены пять малорослых, шесть средних и одна рослая лошади [Бибикова, 1973, с. 66]. Родную лошадь В. И. Бибикова относит к верховой породе, остальные — к использовавшимся и под седло, и на работах. Видимо, отличия эти не случайны, а скорее связаны с социальным положением захороненных.

К сожалению, сравнить цифровые данные из Чертомлыка и Толстой Могилы, относящиеся к высоте в холке, невозможно, поскольку В. И. Бибикова [1973, с. 66], хотя и приводит среднее значение — 138 см, не указывает ошибку среднего арифметического.

Из-за малочисленности костей собак данный вид не может быть охарактеризован.

Из диких млекопитающих наибольшее число костей принадлежит кабану и благородному оленю. В табл. 3 приведена биометрическая обработка данных о костях всех диких животных. Аналогичные публикации материалов других близких по времени и территории памятников автору неизвестны. Так, в Толстой Могиле отмечены кости кабана и благородного оленя [Бибикова, 1973, С. 64], однако, как и для домашних животных, отсутствует биометрическая обработка данных, не позволяющая сравнить животных из курганов Чертомлыка и Толстой Могилы. На городищах наблюдается большее разнообразие костей диких млекопитающих, чем в курганах. Например, на Трахтемировском городище найдены кости зайца русака, бобра, лисицы, кабана, косули европейской, лося, благородного оленя, тура и зубра [Белан, 1982, с. 51, табл. 1], а в Неаполе Скифском [Цалкин, 1954а, с. 253—254] — зайца русака, бобра, лисицы, кабана, сайгака, благородного оленя, кулана. Различия в видовом составе курганов и поселений следует объяснить скорее всего культовыми причинами. Возрастной состав кабанов из Северной Могилы кургана Чертомлык говорит о том, что в основном эти животные могли быть забиты в зимний сезон охоты — с декабря по март, хотя есть кости и более молодых животных.

Соотношение числа особей домашних животных в курганах Чертомлыка следующее, %: крупный рогатый скот — 21,9, мелкий — 17,8, свинья — 2,7, лошадь — 56,2, собака — 1,4. Это отличает его как от Толстой Могилы, где полностью отсутствуют кости крупного рогатого скота [Бибикова, 1973, с. 65], так и от городищ и поселений, где, например на Трахтемировском городище [Белан, 1982, с. 51, табл. 1] и в Неаполе Скифском [Цалкин, 1954а, с. 253—254], значительно меньше лошадей и больше свиней и собак. Видимо, и здесь причиной является культовый характер курганов и различное социальное положение захороненных в них. Наи-

более ярко это проявляется при сравнении курганов Чертомлыка и Толстой Могилы: отсутствие костей крупного рогатого скота и наличие рослой верховой лошади в Толстой Могиле, а также присутствие первых и отсутствие вторых в Чертомлыке. Очевидно, из-за культового характера курганов не имеет смысла сравнивать соотношения между ними и поселениями и городищами.

Культовым характером захоронений в курганах можно объяснить и различия в составе диких млекопитающих. Так, в Чертомлыке их разнообразие большее (по числу особей 4,2 % приходится на медведя, 4,2 — на волка, 58,3 — на кабана, 4,2 — на сайгака, 8,3 — на европейскую косулю и 20,8 % — на благородного оленя), чем в Толстой Могиле (только кости кабана и благородного оленя). Доля диких животных по числу особей в курганах Чертомлыка составляла 24,7 % общего числа особей млекопитающих, причем основная масса находок пришлась на богатую Северную могилу (табл. 1). На городищах этот показатель меньше: на Трахтемировском — 14 % [Белан, 1982, с. 63, рис. 1], в Неаполе Скифском — всего 2,3 % [Цалкин, 1954а, с. 252—254]. Различия в долевом и видовом составе диких млекопитающих можно объяснить скорее всего имущественным или социальным положением захороненных в Северной могиле Чертомлыка и в остальных погребениях как курганной группы Чертомлык, так и Толстой Могилы, а не ролью охоты у населения, как это делается для поселений и городищ.

Следовательно, можно говорить о существенных различиях видового и породного состава млекопитающих на скифских курганах, с одной стороны, и на поселениях и городищах — с другой, а также об аналогичных различиях между разными курганами и курганными группами скифского времени. Видимо, все отличия следует объяснить социальным (а может быть, и этническим) положением захороненных в них.

Белан, 1982 — Белан Н. Г. Fauna Трахтемирівського городища // Археологія. — 1982. — Вип. № 38. — С. 50—63.

Бибикова, 1973 — Бибикова В. И. К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила // СА. — 1973. — № 4. — С. 63—68.

Браунер, 1916 — Браунер А. Материалы к познанию домашних лошадей России. 1. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губ. *Equus goschke-witschi mini* // Зап. Имп. Об-ва сельского хозяйства южной России. — Одесса. — 1916. — Т. 86, кн. 1. — С. 49—184.

Витт, 1952 — Витт В. О. Лошади Пазырьковских курганов // СА. — 1952. — № 16. — С. 163—205.

Журавлев, 1980 — Журавлев О. П. Дрібна рогата худоба елліністичного періоду Ольвії // Археологія. — 1980. — Вип. № 34. — С. 92—101.

Цалкин, 1954а — Цалкин В. И. Домашние и дикие животные из Неаполя Скифского // СА. — 1954. — № 20. — С. 253—287.

Цалкин, 1954б — Цалкин В. И. Fauna из раскопок в Гродно // МИА. — 1954. — № 41. — С. 211—236.

Цалкин, 1960 — Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // Там же. — 1960. — № 53. — С. 7—109.

Цалкин, 1966 — Цалкин В. И. Животноводство и охота племен восточноевропейской лесостепи в раннем железном веке // Там же. — 1966. — № 135. — С. 3—107.

Хаак, 1965 — Haak D. Metrische Untersuchungen an Röhrenknochen bei Deutschen Merinolandschafen und Heidschnucken // Inaugural-Dissertation zur Erlangung der veterinär-medizinischen Doktorulürde der Tierärztlichen Fakultät der Ludwig-Maximilians-Universität München. — München; Karlsfeld. — 1965. — 90 S.

Приложение 11

С. В. ПОЛИН

АМФОРЫ КУРГАНА ЧЕРТОМЛЫК

При доисследовании кургана Чертомлык в 1981—1986 гг. в общей сложности обнаружены остатки не менее 112 амфор. Подсчеты произведены с учетом всех профилированных частей, а также состава теста, из которого они изготовлены. В результате установлено лишь минимальное возможное число сосудов. В действительности их количество, несомненно, было большим, поскольку визуальная оценка состава глины и его сравнительный анализ в различных фрагментах носят достаточно относительный характер.

Распределение в скоплениях по количеству и по типам амфор показано

в табл. 1—3. Амфоры в кургане представлены сосудами типа Солоха II, с рюмкообразными ножками, синопского и гераклейского изготовления [Зеест 1960, с. 88—90, 96, 100—101; Лейпунская 1981, с. 63—66; Брашинский 1980, с. 22—27; 1984, с. 45—47]. Среди них преобладают амфоры типа Солоха II и с рюмкообразной ножкой, соответственно 49 и 38 %. Синопских и гераклейских амфор значительно меньше — соответственно 6 и 2 %, однако каждый тип представлен всеми профилированными частями амфор — венчиками, ручками, ножками (синопские — рис. 1, 9, 24; 4, 9, 22—24, 43; гераклейские —

ТАБЛИЦА 1. КОЛИЧЕСТВО УЧТЕННЫХ АМФОР

Номер п/п	Место находки	Ножки и донные части	Ручки	Венчики	Всего амфор
1	Найдены 1981 г.	6	—	—	6
2	Найдены 1983 г.	5	—	1	5
3	Найдены 1984 г.: Северо-западный останец, восточная половина	10	46	10	23
4	Скопление «А»	—	10	—	10
5	Скопление «возле бабы»	2	2	—	3
6	Скопление № 1 « № 2	—	—	—	7
7	« № 3	—	14	—	7
8	« № 4	9	46	9—12	23
9	« № 5	4	4	2	4
10	« № 6	2	12	3	6
11	Погребение № 1	—	6	6	6
12	Северная могила (заполнение)	1	—	—	1
13	Северная могила, 1985 г.	—	—	—	1
14	Всего	—	—	—	112

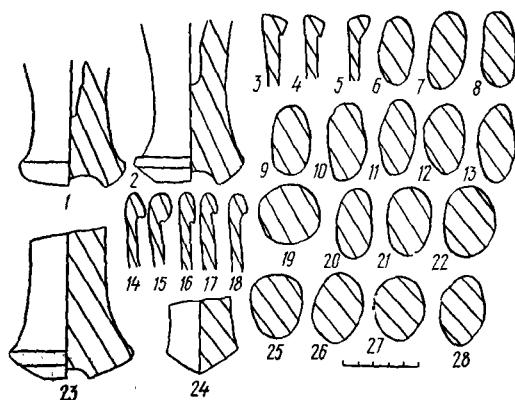

Рис. 1. Фрагменты амфор из скопления № 3:
1, 2, 14–22, 25–28 — амфоры типа Солоха II;
3–8, 10–13, 23 — амфоры с рюмкообразной ножкой;
9, 24 — амфоры Синопы.

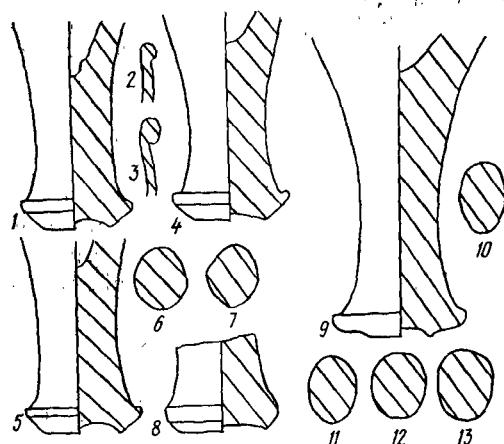

Рис. 2. Фрагменты амфор.

Скопление № 4 — 1–8; скопление «взле бабы» — 9, 10; скопление «А» — 11–13 (1–8, 10–13 — амфоры типа Солоха II; 9 — амфора с рюмкообразной ножкой).

рис. 3, 12, 13), а также клеймами. И. Е. Забелин раскопал клейменную ручку синопской амфоры, а в 1981 г.

ТАБЛИЦА 2. ТИПЫ УЧЕННЫХ АМФОР

Номер п/п	Тип амфор				
	С рюмкообразной ножкой	Солоха II	Синопа	Гераклея	Неопределенные
1	2	2	—	2	—
2	2	1	—	1	1
3	8	7	4	1	4
4	—	5	—	—	—
5	2	1	—	—	—
6	4	3	—	—	—
7	3	3	1	—	—
8	11	11	1	—	—
9	—	4	—	—	—
10	2	4	—	—	—
11	2	3	1	—	—
12	5	10	—	—	—
13, 14	2	—	—	—	—
Всего	43	54	7	3	5
В % к общему числу	38	49	6	2	5

найден фрагмент горловины гераклейской амфоры с энглифическим клеймом. Незначительная часть фрагментов амфор из кургана раскопок последних лет точному определению не поддается (5%). Из них две ручки по размерам и составу теста наиболее сходны с амфорами типа Солоха I (рис. 4, 32). Остальные могут быть отнесены к кругу Фасоса (рис. 4, 20, 21, 33). Два донышка из светло-коричневого теста (примеси различны: в одном случае это крупный песок, в другом — большое количество пироксена и немного мелких белых включений) затруднительно отнести к какому-либо из известных типов (рис. 3, 10; 4, 3).

ТАБЛИЦА 3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛЫХ АМФОР ПО ТИПАМ

Место находки	Амфоры с рюмкообразной ножкой		Амфоры типа Солоха II	
	Коричневая глина	Красноглинистые	Коричневая глина	Красноглинистые
Скопление № 1	№ 1–3, 7	—	—	№ 4–6
Погребение № 1	№ 11, 12, 15	№ 13, 14	№ 1–4	№ 5–10
Северная могила	2	—	—	—

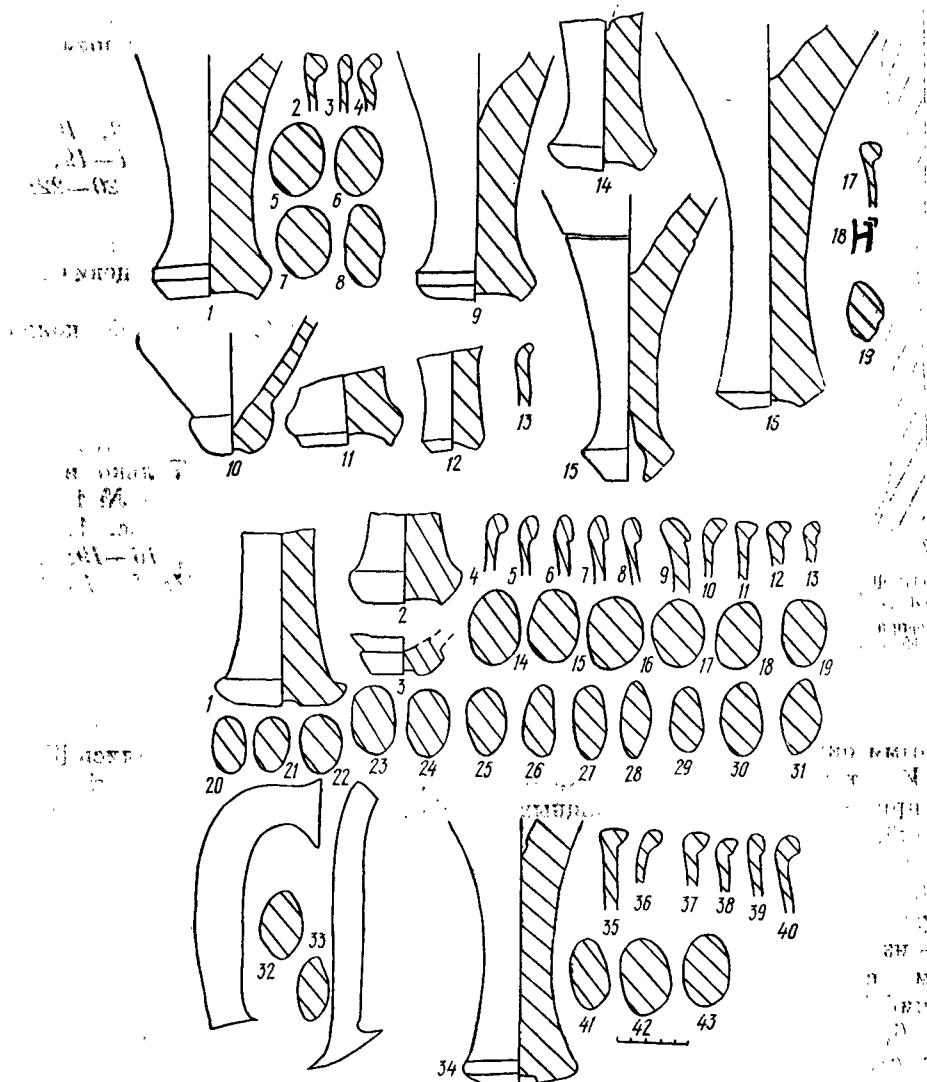

Рис. 3. Фрагменты амфор.

Скопление № 5 — 1—9; находки 1983 г. — 10—13, центральное погребение — 14; Северная могила — 15—19; (1—7, 9, 11, 14 — амфоры типа Солоха II; 8, 15—19 — амфоры с рюмообразной ножкой; 12, 13 — амфоры Гераклеи; 10 — неизвестный центр).

Из фрагментов в скоплении амфор № 1 и в погребении № 1, в Северной могиле восстановлены целые формы, что дало возможность получить их метрические характеристики. Обмеры проведены по схеме И. Б. Брашинского [1984а, с. 75]. Данные измерений представлены в табл. 4: общая высота со-

Рис. 4. Фрагменты амфор.

Северо-западный останец, восточная половина — 1—33; Скопление № 6 — 34—41 (2, 4—8, 14—19, 38—40, 42 — амфоры типа Солоха II; 1, 10—13, 25—31, 34—37, 41 — амфоры с рюмообразной ножкой; 9, 22—24, 43 — амфоры Синопы; 3, 20, 21, 32, 33 — неизвестные центры).

суда — Н, высота верхней части сосуда — Н₁ (от максимального диаметра корпуса до обреза венчика), глубина внутренней емкости — Н₂, максимальный диаметр корпуса — Δ, внешний и внутренний диаметры венца — Δ₁/Δ₂.

Среди амфор типа Солоха II выделяются две разновидности: более изящ-

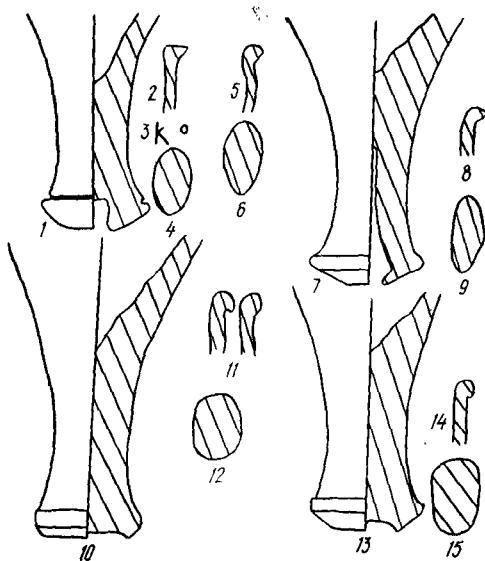

Рис. 5. Профилированные части амфор из скопления № 1:

1—4 — амфора № 3, 5, 6 — № 7; 7—9 — № 2; 10—12 — № 6; 13—15 — № 4.

ные и весьма массивные формы. Последние отличаются большими габаритами, массивными округлыми в сечении ручками. Их толщина $3,3-3,6 \times 4,3-5,0$ см, при этом ручки амфор изящных пропорций, линзовидные в сечении, размерами $2,2-2,8 \times 4-5,0$ см. Амфоры обеих разновидностей изготовлены из различного теста. Изящные амфоры — из светло-коричневого теста с высоким содержанием слюдянистых включений (№ 1—4 из погребения № 1 — рис. 6, 1—12, 16—19; 8, 1—3). Следует отметить, что у амфор этой разновидности под венчиками и на верхней части ручек нанесены красные полосы, а в средней части горловин той же краской изображены дипинти. На амфорах № 1 и 2 они одинаковые — «П» (рис. 6, 3, 7). На амфоре № 3 вертикально изображена монограмма: «А» (рис. 6, 11). На амфоре № 4 дипинти имеет вид двухстрочной надписи: «ПУЕП» (рис. 6, 18). Размерами эта группа амфор близка к серии, обмеренной И. Б. Брашинским [1984а, с. 197].

Массивные амфоры типа Солоха II изготовлены из красного теста с мелки-

ми белыми включениями; они, как уже отмечалось, отличаются крупными размерами и мощностью профицированных частей, в частности ручек (рис. 1, 1, 2, 14—22, 25—28; 2, 1—8, 10—13; 3, 1—7, 9, 11; 4, 2, 4—8, 14—19, 38—43; 5, 10—15; 6, 13—15, 20—22; 7, 1—10; 8, 5; 9, 1; 10, 3). Обе разновидности теста уже описаны в литературе [Зеест 1960, с. 88; Манцевич 1975, с. 75—81].

Амфоры с рюмообразной ножкой также изготовлены из двух разновидностей керамического теста. Амфоры из светло-коричневой глины отличаются повышенным содержанием в тесте слюдянистых включений. Только в тесте амфоры № 2 из скопления № 1 таких включений очень мало (рис. 1, 3—8, 10—13, 23; 2, 9; 3, 8, 16—19; 4, 1, 10—13, 25—31, 34—37; 5, 1—9; 7, 14—19, 22—25; 9, 2, 3). Красноглиняные амфоры этого типа содержат в тесте белые включения (рис. 7, 18—21). По нашим данным, красноглиняные амфоры с рюмообразной ножкой в литературе до сих пор не упоминались [Зеест, 1960, с. 88—89; Брашинский, 1976, с. 68]. По профилировке частей амфоры из светло-коричневой глины, найденные в кургане Чертомлык, находят ближайшие соответствия среди амфор Мелитопольского кургана [Тереножкин, Мозолевский 1988, с. 70—75], в частности амфор с большими полостями внутри ножек (рис. 5, 1, 7; 7, 22). Ножка амфоры из заполнения Северной могилы отличается от остальных амфор с рюмообразной ножкой меньшей массивностью и напоминает ножки фасосских биконических амфор (рис. 5, 7), хотя для последних как будто не известны такие полости в ножках. Целая амфора из Северной могилы выделяется значительной деформированностью в месте присоединения ручек (рис. 3, 16). Отличает ее от амфор этого типа, найденных в кургане, также очень высокая цельная ножка при сравнительно малой глубине емкости — 54 см, тогда как у других амфор она 54—68 см. В тесте кроме большого количества

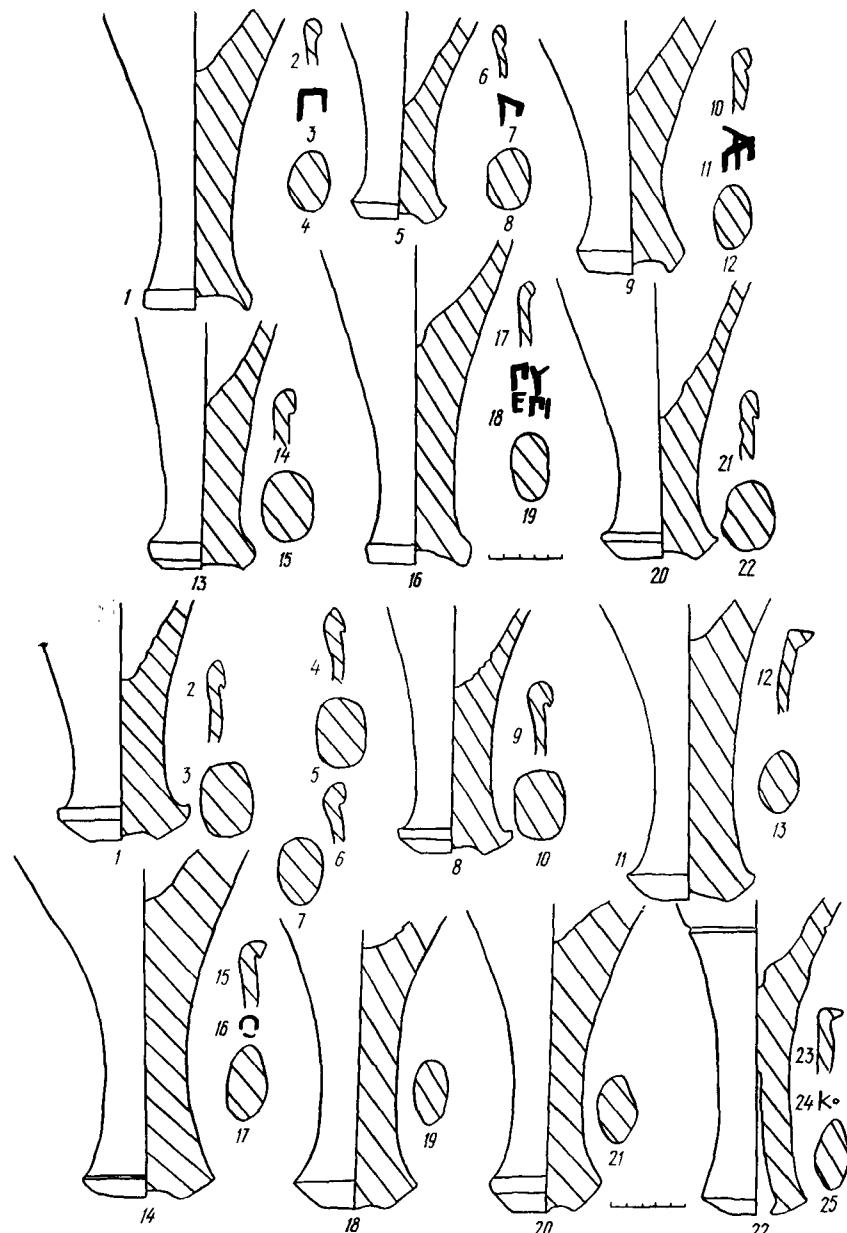

Рис. 6. Профилированные части амфор из погребения № 1:

1—4 — амфора № 1; 5—8 — № 2; 9—12 — № 3;
13—15 — № 5; 16—19 — № 4; 20—22 — № 6.

слюдянистых примесей содержит также песок. Под венцами и на верхней части ручек амфор № 2, 3, 7 из скопления № 1 и № 13, 15 из погребения № 1

Рис. 7. Профилированные части амфор из погребения № 1:

1—3 — амфора № 7; 4, 5 — № 10; 6, 7 — № 8;
8—10 — № 9; 11—13 — № 13; 14, 17 — № 12; 18;
19 — № 11; 20, 21 — № 14; 22—25 — № 15.

и на амфоры из Северной могилы красной краской нанесены полосы. На горловинах амфор № 3 из скопления № 1 и № 15 из погребения № 1 той же

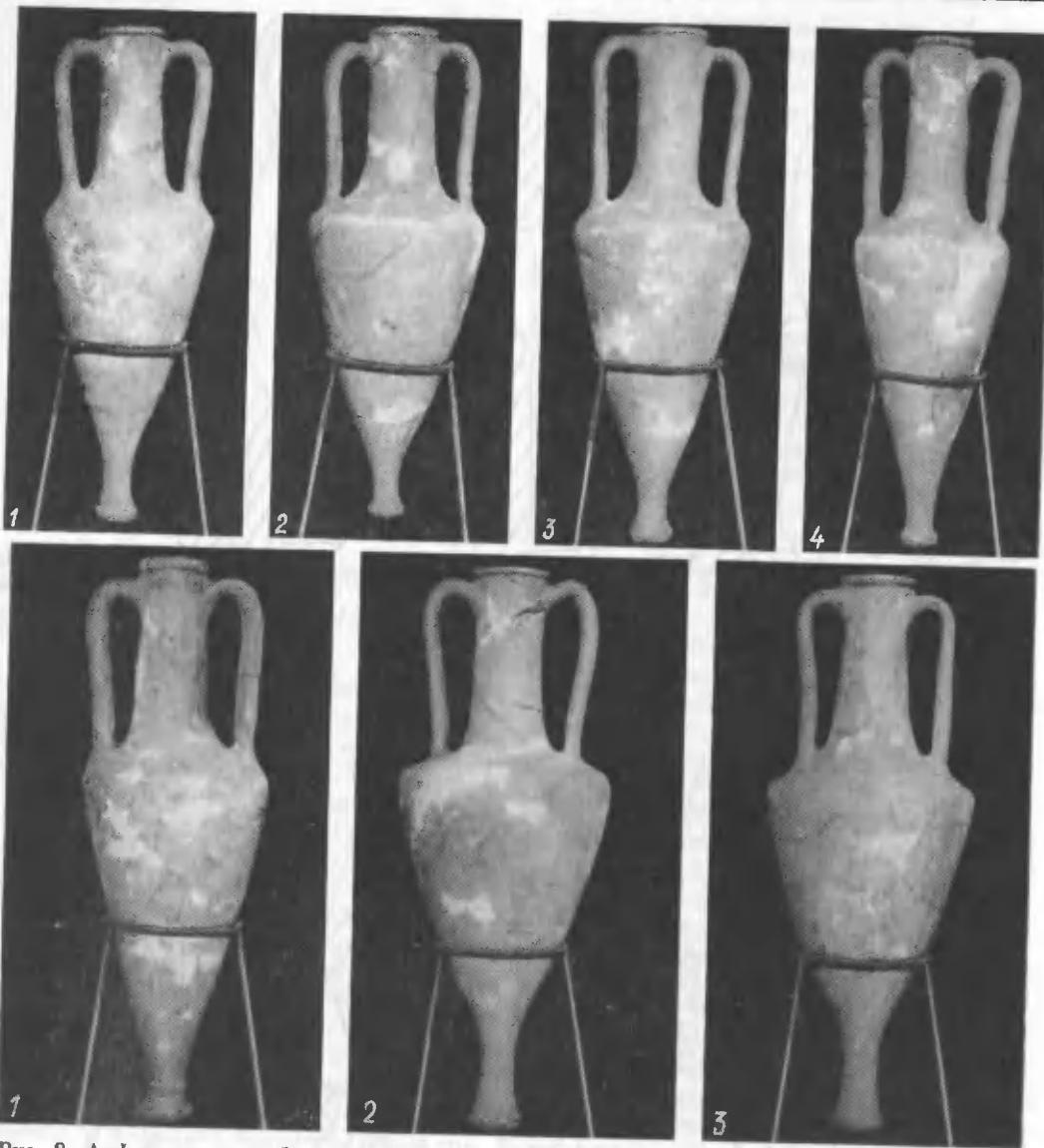

Рис. 8. Амфоры из погребения № 1:
1 — амфора № 1; 2 — № 2; 3 — № 3; 4 — № 5.

краской в средней части нанесены одинаковые дипинти: «КО» (рис. 5, 3; 7, 24). На ручке амфоры № 12 из погребения № 1 выше изгиба стоит энглифическое клеймо в виде окружности с двумя разрывами (рис. 7, 16). Такие клейма известны на амфорах различных центров весьма широкого хронологического диапазона [Зеест 1960, с. 72].

Рис. 9. Амфоры из погребения № 1:
1 — амфора № 7; 2 — № 11; 3 — № 12.

Необходимо отметить, что между отдельными экземплярами амфор разных типов — типа Солоха II и с рюмкообразной ножкой,— но изготовленных из теста сходного состава, принципиальных различий в профилировке ножек нет. И при отсутствии целых форм, по-видимому, было бы возможно иное распределение по типам.

Из Чертомлыка известны пять амфорных клейм. Три из них содержатся в материалах И. Е. Забелина: херсонесское, синопское, неизвестного центра (Родос?) [Алексеев, 1981, с. 75—84]. В 1981—1984 гг. найдены два клейма: гераклейское и на амфоре с рюмкообразной ножкой (№ 12 из погребения № 1). Отсутствие среди посуды, употреблявшейся во время тризны, херсонесских амфор и каких-либо иных, кроме упомянутых, требует осторожного подхода к находке клейм Херсонеса и, предположительно, Родоса в Чертомлыке. Во всяком случае, их связь с погребальными комплексами кургана и тризной не доказана. В составе тризны кургана Чертомлыкская Близница, расположенного рядом с Чертомлыком и, несомненно, синхронного ему, о чем свидетельствуют, в частности, детали конского убора, обнаружены остатки амфор тех же типов, что и в Чертомлыке: Солоха II, с рюмкообразной ножкой,

Синопа, Гераклея, но херсонесские амфоры отсутствовали. Возможно, это обстоятельство указывает на несколько более ранний возраст курганов по отношению к дате начала херсонесского клеймения в последней четверти IV в. до н. э. [Кац, 1985].

Г. Д. Белов предполагал, что часть амфор типа Солоха II, найденных в некрополе Херсонеса, по составу теста может быть отнесена к местной продукции [Белов, 1977, с. 21]. Н. А. Лейпунская также на основании состава глины допускает принадлежность части амфор типа Солоха II, найденных в Ольвии, к ольвийской продукции [1981, с. 66]. Даже если допустить правильность предположения Г. Д. Белова, то херсонесские клейма на амфорах типа Солоха II до сих пор неизвестны.

Большое значение для датировки кургана имеет вопрос о соотношении типов амфор из тризны Чертомлыка с амфорами из его погребений.

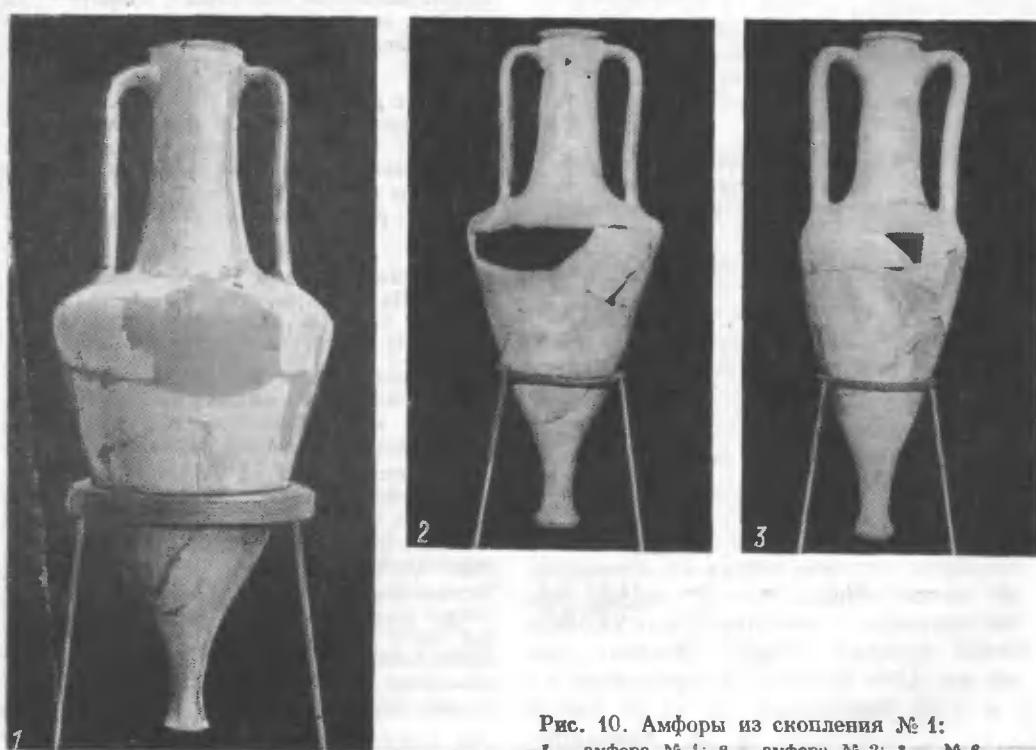

Рис. 10. Амфоры из скопления № 1:
1 — амфора № 1; 2 — амфора № 2; 3 — № 6.

ТАБЛИЦА 4. ХАРАКТЕРИСТИКА АМФОР

№ п/п	H	H ₁	H ₂	D	D ₁ /D ₂	Описание амфор
1	83,5	32,6	67,7	35,5	$\frac{11,9}{10,6}$	Амфора с рюмообразной ножкой. Тесто коричневое
2	81,8	32,8	67,4	31,9	$\frac{11,7 \times 11,2}{9,2 \times 8,6}$	Амфора с рюмообразной ножкой. Тесто светло-коричневое с небольшим содержанием слюдянистых включений
3	—	—	—	—	$\frac{11,2 \times 10,3}{8,3 \times 7,4}$	Части амфоры с рюмообразной ножкой (горловина без части одной ручки и донная часть). Под венчиком и на верхней части ручек красная краска. На горле дипинти: «Ко». Тесто желто-коричневое с большим количеством слюдянистых включений
4	—	33,5	—	—	$\frac{10,8}{8,5 \times 8,6}$	Части амфоры типа Солоха II (горловина с ручками и донная часть, несоединяющиеся между собой). Тесто красное с небольшим количеством белых включений
5	—	—	—	—	—	Горловина амфоры типа Солоха II. Отсутствуют венчик, обе ручки, а также донная часть. Тесто красное с мелкими белыми включениями
6	90,0	35,1	77,2	30,8	$\frac{11,9 \times 11,3}{9,2 \times 8,4}$	Амфора типа Солоха II. Тесто красное с мелкими белыми включениями
7	—	30,2	—	—	$\frac{11,8 \times 10,9}{9,4 \times 8,1}$	Часть амфоры с рюмообразной ножкой. Сохранилась горловина и боковая часть корпуса. Дно отсутствует. В тесте очень много слюдянистых включений. Поверхность покрыта серым ангобом, но не везде — часть корпуса розово-коричневого цвета
Северная могила						
1	75,4	31,0	54,0	28,3	$\frac{11,8 \times 9,7}{9,2 \times 7,3}$	Амфора с рюмообразной ножкой. Тесто светло-коричневое с высоким содержанием слюдянистых включений и песка. Под венчиком и на верхней части ручек красная краска. На горловине дипинти: «Н». Горло в месте соединения с ручками очень сильно деформировано
Погребение № 1						
1	79,9	30,0	64,1	27,8	$\frac{11,9 \times 10,7}{9,8 \times 8,6}$	Амфора типа Солоха II. Под венчиком красная краска. На горле дипинти: «П». Тесто коричневое с большим количеством слюдянистых включений
2	78,8	29,8	71,2	29,4	$\frac{11,2 \times 10,8}{9,4 \times 9,0}$	Амфора типа Солоха II. Под венчиком и на верхней части ручек красная краска. На горле дипинти: «П». Коричневое тесто с большим количеством слюдянистых включений
3	81,8	33,1	70,2	29,1	$\frac{12,3 \times 11,5}{10,2 \times 9,2}$	Амфора типа Солоха II. Под венчиком и на верхней части ручек красная краска. На горле дипинти в виде монограммы: «А». Тесто коричневое с большим содержанием слюдянистых вкраплений
4	—	30,2	—	—	$\frac{11,8 \times 11,2}{9,7 \times 9,0}$	Части амфоры типа Солоха II (горловина с ручками и донная часть). Под венчиком и на верхней части ручек красная краска. На горле двухстрочное дипинти: «ПУИГГ». Тесто светло-коричневое с большим количеством слюдянистых включений

Продолжение табл. 4

№ п/п	H	H ₁	H ₂	D	D ₁ /D ₂	Описание амфор
5	92,1	36,9	81,4	28,5	<u>12,0×11,4</u> 9,5×8,8	Амфора типа Солоха II. Тесто красное с мелкими белыми включениями
6	84,2	35,2	75,0	29,5	<u>10,8×10,0</u> 8,6×7,5	Амфора типа Солоха II. Тесто красное с мелкими белыми включениями
7	83,8	32,8	73,2	28,8	<u>11,4×10,7</u> 9,8×8,9	Амфора типа Солоха II. Под венчиком и на верхней части ручек красная краска. Тесто красное с мелкими белыми включениями
8	—	31,5	—	—	—	Части амфоры типа Солоха II (горловина без части венчика и одной ручки, донная часть без ножки). Тесто красное с мелкими белыми включениями
9	—	32,4	—	—	<u>12,0×11,2</u> 9,0×8,2	Части амфоры типа Солоха II (горловина с ручками и донная часть). Тесто красное с мелкими белыми включениями
10	—	—	—	—	—	Часть амфоры типа Солоха II (ручка с частью венчика и корпуса). Не подходит ни к одной из имеющихся амфор. Тесто красное с мелкими белыми включениями
11	85,8	32,0	68,5	32,9	<u>12,5×12,4</u> 9,5×9,6	Амфора с рюмообразной ножкой. Под венчиком слабые следы красной краски. Тесто коричневое с большим количеством слюдянистых включений
12	84,2	32,8	64,5	31,1	<u>11,8×11,0</u> 8,9×8,0	Амфора с рюмообразной ножкой. На одной из ручек выше изгиба энглифическое клеймо: кружок с двумя разрывами. Тесто коричневое с большим количеством слюдянистых включений
13	77,6	29,8	60,5	31,6	—	Амфора с рюмообразной ножкой. Отсутствуют части венчика, горловины и одна ручка. Тесто красное с белыми включениями средней величины
14	—	—	—	—	—	Части амфоры с рюмообразной ножкой (донная часть, корпус, части горла и ручки). Тесто красное с белыми включениями
15	—	—	—	—	<u>11,3×10,2</u> 8,5×7,5	Части амфоры с рюмообразной ножкой (горловина с одной ручкой и донная часть). Под венчиком и на верхней части ручек красная краска. На горле дипинти: «КО». Тесто желто-коричневое с большим количеством слюдянистых включений

В Северной могиле найдена амфора с рюмообразной ножкой. Этот тип весьма широко представлен в составе тризы. Амфоры из погребения № 1 1984 г., несомненно, входившего в круг сопровождающих погребений, связанных с центральными захоронениями Чертомлыка, абсолютно идентичны ам-

форам из тризы и происходят, по-видимому, из единовременно закупленной партии. Кроме совпадения по типам и аналогичности профицированных деталей, следует указать также на идентичность дипинти «КО» на амфорах № 15 из погребений № 1 и З скопления № 1.

В центральных погребениях И. Е. Забелин обнаружил 25 амфор. Ни сами амфоры, ни сведения о них не сохранились [Брашинский, 1965, с. 100]. В 1983 г. при доисследовании кургана в раскопе на месте центральной могилы найдены фрагменты амфор, очевидно, оставленных И. Е. Забелиным. Судя по малочисленности находок, оставлена какая-то часть найденных амфор — возможно, амфоры, раздавленные землей. Среди фрагментов поддаются определению донная часть амфоры с рюмкообразной ножкой (коричневого теста) и ножка красноглиняной амфоры типа Солоха II (рис. 3, 14). Повидимому, и амфоры из центральной могилы соответствовали основным типам амфор из тризы.

Датировка амфор с рюмкообразной ножкой мелитопольского типа ограничивается третьей четвертью IV в. до н. э. [Брашинский, 1984а, с. 38; Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 147]. По данным закрытых комплексов, время бытования амфор типа Солоха II ограничивается первой половиной IV в. до н. э. [Брашинский, 1984а, с. 240, табл. XXVI]. Время производства гераклейской тары и ее клеймения не выходит за пределы рубежа IV—III вв. до н. э. [Брашинский, 1984б, с. 15]. Производство и клеймение синопской амфорной тары датируется в широких пределах — IV—II вв. до н. э. Постепенно доказательства ранней датировки начала синопского клеймения — ближе к началу IV в. до н. э. — увеличиваются [Кац, Федосеев, 1986].

Фрагменты амфор не поддающегося определению типа из тризы Чертомлыка (рис. 3, 10; 4, 3), по мнению Н. А. Лейпунской, профилировкой соответствуют амфорам IV в. до н. э. В. В. Рубан ограничивает датировку таких амфор второй половиной IV в. до н. э. *

Таким образом, наиболее вероятным временем существования всех типов амфор, найденных в Чертомлыке, представляется третья четверть IV в. до н. э. Этому же времени соответствуют датировки чернолаковой керамики из погребений кургана.

Алексеев А. Ю. К вопросу о дате сооружения Чертомлыкского кургана (по керамическим материалам) // АСГЭ.— 1981.— № 22.— С. 75—83.

Белов Г. Д. Амфоры из некрополя Херсонеса (V—IV вв. до н. э.) // История и культура античного мира.— М., 1977.— С. 17—23.

Брашинский И. Б. Новые материалы к датировке курганов скифской знати Северного Причерноморья // EIRENE.— Praha.— 1965.— 4.— С. 89—109.

Брашинский И. Б. Амфоры Менды (о локализации группы амфор с «рюмкообразными ножками») // Художественная культура и археология античного мира.— М.— С. 67—75.

Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э.— Л., 1980.— 267 с.

Брашинский И. Б. 1984а — Методы исследования античной торговли.— Л.— 247 с.

Брашинский И. Б. Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской // НЭ.— 1984б.— Т. 14.— С. 3—22.

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА.— 1960.— № 83.— 180 с.

Кац В. И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ.— 1985.— № 1.— С. 87—112.

Кац В. И., Федосеев Н. Ф. Керамические клейма «боспорского эмпория» на Елизаветовском городище // Античный мир и археология.— 1986.— Саратов.— С. 85—105.

Лейпунская Н. А. Керамическая тара из Ольвии.— Киев : Наук. думка, 1981.— 118 с.

Манцевич А. П. Керамическая тара из кургана Солоха // Археология.— К. 1975.— Вып. 17.— С. 72—88.

Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган.— Киев : Наук. думка, 1988.— 259 с.

* Благодарю Н. А. Лейпунскую и В. В. Рубана за консультацию.

Приложение 12

Ф. Р. БАЛОНОВ

ЧЕРТОМЛЫКСКАЯ СЕРЕБРЯНАЯ АМФОРА КАК МОДЕЛЬ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

Серебряная амфора из Чертомлыка детально и неоднократно описана многими исследователями. Изучена технология ее изготовления, дана интерпретация изображений на ней. Семантическому анализу подверглись изображения преимущественно среднего регистра. Однако подчеркивалась и трехчастность в размещении изображений на амфоре (расположение их по трем регистрам). Это однозначно сопоставлялось с трехчастностью космоса в мифопоэтической космогонии скифов. На основе этого соответствия можно провести типологическую (в семантическом отношении) параллель между чертомлыкской амфорой и пекторалью из Толстой Могилы. Было высказано (без детализации и системы аргументов) предположение, что амфора представляет собой «космограмму, которая передает универсальный образ мира и прежде всего идею вечности и повторяемости жизни» [Кузьмина, 1983, с. 5—19]. Рассматривая амфору в этом аспекте, необходимо принимать во внимание то, что эта вещь, в отличие от пекторали из Толстой Могилы, женского налобника из Карагодеуашха и т. п.,

где изображения представлены в двухмерном пространстве, объемна, т. е. трехмерна. Трехмерность позволила более адекватно передать идею трехчастности космоса. На наш взгляд, есть основания утверждать, что в этой вещи нашло место даже четвертое измерение — время, и, таким образом, амфора является собой модель пространственно-временного континуума, переданного мифологическим кодом.

Амфору необходимо рассматривать как совокупность формы, позиции изображений, их расположения в определенных частях амфоры, семантики, функционального назначения некоторых изображений, различных технических приемов их исполнения.

В основе формы амфоры, как нетрудно заметить, — яйцо. По мифологической традиции, широко распространенной, из яйца возник мир. Верхняя (купольная) его часть соотносится с небесным сводом, нижняя (острая) — с землей и нижним миром. Вместе с тем амфора — узкогорлый сосуд. В таком виде изображен Гесиодом [Теог., 726—727] Тартар, возникший вместе с Хаосом и первозданным миром *. «Мировое яйцо» — один из вариантов мифологемы «мировое древо» **. Дерево (или, шире, растение) корнями уходит в сосуд с животворной влагой, корни его смежны дну сосуда (изображения именно с таким смыслом известны с глубокой древности в разных культурах, в том числе иранских, например на иранском блюде VII в. из Дагестана в кол-

* Трактовка описания Гесиодом Тартара принадлежит Ж.-П. Вернану [1971, с. 174—175]. Цит. по: Рожанский, 1979, с. 130.

** [Топоров, 1967, с. 81—99]. Ср.: «Старая иранская версия также связывала возникновение вселенной с яйцом» [там же, с. 94]. Ср. также: «Особой значимостью в структуре икебаны обладает и вода ... как мировое яйцо (которое символизирует в икебане сосуд) ...» [Пронников, 1985, с. 110].

лекции Эрмитажа)*. Нижняя часть сосуда не только в пространственном, но и во временном отношении лежит глубже средней и верхней его частей. В самой нижней части чертомлыкской амфоры помещена почка аканта, из которой по всей нижней части корпуса расходятся побеги. Акант в греческой иконографии играет роль «мирового дерева» (ср. капители коринфских колонн). Нижние побеги его на лицевой стороне амфоры композиционно связаны с головкой крылатого (и вместе с тем водяного) коня, который, по мнению Д. А. Мачинского [Мачинский, 1978, с. 238–239], является зооморфной инкарнацией Фагимасада — божества, соотносящегося с хтоническим миром. На верхних побегах аканта — две птицы. На тыльной стороне амфоры обе птицы клюют плоды (сережки) растений, на лицевой — клюет лишь одна из них. Эти изображения — почти буквальная иллюстрация одного из гимнов Ригведы [I, 164, 20]: «Две птицы, соединенные вместе дружьем, льнут к одному и тому же дереву. Одна из них ест сладкий плод, другая смотрит, не прикасаясь к плоду». Смыл изображения таков: «На вершине этого дерева, говорят, есть сладкий плод, и к нему не стремится тот, кто не знает прародителя» [РВ, I, 164, 22; Топоров, 1974, с. 64]. Стих недвусмысленно указывает на память о прошлом, т. е. на временную, традиционную ориентацию любого участника сакральных действий.

Амфора в погребальном ритуале вместе с серебряным тазом на «колесиках», под ручками которого (вместо аттешей) изображено женское божество, использовалась для возлияний, с ее помощью осуществлялся «акт вертикальной коммуникации», по Д. С. Раевскому [1979, с. 81, прил. 58], или таким образом моделировался акт оплодотворения мужским божеством женского, по Д. А. Мачинскому.

Техника исполнения побегов аканта неодинакова на разных участках поверхности амфоры. Как и другие изо-

брожения, они выполнены в более высоком рельефе на лицевой стороне. На боках корпуса рельеф уплощается, а на переходе к тыльной стороне амфоры рельеф превращается в свою противоположность — углубленную гравировку. Та же эволюция характерна и для вертикали: маскароны в нижней части амфоры исполнены в горельефе, в среднем фризе изображения коней и людей (за исключением центральной группы, о чем ниже) барельефны, в верхнем фризе олени и грифоны изображены в менее высоком рельефе. На тыльной стороне верхнего фриза олень отчаянно сопротивляется терзающим его грифонам, на лицевой — он подавлен, сломлен, т. е. действие, представленное на тыльной стороне, предшествует действию на лицевой. В том же направлении разворачивается последовательность событий в среднем фризе. Только здесь для соблюдения симметрии (также глубоко семантичной) последовательность изображений не линейна, а построена по принципу размещения крайних точек дискретно увеличивающейся, от тыльной стороны до наибольшего диаметра, а затем последовательно убывающей амплитуды маятника. Кульминация амплитуды размещена в средней точке, равно удаленной от всех других парных точек среднего фриза, и представляет собой сцену жертвоприношения лошади (частично изображенной в горельефе). Изображения на парных крайних точках «амплитуды маятника» по отношению друг к другу размещены в порядке предшествования-следования. Левые (если вести отсчет от лицевой стороны амфоры) точки фиксируют более ранние действия, чем правые: позы скифов и отлавливаемых ими коней, изображение лошади

* Изв. № Ка 5758. См.: Тревер, 1959, табл. 26. В икебане корни растения в некоторых отношениях тождественны сосуду, в который оно помещено [Пронников, 1985, с. 113]. Это особо значимо, так как икебана развивалась на основе традиций буддийской культуры, опирающейся, в свою очередь, на индоевропейскую.

сначала без седла (сцена проверки стати), затем под седлом (сцена стреноживания).

Небольшие изображения птиц на боковых сторонах амфоры в нижней ее части расположены в той же последовательности предшествования-следования. По заключению орнитолога Б. Мальчевского (устное сообщение), птицы слева показаны в позе посадки, правее их — в позе взлета.

Таким образом, действия, изображенные на тыльной стороне амфоры, предшествуют тем, что изображены на боковых и передней сторонах.

Все наблюдения, изложенные выше, заставляют признать, что амфора является стереомоделью мифологического космоса, находящегося в неразрывном единстве с протекающим в его пределах мифологическим временем. Временные структуры, нашедшие здесь высочайшее художественное воплощение, демонстрируют «связь прошлого с будущим через настоящее» [Топоров, 1964, с. 107]. Отношения предшествования-следования подчеркивают не только вертикальную ось (в древнем искусстве вообще характеризующуюся «изменчивостью и динамичностью» [Топоров, 1974, с. 35]), но и горизонталь. Последнюю даже в большей степени. Здесь горизонтальная динамика времени весьма существенна. Время замкнуто в кольцо. То, что было следствием, становится причиной, и наоборот. «Время не имело существенного значения для иерархического подъема. Поэтому не было представления о прогрессе во времени, о движении вперед во времени», по выражению М. М. Бахтина [1965, с. 436]. Главное значение имел центр, пересечение вертикали и горизонтали. Здесь, в центре вселенной, локализуется жертва, «в этой точке человеческое соединяется с божественным» [Топоров, 1974, с. 36].

У амфоры три такие сакральные точки: вверху, в середине, внизу (жертва

оленя, лошади, морской конь). Последнюю точку можно рассматривать как идею принесения в жертву божеству его самого. Эта жертва локализуется в хтоническом мире, жертвоприношение лошади — в реальном мире людей, жертвоприношение олена — в верхнем мире. Первый и третий миры и приуроченные к ним жертвы взаимно инвертируемы, что можно проследить, например, на пекторали из Толстой Могилы. Прошлое и будущее коррелируются, не только с верхом и низом, но и с фасом и тылом, левым и правым, выпуклым и вогнутым соответственно. Настоящее занимает срединные позиции между этими крайними точками.

Бахтин, 1965 — Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М., 1965. — 527 с.

Кузьмина, 1983 — Kuz'mina E. E. Elements de l'Iran et du Proche-Orient anciens dans l'art Scythe // Art Asiatique. — 38. — N 1. — 1983. — P. 5—19.

Мачинский, 1978 — Мачинский Д. А. Пектораль из Толстой Могилы и Великие женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. — Л., 1978. — С. 131—150.

Пронников, 1985 — Пронников В. Икебана. или Вселенная, запечатленная в цветке. — М., 1985.

Раевский, 1979 — Раевский Д. С. Об интерпретации памятников скифского искусства // Народы Азии и Африки. — 1979. — № 1. — С. 70—82.

Топоров, 1964 — Топоров В. Н. К реконструкции некоторых мифологических представлений (на материалах буддийского изобразительного искусства) // Там же. — 1964. — № 3. — С. 101—110.

Топоров, 1967 — Топоров В. Н. К реконструкции мифа о мировом яйце (на материалах русских сказок) // Труды по знаковым системам (Учен. зап. ТГУ; Вып. 198). — Тарту, 1967. — С. 81—99.

Топоров, 1974 — Топоров В. Н. О брахмане. К истокам концепции // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. — М., 1974. — С. 20—74.

Тревер, 1959 — Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, IV в. до н. э.—VII в. н. э. — М.; Л., 1959. — 391 с.

Приложение 13

Р. С. МИНАСЯН

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ ВЕЩЕЙ ИЗ ЧЕРТОМЛЫКСКОГО КУРГАНА

Техника изготовления древних изделий из цветных металлов изучена крайне неудовлетворительно, несмотря на то, что эту тему нельзя считать обойденной вниманием исследователей. Археологи постоянно к ней обращаются, пытаясь решить те или другие аспекты древнего металлообрабатывающего производства, но их суждения, как правило, противоречивы, непрофессиональны и зачастую неверны. Сказывается отсутствие знаний по металлообработке, необходимых для точных экспертиз, а также методических разработок, позволяющих изучать древний материал по единой схеме. Как бы то ни было, но целостная картина древнего металлообрабатывающего производства в динамике и во всем многообразии представляется пока весьма иллюзорно.

Материалы Чертомлыкского кургана дают возможность осветить только узкий участок этой проблемы, поэтому настоящую работу следует оценивать как небольшой вклад в изучение древней металлообработки. Экспертизы техники изготовления вещей сделаны методом аналитического и трассологического исследований. По нашему глубокому убеждению, основанному на личной практике и опыте изучения вещей, это наиболее информативные методы исследования источника сравнительно с физико-химическими, ставшими популярными в последнее время, возможности которых ограничиваются узкими рамками. Описания вещей по необходимости иллюстрированы рисунками. Сле-

дует иметь в виду, что точность в рисунках не соблюдена. Они схематичны и объясняют только конструкцию вещей.

Серебряная амфора (кат. 91) сделана из нескольких деталей. Корпус состоит из верхней и нижней частей. Верхняя часть (от горла до рельефной полосы, проходящей по наибольшему расширению корпуса) выполнена в технике выколотки. Следы отпечатков наковальни с шаровидной головкой хорошо прослеживаются на внутренней стороне. Орнаментальный фриз с овами под горлом амфоры нанесен в технике металлопластики: мастер выдавливал рисунок, работая металлическим «карандашом». Фриз с грифонами, терзающими оленей, в виде слабо выраженного рельефа, выполнен в технике басмы, металлопластики и позолоты. Формообразование рельефа производилось изнутри, но применение инструментов на обратной стороне не прослеживается. В этом случае была использована деревянная резная матрица, на которую способом локальных давлений и притирки металла металлическими, деревянными или костяными инструментами с внешней стороны (техника басмы) была посажена ранее выколоченная заготовка. Идеальность сфероидности формы в дальнейшем достигнута давлением на эту деталь и матрицу, вращающихся в токарном станке. Тогда же выдавлены все концентрические полосы, ограничивающие орнаментальные зоны. Доводка рельефа по контуру, оформление дета-

лей, оперение на крыльях грифонов выполнены способом металлопластики с лицевой стороны.

Скульптурные фигурки лошадей и людей на среднем фризе отлиты по утрачиваемым восковым моделям. После зачистки отливок анатомические детали и особенности покрова одежды подчеркнуты мессерштихелем. Отливки прикреплены к амфоре серебряными штифтами и позолочены.

Оригинальные горло амфоры, ручки, поддон и одна из львиных головок утрачены, но в настоящее время реставрированы. Отверстия от заклепок, с помощью которых крепились нижние основания ручек, сохранились на корпусе. Первоначальный способ крепления поддона остается неясен.

Нижняя часть корпуса изготовлена также в технике выколотки с последующей подправкой формы давлением на токарном станке. Дно яйцевидно, в его основании припаяна массивная серебряная деталь подтрапециевидной формы с отверстием. Рядом с этой деталью на дне две маленькие заклепки, очевидно, имеющие какое-то отношение к креплению поддона. Орнамент нижней части корпуса выполнен в технике басмы с применением деревянной матрицы с последующим вдавливанием контура металлическим «карандашом». В нижней части корпуса высверлены три ситечка, на которые были напаяны две львиные головки и протома пегаса, в пасти которых впаяны трубочки-сливы. Под протомой наблюдается прямоугольный след припоя. В этом месте, видимо, была припаяна какая-то несохранившаяся деталь. Головки отлиты по утрачиваемым восковым моделям. Отработанные отливки позолочены.

Верхняя часть корпуса надета на нижнюю, место соединения спаяно. Помимо пайки, место соединения усилено изнутри и снаружи серебряными обручами, склеанными сквозь корпус. Наружный обруч сделан из массивной полосы фасонного профиля, на которую чеканом (точки) и металлическим «карандашом» нанесен орнамент. Эта

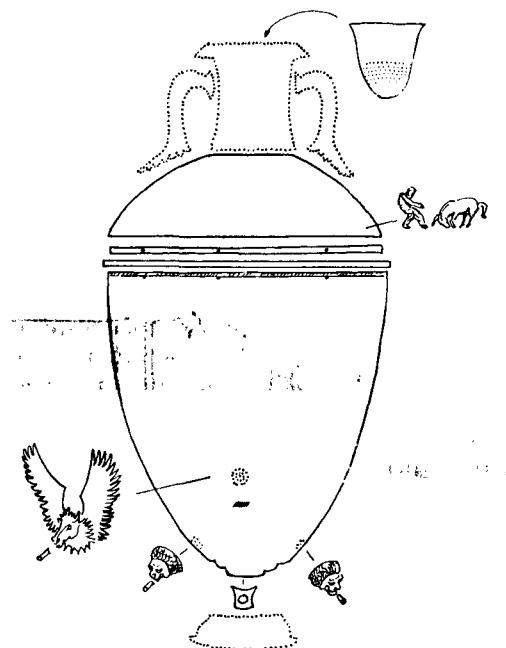

Рис. 1. Серебряная амфора (кат. 91)

деталь весьма примечательна и изготовлена путем проката металла в вальцах.

Внутрь горла вставлен стаканчик с просверленными отверстиями.

Позолота на амфору нанесена в технике горячего амальгамного золочения.

Обкладка горита (кат. 189) с рельефным изображением сцен на сюжеты из античной мифологии сделана из листового золота. Площадь горита заполнена композициями, окаймленными полосами. В характере рельефа этих частей наблюдается разница. Рельеф орнамента отличается большей резкостью очертаний рисунка в сравнении с мягкостью пластичной проработки сюжетных сцен. Негативный рельеф на оборотной стороне просматривается четче позитивного рельефа на лицевой. Формообразование рельефа сюжетных сцен осуществлено в технике басмы с применением металлических матриц. Деформация металла производилась протиркой золота на этих матрицах. Отдельные детали рисунка (черты лиц, волосы на головах, пальцы рук) особо подчер-

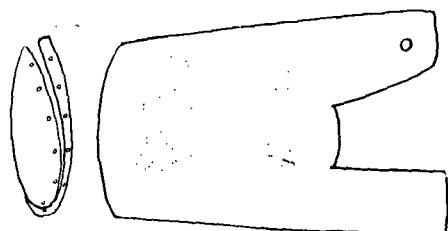

Рис. 2. Обкладка горита (кат. 189)

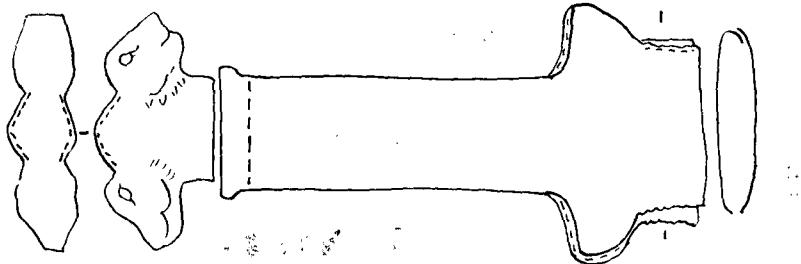

Рис. 3. Обкладка рукоятки меча (кат. 191)

кнуты металлическим «карандашом». Кроме того, отдельные участки (трон, посох, меч, щит, шкура некоторых животных) проработаны точечными способами чеканки. Боковая пластина горита изготовлена отдельно. На ней имеется рельефный орнамент, выполненный также в технике басмы с применением металлической матрицы. Обе детали скреплены золотыми гвоздиками.

Н. А. Онайко, сличая мелитопольский, ильинецкий, чертомлыкский и елизаветинский гориты, одинаковые изображения на которых, по ее мнению, получены штамповкой, попыталась установить очередность изготовления этих вещей по разночтениям в пропечатке отдельных деталей. Она полагает, что разница в деталях объясняется постепенным разрушением матрицы и последующими за этим ее подправками [Онайко, 1974]. Здесь автор допустила ошибку. Дело даже не в том, что повредить массивную бронзовую матрицу мягким золотом практически невозможно. Н. А. Онайко неправильно определила технику изготовления горитов. Деформация металла ручным способом, например в металлопластике и античном варианте басмы, технически обусловливалась непременность различий в отпечатке деталей, что и наблю-

дается на всех четырех горитах. Это зависит также от чистоты металла. Высокопробное золото пластичнее, легче деформируется, дает отпечатки более высокого качества.

Меч с золотыми обкладками рукояти и ножен. Обкладка ножен (кат. 191) сделана из листового золота в технике басмы. Формообразование рельефа осуществлено с помощью двух матриц. Судя по пластическим особенностям рельефа, матрицы были литыми бронзовыми. Наложенный на матрицы лист золота протирался, и изображение с матриц в более мягкой форме переходило на него. Следы давления инструментами, оказываемые на золото, просматриваются в виде полос вокруг рельефа на фоне. Детализация фигур (лица, волосы, руки) подчеркнута металлическим «карандашом» в технике металлопластики. Кое-где чеканом нанесены точечные удары. Золотая обкладка рукояти меча (кат. 192) отличается от обкладки ножен как техникой изготовления, так и стилем изображения. А. Ю. Алексеев, исследовавший меч, пришел к заключению, что обкладка и клинок асинхронны, выполнены в различных культурных традициях, поэтому факт совмещения этих частей следует объяснить вторичным использованием литой ахеменидской обкладки

V в. до н. э. при снаряжении скифского клинка IV в. до н. э. [1984, с. 38—42]. Идея о вероятности изготовления обкладки рукояти способом литья была предложена А. Ю. Алексееву нами. Данные, полученные при дальнейшем изучении, заставляют признать ее несостоятельность. Причина ошибки — в отсутствии возможности осмотреть внутреннюю поверхность: обкладка жестко скреплена с клинком. Это же обстоятельство и теперь не позволяет дать исчерпывающее описание конструкции предмета.

С точки зрения объемной геометрии рукоять является предметом сложной формы, состоящим из фигурного навершия, втулки, бабочковидного перекрестья и манжета, находящегося на клинок. Навершие и втулка более массивны по сравнению с нижней частью рукояти. Швы от пайки прослеживаются только по бокам перекрестья, края манжеты на лезвийной части разорваны, очевидно, окислами железа. Бычьи головки на навершии и втулке украшены орнаментами и сценами охоты всадников на диких животных, которые представляют собой великолепный образец глубокой чеканки с элементами гравировки, выполненной с помощью большого набора инструментов.

Высокое качество глубокой чеканки не так уж часто встречается в древнем искусстве, и эти изделия относятся к произведениям восточных мастеров. Такую чеканку можно видеть на келермесском мече и секире на урартском оружии [Артамонов, 1966, табл. 6, 9; Пиотровский, 1962, табл. XVI—XXV]. Греческие мастера в чистом виде глубокую чеканку не применяли, а использовали лишь элементы чеканки при доработке изделий, выполненных в других видах металлообработки. Что касается техники чеканки варварских мастеров, то она никогда не поднималась выше примитива. Таким образом, причастность обкладки меча к ахеменидскому искусству подтверждается не только стилистикой изображений, но и техникой их исполнения.

На келермесских обкладках меча и секиры, собранных из деталей, чеканка, как правило, наносилась еще до сборки. Втулки там свернуты из листового металла, соединительные швы внахлест тщательно запаяны, зачищены и на их месте вновь прочеканены орнаментальные полосы, окончательно скрывшие швы. Такая же последовательность должна была быть и при изготовлении рукояти чертомлыкского меча. Навершие в этом случае сделано отдельно, о чем свидетельствует шов на верхней части втулки, прослеженный на рентгеновском снимке рукояти. Пустотелые вещи сложной формы, как и навершие — скульптурные головки животных, протомы на ритонах и др.— древние мастера изготавливали всегда одним способом: внутрь заготовки помещалась резная деревянная матрица, которая способами басмы, маталлопластики и чеканки облицовывалась металлом. По завершении работ матрица уничтожалась. Поскольку швы на втулке визуально не прослеживаются, установить количество деталей, из которых сделана остальная часть рукояти, пока невозможно.

Относительно версии о вторичном использовании более древней обкладки для скифского клинка IV в. до н. э. можно сказать, что в ее пользу говорит меньшая толщина перекрестья и манжета, что могло произойти при повторной проковке металла с целью увеличения его площади, и грубое рифление на манжете, диссонирующее с прекрасной чеканкой на втулке и навершии. Вскрыв боковые швы на перекрестье, можно было разобрать старую вещь и после соответствующих приготовлений снова собрать. При этом на внут-

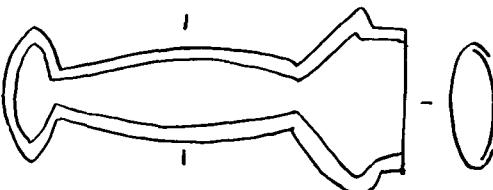

Рис. 4. Обкладка рукоятки меча (кат. 72).

ренней стороне обкладки обязательно должны остаться следы ремонта на месте стыка старых и новых швов. Таким образом, окончательное подтверждение версии о вторичном использовании обкладки рукояти чертомлыкского меча кроется на ее внутренней поверхности, пока недоступной для осмотра.

Пять обкладок рукоятей мечей (кат. 72, 184—187) спаяны из двух выкроенных из листового золота деталей. По сравнению с мечом конструкция края здесь значительно проще. На обкладках способом басмы и металлопластики с применением деревянных резных матриц нанесены рельефные изображения орнамента и фигуры животных. Шкура на некоторых животных дополнительно проработана бессистемно нанесенными точечными вдавлениями. Бронзовые матрицы не применялись. Все пять рукоятей стилистически и конструктивно близки, их объединяет примитивность резьбы матриц и исполнения. С большой долей вероятности можно утверждать, что обкладки сделаны в одном центре, а некоторые из них даже одним мастером.

Головные уборы-калафы. В погребальных камерах-кладовых Чертомлыкского кургана обнаружены четыре скопления золотых пластин, представляющих собой металлический декор женских головных уборов. Их местонахождение, а также стилистический анализ изображений на пластинах в свое время дали основание Г. Боровке [1921] сделать реконструкцию четырех калафов в том виде, в каком они до настоящего времени экспонируются на выставке в Государственном Эрмитаже и в каком они представлены в настоящей работе.

Раскопки последних десятилетий, в частности Краснoperекопского кургана и Толстой Могилы [Мозолевский, 1979; Лесков, 1974], где детали калафов найдены *in situ* и хорошо документированы, не только дали исследователям основания судить о разновидностях форм головных уборов знатных скифских женщин, но и подвергнуть

сомнению правомерность реконструкции чертомлыкских уборов, сделанных Г. Боровкой, которые не вписываются в параметры наиболее хорошо сохранившегося калафа из Толстой Могилы [Мирошина, 1980].

Основными данными для реконструкции калафов пока остаются условия находки (замкнутый комплекс), размеры пластин и стиль изображений. Как представляется, эта проблема может быть рассмотрена значительно шире. При этом возникает несколько вопросов, связанных с условиями формирования комплексов. Прежде всего требуется установить источник поступления металлического убранства калафов. Вне всякого сомнения, подавляющее большинство пластин — античного производства, и скифы либо приобретали у античных мастеров эти пластины и по своему усмотрению нашивали их на основу уборов, либо античные мастера сами снаряжали для скифов калафы полностью. Впоследствии, в процессе использования, калафы подвергались изменениям — чинились, дополнялись, ремонтировались и т. д.

Есть очень веские основания полагать, что у большей части известных скифских калафов набор золотых пластин в первоначальном комплекте, который нам неизвестен, не случаен. Он программировался античными мастерами и объединялся в единое композиционное целое общностью замысла, технического и стилистического решения. Об этом свидетельствуют конфигурация края некоторых пластин, рассчитанных на помещение их в строго определенном месте, применение одних и тех же инструментов при изготовлении серии пластин, идентичные пластины в составе наборов различных калафов и совпадающий состав металла в отдельных группах пластин. При реконструкции скифских калафов эти данные не учитывались, но они-то и представляют наибольший интерес, так как позволяют составить представление о мастерских-торевтах, мастерских, их оборудовании. По производственным призна-

кам можно утверждать, что ни один из наиболее полных наборов золотых пластин, включая калафы из Чертомлыка и Толстой Могилы, не дошел до нас в своем первоначальном состоянии. Они — производное монтажа и дополнений в скифском исполнении.

В настоящей работе дана техническая экспертиза пластин в соответствии с комплектами, составленными согласно реконструкциям Г. Боровки, которые, по моему мнению, сделаны неверно. Для более тщательного анализа всего материала по данной теме потребовалось бы химическое определение металла, сопоставление пластин с идентичными и сходными изображениями, поиск одинаковых дефектов на краях, образовавшихся при вырезке пластин, с целью выявления серии пластин, выкроенных из одного металла, но сделать работу по такой программе пока не представляется возможным из-за режима хранения вещей в музеях. Исследования металла на предмет количественного содержания золота с использованием пробирного камня уже проводились неоднократно, но точность этих определений весьма приблизительна, состав лигатуры остался неизвестен, поэтому эти данные для сопоставления привлекать почти бесполезно.

Декор калафа (кат. 113) состоит из нескольких рядов нашивных полос и пластин. Верхняя узкая полоса выкроена из листового металла. К ней припаян ряд кронштейнов в виде лепестков, на которых подвешены амфоровидные подвески. Лепестки выкроены из тонкого листа. По краю лепестков напаян бортик из круглой в сечении проволоки. К верхнему концу лепестков припаяно колечко из проволоки с заходящими концами. Сквозь него продето второе колечко с несомкнутыми концами, на котором висит подвеска. Последняя состоит из рифленой втулки с запаянным швом, к вершине которой припаяно колесико со спаянными концами. К нижнему краю втулки припаян корпус подвески из двух спаянных между собой

нечетко тисненных бляшек, колечка и шарика.

Второй фриз состоит из двух пластин с рельефным изображением растительного орнамента, который выполнен в технике тиснения с помощью металлической (бронзовой литой) матрицы. Третий и четвертый фризы состоят из одинаковых пластин с рельефными изображениями борющихся животных. Здесь также имеет место тиснение с помощью металлической матрицы, но с последующей проработкой поверхности (детализация волосяного покрова на гривах львов и перьев на крыльях грифонов). Фон вокруг животных вырезан чрезвычайно небрежно. Пятый фриз представляет собой узкую кайму из согнутой полосы металла с рифлением на лицевой стороне. К ней припаяны проволочные колечки с заходящими концами. Некоторые колечки сделаны из проволоки, скрученной из узкой полоски золота. К кольцам с помощью переходного звена из колечка с несомкнутыми концами прикреплены подвески в виде шишечки из проволочного колечка с заходящими концами, рифленой втулки и корпуса, составленного из двух спаянных между собой тисненных бляшек.

Нижний фриз — это длинная пластина с нанесенным на нее рельефным изображением животных, растительного и геометрического орнамента. Общий рельеф животных, видимо, формировался в технике тиснения, или, что наиболее вероятно, в технике басмы. Детализация изображения — анатомические особенности мускулатуры животных, крылья, морды, гривы и т. д. — выполнена уже по сформированному рельефу в технике металлопластики прорисовкой с лицевой стороны металлическим «карандашом».

Декор калафа (кат. 122) состоит из нескольких рядов нашивных пластин. Верхний фриз с подвесками представляет собой узкую полосу из листового золота, на которую с лицевой стороны грубо припаяны кронштейны с коваными концами, свернутыми в колечки,

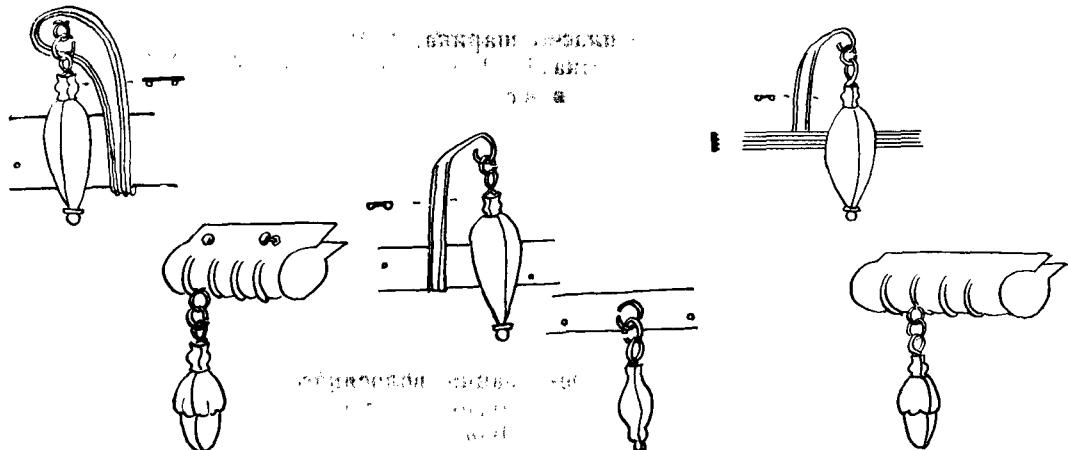

Рис. 5. Детали калафа (кат. 113).

Рис. 6. Детали калафа (кат. 122).

Рис. 7. Детали калафа (кат. 128).

Рис. 8. Детали калафа (кат. 136).

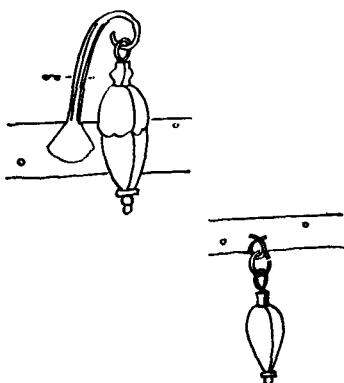
на которые прикреплены амфоровидные подвески. Некоторые кронштейны имеют рифленые бортики (прокатный металл), другие выкроены из листа. Таким образом, налицо новый монтаж с использованием деталей античного оригинала. Звенья цепи, подвески сделаны способом, аналогичным предыдущему калафу. Подвески спаяны из двух тисненных бляшек, проволочного валика и шарика.

Пластины второго фриза выполнены в технике тиснения с помощью литой металлической матрицы. Третий и четвертый фризы составлены из одинаковых пластин, сделанных таким же способом. В этом случае вся детализация изображения (волосы на гривах, перья на крыльях) уже наносилась на матрицу и полностью дублировалась на пластинах при тиснении. Фон между фигурами животных вырезан, но эта операция произведена аккуратно, в отличие от предыдущего калафа. Пятый фриз с подвесками состоит из узкой полосы с припаянными к ней колечками. Крепление подвесок аналогичное. Подвески не имеют втулок, составлены из спаянных тисненных бляшек, на нижних кон-

цах которых имитированы колечко и шарик. Нижний фриз образован широкой пластиной, сделанной в технике тиснения.

Декор калафа (кат. 128) представлен несколькими рядами нашивных пластин. Верхний фриз состоит из узкой полосы, имеющей продольное одностороннее рифление, на которую с обратной стороны припаяны кронштейны с бортиками на краях. Крепление и техника изготовления подвесок аналогичны верхнему фризу калафа (кат. 113). Верхний и третий фризы составляют одинаковые пластины, сделанные в технике тиснения или басмы с последующей прочеканкой перьев на крыльях; четвертый и пятый фризы — одинаковые пластины, выполнение — в технике тиснения. Далее следует узкая кайма из выгнутой, с продольным рифлением на лицевой стороне полосы золота с прикрепленными к ней подвесками в виде шишечек, изготовленных способом, аналогичным с калафом (кат. 113). Нижняя широкая пластина выполнена в технике тиснения с использованием металлической литой матрицы.

Декор калафа (кат. 136) представлен несколькими рядами нашивных пластин. Верхний фриз состоит из узкой, выкроенной из листового золота полосы, к лицевой стороне которой припаяны кронштейны из рифленых обрезков ме-

тала в вальцах и откованных на концах. К верхним концам, загнутым в колечки, подвешены подвески, сделанные способом, аналогичным с верхним фризом калафа (кат. 113). Три последующих фриза (два из них ажурные) составлены из одинаковых тисненых пластин. Пятый фриз представляет собой узкую, выкроенную из листового золота полосу с напаянными на нее кольчками из проволоки с заходящими концами, на которых висят подвески, подобные подвескам верхнего фриза. Нижняя широкая пластина выполнена тиснением с последующей проработкой в отдельных местах поверхности чеканом.

В четырех комплектах декоративных пластин калафов из Чертомлыкского кургана обращает на себя внимание применение различной техники при изготовлении пластин. Не приходится сомневаться, что различия в технике имеют прямое отношение к уровню профессионального мастерства исполнителей. Мастера, изготавливающие детали калафов, помимо эстетических и смысловых задач, обеспечивали и техническое воплощение замысла, которое в данном случае состояло из операций, связанных с выполнением фризов с подвесками и фризов с рельефными изображениями. В исполнении фризов с подвесками прослеживаются существенные различия. Технически наибо-

лее совершенен верхний фриз третьего калафа, сделанный из полосы прокатанного в вальцах металла. Вальцы — сложный инструмент, применение которого, по нашим наблюдениям, прослеживается на некоторых ювелирных античных и, может быть, древневосточных изделиях уже с VII в. до н. э. Такие вещи всегда относятся к наиболее совершенным образцам древнего ювелирного искусства. На данном фризе в помощь вальцов сделаны и кронштейны для подвесок, припаянные на пластину сзади. Места пайки спрятаны, поэтому внешнее поле рифления остается свободным. Такие детали калафов не единичны. Аналогичным способом изготовлены верхние фризы с подвесками из Деева кургана и Куль-Обы [Петровский, Галанина, Грач, 1986, табл. 135; Артамонов, 1966, табл. 199], которые, без сомнения, должны быть отнесены к античным оригиналам.

В остальных случаях на чертомлыкских калафах верхние фризы выполнены примитивно, но более трудоемко. Полосы выкроены из листового металла, рифление на кронштейнах в ряде случаев сделано методом проката (детали с античных оригиналов), в одном случае — напайанием проволоки, т. е. прослеживается явная попытка имитации рифления способом проката. Не блещет изяществом также способ пайки кронштейнов на лицевую сторону полос, где использованы с вторичным монтажом и детали античного производства.

Различия прослеживаются и в изготовлении нижних фризов с подвесками. В двух случаях использован специально согнутый рифленый металл, обеспечивающий высокое качество работы, в остальных двух — полосы только выкроены из листа золота. Различаются изготовлением и центральные пластины. Наиболее технически совершенными являются пластины, тисненные с помощью металлических матриц. В этом случае мастер предварительно изготавливал восковую модель матрицы, наносил на нее изображение,

отливал матрицу из бронзы методом литья по утрачиваемой модели, тщательно зачищал отливку, исправлял литейный брак, если таковой имелся. Проигрыш во времени и в объеме вложенного в изготовление инструмента труда окупался впоследствии, так как матрица обеспечивала серийное производство изделий, что не только активно практиковалось в античном ювелирном деле, но и прослеживается в декоративном убранстве калафов.

Если сравнить нижнюю пластину чертомлыкского калафа (кат. 122) со сходной пластиной из Куль-Обы [Пиотровский, Галанина, Грач, 1986, табл. 183], можно убедиться, что они идентичны. На них изображено восемь пар противостоящих друг другу крылатых сфинксов, обрамленных рамками с зигзагообразным орнаментом. Под рамкой расположена полоса из 21 ова. Эти пластины примечательны тем, что на них хорошо читается способ изготовления вещей подобного рода. Вся композиция на пластинах четко делится пополам — на два раппорта. Стык проходит по одиннадцатому ову, который втиснут между десятым и двенадцатым. Здесь орнаментальные полосы смешены, а лапы у сфинксов деформированы. Для изготовления бронзовой матрицы, с помощью которой оттиснуты эти пластины, требовалась еще одна матрица с изображением одного раппорта. С этой матрицы мастер снял форму, отлил в ней две одинаковые восковые модели, соединил их вместе и по этой модели отлил новую двойную матрицу. Таким образом, в мастерской, где изготовлены данные две пластины, обе матрицы находились непременно. Третью матрицу из этой мастерской представляют собой узкие пластины на калафе из Толстой Могилы, на которой изображены восемь противостоящих сфинксов в аналогичных позах в обрамлении такой же рамки. Сфинксы на этих пластинках отличаются в деталях от сходной им чертомлыкской, но если внимательно к ним присмотреться, то можно увидеть, что 1—3-й сфинксы из

Толстой Могилы совпадают с 3—5-м из Чертомлыка. Такие совпадения не случайны и свидетельствуют о том, что в данном случае мы имеем дело с тем же мастером, который изготовил матрицу для оттиска узких пластин из Толстой Могилы.

Четвертой матрицей из этой же мастерской оттиснуты широкие пластины из Толстой Могилы со сценами борьбы животных в обрамлении того же зигзагообразного орнамента и идентичные им пластины на 3-м и 4-м фризах чертомлыкского калафа (кат. 113). Пятой матрицей из этой мастерской оттиснуты верхняя пластина на чертомлыкском калафе (кат. 113) и нижняя — на калафе из Толстой Могилы.

Итак, наличие пяти матриц, находящихся в распоряжении одного человека или одной мастерской, ставит под сомнение правомерность изначальной принадлежности нижней пластины с распределительным орнаментом к калафу из Толстой Могилы, которая по ряду признаков выпадает из гарнитура. Все нижние пластины на других калафах в нижнем ряду орнамента имеют полосу ов [Ключко, 1982, с. 37—53]. Другие вещи античного производства с орнаментальными полями имеют такую же полосу, которая отнюдь не случайна, ибо орнаментальное обрамление вещей в первобытном искусстве в первую очередь выполняет магическую, охранную функцию. Нижняя пластина с овами должна была быть и на калафе из Толстой Могилы, причем именно такая, как в Чертомлыке и Куль-Обе. Необходимый для оттиска такой пластины инструмент имелся. При таком варианте весь гарнитур золотого убранства на калафе из Толстой Могилы получил бы свое логическое завершение. Нижняя пластина на калафе из Толстой Могилы, по всей вероятности, была заменена уже скифами. Что касается чертомлыкских пластин, если оценивать их в массе, а не в соответствии с реконструкцией Г. Боровки, то среди них можно найти весь набор пластин, идентичный калафу из Тол-

стой Могилы. Как уже отмечалось, в будущем еще потребуется аналитическая работа по восстановлению комплексов чертомлыкских калафов.

В вопросе производства металлического убранства скифских калафов своего осмысления требует еще один важный аспект. Содержание золота в пластинах неодинаково. Колебания довольно существенны — от 990° до 290° (по пробирному анализу). Как ни приблизительны эти данные, разница очевидна и не случайна. Возможность фальсификации в таком масштабе исключается, поскольку примитивные способы пробирования металла в древности существовали. В том, что античные мастерские выпускали изделия с различным содержанием золота, сомневаться не приходится. Следовательно, должна была существовать и соответствующая разница цен на эти изделия. Случай наличия в наборах одновременно пластин с высоким и низким содержанием золота, как на чертомлыкских калафах, должны настораживать. Наиболее вероятно, что мы имеем дело либо с неправильными реконструкциями, либо с демонтажем и дополнениями античного комплекса, произведенными скифами.

Золотые детали уздечек. Наносники (типа кат. 45, 1) в виде фигурок фантастических животных отлиты по индивидуально изготовленным восковым моделям. Затем отливки механически обработаны. Насечки нанесены скользящими ударами по чеканам, поставленным под углом, и сечками (инструментом типа узкой стамески).

Золотые нащечники (типа кат. 45, 2) откованы и вырезаны по краю. Рисунок вырублен сечками. В квадратные отверстия вставлены фигурные серебряные литые петли, штифты на которых расклепаны на лицевой стороне нащечников.

Золотые круглые бляшки (типа кат. 45, 4) изготовлены способом выколотки. Штифты на серебряных литых петлях вставлены в отверстия в центре бляшек и расклепаны на лицевой стороне.

Золотые круглые бляшки (типа кат. 45, 7) выполнены способом выколотки. На обратной стороне прослеживается припой — следы утраченных петель.

Золотые ворварки в виде полых усеченных многогранных пирамид (типа 45, 3) изготовлены способом литья по утрачиваемой модели. Границы обработаны механическим способом.

Отсутствие затертостей, острые грани и зазубрины на участках орнамента свидетельствуют о том, что уздечные наборы в быту не использовались.

Два золотых перстня с разомкнутыми цинкками и овальными щитками с изображенными на них в технике инталлии фигурами животных (кат. 163; 164). Техника изготовления определяется не совсем точно из-за тщательности механической обработки. Скорее всего, перстни отлиты по утрачиваемым моделям с уже тиснеными изображениями животных. Отливки зачищались, шинки отковывались, изображения кое-где прорабатывались чеканами.

Бочонковидные золотые бусы (типа кат. 173) спаяны из двух полусферических бляшек. Отверстия обрамлены проволочными колечками.

Золотые цилиндрические пронизи (кат. 197) в виде орнаментированных трубочек сделаны из пластин, на которых в технике металлопластики выдвинут рельефный орнамент. Орнаментированные пластины свернуты в трубочки с заходящими краями. Швы запаяны.

Золотая гривна (кат. 64) изготовлена из скрученного квадратного в сечении дрота. Концы раскованы и оформлены в виде колечек.

Золотая гривна (кат. 102) с фигурками львов на концах отлита по утрачиваемой модели. Литейная поверхность отливки грубо остругана, местами прочеканена, дрот откован.

Золотая гривна (кат. 87) с фигурками львов на концах отлита по утрачиваемой модели. Дрот откован. Фигурки защищены, гривы выгравированы мессерштихелями.

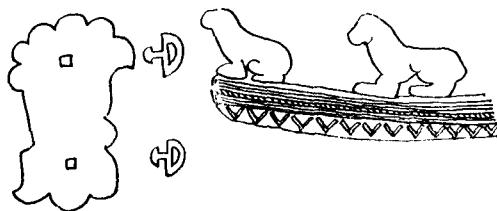

Рис. 9. Наносник (кат. 45, I).

Рис. 10. Деталь гривны (кат. 81).

Рис. 11. Обкладка оселка (кат. 194).

Золотая гривна (кат. 81) с фигурками животных по верхнему краю. Фигурки отлиты по утрачиваемым моделям и припаяны к кованому дроту. К лицевой стороне дрота припаяна узкая полоска золота с расположенными в ней тремя проволочными нитями (средняя проволока скручена из полоски металла). Под проволокой уложена кайма из обрезков V-образно согнутой проволоки.

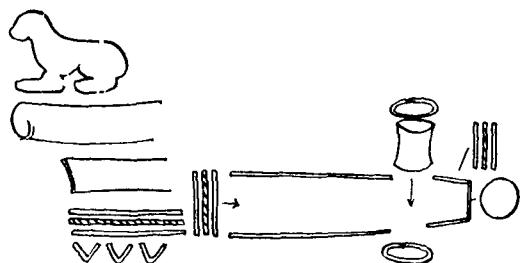
Ажурные орнаментированные пластины (типа кат. 160) вырезаны из золотой фольги. Орнамент выполнен давлением в технике металлопластики.

Ажурные орнаментированные пластины (типа кат. 162) вырезаны из золотой фольги. Орнамент выполнен давлением в технике металлопластики.

Каменный оселок с золотой рукоятью (кат. 194). Рукоять представляет собой втулку, свернутую из пластины. Шов запаян и зашлифован. К торцу втулки припаяна крышка, на концах втулки имеются бортики из трех проволочных колечек. Средние кольца сделаны из крученой проволоки. В отверстие для подвешивания впаяна золотая втулка.

В чертомлыкском комплексе встречаются многочисленные золотые нашивные бляшки с различными рельефными изображениями. Все они выполнены в технике тиснения с помощью бронзовых пuhanсонов.

Особенности техники изготовления золотых и серебряных вещей из Чертомлыкского кургана позволяют сделать заключение о разнородности производственных источников, сформировавших этот комплекс. Превалирующую роль играют изделия античных мастерских, которые в V—IV вв. до н. э. не только поставляют большой ассортимент продукции на скифский рынок, но и оказывают сильное влияние на развитие цветной металлообработки широкого окружения, в которое входило Приднепровье и Северное Причерноморье. Помимо сюжетных и стилистических данных, характерных для греческого искусства, эти вещи отличаются и определенными техническими признаками: использованием качественного инструмента, специфическими приемами изготовления, высоким тиражированием одинаковых изделий. В античных мастерских пользовались выколоткой и вытяжкой на токарном станке при изготовлении металлической посуды, массивными литыми матрицами для тиснения или басмы крупных изделий, таких, как гориты, обкладки ножен мечей, пластины для калафов, применялись вальцы для фасонного проката узких полос металла, искусно паяли, довольно часто применяли чеканку и гравировку в отделке. Это привилегированные виды работ в ювелирном деле. Ничего подобного в металлообработке варварского населения евразийской части СССР не было.

Техника выколотки металлических сосудов была неизвестна скифам. Для басмы вместо металлических матриц они применяли резные деревянные разового назначения, паяли редко и довольно неумело, гравировку и чеканку предпочитали металлопластику. Про-

слеживаются специфические различия в приемах скифского и античного литья. Наиболее ярко скифская техника проявляется в VIII—VI вв. до н. э. Впоследствии она частично сохраняет свои особенности, но становится менее выразительной.

В Чертомлыкском кургане, за исключением золотых обкладок рукоятей мечей (кат. 72, 184—187), которые, бесспорно, можно отнести к скифскому производству, и, может быть, некоторых пластин от калафонов, примитивно выполненных, других местных изделий нет.

Рукоять парадного меча с изображениями, выполненными в глубокой чеканке, как отмечалось, является изделием ахеменидского мастера.

Помимо вещей греческого изготовления, в чертомлыкском комплексе весьма ощутимо прослеживается ряд изделий мастеров, чья этническая принадлежность пока не определяется. Эта проблема не только скифского времени. Такой же загадочный пласт среди ювелирных вещей присутствует в Причерноморье и позже, вплоть до эпохи переселения народов. Эти вещи отличаются эклектичностью, смешением примитивной техники исполнения с подражательностью античным оригиналам в форме. Примером могут служить чертомлыкские гравины, пластины от калафонов, выполненные в технике металлопластики, и грубо сделанные полосы с подвесками, пластинки из золотой

фольги. Невозможно представить их причастность к античным мастерским, прославившимся шедеврами мирового ювелирного искусства, такими, как металлические чаши, кубки и фиалы, со лхский гребень, обкладки горитов, пекторали, гравины, браслеты, перстни, серьги и многие другие прекрасные вещи. Кто делал изделия низкого художественного достоинства и качества, менее престижные греческие мастерские, эллинизированные скифские мастера или кто-либо еще, пока остается неизвестным.

Алексеев А. Ю. Рукоять парадного ахеменидского меча из Чертомлыкского кургана // СГЭ.— 1984.— 49.— С. 38—43.

Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Гос. Эрмитажа.— Прага — Ленинград, 1966.— 120 с.

Боровка Г. И. Женские уборы Чертомлыкского кургана // ИГАИМК.— 1921.— Т. 1.— С. 169—192.

Ключко Л. С. Скифские налобные украшения VI—III вв. до н. э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры.— Киев, 1982.— С. 37—53.

Лесков О. М. Скарби курганів Херсонщини.— К., 1974.— 124 с.

Мирошина Т. Н. Скифские калафы // СА.— 1980.— № 1.— С. 30—45.

Мозолевский Б. М. Товста Могила.— К., 1979.— 247 с.

Онайко Н. А. Заметки о технике боспорской торевтики // СА.— 1974.— № 3.— С. 78—86.

Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту VIII—VI вв. до н. э.— Л., 1962.— 123 с.

Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art.— Leningrad, 1986.— 63 p.; 135 pl.

Приложение 14

Б. А. ШРАМКО, Л. А. СОЛНЦЕВ

МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ СКИФСКОГО КУРГАНА ЧЕРТОМЛЫК

До настоящего времени сведений о технологии изготовления железных изделий из скифского кургана Чертомлык было очень мало. Лишь в одной из статей приводились результаты металлографических анализов двух находок из раскопок И. Е. Забелина: обломка удил и части цепочки с прикрепленным к ней бронзовым бубенчиком. Оба предмета оказались весьма простыми изделиями. Удила выкованы из обычного кричного железа со структурой крупнозернистого феррита. Проволока для цепочки изготовлена при помощи ковки частично науглероженной заготовки. В связи с этим в ферритную основу, с одной стороны, вклинивалась полоса перлита, оказавшаяся после придания заготовке круглого сечения в средней части образца [Шрамко, Солнцев, Фомин, 1963, с. 44, 52].

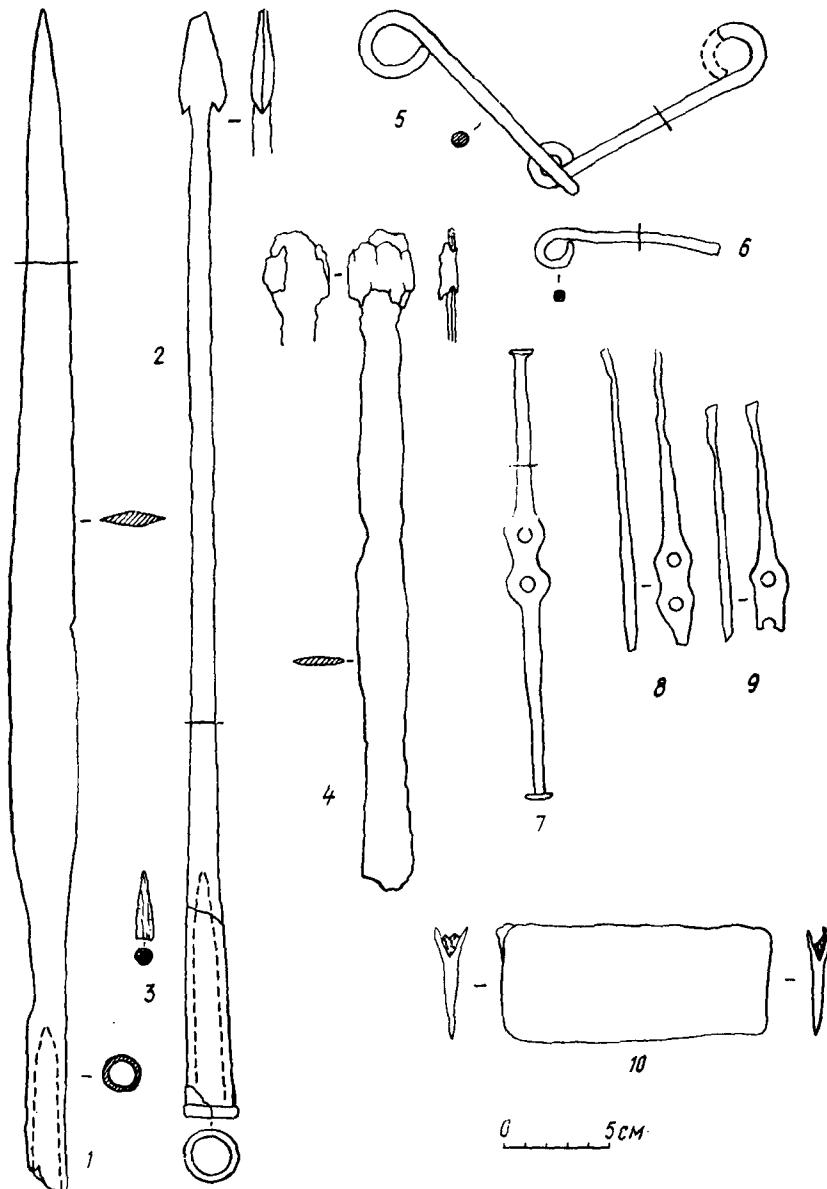
Мы провели новые исследования железных предметов из кургана Чертомлык, полученных не только во время раскопок И. Е. Забелина (коллекция Гос. Эрмитажа), но и в ходе новых совместных раскопок Чертомлыкской экспедиции Института археологии АН УССР и Немецкого научно-исследовательского общества в Бонне (коллекция ИА АН УССР). Тщательный осмотр обеих коллекций показал, что, к сожалению, большое количество сохранившихся железных изделий подверглось очень сильной, сплошной коррозии и непригодно для металлографических исследований. Все же для анализов удалось отобрать 32 изделия. Среди

них предметы вооружения (наконечник копья, наконечник дротика и остатки меча), детали конской упряжи (удила, псылии, кольца), два звена цепочки, костыльеобразные гвозди и скобы (рис. 1; 2). Количество колец, гвоздей и скоб можно было бы увеличить, но это вряд ли внесет существенные изменения в общую картину. Для исследования в качестве неизвестного предмета взята прямоугольная пластина, имеющая раздвоение вдоль одной из сторон (рис. 1, 10). Очень жаль, что среди чертомлыкских древностей не нашлось ни одного ножа без сплошной коррозии. Не удалось также использовать парадный ахеменидский меч из Чертомлыкского кургана, хотя обломанное лезвие его пригодно для металлографического анализа.

В основу методики исследований положены макро- и микроструктурный анализ шлифов. Последние обрабатывались спиртовым раствором азотной кислоты. В ходе работы использовались металломикроскоп МИМ-8 и бинокулярная лупа. Микротвердость измерялась микротвердомером ПМТ-3. Величина зерна оценивалась по стандартной шкале. Количество углерода определялось металлографически.

Результаты исследований вещей из кургана Чертомлык следующие.

Массивный наконечник копья (рис. 1,1) длиной 55,5 см имеет ромбическую в сечении колющущую часть. Сравнительно тонкая (толщина стенок 4—5 мм) втулка сильно коррозирована, а нижняя сто-

рона ее обломана. Лезвие также имеет излом на расстоянии 12 см от кончика. По линии излома сделан поперечный шлиф, который показал, что поверхностный слой в значительной мере окислен. В сохранившейся части видна чисто ферритная крупнозернистая структура. Основная масса зерен имеет размер 1—2 балла, изредка встречаются зерна

Рис. 1. Предметы вооружения, конской упряжки и оковка заступа из кургана Чертомлык;

1 — наконечник копья; 2 — наконечник дротика; 3 — обломок кончика древка из втулки дротика; 4 — остатки меча; 5 — удилы; 6 — обломок удил; 7 — псалий; 8, 9 — обломки псалиев; 10 — оковка заступа из грабительского хода.

размером 4—5 балла. Металл прокован не очень хорошо. Встречается много шлаковых включений. Микротвердость

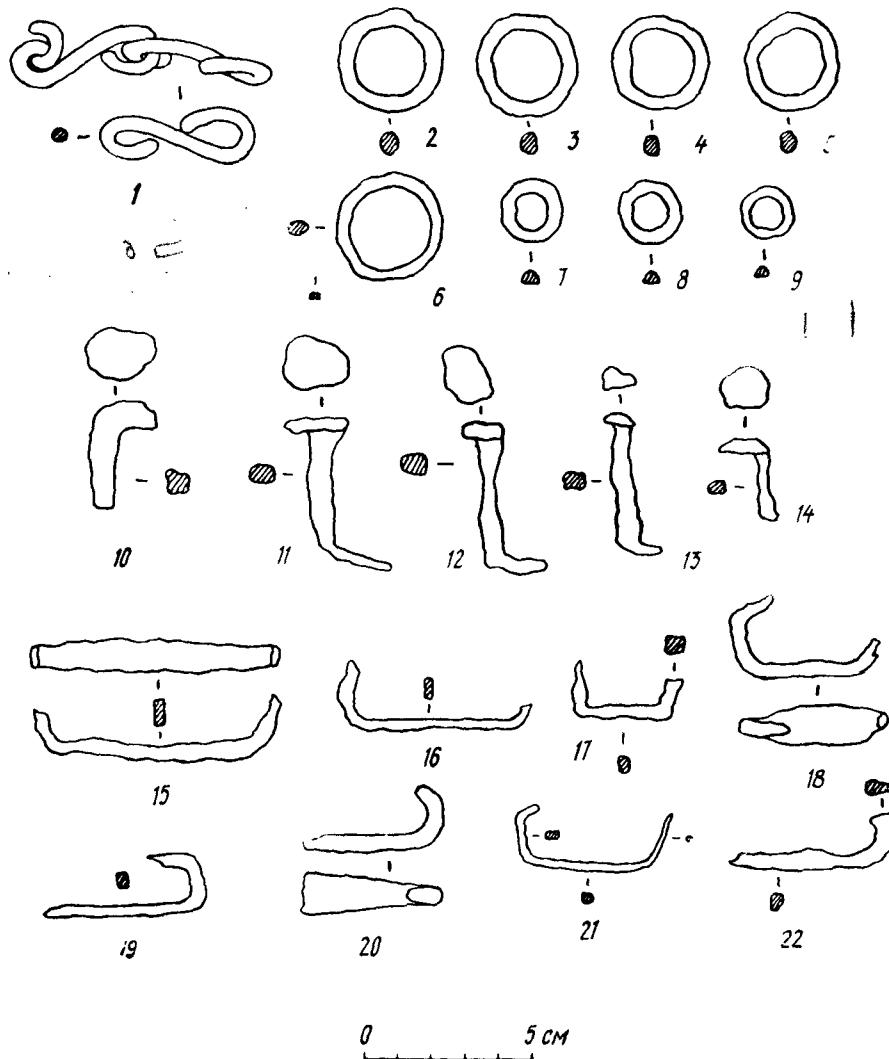

Рис. 2. Различные изделия из кургана Чертомлык:

1 — звенья цепочки, 2—6 — кольца большого размера, 7—9 — кольца среднего размера, 10—14 — гвозди, 15—22 — скобы.

составляет всего $110 \text{ кг}/\text{м}^2$ (1100 МПа). Таким образом, копье сделано из простого, слабо прокованного кричного железа (рис. 3, 1).

Большой наконечник дротика (рис. 1, 2). Длина сохранившейся части — 52,2 см. Кончик дротика обломан. Снабженное шипами жало сильно коррозировано, как и втулка. Последняя

имеет изломы в двух местах: в самой нижней части и на расстоянии 9—9,5 см от края. При осмотре втулки из полости в ее верхней части извлечен конически заостренный кусочек дерева от древка (рис. 1, 3). Так как ни в верхней, ни в нижней части дротика металл, не подвергшийся коррозии, не сохранился, то для получения шлифа был сделан поперечный разрез стержня на расстоянии 18,5 см от нижнего конца дротика. Микрошлиф показал мелкую, однородную феррито-перлитную структуру. Размер зерен — 6—7 баллов.

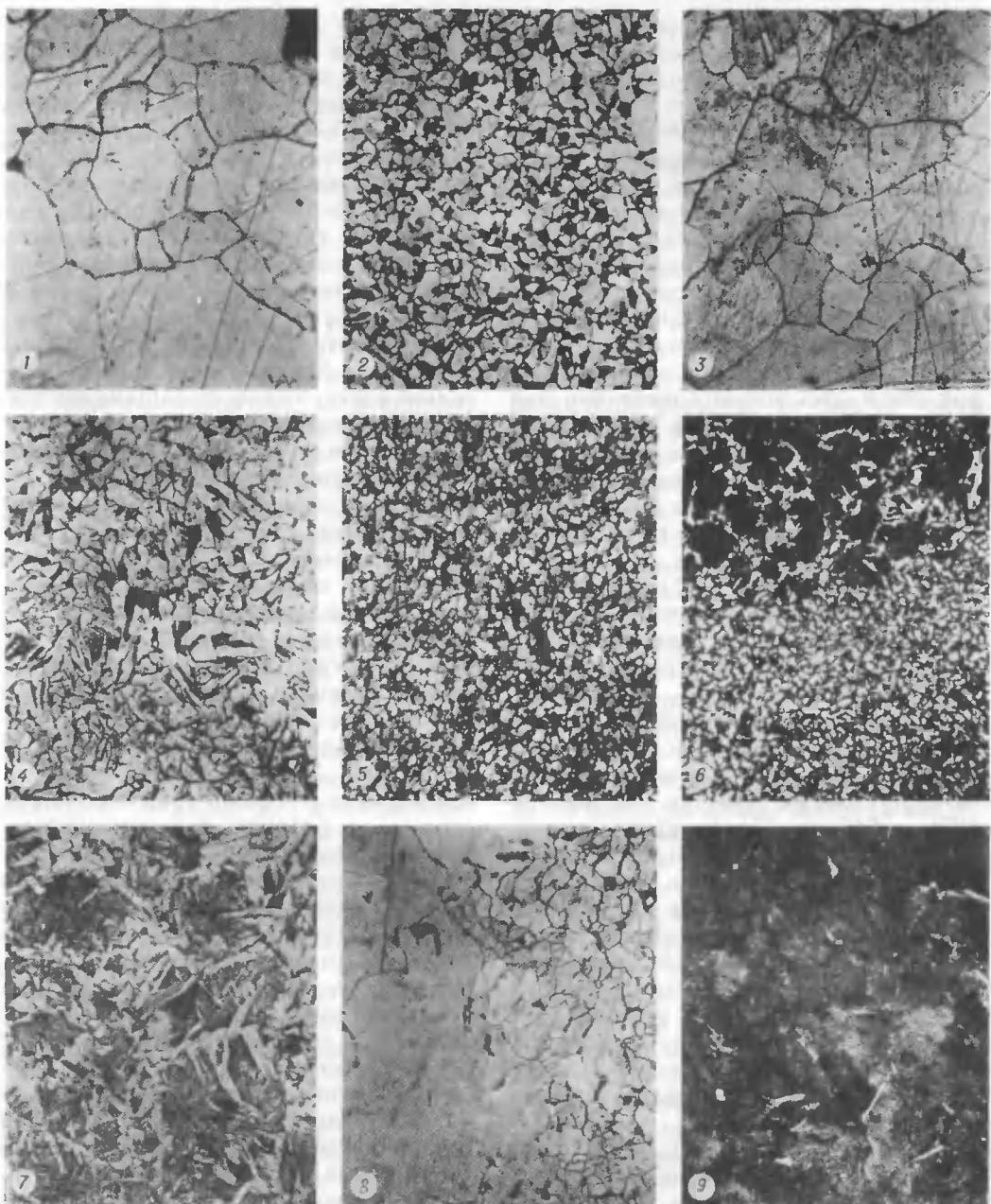

Рис. 3. Фотографии микроплифов изделий из кургана Чертомлык:

1 — наконечник копья. Ferrit и шлаковые включения. $\times 300$; 2 — наконечник дротика. Ferrито-перлитная структура. $\times 300$; 3 — меч. Чисто ферритная структура лезвия. $\times 300$; 4 — удила (рис. 1, 5). Ferrito-перлитный участок со следами перегрева. $\times 300$; 5 — псаляй (рис. 1, 7). Ferrито-

перлитный участок. $\times 300$; 6 — псаляй (рис. 1, 8). Разнородная структура от феррито-перлитной до практически перлитной. $\times 300$, 7 — псаляй (рис. 1, 9). Перлито-ферритная перегретая структура. $\times 300$; 8 — кольцо среднего размера (рис. 2, 7). Разнозернистая ферритная структура. $\times 300$; 9 — скоба (рис. 2, 19). Перлитный участок. $\times 300$.

Содержание углерода составляет 0,15—0,20 %. Встречаются лишь немногочисленные шлаковые включения (рис. 3, 2). Микротвердость — 180 кг/мм². Таким образом, на стержне дротика наблюдается структура хорошо прокованной малоуглеродистой стали. Плохая сохранность изделия не позволила получить еще один шлиф — на острие дротика, но можно предполагать, что выкован он из одной заготовки и острие дротика также было стальным. В целом дротик можно считать довольно качественным изделием. Использование мягкой стали здесь вполне оправданно, так как в случае применения простого железа длинный стержень небольшого диаметра (наименьший диаметр в верхней части около 8 мм) мог бы согнуться от сильного удара. Более твердой стали мастер, видимо, не имел.

Остатки меча (рис. 1, 4) представляют собой значительную часть лезвия (27,3 см) и обломок рукояточной части (3,8 см) с остатками перекрестья. Форму последнего восстановить невозможно, но сделано оно по типично скифской технологии, хорошо прослеженной на многих экземплярах мечей [Шрамко, Фомин, Солицев, 1970, с. 44, рис. 4; 1971, с. 145, рис. 5]: фигурная заготовка перекрестья была согнута и при помощи кузнечной сварки соединена с нижней частью рукоятки. Сварка произведена не очень качественно, и накладка перекрестья в ряде мест отслоилась от рукояточной части. Поскольку кончик лезвия меча был отломан и металл у излома оказался сильно коррозированным, для шлифа был сделан поперечный разрез на расстоянии 5 см от излома.

На шлифе (рис. 3, 4) видна чисто ферритная структура с довольно однородным зерном, величина которого 3—4 балла. Шлаковых включений мало. Микротвердость составляет 100 кг/мм². С одной стороны образца у края просматривалась заполненная окислами трещина, по обеим сторонам которой структура металла совершенно одинаковая — ферритная с зерном того же размера.

Трещина не связана со сваркой, каких-либо следов от нее не осталось. Меч выкован из простого кричного железа.

Состоящие из двух звеньев удила (рис. 1, 5) выкованы из округлых в сечении стержней диаметром 6—7 мм. Шлиф сделан на поперечном разрезе одного из звеньев (рис. 3, 5). Выявлена в основном ферритная структура с отдельными небольшими перлито-ферритными участками. Величина зерна в сердцевине 2—3, а у краев 4—7 баллов. Микротвердость ферритной зоны 120 кг/мм². Шлаковых включений довольно много. Удила сделаны из первично неравномерно науглероженной кричной стали, которая подвергалась недостаточно интенсивной проковке.

Обломок удил (рис. 1, 6) состоит из части стержня с петлей. Длина сохранившейся части — 8,7 см. Стержень в поперечном сечении имеет форму квадрата. На шлифе, сделанном на поперечном разрезе стержня, видна неоднородная ферритная структура, состоящая из мелких и крупных зерен, величина которых колеблется от 2 до 6 балла. В металле много мелких шлаковых включений. У края заметна большая, заполненная окислами трещина. Удила сделаны из простого кричного железа, которое недостаточно проковано.

Двудырчатый псалий с шляпками на прямых концах (рис. 1, 7) сохранился довольно хорошо. Шлиф сделан на поперечном разрезе одного из концов. Прослежена разнородная структура: в перлитную зону вклинивается феррито-перлитный участок. Количество углерода в перлитной зоне составляет 0,6 %, а в феррито-перлитной снижается до 0,2 %. Очень много шлаков. Заготовка неоднократно нагревалась при ковке, что привело к сфероидизации перлита. Микротвердость перлита 240—260 кг/мм². Псалий выкован из первично неравномерно науглероженной кричной стали невысокого качества. Круглые отверстия сделаны с помощью пробойника. Плоские шляпки образованы при помощи осадки в горячем виде с двух концов.

Два других псалия (рис. 1, 8, 9) несколько иной формы, сохранились хуже. Концы их заканчиваются не шляпкой, а небольшим расширением. Длина сохранившейся части одного псалия 13,9 см, а другого — 10,8 см. Шлифы сделаны на поперечных разрезах концов псалий.

На первом шлифе (рис. 3, 6) видна неоднородная структура, состоящая из ферритной и феррито-перлитной зон; последняя на отдельных участках переходит в перлитную зону. Зерно феррита крупное, оценивается в 2—3 балла. На феррито-перлитных и перлитных участках зерно более мелкое — 5—7 баллов. Много шлаковых включений. Содержание углерода колеблется от менее 0,5 до 0,7%. Псалый выкован из первично неравномерно науглероженной кричной стали, хотя вполне мог быть сделан и из железа.

На шлифе другого псалия наблюдалась также неоднородная структура. Чисто феритные области на отдельных участках чередуются с перлитными. Величина зерен от 2 до 5 баллов. Наблюдается четко выраженная видманштетовая структура перегрева. Есть шлаковые включения, в отдельных местах — крупные. Микротвердость перлитных участков колеблется от 280 до 240 кг/мм². Таким образом, и этот псалий изготовлен из первично неравномерно науглероженной кричной стали (рис. 3, 7).

Оба звена цепочки имеют восьмеркообразную форму (рис. 2, 1), выкованы из круглого в сечении стального прута. На поперечном шлифе по краям видна перлито-ферритная структура, состоящая из зерен размером 4—5 баллов. В средней части наблюдается резкий переход в феррито-перлитную структуру со сфероидизированным перлитом. Микротвердость в перлито-ферритной зоне 260 кг/мм², в феррито-перлитной — 140 кг/мм². Много шлаковых включений. Звенья цепочки выкованы при многократном нагреве заготовки из первично неравномерно науглероженной кричной стали.

Для исследования взяты восемь колец от конской сбруи, которые отличаются размерами и формой поперечного сечения (рис. 2, 2—9). Технология изготовления их одинакова. Выкованы они из согнутых на оправке заготовок из железа или кричной стали. Концы сварены внахлест. Внешний диаметр пяти больших колец 3,2—2,9 см. Поперечное сечение круглое или овальное, но толщина даже в разных частях одного кольца неодинакова и колеблется от 3,5 до 7 мм (рис. 2, 2—6). На шлифах видна структура феррита с зернами различного размера. В средней части величина их колеблется от 5 до 7 баллов, а у края равна 2—3 баллам. Шлаковых включений мало. Сварка выполнена хорошо, и расслоений по месту сварки не наблюдается.

Три кольца среднего размера (рис. 2, 7—9) несколько отличаются от предыдущих. Их внешний диаметр от 1,5 до 1,7 см. Толщина в разных местах также неодинакова и колеблется от 3 до 5,5 мм. Поперечное сечение кольца имеет форму сегмента, плоская часть которого обращена внутрь кольца. Технология изготовления особенно хорошо видна на одном из колец. Даже на макрошлифе его боковой поверхности наблюдается место соединения концов внахлест. Структура микрошлифа чисто ферритная (рис. 3, 8). На поверхности виден слой мелких зерен размером в 5 баллов, а в средней части величина зерен составляет 2—3 балла. Шлаков сравнительно мало. Структура второго конца заготовки неоднородна — преобладает ферритная, переходящая у поверхности на одном из небольших участков в перлито-ферритную со следами перегрева. Сварка произведена плохо, и прочного соединения не получилось.

Все гвозди выполнены в форме костылей (рис. 2, 10—14). В верхней части конец четырехгранного в сечении стержня загнут на краю наковальни в одну сторону с последующим расклепыванием головки. При этом головки в плане неправильной округлой или даже

близкой к треугольной формы. Стержни всех гвоздей четырехгранные, изготовлены из железа или неравномерно науглероженной кричной стали невысокого качества. Характерная структура гвоздя (рис. 2, 10) в основном ферритная крупнозернистая (3—4 балла), на небольшом участке — феррито-перлитная, переходящая в ферритную мелкозернистую. Микротвердость 130 кг/мм². Много шлаковых включений.

Скобы, судя по сохранившимся на них остаткам дерева, скрепляли какие-то деревянные детали (рис. 2, 15—22). Выкованы из стальных прутков квадратного или прямоугольного поперечного сечения. Оба конца скоб загнуты в одну сторону. Кончики в ряде случаев более узкие, чем средняя часть пластиинки (рис. 2, 18—20). У одной из скоб конец закруглен и заострен, как у шила (рис. 2, 21). Типичен обломок скобы (рис. 2, 19). На поперечном шлифе видна структура перлита, состоящая из зерен, оцениваемых в 5 баллов (рис. 3, 9). По краям видна зона с меньшим содержанием углерода. Таким образом, количество углерода колеблется от 0,3 до 0,7 %. Микротвердость в перлитной зоне 260—270 кг/мм². Шлаковых включений мало. Скоба выкована из первично неравномерно науглероженной кричной стали.

Прямоугольная пластина размерами 12,5 × 5,5 см представляет собой оковку заступа (рис. 1, 10). В верхней части она раздваивается, в нижней — сужается, образуя лезвие. В раздвоенной части сохранились остатки сгнившего дерева, а в нем — коррозированные обломки четырех загнутых внутрь оковок гвоздей. Шлиф сделан вдоль всей боковой стороны заступа. На нем видна чисто ферритная крупнозернистая структура с большим количеством крупных шлаковых включений. Зерно в основном очень крупное (1—3 балла), лишь в некоторых местах размеры зерен соответствуют 3—4 баллам. Микротвердость составляет всего 90 кг/мм². После того, как заготовка была разрублена в верхней части, изделие больше не

подвергалось ковке. Оковка изготовлена из слабо прокованного кричного железа невысокого качества. Для оковки заступа взят слишком мягкий материал, поэтому при изготовлении верхняя часть ее согнулась и обломалась. Среди скифских древностей такие орудия неизвестны. Найдка его на дне грабительского хода Северной могилы может свидетельствовать о том, что ограбление совершило в период, когда скифы утратили свое господство в стенах Северного Причерноморья.

Исследование оружия, конской упряжи и других вещей из кургана Чертомлык показало, что все эти предметы весьма просты и изготовлены либо из простого кричного железа, либо из полученной в сыротуном горне и первично неравномерно науглероженной сырцовой стали, которая к тому же в большинстве случаев прокована недостаточно хорошо. Исключение в данной коллекции представляет лишь дротик из хорошо прокованной малоуглеродистой стали. Изделий из высококачественной стали средней или высокой твердости, которую получали сквозной цементацией заготовок, среди чертомлыкских изделий не обнаружено. Никаких сложных технологических приемов, которые могли бы существенно улучшить качество рабочих частей орудий, кузнецы, изготавливавшие чертомлыкские вещи, не применяли. Более того, они, видимо, не умели достаточно четко различать железо и сталь. В результате использование металла того или иного качества было не всегда целесообразным. Вещи, которые можно было изготавливать из железа (например, псалии), сделаны из стали, в то время как оружие, для которого следовало бы использовать сталь (например, наконечник копья, меч), делалось из простого железа. Вместе с тем формы изделий и приемы их изготовления характерны для скифского железообрабатывающего ремесла.

Сопоставление полученных данных с тем, что известно о деятельности кузнецов скифского Каменского городища

на Днепре [Граков, 1954; Шрамко, Солнцев, Фомин, 1984, с. 156—169], позволяет говорить о близости кузнечной техники ремесленников Каменского городища и тех мастеров, которые ковали вещи, найденные в кургане Чертомлык. Иначе говоря,— вполне возможно, что чертомлыкские вещи из черного металла сделаны кузнецами Каменского городища.

Граков Б. Н. Каменное городище на Днепре // МИА.— 1954.— № 36.— 240 с.

Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.

Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии // СА.— 1963.— № 4.— С. 36—57.

Шрамко Б. А., Фомін Л. Д., Солнцев Л. О. Техніка виготовлення скіфської наступальної зброї із заліза її сталі // Археологія.— 1970.— Вип. 23.— С. 40—59.

Шрамко Б. А., Фомін Л. Д., Солнцев Л. А. Новіше дослідження технології обробки заліза в Скифії // СА.— 1971.— № 4.— С. 140—153.

Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. К вопросу о железообрабатывающем ремесле в степной Скифии // Там же.— 1984.— № 2.— С. 156—169.

Приложение 15

С. Я. ОЛЬГОВСКИЙ

ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛ ЧЕРТОМЛЫКСКИХ КУРГАНОВ

В лаборатории спектрального анализа Института геохимии земли и физики минералов АН УССР исследовано 126 металлических предметов из кургана Чертомлык и близлежащих курганов группы Близницы и у с. Чкалово. По функциональному назначению коллекция подразделяется на несколько категорий: котел, наконечники стрел и детали конской узды.

С котла взято пять проб: одна с корпуса, две — с нижней и верхней частей полой ножки, разделенных литейным швом, а также с двух литых заплаток, одна из которых была наложена на отверстие в нижней части корпуса, а вторая — на трещину в венчике.

Все части котла отлиты из оловянно-свинцовой бронзы с небольшими концентрациями легирующих примесей. Олово в сплаве содержалось в концентрациях от 0,5 до 1 %, свинец — от 1,5 до 2 %. Обращает на себя внимание то, что корпус, ножка и нижняя заплата отлиты из практически одинакового сплава с содержанием олова 1 %, свинца 1,5 %. Верхняя заплата содержит олова 0,5 %, а свинца 2 %. Это позволяет предположить, что верхняя заплата наложена позже, после поломки котла, а нижняя — сразу после отливки, в том месте, где оказался литейный брак.

Не противоречит этому предположению и состав ряда микропримесей. Если металл корпуса, ножки и нижней заплатки по своему составу однороден и характеризуется тысячными долями

процента висмута и серебра, сотыми долями — сурьмы, мышьяка, никеля и кобальта, то металл верхней заплатки имеет более высокое содержание висмута и более низкое — серебра (до десяти тысячных долей процента). Сурьма же содержится в тысячных долях процента, как и кобальт, а мышьяк — в десятых долях.

Анализ химического состава всех деталей котла позволяет предположить юго-западное происхождение металла корпуса, ножки и нижней заплатки (возможно, с Балкано-Карпатских месторождений), и их одновременное изготовление в одной мастерской. Верхняя заплата изготовлена и наложена на трещину в венчике котла несколько позже, после длительной эксплуатации изделия, в мастерской литейщика, который работал с металлом Северо-Кавказских месторождений.

Наконечники стрел — наиболее многочисленная категория находок в скифских погребениях, и рассчитывать на конкретность и стабильность данных химико-металлургических показателей достаточно трудно. Можно лишь сказать, что стрелы отливались во многих мастерских и чаще, чем другие изделия, переходили из рук в руки. Колчанные наборы могли комплектоваться из стрел, изготовленных различными мастерами отдаленных регионов, пользующихся сырьем различных месторождений. И если по стилистическим особенностям можно было легко набрать колчан одинаковых стрел, то химико-

металлургические характеристики металла наконечников вряд ли играли решающую роль для потребителя. Поэтому вполне резонно предположить, что металл стрел в колчаных наборах, как правило, достаточно разнороден. Если же химико-металлургические характеристики металла стрел из какого-либо колчана выявят определенное сходство, то это может свидетельствовать об их изготовлении в одной мастерской.

В кургане Чертомлык обнаружен один колчанный набор. Из него исследованы 38 наконечников (ан. № 6—44). Все наконечники отлиты из оловянно-свинцовой бронзы. В основной массе стрел олова содержится от 2 до 5 %, лишь в двух случаях его концентрации равны соответственно 1 и 6 %. Содержание свинца также варьируется от 2 до 5 %. Содержание ряда микропримесей довольно стабильно, висмута и серебра не превышает десятитысячных долей процента (0,0001—0,0003). В трех наконечниках содержание висмута достигает 0,001—0,003 %. Никель и кобальт присутствуют в концентрациях, не превышающих 0,003 %, а мышьяк — 0,01—0,03 %. Такое довольно низкое содержание микропримесей находит близайшие аналогии среди химической группы ЕУ, выделенной для Волго-Уральских месторождений, т. е. металл для изготовления стрел этого колчанного набора поступал в Скифию из восточных месторождений.

Существенно отличается металл наконечников из колчанного набора кургана 46, из которого исследовано 49 стрел (ан. № 45—94). Различие проявилось как в металлургических характеристиках, так и в содержании ряда микропримесей.

Более половины стрел (26 экз.) отлиты из оловянно-свинцовой бронзы, в некоторых случаях с большими концентрациями легирующих примесей, чем в металле стрел колчанного набора № 1. Так, содержание олова достигает в них от 1 до 8 %, а свинца — от 1 до 7 %. 23 наконечника отлиты из оловян-

ной бронзы. Но если в большинстве концентрации олова не выходят за рамки диапазона, установленного для этой примеси в оловянно-свинцовой бронзе, то пять наконечников отличаются более высокими концентрациями — 10—12 %. Какой-либо зависимости типа сплава от стилистических форм исследованных стрел не установлено.

По ряду микропримесей металл исследованных стрел проявил стабильность, в частности по содержанию никеля и кобальта. Концентрации этих элементов лишь в семи случаях достигают тысячных долей процента, в подавляющем большинстве проб никель и кобальт содержатся в сотых и даже десятых долях процента, что позволяет предположить происхождение металла из западных источников. Но такое предположение весьма условно, так как содержание других элементов имеет очень широкий диапазон распределения. Например, содержание висмута и серебра колеблется от десятитысячных до десятых долей, сурьмы — от тысячных до десятых долей процента. Достаточно стабильно содержание мышьяка — 0,07—0,5 %. Примечательно, что высокое или низкое содержание никеля или кобальта не коррелируется с висмутом, серебром или сурьмой. Не наблюдается и зависимость содержания микропримесей от содержания олова или свинца. Поэтому с достаточной долей вероятности можно говорить о принадлежности к Балкано-Карпатским месторождениям металла стрел с содержанием высоких концентраций никеля и кобальта (сотые и десятые доли процента) и низких — висмута и серебра (десятитысячные и тысячные доли процента). Таких наконечников 22. Металл остальных стрел — результат особой рафинировки, смешивания металла из различных источников, и определение его принадлежности к какой-либо известной химической группе невозможно.

Следует отметить, что для скифских бронз IV в. до н. э. не характерен такой высокий процент оловянных сплавов в отдельном наборе изделий. Это время-

РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА *

№	Название предмета	Sn	Pb	Bi	Aq	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
Курган Чертомлык											
1	Котёл										
1	Корпус	1,0	1,5	0,0003	0,001	0,04	0,03	0,001	0,05	0,04	0,001
2	Нижняя часть ножки	0,9	1,5	0,0005	0,001	0,45	0,35	0,001	0,05	0,04	0,001
3	Верхняя часть ножки	1,0	1,5	0,0005	0,0015	0,04	0,03	0,0015	0,05	0,04	0,001
4	Литая заплатка	1,0	1,5	0,0003	0,001	0,05	0,035	0,001	0,05	0,04	0,001
5	То же	0,5	2,0	0,008	0,03	0,009	0,3	0,001	0,01	0,003	0,001
6	Наконечник стрелы	5,0	2,0	0,0003	0,0001	0,001	0,01	0,003	0,0025	0,003	0,001
7	То же	2,5	2,0	0,0001	0,0003	0,001	0,015	0,001	0,002	0,003	0,001
8	"	5,0	3,0	0,0001	0,00015	0,015	0,01	0,0015	0,001	0,0035	0,001
9	"	3,0	4,0	0,0002	0,0001	0,002	0,0015	0,001	0,0015	0,002	0,001
10	"	2,5	2,0	0,003	0,0002	0,001	0,003	0,003	0,001	0,002	0,001
11	"	5,0	2,5	0,0001	0,0001	0,002	0,001	0,001	0,002	0,001	0,001
12	"	6,0	3,0	0,0003	0,0003	0,001	0,01	0,001	0,002	0,003	0,001
13	"	3,0	4,0	0,0002	0,00035	0,001	0,01	0,001	0,0015	0,003	0,001
14	"	2,5	3,0	0,0003	0,0003	0,001	0,015	0,003	0,002	0,001	0,001
15	"	2,5	2,0	0,00015	0,0001	0,001	0,01	0,0015	0,002	0,003	0,001
16	"	3,0	3,0	0,0003	0,00015	0,0015	0,05	0,001	0,001	0,003	0,001
17	"	4,5	3,0	0,00035	0,0002	0,001	0,02	0,001	0,001	0,0025	0,001
18	"	2,5	4,5	0,0003	0,0001	0,001	0,025	0,003	0,001	0,003	0,001
19	"	5,0	3,0	0,0003	0,0001	0,002	0,015	0,002	0,0015	0,001	0,001
20	"	5,003	3,0	0,0003	0,0001 и 0,0001	0,002	0,015	0,0015	0,0015	0,003	0,001
21	"	4,5	5,0	0,001	0,00015	0,003	0,02	0,003	0,002	0,003	0,001
22	"	5,0	3,0	0,0003	0,0001	0,001	0,01	0,003	0,003	0,003	0,001
23	"	5,0	2,0	0,00035	0,0001	0,001	0,003	0,003	0,003	0,001	0,001
24	"	4,0	3,0	0,0002	0,0001	0,002	0,02	0,003	0,003	0,001	0,001
25	"	1,0	5,0	0,001	0,0003	0,001	0,01	0,001	0,001	0,003	0,001
26	"	4,0	3,0	0,0003	0,00015	0,0015	0,01	0,0015	0,0015	0,002	0,001
27	"	4,0	2,0	0,0003	0,0001	0,001	0,015	0,001	0,001	0,003	0,001
28	"	5,0	3,0	0,0001	0,0001	0,0025	0,015	0,0015	0,001	0,003	0,001
29	"	4,0	3,0	0,0001	0,0001	0,001	0,02	0,003	0,0015	0,003	0,001
30	"	3,0	4,0	0,0003	0,0001	0,002	0,01	0,002	0,001	0,002	0,001
31	"	3,5	5,0	0,0001	0,0003	0,0025	0,016	0,003	0,001	0,002	0,001
32	"	3,0	4,0	0,00015	0,0001	0,003	0,015	0,001	0,003	0,002	0,001
33	"	2,0	5,0	0,0003	0,0001	0,003	0,02	0,001	0,0015	0,003	0,001
34	"	3,0	4,0	0,0003	0,00015	0,002	0,01	0,001	0,002	0,003	0,01
35	"	3,0	5,0	0,0003	0,0003	0,005	0,02	0,0001	0,001	0,003	0,001
36	"	3,5	4,0	0,00015	0,0004	0,003	0,02	0,0015	0,0015	0,001	0,001
37	"	3,0	4,0	0,0002	0,0003	0,002	0,015	0,003	0,001	0,001	0,001
38	"	2,0	5,0	0,0003	0,0001	0,001	0,01	0,0035	0,001	0,003	0,01
39	"	3,0	4,0	0,00035	0,0001	0,003	0,015	0,003	0,001	0,002	0,001
40	"	3,0	4,0	0,0001	0,0001	0,003	0,02	0,001	0,0015	0,003	0,001
41	"	2,0	5,0	0,0003	0,00015	0,003	0,03	0,003	0,001	0,003	0,001
42	"	3,0	4,0	0,00035	0,0003	0,003	0,01	0,001	0,0015	0,002	0,001
43	"	3,0	5,0	0,0001	0,0003	0,02	0,01	0,001	0,003	0,002	0,001
Колчанный набор											
Курган 46 погребение 2											
44	Наконечники стрел	5,0	0,1	0,004	0,01	0,009	0,3	0,03	0,02	0,05	0,01
45	То же	3,0	0,3	0,003	0,03	0,01	0,2	0,001	0,02	0,04	0,01
46	"	3,0	6,0	0,01	0,02	0,008	0,03	0,02	0,009	0,1	0,003
47	"	4,0	0,008	0,003	0,015	0,008	0,4	0,001	0,02	0,05	0,003
48	"	7,0	0,001	0,0003	0,0001	0,01	0,008	0,003	0,03	0,04	0,003

Продолжение табл.

п/п	Название предмета	Sn	Pb	Bi	Aq	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
49	Наконечники стрел	3,0	0,002	0,001	0,001	0,015	0,07	0,01	0,05	0,001	0,001
50	»	8,0	0,001	0,0003	0,004	0,001	0,09	0,003	0,04	0,03	0,001
51	»	3,0	0,003	0,0002	0,0001	0,002	0,03	0,03	0,02	0,05	0,003
52	»	4,0	4,0	0,0003	0,0003	0,003	0,1	0,003	0,03	0,06	0,001
53	»	3,5	0,003	0,004	0,001	0,003	0,15	0,001	0,001	0,008	0,001
54	»	4,0	0,003	0,0001	0,0001	0,003	0,2	0,03	0,05	0,01	0,001
55	»	7,0	5,0	0,0002	0,002	0,003	0,2	0,001	0,02	0,03	0,003
56	»	3,0	6,0	0,003	0,0001	0,01	0,008	0,001	0,04	0,05	0,003
57	»	6,0	0,02	0,004	0,001	0,01	0,01	0,003	0,008	0,001	0,001
58	»	8,0	0,008	0,003	0,001	0,009	0,06	0,1	0,1	0,4	0,003
59	»	3,0	7,0	0,002	0,0015	0,01	0,3	0,003	0,03	0,03	0,003
60	»	4,0	3,0	0,0004	0,0001	0,003	0,1	0,003	0,04	0,2	0,001
61	»	4,0	5,0	0,002	0,003	0,01	0,00	0,003	0,03	0,03	0,001
62	»	3,5	4,0	0,0001	0,0001	0,003	0,03	0,03	0,01	0,4	0,001
63	»	3,0	4,0	0,0003	0,00015	0,001	0,1	0,05	0,05	0,03	0,001
64	»	3,0	4,0	0,0003	0,001	0,001	0,1	0,01	0,05	0,03	0,001
65	»	3,0	4,0	0,0003	0,0001	0,003	0,15	0,03	0,6	0,1	0,003
66	»	10,0	0,001	0,001	0,001	0,03	0,08	0,01	0,01	0,02	0,001
67	»	12,0	0,03	0,002	0,02	0,01	0,1	0,1	0,01	0,06	0,001
68	»	4,0	5,0	0,001	0,01	0,01	0,09	0,001	0,015	0,03	0,001
69	»	7,0	0,1	0,0001	0,002	0,003	0,3	0,3	0,009	0,1	0,003
70	»	5,0	4,0	0,002	0,01	0,1	0,15	0,1	0,02	0,06	0,3
71	»	4,0	4,0	0,01	0,3	0,1	0,25	0,01	0,03	0,03	0,03
72	»	3,5	1,0	0,002	0,005	0,03	0,3	0,01	0,01	0,025	0,003
73	»	5,0	3,0	0,003	0,0001	0,04	0,3	0,02	0,015	0,01	0,003
74	»	12,0	0,04	0,0025	0,01	0,09	0,25	0,01	0,03	0,015	0,003
75	»	4,0	5,0	0,03	0,004	0,05	0,1	0,04	0,02	0,06	0,003
76	»	8,0	1,0	0,001	0,001	0,08	0,1	0,1	0,003	0,003	0,001
77	»	3,0	4,0	0,002	0,02	0,1	0,1	0,5	0,025	0,03	0,003
78	»	7,0	2,0	0,002	0,03	0,003	0,07	0,6	0,05	0,01	0,03
79	»	5,0	0,03	0,1	0,09	0,04	0,1	0,1	0,04	0,03	0,03
80	»	5,0	0,04	0,1	0,08	0,05	0,02	0,001	0,015	0,04	0,001
81	»	4,0	0,002	0,1	0,09	0,1	0,07	0,05	0,02	0,01	0,003
82	»	7,0	0,03	0,003	0,001	0,01	0,07	0,03	0,03	0,3	0,03
83	»	10,0	0,003	0,007	0,003	0,02	0,1	0,1	0,05	0,001	0,003
84	»	5,0	4,0	0,005	0,004	0,03	0,09	0,5	0,03	0,01	0,01
85	»	2,5	5,0	0,004	0,001	0,002	0,08	0,01	0,04	0,04	0,003
86	»	3,0	4,0	0,001	0,03	0,003	0,1	0,02	0,01	0,04	0,003
87	»	8,0	4,0	0,01	0,1	0,01	0,1	0,01	0,01	0,07	0,07
88	»	7,0	1,0	0,008	0,01	0,01	0,1	0,1	0,01	0,08	0,003
89	»	1,0	6,0	0,02	0,03	0,07	0,003	0,015	0,01	0,1	0,003
90	»	6,0	0,001	0,007	0,1	0,08	0,03	0,02	0,02	0,02	0,003
91	»	1,0	0,008	0,01	0,03	0,1	0,1	0,1	0,01	0,03	0,003
92	»	10,0	0,01	0,01	0,005	0,03	0,09	0,01	0,03	0,01	0,003

*Курганская группа Близницы,
Курган 28, погребение № 4*

93	Псалмий	8,0	2,0	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,03	0,03	0,1	0,001
94	Бляшка	4,0	0,03	0,005	0,001	0,01	0,08	0,1	0,003	0,09	0,01
95	То же	3,0	0,03	0,005	0,001	0,012	0,08	0,1	0,003	0,09	0,01
96	Пряжка	4,0	0,05	0,003	0,001	0,009	0,08	0,1	0,005	0,1	0,01

Курган 28, погребение № 3

97	Колокольчик	10,0	4,0	0,001	0,05	0,1	0,09	0,01	0,01	0,05	0,01
98	То же	10,0	6,0	0,0045	0,1	0,09	0,1	0,01	0,02	0,05	0,01
99	»	12,0	4,0	0,002	0,03	0,07	0,09	0,09	0,01	0,04	0,04
100	»	10,0	4,0	0,001	0,04	0,1	0,1	0,4	0,01	0,06	0,01

Продолжение табл.

№	Название предмета	Sn	Pb	Bi	Aq	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
101	Колокольчик	10,0	4,0	0,001	0,1	0,09	0,1	0,03	0,015	0,04	0,01
102	"	10,0	3,0	0,0009	0,04	0,08	0,09	0,01	0,02	0,05	0,01
103	"	10,0	4,0	0,001	0,01	0,07	0,08	0,1	0,01	0,04	0,01
104	Цепочка	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
105	"	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,02	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
106	"	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
107	"	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
108	"	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
109	"	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
110	"	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
111	"	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
112	"	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
113	"	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
114	"	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
115	"	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
116	"	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
117	"	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
118	"	5,0	0,03	0,0003	0,01	0,03	0,1	0,007	0,04	0,003	0,001
<i>Курган 23, заполнение рва</i>											
119	Псалмий	12,0	3,0	0,0001	0,002	0,015	0,035	0,02	0,01	0,003	0,001
120	Фрагмент псалмия	12,0	3,0	0,0001	0,002	0,015	0,035	0,02	0,01	0,003	0,001
121	Обоймочка	5,0	3,0	0,0003	0,001	0,01	0,03	0,01	0,01	0,003	0,001
122	"	4,0	3,0	0,0002	0,002	0,01	0,03	0,01	0,01	0,003	0,001

* В таблице не указаны концентрации меди, которые во всех изделиях являются основой сплава, а также концентрации цинка, содержащиеся ниже порога чувствительности при данном методе исследования.

практически полного господства оловянно-свинцовых сплавов, и использование олова как самостоятельной лигатуры является анахронизмом, характеризующим производство отдельной мастерской, или результатом переплавки архаических либо импортных изделий. В целом можно предположить, что колчанный набор № 2 был укомплектован наконечниками, отлитыми в различных мастерских.

Псалмий из погребения № 4 кургана 28 группы Близницы изготовлен из оловянно-свинцовой бронзы с концентрациями олова и свинца соответственно 8 и 2 %. Металл по своим химическим характеристикам близок к сырью западных источников. Две бляшки из этого же погребения отлиты из оловянной бронзы с концентрациями олова 4 %, химический состав не поддается отождествлению с какой-либо из известных химических групп.

Из погребения № 3 этого же кургана

проанализированы 7 колокольчиков и 15 звеньев цепочки. Все колокольчики отлиты из металла с одинаковыми химико-металлургическими характеристиками: оловянно-свинцовая бронза с концентрациями олова 10—12 и свинца — 4—6 %. По составу ряда микропримесей металл сходен с сырьем западных источников. Цепочка изготовлена, по-видимому, из одного куска медной проволоки с 5 %-м содержанием олова, по содержанию остальных элементов этот металл сходен с сырьем Северного Кавказа.

Один целый и фрагментированный псалмий из заполнения рва кургана 23 изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы с одинаковыми концентрациями как легирующих, так и микропримесей, которые находят ближайшие аналогии в месторождениях Северного Кавказа. Две обоймочки из рва изготовлены из Северо-Кавказского металла, но с меньшими концентрациями олова.

Подведем некоторые итоги.

1. Для скифских древностей IV в. до н. э. характерны оловянно-свинцовые бронзы. В исследованной коллекции все изделия, кроме некоторых наконечников из колчаниного набора № 2, цепочки из погребения № 3 кургана 28 и бляшек из погребения № 4 этого же кургана, не выходят за рамки этих показателей.

2. Судя по ряду микропримесей, скифские мастера использовали металл из месторождений Балкано-Карпат, Волго-Уралья и Северного Кавказа.

3. На данном этапе нельзя связывать производство исследованных изделий с деятельностью конкретных мастерских. Можно лишь сказать, что в степ-

ной зоне IV в. до н. э. только на Каменском городище зафиксировано наличие бронзолитейного ремесла, которое носило сезонный характер. Здесь работали мастера, приезжавшие из различных районов Скифии, более отдаленных районов ойкумены, а также из греческих городов Северного Причерноморья. Если принять, как рабочую, гипотезу, о том, что Каменское городище было основным торговым центром Скифии в IV в. до н. э., для чего есть все основания, то можно предположить, что большинство бронзовых изделий в скифских погребениях происходит из мастерских этого центра. Тогда понятно разнообразие химико-металлургических характеристик металла.

Приложение 16

А. И. СЕМЕНОВ

КСИЛОТОМИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВЕСНЫХ ОСТАТКОВ ИЗ КУРГАНА ЧЕРТОМЛЫК

Раскопки последних десятилетий выявили в курганах скифского времени степной Украины многочисленные остатки разнообразных деревянных изделий, часто хорошей сохранности: бытовой утвари, посуды, деталей оружия, предметов культа, погребальных конструкций. Эти категории находок богато представлены и в курганах, расположенных в непосредственной близости от Чертомлыка (исследования 80-х годов). Очевидно, в инвентаре такого кургана, как Чертомлык, должны были бы находиться и вещи из дерева, но в коллекциях деревянные остатки занимают очень скромное место.

Численно преобладают фрагменты древков стрел, сохранившиеся во втулках бронзовых наконечников в результате пропитывания окислами бронзы. Футляр зеркала, деревянные ножны и, по-видимому, какие-то погребальные сооружения фиксируются лишь по наличию древесных волокон, пропитанных окислами железа на клинке меча (кат. 188) и гвоздях (кат. 181, 209) и окислами бронзы на диске зеркала (кат. 94).

Впервые анализ древесной породы из Чертомлыка выполнен в 1936 г. профессором Ленинградской лесотехнической академии С. И. Ваниным, который среди восьми определений образцов из других курганов скифского периода диагностировал березовое древко в «могиле 1-го конюха» (южная могила) Чертомлыка [Ванин, 1936, табл.]. В 1981 г. нами сделано несколько анализов древ-

ков стрел из «царской» камеры, погребения «конюха» (Северная могила) и насыпи кургана [Семенов, 1983] для работы А. Ю. Алексеева о наконечниках стрел [Алексеев, 1983], а в 1984 г. определены восемь древков из погребения «виночерпия» (раскопки В. Ю. Мурзина и Р. Ролле). Остальные анализы выполнены специально для настоящей работы.

Определения породы древесины сделаны под микроскопом в проходящем свете по признакам анатомического строения на трех срезах. Для части древков стрел ввиду сильной деградации древесины поперечные срезы получить не удалось, и диагнозы устанавливались сопоставлением строения тангенциальных и радиальных срезов. Характерными особенностями строения обеих использованных для изготовления древков стрел пород деревца являются мелкая точечная пористость на стенках и лестничные перфорации с большим числом перекладин (от 10 до 25) между членниками сосудов, что указывает на березу (*Betula* sp.) а также спиральные утолщения стенок сосудов и высокие многорядные сердцевинные лучи, что указывает на липу (*Tilia* sp.). Таким образом, материал древков уверенено определен до рода.

Остальные определения проводились на мацерированном материале, так как сильное разрушение древесины не давало, как правило, выполнить даже продольные срезы.

Фрагменты древков из камеры («цар-

Порода дерева	Камера № 5 («царская»)	Погребение «конюхов» (южная мо- гила)	Погребение «конюхов» (Северная могила)	Погребение «виночерпия» (раскопки 1984 г.)	Насыпь
	Дн 1863 1/437 (кат. 193)	Дн 1863 1/8 (кат. 61)	Дн 1863 1/19 (кат. 67)	(кат. 218)	
Береза (<i>Betula sp.</i>)	9	1	1	—	26
Липа (<i>Tilia sp.</i>)	1	—	3	8	22
Всего	10	1	4	8	48
					71

ской»), из погребений «конюхов» и «виночерпания», а также часть фрагментов из насыпи кургана сохранились во втулках бронзовых наконечников стрел. Другая часть обломков древков из насыпи кургана лишена наконечников, но по внешнему виду они подобны фрагментам, уцелевшим в их втулках [Алексеев, 1983, с. 74, табл. 1, 23]. Эти обломки представляют собой уточненные части древков из втулок (диаметр 1,5—2,5 мм, на тонких концах довольно часто прослеживается три-четыре приостряющих ножевых среза) с прилегающими участками «собственно древков» (диаметр — 4—5 мм, длина от нескольких миллиметров до 5 см). Таким образом, каждому анализу соответствует древко новой стрелы.

Суммарно все проведенные по древкам стрел Чертомлыка анализы представлены в таблице.

Породный состав древесины, использованной для изготовления древков стрел, сохранившихся в Чертомлыкском кургане, оказался отличным от набора пород, предполагавшегося на протяжении довольно значительного времени устойчивым для скифского периода [Мелюкова, 1964, с. 15; Археология УРСР, 1971, т. 2, с. 134]. Правда, выводы о предпочтении каким-либо породам, как правило, не сопровождаются в изданиях точными количественными соотношениями [Семенов, 1983, с. 78]. Поэтому сравнительно недавнее признание того, что «порода дерева, из которого изготовлены древки стрел, практически еще не определялась» [Черненко, 1981, с. 26], все еще справедливо ввиду

малочисленности опубликованных диагнозов. Однако в последние годы автором выполнено несколько сот определений древков стрел преимущественно из раскопок последних лет скифских курганов степной Украины (Кировоградская, Николаевская, Херсонская, Крымская и Запорожская области) для совместной с Н. А. Гаврилюк работы по деревообработке у скифов. Эти анализы и могут главным образом представлять контекст для интерпретации соответствующих диагнозов материала из кургана Чертомлык.

Особенно необычным в свете известных данных оказывается не отмечавшееся до анализа чертомлыкских древков употребление для этой цели липы, древесина которой обладает сравнительно невысокими физико-механическими свойствами, хотя уже первая контрольная серия выявила использование липовых древков и в кургане Солоха [Семенов, 1983, с. 79; ср. Манцевич, 1987, с. 134].

Суммарный диагноз материалов скифского времени дает для территории Украины следующее соотношение древесных пород, из которых сделаны древки (всего 503 позитивных анализа): береза (*Betula sp.*) — 314, липа (*Tilia sp.*) — 118, клен (*Acer sp.*) — 16, ясень (*Fraxinus sp.*) — 9, тополь (*Populus sp.*) — 7, семейство Розоцветных (*Rosaceae*) — 6, лещина (*Corylus sp.*) — 1, ива (*Salix sp.*) — 1, калина (*Viburnum sp.*) — 1.

Между двумя наиболее употребимыми в этой функции породами наблюдается определенная зависимость. Приблизи-

тельно такая же пропорция соблюдается в скифское время и в менее представительной выборке из курганных захоронений Левобережья Нижнего Дона: береза — 23, липа — 6, тополь — 1 [Колосова и др., 1987, с. 45, 46]. Таким образом, по материалам нескольких сотен определений можно перераспределить места отдельных древесных пород по их удельному весу в общей массе древков стрел скифского времени: не упоминавшаяся в этом качестве липа значительно потеснила стоявшие прежде рядом с березой ясень и тополь, как теперь выясняется, сравнительно немногочисленные [ср.: Мелюкова, 1964, с. 15; Смирнов, 1961, с. 32; Черненко, 1984, с. 41]. По породному составу древков стрел «царский» курган Чертомлык не отличается от расположенных в непосредственной близости памятников, которые дают близкое ему соотношение древесины. Анализ древков из курганов Чертомлыка, проведенный в 1983—1985 гг. (раскопки Чертомлыкской экспедиции Института археологии АН УССР и Немецкого научно-исследовательского общества), установил такое распределение: береза — 59, липа — 24, клен — 6, тополь — 2, семейство Розоцветных — 1.

Заметное преобладание древков из березы оказывается устойчивым для большинства колчанов скифского времени, причем даже на территориях, не захватываемых в настоящее время ареалом ее распространения [Колосова и др., 1987, с. 46]. Предпочтение березе, характерное для скифского времени, отмечалось и на других категориях деревянных предметов. Специалистами в области исторического древесиноведения, констатировавшими преобладание березовых изделий для бедного этой породой региона, для этноботанической характеристики культуры населения скифского периода предложен термин «березовая цивилизация» [Яценко-Хмелевский, Кобак, 1978, с. 43]. Подобные наблюдения предостерегают от прямых реконструкций породного состава лесов по материалам использованных древков

стрел [ср.: Чигуряева, 1960, с. 284] — слишком очевиден сознательный выбор древесных пород, чтобы допускать возможность адекватного отражения в нем состава синхронной древесной растительности.

Следует оговорить, что выбор конкретных пород для изделий определенных категорий мог определяться не только физическими свойствами соответствующих древесин. По-видимому, нужно учитывать и традиции духовной культуры. Сейчас можно ограничиться лишь упоминанием о том, что близкий характерному для скифского времени набор пород с преобладанием березы и липой на втором месте прослеживается уже в колчане из комплекса киммерийского периода (Ольшаны, раскопки Г. Т. Ковпаненко).

Незначительные размеры сохранившихся обломков древков не позволяют решить вопрос: представляют ли они остатки целых древков или только переходников для тростника. Устойчивый характер используемых пород свидетельствует в пользу существования древков цельнодеревянных — для переходников могла использоваться древесина значительно большего числа пород. Дополнительный довод — результаты исследования поперечных срезов древков. Во всех случаях, когда сохранность материала позволяла получить поперечный срез (около 30 % древков Чертомлыка), в качестве исходного сырья зафиксирована взрослая (стволовая или толстых веток) древесина. Границы годичных слоев предстают под микроскопом не в виде концентрических окружностей, а параллельными прямыми. Ни разу не отмечено использование тонких веток деревьев для древков. Крайне незначительно число таких древков и в общем объеме диагностированных — всего несколько штук, изготовленных исключительно из древесины семейства Розоцветных (к сожалению, молодые побеги не могли быть определены до рода). В связи с этим можно предположить, что сведения о древках стрел из «березовых веток» в

одном из курганов близ Большой Белозерки (результат микроскопического исследования Вейсенбергера) могут быть следствием неточной формулировки.

Следы древесины зафиксированы на нескольких предметах Эрмитажной коллекции из Чертомлыка. Судя по направлению волокон на клинке меча (кат. 188), — это остатки пожен, изготовленных из липы. С меньшей уверенностью определима принадлежность зеркалу древесных волокон, уцелевших на его диске (ДН 1863 1/169). Предположительно, они могли быть остатками футляра. По неполному набору признаков (спиральные утолщения на стенках сосудов) древесина определена как липа (?).

Отдельные волокна сохранились на обломках железных пластин, гвоздей или скоб. Один фрагмент железной пластины с обломком пробившего ее гвоздя (как. 209, Дн 1863 1/460) содержит отпечаток доски шириной не менее 8 и толщиной, установленной по волокнам на гвозде, 1,4 см. Доска — сосновая (*Pinus silvestris*), что определено по оконцевым порам на поле перекреста сердцевинных лучей с трахеидами.

Под тем же номером (1/460) хранится обломок гвоздя с отпечатком волокон, по которому устанавливается ширина доски — 1,7 см. Доска — березовая.

Обломок гвоздя (кат. 181, Дн 1861 1/459) сохранил следы двух досок, которые он скреплял: их толщина 2,8 и 1,0 см. Из-за невозможности получить удовлетворительные срезы установлено, что верхняя доска — лиственной породы (по членикам сосудов), а нижняя —

хвойной (по крупным окаймленным порам на стенах трахеид).

Размеры гвоздей и пластин позволяют предположить, что они принадлежали, скорее всего, остаткам погребальных конструкций, чему не противоречит и использование древесины хвойных пород. На курганном поле Чертомлыка в материалах раскопок 1985 г. сосна встречена в закладе погребения (с. Чкалово, Чертомлык III, курган 35, погребение 1) и на гробовище (там же, курган 29, погребение 2).

Алексеев А. Ю. О наконечниках стрел из Чертомлынского кургана // АСГЭ.— 1983.— Вып. — с. 73—77.

Ванин С. И. Результаты анализа // Арх. ОИПК.— Вход. № СДО — 89.

Колосова М. И., Козюменко Е. В., Семенов А. И. Этноботанические наблюдения на материалах экспедиции Азовского музея // Итоги исследования Азово-Донецкой экспедиции в 1986 г.: Тез. докл. к областному семинару.— Азов, 1987.— С. 45—46.

Манцевич А. П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции.— Л., 1987.— 141 с.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— М., 1964.— 91 с.— (САИ; Вып. Д1-4).

Семенов А. И. Микроскопическое исследование древков стрел из кургана Чертомлык. Некоторые параллели и комментарии // АСГЭ.— 1984.— Вып. 24.— С. 78—80.

Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов.— М., 1961.— 161 с.

Черненко Е. В. Скифские лучники.— Киев, 1981.— 166 с.

Черненко Е. В. Скифо-персидская война.— Киев, 1984.— 116 с.

Чигуряева А. А. Растительность Заволжья эпохи бронзы // Древности Нижнего Поволжья // МИА.— 1968.— № 78.— С. 282—284.

Яценко-Хмелевский А. А., Кобак К. И. Анатомическое строение древесины основных лесообразующих пород СССР.— Л., 1978.

Приложение 17

Г. А. ПАШКЕВИЧ

О РЕЗУЛЬТАТАХ ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ИЗ КУРГАНА ЧЕРТОМЛЫК

I. Определение отпечатков злаков на керамике

1. На днище сосуда из западного останца кургана снаружи выявлены отпечатки трех зерновок пленчатого многорядного ячменя бутылковидного (*Hordeum vulgare var. lagunculiforme*).

2. На фрагменте стенки сосуда снаружи зафиксирован отпечаток зерновки проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*).

3. На фрагменте № 86 (днище сосуда снаружи) из юго-западного останца кургана зафиксированы два отпечатка проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*).

II. О спорово-пыльцевом анализе образцов

Несколько образцов, отобранных в поле для проведения спорово-пыльцевого анализа, были обработаны и затем проанализированы в секторе естественнонаучных методов исследования археологических материалов Института археологии АН УССР. Как показал просмотр осадка под микроскопом, содержание пыльцы и спор в образцах очень незначительное. Поэтому от анализа образцов пришлось отказаться. Только в двух образцах произведен

подсчет пыльцы и спор. Результаты анализа их приводятся ниже.

Образец № 31 а, погребенный чернозем.

Северный останец восточной бровки:
Alnus — 3, *Iridaceae* — 1, *Cyperaceae* — 3, *Poaceae* — 3, *Chenopodiaceae* — 4, *Plantago* sp. — 2, *Bryales* — 2.

Пыльцевые зерна очень плохой сохранности, многие утратили форму, лишены оболочки или она разорвана.

Образец № 52, контактная зона 2-й насыпи и 2-й илистой крепиды. Юго-восточный останец, северная бровка.

Пыльца деревьев и кустарников:
Pinus — 4, *Alnus* — 14, *Betula* — 1, *Carpinus* — 2, *Ulmus laevis* — 11.

Пыльца трав и кустарников:
Poaceae — 18, *Cyperaceae* — 12, *Iridaceae* — 1, *Chenopodiaceae* — 6, *Urtica* — 3, *Plantago* — 10, *Asteraceae* — 3, *Fabaceae* — 3, *Lamiaceae* — 4, *Rumex* — 5.

Споры:

Hepaticae — 6, *Bryales* — 7, *Polypodiaceae* — 2.

Пыльца и споры очень плохой сохранности, трудно определимы, многие из них имеют вид бесформенных комочеков.

Осадок также содержит мелкие обугленные растительные остатки, которые не имеют необходимых для определения признаков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращаясь к истории исследования курганных памятников высшей скифской аристократии, без труда заметим, что интенсивность раскопок этих степных колоссов неодинакова в различные периоды развития скифоведения. За эпохой блестящих открытий на протяжении XIX — начала XX в., связанных с исследованиями Куль-Обы, Чертомлыка, Краснокутского кургана, кургана Козел, Солохи и целого ряда других не менее впечатляющих памятников, наступил довольно длительный перерыв. Если не считать раскопок Мелитопольского кургана А. И. Тереножкиным в 1954 г., вызванных настоятельной необходимостью — разрушением этого археологического объекта, то перерыв длился до конца 60-х — начала 70-х годов.

Такое длительное «затишье», конечно, не случайно. Его приход обусловлен прежде всего тем, что требовавшие значительных средств и огромных затрат ручного труда раскопки больших скифских курганов не могли обеспечить полное и качественное исследование уникальных памятников, используя для этого традиционные приемы работы.

Коренным образом ситуация изменилась относительно недавно. К началу 70-х годов археологи накопили достаточноенный опыт раскопок скифских похоронных памятников с привлечением различных технических средств (мощной землеройной техники, подъемных механизмов, специальных креплений, без которых не обойтись при раскопках

глубоких скифских катакомб, и т. д.), проверенных и отработанных в ходе развернувшихся в послевоенные годы массовых раскопок курганных могильников рядовых скифов.

Применение современной техники позволило по-новому подойти к раскопкам больших скифских курганов, в частности проводить их исследования «на снос» с изучением всей подкурганной поверхности, избегая тем самым невольного, но существенного недостатка в работе археологов прошлого. Перспективность такого подхода, впервые примененного В. П. Шиловым при раскопках 9-метрового кургана из группы «Пять братьев» неподалеку от Ростова-на-Дону, затем полностью подтвердились исследованиями Гаймановой и Толстой Могил, Бердянского кургана, Двугорбой Могилы, кургана у с. Желтокаменка и др.

Вместе с тем при всей организационной сложности и трудоемкости исследования «царских» курганов, чего не удается избежать даже при наличии самой мощной техники, появление ее на раскопках все же превратило исследование большего из скифских курганов из сложнейшей задачи в достаточно обыденную операцию. Не случайно в последние годы наблюдается своеобразный «бум» в раскопках крупных скифских курганов, причем только на юге Украины раскопаны десятки курганов скифской знати. Естественно, исследование этих памятников дало археологам обильный материал и обогатило мировую культуру рядом перво-

классных произведений древнего ювелирного искусства. Однако такая активность в деле раскопок больших скифских курганов имеет и свои отрицательные стороны. Главная из них заключается в том, что такого размаха работы могут почти полностью вычеркнуть большие скифские курганы из списка реально существующих исторических памятников. Отстает от темпов раскопок и ввод получаемых материалов в научный оборот.

Для того чтобы избежать этих негативных моментов, видимо, пришло время произвести тщательный учет и картографирование скифских курганов, достигающих в высоту 6 м и более. Раскопки таких памятников, за исключением тех, которым угрожает раз-

рушение, уже сейчас должны быть разумно ограничены. Одновременно имеет смысл расширить работы по доисследованию «царских» курганов, которые раскопаны ранее, и обработку их материалов на современном научном уровне. Поле для такой деятельности достаточно широкое — заметим, что еще не до конца исследован даже частично раскопанный в 1912—1913 гг. Н. И. Веселовским курган Солоха — один из величайших памятников Скифии. Осуществление этой задачи, несомненно, потребует координации усилий различных научных учреждений, плодотворность которой, с нашей точки зрения, успешно подтвердила работа по доисследованию Чертомлыка и публикации его материалов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа	НАА	— Народы Азии и Африки
ВДИ	— Вестник древней истории	НА ИА	— Научный архив Института
Временник	— Временник Императорского	АН УССР	археологии АН УССР
ОИДР	— Московского Общества истории и древностей Российских	НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ГИМ ОПИ	— Государственный исторический музей. Отдел письменных источников	ОАК	— Отчет Археологической комиссии
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей	ОИПК	— Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ЗРАО	— Записки Российского археологического общества	СА	— Советская археология
ИАК	— Известия Археологической комиссии	САИ	— Свод археологических источников
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры	СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	СЭ	— Советская этнография
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР	Тр. ...АС	— Труды ... археологического съезда
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры	Тр. ОИПК	— Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
МАР	— Материалы по археологии России	BSA	— <i>The Annual of British School at Athens</i>
		JHS	— <i>Journal of Hellenic Studies</i>
		ESA	— <i>Eurasia Septentrionalis Antiqua</i>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДСЛОВИЯ
и вступление в спор о
истории. Главная и
одна из тех, что тянут за
столбчики не
всего в мире
и в существующих
стороновместе с
под руководством
и в земле
также как и в земле

Предисловие президента Академии наук УССР акад. Б. Е. Патона	5
Предисловие президента Немецкого научно-исследовательского общества в Бонне проф. Г. Маркля	6
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I. ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРТОМЛЫКСКОГО КУРГАНА	10
1. Исследователь Чертомлыка И. Е. Забелин	10
2. Раскопки кургана И. Е. Забелиным в 1862—1863 гг. Судьба коллекции	12
3. Доисследование кургана (1979—1986 гг.)	14
4. История изучения материалов Чертомлыкского кургана	18
ГЛАВА II. СТРАТИГРАФИЯ КУРГАНА, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД	26
1. Стратиграфия курганий насыпи	27
2. Поминальные тризы и жертвоприношения	48
3. Центральная гробница	54
4. Сопровождающие захоронения за пределами центральной гробницы	64
5. Общая характеристика погребений в центральной гробнице и сопровождающих захоронений за ее пределами	71
6. Северная могила Чертомлыка	75
ГЛАВА III. АНАЛИЗ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕЩЕВОГО КОМПЛЕКСА	80
1. Вещи из насыпи кургана и комплекса центральной гробницы	80
2. Вещи из Северной могилы Чертомлыка	128
3. Датировка кургана	130
ГЛАВА IV. МЕСТО ЧЕРТОМЛЫКСКОГО КУРГАНА СРЕДИ СКИФСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ IV в. до н. э.	132
КАТАЛОГ	145
Указатель к каталогу	259
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	261
ПРИЛОЖЕНИЯ	269
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Литовченко Л. А. И. Е. Забелин — историк и археолог	271
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Кламм М., Фиброк Г., Мейер Б. Почвоведческие исследования скифского кургана Чертомлык	286
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Кламм М. Исследование опаловых фитолитов, найденных в кургане Чертомлык	307

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Иевлев М. И. Палеогеографическая обстановка в районе Нижнего Поднепровья в IV в. до н. э.	311
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Гидрологический разрез кургана Чертомлык	319
ПРИЛОЖЕНИЕ 6. Херц В. Курган Чертомлык и некоторые закономерности в планировке скифских гробниц	320
ПРИЛОЖЕНИЕ 7. Отрощенко В. В. Курган эпохи бронзы в Чертомлыке	324
ПРИЛОЖЕНИЕ 8. Шульц М. Остеологическое исследование скелетов, найденных в кургане Чертомлык	329
ПРИЛОЖЕНИЕ 9. Круц С. И. Антропологические материалы из курагана Чертомлык	342
ПРИЛОЖЕНИЕ 10. Журавлев О. П. Костные остатки млекопитающих из курганный группы Чертомлыка	347
ПРИЛОЖЕНИЕ 11. Полин С. В. Амфоры кургана Чертомлык	365
ПРИЛОЖЕНИЕ 12. Балонов Ф. Р. Чертомлыкская серебряная амфора как модель мифоэтического пространства-времени	375
ПРИЛОЖЕНИЕ 13. Минасян Р. С. Техника изготовления золотых и серебряных вещей из Чертомлыкского кургана	378
ПРИЛОЖЕНИЕ 14. Шрамко Б. А., Солинцев Л. А. Металлографические исследования железных изделий из скифского кургана Чертомлык	390
ПРИЛОЖЕНИЕ 15. Ольговский С. Я. Цветной металл Чертомлыкских курганов	398
ПРИЛОЖЕНИЕ 16. Семенов А. И. Ксилотомическое исследование древесных остатков из кургана Чертомлык	404
ПРИЛОЖЕНИЕ 17. Пашкевич Г. А. О результатах палеоэтноботанического исследования материалов из кургана Чертомлык	408
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	409
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	411

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

946

в итоге изд.

**АЛЕКСЕЕВ Андрей Юрьевич
МУРЗИН Вячеслав Юрьевич
РОЛЛЕ Рената**

056

120

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

052

A47

Алексеев А. Ю. и др.

Чертомлык / А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурзин, Р. Ролле; Отв. ред. П. П. Толочко; АН УССР. Ин-т археологии.— Киев : Наук. думка, 1991.— 416 с.— Прил.: с. 269—408

ISBN 5-12-002124-7 (в пер.): 9 р. 60 к., 1250 экз.

Предлагаемая монография — первая полная публикация материалов (как дореволюционных, так и современных) царского кургана. В ней подробно рассматривается архитектура курганной насыпи, планировка погребальных сооружений, описывается погребальный инвентарь. Большое внимание уделяется интерпретации Чертомлыка как исторического источника, исследованию его материалов на широком фоне скифской истории IV в. до н. э. Составлен подробный каталог всех находок, обнаженных при раскопках кургана.

Книга иллюстрирована, а также снабжена приложением, куда вошли статьи специалистов — палеопочвоведов, палеоботаников, антропологов, палеомедиков, палеозоологов и др., что позволяет составить полное представление о памятнике.

Для историков, археологов, этнографов, краеведов, всех, кто интересуется древней историей нашей Родины.

0504000000-308
A M221(04)-91 64-91

ББК 63.4(2)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКОВА ДУМКА»
В 1991 Г.
ВЫПУСТИТ В СВЕТ
КНИГУ:

НЕЧИТАЙЛО А. Л.

СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ
СТЕПНОЙ УКРАИНЫ
И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В ЭПОХУ БРОНЗЫ.

12 л.— 2 р. 50 к.

Монография является первым обобщающим исследованием по проблемам взаимосвязей населения степной Украины и Кавказа в эпоху ранней и средней бронзы. Раскрывается содержание, степень устойчивости связей, характер представленности в этих связях каждой из областей на разных этапах исторического развития. Устанавливаются формы и виды связей, анализируются пути контактов и изменение их роли на этапах эпохи бронзы, выявляется роль металла в развитии межплеменных связей, взаимозависимость характера потребностей степных племен в металле и определенных особенностей организации экономики.

Для историков, археологов, музеиных работников, преподавателей и студентов вузов, краеведов, всех, кто интересуется историей нашей страны.

Предварительные заказы на эту книгу принимает магазин издательства «Наукова думка» (252001 Киев 1, ул. Кирова, 4), который высыпает литературу иногородним заказчикам наложенным платежом.

А.Ю.Алексеев, В.Ю.Мурзин, Р.Ролле

ЧЕРТОМЛЫК

Скифский царский курган
IV века до н.э.

Издательство
„Наукова думка“
Киев
1991